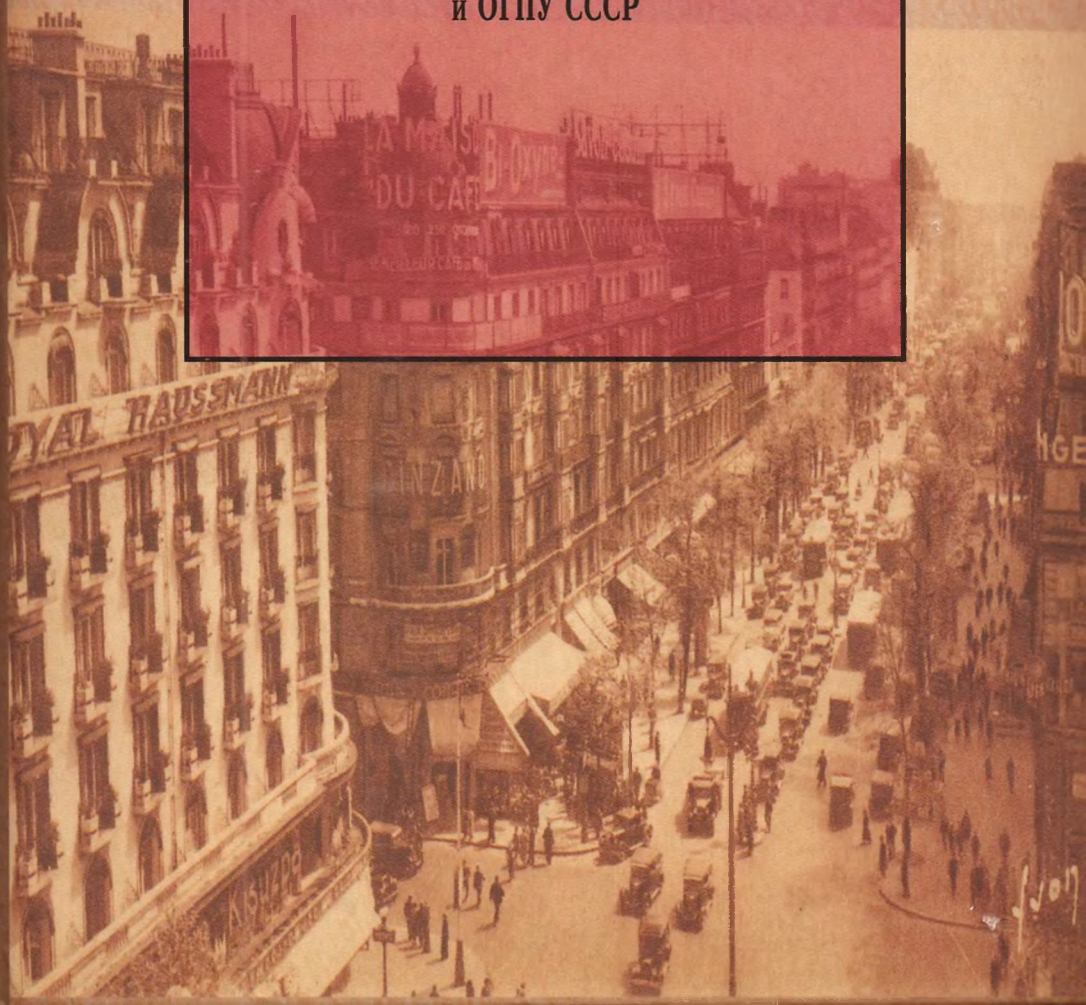

Михаил Соколов

СОБЛАЗН АКТИВИЗМА

Русская республиканско-демократическая
эмиграция 20–30-х гг. XX века
и ОГПУ СССР

Михаил Соколов

СОБЛАЗН АКТИВИЗМА

*Русская республиканско-демократическая эмиграция
20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР*

Москва
2011

УДК 94(48).082
ББК 63.3(2)6-4
С59

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-01-16144д

Соколов М.В.

С59 Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 550 с.: 43 цв. фото.

ISBN 978-5-91172-039-1

Монография посвящена истории русской республиканско-демократической эмиграции в 20–30 гг. XX в. В работе изучена история таких организаций, как «Крестьянская Россия» – Трудовая крестьянская партия, Республиканско-демократический союз, «Борьба за Россию» и др.

Рассматриваются попытки их лидеров С.С. Маслова, П.Н. Милюкова, С.П. Мельгунова наладить связи с единомышленниками в СССР и доставку в Советский Союз антикоммунистической литературы. Исследовано проникновение в организации русской эмиграции агентуры ОГПУ СССР. Работа опирается на ранее не публиковавшиеся документы, хранящиеся в ГАРФ, ЦА ФСБ РФ, Архиве Службы безопасности Украины, в архивах США, Чехии и Великобритании.

УДК 94(48).082
ББК 63.3(2)6-4

ISBN 978-5-91172-039-1

© М.В. Соколов, 2011
© Издательский центр «Азбуковник», 2011

Вступление

«Переход мой состоялся в понедельник 19 ноября в районе Корца. Ночь была не совсем благоприятной. Молодой месяц долго не заходил. Пришлось около двух часов пролежать в районе расположения польских постов. <...> Где ползком, почти все время, сгибаясь и ложась, мы добрались до вспаханного чернозема. Тут стало легче. Наши фигуры сливались с черной массой земли. <...> Мы быстро шли вперед, пересекая тропинки большевицких часовых. — “Теперь только на патруль бы не нарваться”.

Прошли и дорогу, и сели отдохнуть в кустах. “Страшное” было позади. Мы находились в безопасности. От границы мы прошли шесть верст. Выпили коньяку, закурили. Оглянулся. Сзади блистали окна Корецкого сахарного завода — маяка контрабандистов. <...>

Под утро мы подошли к дому брата проводника. Окна были ярко освещены. Проводник хотел туда зайти. Какое-то чувство подсказывало, что не стоит заходить. Выпили коньяку, закусили сухой колбасой и пошли дальше. Нас настигал день, но мы уже были в двадцати пяти верстах от границы. На хуторе еще спали. Стало совсем светло, а до леса нужно было пройти еще верст пять. Измученные, в грязных сапогах с подозрительными мешками за спинами, мы кое-как добрались до леса. Там мы попали в болото. Выбравшись из болота, напоролась на хутор. Было уже около девяти часов утра. Мимо хутора ездил подводы на кирпичный завод. Мы спрятались под забором. Устали настолько, что задремали. Проснулись через какие-нибудь полчаса. Промерзли настолько, что зуб на зуб не попадал. Быстро встали и пошли по вырубленному лесу. Проходили мимо какой-то клуни. В это время навстречу нам — какой-то конный на вороной лошади. Мы бросились к клуне, и, к нашей радости, нашли там сеновал. Забравшись на верхушку, мы завалились спать. Пропали до темноты. Никто нас не потревожил.

С наступлением темноты снова вышли и пошли частью по дорогам, частью — без дорог. Шли всю ночь. Идти было до чрезвычайности трудно. Земля расползлась. По дорогам было идти не легче, чем по вспахан-

ному чернозему. Коньяк вышел, вышла колбаса. Проводник не захватил с собой еды, делились. Пересекли железную дорогу. Вначале ночь была довольно светлой. По сторонам попадались освещенные хутора. <...>

Шли к Марьяновке, шли очень медленно, хотя и лучше, чем до Случа, и добрались к Марьяновке, когда было уже светло. От границы мы были верстах в шестидесяти. В Марьяновке жила двоюродная сестра проводника. Сам проводник был уроженец этих мест, но сплутал, и нам пришлось долго бродить среди массы марьяновских хуторов, пока не нашли дома, где можно было провести несколько часов днем, чтобы ночью двинуться дальше.

Этим заканчивается первый период нашего путешествия.

Я нарочно подробно остановился на всех мелочах. Мне хочется подчеркнуть, что самый переход границы — нетруден. По степени напряженности он равняется напряженности короткого боя-перестрелки, вернее, ожидания возможной перестрелки, и только. Но вовсе я не хочу сказать, что переход легок. Нужно преодолеть целый ряд трудностей чисто физических, чтобы избежать ненужных пограничных встреч. Сила защиты большевицкой границы не в постах, которые возможно не всегда и выставляются. Я не знаю, стояли ли вообще посты, когда мы пробирались в эту темную ночь, но то, что они не стояли в светлую ночь при обратном переходе в Молодеченском районе, так в этом я убедился. Конечно, сила охраны не в этих постах. Центр тяжести в приграничном наблюдении всевозможных сексотов пограничной 22-верстной и более широкой полосы. Поэтому во имя успеха операции надо во что бы то ни стало проникнуть как можно глубже внутрь страны, где легче раствориться в массе людей, где, глядя на вас, не может закрасться мысль, что вы только что перешли границу <...>.

Проводник Иван Трофимович произвел на меня впечатление вполне верного человека. Человека искренно ненавидящего большевиков. Это эмигрант из простолюдинов, и из того разряда простолюдинов, которые по своим природным качествам легко выходят “в люди”. Именно “выйти в люди” не дали ему большевики. Они разорили его крупное хозяйство, вынудили покинуть свой дом и, после двухгодичного сидения в ГПУ и в Киеве на Лукьяновке, бежать в Польшу. Перейдя рубеж, он честно и без всяких колебаний стал служить тем, кто создал ему возможность жить свободно на правах гражданина страны, обеспеченного маленькой собственностью. <...> При помощи связей ему удалось создать плотную группу контрабандистов, связанных через него с экспозитурой. <...>

От его сестры мы узнали, что группа провалилась. <...> По одиночке арестовали всю группу в т. ч. и брата Ивана Трофимовича живущего на

советской территории и переводившего № 5. Попал ли в этот переплет № 5, сказать трудно. Брата Иван Трофимовича с ним видели в 25 верстах от границы. Более подробных сведений получить не удалось. Выяснилось, что брата арестовали в середине октября, когда арестовали и других членов группы. Двум-трем членам организации удалось избежать ареста. Их разыскивали в М <...>. Судьба их тоже неизвестна. <...>

Днем приехал Доминик, который и отвез меня в Житомир на следующее утро. С Иваном Трофимовичем мы условились, что он уйдет в Романовский район и прождет меня там до 4-го декабря. Раньше Иван Трофимович не рисковал переходить границу из-за лунных ночей. В Романовском районе он мог держаться, по его словам, сколько угодно. 5 декабря он должен был прийти на хутор Доминика и послать его мне на встречу к мельнице на шоссе Новоград – Волинский – Житомир.

Число было фиксировано точно. В случае моего неприхода Иван Трофимович должен был возвращаться домой. Я снабдил его деньгами (советскими), которых у него не было. Он упорно отказывался и взял только 10 рублей. На подводе я благополучно добрался до Врангелевки у Житомира. Оттуда пешком в город, где слился с обывательской массой»¹.

Автор этого доклада — Александр Александрович Потехин. Бывший офицер Белой армии, потом студент Русского юридического факультета в Праге. Один из тех немногих, кто в конце 20-х годов шел в советскую Россию за правдой, чтобы узнать, что же на самом деле происходит за железным занавесом.

По «зеленой дорожке» русские эмигранты пробирались в Россию, ради борьбы с большевиками отправлялись в рискованные, с точки зрения сегодняшнего дня, журналистские экспедиции в закрытое тоталитарное общество, чтобы принести откуда правдивые новости, которые на Западе были буквально на вес золота.

Вот что писал Потехин: «Общее положение характеризуется тем, что в связи с зерновым и промышленным кризисом в низах нарастает острое недовольство, грозящее вылиться во взрыв, который должен покончить с современной системой управления. Надежды на мирную эволюцию рухнули. Упрямая политика Сталина ведет страну к пропасти. Кризис всей системы неизбежен. Такова уверенность живущих в России людей, уверенность, которая крепнет с каждым днем, приносящим новые лишения и страдания. <...> Спутник этого кризиса — небывалая безработица и целая армия голодных людей, которая сейчас насчитывает около 8 миллионов и которая по данным <...> к 30-му году должна достигнуть 16 миллионов. Как я уже говорил, все это происходит на фоне разгрома крестьянского хозяйства. <...> Единственный исход из создавшегося тупи-

ка — это насильственное свержение власти. Вот в общих чертах положение, создавшееся в России, в изображении наших друзей, с которыми я имел возможность вести подробные беседы. То, что я видел сам, подтверждало их выводы. Сейчас еще господствует депрессия, но есть и мелочи, которые красноречивы. Одной из этих показательных мелочей я считаю то, что обыватель становится сообщником революционера. В этом мне удалось убедиться по тому отношению, которое встретил со стороны вчера еще незнакомых людей, которые сегодня, несмотря ни на какой риск прятали, укрывали меня в своих домах, боясь не за себя, а за меня»².

Так появлялись репортажи о том, что происходит в русском городе и деревне, что на самом деле думает о якобы народной власти крестьянин и интеллигент, рабочий и служащий. А.А. Потехин писал в «Борьбу за Россию», но мог писать и в «Дни» или в «Последние новости»...

Предисловие

Конспиративная деятельность вне России русских республиканцев-демократов П.Н. Милюкова, С.С. Маслова, С.П. Мельгунова и их единомышленников, заключавшаяся в борьбе с большевизмом путем организации пересылки антикоммунистической прессы в Советскую Россию, нелегальной отправки в СССР эмиссаров Республиканско-демократического союза (РДС) и других эмигрантских организаций, доселе оставалась «белым пятном» в истории России XX века.

Для меня найденные в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) протоколы с обсуждениями программы Республиканско-демократического союза стали прологом к настоящему детективу. Именно в этих документах было сказано о посылке из заграницы эмиссаров в советскую Россию. И это не были боевики-кутеповцы. Затем нашлись и доклады эмиссаров РДС. Один из них процитирован выше.

Хотелось понять, была ли у русской эмиграции реальная возможность создать свои подпольные организации в советской России? Были ли они разгромлены ОГПУ или их членов перевербовали чекисты? В Праге я встретился с Татьяной Сергеевной Масловой. Она уже была тяжело больна, но все же дала скопировать уцелевшие после обыска «Смерш» записки отца Сергея Семеновича Маслова — лидера партии «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия (далее — КР-ТКП). Главное, Т.С. Маслова показала мне письмо из Сибири от члена партии «Крестьянская Россия» Георгия Малахова.

Как оказалось, живы были люди, которые или были участниками событий 20–30-х годов XX века, или же помнили действующих лиц. В сибирском Канске в 2003 г. я встретился с последним членом КР-ТКП Георгием Малаховым — ему тогда было 98 лет. Оказалось, в 1930 г. он должен был как эмиссар «Крестьянской России» нелегально проникнуть из Эстонии в СССР, но переброска сорвалась.

После восьми лет работы в архивах России, Чехии, США и Великобритании удалось частично заполнить «белое пятно» благодаря документам из фондов П.Н. Милюкова и Б.А. Евреинова, «Крестьянской Рос-

сии» – Трудовой Крестьянской партии, члена ЦК КР-ТКП А.А. Аргунова (хранятся в ГАРФ). Были использованы и материалы фонда С.П. Мельгунова, хранящиеся в Лондонской школе экономики (Archives division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection). Там тоже были найдены следы подпольной деятельности русских эмигрантов, отрывки переписки о переброске людей в Советский Союз.

Вопросов без ответов становилось все больше. Но в 2007 г. мне удалось получить важные материалы из Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ). Например, дело члена пражской Республиканско-демократической группы Партии народной свободы (РДГ ПНС) и одновременно секретного сотрудника ОГПУ СССР Н.С. Ирманова (Лозинского). Многие вопросы сняло и другое дело — агента ОГПУ, внедренного в РДС, — Н.А. Боярова-Мосевича. Отчеты советских шпионов перед своими хозяевами дополнили документы из архивно-следственных дел секретаря ЦК КР-ТКП Б.В. Седакова, членов КР-ТКП Н.В. Быстрова, Н.А. Овсянникова и др.

В финале в работу вошли материалы из коллекции Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), оставленные там секретарем ЦК КР-ТКП Василием Бутенко. Мною были изучены и нелегально доставленные из СССР материалы, опубликованные в газете «Последние новости», журнале «Вестник Крестьянской России», еженедельнике «Борьба за Россию». Из материалов прессы, устной истории и архивных документов постепенно сложилась эта книга.

Если говорить о предшественниках, то мне кажется, что главным направлением изучения деятельности русской эмиграции в 1990-х годах оказалось освоение того, что было на поверхности: введение в научный оборот культурного наследия, прежде всего литературного, публикация текстов, уже опубликованных за рубежом.

Имеющаяся литература собственно по истории, например, партии «Крестьянская Россия» и ее союзников — республиканцев и демократов невелика. В отличие от известных направлений — эсеров или либеральных группировок, наследовавших партии кадетов, чья деятельность хотя бы частично изучена, — идеология и работа такой весьма активной в 20–30-е гг. политической организации, как КР-ТКП, оказалось на периферии интереса исследователей истории политических партий.

Между тем, два десятилетия активной эмигрантской политической деятельности «Крестьянская Россия» была реальным центром притяжения разных сил и групп, участвовала в разных коалициях и проектах. Описание ее работы дает возможность показать и другие взаимодействовавшие с ней республиканско-демократические политические

организации, прежде всего — эволюционировавшее от активизма к признанию внешней политики СССР национальной Республиканско-демократическое объединение (РДО). Оно работало в основном во Франции как протопартия во главе с редактором газеты «Последние новости» П.Н. Милюковым с середины 20-х гг. до 1940 г. Другой партнер — непримиримая к большевизму группа сторонников журнала С.П. Мельгунова «Борьба за Россию», существовавшая в 1926–1931 гг. в Париже и Праге. Были и другие более мелкие или региональные группы русских республиканцев.

Наиболее изученной является деятельность в эмиграции предшественников РДО — организаций Конституционно-демократической партии — партии народной свободы (КДП-ПНС), в частности, благодаря публикации документов этой организации в многотомной серии издательства «Российская политическая энциклопедия»¹. В работах М.Г. Вандалковской изучена историко-философская концепция лидера КДП-ПНС П.Н. Милюкова, которая и определила его практическую политическую деятельность в эмиграции².

Ряд современных исследователей опубликовали фундаментальные материалы и документы заграничных групп Партии социалистов-революционеров (ПСР)³ и Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП)⁴, позволившие прояснить суть отношений между руководством КР-ТКП и лидерами этих партий.

Первой работой, описывающей в числе других эмигрантских структур собственно «Крестьянскую Россию», является справочная книга под редакцией историка-эсера С.П. Постникова «Русские в Праге. 1918–1928 гг.». КР-ТКП был посвящен раздел, рассматривающий деятельность этой политической структуры как в основном издательской. С.П. Постников сообщал о преобразовании «Крестьянской России» на съезде в 1927 г. в партию⁵. К 1957 г. после возвращения из ГУЛАГа в Прагу С.П. Постников закончил и передал в Библиотеку им. Ленина в Москве рукопись фундаментальной работы о русской эмиграции (издана лишь в 1993 г.), где дал краткую информацию о КР-ТКП⁶.

В СССР история партии «Крестьянская Россия» кратко и в сугубо советской стилистике («крах» эмиграции) была изложена лишь в книге Л.Г. Шкаренкова на материалах «Коллекции ЦГАОР»⁷, т. е. конфискованного в Праге Русского заграничного исторического архива (РЗИА), но без ссылок на конкретные фонды архива.

Деятельность КР-ТКП впервые системно и объективно была рассмотрена в книге британского историка Екатерины Андреевой «Генерал Власов и Русское освободительное движение»⁸, где о ней рассказано в раз-

деле, посвященном политическим структурам русской эмиграции 20–30-х годов.

В энциклопедическом словаре «Золотая книга русской эмиграции» в 1997 г. появилась краткая биография С.С. Маслова (1887–1945?)⁹. Между тем, и сама фигура лидера «Крестьянской России» С.С. Маслова, и его работы по истории революции и аграрных преобразований в России и странах Европы заслуживают большего внимания. С.С. Маслов в 1938 г. первым подробно исследовал процесс насаждения коллективных хозяйств в Советском Союзе. Книга «Колхозная Россия»¹⁰ была переиздана в Москве лишь в 2007 г. Пока только в планах Института экономики РАН переиздание вышедшего в Париже в 1923–1924 гг. и переведенного на несколько европейских языков двухтомного социально-экономического исследования С.С. Маслова «Россия после четырех лет революции»¹¹. Уникальный экономико-статистический материал о жизни русского крестьянства периода нэпа содержится также в серии исследований С.С. Маслова, созданных в период его работы в Институте изучения России в Праге (1924–1927). Не потеряли научного значения и его публикации с анализом аграрных реформ в Европе после Первой мировой войны.

К сожалению, биографы С.С. Маслова делают грубые ошибки. Так, в вышедшей в 2008 г. работе Л.Г. Протасова «Люди Учредительного собрания» говорится об участии С.С. Маслова во французском Сопротивлении, хотя в это время он находился или в Праге, или в заключении в тюрьмах гестапо Панкрац и Терезин. Вопреки тому факту, что Маслов бесследно исчез после ареста в мае 1945 г., год его смерти указан как 1965¹²! Та же ошибка повторена в разделе уточнений (!) в 3-м томе энциклопедического словаря «Российское Зарубежье во Франции». 1919–2000»¹³. В учебном пособии В.П. Федюка и А.В. Урядовой утверждается, что после ареста Н.Д. Кондратьева и А.В. Чайнова С.С. Маслов «надолго отошел от политики, а в конце 1930-х годов все чаще стал говорить о том, что эмиграции надо примириться с советской действительностью»¹⁴. Между тем, документы показывают, что Маслов до марта 1939 г. оставался заметной политической фигурой эмиграции, а о его примиренческих настроениях нет никаких достоверных данных.

Наиболее известными в современной России являются работы одного из основателей «Крестьянской России» Альфреда (после крещения — Алексея) Людвиговича Бема (1889–1945?) филолога, создателя «Общества Достоевского» в Праге. Опубликованы и изучаются его труды в области литературной критики и литературоведения¹⁵, особенно пристально — анализ творчества Ф.М. Достоевского. Есть попытки создания его литературной биографии¹⁶. А.Л. Бему посвящены труды чешской иссле-

довательницы доктора Милуши Бубениковой, в частности, его биография в «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья»¹⁷. Но практически вне внимания исследователей до последнего времени оставалась политическая публицистика А.Л. Бема и его деятельность как редактора журнала «Вестник Крестьянской России». Исключением является работа М. Бубениковой о политических взглядах А.Л. Бема¹⁸, опирающаяся в основном на его ранние газетные статьи 20-х годов.

Наиболее полная биография одного из основателей ПСР и создателя КР-ТКП А.А. Аргунова (1866–1939) опубликована в энциклопедии «Политические партии России»¹⁹. В «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья» имеется краткая биография писателя А.А. Воеводина, где, к сожалению, не упоминается о его активном участии в течение почти семи лет в работе Пражской группы «Крестьянской России»²⁰.

Научная деятельность ряда членов КР-ТКП (Н.А. Антипова, А.Л. Бема, Д.Н. Иванцова, С.С. Маслова, В.В. Португалова, К.И. Храневича) и РДС (Б.А. Евреинова, А.П. Маркова и др.) описана в книге Ю. Сухарева «Материалы к истории русского научного зарубежья»²¹. Остались незамеченными и опубликованные в журнале «Знамя России» работы Н.В. Быстрова по вопросам международных отношений в 30-е гг., Б.В. Седакова о пореволюционных идейных течениях русской эмиграции, статьи В.Е. Татарнинова о кризисе европейской демократии 30-х гг., работы об истории отношений русского и украинского народов, написанные членом ЦК КР-ТКП Н.А. Антиповым. Так, в ГАРФ находится рукопись законченного к 1940 г. труда Н.А. Антипова «Национальный вопрос и “Крестьянская Россия”»²².

Церковная деятельность архимандрита Всеволода Коломацкого (1896–1980) отражена в биографической работе Катерины Иберл (Шарфовой)²³. Но автору неизвестно, что видный деятель чешской православной церкви в 30-х годах был секретным членом ЦИК КР-ТКП. Биографии проживавших в США членов «Крестьянской России» В.Ф. Бутенко, Д.Н. Иванцова, И.В. Колодько и др. представлены в словаре Е.А. Александрова «Русские в Северной Америке»²⁴. Об издательстве «Крестьянская Россия» кратко упоминается в статье «Пражские издательства» «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья», но при этом издававшиеся им сборники «Крестьянская Россия» почему-то называются «Крестьянская война»²⁵.

Точно и полно изложена история «Крестьянской России» и ее одноименного издательства в справочно-библиографических работах П.Н. Базанова о деятельности политических организаций эмиграции²⁶. Подробно она дана в книге П.Н. Базанова «Издательская деятельность полити-

ческих организаций русской эмиграции (1917–1988)»²⁷ и в справочнике «Издательства и издательские организации русской эмиграции»²⁸. «Крестьянской России» посвящена статья в справочнике А.В. Окорочкова «Русская эмиграция»²⁹.

В публицистической работе М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции» «Крестьянская Россия» наряду с «Народным Союзом защиты Родины и революции», группой журнала «Борьба за Россию», «Братством русской правды», Русским общевоинским союзом (РОВС) и Национальным союзом нового поколения (НСНП) и др. отнесена к числу структур, которые «не ограничивались пассивным ожиданием, а проявили волевой импульс в стремлении перенести революционную борьбу на российскую территорию»³⁰. Здесь воспроизведена схема изданного НСНП «Курса национальной подготовки», где журналы «Вестник Крестьянской России» и «Знамя России» названы газетами. Эта ошибка повторена и в книге М.В. Назарова.

Деятельности демократической эмиграции посвящена глава VIII («Республиканско-демократический лагерь») в наиболее фундаментальном на сегодня издании — хрестоматии «Политическая история русской эмиграции»³¹. Опубликованы письмо С.С. Маслова Е.Д. Кусковой³², часть переписки П.Н. Милюкова и Е.Д. Кусковой в связи с созданием РДС³³, а также отрывки из программы «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии»³⁴ в варианте 1928 г. При этом история КР-ТКП изложена авторами предисловия к главе Э.М. Щагиным и С.В. Константиновым по версии, которую представляла сама партия. Сама эта организация обозначена как «правоэсеровская» или «детище правых эсеров», хотя таковой она не являлась, так как с самого начала деятельности ее лидерами был продекларирован разрыв с социалистической идеологией ПСР. Авторы пытаются приписать организациям эмигрантов-республиканцев роль ширмы масонских лож³⁵. Здесь они игнорируют даже тот факт, что основатели РДС П.Н. Милюков и С.С. Маслов масонами не были. Видным масоном был сотрудник газеты «Руль», лидер Берлинской, а затем член Парижской группы партии В.Е. Татарин³⁶. Активист парижской группы КР-ТКП М.Е. Фридьев был членом ложи «Свободная Россия»³⁷. И это — всё.

М.Д. Тикеев причисляет партию «Крестьянская Россия» к эсеровскому движению, хотя разрыв с идеологией ПСР был обозначен вождями группы уже при основании «Крестьянской России». М.Д. Тикеев же почему-то уверен, что «говорить о каком-либо воздействии П. Милюкова на политическую ориентацию “Крестьянской России” было бы неправильным»³⁸, хотя именно П.Н. Милюков уже в 1922–1923 гг. предоставил С.С. Маслову страницы своей газеты.

Взаимовлияние сторонников Милюкова и КР-ТКП прослеживается, например, в ряде публикаций о коалиционной деятельности «Крестьянской России». Так, изучению деятельности П.Н. Милюкова по собиранию сил русской демократической эмиграции посвящены несколько работ Н.И. Канищевой³⁹ и С.А. Александрова⁴⁰. В книге С.А. Александрова полностью опубликована платформа коалиции сторонников Маслова и Милюкова — Республиканско-демократического союза (РДС).

Н.И. Канищева и С.А. Александров в основном описывали и анализировали деятельность лишь части РДС: Парижской демократической группы Партии народной свободы (ПДГ-ПНС), позже переименованной в Республиканско-демократическую группу ПНС («эрдеков»), и созданного П.Н. Милюковым в 1924 г. более широкого Республиканско-демократического объединения (РДО).

В статье А.А. Куреньшева в журнале «Вопросы истории»⁴¹ КР-ТКП рассматривается в числе различных политических, экономических и профессиональных структур русской эмиграции, имевших в своем названии слово «крестьянский». У А.А. Куреньшева, как и у Т.А. Яковлевой в работе об истории эмигрантской прессы⁴², РДС ошибочно отождествлен с РДО. Ошибка типична: обычно путают РДС — коалицию в 1923–1928 гг. «Крестьянской России» и группы левых кадетов, и созданное в 1924 г. Республиканско-демократическое объединение (РДО)⁴³ — несостоявшуюся партию П.Н. Милюкова. Рассказывая о работе КР-ТКП, А.А. Куреньшев в своей книге «Крестьянские организации Русского зарубежья» в значительной мере опирается не на документы, а на отрывочные и тенденциозные сообщения эмигрантской прессы. Его опорой также стали яркие, но не вполне объективные оценки из мемуаров Г.А. Малахова, в 1932–1935 гг. находившегося на крайнем левом фланге организации. Лишь на основе одной из статей правого публициста С.В. Варшавского, опубликованной в газете «Возрождение», А.А. Куреньшев делает вывод о якобы имевшей место оторванности КР-ТКП от эмигрантского крестьянства. Но он игнорирует наличие дочерних КР-ТКП русских крестьянских партий в Эстонии, Латвии и Подкарпатской Руси. При этом в своей монографии А.А. Куреньшев на сегодня наиболее подробно изложил историю партии «Крестьянская Россия», используя и ряд новых фактов из публикации М.В. Соколова и П.Н. Базанова в журнале «Родина»⁴⁴.

Китайский ученый Ван Чжичен в книге о русской эмиграции в Шанхае показал, что «Крестьянская Россия» была единственной в Китае организацией, объединявшей русских эмигрантов-республиканцев. Это произошло благодаря издававшему в Шанхае демократический ежемесяч-

ник «Голос» Н.П. Малиновскому (в 1935 г. стал лидером КР-ТКП в Шанхае). В то же время автор делает спорный вывод о том, что партия «рассматривала английских лейбористов как пример для подражания»⁴⁵.

Исследование нелегальной деятельности КР-ТКП и ее партнеров потребовало от автора изучения работ по истории воздействия спецслужб СССР на русскую эмиграцию. Это официальная версия деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД, изложенная в книге «Очерки истории российской внешней разведки»⁴⁶. Структура репрессивного механизма ВЧК-ОГПУ-НКВД, использовавшегося и для борьбы с политической эмиграцией, реконструирована в справочнике «Лубянка»⁴⁷. Новые данные по структуре, функциям и кадрам ОГПУ-НКВД, по методам их агентурно-оперативной деятельности приведены в блестящей монографии А.Г. Теплякова «Машина террора»⁴⁸. Важные материалы содержит апологетическая по отношению к ОГПУ публицистическая книга А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса: в ней использованы до сих пор недоступные другим исследователям оперативные документы из архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД⁴⁹. Ю.П. Свириденко и В.Ф. Ершов в своей работе⁵⁰ в духе современной моды пытаются представить противников большевизма лишь безыдейными экстремистами и террористами, но вводят в научный оборот ряд документов Российского государственного военного архива (РГВА) из фондов контрразведок Франции и Польши.

Иная политико-правовая позиция, оправдывающая борьбу с большевизмом как с мировым злом, представлена в опирающейся на свидетельства очевидцев работе эмигрантского историка Б.В. Прянишникова «Незримая паутина»⁵¹. Объективно отражает деятельность ОГПУ и работа Б. Флейшмана «В тисках провокации»⁵². Обе книги представляют новые для постсоветской России подходы к освещению борьбы ОГПУ с эмиграцией и политических организаций правого толка — с большевизмом. На эту же тему выпущен сборник воспоминаний «Русская эмиграция в борьбе с большевизмом»⁵³ под редакцией и с комментариями С.В. Волкова, раскрывающий деятельность организации генерала Кутепова.

Политико-экономическая ситуация в русской деревне наиболее полно отражена в предназначенных для руководства СССР секретных информационных материалах ВЧК-ОГПУ-НКВД, опубликованных под редакцией А. Береловича и В.П. Данилова⁵⁴. В частности, здесь впервые был напечатан доклад Секретного отдела ОГПУ «Анτισоветское движение в деревне» от октября 1928 г., включающий материалы об эмиграции, в том числе и специальный раздел: ««Крестьянская Россия». Трудовая крестьянская партия»⁵⁵. В оценках политико-экономической ситуации в российской деревне на рубеже 20–30-х годов, вызывавшей у руководства

КР-ТКП надежды на массовое крестьянское восстание, автор этой монографии опирался на работы А. Грациози⁵⁶, Ш. Фицпатрик⁵⁷ и В.В. Кондрашина⁵⁸.

В обобщающих работах по истории русской эмиграции признается активная роль, которую С.С. Маслов и его сторонники играли в политической жизни русской эмиграции. При этом ряд исследователей — прежде всего А.А. Куреньшев, Н.И. Канищева, С.А. Александров и Э.М. Щагин — безусловно, в своих работах затрагивают часть проблематики книги. Они не могли обойти тему КР-ТКП, ее роли в 20–30-е гг., однако рассматривали ее как второстепенную для себя и не ставили задачи проанализировать все аспекты деятельности партии.

Кроме того, в работах упомянутых авторов не мог найти отображения важный для понимания деятельности русской эмиграции вопрос о попытках ее фактического взаимодействия с населением СССР. В связи с отсутствием на момент издания работ доступа авторов к документам ОГПУ-НКВД не был освещен вопрос о степени проникновения в структуры русской эмиграции, в том числе и в «Крестьянскую Россию», структуры советских спецслужб, а оно было масштабным.

Таким образом, можно сделать вывод, что степень изученности проблемы до настоящего времени была недостаточна, чтобы выявить важные детали взаимодействия различных групп республиканского крыла русской эмиграции, взаимовлияния эмиграции и властей и спецслужб СССР.

Новые документы и материалы, публикуемые в настоящем исследовании, позволят читателю оценить масштаб идейно-политической борьбы 20–30-х годов, которую вела с большевиками русская демократическая эмиграция. Советские карательные органы уделяли огромное внимание тем, кто из-за рубежа пытался организовать в стране антикоммунистическое сопротивление. Судя по доступным ныне данным, абсолютно все эмигрантские организации находились под постоянным негласным надзором ОГПУ, становились объектами манипуляции и провокаций.

Поражает то, что не слишком многочисленные, хотя и влиятельные организации, имевшие свою массовую прессу (самую тиражную газету русской эмиграции «Последние новости», журналы «Свободная Россия», «Вестник Крестьянской России», «Знамя России»), были буквально напигованы агентурой Лубянки. Это видно даже сейчас, когда мы не имеем полных данных, поскольку до сих пор у исследователей нет полноценного доступа к оперативным материалам ВЧК-ОГПУ-НКВД. Одну организацию в Праге одновременно освещали для ОГПУ не менее трех, а то и четырех агентов!

Как видно из публикуемых материалов, тех, кто ставит своей целью установить в России вместо диктатуры группы лиц, овладевших государственным аппаратом, нормальную систему западной демократии с парламентаризмом, плюрализмом партий, разделением властей, рыночной экономикой, частной собственностью, чекисты, находящиеся у власти, считают не менее опасными конкурентами, чем монархистов, националистов, сторонников идей Белого движения или классической социал-демократии.

Точка отсчета. Откуда пошли «крестьянские либералы»?

Создание группы «Крестьянская Россия» и ее деятельность в составе Республиканско- демократического союза (1920–1928 гг.)

1.1. Создание группы «Крестьянская Россия»

*Деятельность лидеров группы С.С. Маслова, А.А. Аргунова и
А.Л. Бема. Новый для русской эмиграции социально-либераль-
ный проект (1921–1922 гг.).*

Развернувшая свою работу прежде всего в эмиграции с 1922 г. группа «Крестьянская Россия», позже получившая название «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия (КР-ТКП), была одним из плодов длительного развития русского освободительного, особенно крестьянского, движения, его борьбы с самодержавием за демократию, права личности и собственности. Все это постоянно подчеркивалось в трудах лидера КР-ТКП С.С. Маслова, например, в статьях «У истоков нашей катастрофы»¹ и «Кому принадлежит будущее?»².

Поиск корней этой российской демократической низовой традиции приводит к вечевым традициям Новгорода и Пскова. После Смутного времени и избрания на царство Михаила Романова монархия была в 1613–1622 гг. ограничена механизмом Земских соборов.

Петровская Российская империя отвергла подобные попытки приблизиться к разделению властей, превратившись в диктатуру личности. Тем не менее, в критический момент суда над сыном Алексеем, император Петр I, дабы обрести опору в служилом слое, фактически вынужден был сделать Сенат высшим законодательным и судебным органом. Кондиции, предложенные Анне Иоанновне «верховниками» в 1730 г. и ею разорванные, давали России шанс стать конституционной дворянской монархией. Шанс, как известно, волей случая нереализованный.

Созванная в 1767–1768 гг. Екатериной II Уложенная комиссия, в которую было избрано 600 депутатов, приближала Россию к народному представительству. Декабристы колебались в своем выборе будущего России между конституционной монархией и республикой, в любом случае предполагая наличие выборных учреждений для имущих классов.

Наступившая после самодержавной реакции Николая I и поражения в Крымской войне эпоха Великих реформ Александра II стала не только периодом государственного строительства европейской российской цивилизации. Впервые слой городских интеллектуалов самых разных воззрений: от социалистов до либералов, — пытался внести в толщу русского крестьянства свои доктрины и идеологию, альтернативную государственной. Массовое ненасильственное «хождение в народ» было подавлено с помощью административных репрессий, но сам метод остался в памяти тех, кто в России собирался без лицензии власти заниматься политикой. Александр II, инициировавший введение земского самоуправления, ближе всего подошел к реализации ограниченного народного представительства, почти уже согласившись с «Конституцией Лорис-Меликова», но трагедия 1 марта 1881 года вновь увела Россию почти на четверть века в период правового консерватизма.

Ответом интеллектуалов на косность власти стала теория «малых дел», использование самоуправления, земских организаций для мирной пропаганды обновления России, в том числе через разнообразные общественные инициативы. К концу XIX века относятся новые попытки создания массовых политических организаций, как в городе, так и в деревне. В частности, на базе земского движения — Партии конституционных демократов — партии народной свободы (ПКД-ПНС), на базе неонароднических кружков — Партии социалистов-революционеров (ПСР) и Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП).

К тому моменту, когда под давлением массовой кампании гражданского неповиновения 17 октября 1905 года был оглашен Манифест Николая II, теория «малых дел» дала вполне осязаемые результаты. За полвека группам интеллектуалов, активно окормлявшим низшие слои своими идеями народоправства, земельной и социальной реформы, пользуясь ростом грамотности, технической культуры, удалось предложить значительной части крестьянства и городского населения комплекс взглядов, альтернативный официозно-монархическому провластному. Чисто либеральные европейские теории широкого народного представительства, подотчетности исполнительной власти законодательной, разделения властей, свободы слова, печати, союзов и собрания, прав человека и гражданина можно назвать идеологией Освобождения, которая легла в основу программу ПКД-ПНС.

Но либеральные элементы в программах народнических (ПСР, ТНСП) или марксистских (РСДРП) партий причудливо сочетались с радикальными социалистическими предложениями вроде использования особенностей русской общины для уравнительного землепользования, экспро-

приаации крупной и средней частой собственности и уничтожения имущих классов.

В пропаганде всего этого комплекса взглядов в среде российского крестьянства, составлявшего до 80 % населения Российской Империи, особую роль сыграла Партия социалистов-революционеров. Она, согласно большинству современных исследований³, была массовой партией, опиравшейся к 1917 г. на сеть разнообразных организаций: в земстве, кооперации и пр. В Государственной Думе ПСР контролировала группу трудовиков, предлагая им идеологию народнического социализма.

Именно ПСР после Февральской революции 1917 года стала основной силой, способной, нейтрализуя левых экстремистов в Советах (большевиков и их союзников), удерживать у власти сначала «буржуазное», а затем и коалиционное Временное правительство. Моральный авторитет, опора на основную массу крестьянства, мечтавшего о получении помещичьей земли, позволили ПСР победить на первых в России относительно свободных выборах в Учредительное собрание в 1917 г.

Раскол ПСР на правых и левых эсеров, сторонников курса на сотрудничество с либерально-буржуазными партиями, и теми, кто поддерживал линию большевистских радикалов на немедленный социальный переворот, предопределил дальнейшую печальную судьбу демократии в России. Левые эсеры, став временными союзниками диктатуры В.И. Ульянова-Ленина, как показал Ю.Г. Фельштинский⁴, вскоре были вычищены из власти. Поводом к этому стал так называемый «левоэсеровский мятеж» 6 июня 1918 года.

Правые эсеры уже с октября 1917 г. стали участниками народного сопротивления большевистскому перевороту. До разгона в январе 1918 г. Учредительного собрания их борьба носила вполне мирный и законный характер. Но силовой разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. вынудил часть ПСР перейти к новым методам борьбы с узурпацией власти. VIII партийный совет ПСР, проходивший в Москве с 7 по 16 мая 1918 г., поддержал планы выступления против диктатуры⁵, помощи массовому народному движению, направленному к замене «комиссародержавия действительным народовластием»⁶. Важно отметить, что будущий лидер «Крестьянской России» С.С. Маслов участвовал в заседании Совета как представитель Вологодской организации ПСР с правом решающего голоса⁷.

Ликвидация большевистской власти выдвигалась в качестве «очередной и неотложной» задачи всей демократии. Многие лидеры правых эсеров агитировали за создание широкой коалиции общественных сил, выступавших против диктатуры и разрушительного социального экспери-

мента. Подобный блок сторонников восстановления демократии мог вместить практически все конструктивные силы — от конституционных монархистов, левых и правых кадетов, правых эсеров, народных социалистов до отдельных меньшевиков. Его реальным политическим воплощением стала подпольная организация «Союз возрождения России» (СВР). Именно под флагом СВР произошли антибольшевистские восстания в Архангельске, Мурманске, Ярославле и Муроме и летом 1918 г. была создана новая власть Северной области — правительство во главе с народным социалистом Н.В. Чайковским.

При помощи вступившего в конфликт с большевиками чехословацкого корпуса региональные правительства так называемой «демократической контрреволюции», опиравшиеся на авторитет членов Учредительного собрания, появились в крупных центрах России в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Комитет членов учредительного собрания (Комуч) и различные временные правительства к октябрю 1918 г. образовали единое Всероссийское правительство — Директорию, опиравшуюся на аппарат Сибирского правительства в Омске. Эта власть имела частичную легитимность, поскольку пыталась опираться на всенародно избранных членов Учредительного собрания.

Свержение в ноябре 1918 г. Директории и замена ее диктатурой Верховного правителя адмирала А.В. Колчака на Урале и в Сибири и военной диктатурой генерала А.И. Деникина на Юге России, поддержанное видными кадетами, привело к распаду широкой антибольшевистской коалиции, сужению социальной базы сопротивления власти Ленина – Троцкого. Народное сопротивление большевизму, имевшее значительный политический ресурс и доминировавшее в 1918 г., сменилось в 1919 г. чисто военным противостоянием. К тому же часть эсеров, отстраненных от власти (Сибирская областная дума) или репрессированных военной хунтой Колчака, стали участвовать в борьбе с белыми или же просто отошли от активного сопротивления красным.

Конец этапа самостоятельного или коалиционного сопротивления власти большевиков со стороны демократических партий России привел их лидеров к необходимости переосмысления всей своей тактики на будущее.

Часть российских демократов и республиканцев (А.Ф. Керенский, А.А. Аргунов, Н.В. Авксеньев, лидер народных социалистов, номинальный глава Северного правительства Н.В. Чайковский) сделала это уже в 1919 г., оказавшись в эмиграции. Некоторые, как члены Учредительного собрания: бывший член правительства Северной области, лидер вологодских эсеров С.С. Маслов или другой видный эсер — выдающийся

социолог П.А. Сорокин, — временно отошли от активной политической деятельности. На территории, контролируемой большевиками, они работали по специальности. Но и здесь в подпольных кружках делались попытки найти новый путь политической борьбы, отличный от предлагаемого лидерами ПСР ортодоксального народнического социализма.

Внутри ориентированного ранее на кадетов интеллектуального слоя, который не принимал большевиков, но в это же время видел обреченность Белого движения, не сформулировавшего привлекательную для большинства населения политико-экономическую платформу, также назревала необходимость поиска новых решений, альтернативы неудачной практике чисто военного антибольшевистского сопротивления.

В несоциалистическом либеральном крыле эмиграции эту потребность первым выразил лидер Партии народной свободы П.Н. Милюков. Осенью 1920 г. Милюков, проанализировав опыт Белого движения, не имевшего понятной для большинства населения России социально-политической программы, предложил кадетам и сочувствующим этой партии «новую тактику», с отказом от военных акций и расчетом на постепенную эрозию коммунистической власти.

В среде же эсеров, особенно в России, пересмотр стратегии и тактики поначалу практически не шел. Состоявшийся в Самаре в августе 1921 г. X Совет ПСР качнулся влево. Он высказался за «накапливание сил трудовой демократии», поскольку «многочисленные за время большевистской диктатуры восстания против нее трудовых масс и деревни каждый раз терпели поражение вследствие их полной неорганизованности и малой политической зрелости»⁸. Совет принял решение: «Строго отмежеваться от всех элементов справа, отказаться от какой-либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией»⁹, «принять самые решительные меры к устранению на будущее время всех попыток навязать партии отвергаемые ею методы и цели, к недопущению самой возможности сепаратной политики, как отдельных товарищей, так и целых организаций»¹⁰. Это решение вызвало недовольство части правых эсеров таким курсом лидера ПСР В.М. Чернова и его последователей, которые критиковали большевиков слева, не отказываясь от плана социализации земли и от лозунгов неучастия в коалициях «с буржуазией». Наиболее отчетливо в эмиграции оппозицию этой линии ПСР составили лидер парижской группы ПСР Н.В. Авксентьев, А.А. Аргунов и бывший министр земледелия в правительстве Северо-Западной области П.А. Богданов, а в России — кооператор С.С. Маслов и социолог П.А. Сорокин. Они, как и Милюков, исходили из того, что «большевизм может быть побежден лишь той русской общественностью, которая, опираясь на кре-

стьянство, признает основные завоевания революции 27 февраля 1917 г. и резко отмежуеться от всяких реставрационных вожделений»¹¹. Желание ряда политических деятелей леволиберального лагеря сделать выводы из трагического поражения крупнейшей в России партии, приспособить идеологию и тактику к новому периоду в борьбе за освобождение народа от большевистской диктатуры и террора и опереться на самый в тот момент массовый слой населения — крестьянство привело к созданию группы «Крестьянская Россия»

Запрос общества на новую идеологию и политическую структуру точно сформулировал Петр Богданов, отвечая на вопрос, что идет на смену отжившим политическим формам: «Смена уже происходит. Но медленно, но постепенно, часто незаметно. Процесс идет в низах, среди крестьян, этого главного, пожалуй, единственного цельного социального пласта в России, среди рабочих, среди интеллигенции в той ее части, что не потеряла способности мыслить и критически подходить к происходящему. Мало того, что процесс идет, он уже начал давать новые настроения. Появились пусть уродливые, пусть враждебные нам группировки (фашисты в Италии, кемалисты в Турции), которые жизнь слышат. А в России? Группа “Крестьянская Россия”, разве не новое, не более чуткое, не ищущее явление? Наконец, “Дни”, поскольку искренни в передовой первого номера, также — то новое, что является результатом происходящего процесса смены старых догм»¹².

«Крестьянские социал-либералы» готовы были пойти за умонастроениями деревни, вкусившей прелестей большевистских экспериментов и в значительной степени готовой теперь к закреплению полученной в результате Октябрьского переворота земли в частную собственность. Никакой социализацией земли пережившего гражданскую войну хозяина, желавшего труда и покоя, привлечь на свою сторону было невозможно. Как показал позднейший опыт коллективизации (раскрестьянивания), если кто и мог соблазнить слой деревенской бедноты, явное меньшинство деревни, новым переделом и огосударствлением, так это всё те же радикальные большевики.

В книге «Россия после четырех лет революции» С.С. Маслов писал о насилии как основном методе большевиков¹³ и хотел противопоставить им самоорганизацию крестьянства. А один их основателей пражской группы «Крестьянская Россия» П.А. Сорокин в работе «Социология революции»¹⁴ фиксировал, что после мобилизации революционной энергии должна наступать фаза покоя, стагнации, порождающая послереволюционный период диктатуры или тирании, в данном случае — большевистской. После приезда П.А. Сорокина в Прагу в 1923 г. им была опубликована

книга «Современное состояние России», отразившая его размышления 1920–1921 гг. Сорокин указывает на то, что в обществе есть запрос крепкого крестьянства на создание особой классовой — крестьянской — партии¹⁵. Так была сформулирована идея новой крестьянской партии.

В дореволюционной России начала XX века среди политических партий невозможно найти аналог «Крестьянской России». Практически все партии, претендовавшие на представительство интересов сельского населения, находились на социалистических позициях. Сторонницей народнического социализма была та же ПСР, в менее революционном варианте — не столь массовая Трудовая народно-социалистическая партия (лидеры — А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов). В некотором смысле предшественниками «Крестьянской России» можно считать ряд членов трудовой группы Государственной Думы, в составе которой наряду с социалистами-революционерами были и депутаты, выступавшие с позиций защиты частной собственности.

Объективно необходимость в несоциалистической крестьянской партии в России возникла после того, как население деревни после октября 1917 года получило в пользование (но не в собственность!) помещичью землю, после чего земледелец и потенциальный массовый собственник оказался объектом различных коммунистических экспериментов. А это в свою очередь вызвало череду антикоммунистических народных восстаний 1918–1921 гг. Нэповское перемирие с пошедшим на уступки правительством В.И. Ленина дало крестьянству некоторую передышку, но хозяйственное положение русской деревни оставалось крайне нестабильным. Политическая диктатура ВКП (б) не давала возможности сельскому населению законными способами отстаивать свои интересы. Постепенно деревня становилась объектом эксплуатации в пользу правящей бюрократии, а затем экспроприации и террора — ради пресловутой «индустриализации».

Собственно, отсутствие общероссийского политического, в том числе и партийного, механизма защиты интересов крестьян-товаропроизводителей, массового слоя потенциальных частных собственников, и привело ко второй фазе большевистского эксперимента — к коллективизации. Произошло уничтожение слоя крестьян-земледельцев, с превращением всех жителей села в колхозных крепостных государственной бюрократии.

Между тем, попытки создать такой механизм самозащиты стихийно предпринимались в деревне, прежде всего в форме Союза трудового крестьянства (СТК). Агитаторы за СТК с начала 20-х годов регулярно арестовывались ОГПУ¹⁶. Исследователь деятельности ВЧК-ОГПУ А.М. Пле-

ханов связывает акции за создание СТК с политической деятельностью «Крестьянской России», но документов или свидетельств, это подтверждающих, из доступных ему архивов КГБ, не приводит¹⁷.

Уже с конца 1921 г. С.С. Маслов и группа его сторонников получили прямую идейную и организационную поддержку находившегося в Париже лидера левого крыла кадетов П.Н. Милюкова и его газеты «Последние новости»¹⁸. С правыми эсерами, в отличие от группы Маслова, Милюкову договориться не удалось. Они остались вне создававшегося с весны 1922 по декабрь 1923 г. Республиканско-демократического союза (РДС).

Интересующихся историей создания коалиции я отсылаю к своей работе, опубликованной в альманахе «Диаспора»¹⁹. Отмечу только, что на пути к блоку отпали «парижские» эсеры и группа правых меньшевиков «Заря», не смогли организовать демократы в Лондоне и Берлине. Создание в декабре 1923 г. РДС — милюковцами и группой С.С. Маслова дало им возможность получить средства из чехословацких источников и совместно искать пути в СССР, эпизодически поддерживать связи с отдельными единомышленниками в Советской России, получать через границу информацию о жизни там.

Появление группы, а затем и партии «Крестьянская Россия» представляется попыткой русских интеллектуалов, связанных с работой на селе, подготовить в эмиграции для России кадровую партийную структуру, способную в случае падения большевистского режима создать в стране массовую крестьянскую партию, аналогичную организациям, возникшим после Первой мировой войны в Восточной Европе и добившимся проведения широких аграрных реформ. К ним можно отнести Партию мелких сельских хозяев в Венгрии или Аграрную партию Чехословакии.

Особого внимания заслуживают вехи биографии основателя партии Сергея Семеновича Маслова (1887—после 15.05.1945), без чьей целеустремленной политической деятельности проект КР-ТКП вряд ли бы состоялся.

С.С. Маслов родился 1 ноября 1887 г. в Воронежской губернии в селе Семилуки в семье торговца. Он окончил городское шестилетнее училище, затем агрономическое училище в Харькове. В 1905–1917 гг. активно участвовал в деятельности организаций партии эсеров в Харьковской, Полтавской и Воронежской губерниях. В 1910 г. был арестован и в 1911 г. сослан в Вологодскую губернию. Работал агрономом и кооператором.

Учился С.С. Маслов в 1915–1916 гг. в Петрограде в Психоневрологическом институте, но так его и не закончил. Много занимался самообразованием: к середине 30-х гг. Маслов владел немецким, чешским, сербским, болгарским языками, читал по-английски и по-французски²⁰.

В одном из найденных в семейном архиве писем 30-х годов С.С. Маслов сообщил такие подробности своей биографии: «Я — агроном по образованию. <...> Служил в правительственных учреждениях и земствах прежней России. Потом занимал большие и малые места, работал в кооперативных союзах многих губерний моей Родины. Во время Великой войны я учился в высшей школе (в Петрограде), писал в журналах и газетах, закупал мясо для военных нужд в Западной Сибири и на Урале, организовал и вел большую кампанию по спасению крестьянского скота от бескормицы и гибели в Вологодской губернии...»²¹ В 1916 г. Маслов издал свою первую книгу «Мирской человек»²², в которой пропагандировал приобщение крестьянства к артельному труду, созданию кооперативов и школ.

С.С. Маслов открывал первый Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов 4–28 мая 1917 г. Был избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (745 голосов за)²³. В 1917 г. издана брошюра С.С. Маслова «Что такое социализм»²⁴. В ней автор доказывал, что социализм — как добровольная кооперация труда — не противоречит традициям крестьянства. В другой работе того же периода, «Социализм и крестьянство», С.С. Маслов, как и подобает ортодоксальному эсеру, пропагандировал социализм как «всеобщее хозяйственное объединение в целях всеобщего труда и счастья»²⁵ и убеждал, что «по своему положению крестьянство социалистично, по своему поведению, как доказывают факты, социалистичным становится»²⁶.

Во время осады Зимнего дворца большевиками Маслов находился там, пытаясь оказать сопротивление, утверждает мемуарист Б.Ф. Соколов: «Грузный человек с молодым лицом, русоволосый, перебил его (Терещенко. — М. С.): “Конечно, мы должны защищать Зимний дворец. Это место нашего правительства. Как только большевики его возьмут, всё — сражение проиграно. Но позвольте, как, как это бесконечное здание можно оборонять? Три сотни окон, каждое величиной с дом, и двадцать два входа. Вы, господа, много разговаривали в последние два месяца. Теперь настало время пожать урожай, посеянный нашим многоуважаемым другом Керенским, который оставил нас в этом дерьме”, — это был Сергей Маслов, секретарь по сельскому хозяйству, один из ярких противников коммунистов. <...> О, Господи! — воскликнул Маслов. — Это конец! “Аврора” в руках большевиков. Они будут стрелять по дворцу»²⁷.

В ноябре 1917 г. глава Вологодского областного комитета ПСР С.С. Маслов был избран по списку партии эсеров членом Учредительного собрания от Вологодской губернии. Баллотировался он от ПСР первым номером как кооператор, председатель губернского совета крестьян-

ских депутатов, социалист-революционер, литератор²⁸. За список ПСР на выборах в Учредительное собрание в Вологодской губернии проголосовало 600 тыс. человек, избрано 6 депутатов (за большевиков — 120 тыс., 1 депутат)²⁹. С.С. Маслов вместе с главой военной комиссии фракции ПСР Б.Ф. Соколовым и вопреки линии лидера партии В.М. Чернова принимал деятельное участие в попытках спасти Учредительное собрание, затем стал участником подпольного Союз возрождения России.

В самом начале 1918 г. Маслов пишет книгу «Трудовые и земельные артели, их значение, история, их организация и устав»³⁰. Она вышла в свет в 1918 г., но была задержана большевиками и в продажу поступила в 1920 г.³¹ Автор был уверен в неизбежности после революции 1917 года нового и весьма резкого усиления коллективно-земледельческого движения в России. Факторами, которые будут действовать в этом направлении, он считал: «во-первых, стремление крестьян к увеличению доходности своих хозяйств путем поднятия производительности труда и земли; во-вторых, невозможность удовлетворительно произвести раздел новых земель, попавших в руки крестьян; в-третьих, недостаток инвентаря для ведения индивидуального хозяйства»³². С.С. Маслову казалось, что «скромному коллективно-земледельческому движению прежнего времени предстоит пережить период бурного усиления и роста»³³.

Летом 1918 г., спасаясь от ареста, С.С. Маслов выехал из Вологды в Архангельск, где стал одним из участников восстания против большевиков. Со 2 августа по 20 сентября, после антибольшевистского переворота, он входил там в состав Верховного управления Северной области³⁴. Он занимал посты главы военного и земельного отделов правительства Н.В. Чайковского, вместе с ним составил первые десять декретов³⁵. Был арестован во время кратковременного захвата власти группой офицеров капитана Н. Чаплина и отвезен вместе с другими членами правительства на Соловки, затем освобожден³⁶.

Про деятельность С.С. Маслова в качестве члена Верховного управления Северной области, управляющего отделами военным и земледелия, в 2007 г. мне рассказывала Г.А. Вальна (Малахова): «Приплыли эсеры в Шенкурск на пароходе. Провели митинг. Выступал перед горожанами Сергей Семенович Маслов. Призывал идти на фронт. Ночевали у нас в доме. А потом они быстро уплыли. А вскоре город взяли красные»³⁷.

В конце сентября 1918 г. С.С. Маслов ушел в отставку из-за несогласия с методами союзников, с «грубыми нарушениями прав населения области»³⁸. По просьбе премьера Н.В. Чайковского в качестве его представителя С.С. Маслов отправился в Сибирь. В парижском архиве Н.В. Чайковского С.П. Мельгунов в 20-е гг. нашел письмо С.С. Маслова,

описавшего экзотическое путешествие на оленях через тундру: «Одиннадцать дней путники провели под открытым небом, бросив для ускорения путешествия свой чум и не встречая по пути других чумов; сильно мерзли и голодали, только на двенадцатые сутки попали они в торговую факторию и почувствовали себя искренно и бесконечно счастливыми. В Обдорске и Березове “мы, — пишет Маслов, — запоем проглотили газеты и все устные политические новости. Но получили мы мало: последние номера газет, нами прочитанные, относятся к 26 сентября нового стиля. Устные новости оказались не свежее. Маслов сообщил Н.В. Чайковскому: “Правительство <...> образовано по принципу, принятому “Союзом Возрождения”: директория, которая назначает деловых министров”. <...> Но важна та характеристика, которую Маслов дает областным правительствам: “Наиболее прочным и цельным нам (конечно, с высоты птичьего полета) представляется Сибирское. Оно, кстати сказать, свой предпарламент, в виде “Сибирской Областной Думы”, представлявшей по своей конструкции самый разудалый совдеп, сообразило распустить. И сделало уже хорошо. В Сибири производится (и в огромнейшей части закончен) набор новобранцев двух последних призывных сроков. Мобилизовано все офицерство и идет много воинских формирований. Офицерству возвращены погоны и чины, идет их широкое производство в следующие чины. Сепаратизму Сибирское правительство, по-видимому, совершенно чуждо. Самарское правительство, по-видимому, достаточно убогое. С Сибирским у него были острые конфликты, ныне кажется, ликвидированные”»³⁹. Можно согласиться с С.П. Мельгуновым, который указал, что у Маслова «не было особой специфической партийной склонности к правительству членов Учредительного Собрания»⁴⁰, то есть он стоял не на партийных эсеровских позициях, а придерживался коалиционной линии Союза Возрождения России.

В Омск Маслов прибыл 18 ноября 1918 г. Вечером 18 ноября на квартире начальника политической охраны Е.Ф. Роговского проходило совещание, «в котором участвовали члены Директории Авксеньтьев, Зензинов, делегаты съезда Учредительного Собрания Гендельман и Раков и пробравшиеся с большим трудом в Сибирь делегаты Архангельского правительства Н.В. Чайковского Дедусенко и Маслов». Совещание затянулось до полуночи, а в полночь нагрянули участники переворота в пользу Колчака, которые «объявили Авксеньтьеву, Зензинову и Роговскому, что они арестованы»⁴¹. Об аресте самого Маслова автору неизвестно. Но после этого, писал Маслов, «с Колчаком и правительством, им возглавляемым, в сношения не считал для себя возможным входить и от выполнения поручений Архангельского правительства отказался»⁴².

С.С. Маслов служил в Омской главконторе Всероссийского союза потребительских обществ. Пытался выехать из России, на нелегальном положении жил до 15 июня 1919 г. В письме жене сообщал: «... Движимый 1) тоской по семье и чувством долга перед ней, 2) жаждой работать в области коллективного земледелия, я перебрался через фронт и теперь в Уфе. Переход совершился в Златоусте (фронт перекатился через меня) благополучно, но при попытке двинуться из Златоуста “во глубину России” был задержан, скрыл свое имя, был препровожден под охраной двух вооруженных в Уфу и здесь освобожден впредь до указаний из Москвы»⁴³. В Уфе Маслова доставили в штаб армии, где его допрашивали командарм Тухачевский и комиссар Смирнов. Он был выпущен на свободу до решения ЦК РКП (б). Но через 3 недели по телеграмме из Москвы вновь арестован⁴⁴. Маслов был отправлен в Москву, где ЧК, «принимая во внимание его крайне болезненное состояние», освободила его «под поручительство»⁴⁵.

В своей биографии С.С. Маслов писал: «Был арестован большевиками, привезен в Москву и едва не умер в тюрьме. Потом после переговоров с Лениным и Комиссаром Юстиции Курским меня из тюрьмы выпустили. Я остался в Москве. Служил в Управлении Северных железных дорог, в Комиссариате Земледелия и Комиссариате путей сообщения. Имел в это время свой собственный служебный вагон, с ним много кочевал по России...»⁴⁶ В 1919–1921 гг. С.С. Маслов работал: «инструктором, организатором во Всероссийском бюро областных кооперативных союзов; заведующим инструкторским отделом во Всероссийском союзе трудовых лесопромышленных товариществ; заведующим курсами по лесной кооперации; консультантом в кооперативном отделе Комиссариата Земледелия (в Москве); консультантом-кооператором в Управлении Северных железных дорог и во Всероссийском железнодорожном агрономическом центре; заведующим отделом советских хозяйств, приписанных к железным дорогам, во Всероссийском железнодорожном продовольственном центре («Продпуть»)⁴⁷. В ноябре 1920 г. Маслов был на короткий срок арестован ВЧК, к 5 апреля 1921 г. было закончено еще одно дело: «за хранение звонкой монеты — серебра в сумме 31 р <убль> 10 коп <еек>», начатое Вологодской ЧК в конце сентября 1920 г.»⁴⁸

В декабре 1920 г. Масловым и его соратниками в Москве была создана группа «Крестьянская Россия», которая, как он позже писал, «в 1921 году расширила свою работу на 13 губерний»⁴⁹. Борис Васильевич Седakov (1892–1956) в 1945 г. на допросе вспоминал: «Со слов Маслова мне известно, что еще в 1921 году, он, находясь в советской России, сумел объездить свыше десятка губерний, где сколотил якобы ряд антисовет-

ских ячеек. Маслов говорил мне, что кроме него вербовками в члены “ТКП” на территории СССР занимались небезызвестные в прошлом эсеры Огановский⁵⁰ и Кельчевский, с которыми, однако в 1922 году связь была потеряна. В результате усилий Маслова, Огановского и Кельчевского члены “ТКП” появились в Москве, Ленинграде, Пскове, Ростове на Дону, Туапсе, Новосибирске, Архангельске и Харькове⁵¹. Еще одну версию дает Иван Павлович Верещагин (1894–1968), который указывал, что «первые ячейки “Трудовой крестьянской партии” создались в 1921–22 гг. в центральных городах России, как то: Москве, Ленинграде, Калуге, Владимире, Ярославле»⁵².

Среди своих единомышленников С.С. Маслов видел кооператора, позже члена коллегии Россельбанка СССР Петра Тимофеевича Саломатова (1887–1938), который в 1920–1921 гг. «высказался за целесообразность образования самостоятельной крестьянской партии». При обсуждении основных политических лозунгов партии они «не достигли только единства мнений по вопросу о земле». Маслов «отстаивал оставление эсеровских требований о земле». П.Т. Саломатов «предлагал этот вопрос пока не решать, предоставив возможность высказаться местам, так как после осуществления революции в земельном вопросе было много неясностей»⁵³. П.Т. Саломатов обсуждал предложение об образовании самостоятельной крестьянской партии с «отдельными работниками московской с.х. кооперации, связанными близко с деревней или постоянно живущими в ней и работающим в с.х. кооперации. Идея создания им импонировала, и они высказывались за желательность образования такой партии, вместе с тем указывали на трудность реализации этой идеи в условиях советской действительности»⁵⁴.

Историк А.А. Куреньшев считает, что в группу «Крестьянская Россия» в Москве входили «Сорокин, Н.Д. Кондратьев, известный кооператор А.А. Евдокимов и некоторые другие лица, принадлежавшие к кооперативным, агрономическим и сельскохозяйственным кругам»⁵⁵, но в поддержку этого вывода автор не приводит ссылок на источники. В деле ТКП 1930 г. имеются показания бывшего народного социалиста, профессора Воронежского университета А.Н. Минина, который якобы в 1922–1924 гг. обсуждал с профессором Н.Д. Кондратьевым создание партии. «Я и группа лиц, близких мне по взглядам, считали, что происходящие в стране процессы рано или поздно должны поставить вопрос о политическом и организационном оформлении и такой силы, которая должна будет возглавить противосоветское крестьянское движение в стране.

Так родилась идея крестьянской партии еще в 1918–1919 гг., когда о такой партии в Сельскосовете говорил А.Е. Кулыжный. В дальнейшем

(в 1922–24 гг.) Н.Д. Кондратьев предложил мне для обсуждения первоначальную наметку установок и программы такой партии, которые я одобрил. В дальнейшем эти наметки легли в основу программы партии, опубликованной за границей С.С. Масловым»⁵⁶.

Здесь не сходится хронология, хотя, сидя под арестом, Минин мог и спутать даты. Но иных, более веских свидетельств участия Н.Д. Кондратьева в создании будущей крестьянской партии найти не удалось.

Профессор Н.Д. Кондратьев в 1922 г. встречался с эмиссаром Центра Действия Н.П. Вакаром⁵⁷, но свое участие в зарубежной «Крестьянской России» неоднократно отрицал, хотя в течение 20-х годов через посредников и приглашался С.С. Масловым к сотрудничеству⁵⁸. Присутствие в первичной московской группе в 1920 г. П.А. Сорокина можно предполагать лишь исходя из того, что он после выезда из СССР принимал участие в работе группы «Крестьянская Россия» в Праге в 1922–1923 гг.

По версии самой группы, обнародованной в Праге в 1924 г., «<Крестьянская> Р<оссия>» как новое направление в русской общественной жизни появилась в России в 1920 году. В январе 1921 года это направление вызвало к жизни новую политическую группировку. В июле 1921 г., после шестимесячной идейной, пропагандистской и организационной работы в России, Центральное Бюро новой группировки решило начать свою деятельность и среди русской эмиграции за границей. Был избран заграничный представитель Бюро, выработан наказ для него и дано поручение выехать за границу. В августе того же года избранный представитель Бюро нелегально перешел границу»⁵⁹.

Еще одну, довольно любопытную версию создания «Крестьянской России» дает справочник «Организации русской эмиграции», составленный II отделом Генштаба Польши в 1935 г.: «Трудовая крестьянская партия — Крестьянская Россия» возникла в 1917/18 гг., когда существовал так называемый «Союз Возрождения России». В свое время на этот союз опиралась так называемая «Уфимская Директория» и ее орган «Комитет Всероссийского Учредительного собрания». Арестованные Колчаком и высланные за пределы России члены «Директории» пробрались в Чехословакию, так как с чехословаками их связывали совместные узы со времени их совместной борьбы на Волге.

Непосредственно накануне поражения Деникина часть членов «Союза Возрождения России» создает пехотную дивизию (в количестве 6000–7000 чел.), которая после боев в районе Одессы (январь 1920 г.) пробирается частично в Польшу, частично в Румынию. Часть ее остается в России и составляет источник информации и опоры этого союза на юге СССР. Вне всякой зависимости от этого, с момента борьбы в районе Вол-

ги осталось кое-какое ядро, составляющее базу партии в окрестностях Ижевской и Воткинской фабрик на Урале. В свое время в состав данной партии входили так называемые “зеленые”. В 1919/20 г. “зеленые” действовали в качестве диверсантов в тылу отступающих войск Деникина. Третьей базой партии являлись окрестности юга России и, главным образом, Новороссийска.

Члены бывшей «Директории», Учредительного собрания, остатки дивизии, созданной партией, члены партии так называемых “трудовиков”, правые эсеры и часть руководителей “зеленых”, приблизительно в 1924 году, создают крестьянскую партию, присвоив ей название “Трудовая крестьянская партия — Крестьянская Россия”⁶⁰.

В этой легенде причудливо преломились реальные факты: участие в Союзе возрождения России С.С. Маслова (в Москве, Вологде, Архангельске) и А.Л. Бема (в Киеве), В.В. Португалова — в структурах Б. Савинкова в Польше, А.А. Аргунова — в Директории, Ф.И. Колесова в народном сопротивлении большевизму на Волге (Самара).

Об идеологии создателей первоначальной группы в Москве в 1920 г. нет письменных свидетельств, кроме версий истории «Крестьянской России», изложенных в программных документах 1924, 1928 и 1932 г. Однако нельзя не отметить параллелизм поздних политических трудов С.С. Маслова и литературного творчества профессора А.В. Чаянова (псевдоним Иван Кремнев). Проза Чаянова, показавшего в 1920 г. в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» свое видение крестьянской России, совпадает с политической концепцией С.С. Маслова. Автор рисует строй, в основе которого — крестьянское хозяйство. Будущая крестьянская Россия у Чаянова возникала после того, как «новый Съезд Советов дал абсолютный перевес чисто классовых крестьянских группировок, и с 1932 года крестьянское большинство постоянно пребывает во ВЦИК и Съездах, и режим путем медленной эволюции становится все более и более крестьянским». Далее в 1934 г. «власть оказалась прочно в руках крестьянских партий»⁶¹. Эта, по мнению большевиков, «реакционная утопия» Чаянова могла соответствовать умонастроению группы Маслова.

Историк деятельности ВЧК-ОГПУ А.М. Плеханов придерживается своей версии, указывая, что «в декабре 1920 г. в Москве небольшая группа вышедших из партии эсеров выработала “основные положения” и начала агитацию по стране за создание союза крестьян»⁶². Плеханов утверждает, что имелась связь между деятельностью «Крестьянской России» и быстрым ростом зафиксированного ОГПУ числа случаев агитации за создание Крестьянского союза⁶³.

Летом 1921 г. С.С. Маслов «тайно уехал за границу»⁶⁴. «По поручению политических друзей выехал нелегально за границу для продолжения политической работы, начатой нелегально с 1920 г. в России»⁶⁵.

Несмотря на сообщения, что во время Второй мировой войны С.С. Маслов писал воспоминания, текст мемуаров не обнаружен. Но, к счастью, в 1936 г. он написал предисловие к публикации рассказа своего дальневосточного партийца Николая Морева о Западносибирском крестьянском восстании. Лидер «Крестьянский России» описал чудовищную атмосферу 1921 года, Кронштадтского и Тамбовского восстаний, зверств ВЧК, голода и разрухи, и рассказ коллеги по правозесеровской фракции ПСР, сумевшего бежать из Сибири после подавления восстания. Запись этого сообщения сохранилась благодаря предусмотрительности Сергея Маслова, вспоминая о том, как он сохранил свои заметки о периоде 1920–1921 гг., к сожалению, сейчас, видимо, утраченные: «Я жил тогда в Москве. Еще не решена, но уже предreshена была моя поездка за границу с политическими поручениями. Я к ней уже готовился, собирая и записывая все интересно-характерное о российской жизни того времени.

Сведения ко мне притекали обильно. Я служил одновременно в четырех учреждениях, три из которых были всероссийскими; в Москве находилось несколько десятков товарищей по политической организации, которую мы заложили в декабре 1920 года; имелись весьма близкие личные друзья, один из которых, недавно расстрелянный, занимал весьма высокое положение в советском аппарате и по службе встречался с коммунистами второго, а иногда и первого ранга; знакомые, приятели и друзья наезжали из провинции; я и сам имел возможность совершить поездку по России в отдельном вагоне, предоставленном в мое полное распоряжение управлением одной из железных дорог... Каждый вечер и по свежей памяти записывал все самое интересное за день и раз в два три дня опускал мелко исписанные листки в удобный тайник, открытый и приспособленный мной неподалеку от квартиры.

У меня был целый план по вывозу своих записей за границу, и я ему методически следовал. Надо было найти хорошую тонкую бумагу и хорошие, не расплывающиеся от воды чернила. С трудом и не сразу я и то и другое нашел. Произведенные опыты показали, что написанное этими чернилами и на этой бумаге сохраняет свою «читабельность» и после пребывания в теплой воде в течение длинной зимней ночи. Отличные результаты показал и вторичный опыт, когда написанное было покрыто слоем столярного клея, засушено и опущено на ночь в теплую воду. Дальше надо было определить книгу в крепком коленкоровом переплете, по

размеру которого должна быть точно нарезана бумага. Я остановился на “Основных началах” Г. Спенсера, считая, что ни по заглавию, ни по содержанию она не вызовет стяжательских настроений у тех, которые во время поездки за границу могут обыскивать меня. По крышкам переплета этой книги и были в типографии мне нарезаны бумажные листки, на которых я и вел свои записи.

Когда подошло время отъезда, достал из тайника мелко исписанные листки, смазал каждый тонким слоем столярного клея, аккуратно сложил их в две одинаковые стопки и каждую из них взял под винтовой пресс. Через несколько часов листки стали плотным картоном. Скрывавшийся у меня под чужой фамилией офицер сибирской армии, спасшийся от расстрела убийством своего конвоира, произвел дальнейшую операцию: он удалил из крышек переплета подлинный картон и ловко заменил его “картоном” из моих записок... В долгом и опасном пути между Москвой и Варшавой моя книга побывала во многих руках — и просто любопытствующих, и обыскивающих. Обыскивали меня в приграничьи с обеих сторон русско-польской границы, но никому не пришло в голову заподозрить контрабанду в переплете философской книги. Ни у кого не явилось и желания отчудить ее... В Варшаве “картон” из переплета был вынут, опущен в теплую воду, и он быстро и легко распался на свои составные листочки. А после сушки листков на солнце и я снова имел в руках свои московские записи...

В обработанном виде они составили содержание двух моих книжек, вышедших на четырех языках, под общим названием “Россия после четырех лет революции”»⁶⁶.

Таким вот образом Сергей Маслов смог оказаться за границей не с пустыми руками, что и позволило ему весьма быстро начать и публичные выступления, и работу над статьями и книгой «Россия после 4-х лет революции».

В документах польского Земгора точно зафиксировано, что Маслов прибыл в Польшу 18 августа 1921 г. Согласно записям в дневнике С.С. Маслова (за 1921–1922 гг.), он в середине сентября 1921 г. в Варшаве начал переговоры с представителями партии эсеров и русской общности. Одним из первых его поддержал филолог Альфред Людвигович Бем (1886–1945). А.Л. Бем уехал в эмиграцию из Киева в 1919 г., после краткого пребывания в Белграде в 1920 г. оказался в Варшаве и работал в Русском комитете (с 1921 г. — в Русском эвакуационном комитете). Сотрудничал с «Народным Союзом защиты Родины и Свободы» (НСЗРС) Бориса Савинкова. А.Л. Бем печатался с 17 ноября 1920 г. в газете НСЗРС «Свобода» (с 1921 г. — «За Свободу»)»⁶⁷, выступал с пози-

ций признания февральской революции, «факта земельной собственности за теми, кому она перешла в процессе революции и укрепление юридическими нормами нового порядка»⁶⁸. После падения Крыма с декабря 1920 г. Бем предлагал не бояться разделения антибольшевистских сил, считая необходимым их расколоть на «силы реставрационные и силы демократические»⁶⁹. А.Л. Бем подчеркивал важность «единодушия среди левых групп русской демократии в оценке советской власти как власти деспотической, подлежащей низвержению»⁷⁰.

А.Л. Бем отмечал, что у поставивших целью борьбу за народовластие в России эсеров «волевой, руководящей и ясной в своих ближайших целях программы трудно усмотреть. Вместо этого почти непротивленством и постепенностью отдают некоторые статьи в “Воле России”»⁷¹. А.Л. Бем с сочувствием писал о милюковских «неотактиках», отметив «искание соглашения с левыми партиями»⁷². Симпатизировал он и группе Савинкова, которая «строит свою базу на поднимающемся революционном движении народных масс»⁷³.

А.Л. Бем сделал вывод, что после поражения Врангеля отпадает возможность успеха военной диктатуры и опасности реставрации прошлого. Вся тяжесть борьбы, по его мнению, падает на тех, кто «убежден, что только демократия, верная недовершенным идеалам мартовской революции, может, опираясь на народ, утвердить в России народовластие и закрепить политические и социальные завоевания революции. Для успеха этой борьбы нужен единый крепкий демократический фронт, спаянный не компромиссной коалицией, а твердым волевым устремлением всех борющихся сил к основной цели и утверждению в России демократической республики на основе добровольной федерации с соседями, экономически с нею тесно связанными» государственными новообразованиями»⁷⁴.

Уже 24 сентября 1921 г. А.Л. Бем и С.С. Маслов обсуждали в Варшаве возможность организации новой партии. Маслов отметил: у Бема «принятие нашей платформы почти полное. Расхождение: в слабости национального вопроса (методы его решения в России). Опасения, что партия, объединяя одних только крестьян, — 1) неизбежно будет уводиться от национально-государственных задач и становиться синдикатом для защиты и укрепления крестьянских интересов и прав; из партии национально-государственных задач, осуществляемых крестьянством, она станет партией исключительно и грубо-классовых интересов. <...> А.Л. Бем снова, в общем, сказал, что он готов принять участие в складывающейся политической группировке и готов оказать посильное содействие»⁷⁵.

В Варшаве С.С. Маслов не задержался. Уже 12 октября 1921 г. он приехал в Прагу. В начале ноября 1921 г. в Праге Маслов налазил взаи-

модействие с эсером из Уфы Ф.И. Колесовым: «Колесов взялся за разработку частей программы, относящихся к земельному вопросу и кооперации»⁷⁶. Партнером Маслова стал также М.Ф. Грабец⁷⁷, который познакомил Маслова с видными чехословацкими социалистами. В период до 8 ноября 1921 г. в Праге Маслов «делал доклад (два вечера) с.р. группе в Праге об основных процессах, идущих в России»⁷⁸. Как он писал С.П. Постникову: «Один “Основные общественные процессы в современной России” — доклад пражским с.р. в закрытом заседании, второй — “Крестьянство в современной и будущей России» — на публичном собрании Славянской Кооперативной Палаты. Материалы в обеих аудиториях произвели большое впечатление и в обеих из них мне задавали вопрос, будут ли они использованы в печати. На втором собрании мне предложили писать книгу с тем, чтобы продать ее американцам, предварительно переведя на английский язык. Я сейчас пишу проспект книги, ибо переговоры начнутся на основе представленного мной проспекта. Книжку на тему первого доклада — думаю продать в Париже или Берлине. Чтобы запродажа была легче, собираюсь сделать в обоих городах публичные доклады (по материалам, к<ото>рые лягут в основу книги)»⁷⁹.

В ноябре 1921 г. С.С. Маслов отправился в Париж, чтобы «передать Авксентьеву, Аргунову и Фондаминскому предложение из России войти в состав заграничной группы, которая должна руководить заграничной работой по подготовке элементов будущей крестьянской партии; <...> повидать других лиц и попытаться найти новых сторонников наших русских идей и задач; <...> сделать разведку в области денежных источников, к-<ото>рые было бы возможно получить для своей работы»⁸⁰. С.С. Маслов при создании крестьянской партии предполагал избавиться от эсеровской иллюзий, что можно вести борьбу с большевиками на «исключительно классовой основе», как это было объявлено в письме ЦК ПСР от 26 апреля 1921 г., выступал за необходимость тактического сотрудничества всех демократических антибольшевистских сил, за коалицию с несоциалистическими партиями.

За период Гражданской войны Маслов в идейном отношении уходил от своих прежних воззрений, отраженных в ранних работах, таких как «Социализм и крестьянство» (1917 г.), где он пропагандировал социализм как «всеобщее хозяйственное объединение в целях всеобщего труда и счастья»⁸¹. Отказ от этих догм был замечен в его парижских публичных выступлениях.

В Париже Маслов четыре вечера читал доклад о положении в России «Общественные итоги четырех последних лет революции»⁸². Речи С.С. Маслова подробно описал Иван Бунин в репортаже для нью-йорк-

ской эмигрантской газеты «Утро». «Из тех многочисленных докладов, которые сделал за последний месяц в Париже и в буржуазных, и в социалистических кругах С.С. Маслов, известный кооператор, эсер, только что бежавший из России с огромным запасом всяческих наблюдений и цифровых данных, герой дня среди русских в Париже, “будущий — Стамбульский”⁸³, как его у нас называют:

— Россия вымирает — и деревня, и город... За 23 года, предшествовавшие революции, население Р<оссии>, несмотря на войну, увеличилось почти на 30 миллионов, за последние же четыре года в 2 центральных губерниях оно уменьшилось на целых 3 миллиона... Чистым хлебом питается только 9 процентов населения... Больше всего вымирают города, из городов бегут все, кто может... Но и деревня бежит в поисках хлеба. Русь теперь живет на ходу, на колесах, целые области стали пустыней... В городах буржуазия наполовину вымерла, интеллигенция — тоже, пролетариат разбит и разбежался, — из 9 миллионов осталось 4... В городах дома уничтожены и испорчены на одну треть, нижние этажи залиты водой и человеческими испражнениями... Продукция промышленности сократилась в 8 раз... Но и в деревне дворы значительно разрушены, инвентарь гибнет последний, земля испорчена, малоурожайна, часто пустует — посевы сохранились на 44 процента... Разрушены и всяческие промыслы...

— По всей России — великое обнищание, десятки миллионов умирающих с голоду, острый недостаток одежды, обуви, медицинской помощи, холод, холера тьма, тиф, сифилис...

— Государственное хозяйство дает баснословный дефицит.. Налоги и контрибуции приносят грош, хотя при взыскании их употребляются драконовские меры и даже пытки, — мучат мнимыми расстрелами, иногда даже живым замораживанием, жарят на горячих плитах, — докладчик ручается, что были и такие случаи...

— Образование? На народное образование государство тратило до революции около 7 процентов бюджета, теперь — всего 10, да и то что толку? Учебных пособий нет, качественный состав учителей странно понизился, учительницы живут проституцией... Университеты? Но, например, во главе одного из университетов стоит некто Горовой, безграмотный человек с уголовным прошлым... Литература? Погибла совершенно, — правительство покровительствует одним хулиганам из стихотворцев...

— Нравы ужасны, настроения — тоже... Рабочие разбиты, пассивны, солдаты еще пассивнее, дезертируют... В городах развращены все пайками, платой за шпионство, — у одной московской Чрезвычайки на

службе 30 000 филеров... Да и вообще всюду в работе — разврат, лень, бессовестность... всюду воровство, взяточничество, грабежи, убийства, особенно много убийц среди молодежи... Вот вам один из примеров холодно злодейства: молодому человеку хочется на “танцульку”, а не в чем; пошел, зарезал тетку, у которой хранился пиджачный костюм ее покойного мужа, надел этот костюм и превесело танцевал весь вечер... Ужасно *вообще* ожесточение сердец: во время метелей у порогов мужицких изб находят десятки замерзших прохожих, которых не пустили погреться, переночевать ни в одну избу...

Такова одна сотня итогов за истекший год. Кого теперь этим удивишь? Но я и не хотел, ни удивлять, ни удивляться. Я дивлюсь тому, что мы все еще не повесились и что некоторые из нас, повторяю, даже недурно чувствуют себя.

Казалось бы, что при подведении таких итогов уместен только зубовой скрежет. Но нет, вот Золотарев кончает свой доклад заявлением, что новый тип русской молодежи, тип янки, внушает ему бодрость, оптимизм... Маслов среди каждого своего доклада приостанавливается, чтобы сказать: “А все-таки Россия — сфинкс!” — а кончает еще решительнее, чем Золотарев:

— И все-таки Россия жива, бодра! Социализм стал ненавистен буквально всем классам... Будущая Россия будет только крестьянской, не социалистической, не большевистской, а именно крестьянской, а ведь крестьянству, по слову Герцена, все на пользу!

“На пользу...” Странное заявление после того, что рассказал сам же Маслов о благополучии этого крестьянства! — “Социализм стал ненавистен всем”. Странная для социалиста, пусть даже бывшего, откровенность! И зачем, спрашивается, городили столь грандиозный и страшный огород? — “Новые боги сменяют старых”... Но где же причина радоваться этой смене, раз сами радующиеся отзываются об этих “новых богах” как о “диких волках”?

Герцен, правда, “мистически поклонился тулупу”, по выражению Тургенева. Но не знаю, радовался бы даже он этому тулупу *теперь*! “Россия будет крестьянская...” Подумаешь, какой высочайший предел человеческих мечтаний! Но пусть так. Да ведь Россия и всегда была крестьянской, только с надстройкой барской, а с вышкой монархической. Где же основание надеяться, что не будет бар *новых* из того же крестьянства — ведь и прежние выходили их тех же квасов, — и что снова не захочет “крестьянская” Россия нового “Мишу”? А если это случится, то, повторяю, зачем мы погубили дотла все наши прежние великие богатства? Чтобы мочало вить сначала?»⁸⁴.

Как видим, Иван Бунин не без удовольствия называл С.С. Маслова «бывшим социалистом», но высказывал свои сомнения и в его подходе к проблемам, и в вере в будущее «России крестьянской»⁸⁵.

Выступление С.С. Маслова произвело сильное впечатление и на экс-министра правительства Врангеля Н.В. Савича. Он отметил, что доклад оставляет ощущение серьезных перемен в умах народа: «Теперь, говорит Маслов, и русский мужик, и русский интеллигент (что он под этим подразумевает — неизвестно, вероятно, третий элемент, эсерство) поняли, что без порядка жить нельзя, а для порядка нужна государственная организация, нужно государство. <...> Все в России стали юдофобами, социалистоедами, собственниками и хищниками. О последнем Маслов не договорил, но из всего доклада видно, что там, в России, перестав быть революционерами и социалистами, перестали быть и идеалистами. <...> Но факт им подчеркнут один: в России нет сил, которые могли бы свергнуть большевиков»⁸⁶.

Вот в это время лидер левых кадетов П.Н. Милюков сделал ставку на раскол в рядах ПСР: «Создавшееся же теперь положение у эсеров <...> есть наш плод, ибо мы всегда рассчитывали на трещину в их среде и даже не раз это обещали другим. Теперь же впервые наступает момент, когда готова выделиться из старого социализма группа, отделяющаяся от старых утопических элементов своих и пригодная вместе с нами для создания новой радикально-социальной группировки, наподобие французской. Бросить сейчас эту комбинацию — значит не доиграть игры, которая выигрывается в нашу пользу»⁸⁷. Явно в связи с этим посылом газета «Последние новости» взялась за раскрутку свежей в эмиграции фигуры С.С. Маслова. Она напечатала целых три подробных отчета о его докладах, которые дополняют рассказы Бунина и Савича.

В первом докладе в заседании Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания 24 ноября 1921 г. речь шла о деградации народного хозяйства России. С.С. Маслов подчеркивал: «Единственно, кто сохранил себя, — это крестьянство. Оно сохранило свое хозяйство, правда, разрушенное, но менее, чем другие отрасли хозяйства. Оно усвоило новую хозяйственную психологию. Крестьянство — ходом событий — делается первостепенной социальной силой современной России»⁸⁸. Во втором докладе 26 ноября С.С. Маслов говорил о «нравственно-общественной деградации», но отмечал, что «с октября 1920 года наблюдается также возрастающая политическая активность среди населения. Демонстрациями служат рабочие стачки, усиление крестьянского движения, деятельность социалистических партий и попытка новых политических группировок»⁸⁹. Констатировался такой факт: «В интеллигенции

сказывается изменение отношения к социалистической идеологии. Социализм, видимо, утратил для широких кругов интеллигенции прежнее свое обаяние. Проявляется тенденция воспринимать социализм не в качестве конкретной идеи, могущей быть осуществимой, а в качестве “принципа”⁹⁰. В третьем докладе 30 ноября Маслов говорил о том, что «наблюдается отход масс от социалистических партий. Революция потеряла в массах свой прежний ореол. Наряду с этим все более обозначается разрыв трудовых масс с советской властью. Этот процесс рельефнее всего сказывается среди крестьян»⁹¹. В мирную эволюцию большевизма С.С. Маслов не верил и указывал, что в России «неизбежность нового революционного переворота ясна для всех»⁹².

В декабре 1921 – январе 1922 г. С.С. Маслов опубликовал в газете «Последние новости» по мотивам своих докладов еще и серию из пяти объемных статей. В первой статье автор пришел к выводу, что «фигура крестьянина сейчас на авансцене политической жизни России. Уравновесить ее некем и некому»⁹³. С.С. Маслов завершает первый очерк прогнозом о «крестьянском море, которое вовсе зальет Россию вместе с ее коммунистической властью»⁹⁴, а во второй статье, сосредоточенной на статистико-экономическом анализе результатов послереволюционного кризиса, именуется крестьянство «восходящей силой»⁹⁵. В третьем очерке Маслов указывает, что власть пытается слить государственное хозяйство с народным, ведет свою экономическую политику без плана, политика эта дефицитная, и покрывается она за счет эмиссии бумажных денег, в результате все это становится тяжким бременем для деревни: «на крестьянские плечи ложится девять десятых государственного бюджета»⁹⁶. В четвертом очерке Маслов сообщает о появлении в России массовой нелегальной литературы⁹⁷ и других проявлениях общественной активности. В пятом очерке автор уверяет, что «современную Россию из-за границы знать нельзя, <...> все сдвинуто со своих прежних прочных мест»⁹⁸. Автор считает, что со стороны крестьян есть «требование нормально функционирующего государства»⁹⁹, которое выражается ими в требовании «порядка». Во всех выступлениях С.С. Маслова видна попытка сформулировать программу структуры, отстаивающей в новых условиях интересы крестьянства. Доклады С.С. Маслова стали основой двухтомной книги «Россия после четырех лет революции»¹⁰⁰. Книга имела успех за рубежом: в 1923–1924 гг. она была переведена и издана во Франции, Англии и Чехословакии¹⁰¹.

В Париже единомышленником Маслова стал один из основателей ПСР Андрей Александрович Аргунов (1868–1939). Он учился в Московском университете, арестовывался, был в ссылке и в эмиграции. В 1917 г. аре-

ставывался уже большевиками. Был избран членом Учредительного собрания от Смоленской губернии. Один из создателей Союза возрождения России. Кандидат в члены (запасной член) Всероссийской (Уфимской) директории, с 23 сентября 1918 г. — уполномоченный по расследованию «омских событий». 18 ноября 1918 г. арестован во время колчаковского переворота в Омске. Выслан из России Колчаком, «кругом через Китай, Японию, Америку и Францию», «полулегально» вернулся в 1919 г. «опять в Россию — на Кубань»¹⁰².

В Париже Аргунов издал в 1919 г. книгу «Между двух большевизмов», разоблачавшую большевиков и обвинявшую адмирала Колчака в организации Омского переворота. А.А. Аргунов был арестован в Екатеринодаре по приказу денкинской ставки в конце 1919 г. Причина — подписание Аргуновым в Париже (вместе с группой членов Учредительного собрания, Союза возрождения России и Республиканской лиги) платформы, которая сводилась к требованиям к Западу: «не прекращать, но немедленно переориентировать помощь, оказываемую союзникам антибольшевистским фронтам», предоставляя ее «только тем фронтам, руководители которых ясно и твердо заявят, что их цель — свободная демократическая Россия через Всерос<сийское> Учр<едительное> Собрание, которое они обязуются созвать по миновании гражданской войны, а в освобожденных от большевиков районах будут немедленно вводиться органы самоуправления и режим свободы»¹⁰³. Аргунов содержался под арестом в Таганроге: был привлечен по статье, которая «предусматривает не больше, не меньше, как “измену отечеству” и карает смертью. Это обвинение было благополучно ликвидировано, т. е. не получило оформления, ибо была ликвидирована большевиками таганрогская ставка, а вскоре и сам Деникин со всем фронтом»¹⁰⁴.

В 1920 г. Аргунов выехал в Грузию. Жил в Тифлисе. В начале 1921 г. переезд из Грузии группы эсеров во Францию оплатил Административный центр (АЦ)¹⁰⁵ во главе с А.Ф. Керенским и В.М. Зензиновым. Из Тифлиса через Константинополь Аргунов прибыл в Париж не позже 13 марта 1921 г.¹⁰⁶, когда он был включен в состав АЦ.

Надо отметить, что эта эсеровская организация вела активную работу, но себя публично не афишировала. Один из ее руководителей эсер Е.Ф. Роговский в одной из записок писал: «а) Организация является подсобной по отношению к демократическому движению в России, помогая ему людьми, техническими средствами и содействием будущей русской власти в Европе, влияя на события в духе нашей политической идеологии. б) Организация остается анонимной. Члены ее, работающие в революционных организациях в России, должны выявляться не в качестве

представителей заграничной организации, а в качестве членов местных русск<их> организаций»¹⁰⁷. АЦ вел работу, направленную на Советскую Россию, имел свои структуры в Эстонии в Ревеле, группы в Финляндии, Норвегии, Польше, Чехословакии, Грузии, переправлял литературу в Советскую Россию. Имелся и план совместных действий с ингерманландским и карельским комитетами, в то же время средства АЦ иссякали и уже к концу 1922 г. он прекращал работу¹⁰⁸.

Возможно, из-за отсутствия перспектив А.А. Аргунов и поддержал план создания группы «Крестьянская Россия». Как пишет Маслов, «Аргунов с трудом решился на этот формальный разрыв с партией с.-р.; он ведь был одним из основателей ея. <...> Аргунов нашел в себе мужество, много мужества, поступить так, как подсказывали ему взгляды. <...> У других этого мужества не оказалось»¹⁰⁹.

В начале декабря 1921 г. Сергей Маслов встречался с правым эсером И.И. Фондаминским, который доказывал, что выгоднее «не выходить из партии эсеров малой группой», а «вести в ней свою линию» с надеждой на приобретение большинства в партии¹¹⁰. Он отказался участвовать в проекте С.С. Маслова, считал начинание «обреченным на неудачу и неуспех»¹¹¹. Таким же образом повел себя другой парижский правый эсер — Н.Д. Авксентьев¹¹². Но затем в 1922 г. негативное «это отношение смягчилось»¹¹³. Это открыло Маслову дорогу и на страницы журнала «Современные записки». В марте 1922 г. он пишет С.П. Постникову: «Заинтересовавшие Вас 4 и 5 главы о кооперативно-земледельческом движении я начал уже пропускать в “Современные записки”. Там поместят 5–6 листов. Около 2-х листов я уже сдал»¹¹⁴. Статья «Коллективно-земледельческое движение в современной России» появилась в «Современных записках» 22 апреля 1922 г.¹¹⁵ Анализируя процесс появления коллективного земледелия, захвативший более миллиона человек, Маслов отмечает распад «нежизнеспособной, искусственной» коммуны, но, замечает, что иные коллективные формы хозяйства могут стать «длительным явлением русской жизни»¹¹⁶.

В Париже состоялись и две важные встречи Маслова с А.Ф. Керенским, возглавлявшим АЦ, который ставил «своей целью борьбу с большевизмом в России, борьбу с большевизмом за границей, борьбу против вооруженной интервенции в Россию. Средства были получены из разных источников — у чехов, у посла Бахметьева, у отдельных лиц. Основными средствами были чешские»¹¹⁷. А.Ф. Керенский потребовал раскрыть состав группы С.С. Маслова в России и, увидев нежелание это сделать, отказал в помощи. При второй встрече А.Ф. Керенский неожиданно предрек, что «в России неизбежно должна образоваться радикально-демокра-

тическая партия, опирающаяся на третий земской элемент, на кооператоров, врачей, агрономов, — вообще, на ту часть интеллигенции, которая близка к жизни, делает реальное жизненное дело и чужда беспочвенным усилиям и фантазиям. Образование такой группировки — важное дело для русской жизни»¹¹⁸. А.Ф. Керенский сказал Маслову, что в его политической линии он видит исполнение своих предвидений. Маслов и Аргунов обсудили возможность вовлечения Керенского в проект и решили, что «фигура Керенского слишком заметна, слишком много ассоциировано с нею, чтобы ее вовлечением рисковать судьбой нового начинания»¹¹⁹.

С.С. Маслов рассчитывал через Н.В. Чайковского привлечь в проект народных социалистов. В своем дневнике он записал: «Разговаривал при первой поездке в Париж с Чайковским. Рассказал ему о нашей группировке и поставил вопрос об отношении к нам Чайковского. Чайковский все одобрил и сказал, что от его личного вступления к нам пользы будет не очень много, но он постарается “сосватать” всю Парижскую группу н<ародных> с<оциалистов>. Было устроено свидание с группой в целом. Был Чайковский, Алданов, Титов, Альперин и Брамсон. <...> Выяснили, что группа н<ародных> с<оциалистов> не может принять ни нашего неопределенного отношения к социализму, ни стремления различать рабочих и крестьян, ни, наконец, высокой оценки роли буржуазии в процессах восстановления народного хозяйства в России. Оставалась возможность вовлечения Чайковского. Но против этого запротестовал Аргунов, мелко обиженный Чайковским, когда последний был членом политического совещания в Париже. <...> Настаивать на Чайковском было невозможно: настойчивость могла грозить потерей Аргунова. Воллей-неволей пришлось разговор с Чайковским не возобновлять»¹²⁰.

Хотя уже в конце 1919 г. Маслов не считал себя членом ПСР¹²¹, сам он не рвал с эсерами. Разрыв инициировала «Заграничная делегация» эсеров, не позже 8 июня 1922 г. постановившая исключить С.С. Маслова из партии. Причиной, видимо, послужили статьи, помещенные в «Последних новостях»¹²².

На Маслова вполне сознательно поставили П.Н. Милюков и его сторонники. Так, весной 1922 г. кадет И.П. Демидов отмечал, что «намечалось некое новое политическое образование, о неизбежности которого в России в будущем говорил в своем докладе здесь Маслов. Сознание необходимости сознания чего-то нового существует не только у Маслова, но и в правой эсеровской среде вообще, и в результате намечается известное течение, идущее в новое русло, и интересующее Россию — походящим отсюда сведениям. Это новое течение и не кадетское, и не эсеровское, а некое среднее между ними. <...> И недаром Павел Николае-

вич (Милюков. — М. С.) сказал, что мы должны опираться на крестьянство, а ему, по мнению оратора, соответствует коалиция правых эсеров и левых кадетов»¹²³.

После возвращения в Прагу С.С. Маслов 20 февраля 1922 г. был принят президентом Чехословакии Томашем Гарригом Масариком¹²⁴. Внимание главы Чехословакии предопределило на долгие годы особое положение С.С. Маслова в Чехословакии. От властей этой страны С.С. Маслов получил финансовую поддержку для издания периодических сборников¹²⁵. Похоже, Маслову удалось удачно показать себя известному либералу и русофилу. Его организация создается в хорошем темпе, у нее появляется свое помещение на Югмантовой улице в центре Праги и свое печатное издание.

К весне 1922 г. следует отнести и появление организационного ядра группы «Крестьянская Россия» в Праге, где в пригороде Збраславе¹²⁶ поселились С.С. Маслов, А.А. Аргунов и А.Л. Бем¹²⁷. По официальной версии создания пражской «Крестьянской России», изложенной в ее издании в 1924 г., в результате заграничных выступлений и переговоров С.С. Маслова «в мае 1922 года сложилась центральная группа для ведения за границей работы, начатой в России. В июне 1922 г. эта группа переименовалась в «Центральное Бюро заграничных групп Крестьянской России»¹²⁸. А.А. Аргунов в 1927 г. так описал эволюцию руководящего органа в Праге. Он назывался «с весны 1922 года — Заграничная организация соединенных политических организаций крестьянства в России», Заграничное бюро крестьянских политических организаций в России, с июня 1923 г. — «Центральное Бюро заграничных организаций «Крестьянской России»¹²⁹. С.С. Маслов называл в числе создателей организации А.А. Аргунова, А.Л. Бема, Ф.И. Колесова, П.А. Сорокина и Б.Ф. Соколова¹³⁰.

Среди новых «звезд» партии в начале 20-х годов был магистр зоологии Петербургского университета, врач-бактериолог Борис Соколов (1893–1979), член Учредительного собрания. В 1920 г. он был министром в правительстве Северной области в последние дни его существования. После бегства из Советской России он стал плодовитым публицистом, мемуаристом, печатавшимся в Праге, Брюсселе и Париже, автором биографии Э. Бенеша¹³¹. В 1928 г. Соколов выехал в США, где занялся медициной.

Центром объединения стала редакция сборников, созданная С.С. Масловым на чешские средства в Праге. Первоначально речь шла о журнале под названием «Крестьянское дело», затем он был переименован в сборник «Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим». Авторам издания обещали, что «жур-

нал будет беспартийным и обращен лицом к крестьянской России; задача его, между прочим, создать несоциалистический блок, и к участию в нем не приглашены поэтому даже многие правые эсеры»¹³². Членам кадетской группы П.Н. Милюкова в мае 1922 г. было разрешено участие в этом издании. В редколлегию сборников наряду с С.С. Масловым, А.Л. Бемом и А.А. Аргуновым вошел прибывший в Прагу Питирим Александрович Сорокин. Представляется важным отметить в создании «Крестьянской России» роль этого крупнейшего российско-американского социолога. Видный деятель партии эсеров, после ареста под давлением репрессий отошедший от нее в 1918 г., П.А. Сорокин, как можно подозревать, выработал новую политическую платформу еще до высылки из СССР. Нет точных данных о его контактах с С.С. Масловым в 1920–1921 гг., но характерно, что после приезда в Прагу в 1923 г. была опубликована его книга «Современное состояние России». Краткий срок, прошедший между высылкой и публикацией, позволяет предположить, что концепция работы была разработана П.А. Сорокиным еще в России. По своим политическим выводам и прогнозам книга Сорокина во многом совпадает с трудом С.С. Маслова «Россия после четырех лет революции».

П.А. Сорокин делает вывод о распаде всей прежней структуры российского общества: пролетариата «почти нет», крупные землевладельцы ликвидированы, старая буржуазия — также, а «новая не успеет превратиться в значительную силу», «средние слои интеллигенции и раньше незначительные — разгромлены», а вот крестьянство относительно других слоев усилилось, «поняло свою значение и роль как класса», «необходимость политической организации»¹³³.

П.А. Сорокин указывает, что у крепкого крестьянства есть запрос на создание классовой крестьянской партии и делает прогноз, что это соответствует общей тенденции: и в мировом масштабе можно ждать «выступления на сцену политики крестьянства как новой силы»¹³⁴. П.А. Сорокин предрекал, что при сохранении мирных условий в России в течение двух-трех лет начнется эволюция и большевистская «власть отпадет как короста». В итоге взамен коммунистической власти «придет на ее место власть крестьянская, и править будет новая партия — партия, выражающая интересы крестьян-собственников, партия умеренно-демократическая с сильно выраженным мелкобуржуазным кооперативным началом»¹³⁵. В практической попытке создать такую партию П.А. Сорокин и принял участие, войдя в группу «Крестьянская Россия» и в редколлегию одноименных сборников. В то же время его собственно политическая активность была явно невысока; постепенно затухая, она прекратилась с отъездом в США в конце 1923 г.

Сборники «Крестьянская Россия» выходили с 1922 г. раз в четыре с половиной месяца. Первый сборник был напечатан в октябре 1922 г. в Берлине, позже¹³⁶ печатание издания было перенесено в Прагу. 7 сентября 1923 г. А. Аргунов писал С. Мельгунову: «“Кр<естьянскую> Россию” мы уже набираем в Праге; с Берлином пришлось проститься»¹³⁷. Сборник вышел 9 номерами (три из них — сдвоенные), каждый — тиражом около 1500 экземпляров. Несколько экземпляров были нелегально отправлены весной 1923 г. в Киев¹³⁸.

Основную редакторскую работу вел А.А. Аргунов¹³⁹. В сборниках печатались: А.А. Кизеветтер («Крестьянство в истории России», № I–II), П.А. Сорокин («Россия и после нэпа», № II–III; «Город и деревня», № IV; «Население, класс, партия», № V), П.Н. Милюков («Республика или монархия», № IV), С.Н. Прокопович, Н.С. Тимашев, Б.Д. Бруцкус и др.

С.С. Маслов сообщал Е.Д. Кусковой: «“Кр<естьянская> Россия” до рогу себе пробивает. Вторая книжка встречена и принята с гораздо большим интересом, чем первая. Письма с запросами и просьбами разного рода читателей тому доказательство. Начинают ходить в редакцию, чтобы купить или выпросить книжку. Имели немало восторженных отзывов от рядового читателя. В настоящее время идет разговор об образовании в ряде мест групп. Вырабатываю сейчас конституцию для них. <...> В Праге небольшая группа студентов — наших готовится сейчас к выпуску студенческого органа (на шапирографе). Дело идет»¹⁴⁰.

В сборниках «Крестьянская Россия» С.С. Маслов напечатал серию программных статей. В работе «Восходящая сила», ссылаясь на опыт Европы, Маслов доказывал: «Следует ожидать <...> что крестьянское политическое движение, когда оно получит возможность выйти из подполья, проявится в России с наибольшей силой. <...> Изначальный политический пласт, до сего времени политически молчавший и казавшийся мертвым, ожил и начал действовать»¹⁴¹. В статье «Возрождение России и крестьянство» Маслов подчеркивал, что большинство населения России было всегда дискриминировано и речь идет о восстановлении справедливости: «Россия искони и до сегодняшнего дня крестьянская по составу своего населения и по объективному значению крестьянства никогда до сих пор не была крестьянской <...>. Государственная власть всегда оставалась антикрестьянской и потому в значительной части своей деятельности антигосударственной. Значение крестьянства далеко расходилось с его положением. С эти старым, всегда болезненным и с 1917 года ставшим роковым для России противоречием должно быть покончено. Таково основное политическое дело, которое история возлагает на плечи поколений России, общественно уже живущих и действующих»¹⁴².

В работе «К вопросу об общественном положении крестьянства» С.С. Маслов доказывал, что крестьянин имеет особый общественный статус, ибо свое хозяйство он в значительной мере ведет не наемным трудом, а своим собственным, что «крестьянин одновременно является земледельцем, хозяином и работником»¹⁴³. Споря с народными социалистами (энесами), автор делал вывод, что «нет тождества интересов рабочих и крестьян», напомнив о тех временах, когда рабочий, «разорив промышленность, с оружием в руках шел затем разорять крестьянское хозяйство»¹⁴⁴, что будет еще долго вспоминаться в деревне. Зато С.С. Маслов считал возможным союз крестьянства с интеллигенцией, которая, по его мнению, найдет в деревне опору своей мечте увидеть возрождение России.

В статье «К земельному вопросу в России» в 1924 г. С.С. Маслов выступает против идеи выкупа земли у прежних собственников (якобы ради социального мира), отвергая и эсеровский приоритет арендных отношений. Он уверен: «Хозяйствование на арендованной земле всегда ниже и хуже, чем на собственной или на земле вечно-наследственного пользования. Разница тем меньше, чем аренда длиннее»¹⁴⁵. Здесь Маслов (вопреки ранним взглядам) делает вывод о необходимости введения — под контролем государства — частной собственности на землю: «Земельно-правовая нома, обеспечивающая наиболее полное удовлетворение этого требования в сложившихся условиях русской жизни — ограниченная частная собственность. <...> Ограничение земельной собственности не может быть однообразным и навсегда данным. Оно должно быть подвижным в зависимости от перемен в состоянии народного хозяйства, от укрепления крестьянского хозяйства и от степени насыщенности его потребности в кредите. Ограничение собственности в первые годы послебольшевистского периода не может не быть весьма жестким, постепенно слабея в дальнейшем. Разрешительный порядок при купле, продаже и залоге земли будет неизбежным. Впоследствии он должен сокращаться в своем применении и из-под его действия последовательно одна за одной будут выходить коммерческие операции, связанные с частнособственнической землей. В конце концов, государство может сохранить за собой лишь право преимущественной покупки земель, законодательное регулирование арендных отношений, надзор за тем, чтобы земля не собиралась в одних руках свыше определенных размеров»¹⁴⁶. Можно сделать вывод, что комплекс статей Маслова в сборниках к середине 20-х гг. фактически формирует стратегическую партийную программу «Крестьянской России».

Политическая позиция редколлегии по отношению к советской власти была весьма жесткой. В наброске «Обращения об издании сборников “Крестьянская Россия”» первым пунктом «области ближайших и важ-

нейших задач» выдвигалась «непримиримая борьба с большевистской властью»¹⁴⁷. В первом сборнике «Крестьянской России» указывалось, что редакция никогда не будет сотрудничать с большевиками. Первым пунктом программы группы «Крестьянская Россия» также было заявлено: «Решительное отрицание существующей большевистской власти и признание полной невозможности какого-либо соглашения с ней»¹⁴⁸.

С.С. Маслов в декабре 1922 г. высказался против надежд на эволюцию Советов: «Горячо говорили вчера по подводу предстоящего “пролома в коммунистической монополии на власть”. Считаю, что мирная эволюция нынешней власти была бы с точки зрения интересов России предпочтительной перед ее революционным свержением, но сошлись также и на том, что путь этот исключен. Доэволюционировать нынешняя власть может только до революции против себя. <...> Словом, если “провал” действительно будет, то в качестве симптома тяжелого, безвыходного даже положения нынешней власти, он показателен и важен (на политические уступки тирания идет только перед лицом своей смерти) непосредственных же положительных и реальных следствий он будет лишен»¹⁴⁹.

А.Л. Бем полемизировал как с большевиками, так и с социалистами-революционерами. Он провел анализ выступлений органа эсеров «Революционной России», так и не отказавшихся даже в своих программных выступлениях от лозунгов «диктатуры пролетариата», «классовой борьбы», «социализации», и делает вывод, что в вопросе о диктатуре какого бы то ни было класса необходим «полный разрыв с наследием марксизма. Отказ от диктатуры требует отчетливой формулировки идеи демократии, как ее антипода». Группа не ставила своей целью замену «диктатуры пролетариата» властью одного крестьянства, противопоставляя однопартийному режиму — демократический. С.С. Маслов предлагал идею сбалансированного государства: «Власть может только приближаться к общенародной». Путь для этого только один — участие во власти всех классов общества и демократия. Единоличная же власть неизбежно делается «или слугой своего окружения или класса, которого она боится и в котором ищет опоры»¹⁵⁰.

Молодой юрист Н.А. Антипов, участвовавший в создании пражской группы, подчеркивал, что главное в программе — приемлемая для самых разных групп общества политико-хозяйственная нормализация: «Программа “Крестьянской России” определяет лишь те осуществимые меры, которые при постепенном проведении могут наладить мирную жизнь, дать хлеб насущный, уверенность в завтрашнем дне, обеспечить благо будущих поколений»¹⁵¹. Другой активист группы Н.В. Быстров так объяснял суть ее линии: «Политическая программа партии была крестьян-

ской и отражала принципы демократическо-республиканского строя. Исходя из того, что в России, как в стране преимущественно аграрной, крестьянство по сравнению с другими слоями населения составляло значительное большинство, однако не пользовалось соответствующим материально-культурным положением и не играло в управлении государством соответствующей роли, программа нашей партии предусматривала устранение этого явления и предоставления крестьянству в России соответствующего руководящего положения в управлении государством. Выполнение этой программы предусматривалось путем свержения советского строя внутренними силами России»¹⁵².

«Крестьянская Россия» декларировала, что борется за освобожденный труд. В области экономики партия была не против частной собственности как таковой, но против эксплуатации и паразитических форм частного владения капиталом. Петр Носаль отмечал: «Программа “Трудовой крестьянской партии” предусматривала ликвидацию колхозов и установление частной собственности на землю, денационализацию промышленных предприятий путем продажи их акционерным компаниям и частным лицам»¹⁵³. Как пояснял И. Верещагин, установление в России нового строя должно было сопровождаться приватизацией: «Первыми мероприятиями нового демократического правительства предполагалась децентрализация государственных предприятий, т. е. восстановление в России частного капитала»¹⁵⁴. В документах «Крестьянской России» отмечалось, что она положительно смотрит на смешанную экономику и считает, что кооперативные формы лучше всего могут послужить интересам общества в целом. Как кратко и точно сформулировал цели партии П.И. Носаль, «основной задачей партии “Крестьянская Россия” было создание демократической республики в России, опираясь главным образом на трудовое крестьянство»¹⁵⁵.

С.С. Маслов и его коллеги отразили настрой разочарованных прежними социалистическими альтернативами большевизму политиков, и в эмиграции и в России чувствовавших запрос масс на новое. Живший в Эстонии П.А. Богданов в своем письме указал на «Крестьянскую Россию» как на новое, перспективное явление: «Это новое имеет, по-моему, одну особенность, стремление быть ближе к земле, и в прямом, и в переносном смысле этого слова. К земле, т. е. к крестьянину, этой будущей силе России, к земле, т. е. <нрзб.> к реальному, действительному ближайшему будущему в его исторической перспективе. Другой особенностью этого нового является искание. Ищут, не боясь порвать со старыми формулами, со старыми лозунгами, не витая, однако, в дебрях всяких раев земных, а беря жизнь как основу, как базу для своих настроений и

перестроений этой жизни. Вот это-то искание и дает то новое, что придет на смену отжившему и отживающему и эс-эрству, и эс-дечеству, и кадетству и монархизму. Социальной базой этого нового будет в странах аграрных — мужик, в странах с сильной индустрией — кооперированная сила рабочего и трудовых элементов интеллигенции, в странах аграрно-индустриальных — сложенная сила дифференцированного стро-го крестьянства и промышленного и умств<енного> пролетария. В Рос-сии база — мужик, деревня. Она вкуне с интеллигенцией, которая пой-дет с деревней, а частью и поведет ее — деревню с собой, дадут и новых вождей, новых трибунов, новых живых людей. Читали ли вы “Кресть-янскую Россию”? И что по этому поводу имеете сказать?»¹⁵⁶. П.А. Богда-нов с 1922 г. стал сотрудничать с редколлегией сборников и вошел в группу «Крестьянская Россия».

Таким образом, можно констатировать, что С.С. Маслов и его едино-мышленники к 1923 г. подготовили платформу для создания в России современной аграрной партии. Она должна была соединять общенацио-нальные задачи и защиту интересов самого многочисленного в России 20-х годов социального слоя — крестьянства.

Профессор Е.Н. Андреева считает, что «в мае 1922 г. в Праге состоялся первый официальный съезд “Крестьянской России”»¹⁵⁷. Однако докумен-тальных свидетельств его проведения найти не удалось. Скорее в мае 1922 г. лишь сложилась «центральная группа для ведения за границей работы, начатой в России»¹⁵⁸. Донесение в Иностраннный отдел ГПУ от 3 августа 1923 г. относит организацию этой группы к 1922 г.: «В 1922 г. организовалась в Праге с приездом из России Питирима Сорокина груп-па крестьянского союза. Во главе стоят Маслов, Аргунов и Сорокин, груп-па очень немногочисленная (11–12 членов), политического значения среди эмигрантов не имеет. Маслов и Аргунов ушли от эсеров окончательно, к группе отношение эмиграции симпатичное, их считают людьми полити-чески порядочными, активности никакой»¹⁵⁹.

К группе примкнула молодежь. Живший и учившийся в 20-е гг. в Праге С.М. Рафальский считал, что именно эмигрантское студенчество стано-вилось опорой самых разных новых проектов, включая и «Крестьянскую Россию»: «Хотя настроение молодых было явно скорее направо, чем на-лево — но жило в них то смутное, то явственное ощущение, что старые пути не годятся, что надо искать новых дорог, новых идей, по-новому подойти к осознанию (так. — М. С.) происшедшего и к борьбе с суще-ствующим на родине строем. Отсюда и довольно бурные дискуссии на тему отцов и детей и ряд новых образований: евразийцы, младороссы, “Крестьянская Россия”, Национальный союз русской молодежи (буду-

щий НТС), народные монархисты Солоневича, нац. большевики, возвращенцы и сменовеховцы»¹⁶⁰.

Один из создателей группы в Праге студент Н.А. Антипов указывал дату проведения учредительной конференции пражской группы: «... Летом 1923 года в Праге была создана первая группа организации, — “Крестьянская Россия”, впоследствии “ТКП”»¹⁶¹. Другой студент Русского юридического факультета в Праге Н.В. Быстров вспоминал: «В октябре 1923 года я впервые присутствовал на собрании, где нами была создана первая организация “Крестьянская Россия”, получившая наименование пражская. После создания пражской группы организация начала быстро расширяться. В последующие годы такие же группы были созданы: в Брно (Чехословакия), Югославии, Польше, Франции, Литве, Эстонии и на Дальнем Востоке. Все эти группы объединялись центральном бюро, находившимся в Чехословакии»¹⁶². Расхождение в хронологии несущественно: и у Антипова, и у Быстрова речь идет о процессе — привлечении в 1923 г. к работе в «Крестьянской России» пражского студенчества. В итоге этого этапа в организации на конец 1923 г. числилось 18 человек в Праге, в Брно — два человека, в Ревеле — трое, отдельные члены в Ужгороде, Париже, Вильно, Загребе, Осее, США¹⁶³.

Анонимный автор донесения в ГПУ предсказал создание блока группы Маслова и сторонников Милюкова: «Любопытно, что в некоторых политических вопросах (как напр<имер> автономия) бывшие социалисты с Масловым во главе стоят правее Милюкова. Милюков в последний свой приезд в Прагу в этом году признал Маслова, Аргунова и Сорокина своими единомышленниками и действительно, рассуждая теоретически, они должны вылиться в радикал-республиканцев, если вообще, подобным партиям суждено будет существовать. <...> Крестьянская группа получает от чешского правительства субсидию, на которую живет и печатается. Появился ряд изданий Маслова, Пит<ирима> Сорокина и др. Маслов и Аргунов проживают около Праги <в> г<ороде> Збразлов¹⁶⁴, район их работы — Прага. Представители этого течения утверждают, что вся крестьянская масса России — их политическое исповедование. Насколько это верно судить не берусь, во всяком случае, связей и сношений с Россией у них нет. Влияние среди эмиграции мало, но некоторые их противники сулят им в будущем значительный успех. <...> Может иметь идейный успех группа Милюковско-Масловско-Аргуновская, но не непосредственно»¹⁶⁵.

К 1923 г. относятся первые попытки С.С. Маслова создать группы поддержки «Крестьянской России» в разных странах Европы¹⁶⁶, расширить ее деятельность в кругах русской военной эмиграции и создать ши-

рокую демократическую коалицию. Он отмечал: «Моя мысль усиленно работает над проблемой образования полного блока русских политических групп»¹⁶⁷.

Идея создания блока республиканцев постепенно реализовывалась в процессе дальнейших переговоров с левыми кадетами П.Н. Милюкова и заграничным представительством ТНСП в 1922–1924 гг.

1.2. Первая коалиция: «крестроссы» + эрдеки

Создание коалиционного Республиканско-демократического союза (1922 – декабрь 1923 г.).

С 1923 г. «Крестьянская Россия» является одним из субъектов политической жизни русской эмиграции. В трудных переговорах о создании Республиканского демократического союза (РДС) организация присутствует как равноправный их участник наряду со сторонниками П.Н. Милюкова, энесами, социалистической группой «Заря» и правыми эсерами. Естественным было желание российских демократов повторить в эмиграции опыт Союза возрождения России, объединившего в 1918 г. кадетов, народных социалистов, правых эсеров и меньшевиков, группу «Единство». В борьбе двух тактик кадетская партия в эмиграции раскололась на две группы. Большинство, где тон задавала берлинская группа, объединенная вокруг газеты «Руль» во главе с В.Д. Набоковым и И.В. Гессеном, оказались справа, в тактическом союзе с П.Н. Врангелем и умеренными монархистами. Парижская группа во главе с П.Н. Милюковым выбрала предложенный своим лидером в декабре 1920 г. в статье «Что делать после Крымской катастрофы?» курс «новой тактики». Сторонники Милюкова откололись сначала от правого крыла кадетской партии, а в 1921 г. — и от центристов, выйдя из состава парижской кадетской группы. Милюков предложил признать земельный передел, установление республики и появление на территории Российской империи декларативной федерации.

Член «Крестьянской России» Д.А. Акимов в 1928 г. о сути «новой тактики» весьма интересно написал: «После Крымской эвакуации Милюков решительно порвал с так называемым “белым движением”, т. е. с теорией и практикой побитых белых армий. Решительные выражения в печати против попыток Врангеля, Кутепова и друг<их> сохранить армию как таковую за рубежом (Галлиполи, Сербия), заявления о том, что вера в возможность вооруженной борьбы после опыта 1917–20 годов фан-

тастична и вредна, что это была бы уже борьба не за Россию, а против нее, наконец, анализ сущности белого движения и его краха, сделанный Милюковым, — все это с одной стороны вызывало острую ненависть со стороны правых группировок, лиц более умеренных, но безоговорочно поддерживающих армию (Карташев, Буцев — короче говоря “Общее дело”) и рядовой массы бойцов белой армии, находящихся еще целиком под впечатлением только что отгремевших боев и исключительно тяжелых переживаний первого периода эмиграции (голод, унижение со стороны «союзников» и т. п.), бойцов, которым “новая тактика” Милюкова представлялась ренегатством, подлой изменой, чуть ли не переходом на позиции “соглашательства” с Сов<етской> властью; с другой стороны эти выступления Милюкова положили начало дифференциации эмиграции (процесс, который, по моему мнению, исключительно желателен и не завершен до сих пор). С этого момента наметилась резкая и отчетливая грань между так называемой “национальной” (идеологически правой) эмиграцией и эмиграцией демократической (отчетливые республиканцы, социалисты). Это, конечно, общая схема. Между “милюковцами” и “националами” не пустое место. Тут кадеты центра, полевевшие и поднаученные жизнью монархисты, белые радикалы, вильнувшие несколько вправо — короче говоря, люди демократически настроенные, но не верящие в организующие силы демократии (ушиб, оставшийся от “блестящего” периода с Февраля по Октябрь 1917 г. и не менее яркого “конца” Учредительного Собрания). («Руль»)¹⁶⁸.

В июле 1921 г. на базе парижской группы кадетов была создана Демократическая группа Партии народной свободы (ДГ ПНС) во главе с П.Н. Милюковым — 22 человека, включая самого Милюкова и его жену¹⁶⁹.

П.Н. Милюков в 1922 г. делал ставку на раскол ПСР¹⁷⁰. Появление в Париже С.С. Маслова с его идеей крестьянской партии объективно было на руку Милюкову. Один из видных членов ДГ ПНС П.Я. Рысс 22 мая 1922 г. говорил о союзе с «Крестьянской Россией»: «Часть социалистов (группа эсеров) приручена буржуазно-демократической партией. Это имеет большое значение, ибо в России, несомненно, будет господствовать радикально-демократическая партия или какая-то им подобная под иным названием, но близко стоящая к нам, а социально — к бывшим социалистам, которые пересмотрят свои программные верования. <...> Крайне желательно, чтобы эта эсеровско-кадетская комбинация сохранилась. <...> Такая радикально-демократическая группировка — из нас и правых эсеров — должна будет осуществиться в России»¹⁷¹.

В июне-июле 1922 г. на заседании Парижской группы обсуждался вопрос об отношении к выдвигаемой Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем

идее «образования республиканско-демократического союза»¹⁷². П.Н. Милюков отметил незнание инициаторами положения дел в Европе: «...Мы же, сидящие здесь, хорошо знаем, что в Европе можно подвести под понятие республиканско-демократического фронта. Например, некоторые из социалистов могут сюда войти, а другие не пойдут, ибо не согласятся на признание полностью принципа частной собственности, в особенности на землю»¹⁷³. Милюкова смущало предложенное персональное членство (под предлогом того, что партии в России потеряли значение), и он предлагал «присмотреться»¹⁷⁴ к этой идее. Но он заметил, что «проектируемая широкая группировка — единственная, имеющая будущее»¹⁷⁵.

24–26 июля 1922 г. в общем плане была выработана платформа будущего союза, но стороны организационно вперед не продвинулись. Не оправдался расчет Милюкова на то, что Кускова и Прокопович смогут привлечь в блок эсеров и социал-демократов из «Зари», было лишь найдено название — Республиканско-демократический союз¹⁷⁶.

3 августа 1922 г. П.Н. Милюков докладывал, что парижские эсеры, пойдя на уступки в вопросах частной собственности (под контролем государства), всеобщего избирательного права и «неупоминания» об Учредительном собрании (формула «народное и федеративное представительство»), отправились в Берлин «для переговоров с тамошними эсерами»¹⁷⁷. Съезд намечалось провести в конце августа 1922 г. Из числа лиц, связанных с кооперацией», в съезде предлагалось участвовать С.С. Маслову и А.А. Аргунову. П.Н. Милюков заявил: «Я стою за Маслова, ибо думаю, что лучше иметь его внутри Союза, если удастся его, понятно, к этому склонить, чем вне его»¹⁷⁸.

Совещание инициативной группы смогли собрать в Париже только 24 сентября с участием эсеров Н.Д. Авксеньева, И.И. Фондаминского, В.В. Руднева и др. 2 октября 1922 г. оно утвердило текст платформы Союза¹⁷⁹. Этот документ¹⁸⁰ подписали представители разных структур, включая и С.С. Маслова. Но сама группа по желанию эсеров была распущена, из-за чего, как констатировал П.Н. Милюков, «формально после себя Съезд никаких организаций не оставил»¹⁸¹. Одобрили план создания республиканско-демократических клубов, которые должны были обсудить платформу¹⁸².

В декабре 1922 г. в берлинской газете «Дни» разгорелась полемика между народным социалистом А.В. Пешехоновым и С.С. Масловым «по поводу создаваемой последним крестьянской партии». Пешехонов выступал с критикой классового характера партии Маслова, выступая в защиту структур общегосударственных¹⁸³. С.С. Маслов вступил в полемику, доказывая необходимость именно крестьянской партии. Поскольку Пеше-

хонов попрекал его уходом от корней, от народничества, Маслов постарался показать, в чем отличие. При этом он сформулировал отличия своей будущей партии от ПСР и ТНСП. Он объявил: «Центральным пунктом в наших современных общест<венных> помыслах является Россия. Она — наш “дом” и она нам бесконечно ближе “мира”. От интереса к общечеловеческому прогрессу и от участия в нем не отказываемся, но полагаем, что послужим ему вернее и успешней, сосредоточив все силы на устроении Родины. Мы — националисты. Интернационализм как постоянный и четкий уклон народнической мысли последних десятилетий нам чужд»¹⁸⁴. Маслов считает, что реалисты должны отойти от традиционно отрицательного отношения народников к капиталистическому строю, так как только он «дает получение достаточной инициативно-организующей энергии в целом ряде отраслей народного хозяйства»¹⁸⁵. Кроме того, «Крестьянская Россия» лишена свойственного народничеству чувства преклонения перед революцией. Революции она считает «печальными неизбежностями», возникающими из-за прекращения тока эволюционных процессов. Группа видит место и условия «не только для классовой борьбы, но и для солидарных действий классов»¹⁸⁶. Маслов обвинил Пешехонова в банальной ревности, в запугивании тем, что на место рабочего большевизма придет крестьянский.

«Дни» в редакционной статье с ортодоксальных эсеровских позиций однозначно поддержали Пешехонова¹⁸⁷. Но, включившись в полемику, П.Н. Милюков напомнил, что движение за крестьянскую партию началось в виде трудовой группы во 2-й Думе. Он предполагал: «Мы, может быть, еще не успеем подойти к крестьянам, как образуются в их среде крестьянские группы (Масловская и другие, подобные ей) с которыми нам и придется в таком случае войти в контакт. Маслов сейчас близок к нам, и нельзя поэтому не поддержать его начинания»¹⁸⁸. П.Н. Милюков считал, что негативное отношение «Дней» к проекту С.С. Маслова связано с надеждой ПСР сохранить свое влияние на крестьянские низы, «подобно эсдекам, так же смотрящим на рабочую среду». И в связи с этим ДГ ПНС заняла позицию «поддерживать положения, выдвинутые Масловым, не сливаясь с ним, однако, целиком»¹⁸⁹. П.Н. Милюкова и С.С. Маслова сблизило то, что они представляли ревизионистское меньшинство, отошедшее от старых партий — кадетской и эсеровской и ставившее задачу в условиях нэпа защищать интересы крестьянства.

Возможно, именно по причине укрепления группы Маслова правые эсеры от проекта РДС с осени 1922 г. постепенно начали отходить. Клубы, которые предложило создать Парижское совещание, возникали с трудом. В Париже республиканско-демократический клуб появился в янва-

ре 1923 г., в Праге клуб был создан лишь к лету 1923 г., но уже без участия эсеров.

С момента начала переговоров об образовании в 1923 г. РДС его лидерами ставилась задача часть тиража своих изданий переправлять в Советскую Россию. В начале 1923 г. свои услуги предложил участник Белого движения и «Центра Действия» (ЦД) в Польше Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933). Для конспиративной работы у него имелась серьезная база и связи в Польше. Дело в том, что «с августа 1921 г.»¹⁹⁰ контакты республиканского крыла эмиграции с Советской Россией поддерживались, в частности, с территории Польши через «Центр действия». Центр был создан в Париже по инициативе лидера ТНСП Н.В. Чайковского, который, по словам С.П. Мельгунова, считал: «Надо идти в Россию и связываться с теми, которые способны вести активную борьбу»¹⁹¹. В состав ЦД входили как кадеты, так и народные социалисты, а также и военные — не на партийной, а на персональной основе.

Представителем ЦД в Варшаве и был Б.А. Евреинов¹⁹². «На него была возложена задача технической организации проникновения в Советскую Россию и связи с антибольшевицкими организациями»¹⁹³. «Центр действия» решил издавать журнал «Новь». «Основной его задачей, — писал Чайковский, — является собирание распыленной русской общественности (как внутри страны, так и за рубежом), повышение среди нее политической активности, борьба с беспринципностью, моральным развалом, идейной растерянностью»¹⁹⁴.

В поездку 28 марта 1922 г. из Польши отправился эмиссар Центра Николай Платонович Вакар (1893–1970). Его переправку через границу в районе Ровно – Корец обеспечивал Дмитрий Капащинский, чьи родственники жили в Киеве, а сестра была членом организации. По заданию Б.А. Евреинова Капащинский побывал в Советской России нелегально «для проверки партизан, местных крестьян»¹⁹⁵. Капащинский поддерживал техническую связь с отделением 2-го отдела польского Генштаба во Львове, получал там разрешения на проезд нужных людей к границе. Д.К. Капащинский отмечает, что часть получаемой из России информации Б.А. Евреинов передавал польской военной разведке: «Мы все были против снабжения “друзей” информацией военного характера. Но Б.А. (Евреинов. — М. С.), через которого была установлена и поддерживалась связь со 2 отделом, всегда отвечал, что за дружбу приходится платить, хотя ему это и не очень приятно»¹⁹⁶.

Н.П. Вакар нелегально посетил Киев, Москву и Петроград. В Киеве были организованы три группы ЦД, в Москве — две. В Москве Вакар выступал на заседании группы кооператоров, где присутствовали

А.И. Угримов, Н.Д. Кондратьев и др.¹⁹⁷ С.П. Мельгунов пишет: «Я хорошо помню свою встречу с Н.П. Вакаром, приехавшим весной 1922 года нелегально из-за рубежа. <...> Дело, которое побудило Вакара пробраться в Россию, нам (мне и В.А. Мякотину) казалось преждевременным. Еще не было настроения в широких массах населения. Сильна была та психическая депрессия, при которой трудно проявлять какой-либо организованный активизм»¹⁹⁸.

Н.П. Вакар через Киев возвратился в Польшу 11 июня 1922 г.¹⁹⁹ Он привез материалы для первого номера журнала «Новь» (вышел в свет в ноябре 1922 г.), подготовленные группой киевских интеллигентов (юрист С.М. Чебаков, профессор Н.П. Василенко, меньшевик К.П. Василенко, профессор И.П. Смирнов, адвокат Л.Э. Чолганский). Журнал выходил «в количестве 1000 экземпляров и различными путями, главным образом, через польско-советскую границу нелегально доставлялся в Россию»²⁰⁰. Но ЦД в Париже к началу 1923 г. потерял источники финансирования, и «Новь» прекратилась на четвертом номере. В апреле 1923 г. Центр действия признал нецелесообразным и опасным поддерживать нелегальную связь с единомышленниками. Борис Евреинов писал, что «организация Ц<ентра> Д<ействия> прекратила свое существование весной 1923 г. и тогда же уволила всех своих сотрудников»²⁰¹.

В этот момент Б.А. Евреинов в Праге вступил в переговоры с группой С.С. Маслова о доставке сборника «Крестьянская Россия». В письме Н.П. Вакару в Париж Б.А. Евреинов отмечал, что если не удалась идея с «Новью», надо поддержать более широкую идею «журнала, окна в Россию»: «Я говорю про группировку “Крестьянской России”, которую <нрзб.> ведут С.С. Маслов и Питирим Сорокин. Они работают на чехословацкие деньги, журнал их материально обеспечен, но они затрудняются в эмигрантской аудитории. Ему нужно найти иные, более широкие рамки. И естественным рынком для них явится Россия. Из длительного разговора с Масловым я убедился, что проникнуть в Россию им очень хочется, и самый легкий путь проникновения — воспользоваться нашими людьми, каналами, установившимися отношениями с “друзьями”»²⁰².

Б.А. Евреинов в конце апреля предложил передать Маслову «линию связи» при условии сохранения прежнего руководства и продолжении финансирования. 28 апреля 1923 г. он писал в Париж из Праги: «Я здесь затеял переговоры с руководителями журнала “Крестьянская Россия” относительно превращения этого журнала в орган типа “Нови” для распространения его в “деревне”»²⁰³. Направление этого журнала нам близко и родственно, деньги у издателей имеются, желание проникнуть в “деревню” большое. Я предложил руководителям этого журнала передать

им наш технический аппарат, т. е. линию связи и приемный пункт в К<орце>. Еще до вашего ответа я хочу изложить свой план Маслову и Сорокину, с тем, чтобы подготовить дальнейшие разговоры»²⁰⁴. В письме из Парижа М.Д. Одинец, предложил Евреинову далее действовать в рамках республиканско-демократического блока, которому власти Чехословакии обещали субсидии под создание крупной эмигрантской демократической организации²⁰⁵.

К 25 мая 1923 г. Б.А. Евреинов договорился с С.С. Масловым о сохранении «линии», о том, что новый «журнал не должен быть делом маленькой группы лиц, но органом объединения демократических элементов эмиграции»²⁰⁶. В конце июня 1923 г. Евреинов подготовил общую для «Крестьянской России» и группы Милюкова смету: на издание журнала и содержание «линии связи» Евреинов предполагал ассигновать до 10 000 крон или 192 000 франков в год²⁰⁷. Евреинов указывает на то, что П.Н. Милюков не раз встречался с главой МИД Чехословакии Эдуардом Бенешем, который «определенно и официально подтверждает свои обязательства»²⁰⁸.

Как раз в это время — в июле 1923 г. Киевский Центр действия был разоблачен ГПУ. 17–18 июля начались аресты киевских интеллигентов²⁰⁹.

Масштабы провала в Варшаве и Праге не были известны. В Киеве весной 1924 г. был проведен показательный процесс, о котором С.П. Мельгунов отозвался так: «Дело закончилось киевским процессом так называемого “Центра Действия”, в котором по большевицкому обычаю был провокационно инициирован “шпионаж” с целью расправы». Благодаря кампании международной солидарности, протестам президента Франции Р. Пуанкаре, премьера Великобритании Р. Макдональда, президента Чехословакии Т.Г. Масарика, канцлера Германии Г. Штреземана, главы Италии Б. Муссолини, премьера Бельгии Э. Вандервельде, профессуру удалось спасти от расстрела. Позже осужденным сроки были снижены наполовину²¹⁰.

А.П. Вельмин в 1954 г. достаточно наивно написал своему корреспонденту в США Иосифу Степановичу Микуловскому о судьбе членов КЦД после смягчения приговора в 1925 г.: «Все они отбывали свое наказание в сравнительно приличных условиях, не в концентрационных лагерях, а в Киевской тюрьме: один из них проф. Н.П. Василенко был освобожден досрочно, а остальным сроки были сокращены на общем основании (“за хорошее поведение в тюрьме”) и все они по отбытии своих сроков вышли на свободу. Относительно двух — проф. Н.П. Василенко и С.М. Чебакова — я знаю, что оба потом скончались естественной смертью; участь остальных мне неизвестна, но, во всяком случае, я никогда

ни от кого не имел никаких сведений о том, что кто-нибудь из них “погиб” в связи с этим делом (а во время немецкой оккупации Киева мне писал оттуда один мой хороший знакомый, хорошо знавший всех участников этого дела)»²¹¹. Видно, Вельмин запомнил, что сам же в начале 30-х писал, что «на свободу» многие участники КДЦ были высланы в Сибирь, где и сгинули. Впрочем, сестра Д.К. Капацкого, работавшая под псевдонимом «Орленок», умерла своей смертью в сентябре 1956 г.²¹²

История КДЦ и Киевский процесс отвадили многих демократов, например Н.П. Вакара, от дальнейших занятий конспирацией. Но не Милюкова и его пражских партнеров по переговорам и блоку. П.Н. Милюков приезжал в Прагу 14–16 апреля 1923 г.²¹³ Затем 3 июня 1923 г. он вел переговоры с группой «Крестьянская Россия», которую представляли А.А. Аргунов, С.С. Маслов, А.Л. Бем и П.А. Сорокин (только на первом заседании)²¹⁴. Маслов ссылался на то, что в числе поручений, данных ему в России от имени группы, «имеется и поручение создать за границей объединение р.-д. группировок»²¹⁵. Представители Центрального бюро «Крестьянской России» сообщили Милюкову о наличии у них двух групп в Европе, но пообещали, что осенью их будет «до десятка в разных местах»²¹⁶. Позиция «Крестьянской России» была: «союз не лиц, а групп», «задачей же его должна являться не только деятельность в эмиграции, но и деятельность, направленная в Россию»²¹⁷. Предполагалось издание литературы и выходящего раз в две недели журнала.

При обсуждении программы блока споры вызвало положение о России как о федерации, так как Милюков мыслил ее «на основе добровольного соглашения», а Маслов считал, что это поощрит самостийников. Но обошлись просто указанием на федерацию. Июньская платформа 1923 года подразумевала: «1. Государственное устройство России на основах а) республиканско-демократического строя с устойчивой и сильной подзаконной и ответственной исполнительной властью, б) гарантии прав человека и гражданина и гражданского равноправия, в) независимого суда и г) демократического местного самоуправления и областной автономии. 2. Восстановление государственного единства России на основе федерации. 3. Возможно, скорый созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права в условиях, обеспечивающих правильность его избрания»²¹⁸. Милюков шел навстречу «Крестьянской России» в вопросе об обороте земли: аренда допускалась, купля-продажа запрещалась «до восстановления нормальной народнохозяйственной жизни»²¹⁹.

Главным в «Тактических основаниях соглашения» было положение о том, что «в союз не входят организации, примирившиеся с Советской

властью или считающие единственным путем освобождения России ее внутреннюю эволюцию», «допускающие иностранную интервенцию». Союз намечал вести «борьбу с организациями, поставившим себе целью восстановление монархии в России»²²⁰.

5 июня 1923 г. Милюков выступал в Праге перед аудиторией из 800 человек на торжественном заседании по случаю открытия деятельности Русского республиканского клуба с докладом «Республиканско-демократический идеал в России»²²¹. Тогда же Маслов и Милюков попытались привлечь к блоку руководителей ТНСП В.А. Мякотина, С.П. Мельгунова и берлинскую группу Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича. Для переговоров с энесами и группой социал-демократов «Заря» Маслов и Аргунов вместе с Милюковым выехали в Берлин. Здесь Милюков получил от лидеров ТНСП согласие на участие в блоке уже сложившихся групп. С.С. Маслов встретился со Станиславом Ивановичем (группа «Заря»), но тот пообещал дать ответ лишь после консультаций с единомышленниками в России (А.Н. Потресов). Лидеры «Крестьянской России» выразили готовность к союзу с энесами, но были настроены «скептически» по отношению к неоформленной «группе Кусковой – Прокоповича». С.С. Маслов отказался по совету С.Н. Прокоповича снять пункт о купле-продаже земли, объяснив это тем, что он не хочет «подвергать Россию новой социальной революции»²²².

Энесы в тот период явно колебались, не желая входить даже в мягкую коалицию, о чем П.Н. Милюков сообщил А.А. Аргунову²²³. Но Милюков тем не менее торопил «Крестьянскую Россию», предлагая приступить к практической работе: «Начинать обсуждение органа и брошюр надо немедленно. Мы и так сильно опоздали. Ждать других присоединений для этого дела не нужно. Напротив, лучше, если мы начнем его вдвоем. Финансовая сторона дела должна будет, во всяком случае, оставаться в наших руках»²²⁴. Но позиция «Крестьянской России» была более последовательной: сначала создание союза, а потом все остальное. Съезд РДС они предлагали устроить «в августе или начале сентября (не позже 10 сентября)»²²⁵. Милюков же оттягивал созыв съезда, дожидаясь окончательного решения правых эсеров или организации вокруг М.В. Брайкевича в Лондоне и Е.Д. Кусковой в Берлине групп республиканцев.

С правыми эсерами, группировавшимися вокруг «Современных записок», вступить в блоковые отношения так и не удалось. П.Н. Милюков считал, что союз невозможен без их разрыва с партией. В письме Е.Д. Кусковой он отмечал: «Относительно правого крыла с.-р. мое отрицательное отношение к их вступлению изменится, если они действительно отскочат от “программы центральной группы”». Но после всех предыдущих

опытов не очень-то в это верю...»²²⁶ В письме А.А. Аргунову П.Н. Милюков уже констатировал окончательную неудачу с привлечением в РДС группы журнала «Современные записки»: «Относительно здешних с. р. — они выровнялись по общей своей линии, т<о> е<сть> в объединение не вступают, но ему сочувствуют. Мы это называем “дружественным размежеванием”»²²⁷.

С С.Н. Прокоповичем и Е.Д. Кусковой П.Н. Милюков все больше расходился в оценке перспектив создания Союза, пытался убедить их в невозможности постепенной эволюции советской власти, тем более, что такая линия отталкивала «Крестьянскую Россию». П.Н. Милюков писал Е.Д. Кусковой 26 сентября 1923 г.: «Для меня Совдепия не арена для деятельности, а именно тюрьма, даже при самом хорошем отношении сторожей, в котором, однако, сомневаюсь, потому, что уверен, что не заслужу его. <...> И я считаю, что в данном случае надо договаривать до конца. Вот мы так и собирались с “Крестьянской Россией” издавать орган для России. А Вы, вероятно, будете уговаривать, не делать этого. Нам приходится неизбежно отделять “революционную” линию от “оппозиционной”. А вы хотите потопить первую в последней. Вы будете за “признание”, мы против... По-своему Вы будете правы, но и мы по-своему правы. Наша позиция неудобна для тех, кто “трясется”, т. е. для огромного большинства в Совдепии. Ну что ж, останемся маленькой кучкой... Наша логика ведет сюда (в эмиграцию), а Ваша — в Россию»²²⁸.

18 октября 1923 г. президент Чехословакии Т.Г. Масарик принял П.Н. Милюкова в Париже в отеле «Крильон»²²⁹. 23–27 октября в Париже прошел новый раунд переговоров «Крестьянской России» с П.Н. Милюковым, Н.К. Волковым и членом пражской группы Б.А. Евреиновым. Договорились создать трехпартийную конструкцию с возможным присоединением группы эсеров из «Современных записок». Милюков поставил «условием введения их в блок предварительный выход их из партии» эсеров²³⁰, понимая, что Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк на это не пойдут. Решено было в любом случае «начать литературную работу, а затем созвать съезд»²³¹. Речь шла об издании два раза в месяц журнала «Новая Россия» объемом около двух печатных листов. Предполагалось, что авторами первого номера станут, кроме участников переговоров в Париже, Н.Д. Авксентьев, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.А. Мякотин, М.В. Брайкевич, Ст. Иванович. Утвердили список из 12-ти издаваемых брошюр. Обсуждался и вопрос о сношениях с Россией. Милюков назвал его «проблематичным и секретным»²³².

К 22 ноября 1923 г. в Праге создается Пражская демократическая группа Партии народной свободы из 10 человек (председатель — В.А. Хар-

ламов, товарищ председателя — Б.А. Евреинов)²³³. Появляется и структурированная Пражская группа «Крестьянской России»: «В октябре наряду с Центральным бюро Заграничных групп Крестьянской России окончательно сложилась, приняв программу, устав и план деятельности и выбрав президиум, Пражская группа Крестьянской России. В настоящее время ее состав увеличился с 9 человек (при возникновении) до 14. Сверх того 4 человека являются кандидатами в члены группы»²³⁴.

Правда, на конспиративную работу средств не поступало. Б.А. Евреинов писал: «...Имея категорические обязательства на сотни тысяч крон, мы в кассе не имеем ни одной кроны»²³⁵. Причиной задержки Б.А. Евреинов называл секретность, желание чехов выдать деньги в Париже, нежелание П.Н. Милюкова снова и снова напоминать о субсидии, необязательность его коллег в Париже, а также «робость, нерешительность, инертность здешних руководителей Крестьянской России»²³⁶. На полное безденежье до 1924 г. жалуется в своих письмах из Варшавы в Прагу и Алексей Анатольевич Вакар (? – после 1958)²³⁷. Лишь в ноябре 1923 г. П.Н. Милюков сообщает о поступлении средств: «Моя главная новость — получение материальной уверенности, что дело налажено прочно. До конца года мы будем иметь то, что ожидали. Следовательно, можно начинать смету, если хотите, с 1 ноября»²³⁸.

Лидеры «Крестьянской России» вновь встречались с Мельгуновым и Мякотиним в Берлине, и С.П. Мельгунов сообщил, что 9 ноября на собрании членов ТНСП было принято решение о согласии на вступление в блок, но при условии быстрого созыва в Праге съезда, на который «приглашаются кристаллизовавшиеся группы, которые приняли Вашу программу и тактику», а «до съезда начинается работа по составлению 1-го органа блока и другой литературы»²³⁹. П.Н. Милюков сообщил, что он на съезд в Праге согласен и готов пойти на уступки ТНСП²⁴⁰. 22 ноября 1923 г. П.Н. Милюков проинформировал коллег, что в ответ на просьбы ТНСП съезд он наметил на западное Рождество и рассчитывает на успех переговоров с группой Кусковой и ТНСП: «обе сомневающиеся одна в другой группы войдут одновременно в наш Союз»²⁴¹.

К началу декабря 1923 г. было окончательно согласовано, что съезд пройдет в Праге 25 декабря с участием ТНСП, левых кадетов, «Крестьянской России», возможно, лондонской и берлинской групп. Парижские правые эсеры на съезд не пошли, выполнив решения пражского съезда социалистов-революционеров, который «решительно отмежевался от всех буржуазных групп»²⁴². А.А. Аргунов предложил участие 3-х представителей от каждой организации, при этом решения должны приниматься консенсусом — «не голосованием, а соглашением»²⁴³. 6 декабря 1923 г.

Аргунов просит Мельгунова подтвердить приезд в Чехословакию лидеров энесов: «Мыслится все же возможность общего и весьма полезного и реального дела...»²⁴⁴ Организаторам виделась возможность создания коалиции хотя бы четырех групп: левых кадетов Милюкова, «Крестьянской России», энесов и берлинской группы «Национально-демократического объединения». 10 декабря 1923 г. А.А. Аргунов сообщает в Берлин Мельгунову: «Милюков думает, что сговориться четырьмя сторонами (вы, мы, Милюков, Кускова) удастся. Мы настроены так же. Главное основание для такого вывода — это важность (в последнее время сугубая) общего действия и реальность его осуществления, которую упустить прямо-таки преступно»²⁴⁵.

К 20 декабря 1923 г. стало известно, что лондонская группа Брайкевича окончательно уклонилась от участия в РДС, как составленная по персональному признаку, из лиц, принадлежащих к разным партиям. А «группа Кусковой», которая приняла название «Национально-демократического (республиканского) объединения в Берлине», стала демонстрировать несогласие с документами. «Не знают, как поставить себя по отношению к съезду», — констатировал П.Н. Милюков²⁴⁶. Но А.А. Аргунов был настроен оптимистически и выражал уверенность в успешном исходе дела, что «в результате съезда родится здоровое дитя»²⁴⁷. По запросу Аргунова глава МИДа Чехословакии Чиерны дал распоряжение в Берлин выдать визы на въезд в страну Мельгунову, Мякотину, Алданову и Пешехонову»²⁴⁸.

К тому моменту деятельность эмигрантов-демократов привлекла внимание ГПУ. Так, уже 3 декабря 1923 г. появилась записка отдела внешней информации Иностранного отдела ГПУ — «Записка о возникшей в июне 1923 года белогвардейской эмигрантской организации “республиканско-демократическое объединение”». В ней сообщалось, что «в июне текущего года левые кадеты и правые социалисты-рев<олюционеры> образовали в Париже Республиканско-Демократическое Объединение, целью которого является “работа” в России и борьба с монархическими настроениями среди самих белых эмигрантов. В пустой надежде побороть рабоче-крестьянскую власть, бело-кадеты и соглашатели поставили ставку на наличие внутри России республиканских течений, которых, как они сами хорошо знают, на территории СССР нет. В Р<еспубликанско->Д<емократическое> объединение вошли левые кадеты с Милюковым во главе, правые эсеры во главе с Чайковским, пражская группа эс-эр “Крестьянская Россия” (б<ывшая> группа Савинкова) и мелкие левые группировки эмиграции. <...> РДО, во главе которого стоит Милюков, еще не считает себя окончательно сконструировавшимся и принимает меры для

установления сношений с социалистическими несоветскими организациями внутри России и для получения от них представителей. Для этой работы РДО, не располагая собственным аппаратом, решило использовать, вернее, восстановить аппараты родственных организаций, а именно б<ывшей> Савинковской, “Крестьянской России” и существовавшей с 1921 г. организации “Центра Действий”, руководителями которой являлись Чайковский, И.П. Демидов, Титов и т. д. <...> В ноябре предательская работа милюковских агентов по установлению связи с Россией была ликвидирована»²⁴⁹. Из этого документа ГПУ можно сделать вывод, что агентура чекистов не была в числе тех, кто организовывал съезд, но имела доступ к обсуждавшимся в Париже и Праге наброскам программы РДС.

Учредительный съезд Союза республиканско-демократических организаций открылся в Праге 25 декабря 1923 г. На нем присутствовали от демократической группы партии конституционных демократов П.Н. Милуков и В.А. Харламов, от Трудовой народно-социалистической партии С.П. Мельгунов и В.А. Мякотин, от «Крестьянской России» А.А. Аргунов, А.Л. Бем и С.С. Маслов.

Выяснилось, что берлинская группа Национально-демократического объединения не сконструирована, и ее представители Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович не обладают полномочиями для участия в съезде. Если объединение состоится и его цели будут приемлемы для берлинской группы, то вопрос о ее вхождении может снова встать на очередь, — сообщил П.Н. Милуков. Он же проинформировал съезд о поддержке со стороны группы в Лондоне во главе с М.В. Брайкевичем. Представитель ТНСП В.А. Мякотин сразу предупредил, что энесы «согласны участвовать в съезде, не предрешая вопроса о вхождении в блок»²⁵⁰, и высказал весьма скептическое отношение к перспективе участия в Союзе берлинской группы.

С.С. Маслов сообщил, что «группа “Зари” заявила невозможность участвовать на Съезде без прямых полномочий от своих русских групп, что не исключает личного содействия делу блока ее заграничных представителей (Ст. Ивановича, С. Загорского)»²⁵¹.

По предложению А.А. Аргунова съезд начал обсуждение Платформы «СРДО»²⁵². Согласованная перед съездом программная платформа Союза предполагала:

«I. Государственное устройство России на основах: а) республиканско-демократического строя с устойчивой и сильной подзаконной и ответственной исполнительной властью; б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия; в) независимого суда; г) демократического местного самоуправления и областной автономии.

II. Восстановление государственного единства России на основах федерации.

III. Возможно скорый созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания.

IV. Решительный отказ от коммунистической системы хозяйства во всех его видах. Восстановление производительных сил страны на основе свободной экономической деятельности, с признанием свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной). Ограничение регулирующей роли государства пределами, не стесняющими самодеятельности населения и здоровой хозяйственной жизни.

V. Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства России и преимущественная помощь ему со стороны государства для скорейшего восстановления его. Восстановление транспорта, промышленности и торговли. Привлечение иностранного капитала. Защита русских народно-хозяйственных ресурсов от расхищения иностранцами.

VI. Признание происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчудить землю из рук ее теперешних держателей. Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за населением максимальной свободы в выборе форм землевладения и землепользования до восстановления народно-хозяйственной жизни в стране, государственное в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота совершается как в порядке купли-продажи земли, так и путем аренды.

VII. Государственная охрана наемного труда во всех областях народного хозяйства. Право коалиций и свобода профессиональных организаций.

VIII. Широкая постановка дела народного просвещения, как одно из основных условий здоровой и развивающейся общественной жизни. Энергичное содействие ему со стороны государства и общественных организаций и частной инициативы.

IX. Мир как основа международной политики России. Заботы об армии как условия государственной безопасности и независимости России.

X. Умиротворение и устройство страны, а не месть и не возбуждение антагонизмов, как основа внутренней политики будущей власти»²⁵³.

Основным критиком этой платформы стал В.А. Мякотин, который выступил против тезисов о «сильной власти» и «областной автономии»²⁵⁴.

Против попыток ТНСП добиться исключения слов «устойчивой и сильной» властью жестко возражал С.С. Маслов, считая, что это дает почву обвинению всякой республиканской власти в слабости, широко распространенному после октября 1917 г.²⁵⁵. Здесь он нашел полную поддержку П.Н. Милюкова, который отмечал агитационное значение упоминания об устойчивой и сильной власти: ведь «это упоминание снимает упрек в слабости, равно как упоминание “подзаконности” освобождает от упрека в стремлении к диктатуре»²⁵⁶. Компромисс был достигнут в формуле «республиканско-демократического строя с сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью». Общей позицией стал ««скорейший созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания»²⁵⁷.

В споре о федерализме и «восстановлении государственного единства» В.А. Мякотин доказывал, что создается «неверное представление, предполагая как бы предоставление федерации государствам уже отколовшимся, а за оставшимися единицами сохраняется лишь право на областную автономию. Может возникнуть представление, что имеется в виду возвращение таких бывших частей Российской империи, как Финляндия и Польша. В виду того, что для блока этот вопрос не является первоочередным, а каждая из блокирующихся партий имеет в своей программе указание на федеративный строй будущей России, лучше во избежание неясностей, национальный вопрос не затрагивать». С.С. Маслов и А.А. Аргунов возражали, что блок не может «отказаться от указания на федеративное устройство будущей России. Это неизбежно вызовет обвинения в централизме»²⁵⁸. А.Л. Бем указал на то, что исключение упоминания о федерации отталкивает от блока круги, осознающие первостепенную важность решения национального вопроса в России. Таким образом, в дискуссии все лидеры «Крестьянской России» выступили с позиций федерализации России. Но в результате дискуссии пункт о федерации как об основе восстановления целостности России был изъят из текста документа.

Было видно разногласие между либеральным и социалистическим подходами к экономике. П.Н. Милюков предлагал убрать все упоминания о регулирующей роли государства. С.С. Маслов доказывал ему, что в тексте и так трудно узреть «контрабанду социализма»²⁵⁹. А лидеры ТНСП В.А. Мякотин и С.П. Мельгунов объявили, что они «были и остаются социалистами и от этого отказываться не собираются»²⁶⁰. В.А. Мякотин защищал аренду земель, запрет их купли-продажи: «оградить крестьянство от обезземеливания, а это требует на первое время запрещения купли-продажи земли»²⁶¹. С.С. Маслов отстаивал возможность купли земли,

доказывая, что не следует прикреплять «к земле элемента случайного, который, по словам крестьян, не обрабатывает, а “мучает землю”»²⁶².

В итоге дискуссии главным образом переделали начало документа, изложив его в такой редакции: «I. Государственное устройство России на основах: а) республиканско-демократического строя с сильной подзаконной и ответственной перед Народным представительством исполнительной властью; б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия; в) независимого суда; д) демократического самоуправления, областной автономии и федерации».

Был предложен съезду и проект «Тактической платформы Союза».

I. В целях освобождения России от коммунистической власти Союз признает целесообразными революционные и мирные формы борьбы с нею.

II. Для достижения своих целей Союз: а) ведет пропаганду внутри и вне России путем издания органа, брошюр и т. п.; б) создает постоянные сношения и связи с Россией, и в особенности с теми организациями и лицами, которые разделяют платформу Союза и содействует их деятельности, направленной против коммунистической власти; в) объединяет демократические силы русской эмиграции; г) устанавливает связи с общественными кругами Европы и Америки.

III. В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с течениями и организациями, ставящим целью восстановление монархии в России; б) выступает против тех течений и организаций, которые примирились с коммунистической властью или считают единственным путем освобождения России внутреннюю эволюцию этой власти; в) выступает против иностранной интервенции как способа освобождения России; г) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти»²⁶³.

При обсуждении проекта «Тактической платформы блока» С.С. Маслов безуспешно предлагал записать, что «в целях установления в России политической свободы и республиканско-демократического строя Союз признает целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с существующей коммунистической властью»²⁶⁴. П.Н. Милюков был против исключения пункта о борьбе с монархическими течениями, что вызвало возражения С.П. Мельгунова, считавшего, что неправильно в тактической платформе ставить лозунг борьбы с монархистами: «Надо иметь в виду реставраторов, а вполне возможна категория монархистов, не являющихся защитниками восстановления старого»²⁶⁵. А.А. Аргунов отстаивал «необходимость указания на борьбу против организаций и лиц, которые содействуют коммунистической власти внутри России. Мы имеем в виду не только сменовеховцев, которые попадают под понятие под-

держивающих “советскую власть”, но и те течения, которые вырастут на почве упадочности и настроения усталости»²⁶⁶.

В итоге пункт, вызвавший разногласия, был сформулирован так: «В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с организациями и течениями, которые поддерживают коммунистическую власть, б) принимает меры к поддержанию активности противобольшевистских настроений, в) выступает против пропаганды иностранной интервенции, полагая, что освобождение России является национальным делом самого населения, г) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти, исходя из положения, что эта власть незаконна и не народна, д) борется с течениями и организациями, ставящими своей целью восстановление монархии в России»²⁶⁷.

При обсуждении проекта «Организационного статута» (Устава) В.А. Мякотин объявил, что «возможность одновременного вхождения в другие блоковые организации недопустима», «возможно два организационных пути: 1) союз сложившихся организаций; 2) создание новой партии. Эти два организационных принципа нельзя смешивать»²⁶⁸. Энесы предлагали стать на первый путь. С.П. Мельгунов заявил: «Мы как социалистическая партия не должны терять свой лик, смешиваться с аморфными новообразованиями»²⁶⁹.

С.С. Маслов отмечал, что вопрос о «двуподданстве» — это вопрос самих организаций. А.А. Аргунов подчеркивал, что с самого начала был выдвинут принцип вхождения в блок «организаций, а не лиц»²⁷⁰, но, по его мнению, гибкая схема даст возможность «вовлечь в новые блоковые образования новые силы, не создав при этом организационной мешанины»²⁷¹, например демократические студенческие организации.

С.П. Мельгунов настаивал: «...Мы и стоим за объединение трех политических группировок, и считаем возможным расширить блок только участием тех групп, которые имели бы совершенно определенно политический характер», «группы промежуточного типа, без внутренней дисциплины и определенной программы, идеологически вредны»²⁷². Но инициаторы создания РДС верили в то, что можно будет привлечь новые силы, рассчитывали на пополнение РДС за счет казачьих организаций и студенческих союзов, такого как Пражский «демократический (несоциалистический) союз»²⁷³. Позицию ТНСП отвергли, что и привело к отказу энесов войти в РДС. В.А. Мякотин сообщил, что партия в РДС не войдет, но пообещал по возможности «выступать солидарно с блоком»²⁷⁴.

Представители ТНСП не получили точного ответа на вопрос об объемах финансировании Союза²⁷⁵, хотя во время обмена мнениями П.Н. Милуков не опровергал Мякотина и фактически подтвердил, что «средства

на издание — чешские»²⁷⁶, средства «поступают в распоряжение блока»²⁷⁷. С.С. Маслов заметил, что не могло бы быть и речи об умолчании, если бы соглашение состоялось «в том объеме, как предполагалось»²⁷⁸. Он пообещал, что, если будет согласие в сфере издательской, то об этом бюджете ТНСП будет проинформирована.

С.С. Маслов предложил в основу всех новых объединительных проектов положить литературно-издательскую деятельность. На этом три структуры сошлись. Намечалось печатание брошюр и журнала блока «Свободная Россия»: периодичность 1 раз в 2 месяца, тираж 2000–3000 экземпляров, объем 2 печатных листа. В состав редколлегии журнала вошли А.А. Аргунов, П.Н. Милюков и В.А. Мякотин. Планировалось издавать по 10 брошюр объемом 2–3 печатных листа тиражом в 3000 экземпляров²⁷⁹.

На специальной встрече участников съезда с С.Н. Прокоповичем и Е.Д. Кусковой первый согласился сотрудничать в «Свободной России», если это будет орган типа «Нови». Е.Д. Кускова предложила органу придать внешне легальную форму, но сообщила, что и в таком деле она лично вряд ли сможет принять участие, так как «в том виде, как орган осуществляется, он ей представляется скорее вредным, чем полезным для дела объединения»²⁸⁰.

Таким образом, после съезда 25–28 декабря 1923 г. в Праге в Республиканско-демократический союз вошли сторонники П.Н. Милюкова и «Крестьянская Россия», а народные социалисты остались внеблоковыми союзниками. Но всеми участниками съезда были приняты Платформа²⁸¹ и Тактическая платформа «Союза республиканско-демократических организаций»²⁸². Редактируемые П.Н. Милюковым «Последние новости» 5 января 1924 г. дали на первой полосе статью «Совещание о блоке»²⁸³, а 6 января была опубликована уже передовица «Пражское совещание», видимо, принадлежавшая перу самого П.Н. Милюкова. Автор отмечает желание эмиграции откликнуться на перемены в России переливкой «старого партийного материала в новый, соответственно изменившимся требованиям жизни. <...> На этот путь, собственно, и вступили уже почти все старые политические партии. Мы только что видели, как даже партия с<оциалистов>р<еволюционеров> изменила свою программу до неузнаваемости, идя навстречу требованиям жизни. С той же целью отошли от старой партии к<онституционных> д<емократов> ее наиболее жизненные элементы. Наконец, и политическое новообразование, известное под именем “Крестьянская Россия”, представляет такую же интересную попытку нащупать насущные нужды политики в новой России. <...> Две уже сговорившиеся между собой группы, однако, ре-

шили не выжидать долее, пока выяснятся новые кандидаты в состав союза. <...> Демократическая группа партии народной свободы и группа “Крестьянской России”, подводя итоги совещания в связи со своей предыдущей деятельностью, решили поэтому, что стовор между ними уже достаточно полон, чтобы положить немедленно же начало организованной деятельности объединенного “республиканско-демократического союза”. Таким образом, для двух упомянутых групп пражское совещание является датой, с которой начинается их совместная деятельность»²⁸⁴.

На совещании 7 января 1924 г. П.Н. Милюков объяснял причину того, что в блок вошли только представители «Крестьянской России» и Демогруппа ПНС, тем, что «энэсы боятся ходячего мнения, что Союз может превратиться в новую партию, которая станет милюковской, хотя мы им указывали, что этого не может быть, ибо у нас налицо 3 партии, и что мы считаем возможным образование новых партий лишь в России»²⁸⁵. В то же время Милюков считал успехом то, что энэсы согласились не только на издательскую деятельность, но и на совместные с ним и с «Крестьянской Россией» политические выступления.

Ряд исследователей истории русской эмиграции, упоминая о подготовке съезда РДС в 1922–1923 гг., далее ведут речь, как о его наследнике, о Республиканско-демократическом объединении (РДО). Создававшийся с 1922 г. и появившийся в декабре 1923 г. коалиционный блок левых кадетов и «Крестьянской России» — Республиканско-демократический союз зачастую смешивается с постепенно организовывавшейся с середины 1924 г. П.Н. Милюковым протопартией его сторонников — РДО. В справочнике «Русская эмиграция (1920–1990)» Республиканско-демократический Союз вообще не упоминается, а издание РДС журнал «Свободная Россия» названо «печатным органом Объединения»²⁸⁶ (то есть РДО). В статье Г. Аноприевой и Н. Ерофеева «Трудовая народно-социалистическая партия» сообщается, что «представители партии участвовали также и на совещании лев<ых> кадетов и прав<ых> социалистов (сентябрь 1922 г.), на котором было создано “Рос<сийское> демокр<атическое> объединение” во главе с П.Н. Милюковым»²⁸⁷. Или А.В. Сыпченко пишет, что «представители ТНСП участвовали также и на совещании левых и правых социалистов (сентябрь 1922 г.), на котором было создано “Российское демократическое объединение” во главе с П.Н. Милюковым»²⁸⁸.

Между тем, до съезда РДС в декабре 1923 г. никакой реальной коалиции создано не было, а группа Милюкова лишь постепенно к лету 1924 г. стала остовом более широкой организации (с опорой на продолжавшую существовать структуру левых кадетов-республиканцев и РДС клубы) — Республиканско-демократического объединения (РДО).

Созданный же в декабре 1923 г. РДС был именно политической коалицией двух групп — сторонников П.Н. Милюкова и «Крестьянской России». При этом в Праге доминировали «крестьянороссы», а в Париже — «милюковцы», опиравшиеся на редакцию «Последних новостей».

Акция по созданию нового блока находилась под пристальным вниманием ОГПУ. В начале 1924 г. руководству СССР сообщалось: «Группа “новой тактики” партии кадетов, возглавляемой Милюковым, занята созданием объединения эмигрантских политпартий, стоящих на республиканско-демократической платформе и связанных между собой общностью политической идеологии, но выступавших до сих пор разрозненно. Мысль создания объединения встретила сочувствие в группах “Крестьянская Россия” Маслова и Аргунова, Пражской группе партии “Народной свободы”, Республиканско-демократической — Савинкова и Демократического казачьего союза»²⁸⁹. Таким образом, эмигранты-республиканцы и тут попали под наблюдение Иностранного отдела ГПУ, и этот надзор вскоре станет только плотнее, когда в Прагу будет прислан специальный агент чекистов Николай Ирманов.

1.3. Эволюция или революция?

«Крестьянская Россия» в составе РДС (1924–1927 гг.).

Деятельность «Крестьянской России» с января 1924 г. заслуживает подробного изучения в рамках РДС, так как с этого момента до начала 1928 г. группа существовала в симбиозе со структурами П.Н. Милюкова. Это — демократические группы Партии народной свободы, и с конца 1924 г. — Республиканско-демократическое объединение в Париже. «Крестьянская Россия», как и они, в основном финансировалась из чешских источников²⁹⁰ через того же П.Н. Милюкова.

С начала 1924 г. РДС делал упорные попытки наладить совместную работу с народными социалистами (энесами). Однако ТНСП уклонялась от сотрудничества, рассчитывая самостоятельно «начать печатные выступления» и, добыв некоторые средства, выпустить в начале февраля 1924 г. «сборник из пяти статей», который «определит их позицию»²⁹¹. С другой стороны, и группа Кусковой «приняла решение: организовываться келейно, искать единомышленников в разных городах персонально, в блок не входить, и статей <...> не давать, ибо это будет объяснено, как вступление в блок»²⁹².

К 22 января 1924 г. Милюков окончательно выяснил: энесы «откладывают совместное с нами и “Крестьянской Россией” выступление, объясняя это тем, что ими принято решение действовать пока самостоятельно»²⁹³. Неуспешные переговоры с ТНСП в целом продолжилась до конца 1924 г.²⁹⁴ ЦБ «Крестьянской России» предложило левым кадетам приступить к работе по изданию органа Союза вдвоем, но при этом не ставить в заголовке журнала слов «орган Р.Д. Союза» и не указывать имен редакторов органа, чтобы это не дало повода для отказа от участия в нем в будущем представителей других политических течений. П.Н. Милюков 29 января 1924 г. приветствовал «решение начинать издание органа нам вдвоем»²⁹⁵. Решили, что журнал «издается в Берлине открыто, по новой орфографии, и что он поступает в свободную продажу»²⁹⁶. К маю 1924 г. из печати вышел первый номер «Свободной России», а к июлю — второй.

Состав участников проекта несколько расширился. Социал-демократ Ст. Иванович к июлю подготовил работу о коммунистической партии²⁹⁷. А.А. Аргунов и П.Н. Милюков уговаривали писать в журнал С.П. Мельгунова, указывая: «“Блок” остается нашим внутренним делом, Вас не касающимся, если Вы этого не хотите»²⁹⁸, что назвав журнал «республиканско-демократическим органом», а не изданием блока, «удалось расширить состав сотрудников за пределы блока и, прежде всего, привлечь к участию в нем Прокоповича и Кускову». В итоге «... вслед за Кусковой и Прокоповичем дал согласие на участие в журнале и Мельгунов»²⁹⁹.

Весной 1924 г. была сделана попытка создать в Праге союз (лигу) офицеров-республиканцев с участием близкого лидером РДС генерала А.В. Попова. За этим проектом следила пражская резидентура Иностранного отдела ОГПУ, отмечавшая: «В Прагу приехал кадет Арнольд»³⁰⁰, чтобы здесь образовать, согласно инструкциям Парижского центра, военную организацию³⁰¹. Начинание очень обеспокоило руководство РОВС. Как отмечал 10 июня 1924 г. генерал Е.К. Миллер: «За последние месяцы русские политические круги, группирующиеся около газет “Дни” и “Последние новости”, стали проявлять усиленное внимание к военной части эмиграции, имея целью создать себе базу в военной среде. Работа, по-видимому, направляется из Праги, во время последнего съезда ОРЭСО (в апреле сего года) студенческие делегаты из лагеря демократов-республиканцев подняли вопрос о создании в Чехии специального офицерского объединения, родственного по духу указанным выше группировкам»³⁰². 24 июня 1924 г. Е.К. Миллер уточнил, что «инициатива всего начинания исходила из кругов, близких к Милюкову (“Крестьянская Россия”»)³⁰³. Но надежды Милюкова и Маслова на присоединение к РДС задуманной ими Военно-республиканской лиги (вариант — Русского

военно-демократического союза) не оправдались. Эсеры массово вошли в организацию, с помощью генералов Щепихина и Добрякова захватили ее, не допустив в состав организации генерала Сидорина и выдавив инициаторов вроде Попова. Так эсеры образовали свою группу во главе с Махиным и Верещаком под названием группа «Армия и народ»³⁰⁴. В свою очередь, как констатировал Е.К. Миллер, «группа Сидорина, несмотря на провал его начинаний, не оставила своих попыток и 31 мая создала свое объединение военных под названием “Республиканско-демократический союз бывших военнослужащих”. Таким образом, вместо намечавшегося единого фронта — Милюков – Керенский — для уловления офицеров, появились две параллельные организации. В этом частном случае нельзя не видеть, конечно старого соревнования двух политических группировок (Милюкова и эсеров), так как между той и другой организациями существенных программных расхождений нет, если не считать, что Союз “Армия и народ” допускает участие не только военных, но и гражданских лиц, и не связывает своих членов внутренней дисциплиной; Сидоринская же группа состоит только из военных и обязывает своих членов подчинению дисциплине Союза»³⁰⁵. Раскол этот порадовал информаторов ИНО ОГПУ³⁰⁶.

Зато в июне 1924 г. в Париже возникла группа «Республиканско-демократического объединения» «из 80 членов», «по большей части офицеры из Галлиполи, Болгарии, Юго-Славии, в политике почти не искушены, но в монархии уже разочаровались»³⁰⁷. Значительная часть этой группы во главе с Г.М. Арнольди примкнет впоследствии к РДО П.Н. Милюкова.

РДС приходилось постоянно отбивать нападки слева, со стороны эсеров, которые также боролись за чехословацкие субсидии. А.А. Аргунов 15 июля 1924 г. в письме С.П. Мельгунову отмечал «раздражающий поход против “Свободной России”, который подняли, пером Сталинского, местные эсеры, стремясь подорвать кредит не у русских читателей, конечно, а у чешских сфер»³⁰⁸. Но публичные нападки социалистов успеха не имели.

В то же время с некоторыми не входящими в РДС демократическими деятелями А.А. Аргунов в Праге наладил к ноябрю 1924 г. сотрудничество в рамках созданного по персональному принципу «Центра действий». В его состав вошли В.А. Харламов, Н.Н. Богданов, А.А. Аргунов, С.С. Маслов, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.А. Мякотин, В.А. Розенберг и др.³⁰⁹ Осенью 1924 г. А.А. Аргунов просил Е.Д. Кускову обратить внимание газеты «Дни» на сборник «Крестьянской России» и издания РДС³¹⁰.

РДС своей издательской деятельностью способствовал активизации обеих структур — С.С. Маслова и П.Н. Милюкова. Лидеры «Крестьянской России» через РДС получили средства для поездок по Европе с целью создания сети структур. К лету 1924 г. стало ясно, что «группы “КР” с разной степенью оформленности существуют в Чехословакии, Югославии, Польше и Эстонии. Отдельные сторонники “КР”, связанные с Ц.Б., но не сведенные в группы, имеются в С.Ш.С.А., во Франции, Финляндии, Латвии, Германии, Чехословакии и Польше»³¹¹.

В феврале-марте 1924 г. С.С. Маслов совершил первую поездку в Югославию³¹². По словам П.Н. Милюкова, «главная цель этой поездки заключалась в выяснении возможностей работы в духе идей Р.-Д. Союза в тамошней русской военной среде и насколько возможно рассчитывать в этом отношении на имеющийся там военный материал. По мнению Маслова, контакт между военной средой и РДС «возможен, ибо в ней несомненно имеется подходящий материал демократический и даже определенно республиканский, но для этого необходимо иметь опытных организаторов»³¹³. С.С. Маслов писал: «Посетил уже три города в Юго-Славии. Еще ни разу не был бит, хотя легкие демонстрации со стороны черного стана видел и угрозы “переломать ноги” <...> слышал. Посмотрим, чем подарит Белград!»³¹⁴ Поездка Маслова была успешна: 29 марта 1924 г. монархист А.Ф. Трепов заявил: «Даже в Сербии идет напор эсеров, что видно по успеху поездки Маслова. Все это результат планомерной работы, протезируемой Бенешем и субсидируемой из Праги»³¹⁵. «Крестьянская Россия» и РДС смогли после поездки Маслова оформить свои организации в Югославии. С.С. Маслов докладывал на бюро РДС в конце 1924 г.: «Оформляется группа в Югославии: Суботица, Осиек, Белград, Загреб. Общий состав 36 чел. Возникла группа в Брно. В Польше имеется сочувственная среда»³¹⁶. В январе 1924 г. был создан клуб «Крестьянской России» в Праге³¹⁷. Н.В. Быстров свидетельствовал, что в пражской группе с 1923 по 1927 г. на субботних докладах «бывало 15–30 человек членов»³¹⁸.

По всей видимости, менее удачной была поездка С.С. Маслова в Болгарию летом 1925 г., хотя он посетил Пловдив, Старую Загору, Тырново и Варну. В Софии он сделал большой публичный доклад, на который собралось около 300 человек. Организовать единомышленников в Болгарии он не смог: «демократические круги в Болгарии находятся в состоянии полной распыленности — часть уже покинула Болгарию, остальные оказались в стесненном положении: все дотации русским эмигрантам оказались в руках монархических кругов»³¹⁹. Правда, в состав «Крестьянской России» вошла в 1925 г. фигура, символизировавшая преемственность

между старым народничеством и новой группой, — Владимир Карпович Дебагорий-Мокриевич. Легендарный участник «Земли и Воли» пообещал, находясь в рядах новой организации, «стоять на почве народных требований»³²⁰. В.К. Дебагорий-Мокриевич скончался в декабре 1926 г. в г. Чирпан, являясь членом организации «Крестьянская Россия» в Болгарии.

В Югославии дело пошло лучше: в 1925 г. уже имелось Лекционное бюро, которое вместе с группами «Крестьянской России» устроило доклады С.С. Маслова, причем на белградском было около 500 человек. Группы «Крестьянской России» организовали также выступления Маслова в Загребе, Осиеке и Суботице³²¹.

Можно проанализировать состав организации по материалам опроса 55-ти членов разных групп, опубликованного в 1924 г.³²² «Активной общественной деятельностью до войны занимались 4, во время — 3, во время революции 12», — что показывает, что организация была сформирована из людей, приобщившихся к политике уже в эмиграции. 60 % ранее сочувствовало партиям эсеров и кадетов. К ПСР «принадлежало или ей сочувствовало 38 % членов групп, в числе их один находился в партии со дня ее возникновения, 3 вошли в нее в 1905 г. Бывшие сторонники партии Народной Свободы составляют 22 %, в числе их 4 человека активно работало в партии». По 2 человека дали партии народных социалистов, социал-демократическая и «Единство».

Просматривается ли связь с деревней? Имелось 3 агронома и 4 кооператора, 8 — училось на кооператоров, 4 — на агрономов. Собственно как крестьяне по профессии указали себя 2 человека. Но «по бывшей сословной принадлежности 45 % членов составляют крестьяне и казаки», далее идут «мещане и разночинцы по 16 %, дворяне — 12 %, граждане и торговцы — 7 %, духовного звания — 4 %». Налицо достаточное количество молодежи: «от 23 до 29 лет — 36 %. От 30 до 40 — 53 %. От 40–48 — 11 %». Большинство училось до войны в средних и высших учебных заведениях. Указано, что «22 % членов групп имеют законченное высшее образование, 22 % — среднее, 44 % находятся или находились в высшем учебном заведении» — видна высокая доля эмигрантского студенчества. Лишь двое были кадровыми офицерами. Но 48 % опрошенных стали офицерами военного времени и принимали участие в гражданской войне. «Россию покинули 90 % в 1920 году, в том числе 2 старых эмигранта во время революции вернувшихся на Родину, остальные убыли в сроки между 1919 и 1923 годами»³²³.

В начале 1924 г. появляется партийное издание — «Информационный листок Центрального Бюро заграничных групп “Крестьянской России”». С.С. Маслов в феврале 1924 г. сообщал: «...Соорудили второй

орган — “Информационный Листок”. Издаем при помощи пишущей машинки и шапирографа для внутреннего обращения среди своих политических единомышленников. Завтра выходит в свет»³²⁴. В двух выпусках 1924–1925 гг. были опубликованы программные документы организации. Первый номер журнала «Вестник Крестьянской России»³²⁵ был выпущен в феврале 1925 г. как «Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России». Тираж — 1000 экземпляров, печатался сначала в Берлине, а потом в Праге³²⁶. Было дано обещание (не выполненное) продолжать выпуск сборников «Крестьянская Россия», а «Вестник» посвятить партийной жизни и «разработке идеологически-программных и тактически-организационных вопросов»³²⁷.

В первом номере «Вестника» в статье «Задачи журнала» его издатель писали о том, что появившиеся в 1922 г. сборники «Крестьянской России» не были специальным или партийным изданием. Они предназначались для того, чтобы идти навстречу возникшему в России потребностям группировок, «взявших на себя почин создания широкой политической организации трудового крестьянства»³²⁸. Но будучи «органом направления», они «не могли уделить в достаточной степени внимания разработке ряда коренных вопросов теоретического и практического характера, непосредственно связанных с политическим движением крестьянства»³²⁹. Необходимость в журнале возникла после того, как в эмиграции появились группы сторонников направления, объединившиеся в единую заграничную организацию, и, собственно, для нужд этой структуры.

В статье С.С. Маслова «Крестьянская Россия» повторялись уже публиковавшиеся в «Информационном бюллетене» основные принципы идеологии и программы группы. Анонимный автор статьи «Вне рядов демократии» (видимо, А.А. Аргунов) призывал к строительству широкой коалиции. Он рисовал перспективу строительства послебольшевистской России в трудных условиях, когда «только единство демократии, только сговор всех к тому моменту ответственных политических сил может обеспечить стране минимум необходимых условий для политического развития»³³⁰. Выразителем этого курса объявлялся РДС, чья деятельность носит пока «скромный, но полезный характер». Автор считает, что его деятельность обеспокоила большевиков. Но, по его мнению, неоценимые услуги коммунистам оказывает левое крыло заграничных эсеров, издающих «Волю России», «Революционную Россию» и выступающих от имени ПСР. Эта группировка принципиальных противников союзов социалистов с несоциалистами «жила в славном одиночестве и мало давала о себе знать окружающему миру. Но в последнее время в ее поведении обнаружилась необычайна агрессивность. <...> Левые эсеры

из «Воли России» начали боевую кампанию, открыв стрельбу по демократическому флангу эмиграции, избрав центром обстрела Респ. Дем. Союз...»³³¹ Автор отвечает на серию статей Сталинского³³², обвинившего РДС в проповеди социальной реакции, предлагая им взамен некий трудовой строй, в котором эсеры возьмут под контроль только «ключевые отрасли». Поскольку этот термин не определен, автор статьи иронизирует, что после эсеровской полубольшевистской национализации «трудовые и проч<ие> классы скоро забудут разницу между Сталинским и Сталиным»³³³. Эсеров уличают еще и в нежелании бороться с большевизмом. В итоге статья обещает, что демократический фронт будет против подобных группировок, социалистов, «отказавшихся от демократического социализма, будет иметь их вне себя, поскольку их цель и тактика деструктивны». В то же время для демократических социалистов в коалиции найдется место. После удара налево следует оборот направо. Линия антимонархическая была выражена памфлетом «Кирилл I», в котором высказывалось мнение, что грядущая Россия не примет ни Николая Николаевича, ни Кирилла Владимировича: «Жизнь принадлежит живым, и мертвые воскресают в только легендах»³³⁴. Таково было политическое самоопределение «Крестьянской России», исключавшей союзы и с правоверными эсерами, и с монархистами.

Связь с Россией журнал подчеркивал разделом «Вести из России». В нем печатались записки К. Долинина «О современной деревне», очерк «Советская деревня» и письмо из Москвы «Бутырки» о положении заключенных. Подобную композицию: передовая, одна или две теоретические статьи программного характера, два-три полемических очерка или памфлета, в том числе и о жизни эмиграции, и подборка писем и материалов непосредственно из России, — «Вестник Крестьянской России» сохранял на протяжении всех 20-х годов.

Линия пражской группы находила поддержку и на местах. Из Ревеля П.А. Богданов писал в 1924 г.: «Повторяю, чистая демократия, мое глубочайшее убеждение, далекое будущее для Запада. Оно — еще дальше от России. Грядущее России — буржуазная демократия. Т. е. главенство торгово-промышленных кругов и их окружения, слабо или сильно разбавленное влиянием крестьянства и рабочих. <...> Вполне допускаю возможность, не поддерживаю нисколько и его не воспеваю, воцарения конституционной монархии, как результата усталости масс...»³³⁵ В 1925 г. П.А. Богданов дает свое видение социального строя России: «Будущая Россия — крестьянская. Не торгово-промышленная буржуазия, а мужик станет у власти. Точнее, коалиция торгово-промышленников и деревни. Соотношение сил будет определяться их значимостью в народнохозяй-

ственной жизни страны. А тут 2-х мнений быть не может: промышленность и торговля будут целиком зависеть, два-три десятилетия от деревни, ее емкости, значит от экономического ее благосостояния, от ее умиротворенности. Успокоить же мужика “насчет земли” одной только землей не удастся (что буржуазия “не станет в этом направлении ломать копы для дворян”, здесь я полностью с Вами согласен), ибо земля сейчас и так у мужика. Главное же в том, что мужик за эти семь лет убедился в призрачности надежды на серьезное увеличение земельной площади и ворчит глядя не в сторону количественного увеличения своих владений (от них он не отказался бы, понятно), а в сторону улучшения своего хозяйства за счет государственной помощи в самом широком смысле этого слова. Но этого мало, деревня чувствует, многие осознали крепко, что экономические достижения крестьянства надо связать с политическим господством. <...> Мне думается, что если на смену “товарищам” придет самая настоящая республика, то деревня ее встретит совершенно спокойно и, главное, так же сдержанно, как встретила бы и другой образ правления. Встретит, и начнет присматриваться: “Лучше красных?”³³⁶.

На сельскохозяйственной выставке в Праге в мае 1925 г. группа «Крестьянская Россия» представила свой раздел. Как отмечал журнал «Студенческие годы»: «Группа “КР” в своих экспонатах охарактеризовала состояние земледелия, землепользования и агрономической помощи крестьянству в России» На фото, опубликованном в журнале, виден лозунг над стендом: “Коммунизм умирает. Россия поднимается”»³³⁷.

Основатели группы «Крестьянская Россия» трезво оценивали политическую роль эмиграции в целом и свою роль в ней. В частности, авторы предисловия к выпущенной в 1925 г. брошюре С.В. Завадского «Жизнь и дело Т.Г. Масарика»³³⁸, подписавшиеся как «Редакция сборников “Крестьянская Россия”», указывают: «Судьба одарила русскую эмиграцию счастьем остаться в живых. В страшную бурю, в которой без счета гибли близкие и дальние, она спаслась, но для тяжелой жизни: прибитая к чужим берегам и втолкнутая в чужую жизнь, она на долгие годы была обречена на роль зрителя»³³⁹. «Путь домой продолжает, однако, оставаться в густом тумане, времена и сроки» все еще неведомы...»³⁴⁰ Но в положении изгнанных есть и выгоды, и ими они должны воспользоваться: вглядеться в чужую жизнь, понять ее сильные и слабые стороны: «Эмиграция может учиться и она обязана учиться, чтобы увезти на родные просторы возможно больший и возможно ценный груз критически усвоенного опыта Запада»³⁴¹.

В качестве политика, достойного подражания, и подается президент Чехословакии. Редакция сборников указывает на свое родство с полити-

ческим опытом Масарика. Он близок им и дорог как «носитель и представитель идеалов политической демократии», поскольку «устройство России на началах народовластия является центральной проблемой ее настоящего, и, как можно думать, будущего», как демократ и «в области социальных отношений современности»³⁴². Пример Т.Г. Масарика, его жизни, «бодрой и деятельной», должен был, по мнению авторов, создать и усилить в русской эмиграции настроение и способность: «работать и ждать»³⁴³.

В 1925 г. руководство РДС проводило регулярные заседания в Праге, в том числе и с участием приезжавшего П.Н. Милокова. Лидер РДС обычно раз в год здесь выступал с докладами, неизменно пользовавшимися большим успехом, не столько из-за воззрений автора, сколько из-за возможности дискуссии с ним. Осенью 1925 г. в публичном докладе «Россия и эмиграция» П.Н. Милоков возражал А.В. Пешехонову, отказывая в правах «возвращенчеству», но отрицая и Зарубежный съезд с участием ультраправых: «Наше положение много благоприятней положения Герцена. Несмотря на советские строгости между нами и Россией нет границы — мы совершаем непрерывно живой обмен мыслей и чувств, происходит быстрый и заметный отклик на происходящее по обе стороны рубежа. Роль политической эмиграции в наше время — выполнение невыполнимой в России общественной функции. В этом залог, что мы не отстанем от времени и избежим судьбы многих эмиграций. <...> Да, Россия не здесь, а там. Да, Россия жива, и живые процессы совершаются в ней, восстанавливая клеточную ткань; с оживлением материальной стороны оживет и духовная сторона. Мы следим за этими процессами, мы с ними, и наша надежда на них. Но есть грань: мы не можем снять с себя нашего революционного отношения к нынешнему режиму. Оно есть знамя нашей общественной функции: спустить это знамя мы не имеем права. <...> Мы не знаем, когда придет наше время, Но мы готовимся к этому сроку. И мы хорошо знаем, как мы в Россию не придем. Мы не придем в Россию ни с иностранными штыками, ни с претензиями на 30 сребренников. Мы придем тогда, когда народ найдет, что мы там нужны»³⁴⁴.

Помимо четырех заседаний пражского бюро блока, в декабре 1925 г. «состоялось четыре заседания Ц.Б. блока в составе А.А. Аргунов, Бема, NN, и С.С. Маслова — от “Крестьянской России”, Н.Н. Богданова, Б.А. Евреинова, П.Н. Милокова и В.А. Харламова — от респ<убликанско->дем<ократической> группы партии Народной Свободы», — сообщал «Вестник Крестьянской России»³⁴⁵. Были приняты решения на 1926 год: «1. Продолжение печатных изданий блока, причем в библиотеке “Свободной России” решено выпускать также общедоступные брошюры, рас-

считанные на читателя-крестьянина и по преимуществу по вопросам крестьянской жизни. 2. Расширение связей с Россией. 3. Вопрос о созыве демократического съезда оставить пока открытым до более подробного обследования демократических кругов и демократических группировок в эмиграции»³⁴⁶. А.А. Аргунов 13 марта 1926 г. сообщал, что «работа «Крестьянской России» сводится, главным образом, к созданию будущих политических кадров из нынешней молодежи. Каждую неделю ею устраиваются в среде этой молодежи рефераты; в общественной же жизни группа ее, которая насчитывает до 40 членов, представляет известное политическое течение»³⁴⁷.

Примерно на два года (1924–1926) в распоряжении коалиции оказались крупные средства, предоставленные чехословацким руководством — президентом Т.Г. Масариком и главой МИДа Э. Бенешем. Так, П.Н. Милуков в октябре 1924 г. сообщил коллегам по бюро РДС: «Получено с мая по октябрь вкл<ючительно> 120.000 fr. Остается в Париже касса 70–80.000 fr. По «Посл<едним> Нов<остям>» ассигновка по 5.000 действовала до авг<уста> <...>»³⁴⁸. 27 октября 1925 г. вновь обсуждалась смета расходов РДС. Зафиксировано, что «...за 1924 г. общий расход ок<оло> 370 000 к<рон> ч<ешских>, в месяц ок<оло> 30 000 к<рон> ч<ешских>. В 1925 г. (по окт<ябрь>, на Пражск<ое> отд<еление> истрчено ок<оло> 150 000 к<рон> ч<ешских>»³⁴⁹.

При обсуждении итогов года 11–12 декабря 1925 г. вновь были оглашены данные о финансах РДС. Расходы были названы такие: 1923 г. — 30 000 крон, 1923–1924 — 132 000 + 120 000, видимо, с учетом 1925 г. — 336 000 крон. Милуков подытожил, что «90 000 имеется в кассе»³⁵⁰. Таким образом, в 1924–1925 гг. РДС действовал на стабильной экономической основе. Финансовый кризис разразился в сентябре 1926 г., когда А.А. Аргунов заявил, что «в настоящий момент его касса совершенно пуста»³⁵¹. В 1927 г. положение несколько улучшилось, в письме Пражского отдела РДС П.Н. Милукову от 30 января указано: «Мы исходим из прежней ассигновки, т. е. 2624 ф<унтов> или в месяц 218,6 ф<унтов>, что в переводе на чешские кроны равнялось в год 429 000 к<рон> ч<ешских> или 35 700 к<рон> ч<ешских> в месяц»³⁵². 27 января 1927 г. обсуждался подобный проект месячной сметы, представленный ЦК «Крестьянской России». В частности, РДО в Париже обходилось бы в 3000 чешских крон, корпункт «Последних новостей» получил бы субсидию в 5000. Содержание «Крестьянской России» — 7000, из них 3000 — брошюры и литература, столько же стоил «Вестник Крестьянской России», литературно-блоковые расходы — 2000, линия связи — 4000 и ездившие в Россию эмиссары — 1000³⁵³. В общем, до конца 1927 г. обе эмигрант-

ские протопартии: РДО и «Крестьянская Россия», — финансировались из одного источника, как и дочерние структуры и их издания, а также фактически имели общий координационный центр, собиравшийся в Праге 3–4 раза в год.

9 марта 1927 г. по письму П.Н. Милюкова на заседании Пражского отдела РДС обсуждался и был принят проект сокращенной годовой сметы с общими расходами в 151,9 тыс. крон³⁵⁴. Из них, в частности, РДО предполагалось выделить 15 тыс. крон, Всероссийскому крестьянскому союзу (лидер — близкий П.Н. Милюкову М.Е. Акацатов) — 10 тыс., Республиканско-демократической организации Партии народной свободы — 6,1 тыс., «Крестьянской России» на организационные расходы — 6,0 тыс., «Последним новостям» — 18,3 тыс., на «Вестник Крестьянской России» — 6,1 тыс. Весьма заметно было «содержание Польши», т. е. линии по доставке изданий РДС и агентуры в Россию — 18,3 тыс. крон³⁵⁵. Расходы коалиции были в 1927 г. снижены втрое и держались на этом уровне до окончательного прекращения существования РДС.

При этом трудно согласится с мнением Н.И. Канищевой о том, что деятельность блока «не отличалась высокой продуктивностью»³⁵⁶. В течение трех лет с 1924 по 1926 г. было издано 9 номеров журнала «Свободная Россия», ряд брошюр. 11 декабря 1925 г. Аргунов отчитывался: «Издательско-литературная деятельность: 8 книжек <...> “Свободной России” и 4 брошюры, считая в том числе брошюру Милюкова»³⁵⁷. Была еще и конспиративная работа.

Для организации доставки литературы РДС в Россию Б.А. Евреинов еще в 1924 г. ездил Польшу, чтобы «выяснить, возможно ли после событий, имевших место во второй половине 1923 г. (т. е. киевских арестов. — М. С.), вновь наладить работу линии связи, опирая ее на польском плацдарме, <...> в случае положительного ответа на первый вопрос попытаться организовать дело так, чтобы свести на нет всякую связь с Польским генштабом и не налагать на себя никаких в отношении его обязательств»³⁵⁸.

Интересно, что Советом РДС была одобрена идея Евреинова и Вакара перевести новый пункт связи на самокупаемость³⁵⁹. Предполагалось начать легальную торговлю водкой в Польше у границы, рассчитывая и на прибыль от ее контрабанды в Россию. Для лавки была с помощью влиятельных «друзей» получена польская лицензия. Планировалось продавать в месяц 10 000 бутылок водки, получать прибыль в 3600 франков»³⁶⁰. В отчете Б.А. Евреинов писал: «Все уже готово для установления регулярных торговых сношений с Москвой»³⁶¹. Система эта действовала до конца 1925 г., пока польские власти случайно не прикрыли ее,

а на приобретение лицензии для нового магазина денег не хватило из-за того, что один из подручных украл часть средств³⁶².

Деятельность Евреинова была санкционирована РДС 19 апреля 1924 г.: «Одобрить общую линию направления работы, благодарить Б.А. Евреинова и высказаться за предлагаемую ассигновку. Признать желательность посылки необходимых лиц в Россию. Каждый конкретный случай о посылке обсудить в составе представителей по одному от групп, введенных в блок и заведывающего линией»³⁶³. Как рассказал на допросе Н.В. Быстров: «Вследствие того, что организации “Крестьянская Россия” и “Партия народной свободы” имели одну цель в борьбе против советской власти, между ними был заключен договор о совместном издании антисоветской литературы и переброске ее в Советский Союз. <...> Для направления указанной литературы в Советский Союз было создано так называемое бюро, куда входили от “Крестьянской России” Аргунов А.А., от “Партии народной свободы” Евреинов Борис Алексеевич <...>. Эти лица и осуществляли переброску антисоветских журналов и брошюр на территорию Советского Союза. <...> Переброска литературы в Советский Союз осуществлялась вышеназванным бюро со специально направлявшимися людьми»³⁶⁴.

Сомнения относительно пересылки в Россию литературы конспиративными способами, а особенно отправки в Россию эмиссаров РДС, посещали П.Н. Милюкова в начале работы блока дважды. После разгрома КЦД в мае 1924 г. П.Н. Милюков написал А.А. Аргунову: «Здесь наше решение относительно линии произвело столь удручающее впечатление на единственных двух человек, которых, — по их прежнему отношению к линии, — я посвятил в это, что у меня возникли сильнейшие сомнения, следует ли осуществлять принятое нами в Праге решение. Б<орис> А<лексеевич Евреинов> Вам, вероятно, показал посланную ему копию бумажки, мораль которой та, что хоть в искаженном виде, но предпринимаемое нами, очевидно, в ближайшее время в свою очередь станет достоянием агентов ГПУ, причем опять могут оказаться в их распоряжении ссылки на мои соображения, вроде приведенных этой бумажке. Надо вывести печальное заключение, что конспирировать мы не умеем, — и вести себя соответственно. На основании этих соображений я задержал отсылку ассигнованных средств и прошу Вас серьезно пересмотреть этот вопрос с корня. Может быть, найти нечто, что заменило бы чересчур уж ненадежные старые связи и места»³⁶⁵.

Понятно, почему Милюков колебался: РДС получил документ ГПУ 1923 года, доказывавший, что рядом с организацией есть агентура чекистов. Имеется в виду записка ИНО ГПУ, приводившая информацию о

планах РДС работать на Россию. Чекисты пишут: «Стремясь перебросить свою литературу в пределы СССР, РДО постановило использовать для этой цели старый аппарат, созданный в 1921 г. Центром Действий и возглавило таковой проживающим ныне в Праге Б.А. Евреиновым, который ранее заведовал линией связи через Польшу. РДО ассигновало на проверку состояния прежних линий связи и на подготовительные работы по созданию таковых единовременно 5.000 чешских крон с обещанием в ближайшее же время отпустить ассигнования по смете, исчисленной в сотнях тысяч крон. Евреиновым были разысканы старые технические работники по связи с Россией, обслуживавшие как Ц<ентр> Д<ействий>, так и Савинкова»³⁶⁶.

Снова уже в июне 1924 г. П.Н. Милюков предупреждал: «Так как уже в двух документах ГПУ мое имя упоминается в связи с перепиской по линии, я вправе требовать, чтобы впредь мое имя вообще в переписке не упоминалось, ибо на конспиративность переписки больше рассчитывать не могу...»³⁶⁷ Но, видимо, партнерам как-то удалось доказать Милюкову необходимость этой работы, так как она продолжалась Б.А. Евреиновым.

22 октября 1924 г. Евреинов отчитался в распространении журнала «Свободная Россия»: «В самой Польше продано 219 за налич<ные>. 321 разошлись по подписке. 600 экз. перебросено в Россию. Как глубоко проникает — трудно сказать...»³⁶⁸ Эта работа прервалась в январе 1925 г. после провала агента РДС Д.К. Капагинского (1900–1956), который был арестован польскими властями по сфабрикованному коммунистами обвинению «по делу о шпионаже в пользу СССР “как переводчик через границу”. <...> Дело слушалось 25/VI в Варшаве (оправдан)»³⁶⁹. Б.А. Евреинов вынужден было обратиться с ходатайством к начальнику 2-го отдела Генштаба (польской разведки) Байеру³⁷⁰, «чтобы дело слушалось при закрытых дверях, дабы предупредить вредные последствия огласки таких дел и вопросов, которые по самому существу своему должны оставаться тайными»³⁷¹. Одно из судебных заседаний прошло в закрытом режиме. Д.К. Капагинский был оправдан и освобожден. (В дальнейшем выехал в США.) Агент ГПУ Мария Тарнавская, работавшая на Москву в Польше в 1921–1924 гг.³⁷², была осуждена на 8 лет каторжной тюрьмы³⁷³. Но из-за провала пришлось вновь менять схему отправки литературы в СССР³⁷⁴.

На заседании бюро Совета РДС в Праге 12 декабря 1925 г. (присутствовали А.А. Аргунов, Н.Н. Богданов, Б.А. Евреинов, С.С. Маслов, П.Н. Милюков, В.А. Харламов) обсуждался вопрос «О сношениях с Россией». А.А. Аргунов доказывал, что «настало время для посылки в Россию людей, как для информации, так и для организационной работы. В настоящее время усиливается активистское настроение в среде эмигрант-

ской молодежи, и настроение это следовало бы использовать»³⁷⁵. С.С. Маслов указал, что «посылать надо людей достаточно квалифицированных, которым можно было бы поручить ответственную работу»³⁷⁶. П.Н. Милюков поддержал коллег, сообщив, что «вопрос действительно созрел», «к нему неоднократно обращались представители молодежи за помощью по отправке в Россию. Он считает своевременным совершить теперь отправку с информационными целями, используя для этого южный путь»³⁷⁷. Было принято решение проводить все операции конспиративно: «надо предоставить право и Парижу, и Праге каждый раз решать эти вопросы окончательно»³⁷⁸.

На сегодня удалось установить лишь некоторые каналы связи заграничной «Крестьянской России» и ее союзников по РДС с их сторонниками в СССР. Имеется возможность документированно писать лишь о тех структурах, которые были выявлены ОГПУ в результате слежки или провокаций. К ним относятся, например, «московская» и «ленинградская» группы «Крестьянской России».

Здесь надо остановиться на очень важной фигуре борьбы с коммунистическим тоталитаризмом, о которой мы знаем пока, к сожалению, очень мало. Один из активистов демократического сопротивления большевизму в 20-х гг. XX века — Нина Васильевна Воленс (1893–1937). Она окончила юридический факультет Высших женских курсов в Петербурге, была секретарем в экономическом бюро Земсоюза. С лета до конца 1917 г. работала начальником отделения отдела сельской экономики в министерстве земледелия, в 1918–1920 гг. — сотрудница Льюнцентра. В 1920–1925 гг. трудилась в Северной научно-промышленной экспедиции (Институт изучения Севера), затем в 1925 г. — в Якутской комиссии АН СССР³⁷⁹.

С С.С. Масловым Н.В. Воленс познакомилась в 1919 г. в Москве во время совместной работы во Всероссийском объединении лесных строительных трудовых артелей³⁸⁰. Там же работал и кооператор К.А. Новиков, который был заведующим Вологодским отделением этого объединения. Он встречался с Н.В. Воленс в 1920 г. и на курсах инструкторов лесной кооперации в Ярославле. Н.В. Воленс и ее подруга Зельда Самуиловна Будницкая (1892 – после 1933) были знакомы с первой женой Маслова Екатериной Головинской. Они вместе учились на Высших женских курсах в 1912–1916 гг. З.С. Будницкая до революции состояла в партии эсеров и в конце 1916 г. даже попала под арест.

В марте 1923 г. Воленс выезжала за границу, где и познакомилась с изданиями «Крестьянской России» В июне или июле 1923 г. она побывала в Чехословакии, где встречалась с С.С. Масловым, «и от него узнала, что существует политическая группа, под названием “Крестьянская Рос-

сия”, являющаяся зародышем будущей крестьянской партии в России»³⁸¹. Маслов говорил ей, что «желательно было бы получать информацию о положении в СССР»³⁸².

По поводу идей «Крестьянской России» Н.В. Воленс общалась в 1924–1925 гг. с вологодским, а затем тульским кооператором Константином Андреевичем Новиковым (1889–1937), а с июня 1925 г. — и с присланным им для встречи с Воленс в Москве юристом Александром Васильевичем Коротковым (1882–1937). С Новиковым контактировали кооператоры, которые жили в Москве и Туле. «Я знала, что около Новикова группируются люди, интересующиеся крестьянским вопросом, но персональный состав и подробности мне неизвестны», — отмечала позже Н.В. Воленс³⁸³.

А.В. Коротков признавал, что с литературой «Крестьянской России» он познакомился уже в 1923 или 1924 г. Но он отрицал, что существовала организация: «Никакой нелегальной антисоветской группы Новикова К.А., которая занималась бы когда-либо налаживанием организационных связей в деревне, я не знаю. Мои встречи до середины 1925 года с К.А. Новиковым, а равно встречи и беседы с Тульскими кооперативными работниками не были ни нелегальными, ни антисоветскими и не носили никаких признаков организационного характера. Это были разговоры о разных практических, волнующих деревню вопросах разговоры, ведшиеся обыкновенно один на один, с приехавшим в данную минуту кооператором из деревни. Вопрос политический в этих разговорах мог затрагиваться только случайно, если он возникал почему-либо в том месте, откуда приехал кооператор»³⁸⁴.

В показаниях Воленс на следствии в ОГПУ в 1928 г. говорилось о том, что летом 1925 г. Новиков был на 3 года отправлен в ссылку в Среднюю Азию³⁸⁵. Судя по материалам дела, К.А. Новиков попал, скорее всего, под «профилактическую» зачистку ГПУ. Он был выслан из Тулы на основе принципа коллективной ответственности как бывший эсер, хотя для приличия ему инкриминировали и нелегальщину. В обвинительном заключении по делу Н.В. Воленс ей ставится в вину связь с К.А. Новиковым, так как ОГПУ считало группу Новикова полноценной нелегальной антисоветской структурой, «подготавливающей почву для организации, а/с групп в деревне»³⁸⁶, это же было зафиксировано и в обвинительном заключении по делу Короткова. Состав группы Новикова информаторы ОГПУ не приводили.

В 1930 г. К.А. Новиков был снова арестован в Ташкенте по сфабрикованному ОГПУ делу «Реставраторы» (о попытках ссыльных эсеров воссоздать партию). В справке на арестанта указывалось: «Новиков Константин Андреевич — 1889 рождения, член ПСР с 1908 г. За активную

работу в нелегальной с/р. организации отбывал ссылку. До ареста проживал в Ташкенте на правах минусника, и работал в качестве экономиста. Арестован 6/IX–30 и содержится под стражей в ташкентском ДПЗ. Обвиняется по ст. 58/11 в том, что являлся активным участником ташкентской с-р. группы, будучи более правой ориентации. Находится в тесной связи с проживающим за границей лидером зарубежной ТКП — Масловым и он в курсе ее деятельности. Будучи допрошен, отрицает о своей принадлежности к ташкентской с.р. группе»³⁸⁷. На допросах Новиков отрицал свою политическую деятельность, но называл себя «беспартийным социалистом»³⁸⁸.

В итоге Особое совещание при Коллегии ОГПУ от 23 декабря 1930 г. постановило: «Новикова Константина Андреевича <...> заключить в места лишения свободы подведомственные ОГПУ сроком на три года, считая срок <...> Новикову с 6/IX–30»³⁸⁹. Он был посажен в Челябинский политизолятор, а 28 мая 1933 г. Коллегия ОГПУ постановила: «По отбытии наказания Новикова Константина Андреевича выслать через ППОГПУ на Урал сроком на три года. Направить этапом»³⁹⁰. После скитаний по Уралу, в 1937 г. К.А. Новиков был арестован в Уфе, отправлен в Москву и там расстрелян.

Видимо, эту группу читателей сборников «Крестьянской России» (Новиков, Коротков и др.) С.С. Маслов и считал своей московской организацией. Как указано в послевоенном сборнике «Крестьянской России», «усиление полицейского террора привело к разгрому в 1925 г. центральной московской группы»³⁹¹. Даты совпадают. Из этих разрозненных данных можно, по крайней мере, сделать вывод, что в 1925–1926 гг. эпизодическая связь между Ленинградом, Москвой, Тулой и Прагой существовала, что давало лидерам РДС надежду создать свои организации в России.

На Совете РДС 4 января 1926 г. Б.А. Евреинов докладывал о плане работы: «Организация на новых началах оказалась целесообразной. Обеспечено два пункта на Воляни. Имеется <возможность?> открыть пункт в Полоцком районе. О степени распространения литературы есть косвенные доказательства. Брошюра “Враги крестьянства” имела успех. О глубине распространения литературы судить трудно. Поездки в Россию с целью организации и содействия распространения литературы и установления связей. Намечены три поездки. <...> Установлена возможность постоянных связей с Россией. Необходимо приспособить литературу к потребностям населения, гл<авным> образом к рабочим и крестьянству»³⁹². П.Н. Милюков был доволен: «Результаты удачны. Надо заполнить представляющуюся возможность. Ближайшая задача — нащупать характер более удачной литературы»³⁹³. А.А. Аргунов подчеркнул: «Надо упро-

чить наладившуюся возможность связи, обратить особое внимание на поездки»³⁹⁴. Бюро РДС подвело итог: «Признать очередной задачей установление регулярных связей»³⁹⁵.

В марте 1926 г. руководство «Крестьянской России» и ее партнеры по РДС решили: «Стремиться к установлению связей внутри России, для продвижения литературы внутрь. Высказаться за регулярное получение сводок из Варшавы. Наладить отчетность по распространению “Св<ободной> России”. Подтверждение сметы на Польшу <...> 5.000 ч<ешских> к<рон>»³⁹⁶.

Были и другие пути. Так, член левокадетской группы в Риге Ф.В. Рыбаков в письме от 2 октября 1924 г. сообщал в Париж о том, что «ему удалось переправить присланные ему два номера “Свободной России” в Сов<етскую> Россию, откуда им получен ответ, выражающий полное удовлетворение содержанием журнала»³⁹⁷. Была начата доставка литературы и через Эстонию, где у «Крестьянской России» имелись помощники в Печорском районе и Таллине. Руководил этой работой П.А. Богданов. На заседании РДС в Праге 22 апреля 1924 г. А.А. Аргунов подчеркивал значение Эстонии и местной РДГ «как опорного пункта для пересылки в Россию литературы». Было решено «признать поддержку пути желательным с момента появления литературы и после обследования. Ассигновать до 150 фр<анков> ежемесячно в распоряжение Р<еспубликанско->д<емократической> группы»³⁹⁸. В октябре 1924 г. в докладе на совещании руководства РДС А.А. Аргуновым сообщалось о распространении «Свободной России»: «В направлении через Эстонию переброшено: № 1 — 90 экз. (30 — Москва, 50 — через погр<аничный> пункт, 10 — разошлись), № 2 — 80 экз. (30 — Москва, 50 — погр<аничный> пункт)»³⁹⁹.

Кому предназначались издания «Крестьянской России» в этот момент? Документ ОГПУ подтверждает факт обнаружения и ликвидации в этот период неких групп сторонников Маслова: «Группы же в СССР в 1925 г., вместе с общей ликвидацией остатков ПСР, были разгромлены»⁴⁰⁰. Речь может идти как о группе К.А. Новикова, так и о других, пока автору неизвестных.

В июне 1925 г. Н.В. Воленс снова поехала за границу. В первых числах сентября она несколько раз встречалась с С.С. Масловым в Праге. Воленс давала «устную информацию» о положении в СССР⁴⁰¹. Ею был передан для публикации в «Вестнике Крестьянской России» целый ряд материалов, включая и напечатанную под псевдонимом собственную статью⁴⁰² «О современном облике интеллигенции»⁴⁰³. Статья была перепечатана и в Польше эмигрантской газетой «За Свободу»⁴⁰⁴.

Статья описывает реальную атмосферу жизни и быта поставленной на службу советской власти интеллигенции, которая, как считает автор, находится в тяжелом положении: «При существующей безработице экономическая власть правящей группы над интеллигенцией очень велика». Воленс замечает интерес в СССР к эмигрантской прессе: «На русские зарубежные издания набрасываются с неизменным интересом, хотя и разочаровываются в них почти неизменно, но, вообще, зарубежная литература просачивается мало». Воленс отмечала: «Чаще других мне приходилось видеть “Революционную Россию”, “Социалистический Вестник”, “Руль” и русские газеты, выходящие в Риге и Ревеле»⁴⁰⁵.

Н.В. Воленс получила издания «Крестьянской России», доставила их в Ленинград. Далее связи с Масловым и Маслова с ней поддерживались «на условные адреса», во время поездок за границу и изредка через присылаемых нарочных. Для сношений с Масловым были даны три адреса. Это были адреса в Праге, Варшаве и в Риге — адрес мужа сестры Маслова латышского банкира Гейдана. Писала Воленс и на адрес жены Маслова Е. Головинской — в пригороде Праги. Ответные письма приходили на адрес сестры Воленс — Надежды Лифшиц. Открытки приходили и в Ленинград на условную фамилию Пензиной — на адрес Университета.

В 1925–1926 гг. Нина Воленс наладила переписку с Заграничным бюро «Крестьянской России» в Праге и через чехословацкое посольство в Москве. Посредником был лично посол И. Гирса. В январе 1926 г. Воленс передала в Москве Короткову несколько изданий «Крестьянской России»⁴⁰⁶. «Были ли в это время какие-либо разговоры об оставляемой им в Москве группе единомышленников, я не помню»⁴⁰⁷, — свидетельствовала Воленс. Она признала: «был разговор о крестьянстве и тех настроениях, которые тогда имелись в деревне». Коротков отрицал конспирацию: «никакой группы единомышленников у меня не было»⁴⁰⁸. Доказательств у ОГПУ не было. Признаний от обоих не добились.

В начале 1926 г. для Воленс удалось переправить в СССР журнал «Свободная Россия» и книгу Милюкова «Национальный вопрос»⁴⁰⁹. В апреле 1926 г. А.В. Коротков переехал в Ленинград и продолжил встречи с Воленс. В этот период лидеры «Крестьянской России» не имели других прочных контактов с единомышленниками в СССР. Попав летом 1927 г. из Праги в Ленинград, Д.А. Акимов в 1928 г. сделал вывод: «Полагаю, что с уцелевшими лицами в СССР за эти годы связь окончательно потерялась, так как в противном случае было бы непонятно, почему я послан именно в Ленинград, где связался не с членом Крестьянской России, а не в иное место, где мог бы войти в контакт с своим партийным товарищем»⁴¹⁰. Впрочем, в партийной иерархии глава группы в Брно Дмитрий

Акимов занимал далеко не первое место, и ему могли дать выход лишь на одну из явоч.

Работа РДС постепенно осложнялась из-за внутреннего конфликта. При общей антибольшевистской направленности, организации Маслова и Милюкова стали все более расходиться. КР-ТКП стала более радикальна, чем левые кадеты. Милюков уже в 1923 г. говорил, что партнеры «хотят выдвинуть тактику “революционную”, т. е. свержение большевистской власти революционным путем. Мы в ответ на это указывали, что нельзя требовать, чтобы вся Россия стала на этот путь и что там, наоборот, более распространены мирные методы борьбы с властью. Поэтому не следует перетягивать в сторону революции, а отвести место и мирным способам борьбы, что сделает возможным вступление в блок и кусковской группы, которая тоже не отрицает “и — и” (и эволюции, и революции)»⁴¹¹.

Сторонние наблюдатели отмечали разницу между подходом П.Н. Милюкова и радикализмом одного из основателей «Крестьянской России» А.А. Аргуновым. Студент из числа правых — галиполиец Николай Раевский записал в своем дневнике 8 января 1925 г. впечатления от ноябрьского выступления П.Н. Милюкова и состоявшейся в Праге дискуссии: «Из левых наиболее интересно говорил Аргунов. Но был больше определен и сказал, что советская власть может быть свергнута только путем насилия. (П.Н. <Милюков> сказал “революционным”) <...> В России разрастается подполье»⁴¹². Сам же П.Н. Милюков после этой поездки в Прагу отметил, что в РДС и в журнале «Свободная Россия» «появляются признаки дифференциации. С одной стороны, “Крестьянская Россия” проявляет ясное стремление индивидуализировать и выявить себя, а с другой возник ряд вопросов (тактика по отношению к свободам, в связи с недопущением выступления коммунистов на пражском докладе, полемика с Керенским и “Днями” и т. д.), по которым наметились наши расхождения с умеренными социалистами, работающими с нами»⁴¹³.

Но П.Н. Милюков в 1925 г. ставил и еще одну задачу: «сближение и связь с Россией»⁴¹⁴, а это было невозможно без «Крестьянской России». Его радовали сообщения из России, что «мы существуем там, как течение», что «“Последние новости”, попадающие в Россию, читаются там нарасхват, и каждый экземпляр проходит через многие десятки рук, превращаясь в результате этого в клочки»⁴¹⁵, поэтому наличие трений между группами казалось устранимым. Раздражителем были проблемы, возникшие в сотрудничестве с энесами и с Е.Д. Кусковой, которая, по словам Милюкова, вновь «начинает тянуть к беззаглавству» и соглашательски настроена к большевикам»⁴¹⁶.

Обещая «приспособить нашу политическую деятельность для России», П.Н. Милюков рассчитывал и на постепенную эволюцию советского режима в период нэпа, к чему какие-то основания до 1928 г. давала постоянная борьба между различными группировками внутри ВКП(б). В 1924–1926 гг., не отказываясь от возможности революционного свержения власти, П.Н. Милюков старался разделять рядовых членов компартии и лидеров. Он писал: «Мы не хотим обижать мелкую коммунистическую сошку, которая служит поневоле»⁴¹⁷. И здесь было заметно расхождение во взглядах с куда более радикальной «Крестьянской Россией».

А.А. Аргунов 9 марта 1925 г. в Париже заявил, что «расширение демократических элементов в Чехословакии стало весьма заметным. Сюда следует отнести местную Р.-Д. группу партии Н<ародной> С<вободы>, группу “Крестьянской России”, народных социалистов и студенческие демократические организации, из которых наиболее видными являются Демократический (4-ый) Студенческий союз и так называемый Социалистический»⁴¹⁸. Но на перспективы РДС Аргунов смотрел не вполне оптимистично: «Что касается нашего блока, то пока общая обстановка мало благоприятствует для его расширения. “Комитет действий” (или “Центр Действий”) собирается довольно регулярно, и, в общем, контакт между входящими в него элементами налажен»⁴¹⁹. Аргунов похвалил «успешно развивающуюся литературную деятельность р.-д. блока, круг читателей литературы которого постепенного расширяется как в России, так и в лимитрофных странах»⁴²⁰. Но публичная активность «Крестьянской России» вне Праги в 1925–1926 гг. была не очень высока. «Из партийных выступлений за последнее время состоялось только одно, а именно доклад С.С. Маслова о “Крестьянской России”»⁴²¹, — констатировал В.А. Харламов в своем выступлении в Париже 15 апреля 1925 г.

Активист «Крестьянской России» Д.А. Акимов так видел сложные межпоколенческие отношения: «...Необходимо учитывать для понимания сущности тех или иных группировок в эмиграции (в частности, групп С. Маслова, Мельгунова и Милюкова) наличие “отцов” и “детей”, — то есть старые политические деятели, работавшие до и после революции политически, и молодежи, оформляющейся политически в эмиграции, молодежи, которой подчас непонятна и чужда рознь политических верхов эмиграции, молодежь менее грамотная, чем старики, но психологически более актуальная (поскольку она с винтовкой в руках дралась на фронтах гражданской войны, хотя бы подчас и не отдавая себе точного ответа в политической сущности происходящего).

Группа Милюкова в узком смысле — это левое крыло кадетов, разделяющее новую идеологию и тактику Милюкова, известное в достаточ-

ной мере их соответствующей литературы. Это сравнительно узкий круг “стариков”. Группа Милюкова в широком смысле — РДО (республиканско-демократическое объединение). Это объединение “молодежи”, “детей”, стоящих целиком на позициях Милюкова, но не рискующее войти в политически оформленные группы “стариков” (милюковцев в узком смысле). РДО примет революцию во всех ее положительных завоеваниях (конец феодально-помещичьего строя и т. д.), отказалось от “зоологической” ненависти к Сов<етской> власти, делало ставку на развитие внутренних сил страны, считает, что только внутренние силы страны и их развитие выведут страну из тупика, ставит своей задачей критический подход и изучение всех подлинных процессов, происходящих в СССР как логический вывод: решительный отказ от интервенции в каком бы то ни было виде, признание наряду с революционными методами борьбы с Сов<етской> властью и эволюционных методов (расчет на рост внутренних сил) и т. п. Все это также ярко отразилось в изданиях РДО. Милюков смотрит на РДО как на эмбриональное состояние будущей политической партии России. Главное место развития РДО — Франция. В 1927 году появилось в Германии, Чехословакии и в замаскированном виде и иной форме в Югославии⁴²².

П.Н. Милюков определял РДС, включая «Крестьянскую Россию» и умеренных социалистов, как «политический центр»⁴²³. Но внутри РДС, констатировал в ноябре 1925 г. Милюков, появилось две линии: с одной стороны — желание идти в Россию конспиративно, с другой — пешехононская точка зрения, так называемое «возвращенчество»⁴²⁴. Хотя П.Н. Милюков не отрицал возможности свержения большевиков, на практике он скептически относился к крайней активистской деятельности. Он рекомендовал «тактику выжидания и нащупывания и осознания того, что происходит в России»⁴²⁵. Особенно активно Милюков полемизировал с С.П. Мельгуновым, которого непримиримость постепенно привела к союзу с правыми на платформе «непредрежденчества» и активной борьбы с большевиками и изданию активистского журнала «Борьба за Россию»⁴²⁶.

В области эмигрантской политики РДС и группа Маслова – Аргунова как его составная часть заняли общую позицию по отношению к основному событию 1925 г. — Зарубежному съезду, решили в нем не участвовать как в мероприятии правых, желавших провозгласить «вождя».

В декабре 1925 г. года в Праге прошли четыре заседания конференции РДС, было сказано, что «относительно способов сношения с Россией можно лишь указать, что в настоящее время способы эти могут быть расширены и закреплены»⁴²⁷. Участники конференции отметили возможности воспользоваться «брожением» в рядах эсеров и их потенциальным

сдвигом вправо. Но выяснилось, что по вопросу о возвращенчестве в «Крестьянской России» настроение «более правое» чем у РДГ ПНС, и она поддерживала «преимущественно революционные способы борьбы»⁴²⁸. Милюков считал, что партнеры держатся в оценке возвращенчества «более правой точки зрения: Аргунов — как революционер в прошлом, Маслов же — как бывший участник белого движения. Выступление Мельгунова в Париже нашло у них некоторую, впрочем, очень осторожную поддержку»⁴²⁹.

Из России поступала, по сообщению сотрудника «Последних новостей» И.П. Демидова, позитивная информация: «Литература из-за границы доходит, и там ее знают и читают нарасхват». Демидов отмечал, что «Новь» пользовалась большей популярностью, чем «Свободная Россия», которая «более серьезна и дает субъективную оценку», но «она все же имеет свой круг читателей, и ею также дорожат»⁴³⁰. П.Н. Милюков сделал вывод, что «Свободная Россия» «слишком тяжела»⁴³¹, на что он начал указывать пражским соредакторам.

В апреле 1926 г. А.А. Аргунов доложил в Париже об «усилении работы блока в России», заявил, что «в последний год в особенности заметно искание отсюда связи с нами. Наши усилия по пробиванию дороги в Россию встречают все меньше препятствий, и молодежь проявляет желание практически работать в этой трудной отрасли. Таким образом, начатая 2 года назад литературная деятельность блока стала себя оправдывать»⁴³².

Весной 1926 г. в Польше появился журнал «Родное слово», с помощью которого «Крестьянская Россия» хотела завезти русские массы в Польшу и лимитрофах⁴³³. Милюков новорожденным журналом доволен не был, но своим единомышленникам в Варшаве и в Праге В.В. Португалову и Б.А. Евреину волею принимать участие в проекте не воспретил⁴³⁴.

С.С. Маслова явно тревожили попытки Милюкова использовать в своих интересах Михаила Епифановича Акацатова (Михаил Антонов) (1882–1933), объявившего себя в эмиграции председателем Главного совета Всероссийского Крестьянского совета (ВКС), имевшего якобы свои группы в Советской России. М.Е. Акацатов издал в Париже сумбурную «Книгу Скорби», в которой он сурово осудил Белое движение за нежелание опереться на народ. Он выдвинул программу опоры на крестьянство, введение истинного народоправства, низового волостного самоуправления. Акацатов от имени ВКС объявил: «Вся власть должна принадлежать большинству народа, а в России таковым большинством является крестьянство, живущее в деревнях, и занимающееся хлебопашеством. <...> Мы, крестьяне, вправе установить свою жизнь сами и без участия горожан»⁴³⁵. Акацатов писал, что надо «узнать истинную волю страны,

надо начинать снизу, а не сверху»⁴³⁶. С.С. Маслов не раз объявлял Акацатова авантюристом, но Милюков контактировал с вождем ВКС не прекращал и финансировал его из средств РДС. Милюков верил, что люди Акацатова проникают в Россию через Румынию.

К лету 1926 г. спор о методах борьбы внутри РДС еще усилился. На совещании в июне 1926 г. А.А. Аргунов укорял П.Н. Милюкова политической близостью с Е.Д. Кусковой. Обнаружилось, что С.С. Маслов в ответе П.Н. Милюкова «Пасманику о терроре», в словах, что обстановка для террора сейчас не подходящая — «усматривает слишком резкое осуждение террора»⁴³⁷. П.Н. Милюков возражал, что «Крестьянская Россия» увлекается настроениями, «отраженными в выступлениях Мельгунова»⁴³⁸.

В августе 1926 г. «Крестьянская Россия» отказалась дать согласие на публикацию брошюры П.Н. Милюкова «Эмиграция на перепутье»⁴³⁹ под совместным грифом библиотеки журнала «Свободная Россия», из-за якобы «уклона» брошюры в сторону пропаганды мирных способов борьбы, а П.Н. Милюков обвинил своих партнеров в тяготении к «мельгуновщине».

П.Н. Милюков 8 августа 1926 г., возмутился, что «Крестьянская Россия» покусилась на святое для него понятие «новой тактики», которое, как выразились партнеры, «ничего не дает». Он отвечал: «“Уклон” к Мельгунову чрезвычайно характерен для настроения Ц<ентрального> Б<юро> — и делает очень трудными наши дальнейшие тактические шаги. <...> Надо признаться, что до сих пор мы не нашли способов внедриться в Россию и наша литература в значительной степени обслуживает эмиграцию, пропагандируя наше направление. <...> Как я буду писать на эти темы в “С<вободной> Р<оссии>”, — я не знаю. Не знаю и того, в каком духе будет вестись наша работа в России, как будут настроены посылаемые вами туда лица и т. д. Логически из намечаемой ЦБ позиции вытекает провоцирование внутрирусских элементов на “революционные” выступления. Я к такого рода деятельности принужден отнестись с крайней осторожностью, и ответственности на себя и на наше направление за такую деятельность не взял бы»⁴⁴⁰.

Итогом спора стало прекращение издания журнала «Свободная Россия». П.Н. Милюков выступил за это 1 сентября 1926 г.: «Разумеется, наша текущая деятельность «блока» не должна прекращаться в период выяснения наших разногласий. Я считаю только, что выпуск “Свободной России” надо приостановить, ибо, потеряв контакт с Вами, я утерял и уверенность в тоне, каким можно писать о спорных вопросах, а это как раз важнейшие вопросы текущего момента, о которых журнал не может ни молчать, ни говорить в нейтральном тоне, т. е. ни то, ни се. Все

остальные расходы надо продолжать и машины отнюдь не останавливать»⁴⁴¹. П.Н. Милюков в тот момент имел в руках все финансовые ресурсы, так что мог диктовать партнерам свою волю.

2 сентября 1926 г. П.Н. Милюков сообщил своим парижским коллегам, что «Крестьянская Россия», выбирая между Кусковой и Мельгуновым, становилась ближе к апологету активизма, оправдывая «пафос его борьбы, который более отвечает духу тактики Союза, чем “примиренческие” позиции Кусковой»⁴⁴². П.Н. Милюков обвинил С.С. Маслова в своевольном использовании аппарата союза: «имеются факты, позволяющие предполагать об использовании “Кр<стьянской> Россией” аппарата Союза для своих партийных целей. По-видимому, группа эта готовит себе почву для самостоятельной деятельности и перестает, по моему мнению, нуждаться в союзе с нами». Н.К. Волков заявил, что есть «подозрения в использовании “Кр<стьянской> Россией” аппарата блока для ее партийных дел»⁴⁴³. Пражская группа кадетов, в целом поддержав П.Н. Милюкова, все же предложила, «если окажется нужным, не отказываться от продолжения союза с “Кр<стьянской> Россией”»⁴⁴⁴.

«Крестьянская Россия» пыталась доказать, что разногласия были всегда и что они работе не мешали. На совещании РДС в Праге 27 сентября 1926 г. член ЦБ А.Л. Бем сообщил о своей встрече с Милюковым в Париже, «отмечая дружеский тон, в котором шел разговор»⁴⁴⁵, и уверял, что «союзное соглашение может и должно быть сохранено в интересах общей демократической работы»⁴⁴⁶. С.С. Маслов указал, что «Крестьянская Россия» в своем последнем письме П.Н. Милюкову, не закрывая глаз на факт разногласий, убежденно высказалась «за возможность и необходимость дальнейшего существования блока»⁴⁴⁷.

А.А. Аргунов предложил «продумать вопросы блоковой жизни и работы <...>, разобраться в вопросе, почему не новые разногласия приобрили такую остроту и так и тяжело отразились на деятельности союза»⁴⁴⁸. А.А. Аргунов доказывал что «у Милюкова проявлялось всегда “прохладное” отношение к работе блока на Россию и повышенная оценка работы в эмиграции; только этим можно объяснить задержку средств на аппарат блока в Польше, обостренную реакцию на разногласия в эмигрантских спорах, единоличное решение о приостановке выхода “Свободной России”, рассчитанной на Россию, и настойчивое желание выпустить издаваемую теперь брошюру, рассчитанную на эмиграцию»⁴⁴⁹.

Практически все участники дискуссии со стороны пражских кадетов — Н.Н. Богданов, Б.А. Евреинов, В.А. Харламов — высказали надежду на скорый приезд Милюкова в Прагу и урегулирование кризиса путем личных переговоров. И в итоге стороны пришли к компромиссной

резолуции о том, что «1) по общеполитической обстановке дальнейшее продолжение деятельности блока является безусловно необходимым; 2) имеющиеся тактические разногласия, поскольку они выяснились из переписки, не должны препятствовать продолжению деятельности блока в полном ее объеме; 3) крайне необходимо совместно с П.Н. Милюковым совещание в Праге, как по спорным вопросам, так и вообще по вопросам, касающимся РДС». П.Н. Милюков же в Париже заявил, что А.А. Аргунов так и не дал ему точного ответа, в чем же состоят новые разногласия, а лишь подчеркивал, что «Милюков обращает внимание на эмиграцию, а “Крестьянская Россия” — на Россию»; что «“Крестьянская Россия” отдаёт предпочтение революционным методам, а наша группа — эволюционным. Это, разумеется, не соответствует действительности, так как, наоборот, мы все время стремимся уравновесить оба вида борьбы»⁴⁵⁰.

П.Н. Милюков 8 октября 1926 г. предложил новую конструкцию РДС, объявив, что «считает правильным, после случившегося эпизода, сохраняя союз с “Кр<стьянской> Россией”, в то же время несколько разъединиться, дать друг другу больше свободы, и из федерации, в которой находились до сих пор обе группы, перейти в конфедерацию, т. е. перевести “Кр<стьянскую> Россию” из положения нашей единственной союзницы в разряд одной из нескольких возможных союзниц, которые теперь возникают в лице образующихся повсюду р.-д. группировок и объединений». П.Н. Милюков «считает возможным, что эволюция “Кр<стьянской> России” будет продолжаться и дальше и что постепенно она будет отдаляться от нас политически. В Праге в последнее время она ставит себя совсем в особое положение по сравнению с другими р.-д. организациями и примыкает к более правым настроениям чешской общественности, ведущим линию против Масарика и Э. Бенеша»⁴⁵¹. Этот тезис объясняет резкость П.Н. Милюкова: финансирование РДС шло через МИД Чехословакии, возглавляемый Э. Бенешем, и Милюкова хотел отмежеваться от критиков спонсора.

«Крестьянская Россия» была поставлена перед фактом решения П.Н. Милюкова: «Прекратить издание “Свободной России”, которое к тому же ведется слишком академично и поглощает много средств. 2) Начать новую литературную деятельность — брошюрную, при которой большая самостоятельность сторон не сможет помешать работе. 3) Установить независимость обеих сторон в распределении денежных средств, разделив бюджет на две части. <...> 4) Аппарат сношения и распространения пока придется оставить тот же, что существует в настоящее время, и им будут пользоваться одинаково обе стороны союза»⁴⁵².

Несмотря на то, что «Крестьянская Россия» предлагала партнерам по блоку сразу не прекращать издание журнала «Свободная Россия», выпустить уже готовый номер, П.Н. Милюков 21 октября 1926 г. отказал, утешив, что будут высланы деньги, и «издание брошюр, напротив, предположено ускорить»⁴⁵³. Это и была реализация решения П.Н. Милюкова: «не выказывать пока особой готовности идти на соглашение, но в то же время не вызывать и окончательного разрыва союза...»⁴⁵⁴

Имелась и проблема, требовавшая непубличного разрешения. В Париже подозревали, что реальная линия ЦБ «Крестьянской России» отличается от декларированной. Так, И.П. Демидов предполагал: «по-видимому, руководители группы “Кр<стьянская> Россия” задумали и готовят конспиративную организацию, по всем признакам — террористическую. Это — не наша задача, и потому они дорожат лишь группами, где проявляется активность такого рода»⁴⁵⁵. С апреля 1926 г. П.Н. Милюков пытался понять, на что тратятся деньги, что дает работа «Крестьянской России» в Польше с выходом якобы на Россию. Он написал Аргунову: «Я не уверен в значении наших расходов по Варшаве: до сих пор были только не исполненные обещания и несбывшиеся надежды. “Св<ободная> Р<оссия>” идет вяло, мелкие брошюры не вытанцовываются, отправка “П<оследних> Н<овостей>” за черту не организуется. Сношений с той стороной почти нет»⁴⁵⁶.

С.С. Маслов 18 ноября 1926 г. смог в ответ доложить на закрытой встрече с группой П.Н. Милюкова в Париже о миссии эмиссара, нелегально побывавшего в России, «откуда только что вернулся посланный “Кр<стьянской> Россией” курьер. <...> Лицо это — представитель молодого поколения, разочаровавшийся в коммунизме, сторонником которого было одно время. Так как он лично членам “Кр<стьянской> России” был малоизвестен, то и был отправлен в Россию без всяких адресов и на собственный страх и риск. Ему была дана программа для создания приемных пунктов Р.-Д. Союза. Было дано ему также 20 кило нелегальной литературы, которую он должен был попытаться распространить. Тут были издания “Свободной России”, наиболее ходкие брошюры, “Последние Новости”, “Руль”, “За Свободу” и “Родное слово”»⁴⁵⁷.

Здесь речь идет о Николае Андреевиче Боярове-Мосевиче⁴⁵⁸ (1902–1931). С.С. Маслов описывает его пребывание в России и якобы имевшие место встречи его с группами московских интеллигентов: «Из литературы с наибольшим интересом встретили “Посл<едние> Новости”, “За Свободу”, “Свободную Россию” и “Национальный вопрос”. Ознакомившись с содержанием, проявили уныние или разочарование: все, мол, знаем лучше, так как ближе стоим к тому, о чем говорит Милюков и другие. Но затем

все же признали, что такая литература нужна для интеллигенции. Масса же не поймет, или, прочтя, сейчас же забудет. Важно — говорят они — иметь готовое руководство, чтобы на случай падения большевиков не пришел бы им на смену Марков 2-й. Касаясь русской интеллигенции, они считают, что задача интеллигенции на данный момент сохранить себя культурно и политически, поэтому они против всяких заговоров, связи с эмиграцией и т. д., ибо при чудовищном советском шпионаже все начинания в этой области обречены на неудачу, а их авторы — на гибель»⁴⁵⁹.

Организационно эта экспедиция, по мнению С.С. Маслова, закончилась внешне ничем — курьер решил вернуться в Польшу⁴⁶⁰. Но поездка настроила С.С. Маслова на оптимистический лад, видимо, потому, что показала потенциальную возможность установления связи с единомышленниками. К тому же, эмиссар убеждал, что на бытовом уровне существует громадное недовольство советским политическим режимом, рассказывая, например: «Большое и радостное впечатление произвела на всех смерть Дзержинского»⁴⁶¹.

На самом деле Николай Андреевич Бояров-Мосевич, чей доклад обильно цитировал Маслов, действительно взял задание от РДС в Варшаве, но, пробравшись из Польши в СССР, предложил свои услуги ОГПУ и в Польше появился уже в качестве секретного агента Лубянки.

Фигура этого авантюриста — вполне в духе 20-х годов. Н.А. Бояров (по отцу — Мосевич; этой фамилией он пользовался в Польше) — сын управляющего поместьями и учительницы. С 1919 г. он был комсомольцем, даже секретарем уездного комитета РКСМ. В начале 20-х годов — агент ЧК-ГПУ в Землянском и Нижнедевицком уездах Воронежской губернии. Затем находился на профсоюзной и советской работе в Крыму. После ссоры с местными активистами комсомола Бояров-Мосевич решил перебраться к уехавшим в Польшу в 1924 г. родителям и заняться настоящей «революционной работой». Вместе с женой он перешел границу, в польском местечке Рудаки создал ячейку сторонников большевизма, а для прикрытия решил связаться с эмигрантами⁴⁶².

Под фамилией Мосевич он даже написал в газету «За Свободу» разоблачительные статьи с «клубничкой». Одна статья о том, как недоучки-преподаватели на курсах «избачей» учат черт знает чему сильно пьющих и развратных деревенских комсомольцев. Автор с праведным гневом живописует оргии, участником которых и сам он мог быть: «Случайно вечером, пройдя через садик между церковью и зданием, я сам лично был свидетелем того (за сказанное готов отвечать своей совестью и головой), как в тени стен церкви, но все-таки довольно открыто “коллектив” 4-х учительниц отдавался “коллективу” 4-х избачей. У меня волосы ста-

ли дыбом, до какого нравственного разложения в стране, где властвует хам, дошла интеллигенция»⁴⁶³. (Как видим, традиции «комсомольской учебы» зародились отнюдь не в брежневские времена!)

Другая разоблачительная статья была о низовой коррупции в советских профсоюзах в Крыму — в Евпатории. Тут автор описал, как коммунисты «бессметно расходуют профсоюзные средства и называют “проклятыми меньшевиками” тех, кто попытается слабо протестовать против этого»⁴⁶⁴.

После этих ярких публикаций автора пригласил в Варшаву представитель РДС в Польше А.А. Вакар⁴⁶⁵. Описание этой встречи Бояров-Мосевич дал 24 июня 1926 г. на допросе у следователя ОГПУ:

«3 июня утром я пошел к Вакару в “Русский дом”. <...> Вакар начал говорить со мной. Я, сказал, — он очень рад, что вы, по-видимому, являетесь представителем молодежи, готовой работать с нами, против большевиков. Но вы еще не знаете в точности, кто я, ибо я с вами, да и со всеми переписываюсь как обыкновенный гражданин от своего имени. Я же действую здесь как представитель: группы левых кадетов во главе с Милюковым, партии народных социалистов во главе с Мельгуновым и др<угими> и групп “Крестьянской России” во главе с Масловым и др. Приемлема ли для вас позиция этих партий? Я ответил утвердительно. Тогда Вакар попросил меня сообщить о себе автобиографические сведения. Я рассказал ему, что “я сын богатого служащего и помещика, ограбленного большевикам. С детства я воспитан в демократическом духе ненависти к насилию. Насилия, творимые большевиками, возбуждают во мне ненависть к ним, и я готов бороться с ними, используя все средства и цели. Большевики мне, мол, ненавистны как мучители интеллигенции, «душители свободы и пр. и пр.”».

Вакар спросил меня, что во время бытности моей в СССР проводил ли я какую антибольшевицкую работу. Я ответил утвердительно и рассказал ему небылицы, что будучи в Воронежской губ<ернии> я был с контрреволюционными группировками в с. Касторном и на Онышском сахарном заводе Землянского уез<да>, что там использовали сельскохозяйственную кооперацию, где, дескать, были свои люди. Мы под флагом ее открыли сельскохозяйственные курсы, которые превращали в орудие антисоветской пропаганды. (О группировках этих мне, между прочим, было известно, как работавшему в 22–23 г.г. информатором ГПУ в Касторненском районе и впоследствии со слов моего знакомого секретаря местной ячейки РКП тов. Воробьева Владимира Павловича <...>). Далее я сказал, что стала обнаруживать Воронежское губ. ГПУ и я переехал в Крым, где связался с контрреволюционным движением в Симферопольском р-не

(об этом движении имел понятие по газетам в связи с раскрытием в 1924 г. летом контрреволюционного заговора), но дело наше провалилось. Наконец, дальше я сказал, что из СССР я бежал в Польшу, потому что ГПУ г. Евпатории в 1925 г. якобы нашло у меня мой дневник, в который я имел неосторожность записывать свою контрреволюционную работу, я сидел в тюрьме, потом был выпущен под подписку до подсудности и, не дожидаясь суда скорее убежал.

Во время этого разговора выражение лица у Вакара не менялось, он только внимательно слушал и пристально смотрел на меня. Он мне стал задавать еще вопросы, такие: Как вы мыслите — произойдет свержение большевиков в России. На кого мы должны ориентироваться в работе против большевиков? Слышал ли я что про группу “Крестьянской России” в СССР? Нужна ли будет интервенция? На это все я ему ответил, что свержение большевиков в России произойдет через неизбежное восстание крестьянства, ибо интересы последнего коренным образом расходятся с интересами и работой большевиков, а материально крестьян большевики все равно не удовлетворяют, т. к. промышленность страны истощена, и для того, чтобы ее обновить, опять надо брать те же налоги с крестьян; ориентироваться в работе против большевиков надо на “передовую интеллигенцию”, спецов и зажиточных хозяйственных мужиков; про группы “Крестьянской России” в СССР не слышал, но с контрреволюционными группировками во всех слоях населения встречался, т. к. народ, мол, ненавидит большевиков; интервенцию я расцениваю как антинациональный фактор со стороны западноевропейских государств и “верю”, что русский народ сам “возродится и свергнет большевиков”, но, тем не менее, считаясь с темнотой и невежеством русских, приходится часто ориентироваться и на интервенцию как на помощь русскому народу в момент его восстания против большевиков. Материал этих всех ответов, на своего рода белогвардейскую политграмоту, я набрал, конечно, из белогвардейских газет. Выслушав меня, Вакар признал, что я “мыслю” правильно и перешел к технической стороне дела.

Высказал он — отправитесь нелегально в Киев, есть у вас там знакомые? Я ответил утвердительно. Так вот, поезжайте туда и подберите 2–3 человека из интеллигенции таких, которые были бы по духу нашими людьми и способны были бы активно работать. Это будет первый пункт, как зарождающаяся база нашей работы. Возьмите с собой литературы немного, как идейный программный материал. Потом, когда ваш пункт будет надежным в смысле подбора людей, способных развивать работу без вас, приблизительно через м<еся>ц возвращайтесь обратно и доложите о результатах нам.

Находясь в Киеве, вы будете все время под наблюдением наших людей, которые вам неизвестны, но когда мы поближе друг друга узнаем, и ваш созданный пункт будет работать, мы свяжем вас с другими нашими организациями в Киевской губернии. После этого вы будете, если окажетесь пригодным, обслуживать связь и снабжение литературой в большом количестве Киева от нас. Очевидно Вакар меня как молодого и дешево стоящего, ибо я не писака и член Думы или в этом роде, хотел бросить на самую рискованную работу: пройдет: черт с ним.

После этих директив в свою очередь задал несколько вопросов Вакару я, такие: Как вы считаете, не скомпрометирую ли я эмиграцию такой работой? Он ответил — нисколько, мы этого не боимся, а грязью большевики нас и так поливают достаточно. Если вас обнаружит ГПУ, то она не накроет ранее чем через полгода, пожалуй, пока детально все выследит. Будьте осторожны, прежде всего, ибо причина раскрытия наших организаций, это, прежде всего — неосторожность. Я спросил дальше: не связаться ли мне с польской дефензивой и т. п.? Он ответил, что пока не надо, когда надо будет, вам скажем, сейчас же это будет лишняя перегрузка в вашей работе, т. к. польские власти в таких случаях требуют от нас услуг по разведывательной работе для их генерального штаба.

Я продолжал: не втереться ли мне как в местные органы ГПУ и не давать ли о них сведения. Для вас — сказал Вакар — эта игра не стоит свеч. Ваша работа только по организации агитационной базы и только. Работа по нашей разведке в ГПУ. относится к специально важным отраслям, которую, проводя вместе с польскими властями, мы ведем особо и посылаем на ее людей опытных, выдержанных и знающих эту работу. Для этого вы не подходите.

В заключение Вакар спросил, сколько мне надо денег. Я попросил 200 (двести) долларов. Он сказал, что это много, ибо у нас есть люди, которые работают бесплатно. Дам я вам половину этой суммы сто (100) долларов. Заходите ко мне в 5 часов.

В 5 часов я был на квартире у Вакара на Мокатовской. Вакар мне отворил дверь сам, ввел в комнату и передал связку литературы и пачку денег “долларувок” польского займа в сто (100) долларов. Тут же он дал мне кличку “Иванов”, отобрал подписку этой кличкой в получении денег и сказал, чтобы из России я писал ему письма намеками за подписью “Иванов” и он также будет узнавать письма по почерку. Потом после передачи литературы он сказал мне, чтобы по возвращении я привез отзывы — письменные тех интеллигентов, которые с ней будут знакомиться. Отзывы должны охватывать вопрос о пригодности данной литературы

для широких масс крестьянства. Записал он также на меня адрес в Киев через моих знакомых Петровых и пожелал счастливый путь.

По вопросу о получении мною и женой документов от польских властей Вакар обещал возбудить ходатайство через Попечительский Комитет. Фальшивый же советский паспорт я у него не просил, т. к. намеревался после границы прямо же явиться в ГПУ на Совгранице.

Обещал мне тогда только Вакар прислать условное письмо с предложением якобы сотрудничества в их органе “Родное Слово” для того, чтобы оно было прикрытием от сплетен местной публики, когда я выеду из Вишневской вол<ости>»⁴⁶⁶.

Итак, А.А. Вакар не без цинизма в распоряжении чужой жизнью предложил Н.А. Боярову-Мосевичу вернуться в СССР и создать в Киеве антибольшевистскую ячейку. Интересно, что это Бояров-Мосевич и проделал. И его, и его юную жену Валентину снова перевела через границу обратно в СССР контрабандистка Катерина Трофимова: «Теперь, приехав из Варшавы в Вишневскую волость, я поразмыслил и решил по переходе границы не являться в ГПУ на Совгранице, т. к. Вакар мне намекнул по вопросу о будущей массовой переброске литературы через границу, что у них в погранотрядах есть свои люди. Опасаясь этих “своих людей”, я решил ехать прямо в Киев, а для этого на дорогу мне нужен был паспорт. За этим фиктивным паспортом я и обратился письменно к Вакару. Он обещал таковой достать, но, прождав месяц, я не дождался и выехал без паспорта с комсомольским билетом, который был при мне в Польше. Я взял с собой жену, которая измучилась в белогвардейской Польше, тоскуя по СССР и родине своей — Крыму. Мы ночью перебрались через границу опять в районе Борисовского уезда. Шли по местности близлежащей границы все ночью, днем сидели в лесу. От местечка Зебино до Борисова доехали на автомобиле. Потом от Борисова поехали по ж.-д., жена — в Крым в Евпаторию, я — на ст. Ржаву к дяде железнодорожнику, отдохнуть. В Ржавее я слез, отдохнул у дяди (он там ППЧ — Бояров Святослав Архипович) три дня и поехал в Москву, где, мне сообщил тов. Шафран, встретившийся в Курске, работает тов. Коган Исаак в ЦК ВКП (б). С Ржавы я также написал Вакару письмо, в котором сообщил, что доехал благополучно и просил выслать мне в Киев еще денег. Приехав в Москву, я пошел к тов. Когану, рассказал ему все честь честью, а потом попал в ГПУ»⁴⁶⁷.

Итак, Бояров-Мосевич сходил на прием в ЦК ВКП (б) к своему знакомому, а оттуда отправился на Лубянку, где предложил свои услуги ОГПУ. Тем не менее, он просидел в тюрьме несколько месяцев. От обиды Бояров-Мосевич, устав ждать признания своих подвигов, вынужден был

объявить голодовку: «Не находя в себе больше нравственных сил находиться дальше в заключении в руках советской власти, во имя которой я все время боролся, и считая мое содержание в тюрьме несправедливым отношением к революционеру, ибо совершенные мною деяния были произведены во имя революции, о чем мною было заявлено Вам еще до ареста, я вынужден объявить голодовку впредь до личного объяснения с Вами. Иной меры протеста я избрать не мог, т. к. на мою просьбу о подаче заявления начальнику тюрьмы вчера ничего не ответил. Голодовку начинаю сегодня. 28/VIII»⁴⁶⁸.

Голодовку он прекратил на допросе 1 сентября и на радостях донес на соседей по камере: «Из Лубянки № 14 я бы переведен во внутреннюю тюрьму, камеру № 72. Здесь я застал следующих заключенных: Голанцева Антон Семеновича, обвиняемый по экономотделу, Христофоровича Павла Павловича, 58 лет, бывшего морского офицера, по убеждениям монархиста — теперь члена правления кооператива, обвиняемого по экономделу, Бегара — учителя эсера, Федорова-Давыдова — эсера-максималиста, бежавшего из ссылки из Кирреспублики и арестованного в Ленинграде, Волкова — члена РКП (б) — зав. Московской строительной конторой, обвиняемого в бесхозяйственности и наконец, идеолога камеры Куксина Бориса Петровича главного технического контролера авиационного завода, обвиняемого в шпионаже, в бытность служащим на концессионном заводе “Юнкерс” и контрреволюционной агитации, бывшего члена ЦК кадетской партии. Столкнувшись с этой публикой, я, сначала не зная ее, сказал им, что нахожусь в заключении по делу растраты. Однако, когда я убедился, что это люди политиканствующие, что и можно использовать, я втихомолку заявил им, что я мол тоже политический и арестован как пропагандист кадетской партии в доказательство чего у меня обнаружена контрреволюционная литература.

Все тотчас же обступили меня. Куксин бросился пожимать мне руку, и стали спрашивать о новостях от зарубежных друзей. Чтобы подтвердить свое положение я сказал, где какие выходят белогвардейские газеты, кто такой главарь, и какого держится мнения. Разумеется, многое присочинил для эффекта от себя. Таким образом, симпатия моя была завоевана и новоявленные друзья стали открыто передо мной в отсутствии тов. Волкова, повествовать о своей деятельности. Рассказы их касались, главным образом деталей той или иной антисоветской деятельности в виде воспоминаний, но полностью ценного материала не представляли, так как они главным образом были уже известны ГПУ или были мелочными. Однако здесь я особо должен подчеркнуть личность инженера Куксина Б.П., так как я еще раз повторяю, что это именно идеолог по

пропаганде, и, подтасовывая, ультраируя и извращая факты способен довольно ловко оправдывать, идеализировать и возвышать всякую контрреволюцию и унижать, забрасывать грязью, высмеивать все революционное. На почве этого с ним не раз открыто скандалил даже левый эсер максималист Федоров-Давыдов. <...> Куксин и теперь не порвал, не только идейно, но и организационно с кадетской партией.

Вместе с тем вся шкурническая натура, которую он выявил, заставляют полагать, что и на шпионаж Куксин за хорошее вознаграждение способен. Все это подтверждается систематическим собеседованием, проводимым им о программе и тактике к.д. партии, презрением к “коммунистам” и пролетариату и его первейшим лозунгом: “гони монету и я все сделаю”.

Итак с целью выявления этой публики, я старался сблизиться с ней вышесказанным образом и согласие с их идеями подтверждал тоже, что я лично стою на платформе к.д. партии и действую от ее имени. О моей политике такого сорта я еще раньше поставил в известность следователя тов. Сыроежкина. Но мы детально на этом с ним не останавливались.

Теперь дальше временем этих контрреволюционных суждений были главным образом те часы, когда тов. Волков уходил на допрос, ибо в его присутствии почтенная публика полностью откровенно изъясняться все же боялась. Но и в присутствии Волкова они не могли воздержаться и тут уже пускались в споры об идеализме и материализме. В них я резко стал на сторону материалистического мирозерцания в духе лево-меньшевистской политики, так как прямо коммунистическую линию проводить, не компрометируя себя, было нельзя, а делал я все это для того, чтобы подзадорить их в своем откровении о контрреволюционных идеях.

Когда же они мне в отсутствии Волкова ставили в упрек, что мои взгляды слишком левые, я говорил, что эту линию нарочно провожу, чтобы сбить с толку тов. Волкова, и он, как член РКП(б) уж так плохо не думал о нас. Разумеется, этим я хотел приобрести их большее доверие и думаю, что теперь, положим, выйдя из тюрьмы, я являюсь к тем из господ, которые будут выпущены, я смогу получить от них поддержку, а возможно (из предыдущего это логически следует) и связь с теми к.-р. группировками, в которых они состоят.

Из указанных господ из нашей камеры вывели Голанцева, Христофоровича, Волкова, Бегара, привели Юнуса А.М. (того самого, которого я встретил в предварилке и Гарцмана Соломона Исаевича. Первый белый офицер, бывший член Башкирского правительства, говорит, что теперь твердо стоит на беспартийной аполитичной точке зрения и позиции, так как очевидно напуган революцией, хотя взгляды, конечно, имеет на жизнь

не коммунистические. Второй, по-видимому, твердый и активный анти-советский сионист.

Из камеры № 72 мы на днях, т. е. я и Куксин, ибо других тоже вывели, были переведены в камеру, кажется, № 32 или 36. Сюда же — перевели новую публику. Успел несколько пока ознакомиться только с одним меньшевиком Цедербаумом Федором Исаевичем — братом Мартова. Он говорил со мной о загранице и говорил, что лично знает Португалова и С. Маслова. Остальные это: Бранд из Латвии, один морской офицер из Севастополя, сионист-социалист уже бывший в политизоляторе год, и сегодня еще привели колчаковского офицера.

Всем им меня Куксин представил как деятеля кадетской партии. Я сейчас, поскольку это в тяжелых тюремных условиях возможно, займусь выявлением их физиономий. Правда, дело здесь подвигается туго, но, между прочим, Цедербаум уже успел сообщить, что, по его мнению, большевистская деспотическая реакция зашла так далеко, что возрождение от нее возможно только путем “революционного” перехода к монархии, а потом эволюции к демократии. Его во всем поддерживает инженер Куксин»⁴⁶⁹.

Но и после этого подробного доноса комсомольца-стукача чекисты сразу не освободили. Видимо, деятели ОГПУ долго не могли поверить невероятной истории Боярова-Мосевича, да и тому, как им повезло. Один, особо бдительный, написал на полях допроса красным карандашом: «Отец Боярова происходит из Польши и пребывает сейчас там — крестьянин. Как он мог говорить об отце как о помещике?»⁴⁷⁰ (О своем происхождении Бояров-Мосевич писал: «незаконный сын дворянина»⁴⁷¹.) По всей видимости, запрашивали и польских товарищей, ведь в Варшаве Бояров-Мосевич встречался с видным коммунистом Ежи Сохацким-Чешейко (1892–1933, покончил жизнь самоубийством на Лубянке), членом Сейма и ЦК нелегальной Компартии Польши (КПП) и связывался с Белорусской Селянско-Работницкой Громадой. Вот потому в деле есть пометка: «Для наведения справок через Коминтерн»⁴⁷². Сведения были даны благоприятные, и уполномоченный 6 отделения КРО ОГПУ Гурский 23 сентября 1926 г. сделал вывод: «Ввиду того, что деятельность гр. Боярова не была направлена в ущерб Советскому государству, а даже наоборот он всячески старался, по своему разумению, принести наибольшую пользу делу Революции, полагал бы: Гр-на Боярова из-под стражи освободить, дело следствием продолжать»⁴⁷³. Резолюцию «Согласен» поставил визу зам начальника КРО Агранов. 25 сентября коллегия ОГПУ освободила комсомольца-инициативника под подписку о невыезде из Москвы⁴⁷⁴, но его уголовное дело не было закрыто... И Бояров-Мосевич

отправился обратно в Польшу, уже с заданием ОГПУ, докладывать РДС об успехе своей экспедиции в СССР⁴⁷⁵. Лидеры РДС и польская разведка легко попались на удочку развязного, но бойкого и сообразительного агента советских спецслужб.

Вслед за Бояровым-Мосевичем в России от РДС побывал и второй агент — живший в Праге с 1925 г. член тамошней группы кадетов Николай Сергеевич Ирманов. Но, как на грех, и второй эмиссар РДС в СССР оказался агентом ОГПУ СССР.

История жизни другого яркого авантюриста Николая Ирманова, безусловно, заслуживает своего рода вставной новеллы. Собственно, он сам и стал ее автором.

...29 марта 1938 г. на советско-румынской границе в Тирасполе капитан НКВД Молдавской АССР Шурченев на основании распоряжения НКВД УССР за № 41478 от 25 марта 1938 г. произвел обыск у гр-на Семенова Сергея Ивановича, въехавшего в СССР в этот день. Изъяты были: «чемодан с разными личными вещами, финка в футляре, пара записных книжек, золотые часы, перочинный ножик, ручка, карандаш и золотое обручальное кольцо с подписью София»⁴⁷⁶. Несколько позже гражданин Семенов был доставлен в 10 отдел ГУГБ, где при очередном обыске он уже именуется Семеновым-Ирмановым. 9 апреля арестованный заполняет анкету, сообщая, что хоть он по паспорту (выдан «в Праге от полпредства») — Семенов Сергей Иванович, на самом же деле он — Ирманов Николай Сергеевич, родившийся 18 января 1888 в «г. Ленинград», проживающий в Чехословакии, в Праге, на улице Кожна 4, по специальности инженер и журналист. Образование «5 курсов горного института в г. Ленинград в 1913 году, с 1913 по 1914 год — «Ленинград. Университет (факультет восточных языков), Ленинградское Николаевское кавалерийское училище <окончил> 1/II.1916 г.». До революции был офицером — «корнет в царской и белой армии». Служил с 1918 г. до момента эмиграции за границу во 2-м конном Дроздовском полку. Первая жена живет в Финляндии в Гельсинфорсе. Вторая жена — гражданская по фамилии Томшу Тамара и сын Вячеслав живут в Праге. В графе анкеты «Место последней работы» арестованный пишет: «Прага, секретный сотрудник НКВД, связан с полпредством в Праге»⁴⁷⁷. 13 апреля 1938 г. архив дает на него справку: «Семенов Сергей Иванович. Уст<ановочных> данных нет. Он же Брюгинский Горах Ал<ександрович>»⁴⁷⁸. 20 апреля оформляется ордер на арест уже Н.С. Ирманова-Лозинского.

22 апреля 1938 г. Н.С. Ирманов пишет Народному комиссару внутренних дел Союза ССР заявление: «Я — Ирманов-Лозинский Николай Сергеевич, прибывший в Советский Союз по паспорту на имя Семенова

Сергея Ивановича, выданному Пражским полпредством 29 марта с.г., приехал в СССР и был арестован на границе в Тирасполе. Признаю, что в прошлом я являлся активным участником белого движения — офицер 2-го конного Дроздовского полка и вел активную борьбу против Советской власти. Эмигрировав за границу, я, как бывший офицер, не прекращал борьбы против Советского Союза и состоял активным членом белогвардейской террористической организации “Российский Общевоинский Союз” (РОВС), савинковской организации и “Союза защиты родины и свободы”, последнее время — “Союза участников великой войны”.

Также признаю, что я являлся и *являюсь*⁴⁷⁹ с 1921 года агентом 2-го отдела польского генерального штаба и вел работу по организации шпионажа в Литве. С приездом в Прагу я также был привлечен и являюсь агентом чешской разведки. Я также был привлечен для работы в пользу Италии, резидентом итальянской разведки Никколо д’Альфонсо с 1931 года. О своей контрреволюционной, шпионской и террористической деятельности, подробные и исчерпывающие показания дам дополнительно»⁴⁸⁰. Как видно, Ирманова сломать удалось за месяц.

29 апреля 1938 г. помощник начальника 8 отделения III отдела ГУГБ НКВД СССР Сафонов, «рассмотрев следственный материал по делу № 18391 и приняв во внимание, что гр. Ирманов-Лозинский Николай Сергеевич, он же Семенов Сергей Иванович, 1888 г. рожд<ения> белоэмигрант, прибыл в СССР из Чехословакии. Достаточно изобличается в том, что является членом зарубежной белогвардейской террористической организации “РОВС” и агентом иностранных разведок. Прибыл в СССР с террористическим заданием», постановил привлечь его «в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-6, 58-8, 58-11»⁴⁸¹.

Арестованного, видимо, до приговора оставили в покое, и с 3 по 8 мая 1938 г. он собственноручно пишет историю своей многослойной жизни. На страницах рукописи показаний Н.С. Ирманова местами видны чернильные кляксы, разводы, очень похожие на высохшие капли слез...

Бывший студент, затем офицер-кавалерист, с 1918 г. служил в Белой армии: «В белую армию Деникина я поступил в сентябре м<еся>це 1918 года во 2-й конный Дроздовский полк, который перешел в конце 1918 года с Кубани на Украину, где вел наступление на махновцев. В момент отхода полка в первой половине 1919 года в Крым, я находился в Анапе, куда был отпущен в отпуск, заболел сыпным тифом и проболел более трех месяцев. В полк вернулся под Черниговом, откуда началось отступление. С полком отступил в составе корпуса Бредова в начале 1920 года по Днестру в Польшу. В Польше сначала сидел в лагере, а затем нанялся в казачью <бригаду> Яковлева и <из бригады> бежал за участие в заго-

воре на жизнь Яковлева, что должны были провести некоторые из офицеров бригады, по заданию Савинкова, с которыми я тогда еще не был связан, но у него состояли на службе некоторые офицеры бригады, перебежавшие к нему. Из них помню Андрея Карловича Рудина, живущего ныне в Риге, в Латвии, и поддерживающего с нами связь. После моего ареста самим Яковлевым я бежал. При попытке бежать в Румынию я был арестован румынскими погранчастями, просидел месяц в тюрьме в Черновцах, был обратно возвращен в Польшу, сидел еще месяц в тюрьме во Львове, затем был отправлен в лагерь, где сидели участники отряда Булак-Балаховича. Здесь я вступил в непосредственные сношения с Савинковым через его агентов, особенно Туринцева и Бранда, приехавших в лагерь. Так я записался в савинковскую организацию, называвшуюся “Народный Союз защиты родины и революции” и в начале 1921 года был вызван в Варшаву, где в отеле “Брюль” находился штаб Савинкова. Сам Борис больше шефствовал, а ведал всей оперативной частью брат его Виктор, у которого адъютантом состоял В.К. Рудин.

У Бориса тогда состоял Шешеня, а затем там постоянно бывал Сергей Эдуардович Павловский, — полковник производства Булак-Балаховича. В Варшаве, где находился инженер Мягков, женатый на сестре Савинкова Вере и живущие ныне⁴⁸² в Праге, Альфред Людвигович Бем, живущий также ныне в Праге и состоявший членом “Крестьянской России” (ТКР) до второго раскола, Философов, Шевченко, Португалов. Это были люди, с которыми мне пришлось сталкиваться⁴⁸³.

Оказавшись в Польше, Н.С. Ирманов с 1921 г. стал членом савинковской организации в Польше и участвовал в рейде отряда Павловского на территорию Советской Белоруссии: «Я был назначен в партизанский отряд С.Э. Павловского, находившийся в то время в Столбцах, куда он только что прибыл из Советской Белоруссии. Начальником отряда был С.Э. Павловский, а его помощником морской лейтенант Тронов. К отряду прибыли Шешеня, Михаил Жилинский, бывший игуменский военком, Тронов был нечаянно ранен из револьвера и отправлен в Варшаву, — впоследствии он окончил жизнь самоубийством.

Мы выступили в феврале м<еся>це из Столбцов. Причем наш отряд не превышал 18 человек, включая сюда нескольких местных крестьян-кулаков. Отряд был вооружен поляками, но с ними имел дело сам Павловский. Вся деятельность отряда свелась к ограблению крестьянских хозяйств для прокормления, а затем, будучи окружены в лесу советскими карательными отрядами, отряд разбился на несколько групп, так что я пришел в Польшу с группой в шесть человек. Все крестьяне остались на советской территории. Надо сказать, что савинковские отряды работали

бандитски — удачно, когда игуменским военкомом был М. Жилинский, державший связь с савинковской организацией. При мне же он бежал и сам принял участие в банде. После этого деятельность савинковских банд вообще сильно сократилась. Я прибыл в Варшаву, где лежал некоторое время, т. к. у меня после больших переходов распухли ноги»⁴⁸⁴.

После провального рейда Ирманова отправили на журналистскую работу в Вильно: «Когда я жил в Польше, моя работа заключалась в сотрудничании в антисоветских (преимущественно право-эсеровских) газетах, издававшихся в Польше, в частности, в “Виленском утре” и “Виленской мысли”, впоследствии носившей название “Виленская речь”. Последняя была по сути дела филиалом савинковской газеты “Свобода”, впоследствии переименованной “За свободу”»⁴⁸⁵.

Журналистом в нишей эмигрантской прессе Ирманову служить не хотелось: «В 1921 году, по возвращении из рейда бандитского Павловского, я был назначен в Вильну в распоряжение Ивана Терентьевича Фомичева. Виленский пункт савинковской организации подчинялся одновременно и савинковскому руководству в Варшаве и экспозитуре 2-го отдела генштаба в Вильне. Сам Фомичев был корреспондентом савинковской газеты “За свободу”, давая туда политические статьи и всякие материалы о Советском Союзе, мне же он предложил принять участие в работе местной виленской печати, имея в виду два момента, — с одной стороны создание в Вильне савинковского органа печати а с другой стороны прикрытие нашей работы среди населения Вильны, чтобы нас считали только журналистами, живущими журналистской работой. Неким Самойловичем (не помню точно фамилии) была основана газета под названием “Виленская мысль”, причем официально эта газета имела своей целью защиту интересов белорусского и русского населения. В это время еще существовала “Срединная Литва”, которая пользовалась автономией. Экспозитуру 2-го отдела Фомичев заинтересовал тем, что для 2-го отдела выгодно если орган печати на русском языке представлявший интересы белорусского и русского населения, будет в руках савинковской организации, связанной прочными нитями со 2-м отделом. В это время 2-й отдел старался подкупать органы печати на белорусском языке. Фомичев привез из Варшавы некоторые деньги для газеты “Виленская мысль”, причем статьи, касавшиеся СССР, целиком перепечатывались из газеты “За свободу”, я же печатал иногда передовицы, иногда фельетоны, касавшиеся вопросов бедственного положения русского населения, т. е. в значительной степени эмиграции и части коренного населения, признававшей себя русскими, а не белорусами. О чисто белорусском населении писал сам Самойлович, проводивший взгляды правых белорусских эс-эров.

“Виленская мысль” прогорела недостатком тиража и отсутствием крупных объявлений от торговых фирм, каковые передавались конкуренту на русском языке “Виленскому утру”. Вместо “Виленской мысли” была основана газета “Виленская речь”, в состав редакции которой ввели некоторых виленских коммерсантов еврейского происхождения. Но и эта газета не выдержала конкуренции “Виленского утра”, так как почти все крупные коммерсанты остались верны “Виленскому утру”. Когда лопнула и “Виленская речь”, Фомичев сделал предложение изданию “Виленского утра” заключить соглашение относительно помещения статей из газеты “За свободу” и обязательного печатания моих статей. Но издатель (не помню его фамилии) отказался превратить свою газету в орган савинковской организации, боясь дискредитировать ее в глазах местного населения, особенно белорусского и еврейского, а потому заявил что предпочитает перепечатывать статьи из газеты “За свободу” наравне со статьями из других газет, не связывая себя соглашением, а что касается моих статей, то я могу их приносить, и он будет печатать те, которые ему подойдут. Тогда я начал давать изредка статьи, которые мне редакция оплачивала наравне с другими сотрудниками. Это были фельетоны с обрисовкой быта русской эмиграции. Мне кажется, что издатель знал или подозревал связь савинковцев со 2-м отделом, а потом боялся совершенно дискредитировать свою газету. В “Виленское утро” я успел дать только пару статей»⁴⁸⁶.

Из Вильно бывшего корнета польская разведка отправляет шпионить в Литву — в качестве своего агента. Отправили Н.С. Ирманова через Латвию, где он был задержан: «Был арестован чинами латвийской охраны и был посажен в тюрьму, где просидел три месяца. <...> На допросе я сказал, что просто пробирался из Польши в Литву, где у меня есть родственники. <...> Я сознался, что состоял в савинковской организации, но не говорил, что еду в Литву для работы шпионского характера. <...> После трехмесячного сидения я был отправлен этапным порядком в Митаву, откуда меня перевезли на литовскую границу и переправили через нее, что особого труда не представляло, т. к. литовско-латвийская граница слабо охранялась»⁴⁸⁷.

Н.С. Ирманов объявляется в Литве: «В 1922 году я был назначен и выехал для шпионской работ от 2-го отдела в Литву. В Литве я должен был поселиться в Вилковышках, как резидент 2-го отдела польского генерального штаба. В Вилковышках стоял полк “Гедемина — железного волка” литовской армии. В этом полку одним из эскадронов командовал мой соученик по Николаевскому кавалерийском училищу Павловский. По имени, кажется, Николай, двоюродный брат командира бандитского

савинковского отряда Павловского Сергея Эдуардовича. В Литве мне шпионскую работу наладить не удалось, ибо Павловский не смог достать для меня вид на жительство в Литве и мне угрожал арест»⁴⁸⁸.

Здесь с Н.С. Ирмановым, как он рассказывал, якобы происходит некий нравственный перелом. И он идет в советское полпредство в Литве — предлагает большевикам свои услуги: «Во второй половине 1922 года я оказался в Литве. Я дошел пешком до близлежащей станции и доехал до Ковно, где явился в Советское полпредство, где выразил полное раскаяние в своей предыдущей деятельности, написав все, что только знал о савинковской организации и ее деятельности. Причина, побудившая меня к приходу в постпредство, была та, что за время моего сидения в тюрьме, я размышлял много и понял всю глубину падения, когда из белогвардейца я постепенно превратился в бандита и, наконец, в польского шпиона. В полпредстве мне было указано продолжить выполнение задания, ставя их об этом в известность»⁴⁸⁹. «Полпредство, где я беседовал с полпредом Ароновым и еще неизвестным мне человеком, приказало мне выполнять задания и поддерживать связь с полпредством»⁴⁹⁰.

Как польский агент Ирманов в Литве проваливается и вынужден бежать в Германию: «Я отправился из Ковно в Вылковышки, куда явился прямо в казармы полка Гедемина Железного Волка к Павловскому. <...> Он мне заявил, что мне нужно удирать, иначе я сам рискую и его подвожу. При этом он мне указал, что кратчайший для меня путь через германскую границу. Я так и сделал, дойдя пешком до Штальлепеница, а оттуда поездом до Берлина»⁴⁹¹. В Берлине Н.С. Ирманов вновь пытается найти работу у советских чекистов: «В Берлине я явился в полпредство, где подробно изложил все происшедшее и подал прошение о возвращении в СССР. Сам же я достал в эмигрантском комитете вид на жительство в Германии, что тогда делалось легко»⁴⁹².

Н.С. Ирманов пытается устроиться в Германии: «Я перебрался спешным порядком через границу в Германию и добравшись до Берлина явился с отчетом в полпредство, где подробное все изложил и тогда же возбудил ходатайство мне вернуться в СССР. Сам я стал сотрудничать в сменеховской газете “Накануне” в Берлине. Так как мне было сказано, что вопрос о моем возвращении в СССР будет разрешен не скоро, я отправился на заработки через Бельгию во Францию, где занимался физическим трудом»⁴⁹³. Более подробно Ирманов пишет о своей жизни в Германии в другом тексте: «Прибыв в конце 1922-го года в Берлин, я там жил в известной ночлежке “Станица”, занимаясь случайным трудом, как физическим, в виде чистки дворов, носильщиком, так и трудом умственным, давая материалов для своих статей в сменеховскую газету “Накануне”».

Затем я уехал на границу Баварии и Саксонии, где работал в каменоломне “Бернгард Гесс”, откуда вернулся в Берлин. В Берлине мне заявили в постпредстве, что ответа на мое прошение еще не получено, и я решил перебраться во Францию. В Германии я был порядочное время, в особенности в Берлине, где бывал на Цельшттрассе, где помещался эмигрантский комитет, снабжавший документами всех белоэмигрантов. Кроме того, несколько раз был в русском эмигрантском “Красном Кресте”. В конце 1922-го года я перешел германскую границу у Ахена и дошел пешком до Льежа, а оттуда поездом до Брюсселя. Для дальнейшего продвижения во Францию у меня не хватало средств, поэтому я отправился в старое русское консульство, при помощи которого получил возможность добраться до Парижа»⁴⁹⁴.

Затем начинаются скитания Ирманова по Франции: «В Париже я встретился с затруднениями в смысле документов. Поэтому я обратился в “Земгор”, который меня отправил на работу в северный департамент Франции по скатыванию проволоки. В то время право на труд для иностранцев не требовалось, и пребывание на работе автоматически давало право на получение вида на жительство. В Сев<ерной> Франции я работал сначала на проволоке, а потом на металлургическом заводе. Потом я решил вернуться в Париж, снестись с моей теткой, жившей во Флоренции в Италии и, если можно, перебраться к ней. В Париж я вернулся в декабре 1922 года, но оставался там недолго. По приезде в Париж я зашел в объединение воинских организаций, из которого фактически вышел РОВС. Здесь я встретился с генералом Хольмсеном, которого я знал еще раньше по России, и который продолжал себя считать русским военным агентом, что имело значение для французов для юридического признания СССР. Другим лицом, с которым мне пришлось встретиться — был генерал Чекатовский, при котором я начал службу во втором конном Дроздовском полку»⁴⁹⁵. «В Париже я был очень недолго, а уехал на Юг в Ниццу, т. к. я хотел переехать на жительство в Италию, где жили во Флоренции моя двоюродная тетка с материнской стороны Александра Николаевна Кануччио, ур<ожденная> Тресковская, а в Риме — мой отец. Надо сказать, что до тех пор я не был в переписке ни с теткой, ни с отцом. Я ей послал письмо прямо во Флоренцию наугад и получил ответ. От нее я узнал и адрес отца. Оба они возбудили ходатайство о въездной для меня визе в Италию. В ожидании визы я жил в Ницце, где работал в ресторанах»⁴⁹⁶. Н.С. Ирманов переезжает к тетке в Италию, но возвращается во Францию: «В 1923 году я получил визу в Италию, куда и приехал. Сначала жил во Флоренции у тетки, у нее были два собственных дома. С мужем она разошлась — он тогда в чине пол-

ковника командовал полком в Фиуме. Прожив три месяца в Италии, я уехал в Париж»⁴⁹⁷.

В Риме в 1923 г. Н.С. Ирманов выходит на связь с советскими спецслужбами: «В 1923 году я поехал в Италию на свидание с отцом, который жил в Риме (там он и умер). В Риме я явился в полпредство (тогда еще не было юридического признания СССР со стороны Италии) и там встретился с товарищем моей жены по Академии художеств скульптором Борисом Яковлевым. Он меня связал с советским резидентом, у которого был помощником. Там я получил задание для работы по Савинковской линии в связи с предполагавшимся приездом Савинкова в СССР, для чего нужна была предварительная работа. По заданию резидента я поехал в Париж, где связался с резидентом ОГПУ известным мне под кличкой Мишеля (знаю по его словам, что он быв<ший> анархист, а тогда уже был членом компартии)»⁴⁹⁸.

Выполняя задание ГПУ, Ирманов «в Париже связался опять с Савинковской организацией в лице Александра Аркадьевича Дикгоф-Деренталь и самого Савинкова. Дикгоф-Деренталь мне сообщил, что в Париж приезжал Сергей Эдуардович Павловский, который вел сначала переговоры с Кутеповым, а потом с Савинковым о приезде в СССР для возглавления организации террористической, разветвленной по всему СССР»⁴⁹⁹.

Теперь Н.С. Ирманов шпионил за Савинковым, причем ему было доверено контактировать с главными действующими в этой операции фигурами — чекистом Г. Сыроежкиным и агентом ОГПУ А. Федоровым: «О моих связях с Савинковым и Дикгофом-Деренталем я извещал Мишеля, с которым часто встречался. Он же мне передал приказание ехать в Польшу и передал польский паспорт на имя еврея Занабенда. В Берлине я встретился с нашей резидентшей ОГПУ — знаю только, что это была женщина. В Берлине я подписал обязательства в качестве сотрудника КРО ОГПУ и был снабжен невидимыми чернилами и проявителем, причем мне в качестве задания было дано связаться в Варшаве с Философовым, выведать о его настроении и затем перебраться в Вильну, где связаться с экспозитурой 2-го отдела и обо всем писать в Берлин. Все было мною выполнено, причем после переезда в Вильну я связался с Секундой из экспозитуры, а поселился в одном доме с Анфисой Павловной Фомичевой. При мне приезжал Григорий Сергеевич Сыроежкин из ОГПУ и увез Анфису, а затем приехали Андрей Павлович Федоров из ОГПУ с которым я встречался во Франции, причем, он мне тогда указал, чтобы мне отправиться в Польшу, и Иван Терентьевич Фомичев. Фомичев был тогда склонен к тому, чтобы я выехал в СССР, а Федоров был против. Фактически же я должен был ждать письменного приказания»⁵⁰⁰.

После того, как Борис Савинков был в 1924 г. арестован в Минске и отправлен в Москву, Н.С. Ирманова решили вывести из этой игры: «Я сносился по Берлинскому адресу, а после переезда Савинкова в СССР, о чем мне сообщил Клементьев, приехавший из Варшавы от Философова, я получил предписание немедленно выехать в ЧСР в Прагу, где заняться поисками лиц, работавших в организации “Центра действия”, причем прибавлялось, что если я немедленно не выберусь из Польши, я сам провалюсь и испорчу дело.

Я немедленно же выехал в Закопане, откуда перешел границу ЧСР, но был первый раз арестован чехословацкими пограничниками и выслан обратно в Польшу. Здесь меня арестовали польские пограничники и передали полиции, но так как у меня при обыске был найден только документ, выданный во Франции, и я сказал, что прибыл в ЧСР из Франции нелегально, и что они меня решили выкинуть в Польшу, то потому полицейские меня повезли обратно в ЧСР. Чтобы не быть опять арестованным, я на ходу выскочил из поезда. Добрался до одной из более дальних станций, я шел двое суток, а затем, пройдя пограничную зону, я прибыл в Прагу. Тогда из Праги эмигрантов не высылали, а заставляли платить штраф с заменой отсидки, в случае несостоятельности в тюрьме. Я заплатил 80 кр^{он} ч^{ешских} штрафа и получил разрешение на пребывание в ЧСР. Через Земгор я потом добыл эмигрантский паспорт (тогда еще не было нансеновских).

В Прагу я прибыл 28-го августа 1924 года. Я немедленно сообщил свой адрес в Берлин, откуда получил деньги и предписание связаться с нашим резидентом Каминским или Каменским, точно не знаю фамилии. Это было мною выполнено»⁵⁰¹.

Н.С. Ирманов был отправлен в Прагу со спецзаданием: внедрится в структуры РДС. Вскоре он смог добиться доверия фактического лидера пражской группы РДГ-ПСН Б.А. Евреинова и начать успешные интриги направленные на то, чтобы прекратить сотрудничество РДС с редактором варшавской газеты «За Свободу» Дмитрием Философовым: «Затем под руководством резидента <...> я приступил к работе. Я, прежде всего, начал отыскивать савинковцев и нашел таковых в лице Андрея Карловича Рудина, бывшего секретаря Виктора Викторовича Савинкова и Туринцева. Рудин меня познакомил с Василием Акимовичем Харламовым — председателем милюковской группы и Борисом Алексеевичем Евреиновым тов<арищем> предс<едателя> той же группы, видным работником “Центра действий”, с Сергеем Семеновичем Масловым, руководителем ТКП (“Крестьянская Россия”) и Андреем Александровичем Аргуновым в свое время видным эсером, а тогда — помощником Маслова. Таким

образом, было сделано начало для выполнения задания. Мне было предписано от резидента ОГПУ добиться отправки в СССР. Ясно, что нужно было добиться доверия со стороны лиц, от которых это зависело. В этой работе у меня прошел весь 1925 г., причем мне чуть не повредил Философов, приехавший из Варшавы в Прагу и Париж.

Философову после савинковского дела грозила высылка из Польши, и он хотел переехать на жительство в Прагу или Париж. Он подозревал работу ОГПУ, и, в частности, подозревал и меня в этой работе, основываясь на том, что я неожиданно исчез из Польши, не повидавшись с ним в Варшаве. Тут же он сообщил, что в Польше имеется предписание меня арестовать при появлении на польской территории, так как 2-й отдел подозревает, что я оказался провокатором. Тут началась борьба между мной и Философовым в присутствии Евреинова и Харламова. Я обвинял Философова в том, что он оказался провокатором, основываясь на том, что он давно принимал участие в подготовке приезда Савинова в СССР. В Варшаве он мне говорил, что получает деньги от лиц, приехавших из СССР. Я и указывал, что если он считает, что это сотрудники ОГПУ, значит он их пособник. В результате вышло, что я уже тогда одержал над Философовым победу в глазах Евреинова, Харламова, а когда он превратился в информатора польского по русским делам, т. е. в официального шпиона 2-го отдела, ему никто не верил. Потом Милюков и Маслов на него обозлились в связи с переговорами о передаче им его газеты “За свободу”. Я понял, что мне выгоднее опираться на Евреинова, бывшего представителем Милюкова в чехословацком мин<истерстве> ин<остранных> дел и в качестве одного из руководителей “Центра действия” — сотрудником польского 2-го отдела. Резидент ОГПУ всецело одобрил выработанный мною план действий. Попутно резидент мне давал и другие поручения»⁵⁰².

Легализовавшись в Праге, Н.С. Ирманов взялся за то, чтобы как можно скорее добиться поездки в СССР от РДС. (Правда, через 12 лет он приписывал все свои тайные вояжи эмигрантской организации «Опус», но она была создана позже, лишь в декабре 1927 г.). Так что свои путешествия в СССР, в которых он был лично заинтересован — в Ленинграде жили его первая жена Софья Волкова и сын, — совершал именно от РДС. На то, чтобы завоевать доверие РДС, у него ушло почти два года, прожитых в нищете в ночлежках, без работы и денег. Дотации он отчаянно выпрашивал у Б.А. Евреинова.

В 1938 г. Н.С. Ирманов отчитывался перед НКВД о проделанной работе: «Главная же моя основная линия была работа, связанная с милюковской РДО-группой»⁵⁰³, ТКП и мельгуновской “Борьбой за Россию”, глав-

ным представителем которой был эн-эс Вениамин Сергеевич Озерецковский. Связующей центральной фигурой был Борис Алексеевич Евреинов, давнишний кадет-милюковец. Источники средств этих трех организаций были разные: РД⁵⁰⁴ — министерство ин<остранных> дел — отделы политический и пропаганды, причем Евреинов заменял Милюкова перед Завазalom и Папоушком, ТКП — аграрники в лице инженера Павеля⁵⁰⁵ и фашистская группа Стршибрного в лице инженера Шварца, “Б<орьба> за Р<оссию>” — Детердинг. Евреинов сглаживал раздоры лидеров этих групп Милюкова, Маслова и Мельгунова и вел к созданию активной шпионской организации для агитационной⁵⁰⁶ и шпионской работы в СССР. Эта группа впоследствии получила название “Опус’а”, причем работники этой группы были в ЧСР и в лимитрофных государствах: Польше, Латвии и Эстонии.

Мне стоило большого труда войти в полное доверие к Евреинову; но, в конце концов, это удалось, так что он просто перестал верить всем нападкам на меня, защищал меня перед Масловым, Озерецковским и другими. Благодаря ему, ко мне отнесся с полным доверием и Милюков. Решено было меня перебросить через Польшу. Евреинов меня спросил, не буду ли иметь что-нибудь против, если он меня свяжет со 2-м отделом польского генштаба, я по приказанию Коменского⁵⁰⁷ ответил согласием, выразив сомнение в том, что ко мне будет доверие со стороны 2-го отдела. Евреинов повел переговоры со 2-м отделом в Варшаве. Сначала ему было отвечено категорическим отказом, но затем ему помогла перемена в составе ответственных работников 2-го отдела, причем были поставлены условия, а именно: за меня ручается организация в лице Евреинова, затем 2-й отдел в Варшаве сам отказывается иметь со мной дело, но разрешается львовской экспозитуре меня послать на свою ответственность, если сочтет возможным. Перед Львовской экспозитурой за меня поручились Евреинов и Владимир Владимирович Бранд, которого Евреинов убедил в мою пользу. Львовская экспозитура поставила условием, чтобы я добрался до Львова, так как в случае моего ареста по дороге со стороны политической полиции она от меня просто отречется.

При Коменском⁵⁰⁸ мне не удалось выехать, а при его преемнике (высокий, худощавый, рыжий, еврей по национальности) тоже все откладывалась поездка, так что он заявил, что пока я не выеду, он порывает со мной всякие отношения, подозревая, что я его обманываю. Он дал мне для явки квартиру в Москве на имя Сергея Тимофеевича Тимофеева. Наконец, все задержки были устранены, и я отправился во Львов нелегально через границу, причем проводниками оказались члены ТКП братья Грабец, лишенные польского подданства и нелегально бывавшие

у своего отца — сельского униатского попа в Галиции в пограничном районе»⁵⁰⁹.

Переход чешско-польской границы оказался не прост, да и в Польше Н.С. Ирманову польские разведчики поначалу не доверяли: «Когда я шел от попа Грабца с проводником крестьянином по направлению к железнодорожной станции ближайшей за пограничной зоной, я был задержан польским пограничником, но мне удалось от него бежать, пользуясь темнотой, хотя он даже стрелял мне вдогонку.

Во Львове меня встретил⁵¹⁰ сотрудник 2 отдела быв<ший> “савинковец” Здановский, который меня познакомил с сотрудником экспозитуры, старым австрийским шпионом Бартошем⁵¹¹, который представил меня начальнику экспозитуры полковнику или майору, точно не помню, Мареку. Бартош сначала отнесся ко мне с недоверием, постоянно повторяя, что он меня принимает, только доверяя Евреינוву, Бранду и Здановскому. Я, прежде всего, постарался приобрести доверие Бартоша, усилено его угощая, и играя на всех его слабых струнках, постоянно поражаясь его уму, наблюдательности и талантам разведчика. В результате оказалось, что в Корец по советской границе Здановский, Бартош и я приехали приятелями. Как в “Опус’е”, так и в экспозитуре я был записан под фамилией Лозинского.

В Корце резидентом была Варвара Диюк, старая учительница, сотрудница 2-го отдела, в прошлом “Центра действий”, а теперь “Опуса”. Там же Бартош познакомил меня с поручиком Липинским, начальником разведки КОП’а (корпус охраны пограничной). Впоследствии выяснилось, что отец Липинского живет в СССР в районе Житомира, но сам он дал меня явку только к одной старой женщине в Житомире, польке по происхождению, жившей в своем доме вместе со стариком отцом.

В Корец приехал и Бранд. Я заметил, что все-таки нахожусь под усиленным надзором, а потому держался очень осторожно. Но доверие со стороны Бартоша было ко мне такое, что он решил мне предоставить наименее опороченный советский документ, а затем сам выехал вместе со мной в определенное пограничное местечко к северу от Корца.

В Корце я пробыл около 15 дней. Из этого местечка в сторону Новоград-Волынского должен был выехать и польский шпион 2-го отдела из Варшавы, которого я узнал под фамилией Грищенко. Так как Грищенко уже неоднократно переходил границу, то ходил в СССР без проводника. Бартош настолько проникся ко мне доверием, что решил отправить через границу нас обоих, рассчитывая, что перед Новоградом-Волынским мы разойдемся и больше никогда не встретимся. Но мне важно было местопребывание Грищенко, а потому я начал его обрабатывать, стараясь

войти в доверие к нему. И кончилось тем, что он дал мне адрес своего двоюродного брата Билинского, к которому отправлялся. Он, очевидно, рассчитывал, что я ему помогу в его работе, а потому сказал, что если я буду в Киеве, то чтобы написал ему, он немедленно приедет. Он вывел меня на дорогу к Новограду-Волинскому. Там я сел в поезд и поехал в Житомир, где зашел по данному мне адресу. Хозяйка жаловалась на свою судьбу, живя в постоянном страхе, но всегда оказывает гостеприимство приезжающим из Польши. Ее квартира служит как бы этапным пунктом для польских шпионов»⁵¹².

В СССР Н.С. Ирманов должен был найти интеллигентов из числа старых друзей Б.А. Евреинова: «Евреинов снабдил меня фамилиями двух лиц, к которым я должен был явиться, а именно старых кадетов, причастных к “Центру действий”, крупных спецов в области сахароваренной промышленности “Цукровар”. Евреинов предполагал, что они в Киеве, а они оказались в Москве. Их фамилии были Шевелев и Корхов. Кроме того, мне было предложено завербовать инженера Владимира Наумова, тоже старого кадета, пользуясь тем, что он женат на свояченице моего покойного брата, которая незадолго перед тем вернулась к мужу из эмиграции»⁵¹³.

В другом своем мемуаре, написанном на Лубянке, Н.С. Ирманов уточнил: «По приезде в Киев я там долго не задерживался, а поехал поездом в Москву. В Москве у меня были следующие явки по линии “Опус’а”, данные мне Б.А. Евреиновым: Корхов и Шевелев, служившие в “Сахаротресте”. Раньше они жили в Киеве, почему и Евреинов, не зная их точных адресов, дал явку прямо на “Сахаротрест”, но оказалось, что они были переведены в Москву. Оба они старые кадеты, с которыми поддерживал связь сам Милуков. В кадетской партии они играли большую роль, потом поддерживали связь с “Центром действия”, в котором принимали большое участие кадеты, в частности, играл роль Евреинов. Шевелев на меня произвел впечатление человека напуганного, тогда как Корхов человека очень спокойного и уравновешенного. Он мне дал подробную информацию, главным образом в экономической сфере. Некоторая осторожность в отношении меня объяснялась боязнью налететь на провокацию. Как теперь я припоминаю, Корхов не отрицал связь с его политическими единомышленниками из эмиграции принципиально, а только не соглашался с техникой установки этой связи, *тесно был связан с Рыковым*»⁵¹⁴.

Следующая явка мне была дана к братьям Сабашниковым, бывшим владельцам известной издательской фирмы. Надо сказать, что мать Евреинова — урожденная Сабашникова, их родная сестра. Мне пришлось беседовать с одним из братьев, который принял меня довольно официально, но благодарил за привет и сведения о семье Евреиновых и просил пере-

дать тоже привет. Помню, что он пессимистически относился к своей работе в дальнейшем, ожидая полной ликвидации фирмы. Оба Сабашникова — старые кадеты, принадлежавшие к богатейшим московским промышленникам. Они тоже были раньше связаны с разгромленной шпионской организацией “Центра действия”. С Евреиновым они все время были в деятельной переписке, доставляя ему сведения явно шпионского характера. В период НЭПа они опять сильно подняли свое благосостояние.

Дальнейшая явка была к Екатерине Бальмонт, жене известного поэта, ныне умершего. Екатерина Бальмонт — тоже старый член кадетской партии и друг семьи Евреиновых, с которыми и находилась в оживленной переписке. Евреинов считал ее человеком, несомненно, верным, способным быть резидентом. Евреинов ее охарактеризовал именно с этой стороны, ругая за ее явно антисоветский образ мыслей. Ввиду того, что от нее довольно долго не было писем, важно было установить ее пребывание, ее самочувствие, и поскольку она находится вне подозрений со стороны советской власти. Мое впечатление от разговоров со всеми этими лицами было то, что они и до меня встречались с лицами, прибывавшими из-за границы, причем преимущественно по линии “Центра действия”, а может быть и “Промпартии”»⁵¹⁵.

В Москве Н.С. Ирманов приходит к своим хозяевам в ОГПУ: «Приехав в Москву, я явился по явке нашего резидента. На эту квартиру приехал сотрудник КРО ОГПУ Алексей Михайлович Борисов. Я ему передал имевшиеся у меня явки. Он особенно заинтересовался Грищенкой. Относительно Шевелева и Корхова выяснилось, что живут они не в Киеве, а в Москве. Я их посетил, причем Шевелев производил впечатление запуганного интеллигента, когда узнал, что я приехал из-за границы; но не отрицал своей связи с Милюковым и Евреиновым; но видимо он мне просто не доверял, так как письменно не был предупрежден. Я знаю, что Евреинов им писал, но в Киев, так что они его писем не получили. Корхов оказался совсем в другом роде: он держался спокойно, как человек привычный к таким делам, хотя ко мне присматривался, но чувствовалось что он, безусловно, доверяет Евреинову. Он подверг критике работу путем посылки людей, считая, что можно легко попасться в ловушку; но при этом чувствовалось, что он привык принимать у себя людей из-за границы.

Относительно работы он находил, что эмиграция должна постепенно возвращаться на родину, что теперь есть возможность, причем я помню, что он возлагал большие надежды на Рыкова, говоря, что тот им содействует, поддерживает спецов, и охотно будет устраивать и эмиграцию. Вообще Корхов возлагал надежды на правых коммунистов, говорил о связях среди них и об усилении в будущем.

Затем я выехал с Борисовым в Киев. В Москве Борисов меня связал с Димиденкой и еще одним сотрудником ОГПУ с козлиной бородкой. В Киеве Борисов меня познакомил с сотрудником Киевского ГПУ Штурмом, и затем сам уехал. Штурм меня связал с Западным, Кривцем, Левитским из ГПУ. По приказанию Западного меня поселили на квартире у секр<етного> сотр<удника> ГПУ Крассовского. Я написал письмо Грищенко, и он через несколько дней приехал. Его арестовали при его отъезде из Киева, предварительно учредив наблюдение. Арестовывал Левитский. Затем приехал и двоюродный брат Грищенко — Билинский, оказавшийся активным польским шпионом. Он был тоже арестован. Таким образом, мне удалось передать в руки ОГПУ ниточки от клубка польского шпионажа вокруг Житомира. Сделав это дело, я вернулся в Москву.

В Москве мною был дан отчет по Киеву и ЧСР. Затем я выехал с Борисовым в Ленинград, где был им связан с Григорием Сергеевичем Сыроежкиным, которого я знал еще по савинковскому делу 1924 года, когда он увозил Анфису Фомичеву. С согласия Борисова и Сыроежкина я связался со своей женой Софьей Григорьевной Ирмановой, которая по моем отъезде сделалась секр<етной> сотрудницей Ленинградского ГПУ, будучи связана с Сыроежкиным⁵¹⁶. На другом допросе Ирманов уточнил: «Из Москвы я отправился в Ленинград. Там я прежде всего встретился со своей первой женой Софией Григорьевной, урожденной Волковой, по профессии художницей, но тогда служившей продавщицей в винной лавке. Моя жена была мною потом завербована и работала в качестве секретной сотрудницы»⁵¹⁷.

«В Ленинграде я посетил инженера Владимира Наумова. Я нащупал почву возможности его вербовки; но понял, что это требует длительной подготовки, так как, во-первых, он человек умный и осторожный, боящийся рискованных предприятий. К сов<етской> власти он относился лояльно, не по убеждению, а просто считая себя незаменимым специалистом и веря, что в будущем специалисты одержат верх. Получал он большие деньги, жил в старой квартире, держал домашнюю работницу, и, по его словам, диктовал свои условия правительству. Он был директором фабрики, преподавателем и т. д. Но все-таки он был обрадован моим приездом, как и его жена. Сыроежкин меня связал с секр<етным> сотрудником Ростовым, быв<шим> пол<ковником> генштаба старой армии, а тогда начальником штаба охраны военизированной Сев.-Зап. области. Его я должен был сообщить не полякам, а “Опусу” в ЧСР.

В общей сложности в СССР я пробыл не больше месяца или немного больше. Уезжать мне было очень тяжело, но я помнил слова, сказанные резидентом ОГПУ в Риме, что мне надо отречься от личной жизни и ве-

сти ту работу, в которой я могу принести максимальную пользу, а такой работой он считал работу в заграничной разведке. И сказал, что эта моя работа может быть нужна сов<етской> власти.

Из Ленинграда я выехал в Москву. В Москве я виделся опять с Борисовым и Димиденкой. Димиденко меня снабдил приказами по какому-то пехотному полку Красной армии, чтобы доложить полякам, чтобы они думали, что я начинаю втираться в круги Красной армии, при этом Димиденко правильно считал, что поляки не будут ожидать от меня многого, считаясь с затруднениям, связанными с моей первой поездкой»⁵¹⁸.

Итак, Н.С. Ирманов с помощью польской разведки в 1926 г. проник в Советский Союз. Он пробыл там месяц, выявляя для ОГПУ СССР связи эмигрантов в Киеве, Москве и Ленинграде, а затем вернулся в Польшу: «Из Москвы я поехал в Киев, а оттуда Левитский меня переправил через границу и я прибыл в Корец, а оттуда поехал во Львов. Там я опять виделся с Бартошем, передал ему приказы, рассказал, что у меня открываются богатые перспективы, но что еще большие затруднения, которые я надеюсь преодолеть с течением времени. Бартош сказал, что он понимает, что надо действовать осторожно, а потому многого требовать нельзя. В результате я выехал из Львова с польским заграничным паспортом, выданным Львовской экспозитурой 2-го отдела»⁵¹⁹.

В Праге Н.С. Ирманов сделал для руководства РДС доклад, который для Москвы характеризовал так: «В Праге я сделал доклад о моей поездке в присутствии членов РД, ТКП, и “Б<орьбы> за Р<оссию>” и 2-й более расширенный с приглашением представителей эмигрантского центра, т. е. кадетской и левее стоящей эмиграции. В своем докладе я указывал на рост могущества Советского Союза, приводя разные бытовые наблюдения, которые фактически все можно почерпнуть из сов. литературы. Но таков закон, что эмиграция с разинутыми ртами слушает каждого, приезжающего из СССР, хотя бы он ничего нового не сообщал. <...> В общей сложности, моя поездка считалась удачной, а потому была предположена моя вторая поездка в следующем году»⁵²⁰.

Отчет о путешествии Н.С. Ирманова в СССР был показан П.Н. Милюкову в Праге в декабре 1926 г., о чем главный редактор «Последних новостей» и сообщил коллегам, зафиксировавшим: «Кроме сведений, полученных из доклада Маслова о впечатлениях курьера, прибывшего из Сов<етской> России, П<авел> Н<иколаевич> получил новые более свежие известия от вернувшегося только что в Прагу 2-го курьера. Эти сведения весьма полны, интересны и будут использованы для печати»⁵²¹. Следов использования впечатлений Н.С. Ирманова найти не удалось. Часть его отчетов хранятся в ГАРФ и производят впечатление откровенной «липы».

В частности, там упоминается и сексот ГПУ — начштаба ВОХРа Ростов, как один из руководителей подпольной организации, якобы созданной Лозинским-Ирмановым в Ленинграде. В эти же отчеты Ирманов вписал как участников антисоветского подполья чуть ли не всех Волковых — братьев своей жены. Он даже мог себе представить, что вскоре НКВД будет сажать агентуру своей разведки, по ее заданию «работавшую» на разведслужбы других стран, за антисоветчиков и шпионов. Это, собственно, с Н.С. Ирмановым и случилось. Ведь, поработав с поляками в 20-х годах, с 1930 г. он связался с чехословацкой разведкой при МИД, с 1931 г. контактировал с итальянской разведкой, и с 1936 г. — с политической полицией Чехословакии. Вот за эти естественные для советского шпиона контакты он и был отправлен в лагерь!

Н.С. Ирманов, будучи ловким шпионом и откровенным циником, и других также подозревал в цинизме и очковитирательстве, несмотря на то, что его партнеры из РДС были, скорее всего, наивными идеалистами: «Что касается чехословацкого мин<истерства> ин<остранных> дел в лице политического отдела, то Милюкову и важно было втереть очки, уверяя, что сведения добываются с большим трудом, связанным с отправкой людей в СССР, тогда как на самом деле, как я потом узнал, Евреинов сообщал мин<истерству> ин<остранных> дел сведения, которые он сам получал от Амброша⁵²² из Москвы совершенно легальным путем через дипломатического курьера. Обставляя же таким образом работу, получалась возможность получать из мин<истерства> ин<остранных> дел деньги, что было для Милюкова самым важным»⁵²³. Думается, что если Евреинов и использовал свои связи в Чехословацком МИДе, чтобы делиться информацией одного из сотрудников посольства в Москве с разведкой того же МИДа, то о таких комбинациях своего соратника П.Н. Милюков вряд ли был осведомлен... А «труды» самого Н.С. Ирманова, побывавшего в СССР, как в РДС думали, с риском для жизни, естественно, воспринимались всеми как источник достоверной информации.

Проникновение в Россию двух агентов РДС и их возвращение смягчило накал конфликта в блоке: не хотелось терять новые возможности проникновения в СССР, и на встрече в Праге П.Н. Милюков предложил перейти «от сотрудничества к параллелизму»⁵²⁴. С января 1927 г. партнеры по РДС «перешли от федеральной формы коалиции к конфедеративной»⁵²⁵, определив, что «разногласия не таковы, чтобы препятствовать дальнейшему существованию Союза»⁵²⁶. Бюджет РДС разделили на три категории: по двум группам и для общих проектов, к которым относилась и деятельность в СССР: «Было решено, что организация транспор-

та и связи останется старой и общей для обеих сторон, тем более, что она за время своего существования доказала свою полезность»⁵²⁷.

Сотрудничество в работе на СССР продолжалось, и по документам эта работа выглядит весьма внушительно. Тем более, что Н.С. Ирманов был отправлен в СССР повторно: вторая поездка состоялась в 1927 году: «Было указано, что для связи со мной выедет по первому требованию Николай Мосевич, проживающий в Польше, член “Опуса” и ТКП и сотрудник 2-го отдела польского генштаба. На этот раз я поехал по желанию Евреинова сначала в Варшаву.

В это время в Праге сменилось не меньше двух резидентов, причем дольше всех держался известный мне под именем Макса, брюнет, привлекательной внешности, еврейского происхождения. Резидент был очень заинтересован в моей поездке. Я выехал легально с польским паспортом. В Варшаве я виделся с Анатолием Вакаром, у которого остановился на пару дней, а затем поехал во Львов. Во Львове я виделся в Бартошем, и вместе с ним выехал в Ровно, где жил в это время Бранд. Из Ровно я выехал с Бартошем и Брандом на границу, а оттуда опять с советским документом в СССР. Проводником был кулак Сорока.

В этот приезд, я, сколько помню, был в Москве и Ленинграде.

В Москве я виделся опять с Борисовым и с Димиденкой. С их ведома я посетил Сабашниковых, причем застал одного брата, так как другой был в отсутствии. Сабашников был видимо рад известиям о своей семье; но уклонился от подробного разговора, особенно, что в квартире была его секретарша, и он вообще нервничал. Борисов признал излишним повторное посещение Сабашникова. Затем я был у Екатерины Бальмонт. Та отнеслась ко мне с некоторым недоверием, поспешив прервать мое посещение.

В Ленинграде я связался опять с Сыроежкиным и с *Корженковым*⁵²⁸. По заданию Борисова и Сыроежкина я вызвал письмом Николая Мосевича, который был поставлен под наблюдение. Борисов приезжал в Ленинград и здесь дал около десяти разных лиц по Москве для “Опуса”. Я помню, там был заведующий аукционом, потом гостиницы, какой-то врач, и т. д. — все секр<етные> сотрудники. Для поляков он дал писаря пех<отного> полка в Ленинграде, кажется, по фамилии Ядрышников, тоже секр<етный> сотрудник. С ним меня Борисов познакомил.

Мосевича я связал с секр<етным> сотр<удником> Ростовым, как мне приказал Сыроежкин. Знаю, что Мосевич в тот год не было арестован, — ему дали возможность уехать, а потом он опять приехал в СССР⁵²⁹.

Из Москвы я отправился в Киев, а оттуда меня Левитский опять переправил через границу. Я шел зимой в метель, обморозил себе ноги, так

что несколько дней лежал больной во Львове. Во Львове я виделся с Бартошем и Марекком. Бартошу я передал данный мне адрес писаря, разукрасив целой легендой относительно трудности вербовки и огромных перспектив в будущем, причем уверил его, что теперь все время будут ходить сотрудники “Опуса” в СССР, так что тот прямо ликовал, предвкусывая такую дешевую и хорошую агентуру.

В Праге резидентом был, сколько я помню, Макс, и потом Абрамов. С моей второй женой Тamarой Томшу я сошелся в 1926-м приблизительно году, причем я сначала пользовался ею для сведений по мин<истерству> ин<остранных> дел, где у нее были большие связи, особенно через тогдашнего ген<ерального> секретаря народно-соц<иалистической> партии Яна Шебу, занимавшего разные дипломатические посты, которого она знала еще раньше в России.

На создание связей в министерстве я получил приказание резидента, причем резиденты Макс, Абрамов и другие вели сами с нею переговоры о ее работе. При этом Макс произвел на нее дурное впечатление тем, что предлагал меня бросить, жить с ним, обещая поездку во Францию»⁵³⁰.

Такова исповедь Николая Ирманова. Официальная версия его финала в материалах прокурорской проверки: «В материалах проверки имеются данные о том, что Ирманов-Лозинский за время продолжительного сотрудничества с советской разведкой и участия в десятках различных разработок исчерпал свои возможности и, как советский разведчик был расшифрован (не по его вине). Учитывая это, руководством советской разведкой за кордоном в 1936–37 году дважды ходатайствовала о вызове Ирманова-Лозинского в Москву, куда он прибыл в 1938 году, но был арестован. Таким образом, показания Ирманова-Лозинского о том, что он честно сотрудничал с советской разведкой, а не двурушничал, в чем обвиняется по делу, материалами проверки подтверждены»⁵³¹.

На самом же деле резидент в Праге и его кураторы подозревали Ирманова в двойной игре, в предательстве, утверждали, что его уже нельзя использовать даже в качестве «установщика». А главное, писали на Лубянку, что Ирманов слишком много знает о заграничной деятельности органов. С 1936 г. его пытались вызвать в Москву. И наконец заманили.

Понимал ли он, на что он себя обрекает? В Верховном Суде СССР в последнем слове подсудимый Николай Ирманов заявил, что «он честно работал на советскую разведку. В марте 1938 г. он прекрасно знал, зачем его вызывают в Москву, и беспрекословно это выполнил. Если бы ему еще в Праге сказали, что по указанию Москвы он должен покончить с собой, он и это бы выполнил, не задумываясь. Он знает несколько иностранных языков и сможет еще пригодиться родине»⁵³².

Возможно, Н.С. Ирманов понимал обреченность: бежать было некуда, с предателями НКВД расправлялся по всей Европе. Перед отъездом он много фотографировался в Праге вместе с сыном: благообразный господин в котелке с застывшим лицом-маской стоит у Музея на Вацлавской вместе с юношей — будущим популярным чешскими джазменом и известным скульптором Вячеславом Ирмановым в компании двух любимых собак-боксеров. Получил агент ОГПУ-НКВД в награду за 16-летнюю шпионскую службу Советам на полную катушку — 20 лет лагерей. Умер в Н.С. Ирманов 25 октября 1942 г. в Инталаге...

Но вернемся в 1927 год. 2 декабря РДС обсуждал отчет ответственного за нелегальные операции Б.А. Евреинова «О положении дела связи с Россией»: «В Польше целый склад и 12 пунктов. Двое получают <нрзб.> вознаграждение. Связь поддерживается разъездным агентом. Никакой связи с польск<ой> властью нет, иногда приходится прибегать за тех<ическим> содействием. Никаких обязательств нет. Посылка эмиссаров с развед<ывательными> целями и с целью организации пр<иемных> пунктов. Пункты в Киеве и Петербурге. Самостоятельное образование р.д. группы в Харькове. Связь с Москвой поддерживается наездами. А.А. Аргунов сообщает о существовании в Харькове группы Кр<естьянской> Р<оссии>. Связь с местными членами респ.-дем. группировок. Реальн<ая> связь с Сибирью и возможность переправки литературы»⁵³³.

П.Н. Милюков весь этот период продолжает финансировать деятельность РДС в Праге, включая и «Крестьянскую Россию». 22 апреля 1927 г. он сообщает: «Посылаю Вам чек на 93 фунта 14 шиллингов для покрытия майских расходов и того расхода в 5000 на комиссара, о котором Вы писали»⁵³⁴. 12 августа Милюков информирует: «Согласно письму Б.А. Евреинова посылаю Вам августовскую порцию плюс 5000 крон на посылку комиссара № 2. Н.Н. Богданов ознакомил нас с издательскими планами пражских друзей и ознакомит Вас с нашими. К осени надеемся кое-что написать. Брошюра Маркова пойдет от РДО»⁵³⁵.

Но отношения лидеров РДС всё ухудшались. К примеру, в 1926 г. в Югославии начал выходить журнал «Призыв», в котором «сошлись с одной стороны бывшие правые и даже “нововременцы” (Ксюнин и Пиленко), а с другой стороны бывшие социалисты (бывшие эсеры Маслов, Аргунов, Б. Соколов и Д. Чернышев)»⁵³⁶. К 1927 г. вышло 5 номеров. Такое сотрудничество вряд ли радовало П.Н. Милюкова.

Но главным камнем преткновения были постоянные тайные переговоры между «Крестьянской Россией» и «активистской» группой журнала «Борьба за Россию», проходившие на фоне их бурной публичной полемики. Группа М.М. Федорова и С.П. Мельгунова, издавала с конца 1926

по 1931 г. этот журнал, как они считали, для читателей в России. В редколлегию на платформе деятельного антикоммунизма вошли как конституционные монархисты, так и республиканцы и социалисты. Деньги на этот проект давал британский нефтяник-миллионер Детердинг.

Многие народные социалисты, в частности В.А. Мякотин, ориентировавшиеся на П.Н. Милюкова (и желавшие публиковаться в газете «Последние новости»), от С.П. Мельгунова и Т.Н. Полнера, вошедших в редколлегию, отмежевались. Ведь П.Н. Милюков на лекции в Праге в начале 1927 г. очень резко выступил против «Борьбы за Россию»⁵³⁷.

Между тем, и С.П. Мельгунов 10 января 1927 г. писал А.Л. Бему: «Враждебное отношение союзников — а им во многом должна быть “Кр<естьянская> Россия”, едва ли полезно для общего дела Мне кажется, “Кр<естьянская> Россия” слишком погрязла в изощренной милюковской тактике. Надо дать ответ на один основной вопрос — нужно ли пытаться вести активную борьбу с большевизмом. Если ответ — должно, то на многое сейчас надо смотреть по-другому»⁵³⁸. Судя по второму письму Мельгунова, он получил от Бема письмо о том, что сотрудничество в каком-то виде возможно, что с Милюковым они одной веревкой не связаны.

С.П. Мельгунов ответил: «С Милюковым мы не полемизируем. Он для активистского дела мертвый человек. И позиции его мертвы. Если вы не привязаны на веревочке к нему, тем лучше. <...> Я ничего до сих пор плохого в нашем усердии не вижу. В России его (журнал. — М. С.) одобрили; посылаем мы с каждым днем больше; больше получаем откликов. Откликается именно молодежь. <...> Угодили в тон тамошним настроениям, в той молодой среде, которая настроена активно против коммунистов. Полгода, во всяком случае, еще просуществуем, а потом посмотрим. Если бы вы все же помогли, а не ставили палки в колеса, дело шло бы успешнее — смешно, что приходится тратить часть своего времени, сил, энергии, инициативы не на большевиков, а на преодоление препятствий, которые ставят антибольшевики»⁵³⁹.

Параллельно шла бурная публичная полемика в прессе между другим лидером «крестьян» А.А. Аргуновым и С.П. Мельгуновым. В 1927 г. в № 10 «Вестника Крестьянской России» А.А. Аргунов выступил с программной статьей «Наш Путь», в которой он выступил против эсеров и меньшевиков, которые рассчитывали на эволюцию советской власти: даже из чувства самосохранения коммунистическая диктатура не способна идти «на серьезные уступки враждебным ей силам. Мирного конца, самоустранения ей не дано»⁵⁴⁰. Он выступает за революционный путь. Отвергает он и угрозу правой диктатуры, которой любили пугать эсеры и

меньшевики: «Дни ее существования будут во всяком случае короче дней большевицкого господства»⁵⁴¹.

Один из лидеров «Крестьянской России» выступает и против тех «наивных», кто уверен, что в России у всех недовольных одна только платформа, один общий лозунг. Для него неприемлемы те, кто считает, что эмиграции не надо вырабатывать какие-то требования и лозунги. В свою защиту они «ссылаются на российскую действительность, которая уже дала якобы ответ на подобные вопросы, выдвинув единый и исчерпывающий лозунг: «долгой большевиков».

Нужны позитивные и конкретные лозунги и требования, — с этой позиции раскритиковал Аргунов линию Мельгунова: «Мы не можем принять формулы, выдвигаемой некоторыми политическими кругами, которая гласит, что нет надобности сейчас выставлять положительных требований, в частности, таких, как вопрос о будущем устройстве России, ибо вопросы о республике, монархии и пр. не важны, не актуальны. Тут мы имеем дело или с сознательной целью скрыть свое политическое лицо, или с отсутствием какого-либо обоснования своего антибольшевизма, или, наконец, с наивным представлением о российской борьбе, о котором упомянуто выше. На самом деле вопросы, касающиеся будущего устройства России, для нас мыслимого лишь на основах демократических и республиканских, являются самыми жизненными вопросам для всех тех в России, кто ходом жизни втянут в борьбу с существующим строем и ищет для себя и других путей и средств борьбы. Нельзя забывать, что для русских людей, слишком много переживших, мало, слишком мало отрицательных лозунгов “долгой”, ибо много колебаний и сомнений имеется у них по части представления о будущем, о том, как оно придет и что оно принесет с собою. Отсюда следует, что для всех тех политических организаций и групп, которые чувствуют за собой право принять то или иное иногда ответственное участие в борьбе, обязательным условием является ясность положительных лозунгов, во имя которых они в эту борьбу вступают и зовут других»⁵⁴².

А.А. Аргунов даже заявил, что идея «единого фронта», «объединения сил» отравляет психику современной эмиграции: «Многим представляется, что достаточно эмиграции проникнуться тем, чем будто бы проникнута борющаяся с большевиками Россия, т. е. одним криком “долгой”, отбросив всякие индивидуальные программы и лозунги, как получится, во-первых, объединение, а, во-вторых, вырастет какая-то новая и большая сила, способная существенно повлиять на ход событий в России. Нет надобности говорить вообще о пользе объединения и о вреде разрозненности. Интерес вопроса не в этом. Когда мы встречаемся с таки-

ми явлениями, как объединение различных политических элементов с целью общей работы для России, то мы можем приветствовать его лишь тогда, когда станет ясным, что состав объединяющихся и задачи их гарантируют больший успех дела, давая сложение сил, а не простое сцепление и смешение их. В силу этого мы не можем приветствовать, например таких попыток, как недавно создавшееся объединение от монархистов до социалистов включительно, задавшееся целью вести пропаганду в России, имея общий орган “Борьба за Россию”. Не можем приветствовать потому, что условившись ничего не говорить такого, что их разъединяет, участники осуждены говорить не то, что нужно для пропагандистского да еще боевого органа и молчать о том, чего настойчиво требует российская действительность и без чего, как мы указывали выше, нельзя зажечь сердца и двинуть на борьбу. Слишком разнообразный и разноречивый состав участников всегда обесценивает и обезличивает дело, лишая его ясности. Здесь также сыграло роль ошибочное представление о российской борьбе, которая, якобы, не желает ничего знать кроме “долой большевиков”. Можно понять, почему в условиях современной жизни такое явление может иметь место, но никак нельзя признать его нормальным и следовать за ним, если желаешь содействовать скорейшему росту борьбы и даже руководить ею. Но ошибка заключается еще и в том, что на самом деле борющаяся Россия совсем не являет собою какой-то единый фронт или единую партию с двухсловной программой “долой большевиков”. В подпольной России имеются налицо почти все оттенки взглядов и направлений, которыми характеризуется эмигрантская жизнь»⁵⁴³.

В ответ на статью А.А. Аргунова в мае 1927 г. С.П. Мельгунов продолжил дискуссию, возможно, с прицелом на раскол РДС и привлечение в свою широкую коалицию «Крестьянской России», выступив не только против «эволюциониста» П.Н. Милюкова. Критика была направлена и против лидеров «Крестьянской России», с тем, чтобы сагитировать против них молодежь, заставить рядовых членов, желающих активной борьбы повлиять на вождей группы, сохраняющих «чистоту политических риз»: «Склока в антикоммунистическом лагере — хорошая поддержка для умирающей советской власти. К счастью, сведения, идущие из России, говорят о противоположном. Да это и естественно для тех, кто находится под общим коммунистическим прессом. Там один, в сущности, фронт с двухслойной программой: долой большевиков! Может быть, этот фронт недостаточно еще активен, но он, в общем, един по своим настроениям. И, действительно, перед нами стоит одна задача — низвержения большевиков, и в таких условиях совершенно бессмысленно спорить “о

будущем устройстве России”, поскольку речь идет о той или иной возможной форме правления»⁵⁴⁴.

С.П. Мельгунов призывал: «Мы, как и живущие в России (конечно, и там имеются люди в шорах; возможно, даже имеются там одиночки — интеллигенты, считающие себя представителями массовой крестьянской партии, заграничное бюро которой пребывает в чешской Праге), призываем к объединению всех, кто еще способен совместно бороться за возрождение России, отбросив классовые предрассудки. Это возрождение возможно только при свержении власти коммунистических захватчиков»⁵⁴⁵.

«Крестьянская Россия» ответила редакционной статьей «Клубок противоречий», где давался отпор выступлению С.П. Мельгунова. Отстаивалась необходимость классовой крестьянской партии. Указывалось на противоречие в позиции С.П. Мельгунова: он отстаивает «двухсловную программу» — долой большевиков, но затем у него появляется «своя собственная программа», которую автор считает реальной и приемлемой для всех антикоммунистов: «Сначала “счастье” от единого фронта без всяких определенных участков, а затем выделение в нем “определенно демократического фронта”. С.П. Мельгунов считает, правда, свою программу “реальной”, но какая из политических групп не расценивает свою программу так же? Продукт собственного творчества Мельгунову *кажется* общеприемлемым, но *оказался* ли он таким? Действительно ли “собственная, определенно демократическая программа” объединила монархистов, республиканцев и “национально-чувствующих” социалистов? Пока этого что-то не заметно. <...> Сам С.П. Мельгунов “не поклонник ни царей, ни императоров”, но дурно думать о возможном царе в России он не позволяет. Ему кажется “плохой демагогией” наше утверждение, что царь, если он придет, придет с помещиками, а помещики со своими счетами к деревне.

Автор считает себя в праве преподать нам “Элементарный исторический урок” о Наполеоне I, который “не был представителем помещичьего дворянского класса”... В способности С.П. Мельгунова к “элементарному” преподаванию мы не сомневаемся, со своей стороны, и мы напомним С.П. Мельгунову о Людовике XVIII и Карле X, при первом из которых вопрос о вознаграждении французских эмигрантов был поднят, а при втором положительно решен. В нашем условном предвидении Людовика и Карла “плохой демагогии” поэтому несколько не больше, чем в мельгуновском ожидании Наполеона. Мельгунов “преподает” нам и второй урок: “федерации бывают не только в республиках, но и в монархиях”. Пример — Англия. Пример очень ходок, и многим, С.П. Мельгунову в том числе, он представляется очень убедительным. Вдумчивые

люди “его осложняют, однако мысль”, которую образно выразил однажды П.Н. Милюков: “секрет прекрасных английских газонов очень прост: их надо ежедневно стричь *в течение столетий*”⁵⁴⁶.

Главное возражение “Крестьянской России” было, безусловно, по вопросу о форме правления, о которой надо и в коалиции сказать ясно и недвусмысленно: “Мы знаем, что крестьянство политически неоднородно. Однако, считаем недопустимым объявлять себя на этом основании “ни республиканцами, ни монархистами” и, предрешая “пенсию за безработицу”, не предрешать формы правления. С.П. Мельгунов далее противопоставляет нас себе: “мы так наивны, что думаем, как думали наши деды-декабристы 100 лет назад, что в борьбе с деспотиями люди политически разномыслящие могут и должны находить общий язык”. Он недоумевает: неужели теперь мы не можем, сохраняя свой политический лик, хоть временно найти единую волю для борьбы с небывалым злом, тяготеющим над нашей родиной?” Почему же сам С.П. Мельгунов не ищет “общего языка” с целым рядом политических групп? Или мы ошибаемся, и С.П. Мельгунов находится в переговорах с Марковым II и с В.М. Черновым? С другой стороны, отсутствием воли к сложению политических сил С.П. Мельгунов в спокойном состоянии нас попрекнуть не может. У нас есть, правда, границы, за которые мы не считаем возможным выходить в своих объединительных усилиях, но они есть и у С.П. Мельгунова. Его границы проходят в другом месте, чем наши, но чем больше мы узнаем об итогах “собрания Руси”, предпринятого С.П. Мельгуновым, тем меньше у нас сочувствия ему, и тем меньше понимания его шагов»⁵⁴⁷.

С.П. Мельгунову в финале поставили на вид за то, что выступил с критикой других демократов в варшавской газете «За свободу» Д.В. Философова, проводившей якобы антирусскую линию на деньги польских властей, отсюда и неприятие: «В особенности это относится к самому последнему объединительному “достижению” С.П. Мельгунова. Мы говорим о вовлечении в общий фронт г. Философова с его варшавской газетой. Позиция последнего, по единодушной оценке *всей русской общественности*, стоит в таком противоречии с русскими интересами, что только полной неразборчивостью в союзниках можно объяснить это новое приобретение С.П. Мельгунова»⁵⁴⁸. (Переход автора статьи на личности объясним лишь тем, что Маслов не мог забыть свое унижительное поражение в борьбе с Д.В. Философовым и М.П. Арцыбашевым за контроль над редакцией газеты в 1925 г.)

С.П. Мельгунову пришлось в своем новом ответном пространном выступлении в газете «За Свободу» долго объяснять свое понимание патриотизма. При этом он указал, что в 1920 году было вполне патриотично

желать большевистскому режиму (чьи интересы не идентичны интересами России) поражения в войне с Польшей, чего хотело, вопреки призывам генерала Брусилова, большинство его коллег по антикоммунистическим организациям в Москве того времени: «“Русские интересы” можно понимать по-разному — можно доходить, напр<имер> до признания законной властью российской, хотя и плохой, заседающий в Кремле коммунистический интернационал. Такую позицию, как известно, склонны занимать патриотически настроенные или представляющие ими себе своим и другим некоторые из современных политиков. (Намек, на мой взгляд, на уже начавшуюся еще не публично эволюцию взглядов П.Н. Милюкова, которая отчетливо проявится в 30-е гг. — М. С.) Однако никогда и ни при каких условиях большевики не могут быть для меня защитниками русского национального дела.

Мало того, когда в 1920 г. между РСФСР и Польшей шли военные действия, я был всецело на стороне последней во имя именно национальных интересов России, как я их понимал и понимаю. И неправда, что призывы ген. Брусилова вызвали тогда огромный патриотический порыв, как склонны ныне утверждать это в эмиграции некоторые из бежавших и высланных советских граждан. Сам я сидел в те дни в одиночной камере большевицкого каземата и не мог из Особого отдела ВЧК непосредственно реагировать на окружающую общественность. Но общий голос, который я слышал по выходе из тюрьмы, подтверждал мое тюремное настроение. Конечно, как всегда, были исключения. Брусилов не был совершенно одинок — активным патриотизмом, между прочим, воспылали некоторые “интернационалисты” из среды с.д. и с.-р. Я лично мог только сожалеть, что неверно, по моему мнению, оцениваемые национальные интересы Польши диктовали польским государственным деятелям ошибочную тактику.

Другими словами, я хочу сказать, что во имя национальных интересов России можно быть пораженцем, и преступление пораженцев в дни мировой войны заключалось не в их пораженьстве, а в том что они были пораженцами не во имя национальных интересов России: их проблематичным интернационализмом (в лучшем случае) реально с успехом пользовались лишь враги России. Если психологически объяснимо поражение в дни царского режима, так или иначе охранявшего национальное достоинство страны, то не законно ли это чувство тогда, когда страной правит и над страной издевается кучка захватчиков власти, которые не имеют никакой органической связи с нашим прошлым?»⁵⁴⁹

С.П. Мельгунов фактически намекнул и на зависимость П.Н. Милюкова от чехословацких дотаций, заметив, что «Последние новости» не

способны критиковать Прагу: «Я не знаю, разделяет ли редакция “За Свободу!” мои соображения, но я знаю, что эта газета в действительности более независима, чем те, которые претендуют на руководство в эмиграции и на обладание монополией на честный демократизм. Я возьму на себя смелость утверждать, что моя, напр<имер>, статья об отказе в визах Милюкову и Мякотину (“За Свободу!” № 107)⁵⁵⁰, продиктованная простым чувством национальной обиды, не могла бы появиться, ну, скажем в “Последних новостях”, если бы речь шла о действиях Чехословацкого министерства ин<остранных> дел. Это смешно, но особа беженская психология и совсем особое беженское положение. Всегда следует обращаться к зеркалу, прежде чем бросать обвинения другому. И смотреть в зеркало надо почаще»⁵⁵¹.

По поводу методов создания антибольшевистской коалиции С.П. Мельгунов ответил своим критикам из РДС во второй части статьи «Чего не понимают»: «Истинный национализм, подлинная ненависть к большевицкой деспотии, по моему мнению, неизбежно толкают демократа на поиски широкого фронта борьбы с тяготеющим над Россией злом. В противоречие впадают те, кто пугливо озирается по сторонам и боится демократических кукушек»⁵⁵². С.П. Мельгунов попытался объяснить, что создание им на страницах журнала антибольшевистского блока — от монархистов до социалистов — не означает отказа от его убеждений: «Я, Мельгунов, ни к какой новой политической партии не принадлежу. Был и остаюсь членом трудовой народно-социалистической партии. Я не отказываюсь, несмотря на печатные, малообоснованные заверения П.Н. Милюкова о моем “поправении” от своего социального и политического мирозерцания; я не отказываюсь даже от старых программных настроений и требований, ибо жизнь в дни революции убедила меня в правильности всех основных положений, которые выделили нас среди других социалистических течений. Социализм, построенный на принципах классовой борьбы, облеченной в форму диктатуры класса, явленнее мертвеного порядка для будущего и явление злое — для России, пагубное для дня сегодняшнего. Неуместно здесь излагать свои взгляды; я должен только констатировать то, что я остаюсь социалистом по своим убеждениям. Бывшие соц.-рев. Аргунов и Маслов, разочаровавшись в своей партии, образовали новую политическую группировку и выкинули за борт социализм. Следовательно, они гораздо круче повернули фронт своей идеологии, нежели я, ибо я на другой день после свержения советской власти встану на старые позиции. Проповедовать сейчас социализм — даже в нашем этическом его понимании, это значит быть совершенно отрешенным от жизни. Большевизму надо противополо-

ставить другое, нечто радикально отличное от них. Для меня все, решительно все сосредоточено на борьбе с большевиками, ибо хуже большевиков действительно быть не может, — и со стороны политической, и со стороны хозяйственной, и со стороны моральной.

Покойный М.П. Арцыбашев был не прав, когда упрекал меня (см. сборник “Черемуха”) в слабовольном отказе под влиянием критики и нападков на “Борьбу за Россию”, от публично заявленного, как он справедливо отметил, еще в Москве лозунга: всякая власть лучше власти большевиков. Мы обменялись по этому поводу письмами, и недоразумение разъяснилось. Признание этого положения не означает вовсе, что я буду содействовать реализации власти Маркова II и Виктор Чернова. <...> Ибо Чернов мне не представляется принципиальным антибольшевиком; он не способен понять мою национальную позицию в деле борьбы с большевизмом и во всяком случае как последовательный социалист, враг всяких коалиций. С Марковым я переговоры вести не буду потому, что его политическая позиция связана с погромами, с имущественной и сословной реставрацией»⁵⁵³.

С.П. Мельгунов далее довольно иронически высказался об РДС, указав на зависимость «Крестьянской России» от вставшего на сектантские позиции — «кто не с нами, тот против нас» — П.Н. Милюкова: «Конечно, реальность каждый оценивает по своему мерилу. П.Н. Милюков и “Крестьянская Россия” — сторонники коалиции и даже заключили между собой грозный союз на страх врагам справа и слева. Но их коалиция однобокая, поскольку речь идет о конкретной борьбе с большевиками и в силу этого неизбежно бездейственная. В национальном деле нельзя держаться узкого республиканско-демократического фронта, ибо борьба за Россию сама по себе требует широкого объединения. К нему я и иду, как шел с первого дня захвата большевиками власти; шел, не отступаясь, неизменно с 1917 по 1927 год. Союз всех, кто в борьбе с большевиками не преследует классовых интересов; революционная борьба за освобождение России от коммунистического ига. При таких условиях теоретически спорить о возможных формах будущей власти просто не желаю. Неужели “Кр<естьянская> Р<оссия>” не может понять, что для меня это не означает отказ от республиканских форм правления? Странные люди — единственно, что я мог сказать»⁵⁵⁴.

С.П. Мельгунов апеллирует не к П.Н. Милюкову, явно считая это безнадёжным, и даже не к руководству «Крестьянской России». Он ссылается на мнение антикоммунистов в России, которые в массе и на самом деле хотели бы объединения всей эмиграции, и пытается через головы «вождей» обратиться к их рядовым сторонникам: «Для меня важно то что “не

заметно” для “Кр<естьянской> Р<оссии>”. Объединительная позиция встречает бесспорное сочувствие в подлинной России, т. е. на территории, где должна вестись реальная революционная борьба с захватчиками власти. И это сочувствие среди молодого поколения — можно сказать, большевицкого производства, в сто крат значительнее, чем критика эмигрантских политиков “слова”, застывших в своих плохих привычках разъединять общественные силы.

Пусть наш союз в “Борьбе” количественно пока невелик, но знаменательно то, что вопреки “новой тактике”, провозглашенной и упорно провидимой П.Н. Милюковым с 1921 г., все же оказывается возможной дружная политическая работа Карташова и Федорова — “монархистов” по терминологии пока республиканизированного Милюкова, социалистов Мельгунова и Полнера и подлинного республиканца и федералиста Рысса. Наша политическая линия идет по пути, издавна уже проторенному В.Л. Бурцевым.

У нас есть своя конкретная программа, на которой мы считаем возможным объединить людей разномыслящих. Она не нравится “Кр<естьянской> России”, возможно, она неудовлетворительна и спорна в своих деталях. Но наличие такой программы, и притом, безусловно, демократической, абсолютно не противоречит, ни признанию положения, что всякая власть лучше власти большевиков, ни провозглашению объединительного лозунга: долой большевиков. Это столь элементарно, что разъяснять и не хочется.

Но дело все-таки не в программе, а в психологии и в действенном желании бороться с большевиками революционным путем. Когда я пытаюсь себе объяснить, почему “Борьба за Россию” по дирижерской палочке Милюкова была встречена в некоторых эмигрантских кругах с таким остервенением, то единственное объяснение, которое я нахожу, выражается убеждением, что люди, всемерно старающиеся нас дискредитировать, не хотят вести активной борьбы с большевиками. И наши призывы — мозоль на больном пальце.

Программно я гораздо ближе к Милюкову и Аргунову, чем к Струве, ибо, как известно, принимал даже участие в обсуждении программы республиканско-демократического блока. Психологически я бесконечно ближе к П.Б. Струе. И думаю, взаимно. Сейчас у нас может найтись подчас общий язык, пожалуй и общее действие. На другой день после низвержения большевиков мы пойдем, вероятно, по разным дорогам, и я готов буду тогда замкнуться в узком республиканско-демократическом фронте, если только будущие р-д, следуя за своими эмигрантскими вождями, не будут отсекаать социалистические элементы, как это усиленно в свое

время делал П.Н. Милюков в дни гражданской войны в эпоху “белого” движения.

Поняли ли меня теперь деятели “Крестьянской России”? Не думаю. Но я хотел бы, чтобы меня поняли молодые представители “Кр<естьянской> Р<оссии>”, ибо они не могут заражены психозом бездейственной летаргии и традициями старой эмигрантщины, перенесенными в живое дело зарубежья»⁵⁵⁵.

Судя по тому, что вспоминал о настроениях молодежи эмиграции Дмитрий Акимов, такие обращения попадали в цель. Они вызывали ответную реакцию «вождей» РДС. Так, С.П. Мельгунову ответил в милюковских «Последних новостях» новой отповедью публицист и правый меньшевик В. Талин (Португейс)⁵⁵⁶, бездоказательно и в фельетонном стиле объявив, что деятельность журнала — «только большевикам подмога». А за «Борьбу» в газете «За Свободу!» заступился 24 июня молодой эмигрант Андрей Луганов, который пообещал, что эмигранты дадут должную оценку разъединяющей и порочащей личные репутации деятельности Милюкова и его газеты: «Среди многих политических грехов Милюкова — великий грех разобщения и политического соблазна “малых сих” ляжет на его имя и омрачит память о нем»⁵⁵⁷.

Момент для склоки был явно неудачный: только что прозвучал выстрел Бориса Коверды в полпреда СССР в Варшаве царевубийцу П.Л. Войкова. Большевистский режим в ответ начал массовые расправы с политическими заключенными. Был, в частности, расстрелян арестованный на территории СССР видный правый кадет князь П.Д. Долгоруков. Боевики-кутеповцы взорвали приемную ОГПУ на Лубянке. Последовали новые массовые репрессии, расстрелы и ссылки невиновных и непричастных к терактам.

На совместном митинге протеста в Париже, на котором выступали П.Б. Струве, М.М. Федоров, Д.С. Пасманик, П.Я. Рысс, А.В. Карташев, С.П. Мельгунов призывал в этой ситуации всех участвовать «в развертывающейся революционной борьбе с коммунистической деспотией»⁵⁵⁸. Он обрушился на «Последние новости», по его мнению, пытающиеся дискредитировать тактику борьбы и обвиняющие его в публикации недостоверной информации о настроениях в России. С.П. Мельгунов считал, что в стране, особенно в деревне, идет стихийный антибольшевистский террор, он явно преувеличивал масштабы сопротивления, утверждая, что «боеспособность нарастает». Но и согласно сводкам ГПУ видно, что практически ежедневно в стране происходили разрозненные конфликты трудящихся с властью, случались бунты и забастовки, почти не было и дня без убийств коммунистических активистов и агентов ГПУ. С.П. Мельгу-

нов вновь объявил, что ситуация требует от эмиграции «максимального сложения сил для помощи тем революционным силам, которые назревают в России, которые могут быть направлены в бой с ослабевающей деспотией засевших в Кремле преступников»⁵⁵⁹. Публицист обвинил «Последние новости», что они «не хотят активной революционной борьбы», становятся на сторону меньшевиков из «Социалистического вестника», утверждавших, что «белогвардейщина <...> пытается вернуть себе отнятое революцией господство», и осудивших участие эсеров (Авксентьева, Руднева и Зензинова) вместе с монархистами в... панихиде по жертвам бессудных расправ в России. «Социалистический вестник» назвал траурное мероприятие позорной картиной «братания “демократов” с палачами против палачей»⁵⁶⁰. Эти статьи берлинских социалистов (сторонников Ф.И. Дана) С.П. Мельгунов назвал с нравственных позиций — «изуверскими». С.П. Мельгунов вновь объявил о решимости, несмотря на критику из лагеря П.Н. Милюкова, протянуть «руку честного союзника всякому, кто хочет во имя России бороться с существующей властью, которая носит республиканскую форму, а, в сущности, является таким самодержавием, по сравнению с которым все бывшие деспотии являются каким-то палладиумом свободы»⁵⁶¹.

Симптоматично, что члены РДО в совместном митинге против террора в России участвовать не стали. Зато сама газета «Последние новости» вновь ответила С.П. Мельгунову целой серией статей, пытаясь столкнуть его и его группу с редакцией «За Свободу», обвиняя ее в проведении антирусской и пропольской линии на деньги польских властей.

Склокой такого рода должны были быть довольны и в Кремле, и на Лубянке. К сожалению, без доступа к закрытым архивам Политбюро и ОГПУ трудно понять, насколько отказ от коалиции с «Борьбой за Россию» был предопределен позицией П.Н. Милюкова, а насколько он, как и ссора Философова и Маслова, стимулировался спецслужбами.

Важно то, что «Крестьянская Россия» далее попыталась дистанцироваться от этой бурной и непрактичной ссоры и наладить какое-то непубличное сотрудничество с С.П. Мельгуновым и его соратниками, что, конечно, подталкивало П.Н. Милюкова к конфликтам с С.С. Масловым в рамках РДС.

Что бы ни печаталось в прессе, между лидером «Крестьянской России» С.С. Масловым и идеологом «Борьбы за Россию» С.П. Мельгуновым переписка продолжалась. С.П. Мельгунов 14 июля 1927 г. убеждал С.С. Маслова: «Полемика полемикой, а дело остается делом. Мне кажется, что Вы не можете стоять на позиции Милюкова. Мне нет надобности Вам ее характеризовать. Во всяком случае, сейчас она ближе всего к Кус-

ковой. Я теперь часто вспоминаю наш специфический разговор в Праге три года назад. У Вас, очевидно, дело не подвинулось ни на йоту. <...> Отсюда мысль создать какое-либо объединение в работе — объединение, которое бы не выходило бы наружу. При таких условиях только и возможно получить нужные денежные средства — кустарничеством много не сделаешь. А обстановка сейчас благоприятная. Вот о чем я хотел бы с Вами побеседовать»⁵⁶².

Лидер «Крестьянской России» С.С. Маслов отозвался 25 июля: «...Я остаюсь на тех же позициях, которые были заявлены в “специфическом разговоре” с Вами два-три года назад... Вы правы, в реализации моих устремлений я не продвинулся. Причина — решительный отказ от кустарничества и отсутствие одного из условий — некустарничества. Это условие — нерв войны. Продолжать беседовать на “специфическую тему” с Вами я, конечно, готов...»⁵⁶³ Речь шла, как можно понять из контекста, о специфической, т. е. тайной работе в СССР.

Летом 1927 г. Маслов и Мельгунов не договорились о техническом сотрудничестве, но слухи о таких переговорах как о политических шли и вызывали у Милюкова и его сторонников серьезные подозрения в нелояльности. Тем не менее, финансирование «Крестьянской России» через Париж продолжалось: летом 1927 г. было отправлено «по смете плюс 5000»⁵⁶⁴ франков, в конце сентября 1927 г. Аргунову перечислили 1000 франков⁵⁶⁵. Так что РДС мог продолжать политическую деятельность.

1.4. Кризис блока. Партия для крестьянства

Создание партии «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия (1927 г.).

Чешский историк И.П. Савицкий пишет, что «Крестьянская Россия», сложившаяся как направление из правого крыла эсеров уже в 1922 году, «оформилась как партия на съезде лишь в декабре 1927 года, хотя и к ней чешские власти благоволили»⁵⁶⁶, и указывает на «удивительное “спокойствие” на поверхности русской пражской колонии в 1922–26 году», на то, что «споры уходили вовнутрь, происходили негласно». Он делает вывод, что общий необычный тонус эмигрантской Праги «нельзя объяснить иначе, чем давлением принимающей стороны, то есть чехословацких властей»⁵⁶⁷. Но решение о самоопределении руководство «Крестьянской России» принимало самостоятельно, хотя и учитывая фактор чешских субсидий РДС. Негласность же споров внутри РДС вполне объясни-

ма: в переписке видных деятелей русских Праги и Парижа видно нежелание скандалами вредить борьбе с большевизмом.

Расхождения в РДС вызревали почти пять лет, приведя в 1927 г. группу «Крестьянской России» к решению о проведении в декабре того же года партийного съезда. К этому времени в организации было не менее 127 членов⁵⁶⁸. Самой крупной на тот момент была структура в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) — 53 человека (41 %), затем — группы в Чехословакии — 48 чел. (37 %), Франции — 14 (10 %), Польше — 8 (6 %). Базой была и оставалась эмиграция Центральной и Восточной Европы. По возрасту ее членов организация была молодой: 20–30 лет — 29 человек (23 %), 30–40 лет — 71 человек (56 %). Возрос, в силу окончания вузов за рубежом, образовательный уровень: 100 из 127 человек (79 %) имели уже высшее образование, 17 — среднее образование. Число лиц, имевших ранее партийность, уменьшилось, видимо, в связи с притоком молодежи: 91 (72 %) был доселе беспартийным. Из 32-х ранее партийных состояли: в партии эсеров — 14, кадетов — 10, народных социалистов — 4, социал-демократов — 4. Сохранилось достаточно высокое представительство выходцев из крестьян и казачества — 47 %. Участие в прошлом в работе и жизни крестьянства принимала примерно половина членов групп — 65 человек⁵⁶⁹.

Съезд открылся в Праге 25 декабря 1927 г., первым выступал А.А. Аргунов. С.С. Маслов зачитал при открытии письмо из России⁵⁷⁰ от находившегося в Ленинграде агента Д.А. Акимова⁵⁷¹. Было принято обращение к товарищам в России. Съезд приветствовали от имени Демократического объединения в Белграде А.И. Ксюнин и Е.А. Жуков, от РДО в Брно — А.И. Введенский. 18 делегатов представляли группы членов и сочувствующих из примерно 200 человек в Праге, Брно, Ужгороде, Париже, Белграде, Загребе, Суботице, Харбине, Москве, Латвии, Эстонии⁵⁷². Н.В. Быстров указал, что в работе съезда принимали участие «представители всех групп организации “Крестьянская Россия”, за исключением Дальневосточной и Загребской. Пражскую группу представляли: Воеводин, Флоринский, Рыжкин и я, парижскую — Малолетенков (председательствовал на съезде), варшавскую — Португалов (товарищ председателя съезда), эстонскую — Богданов, ужгородскую — Седаков, латвийскую — Евланов»⁵⁷³.

На съезде группа «Крестьянская Россия» преобразовалась в партию, приняв название: «“Крестьянская Россия” — Трудовая крестьянская партия». Курс на создание зарубежной партии не был единогласным решением Бюро. Так, С.С. Маслов поначалу не был сторонником преобразования организации. А.Л. Бем подчеркивал, что принятие решения в

пользу создания партии его заслуга: «Партия Крестьянская» Россия» возникла, как Партия против воли С.С. Маслова. На 1-м съезде из-за этого чуть не возник такого же рода конфликт. И могу спокойно сказать, что по моему упорству этот шаг был сделан»⁵⁷⁴.

В своем выступлении на съезде А.А. Аргунов сообщил, что хотя организация благополучно избежала расколов, но за два года ее покинуло 20 человек. Он указывал на успех в создании Пражского Р.-Д. клуба и на появление сильной Дальневосточной организации⁵⁷⁵. К октябрю 1927 г. появилась группа «Крестьянской России» в Китае — в Харбине, поддерживавшая связи с Прагой и насчитывавшая 9 человек. Она получала литературу из Европы и переправляла ее в СССР⁵⁷⁶.

Во время второго дня заседания 26 декабря А.А. Аргунов поставил вопрос о том, чтобы партия была названа «трудовой», и отказалась от социалистической идеи. Как считал Б.В. Евланов, она должна исходить из идеи «класса-крестьянства», быть, по словам П.А. Богданова, «ближе к интересам трудящихся», скорее стоять на платформе «социальной демократии», к чему призывал Г.И. Царик⁵⁷⁷. Съезд объявил: «В России должна сложиться крестьянская политическая партия — сильная и деятельная. К созданию ее мы зовем»⁵⁷⁸.

Первым в принятой Программе КР-ТКП был лозунг демократической республики с сильной исполнительной властью, принцип единого государства с отдельными элементами федерации. Единство страны должно быть сохранено; Россия представлена в виде федерации, правительство будет избираться посредством свободного и тайного голосования. Отправление правосудия будет независимым и общедоступным. Все национальности будут равны. Экономика должна быть развернута с упором на сельское хозяйство и сельскую промышленность. Образование всесторонне поощряется, будет свободным от политического вмешательства. Программа также гласила, что КР-ТКП предоставит населению религиозную свободу, будет оказывать поддержку семье, введет социальные льготы для неимущих членов общества и улучшит здравоохранение⁵⁷⁹.

Основные принципы государственного устройства России: «Демократическая республика с последовательным разделением властей, — с устойчивой и сильной, подзаконной и политически ответственной исполнительной властью, — с обеспеченными правами человека и гражданина (свобода труда, передвижения, совести, слова, печати, собраний, союзов, права на неприкосновенность физической свободы личности, жилища, переписки и право стачек), — с независимым, близким к населению и доступным судом, — с равноправием национальностей, — со всеобщим равным правом населения избирать (прямо или косвенно) тай-

ным голосованием главу государства и членов законодательных собраний. Партия допускает ограничения прав личности и гражданина, устанавливаемые в нормальном законодательном порядке и поддерживаемые судом. Преобразование России в государство сложное, состоящее из частей государственного характера (федеративных и автономных). Выделение этих частей по признаку территориальному, бытовому (казачьи области), а также территориальному и национальному одновременно. Осуществление внутри каждой из этих частей широкого местного самоуправления»⁵⁸⁰.

Программа партии предполагала, как отмечает профессор Е.Н. Андреева, доктрину классового сотрудничества: «Партия признает социалистический анализ, согласно которому общество разделяется на классы, но не считает конфликт единственной возможной формой взаимоотношений между классами. Разные классы обладают общими интересами; ТКП, партия всего крестьянства, не выделяла внутри него отдельных слоев и не считала, что следует отстаивать его интересы за счет других классов общества. Ценны все виды труда как физического, так и умственного, и желательно, чтобы, в частности, интеллигенция поддерживала партию. «Крестьянская Россия» расходится с русскими марксистами, которые считают, что у крестьянства нет общих интересов с пролетариатом, и, по существу он относится к классу мелкой буржуазии»⁵⁸¹.

Принцип классовой борьбы отвергался в пользу социального сотрудничества: «Только на основе сотрудничества, коалиции руководящих сил, чуждых, с одной стороны, политически реставрационных устремлений, с другой — социалистического экспериментаторства, считается осуществимым государственное возрождение страны и дальнейшее ее развитие»⁵⁸².

Программа развивает точку зрения, что крестьянство — отдельный класс, у которого двоякая роль. «Крестьянство является одновременно земледельцем, хозяином и работником. <...> Россия будет иметь фундаментом своим крестьянство, <...> трудовые слои его в тесном единении с демократической интеллигенцией явятся главным строителем дальнейших судеб России»⁵⁸³.

Программа КР-ТКП предлагала сделать центральной задачей в народном хозяйстве России «скорейшее изживание аграрного перенаселения, путем: 1) подъема сельского хозяйства, 2) развития внеземледельческих отраслей народного хозяйства, 3) хозяйственного освоения удобных пустующих земель и земель неудобных». Добиться этого в сельском хозяйстве предлагалось с помощью «закрепления без всякого выкупа единоличного и группового крестьянского землевладения в современных границах; перехода крестьянских земель в собственность земель-

ных общин, крестьянских дворов и отдельных лиц; полной свободы крестьянства в выборе форм землепользования и выхода из общины без нарушения законных прав общинников; допущения регулируемого государством купечего и арендного оборота земель; усиления и ускорения землеустройства за счет государства; уменьшения в числе, преобразования в интересах крестьянского хозяйства и передачи с.х. кооперации и органам местного самоуправления советских земледельческих хозяйств (“совхозов”); принудительного отчуждения неиспользуемых земель, в чьем бы владении они ни находились; передачи государственного земельного запаса крестьянским хозяйствам и хозяйствам капиталистическим (на началах долгосрочной аренды), поскольку крестьянство не в состоянии освоить их; энергичной политики государства в отношении переселений и превращения неудобных земель в удобные»⁵⁸⁴.

Принятые на съезде Тактические положения КР-ТКП предполагали : «1) укрепление и расширение своих организаций и рост их политического значения в России, 2) участие в борьбе с коммунистической властью в целях замены советской диктатуры республиканско-демократическим строем, предвидя при этом неизбежность насильственного, в той или иной форме, устранения существующей власти, ввиду отсутствия оснований рассчитывать на такое перерождение ее, которое привело бы к согласованию ее политики с интересами страны:

1. Стремясь к увеличению личного состава партии, обращать главное внимание на крестьянские «верхи» и интеллигенцию и не ставить своею целью создание при существующих условиях открытой организации массового характера;

2. Признавать первоочередной организационную работу среди общественных работников, особенно в селе (деятелей с.х. кооперации, агрономов, учителей, врачей, духовенства и пр.);

3. Использовать имеющееся среди крестьянства тяготение к основанию организаций беспартийного характера (как-то “крестьянских союзов” и т. п.) в целях партийно-политической организации его;

4. Бороться со всякого рода политическим самозванством и авантюризмом, прикрывающимся представительством и именем крестьянства;

5. Расширять состав “К<рестьянской> Р<оссии>” за границей и увеличивать круг сочувствующих задачам партии. При расширении личного состава на первое место выдвигать качественный подбор;

6. Изыскивать материальные средства для партийной работы и помощи пострадавшим товарищам.

7. Вести в России и за границей пропаганду и агитацию в духе задач “К<рестьянской> Р<оссии>”;

8. В вопросе о борьбе с большевистской властью исходить из признания большой важности для успеха этой борьбы роста в России организованных общественных сил с республиканской и демократической программой действий. Наряду с работой по усилению собственных рядов, содействие этому росту является первоочередной задачей;

9. Признать неизбежным в борьбе с нынешней властью применение всех форм революционной борьбы;

10. Призывать население, в особенности крестьянство, к использованию всех легальных возможностей, открывающихся в современной политической обстановке;

11. Вести работу среди крестьянства, противодействовать опасным уклонам, особенно усилившимся под влиянием опыта последних лет, в настроениях крестьянства, выражающихся в отрицании положительных ценностей, создаваемых городом;

12. Использовать в интересах скорейшего освобождения России внутрипартийную борьбу в коммунистической партии;

13. Признать вредными неорганизованные местные восстания гражданского населения России, как обреченные на неуспех и ведущие к гибели политически активной части населения;

14. Признать невозможным осуждение актов террора и местных выступлений против представителей власти, видя в них неизбежный отпор населения и крайнее средство его самозащиты;

15. Противодействовать экономическому террору во всех его видах, как ведущему к бесцельной гибели общенародного имущества;

16. Предвидя неизбежность и необходимость насильственного (в той или иной форме) свержения коммунистической власти, накапливать революционную энергию и всячески содействовать усилению организованного участия деревни в освободительном движении;

17. Всемерно использовать возможности, вытекающие из пребывания за границей для издания и распространения в России литературы и для иной работы в духе задач «К<крестьянской> Р<оссии>»;

18. Считать необходимым участие в работе среди эмиграции, как в области ее культурной жизни, так и в области сплочения и объединения ее демократических сил;

19. Активно участвовать в политической жизни эмиграции, во всякого рода политических ее выступлениях, направленных к освещению жизни и положения в России;

20. Являясь защитниками единства Российского Государства, призывать к решительной борьбе со всеми партиями и группировками, ста-

вящими своей целью раздробление России или отделение от нее отдельных ее частей;

21. Учитывая рост национальных устремлений отдельных народов России, идти навстречу их национально-культурным требованиям, опираясь в борьбе за общерусскую культуру не на систему ограничений, а на силу самой русской культуры;

22. В борьбе против самостийнических партий и группировок искать опоры в федералистических течениях, содействуя их оформлению, вступая с ними в связь и возможные соглашения;

23. Борьбаться против монархистов всех оттенков;

24. Считать желательным и необходимым сложение сил (коалицию) партий и групп, близких по своим основным положениям политической программе (народовластие) и чуждых, с одной стороны, социально-реставрационным устремлениям, а с другой — социальному утопизму»⁵⁸⁵.

Съезд КР-ТКП принял решение по строительству политических коалиций с другими республиканцами: «а) считать в настоящее время возможным политическое соглашение (разного объема и характера) в целях борьбы с сов<етской> властью со следующими партийными группировками: правым крылом партии с.р., правыми с.д., нар. соц., респ.-демокр. группой и группой центра партии Народной Свободы и с лицами и группами, хотя и не имеющими определенной политической программы, но, безусловно, принимающими основные положения народовластия; б) продолжать участие в респ.-демократ. союзе, стремясь к его целесообразному расширению; в) входить в состав респ.-дем. организаций (РДО, Р.Д. Клубы и пр.)».

На съезде «Крестьянской России» были избраны руководящие органы партии, что сразу стало известно ОГПУ: «На съезде был избран Центральный комитет, в который вошли <А.А.> Аргунов, <С.С.> Маслов, Н.В. Малолетенков, А.Л. Бем, <Ф.>И. Колесов и Н.А. Антипов. В Совет партии были избраны: Г.И. Царик, Б.В. Седаков, П.А. Богданов, В.В. Португалов и А.А. Рышкин»⁵⁸⁶. Показания Н.В. Быстрова уточняют роли в ЦК: «Председателем избрали Аргунова, товарищем председателя — Маслова, секретарем — Бема и членами: Антипова, Колесова и Малолетенкова»⁵⁸⁷. После 1928 г. в ЦК на год был кооптирован врач-бактериолог и публицист, бывший член Учредительного собрания Б.Ф. Соколов (выведен в 1930 г.). Техническим секретарем ЦК был С. Ликандер, затем его сменил приехавший в Прагу из Загреба В.Ф. Бутенко. Бывший офицер Белой армии немало пережил: «Первые два года мои в эмиграции, как только я снял подполковничьи погоны, были тяжелой физической работой, я был помощником кузнеца и держал лошадям ноги при ковке, раз-

дувал горн, держал клещами железо при ковке, я был грузчиком на пристани, я работал на лесном складе, я работал на пивном заводе, я был подручным на стройках, я был прислуживающим в типографии, я был помощником весовщика на ж.д. товарной станции, я работал на стройке моста через реку, — выбился»⁵⁸⁸. Бутенко получил экономическое образование в Загребе и был приглашен Аргуновым в Прагу.

Надо отметить, что надежды КР-ТКП на крестьянское сопротивление вполне совпадали с настроениями интеллектуалов внутри советской России. Так, в докладе в ОГПУ на писателя М.А. Булгакова от 21 февраля 1928 г. указано: «Переворот, говорит Булгаков, должен сделать крестьянин, который наконец-то заговорил настоящим родным языком, В конце концов, коммунистов не так много (и среди них много “таких”), а крестьян, обиженных и возмущенных, десятки миллионов. Естественно, что в первой же войне коммунизм будет вымещен из России и т. д.»⁵⁸⁹. Эти расчеты были массовыми в городской среде, которая ждала, что сталинское наступление на деревню захлебнется, как это было с ленинским «военным коммунизмом» 1920–1921 гг.

Новорожденная партия в период нарастающего политического кризиса в СССР 1927–1930 гг. все более склонялась к активизму, что и было отмечено в 9-м параграфе ее тактической платформы, фиксировавшем «применение всех форм революционной борьбы»⁵⁹⁰. «Пункты 9 и 14 говорят о том, что в борьбе с Советской властью «Кр<стьянская> Рос<сия> будет применять все формы революционной борьбы. В том числе вооруженное восстание и террор»⁵⁹¹, — очевидно, беспокоились эксперты ОГПУ СССР.

Первым съездом КР-ТКП была принята не подлежащая оглашению вне рядов партии резолюция «По вопросу о диктатуре». В ней развивался тезис РДС о «сильной власти». Отношение к диктатуре, которая может появиться после свержения большевиков, должно определяться «не ее характером, а целями, которые она перед собой ставит, способностью обеспечить стране возможность перехода к нормальной государственности. Партия допускает возможность поддержки диктатуры как переходной ступени к демократическому строю. За быстрый и возможно более безболезненный переход к таковому партия будет бороться всеми доступными ей силами»⁵⁹².

Внутреннюю атмосферу на съезде и новые взаимоотношения с другими демократическими организациями хорошо характеризует отрывок из письма, направленного Н.А. Антиповым по поручению ЦК КР-ТКП в Россию. «Съезд Кр<стьянской> России оставил самое отрадное воспоминание. Существовавшие перед съездом опасения если не раскола,

то появления трещин оказались совершенно напрасными. Изю всей заграничной организации только одно лицо в результате съезда (если верить его заявлению) вышло из партии, организация же в целом значительно оживилась. Особенно радует нас <Дальневосточный комитет> самостоятельно издающий литературу и довольно быстро растущий. Во главе ее <организации> стоит очень энергичный человек, крестьянин по происхождению, имеющий хорошие связи с крестьянами по ту сторону. Его письма каждый раз придают нам бодрости и уверенности в своем деле.

Ваше первое письмо, оглашенное на съезде, произвело глубокое впечатление и по своему тону, и содержанию и самым фактом его получения. Оказало оно влияние и на выработку тактических положений. С Вашими указаниями мы продолжаем считаться и сейчас, хотя и не всегда и все с вами соглашаются, о чем ниже. В частности, об отношении к “Б<орьбе> за Р<оссию>”. К этой организации мы не были особенно враждебно настроены, но принятое в ее адрес постановление обусловлено было не давлением Милюкова и не опасением разрыва с ним, а осторожным отношением к лицам, руководящим “Б<орьбой> за Р<оссию>”, а также и к входящим в состав ее групп и к их практике. Несмотря на осторожное признание демократических положений “Б<орьба> за Р<оссию>” объединяет часто лиц, совершенно чуждых демократизма и стоящих за пределами указанных Вами границ объединения. Тем не менее, мы вошли в последнее время в тесную техническую связь с “Б<орьбой> за Р<оссию>”, держа, правда, это обстоятельство в секрете.

С Милюковым наши отношения после съезда превратились во враждебные из холодных. Внешних оказательств враждебности, однако, нет (пока). Преобразование в партию Милюков рассматривает как авантюру, в принятых съездом положениях находит много неприемлемого и только обоюдная материальна заинтересованность удерживают его и нас от разрыва. Пока мы не имеем другого серьезного источника средств, кроме РДС, нам приходится поддерживать эту безрадостную связь»⁵⁹³.

К преобразованию «Крестьянской России» в партию весьма одобрительно отнеслись праволиберальные, активистские организации и политики русской эмиграции, стоявшие на платформе непредрешенчества. Так, П.Б. Струве в своем «Дневнике политика» в феврале 1928 г. писал, что «в “Крестьянской России” есть веяние чего-то нового, какого-то приглушенного, но все же проснувшегося уже, подымающегося национализма, сочетающегося с политическим здравомыслием и реализмом. <...> Силой вещей русский демократизм становится национальным, и в то же время русский национализм становится демократическим»⁵⁹⁴.

В то же время Струве не одобрил ряд тактических положений: борьбу с монархистами всех оттенков, отказ от союза с «Борьбой за Россию» (признавалась лишь возможность временных тактических соглашений с ней). Он констатировал, что «программно партия “Крестьянская Россия” созрела почти до полного здравомыслия <...>, тактические положения ее сильно хромают и отдают кружковщиной, какой-то оглядкою не то на собирательную республиканско-демократическую княгиню Марью Алексеевну, не то на самого П.Н. Милюкова»⁵⁹⁵.

Сам П.Н. Милюков не принял преобразования «Крестьянской России» в Трудовую крестьянскую партию и писал А.А. Аргунову: «Я все ждал от новорожденной “крестьянской партии” какого-нибудь официального уведомления, что она является преемственницей прежней организации и желает продолжать с нами прежние отношения. Я думаю, такое заявление должно быть сделано. А то вот Мельгунов уже второй раз играет на неопределенности наших отношений, стараясь всячески нас рассорить»⁵⁹⁶.

П.Н. Милюков обиделся на то, что Маслов и Аргунов поставили перед фактом парижский центр, их финансировавший, и в то же время просили места на страницах газеты «Последние новости». Милюков предложил единомышленникам пользоваться фигурой умолчания: «Мы не раз высказывались относительно невозможности образовывать новые партии за границей — и на этом основании — уже не в газете — отвечали отрицательно на все попытки заговорить о создании р.д. партии. Относительно возможности образования, в частности, крестьянской партии, мы тоже высказывали определенные сомнения. Не наше дело, конечно, вмешиваться во внутренние дела группы, хотя и близкой нам, но все же вполне самостоятельной. Но иметь свое мнение о таком крупном шаге, как образование партии (мы, кстати, не были об этом предупреждены) мы все-таки можем. По дружбе мы только можем воздержаться от его высказывания»⁵⁹⁷.

П.Н. Милюков поставил перед А.А. Аргуновым вопрос: «Примет ли их превращение в партию русское крестьянство?» На это Аргунов ответил, что «они начали свое существование в России и имеют мандат из России на образование здесь крестьянской партии; уже имеют из России и отклики одобрения по этому случаю»⁵⁹⁸. Позже, как отмечено в протоколе заседания группы кадетов, Милюков заметил, что «судя прошлой деятельности, что у них существует связь с Россией, но сомневается, чтобы эта связь вела действительно к настоящим крестьянам»⁵⁹⁹.

С.С. Маслов после съезда склонялся к революционным методам, что огорчало П.Н. Милюкова, зато радовало С.П. Мельгунова, писавшего:

«Наши коалиционные взгляды по существу резко не расходятся с партийными взглядами “Крестьянской России” раз только партия пытается определить общенациональные задачи <...>»⁶⁰⁰. Борьбу за С.С. Маслова продолжили и правые либералы. П.Б. Струве снова писал, что ему видится в КР-ТКП «что-то живое»: «То есть не только здравомыслие в области экономической — решительное признание начала собственности, хотя и несколько испорченное какими-то кивками на капиталистическую собственность <...> и не менее решительно подчеркивание начал хозяйственной свободы, Но главное, что мне нравится — совершенно не миллюковское подчеркивание действительности, действительной борьбы с большевиками. Зарубежные “крестьяне” — будем так сокращенно называть “Крестьянскую Россию” — хотят быть действительниками и активистами. В добрый час! Когда они начнут действовать, они убедятся, что республиканское доктринерство налагает только путы на действующих, и что действительность, направленная против диктатуры коммунистической партии, сама по себе есть необходимое и достаточное условие единого фронта нового русского освободительного движения»⁶⁰¹. Конкуренты Миллюкова прямо-таки вырывали «Крестьянскую Россию» из блока, но практическая деятельность КР-ТКП в РДС еще продолжалась⁶⁰².

На собрании Парижской кадетской группы 16 марта 1928 г. вновь обсуждался вопрос «Об отношении к группе Крестьянская Россия», объявившей себя, как известно, политической партией». П.Н. Миллюков доложил, что «это неожиданное превращение произошло без всякого предварительного со стороны “Кр<естьянской> России” о том уведомления», что «еще более отстраняет от нас наших союзников и уже не в первый раз ставит вопрос о возможности сотрудничества с ними». Он указал, что его отношение к образованию новой политической партии в эмиграции «может быть только сдержанное»⁶⁰³. П.Н. Миллюков посчитал, что в результате преобразования «Крестьянской России» из группы в партию получилось нечто вроде «старой интеллигентской партии с <республиканско-> <демократической> программой»⁶⁰⁴. В то же время он признал, что «анализ идеологических и тактических положений, содержащихся в документе партии, указывает, что сотрудничество не становится невозможным. <...> Тактические положения также не дают формальных поводов к возражениям с наше стороны»⁶⁰⁵. В итоге 16 марта 1928 г. решено было дать в данном вопросе П.Н. Миллюкову полную свободу рук, поручив ему действовать, сообразуясь с общей обстановкой.

Лидер левых кадетов констатировал, что «старые расхождения по поводу “активизма” и отношения к “Борьбе за Россию” по-прежнему продолжают существовать. Чувствуется ударение на “активизм” и иска-

ние связи с “Борьбой за Россию” в пункте о “признании отдельных технических соглашений” с другими политическими организациями. Возможно, что “Кр<стьянская> Россия” будет эволюционировать в этом направлении»⁶⁰⁶. В связи с этим «Последние новости» в передовой «Борьба и “борьба”» уже в июле 1928 г. начали разоблачать попытки группировки «Борьба за Россию» сблизиться с «Крестьянской Россией»⁶⁰⁷.

Осенью 1928 г. П.Н. Милюков отмечал неприятные для него факты: и вольного обращения с деньгами, и, главное, контактов КР-ТКП с мельгуновцами: «С удивлением прочел в “Борьбе за Россию” список наших изданий, с предложением их распространять: это очевидно нарушает конспирацию, и, кажется, мы не делали Мельгунова своим комиссионером. Был также несколько удивлен, узнав в Америке, что дальневосточная группа суть не блоковая, а специальная группа “Крестьянской России”. Мне казалось, что мы давали ассигновку на нее, как на блоковую»⁶⁰⁸. Тем не менее, еще существовали общие планы издательской деятельности. В 1928 г. Н.Н. Богданов предоставил А.А. Аргунову списки намеченных к изданию Пражской и Парижской группами кадетов брошюр⁶⁰⁹.

В секретном докладе ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» октября 1928 г. авторы пробовали понять суть разногласий лидеров РДО и пражских «крестьян». «По национальному вопросу Милюков за самоопределение наций вплоть до отделения, “КР” против так далеко идущих путей, разрушающих единство России; Милюков отрицательно относится к некоторым демократическим, но не республиканским организациям, “КР” же считает их начинания объективно полезными для борьбы с Советской властью; Милюков — против террора, “КР” — за использование террора в качестве одной из форм борьбы и, наконец, Милюков отдает свои симпатии оппозиции ВКП (б), “КР” — такого выбора не дает и таких симпатий не питает»⁶¹⁰. Как видим, следившие за коалицией чекисты довольно точно проанализировали суть расхождений в РДС.

ОГПУ видело и звено, которое до самого последнего момента все еще удерживало ставшую противоположностью РДО «Крестьянскую Россию» в орбите П.Н. Милюкова: «После съезда “КР” с превращением ее в крестьянскую партию остается до сих пор в составе РДС, то это происходит благодаря тому, что она заинтересована в получении предоставляемой Милюковым субсидии. Самый факт образования Крестьянской Трудовой партии Милюков встретил враждебно»⁶¹¹.

Для сбора средств на издание и пересылку антибольшевистской литературы в Советскую Россию А.А. Аргунов решил создать Фонд свободной печати. За поддержкой он обратился в первую очередь к партнерам. Пражская РДГ ПНС его поддержала на блоковом совещании, пред-

ложив на своем уже заседании 10 января 1928 г. создать в Париже Демократический Политический Центр, «который занялся бы вопросом организации демократических сил и изыскания средств для их деятельности»⁶¹². Но П.Н. Милюков резко критически отнесся к этому проекту, он был против идеи пражан и предложил свести «создание проектируемого центра только к вопросу об изыскании средств для работы»⁶¹⁴, поскольку он видит «опасность созданию новой, нам чуждой политической комбинации и снабжения ее средствами»⁶¹⁴.

На заседании РДГ ПНС в Париже проект А.А. Аргунова обсуждался 16 марта 1928 г. П.Н. Милюков так понял планы «Крестьянской России»: «Аргунов возбудил новый вопрос, а именно: он считает, что нашего организационного объединения в блок еще недостаточно для действий в России. Действия требуют средств. И потому надо искать новых источников их. Речь идет здесь, по-видимому, о коалиции партий; предлагаемый широкий фронт он пытается создать по персональному признаку, включив в него некоторых энесов и эсеров»⁶¹⁵. П.Н. Милюков заявил, что «в принципе ничего не имеет против созыва предварительного совещания по этому поводу, не предвещая ничего дальнейшего»⁶¹⁶, но сразу же стал оппонировать линии А.А. Аргунова на участие в проекте А.Ф. Керенского: «Во всяком случае, планы у него широкие, и он обязательно хочет, чтобы принял участие и Керенский. П.Н. <Милюков> дал ему понять, что такая комбинация для него невозможна. Но Аргунов продолжает распространять слухи о том, что Милюков и Керенский согласны принять участие в таком совещании»⁶¹⁷. По мнению П.Н. Милюкова, такое совещание имело бы смысл лишь в том случае, если бы могло найти источник денежных средств — в чем он сомневался, и делал вывод, что в политическом отношении успеха от совещания «ждать нельзя»⁶¹⁸.

К концу весны 1928 г. по инициативе «Крестьянской России» с участием эсеров, энесов, кадетов-центристов (Н. Астров) Фонд свободной печати, под председательством писателя В.И. Немировича-Данченко, все же был организован, чтобы «создать <...> прочную материальную основу делу издания и распространения свободного печатного слова в России»⁶¹⁹. В «Вестнике Крестьянской России» было опубликовано обращении ЦК КР-ТКП, в котором излагались просьбы оппозиционных групп в России, предлагающих сделать доставку в СССР антибольшевистской литературы «общим делом всех демократических кругов эмиграции»⁶²⁰. Фонд получил помощь из США, где сбор средств для него вел К.Н. Оберучев, сам приславший от спонсоров 30 долларов⁶²¹.

Мешать деятельности Фонда П.Н. Милюков стал очень быстро. А.А. Аргунов отметил: «Позиция “в штыки”, которую занял по отноше-

нию к “Фонду” П.Н. Милюков и его газета, — лишена общеполитических мотивов. Это эмигрантско-партийная точка зрения во всей своей шаблонности. Участники К-та Фонда знали позицию Милюкова и раньше организации дела и шли на это. И когда по прибытию в Прагу П.Н. Милюков “отозвал” из К-та двух членов — В.А. Харламова и Б.А. Евреина — горячих сторонников и инициаторов теперешнего “Фонда”, — то и это не ослабило решимости продолжать начатое дело. Что ж, печально констатировать противодействие со стороны такой влиятельной газеты как «П<оследние> Н<овости>», — но из-за этого дела бросать не надлежит»⁶²².

Двусмысленной была и позиция А.Ф. Керенского. А.А. Аргунов безуспешно обращался к нему с целью поместить в «Днях» обращение о целях и задачах фонда. По всей видимости, Керенского смущало участие в проекте группы журнала «Борьба за Россию», в которой участвовали не только демократы, но и непредрешенцы. А.А. Аргунов доказывал А.Ф. Керенскому, что в составе Фонда есть и социалисты: «Входят социалисты? Да, и в очень порядочном проценте (из 11 членов — 4 соц<иалисты>). Входит с-р. И.М. Брушвит. Какой литературе хотят помогать? Той, к<ото>рая для России. Конкретно: издания “Дней”, “Кр<естьянской> России”, “Р.Д.О.” (хотя они и так богаты) и “Бор<ьбы> за Россию”. Если появится еще подходящая демократ<ическая> литература — помощь и ей будет. Лишь бы она была определено антибольшевистская — демократическая (исключается, следовательно, такая как “Соц<иалистический> Вестн<ик>”, “Рев<олюционная> Россия” и т. п.). <...> Есть задача общая для всех изданий — оплата техники отправки в Россию»⁶²³. Керенский, к фонду открыто не присоединился, но дал денег на отправку в СССР газеты «Дни».

В переговорах бывший премьер Временного правительства, по словам С.С. Маслова, участвовал: «Приезжал в Прагу Керенский, держал с нами совет о закрытии газеты (“Дни”. — М. С.) и выпуске еженедельника. Мы реформу одобрили. Приглашает теперь нас к сотрудничеству в своем новом органе. Мы пока что заняли осторожную позицию, ибо Керенский желает оставаться главковерхом в своем новом органе, и мы пока не знаем толком ни содержания журнала, ни программы, ни состава приглашенных им сотрудников»⁶²⁴. Как обычно, с А.Ф. Керенским плотного взаимодействия не получилось.

Последней попыткой наладить работу РДС была встреча в середине ноября 1928 г. в Праге. П.Н. Милюков сделал шаг навстречу союзникам. К совещанию в Праге «Последние новости» 14 ноября печатают передовую «Крестьянский террор»: «Сталинский поход на деревню привел этим

летом к новой вспышке террора. <...> Возобновление крестьянского террора в наиболее обостренной форме в России свидетельствует о том, что коммунистам удалось занять место “господ” в качестве угнетателей и эксплуататоров. <...> Пока, к глубокому сожалению, приходится признать, что этот крестьянский террор — в совершенное отличие от попыток эмигрантского террора — является исторически неизбежным моментом в борьбе за освобождение России»⁶²⁵. Но этот шаг П.Н. Милюкова навстречу партнерам оценен не был.

На заседании Бюро РДС 19 ноября 1928 г. П.Н. Милюков выдвигает против «Крестьянской России» обвинение в нелояльности: «...Злоупотребление фирмой Союза в пользу одной стороны наблюдается довольно давно. <...> Создавалась возможность навредить общему источнику Союза»⁶²⁶. С.С. Маслов возражал тезису о том, что преобразование группы в партию нарушило их отношения⁶²⁷, но не стал отрицать, что партия самостоятельно вела переговоры с А.П. Марковым, А.Ф. Керенским и С.П. Мельгуновым⁶²⁸.

Фонд свободной печати из-за его достаточно широкого состава также стал камнем преткновения. П.Н. Милюков объявил «Крестьянской России»: он «считает, что вхождение в Фонд Печати нарушает пределы соглашения»⁶²⁹, а А.А. Аргунов парировал, что «Фонд Печати» является непартийным объединением, куда могут входить и члены группировки «Борьба за Россию»⁶³⁰. Но С.С. Маслову и А.А. Аргунову пришлось признать, что вопреки своим прежним заявлениям, они получили от А.Ф. Керенского 3000 франков на отправку еженедельника «Дни» в СССР и не сообщили об этом партнерам.

После двухдневной паузы прошел последний раунд консультаций. В заявлении ЦК «Крестьянской России» от 19 ноября 1928 г. объявлялось об обозначившихся еще в 1926 г. серьезных разногласиях внутри РДС, что «конституция» 1927 г. не предохранила РДС от внутренней борьбы, и дело дошло до того, что Республиканско-демократическая группа «сочла даже возможным перенести внутренние разногласия на арену публичной борьбы». В вину ей ставилось открытое выступление П.Н. Милюкова против «Крестьянской России» в берлинском РДО, отзыв о «Крестьянской России» «в кавычках» в газете «Последние новости», враждебное отношение в рядах парижского РДО, позиция «Последних новостей» по поводу съезда «Крестьянской России», появление «на страницах газеты проповедей о ненужности нелегальной литературы для России»⁶³¹.

КР-ТКП выступила за продолжение существования РДС, «предлагая лишь пересмотр и перестройку начал, лежащих в основе деятельности союза. Эта перестройка должна сводиться к тому, чтобы, сохраняя назва-

ние “Союза”, удалить из его “конституции” все то, что содействует превращению его в арену политических раздоров и все более сузить пределы общей работы и сотрудничества двух, во всем остальном разных, независимо действующих партийных группировок. <...> В случае неприятия переустройства деятельности союза в той или иной форме на указанных основаниях, мы считаем неизбежной ликвидацию союза»⁶³².

ЦБ РДС по предложению П.Н. Милюкова после четырехдневной дискуссии в Праге (с 17 по 22 ноября)⁶³³ приняло окончательное решение: «Вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующими Союз сторонами — “Крестьянской Россией” с одной стороны и Республиканско-Демократической группой Партии Народной Свободы с другой, — Центральное Бюро Союза в заседании 19 ноября 1928 года постановило: считать Союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование»⁶³⁴.

Кадет Н.И. Астров так прокомментировал шаг Милюкова: «Его разрыв с “Кр<естьянской> Рос<сией>” подготовлен давно. Давно обе стороны тяготились союзом. Брак по расчету нужно было давно расторгнуть. Останавливали только денежные расчеты. Теперь эта сторона дела улажена, и союз расторгнут. Впрочем, без скандалов и стекол, — по хорошему. Мил<юко>в не мог простить Кр<естьяно>россам, что они превратились в партию»⁶³⁵. С.С. Маслов сообщал в США: «Самая крупная новость у нас — разрыв на заседании 19 ноября РДС. Почин разрыва принадлежит Милюкову. После раздела кассы надеемся получить тысяч 25–30 крон. <...> Заключили с Милюковым техническое соглашение о работе на Россию и в России. Каждая из сторон на эту работу должен вносить поровну»⁶³⁶.

П.Н. Милюков отметил: «По вопросу о взаимной полемике Р<еспубликанско->Д<емократическая> Гр<уппа> П<артии> Н<ародной> Своб<оды> стоит на точке зрения нежелательности острых выступлений. С.С. Маслов заявил, что “Кр<естьянская> Р<оссия>” держится также позиции нежелательности поднимать в острых формах полемику, как в печати, так и в публичных выступлениях, считаясь с тем, что эти выступления вредны для работы в России»⁶³⁷. Но обещания не устраивать склоку в демократическом лагере эмиграции, выполнены не были. Сторонники П.Н. Милюкова вскоре выступили в «Бюллетене РДО» за 1929 год, где в статье «Пробуждение России и эмиграция» А.М. Кулишер (Юниус) выразился о задачах РДО весьма странно: «стоять лицом к России, строя все свои расчеты на действии внутрirosсийских сил»⁶³⁸. Представители «Крестьянской России» ответили в своем органе: «Констатируем, что бывший наш союзник, — Р.-Д. группа партии Народной Свободы, не толь-

ко не выполнил указанного обязательства, но и поспешил открыть “военные” действия»⁶³⁹. «Вестник Крестьянской России» заявил: «Позиция действительно “четкая”. Она неизменно, из года в год под разными формулировками преподносилась на страницах парижской прессы. “Стоять”, “изучать”, “ждать”... По существу это — то же самое, что и старинная формула: “сидеть у моря, ждать погоды”. “Стоять” или “сидеть” лицом к России — позиция одна и та же. Естественно, что так истолковывая роль демократической эмиграции эти современные “стойки” психологически и политически чужды всему тому, что они называют активизмом в кавычках, т. е. проповеди и всякого рода попытки живого, непосредственного вмешательства эмиграции во внутрироссийское антибольшевицкое движение и организованной помощи ему в разных видах. Отсюда понятно их раздражение против всяких попыток (вроде “Фонда Свободной печати”) откликнуться на живые запросы о помощи, идущие из России, и их тактика самоизоляции, самоудаления, как от греха, от всякого рода коалиции. <...> Революционной демократии в тяжких условиях, но с уверенностью ведущей освободительную борьбу внутри России, и тем, кто из-за рубежа спешит ей на помощь, — с нынешними “стойками” не по пути»⁶⁴⁰.

Ликвидация РДС в среде демократической эмиграции оценена была негативно. Неприятным для КР-ТКП был распад весной 1929 г. группы «Крестьянской России» в Брно. Ее покинули генерал Анатолий Васильевич Попов, Иван Исидорович Горшков и Владимир Иосифович Пилиневич. Причина: «Резкая позиция, занятая “Крестьянской Россией”, в особенности нападки на П.Н. Милюкова»⁶⁴¹. Так как среди членов Брненского РДО П.Н. Милюков пользовался большим авторитетом, три бывших члена «Крестьянской России» в Брно 15 мая 1929 г. вступили в члены Пражской РДГ ПНС⁶⁴².

Варшавский лидер КР-ТКП В.В. Португалов отметил 7 декабря 1928 г.: «Известие о крахе РДС в Праге нас здесь огорчило. Я лично признаю, что с обеих сторон были допущены излишние придирки. Дело даже не в формальном союзе, а в том, что трещина в демократическом лагере будет использована в противоположном лагере. Там постараются увидеть в этой истории “кампанию” П.Н. М<илюкова> против всякой активности и будут злорадствовать»⁶⁴³. Через год В.В. Португалов покинул КР-ТКП.

Живший в Варшаве активист КР-ТКП А.П. Вельмин 30 марта 1929 г. резюмировал: «Уже в самом разрыве р<еспубликанско>-д<емократического> союза я считал виновным наших лидеров — это они целым рядом своих вызывающих это отторжение действий (союз с “Б<орьбой> за Р<оссию>” на Белг<радском> совещании, намерение поставить П<авла>

Николаевича» <Милюкова» перед свершившимся фактом в деле образования «фонда свободной печати» и т. д.) вызвали его, быть может, сами того, не желая, на разрыв»⁶⁴⁴.

Впрочем, руководство «Крестьянской России» подобные рассуждения официально опровергло⁶⁴⁵, указав: «Автор одной из статей (“Эмиграция в 1928 г.”), разъясняя читателям смысл наших с р. д. “тактических разногласий”, видит его в том, что мы — “Крестьянская Россия” связались духовно и практически с “правыми” элементами, а потому и должны быть зачислены в ту часть эмиграции, которую он помещает “вправо” от себя (т. е. от р. д.). В другом месте (газета “Последние Новости” от 16. II. — Отчет Р. Д. О.) говорится “о некоторых новых явлениях в тактике партии “Крестьянская Россия”, начинающей сближаться с соседями справа”. <...> Доказательств таких нет, и их неоткуда взять нашим противникам. <...> Задолго до этого разрыва, между группой, издающей “Борьбу за Россию”, и нами существовал контакт на почве технического сотрудничества, о чем известно было представителям р. д. группы партии Народной Свободы. <...> И не Фонд Свободной печати, и не “контакт” с “активистскими борьбистами” явились яблоком раздора, прекратившего наш политический блок с парижской группой народной свободы. Представители этой группы хорошо знают, что не в этих, и не в подобных им “фактах” дело. Блоковое наше сотрудничество с парижской группой народной свободы уже задолго, по крайней мере, за два года до официального закрытия Р. Д. Союза потеряло политический характер и свелось к материально-техническому сотрудничеству. Природа входивших в Союз группировок оказалась слишком различна. Взгляды и методы работы непримиримо противоречивы и общий путь оказался невозможным. Их “тактические разногласия” вытекли отсюда»⁶⁴⁶.

П. Н. Милюков не ограничился разрывом коалиции. В январе 1929 г. была создана группа «Крестьянское объединение в Париже» с практически идентичной с «Крестьянской Россией» программой, отпечатанной в типографии «Последних новостей». В объявлении о составе объединения указывалось, что «основоположники группы — крестьяне, принимавшие более или менее активное участие в борьбе с большевиками и оказавшиеся оторванными от родины»⁶⁴⁷. (Противники Маслова всегда подчеркивали малое количество крестьян в его партии. Так, эсер С. П. Постников и через 30 лет в конце 50-х гг. писал, что в КР-ТКП не было крестьян⁶⁴⁸, что не соответствовало фактам). Но «Крестьянское объединение», объявившее о намерении «скорее объединить зарубежное крестьянство», большого успеха не имело, периодически сотрудничало с КР-ТКП и просуществовало до 1932–1933 гг.

Как видим, расставание стало скандальным. Но РДС все же просуществовал почти пять лет (для эмигрантской организации — гигантский срок), показав возможность сотрудничества демократических сил, и пал жертвой спора о тактике борьбы.

Весьма существенным фактором в расколе стали не только личные амбиции лидеров, П.Н. Милюкова и С.С. Маслова. Сыграла свою роль и их внешнеполитическая ориентация. Обе группировки получали помощь от чехословацких политических кругов, но разных: П.Н. Милюков — от либеральных государственных деятелей Чехословакии, от того же Э. Бенеша, а Маслов через министерство сельского хозяйства Чехословакии получал помощь от аграриев — от Милана Годжи⁶⁴⁹.

Кроме того, Милюков поддерживал деловые связи на Балканах с болгарскими политиками, а С.С. Маслова чехословацкие власти после 1929 г. подозревали и в контактах с польским Генштабом, и в получении дотаций от руководства Югославии⁶⁵⁰. Передачу средств из Югославии подтвердил мне член «Крестьянской России» Г.А. Малахов. В 1929 г. он был в Белграде вместе с С.С. Масловым, который получил аудиенцию у короля Александра и ряда министров. Г.А. Малахов в качестве охранника участвовал в перевозке из столицы Югославии в Прагу крупной суммы наличных денег⁶⁵¹. Появление у лидера «Крестьянской России» С.С. Маслова новых источников финансирования дало ему возможность для разрыва политической коалиции с П.Н. Милюковым.

Глава II

Партия для русского крестьянства

Деятельность КР-ТКП как самостоятельной эмигрантской организации (1928–1934 гг.)

2.1. «Опус» для дела

КР-ТКП и «Организация по установлению связи» (1927–1930 гг.)

Несмотря на шумные конфликты, техническое сотрудничество левых кадетов Милюкова, крестьянских демократов Маслова и Аргунова в Праге и примкнувших к ним других антибольшевиков шло с начала 1928 г. в рамках организации «Опус»¹, занимавшейся переброской в Россию литературы эмигрантов-демократов и эмиссаров двух организаций, как до, и после ликвидации РДС. Появление партии «Крестьянская Россия» тактически и идейно разводило новорожденную КР-ТКП и РДО. Но пражскими лидерами этих структур был предпринят дальновидный шаг: в декабре 1927 г. в Праге на основе специального соглашения начала работу конспиративная организация «Опус».

Сохранилось написанное рукой товарища председателя пражской группы кадетов Б.А. Евреинова обращение с правками С.С. Маслова, где говорилось: «Самой важной частью деятельности Р.Д. Союза была его работа, направленная на Россию, работа по активной борьбе с Советской Властью. Здесь не место вдаваться в подробности относительно этой работы. Мы никогда не шумели своим активизмом. <...> Но мы работали, и работаем, и будем работать над свержением большевицкой диктатуры такими путями и способами, которые мы для данного момента считаем наиболее целесообразными»². Обращение заканчивалось призывом: «...Созвучные нам элементы на нашей родине уже откликнулись на наш призыв. Поэтому нашей очередной задачей в настоящее время является оказание всяческой помощи нашим друзьям в России в их тяжелой борьбе с властью. Мы, однако, убеждены, что дело оказания помощи требует сложения демократических сил. Поэтому, оставаясь на позициях Р.Д. Союза, мы призываем всех истинных демократов к совместной практической работе. Отсюда — “Опус”»³.

Структура была создана 5 декабря 1927 г. Был одобрен временный устав «Опуса». Членами Руководящего комитета (Руккома) назначили В.В. Бранда, А.А. Вакара, Б.А. Евреинова и С.С. Маслова⁴. Была установлена иерархия: члены Центра, окружные уполномоченные, далее «члены организации делятся на две группы: 1) террористы и курьеры, поддерживающие связи между группами, находящимися в Сов. России и эмиграции — подчинены непосредственно Руккому; 2) занимающиеся распространением антикоммунистической литературы, переправлением этой литературы в Сов. Россию, собиранием нужных организации сведений, завязыванием связей. Приисканием приюта и т. п. — подчинены окружным уполномоченным. Для технической работы могут быть привлекаемы лица и не состоящие членами организации, таковые лица подчинены окружным уполномоченными»⁵.

Структура эта проработала почти три года, включив в себя позже представителей группы «Борьба за Россию» (С.П. Мельгунов, В.С. Озерцовский), кадетов центра (Н.И. Астров). Средства давал и А.Ф. Керенский, для отправки в СССР «Дней». Но техническое сотрудничество не означало общей платформы, что и подчеркивал Керенский: «Мы никогда не делали секрета из того, что всячески проталкивали газету по ту сторону границы. <...> В частности, пересылка еженедельника через известную Вам техническую группу является только количественным увеличением того, что происходило и с газетой. Никаких совершенно политических новых комбинаций, а тем более “Мельгуновщины”»⁶.

В 1927–1930 гг. было сделано попытки наладить связи «Крестьянской России» и ее партнеров по «Опусу» с недовольными режимом в СССР. Среди многих попыток РДС и КР-ТКП проникнуть в СССР наиболее удачными для центра в Праге выглядели походы уже упомянутого выше Николая Боярова-Мосевича (в документах — № 1). Одинаковые машинописные тексты его отчета о пребывании в России в 1928–1929 гг. обнаружены в ГАРФ и в Фонде С.П. Мельгунова в Лондонской школе экономики. Второй раз после 1926 г. он находился в СССР с 14 апреля по 17 июня 1927 г.

Проезд по Польше по маршруту Варшава – Львов – Ровно – Ракитно и переход границы обеспечивал известный «активист» В.В. Бранд. Границу эмигрант переходил с помощью сотрудников польского Генштаба, которые потребовали от него в качестве ответной услуги шпионской деятельности, о чем он и написал в своем отчете от 28 июня 1927 г.⁷

Переброска эмигрантов продолжала идти шла под контролем польской разведки. Переписка Б.А. Евреинова, членов КР-ТКП А.А. Вакара и А.П. Вельмина говорит о связи Евреинова и Вакара с польской военной

разведкой, в частности, с сотрудником Генштаба майором Р. Таликовским. В обзоре деятельности экспозитуры 2 отдела Генштаба Польши во Львове указано: «В 1927 году 5 экспозитура поддерживала связь с “Русским демократическим союзом”, во главе которого стоял Милуков Павел, находившийся в Париже. Целью этой организации была борьба с коммунизмом и создание будущей России с “республиканским строем”. Подготовка этого переворота в СССР должна была произойти собственными силами “без участия иностранных государств”. Однако это не мешало руководителям “Русского демократического союза” получать субсидии от французского и английского правительств. Эта организация имела свой печатный орган в Праге, Варшаве и Париже (“Последние новости”). На территории Советского Союза эта организация вела враждебную работу через своих эмиссаров, пользующихся помощью разведок различных государств. Отделения этой организации находились в Польше, Чехословакии, в Латвии и Эстонии. 5 экспозитура сотрудничала с руководителем отделения в Чехословакии — Евреиновым Борисом. В 1926 г. в Варшаве и Львове представитель 5 экспозитуры поручик запаса Бартош Алоиз и Евреинов обсудили принципы сотрудничества. Посредниками в установлении этих связей были Диюк Барбара (Варвара) из Корца и Орлов Петр. На основании заключенного соглашения, указанная организация обязывалась бескорыстно предавать экспозитуре разведывательные материалы взамен за техническое облегчение в переброске людей в СССР. Судя по результатам, полученным в начале этого сотрудничества, экспозитура возлагала большие надежды на будущее»⁸.

После возвращения Н.А. Боярова-Мосевича из России в Польшу им в Варшаве к 28 июня 1927 г. был написан подробный отчет о якобы состоявшихся в Советской России встречах⁹. Часть текста была подготовлена к печати Б.А. Евреиновым, из него были убраны фамилии людей, с которыми агент встречался. 21 августа 1927 г. в газете «Последние новости» без имени автора была напечатана, представленная как «записки одного лица ездившего в Россию и только что вернувшегося оттуда», статья «Картинки России»: о быте столицы, в том числе и о детской проституции в Москве¹⁰. Затем в августе-сентябре 1927 г. были опубликованы другие отрывки. Это три разговора под общим названием «Голоса из России». Первая беседа — «Голос спеца»¹¹.

Собеседником эмиссара был реальный человек — сотрудник «Сахаротреста», в прошлом — кадет, Алексей Петрович Корхов (1878–1931) (Бояров-Мосевич пытался побеседовать и с бывшим членом ЦК ПКД М.В. Сабашниковым, но тот от разговора отказался). Вторая беседа — «Голос бывшего коммуниста»¹². Она якобы прошла с бывшим коммунистом, ко-

торый поддерживает правую оппозицию. Именовался он Валерьян Николаевич Иванов. Возможно, это был приятель Боярова-Мосевича, бывший активист комсомола, оппозиционно настроенный коммунист, студент Николай Васильевич Бобовников¹³. Третья беседа — «Голос рабочего»¹⁴. Она якобы состоялась в Киеве с рабочим железнодорожных мастерских, названным в отчете как М.В. Федоров. Возможно, что это даже реальная фамилия, так как Мосевич сообщал в ОГПУ, что останавливался у Федорова в Киеве. Рабочий Федоров настроен оппозиционно, но с подозрением относится к активности эмигрантов.

«Иванов» и Корхов в описании Мосевича заняли похожую позицию: эмиграция не должна мешать советской власти эволюционировать. Иванов был уверен в постепенной победе «правой оппозиции» над Сталиным. Корхов убеждал в том, что в силу объективных причин большевикам, чтобы не разрушить народное хозяйство, придется выполнять рекомендации специалистов: «власть должна перейти на почву дальнейших уступок, сначала еще больше экономических, а потом постепенно возможно и политических»¹⁵.

Позицию Корхова Мосевич описывал и в 1930 г. для чекистов, и этот доклад представляет большой интерес для понимания психологии русских интеллектуалов того времени. «Политические установки Корхова в 1927 году: политическая крепость Соввласти, покоится она на суровой сплоченности аппарата управления правящей партии. Последнюю, как инструмент управления и воздействия на массы, он называл “дисциплинированным корпусом жандармов”, команда по которому решает положение. Кроме того, опора власти — массы. Ибо политическо-правовое и “отчасти” экономическое положение рабочих для них теперь лучше, чем при царизме. Крестьянство, правда, недовольно, но, впрочем, так оно бывает недовольно вообще всякой властью. А в данном случае он все еще боится за землю, отобранную у помещиков, и поэтому на стороне Соввласти. Почвы для интервенции нет: в СССР народ будет мощно бороться против нее. Сама власть ни в коем случае не пойдет на войну с границей, она согласится скорее на любые уступки перед последней, чем идти на открытую войну.

Командующая верхушка власти — правящие круги — головка ЦК партии. Правящие круги ЦК, безусловно, мудры, умеют править, и идейны. Вокруг них, правда, вплоть до самых верхов, немало шкурников, карьеристов и негодяев, вылезших на свет божий, пользуясь революцией. Еще больше их на местах, где творятся нередко дела, вроде как в 40–60 годы пр<ошлого> ст<олетия>. Оппозиционная борьба в партии имеет некоторое небольшое значение в отношении эволюции власти, приспособ-

собляясь к интересам массы, но в конечном счете сама по себе ничего не значит: сама оппозиция внутренне далеко несогласованна и не сплочена, а действия ее вообще продиктованы не в малой степени личной сколкой вождей, чем борьбой идейной. В СССР все чрезвычайно проникнуто сыском ГПУ. Где же выход с точки зрения Корхова? Он в том, что “начинает расти трава”. Смысл этой произнесенной и отмеченной мною в “Последних Новостях” его фразы, он видит в следующем: политическое и экономическое значение хозяйственного возрождения страны. Период “грабежа и разрухи” по Корхову давно миновал. К “экспериментам” насильственного водворения коммунизма власть возвращаться не хочет. Осуществляется и уже значительно осуществлена насущная потребность масс и тех же коммунистов — хозяйственное восстановление страны. Власть вынуждена идти на уступки народу. Она толкается к тому, чтобы создавались “нормальные” условия жизни и деятельности последнего.

На базе этих зачаточных предпосылок власть должна постепенно, хоть медленно, перейти на рельсы дальнейших уступок, сначала больше экономических, а потом постепенно, возможно, и политических, В верхах должно победить и взять верх течение: не мешать низам — народу развивать его жизнь по буржуазным основам. Потом эти основы, усвоение их постепенно переключить и верхам. Дальше — путь постепенного развития буржуазного строя, в чем Корхов видел выход.

Выход по его означал: постепенные уступки пролетарского государства под экономическим давлением внутренней обстановки; экономическая роль растущих новой буржуазии и кулачества и экономический союз с ними народных масс; эволюционные выводы отсюда соответственно политической надстройки. Однако этот процесс Корхов рассматривал как весьма длительный и в демократических результатах своих — весьма отдаленный. Предшествующим возможен скорее фашизм. Таким образом, Корхов предупреждал от преждевременных демократических иллюзий, как и от иллюзий скорого падения Соввласти вообще.

При второй встрече со мной в том же мае 1927 г. Корхов коснулся кратко оценки современной сов. молодежи. Ее он расценивал как глубоко советскую и новую, органически чуждую старым дореволюционным пониманиям. В сравнении с прежним она чрезвычайно груба и неразвита, но она не хочет всего того, что было при царизме: она органически вросла в новую сов. обстановку. Корхов приводил пример своих сыновей, которые, не имея ничего общего с большевиками, тем не менее, коренным образом против старого.

В промежутках от первого до второго свидания моего с Корховым, произошел дипломатически разрыв между Англией и СССР, — нападе-

ние лондонской полиции на АРКОС. Я спросил Корхова о его мнении об этом. Он ответил, что это большого впечатления не произвело. В данном случае не первый пример: были ведь налеты и в Берлине и в Китае. Это специфическая обстановка положения сов. дипломатии. Угрозы войны в этом Корхов тогда не видел, так как ни Сов<етская> власть и заграница, по его <мнению>, на войну не пойдут. Внутри СССР это, однако, прокатилось событием, вызвавшим подъем и возмущение против консервативной Англии за престиж СССР. Сов. движение тут сливалось с патриотическим движением за Россию. В части внешней торговли Англию для СССР, кажется, говорил Корхов, вполне могут заменить Америка и Германия, на которые и ориентируется Соввласть.

Таковы приблизительно были политические установки Корхова в 1927 г. в мае месяце. Моя позиция была слушать и вызывать его на эти откровения, как ценные и интересные Евреинову»¹⁶.

Публикации серии интервью вызвали отклик эмигрантской прессы. В частности, в журнале «Борьба за Россию»¹⁷ С.П. Мельгунов указывал на то, что пафос писем подозрительно совпадает с эволюционистской позицией П.Н. Милюкова. Усомниться в подлинности интервью автор не рискнул. Зато газета «Возрождение» поставила рассуждения «Иванова» под сомнение, заметив, что «письмо оттуда написано или по поручению московского ГПУ, или в парижском постпредстве, или, наконец, сфабриковано в самой редакции»¹⁸, фактически угадав истинных соавторов текстов. Думаю, что идейная направленность «Голосов из России», возражения против антибольшевистского террора показывают, что они были продуманы и отредактированы ОГПУ. Абсолютно точно известно: Н.В. Бобовников знал, что Н.А. Бояров-Мосевич агент ОГПУ¹⁹. То есть, с КР-ТКП и Милюковым повторилась история В.В. Шульгина, чью книгу правили «контрреволюционеры» из «Треста», они же сотрудники ОГПУ. Но, несмотря на «заказные выводы», очерки и беседы Н.А. Боярова-Мосевича оказались одними из немногих на страницах газеты эмигрантской прессы фактически точных «прямых репортажей» из-за «железного занавеса».

Примечательно, что уже во время этой своей второй экспедиции в СССР возомнивший себя суперагентом и весьма вольно ведущий себя Н.А. Бояров-Мосевич чуть было не попал за решетку. Его знакомый по Крыму коммунист Вольдемар Люфт, сначала кутил вместе с Бояровым: «Он еще раз заходил ко мне в сопровождении Гардера и Бобовникова. Они зашли выпить — я был болен и в выпивке не участвовал. Напившись пьяными, они ушли. При этом также велись политические разговоры, но точно вспомнить на какие темы сейчас затрудняюсь. Бобовников

после рассказывал, что они скандалили на улице (т. е. Бояров и Гардер, которые были сильно пьяны — Бобовников — меньше), причем характерен тот факт, что по словам Бобовникова — Гардер становился посреди улицы, загораживая дорогу и кричал, обращаясь к проезжавшим в автомобилях — “аппаратчики проклятые”»²⁰. Затем бдительный Люфт написал на приятеля по крымскому комсомолу донос: «Бояров зашел ко мне в редакцию к концу занятий и попросил меня пойти вместе пообедать. Я пошел с ним, и мы зашли в столовую-пивную на углу Неглинной и, кажется, Софийки. Там я ему рассказал, что слышал, что он написал ругательное письмо в ОК ВЛКСМ (или ВКП (б), в котором пишет, что потерял революционную перспективу и что парт и комсомольское руководство выдвинуто — дословно: “волею стечения случайных обстоятельств”, и что он уехал за границу (в Польшу) к своим родителям. Я выразил ему свое удивление тому, что он неведомо каким образом очутился здесь в СССР и прямо в упор потребовал объяснений.

Тогда он мне рассказал следующее: что действительно исключен из комсомола и написал письмо в ОК ВЛКСМ, что нелегальным путем переехал в Польшу и проживал там у родных, что в Польше ему каким-то путем удалось достать важные для СССР секретные сведения (точно какие и откуда он не говорил, но если не ошибаюсь, намекал на генеральный штаб, которые и привез сюда). За это его якобы и приняли на секретную работу в ОГПУ. При этом он меня спросил, не желаю ли я перейти на работу в ОГПУ, Я ответил, что не желаю. Ибо мне больше нравится литературная работа в редакции, где я тогда работал. В заключение он мне сказал, что живет по документам сотрудника какой-то хозяйственной организации и показал какое-то удостоверение (кажется, “Сахаротреста” или в этом роде).

Этот разговор сразу же вызвал у меня недоумение и подозрение как в личности, так и в деятельности этого человека и я решил, во-первых, исполнить свой долг и сообщить о слышанном и о моем недоумении в ОГПУ и во вторых, стараться с этим человеком иметь меньше дела. Это то, что я сейчас могу вспомнить относительно моего общения с Бояровым в 1927 г. летом и ранней осенью»²¹.

В. Люфт объяснял: «Он сообщил о том, что является сотрудником ОГПУ. Я счел своим долгом коммуниста сообщить в ОГПУ о том, что сомневаюсь в его деятельности, в его личности и в том, что он действительно сотрудник этого органа. Для меня было ясно, что сотрудник ОГПУ, работающий секретно, делает преступление, когда он об этом сообщает даже своему ближайшему другу. Я спустя несколько дней после первой встречи с ним зашел в ОГПУ. Здесь меня принял сперва товарищ (фами-

лию, которого я не припомню) кажется Туманов или Тупалов, которому я рассказал о том, что я слышал от Боярова и высказал недоумение то, что я не уверен в том, действительно ли Бояров сотрудник ОГПУ. Указанный товарищ выслушал меня, но потом сказал, что это не относится к нему, и повел меня к другому товарищу. Я этому все повторил, и он предложил мне изложить все это письменно и сдать в комендатуру ОГПУ с адресом для тов. Сили или Розенфельда. При этом он сказал, что если мне станет известно что-нибудь новое, то, чтобы я сообщил ему, предварительно позвонив ему по телефону. Если я не ошибаюсь, № 3–14. Я все изложил письменно, но из-за спешки с отъездом в Крым для призыва сам не успел занести письмо в комендатуру ОГПУ, и дал его своему отцу (члену ВКП(б) с просьбой занести, когда у него будет свободное время)²². Дону в ОГПУ хода не дали, но, возможно, взяли своего агента на заметку. А Н.А. Бояров-Мосевич вернулся в Польшу и продолжил успешно дурачить вождей РДС.

Но не все путешественники в Россию были удачливы как авантюрист Бояров-Мосевич. Провалилась попытка отправить в СССР в мае 1928 г. Я.К. Бычека²³. Яков Бычек был послан из Парижа «Борьбой за Россию».

Организация С.П. Мельгунова вошла в 1928 г. в «Опус» и частично финансировала этот проект. Прибыв от С.П. Мельгунова в Прагу к В.С. Озерецковскому, эмиссар привлек к себе внимание и был задержан чешской полицией. Об этом в Париж писал В.С. Озерецковский: «Наконец-то закончилась эта пренеприятная история о Я.К. <Бычеке>. Итак события (вкратце) шли таким порядком: его телеграмма с границы мне, арест его, отсутствие паспорта, указание на меня, мой допрос в Мин<истерстве> вн<утренних> дел, оттуда неожиданное требование строжайшего расследования, перевод его сюда, за все это время слежка за мной, бесконечные допросы. Наконец обыск. За это время я, чего все время избегал, через Менц<еля> вошел в сношения Мин<истерством> Воен<ным> и главой полиции, где получил всяческие заверения, в результате которых прекращение дела и отпуск Я.К. <Бычека>.

Оказывается, его подозревали в том, что он, будучи сов<етским> шпионом приехал из Сов<етской> Рос<сии> и дал телеграмму мне о благополучном приезде. Основание — его работа здесь в Праге в качестве “советского агента”, по поручению Шульгина. Так он и зафиксирован здесь и в Мин<истерстве> вн<утренних> дел, и воен<ном>. Первое, основываясь на этом предложило, в случае подтверждения — выслать в Сов<етскую> Рос<сию>. Мне же пришлось запутать еще одного человека, его друга, т. к. концентрация всего на мне могла бы вскрыть все бес-

конечные телеграммы, кот<орые> он слал мне, и я стремился приотвес-
ти все следствие в другое место.

Считаясь со здешней атмосферой и общими правилами, доказатель-
ство занятия активной полит<ической> работой противобольшевицкой,
сношения с Польшей и проч<ее> все это грозило довольно печальными
последствиями и для него, и для меня, а доказательств было ворох. В
разгар следствия получение мною писем из Польши со всеми докумен-
тами и компром<стирующими> адресами, вскрытие его телеграмм, над-
зирание, чтение писем, адрес ко мне и прочее. Здешняя полиция давно
уже знала наш журнал и, считая нас единственно активными, — все вни-
мание сосредоточило на мне. Несмотря на то, что теперь определенные
учреждения знают о нашем деле, и с их стороны здесь можно ждать вся-
ческого содействия — все-таки думаю, мое положение здесь не особен-
но приятное <...>. Но это все — полбеда. Одно несомненно, что между
делом и спустя рукава эту работу вести нельзя.

И я все больше и больше убеждаюсь в необходимости серьезной по-
становки технической работы, а если этого по средствам нельзя, то и
издание особенно еженедельника теряет свой смысл. Над этим нужно
очень и очень подумать. Нужно подумать и о том, что своими руками
этого не сделаешь и всюду, а особенно в погр<аничных> странах придется
входить в очень неприятные отношения. Вне этого не мыслится и невоз-
можна даже самая невинная работа. Я отчет в этом себе отдал давно и
смирился. Подробности, которые Вы узнаете от Я.К.<Бычека> — дока-
зательства тому неопровержимые. Не только там это нужно, но и здесь —
тому доказательство — весь инцидент с Я.К. <Бычком> и его разреше-
ние быстрое и неожиданное. Как только нажаты были кнопки не просто
связей политических, а особые, что прекрасно проделал Менцель»²⁴.

Чехословацкая полиция отпустила Бычека, и он двинулся в Польшу.
Но и там дело не пошло. В.С. Озерецковский сообщал в Париж С.П. Мель-
гунову: «На днях узнал нечто совершенно неожиданное и пренеприят-
ное. Получил уже второе письмо от Я.К. <Бычека>, — он все сидит в
Польше!?! В большом разочаровании от тех людей, с кем мы имеем дело.
До сих пор не могут сказать, когда можно двинуться дальше, по его сло-
вам, не предложили никакого мало-мальски сносного документа. <...>
Тотчас принял шаги к выяснению. Притянул к ответу Б.А. <Евреинова>.
Он ничего не знал и был в полной уверенности, как и я, что дело уже
сделано. Сначала я потребовал запросить письмом и телеграммой. По-
том, после второго письма, выехал отсюда человек (Н.С. Ирманов. —
М. С.), чтобы на месте все видеть. В конце этой недели получу исчерпы-
вающие сведения. Кроме того потребовал, чтобы никаких движений не

делалось без того, чтобы не сообщить мне. Предложим Я.К. <Бычеку>, если ему трудно сидеть там, приехать сюда и здесь выждать. <...> С чешской визой и прочими формальностями я здесь все устроил. Одно время думал, что лучше все пока снять и считать попытку неудавшейся, но поездка туда человека (Н.С. Ирманов. — М. С.) остановила, и решил ждать сообщений. Есть предположение, что именно теперь у тех неприятности в области «неприятной зависимости» (от польской разведки. — М. С.). <...> Неприятно и падает доверие еще и потому, что перед приездом они известили, что все готово, и что все должно произойти в течение 3–4 дней. Правда, случаи были сидения и более долгого. И все благополучно кончалось»²⁵.

Помогать отправке Бычека в СССР был срочно из Праги отправлен Н.С. Ирманов, докладывавший потом коллегам-чекистам: «В 1928 году я был отправлен организацией “Опуса” в Польшу, чтобы заставить отправиться в СССР агента “Борьбы за Россию” друга Озерецковского Вениамина Сергеевича и сотрудника “Возрождения” Бычека (его же псевдоним Жукович). Переправку его производили я и Здановский²⁶ с ведома Львовской экспозитуры. Мы его отправили с проводником, а сами уехали. Но оказалось, что он испугался и прибежал обратно в Польшу, причем был арестован польской политической полицией, и экспозитуре львовской пришлось его выручать, что привело в ярость Бартоша. Я видел потом Бычека в Праге и в Париже»²⁷.

У Я.К. Бычека, видимо, просто не выдержали нервы — только что пережитый в Чехословакии арест лишил его самообладания. Своим коллегам по РДС Н.С. Ирманов писал: «Мне весьма печально, что не удалось его отправить, но очевидно к лучшему. Он, безусловно, не в состоянии там действовать, так как слишком наивен»²⁸. Я.К. Бычеку повезло: с таким провожатым, как Н.С. Ирманов, шел он прямо в лапы ГПУ, а так лишь посидел в тюрьме у чехов и у поляков, но прожил долгую жизнь и умер в Париже в 1970 г.

Именно, через Я.К. Бычека к лидеру «Борьбы за Россию» и поступила информация о связи конспираторов из РДС с польской разведкой. С.П. Мельгунов в августе 1928 г. попросил жену Прасковью Евгеньевну Мельгунову записать в ее дневнике новость: «При попытке Бычека проникнуть в Россию при содействии Евреинова из “Крест<ьянской> Рос<ии>» (на самом деле — РДС. — М. С.) обнаружилось, что весь этот путь идет через контрразведку польскую, и они условием переправы ставят шпионаж в Рос<ии> для них. Евреинов гов<орил>, что все делают его родствен<ники> — помощники в Киевск<ой> губ<ернии>, оказалось совсем иное, и вся их переправа (журнала также) в руках контрразвед-

ки»²⁹. С.П. Мельгунов не был в восторге от общих дел с поляками, но выхода не было.

Надо заметить, что С.П. Мельгунов и «Борьба за Россию» находились в центре внимания ИНО ОГПУ. В своей мемуарной статье «Загадки в деле ген. Кутепова» 1955 года С.П. Мельгунов не без хвастовства отмечает: «Журнал наш тогда был на виду и даже ГПУ усиленно им интересовалось. Так, в специальной справке Иностранного отдела ОГПУ, копию которой удалось нам получить, определенно говорилось, что журнал проникает в Союз “из разных источников”, что нельзя оставлять без внимания такую работу, ибо вокруг “Борьбы за Россию” “группируется все решительное и активное”, что есть в эмиграции — справка отмечала, что “установить непосредственную связь с верхушкой мельгуновской группы не удалось”»³⁰. Именно в связи с этим к Мельгунову был через советского агента генерала Дьяконова подведен прибывший из СССР в командировку в Париж некий бывший военный юрист Александр Николаевич Попов (кличка «Кузьма»), с которым потом С.П. Мельгунов и его коллега П.Е. Рысс переписывались.

С.П. Мельгунов вспоминал: «Попов передал мне ряд адресов, куда направлять эмигрантскую литературу. В обмен я ему ничего не дал, кроме одного адреса очень старого, тети моей жены, которой он должен был передать от нашего имени плитку шоколада. Я хотел проверить таким путем — не являются ли парижские разговоры болтовней. Условились мы о книжном коде для переписки. Письма самого незначительного родственного характера писались карандашом, я должен был проявлять их особым составом, после чего в тексте выступали цифры, указывающие буквы в соответствующих строках и страницах. Письма “Кузьмы”, посылаемые в Париж на разные адреса, приходили из Москвы аккуратно, и это возбуждало сомнение — цензура не могла не обратить внимание на эту несколько странную переписку. Не удовлетворяли меня и данные адреса с явно вымышленными фамилиями и искусственными именами, отчествами людей, которым надлежало получать “Борьбу за Россию”. <...> Корреспонденции не отличались большой квалификацией (некоторые из них были напечатаны в журнале), но в письмах попадались сведения, для меня очень важные»³¹.

Шифрованные письма частично сохранились в архиве Мельгунова, но химический проявитель сделал их практически нечитаемыми. Сохранились отдельные тексты и копии ответов.

Сам С.П. Мельгунов тогда писал в Москву: «Дорогие друзья! Наши сношения до сих пор плохо налаживаются. Причин для этого много. Одна из них — та самая осторожность, которую Вы нам рекомендуете. На пер-

вых порах, как Вы знаете, мы очень были смущены некоторыми Вашими прежними связями. Мы вынуждены быть настороже. Поэтому наш курьер, которому удалось проехать в Россию, там не мог с Вами связаться. Нам удалось переправить еще двух лиц. Но один из них ехал по своим адресам и абсолютно ни с кем не хотел связываться. Другой ехал по пути, для нас недостаточно еще знакомому. Поэтому мы боялись связаться с Вами через него. Теперь нами переживается острый денежный кризис. Лично я думаю, что денег нам и не удастся достать, если в России не начнется что-либо осязательное. В силу отсутствия денег мы не имеем возможности поддерживать постоянный организационный контакт с Россией, т. е. иметь своих надежных курьеров, поэтому и воздерживаемся давать кому-либо указанные Вами адреса. <...> Вероятно, поэтому наша литература до Вас не доходит»³².

Впоследствии выяснилось, что А.Н. Попов был завербован ОГПУ и задействован в операции по похищению генерала А.П. Кутепова. В то же время для издания С.П. Мельгунова контакт был полезен: он получал кое-какую информацию из России и даже напечатал в «Борьбе за Россию» ряд присланных «Кузьмой» материалов о положении в СССР.

В конце июля 1928 г. был отправлен нелегально из Чехословакии в Польшу член брненской, а затем пражской группы «Крестьянской России» инженер и журналист Анатолий Константинович Вышковский. Его явно преследовали неприятности. 16 июля 1928 г. С.С. Маслов сообщил: «А.К. В<ышковский> поехал из Праги с просроченным приказом³³, никому о том не сказав, и в Кошицах был арестован. Просидел три недели, пока удалось его выцарапать»³⁴. Сохранилась переписка, показывающая, что А.К. Вышковский еще почти месяц ждал перехода границы Польши в Словакии³⁵. В начале августа 1928 г. А.К. Вышковский находился уже в польской Галиции у Богдана Грабца. Он был переправлен в СССР с помощью польской разведки из района Ровно: переписка с Б.А. Евреиновым прекращается 9 августа 1928 г.³⁶ С.С. Маслов 24 ноября 1928 г. сообщил в США: «От Толи, Вам известного, два месяца с недель никаких вестей. Знаем, что границу он перешел благополучно; знаем, что пройдена была им и опасная приграничная полоса в 39 километров, а дальше потерян почти всякий след. Почти убежден, что он засыпался на ж.д., которая в моем случае гораздо опаснее приграничной полосы и границы. Арестован и еще один наш, тоже пошедший из-за границы в Россию на работу, и пошедший не из Европы. (Откуда? Об этом догадаетесь.) Еще несколько человек были, благополучно возвратились. Некоторые пока благополучно «там, во глубине России»»³⁷. Замечу, что эти сообщения Маслова явная самореклама: в Европе речь могла идти максимум о трех эмис-

сарах, а операции КР-ТКП на Дальнем Востоке пока подсчитать невозможно за отсутствием документов.

Б.В. Седаков признал: «После 1 съезда, примерно в 1928 г. в Советский Союз был заброшен для ведения подпольной работы Вышковский <...>, тогда ему было около 30 лет, в Праге он учился в одном из высших учебных заведений и одновременно работал шофером. Куда именно он был направлен, и что с ним стало в СССР, не знаю. Мне лишь известно из разговоров, что вскоре после прибытия в Советский Союз, он исчез, и о нем никаких известий не было»³⁸. Позже он уточнял: «Какое задание получил Вышковский, я не знаю. Помню, что кто-то мне рассказывал, что Вышковский после перехода границы заболел и лежал где-то в деревне. После выздоровления написал открытку, в которой сообщал, что был болен и сейчас направляется дальше. Больше никаких сведений о нем я не знаю»³⁹. Н.В. Быстров сообщил: «...Был послан в Советский Союз для подпольной работы Вышковский (имя отчество не знаю), журналист, но, как говорили, он <при> переходе границы был арестован советскими властями, и о нем я больше не слышал»⁴⁰; «Вышковский был переброшен в 1928 году и обратно не вернулся»⁴¹.

Лидеры РДС знали об этом провале. Б.А. Евреинов убеждал П.Н. Милюкова, что им «удастся выручить Вышк<овско>го: Я Вам говорил в бытность Вашу в Праге, что “Кр<естьянская> Р<оссия>” отказалась от предложения поляков спасти его ценой заявки его польским агентом; мы это сделали сами, и теперь приобретаем уверенность, что В<ышковский> будет спасен; на днях мы получили письмо из тюрьмы, а “Кр<естьянская> Р<оссия>” послала ему денег и одежду»⁴². С.С. Маслов писал 10 июня 1929 г.: «Сегодня получил письмо через одного товарища от А.К. В<ышковского>. Он сидит в тюрьме в городе, из которого происходит Катерина (жена Маслова. — М. С.). Просит денег и белья. То и другое я посылал ему девять дней назад. Питаем надежды через несколько месяцев увидеть его снова в Праге, а месяц назад эти надежды совсем были потеряны»⁴³. Попытка обменять А.К. Вышковского на советских агентов не удалась. Согласно справке ЦА ФСБ РФ А.К. Вышковский был 25 мая 1929 г. расстрелян в Виннице по приговору окружного трибунала⁴⁴. Ему было всего 35 лет.

Искали и другие пути в СССР. В апреле 1928 г. Б.А. Евреинов по поручению «Опуса» побывал в Эстонии. В материалах польской резидентуры «Балт» в Таллинне сохранились доклады о его визите 26–28 апреля 1928 г. в Таллинн и встречах с П.А. Богдановым. В частности, Б.А. Евреинов указывал, что прибыл для налаживания связей с Россией по поручению «Демократического центра», в который вошли все акти-

вистские группы, за исключением евразийцев и монархистов⁴⁵. Линию через Эстонию РДС и «Опус» пытались использовать для прямой связи с Ленинградом.

Но наиболее интересна информация о переброске в СССР активиста «Крестьянской России» лидера брненской группы «Крестьянской России» Дмитрия Александровича Акимова (1894–1937). Ему в 1927 г. удалось проникнуть в СССР, не попав сразу под наблюдение агентуры ОГПУ, и прожить в Ленинграде целый год — до середины июля 1928 г.

На допросе Н.В. Быстрова в 1945 г. фамилия Акимова всплыла дважды. Сначала им было сообщено следующее: «Акимов <...> студент из Брно (Чехословакия), одна нога деревянная, в 1925–26 гг. пытался перейти границу Советского Союза, но неудачно и вернулся. В Праге он не жил и где сейчас находится, мне неизвестно»⁴⁶. Затем Н.В. Быстров скорректировал показания: «Акимов пытался перейти границу в 1929 году, но не сумел этого сделать и по возвращении в Прагу уехал в Бразилию»⁴⁷. Похоже, что Быстров попытался скрыть от чекистов истину. На самом же деле Д.А. Акимов прошел в СССР удачно. Еще осенью 1926 г. он попросил у ЦБ «Крестьянской России» направить его подпольную работу в Советскую Россию.

Д.А. Акимов происходил из бедной семьи садовника, работавшего на КВЖД и Среднеазиатской железной дороге. Мать давала уроки музыки. В 1913–1916 гг. он, после окончания гимназии в Ашхабаде, учился в Петербурге в Институте инженеров путей сообщения. Служил прапорщиком в армии, в 1919 г. — член Закаспийского правительства (Комитета общественного спасения), затем чуть не попал под расправу белой контрразведки как человек левых взглядов, выехал из Закаспия и воевал в армии Деникина в Дроздовском полку, был ранен в боях под Каховкой, потерял ногу. В эмиграции в Праге Акимов находился с 1921 г. До 1923 г. он учился в Пражском политехникуме, а затем — в Брненском политехникуме — до 1927 г. Возглавлял в 1924–1927 гг. ячейку «Крестьянской России» в Брно. Д.А. Акимов писал: «Выразил свое желание отправиться в СССР с целью с одной стороны ознакомиться с действительным положением вещей, с другой по мере сил и возможностей проводить в жизнь свои идеи, т. е. идеи “Крестьянской России”»⁴⁸.

Причиной поездки, из которой он не планировал возвращаться, Д.А. Акимов называл на допросе в ОГПУ разочарование в политической деятельности эмиграции: «В 1926 году после поездки в Париж на общеэмигрантский съезд, <...> почувствовал, что дальше в эмигрантском соку вариться не могу. Ясно видел, что вся “деятельность” эмиграции бесплодна. Маневры правых и левых, разные попытки объединений и разве-

динений, все это обречено, все мертво. Было ясно, что главная причина известного разложения в части эмиграции и бесплодного топтания другой ее части на месте — это оторванность от России, потеря ощущения действительности процессов, происходивших в ее недрах, потеря подлинного темпа жизни. Перелет Неандера⁴⁹, дикие речи евразийцев о подлинном большевизме (от Азии), который-де надо отличать от гибельного марксизма (от Европы), все это, похожее на сумасшедший бред, многое другое неизбежно приводило меня к необходимости искать выход.

Было два пути, или “разложиться” самому, т. е. в лучшем случае превратиться в обывателя, “денационализироваться”, т. е. забыть Россию, плюнуть на все или “сменить вехи”, т. е. подобно многим перейти на позиции “приявших” Сов<етскую> власть. Первый путь для меня был невозможнее — потеря России была для меня потерей всего. Личной жизни у меня не было и в таких условиях не могло быть, второй путь был также не моим путем. Искреннее “сменить вехи” не мог, так как не верил в правильность пути Сов<етской> власти. “Сменить вехи” так как меняет большинство, т. е. только для того чтобы получить возможность вступить на родную землю и стать обывателем (трусливым и в то же время злобным, внешне покорным и коварным) не мог по складу моего характера. Пришел к пути, известному вам. Нашел, что это единственный возможный выход. Знал, что погибну. Ближайшим друзьям в Брно сказал, что вопрос гибели — вопрос времени: при переходе границы через полгода, через год, но конец один: пуля. Пошел в СССР, чтобы жить подлинной реальной жизнью.

Многое, что увидел, было ново, неожиданно. Но все это было недостаточно, чтобы искренне “сменить вехи” на месте. Работал, как член “Кр<естьянской> России”. Перед отъездом я поставил в известность ЦБ, что оставляю за собой свободу действий: вперед посмотрю, что делается в СССР, потом начну работу»⁵⁰.

13 июля 1927 г. Акимов выехал из Праги, нелегально перешел чехословацко-польскую границу, был встречен сотрудником польской разведки, из Львова отправился к советской границе, ее перешел в ночь на 1 августа 1927 г. Он описал это путешествие, доказывая ГПУ, что не является польским агентом: «Мне будет легче умереть, зная, что во мне Вы уничтожаете врага пусть побежденного, обезоруженного в борьбе, но врага, которого Вы уважаете. Погибать как шпиону мне мучительно тяжело. Быть в ваших глазах предателем той страны, что Вы называете СССР, я называю Россией, но страны одной и той же, и для Вас, и для меня, выше моих сил. Ведь кроме Вас и меня в этом других судей не будет.

В Праге перед отъездом я много думал на эту тему. Говорил в ЦБ, что погибнуть в СССР готов, но что ярлык шпиона для меня невыносим. Неважно то, что им я никогда не был бы, я не хотел бы, чтобы была даже возможность подобного подозрения. В ЦБ мне сообщили, что без помощи поляков переход невозможен, что с поляками установлено левыми эмигрантскими группами соглашение, что лица, едущие в СССР и возвращающиеся обратно, не будут давать сведений характера военного и носящего характера государственной тайны. Меня успокоили тем, что назад возвращаться я не буду, и что не придется давать даже тех сведений об общем положении в СССР, что можно прочесть не только в любой эмигрантской газете, но и в Советской прессе. К моему изумлению в Польше мне удалось избежать “предложения, какие Вам делались, и было отвергнуто Вами”. В Польше меня встретило то лицо, которое меня переправило, и о котором вы меня спрашиваете. По дороге во Львов мы вели общие разговоры, выяснилось, что он монархист, русский, польский подданный, бывший жандарм (во время войны служил в полевой жандармерии). Зная, что я левый, он пустил несколько шпилек в мою сторону. Я ему ответил тем же. “Вы русский, монархист, и в то же время польский подданный, как вы думаете поступить в случае войны Польши и СССР. Ведь поляки будут воевать (не только) против большевиков, но и против России: будете ли Вы помнить, что Вы русский?” “Да, это я буду помнить”, — отделался он. В Львове мне к моему величайшему успокоению не пришлось посетить ни одно официальное учреждение. Мой “проводник” взял мой чешский паспорт и три фотографические карточки, которые, если не изменяет память, мне даже не пришлось подписывать. Через несколько часов он принес мне несколько документов на выбор и червонцы, на которые он любезно разменял мои чешские кроны. Никаких разговоров до самой границы не было (разговоров, носящих характер предложений). На границе я был помещен, по-видимому, в штабе батальона, в комнате, где жил этот “русский поляк”, с польским офицером, как я понял, из разговоров — с начальником контрразведки участка. Два дня меня не выпускали под благовидными предлогами из комнаты до наступления ночи, подходящей для “перехода” (ночь на 1 августа). Куда я иду? Я сказал, что на север в Москву, Ленинград.

Когда я вернусь? Думаю через три, четыре месяца, — солгал я, так как о том, что не собираюсь возвращаться, знало только ЦБ. “Нас интересуется Юг, Украина”, — продолжал он, “если Вы встретите лиц, которые могли бы быть для нас полезны, имейте это в виду”. Это было единственное с позволения сказать “предложение”. Если он, очевидно предупрежденный из Праги, воздержался от прямых предложений мне, то компен-

сировал это не менее лестным заданием найти для поляков шпиона. На это я дипломатично ответил, что думаю, что таких лиц вряд ли встречу.

Характерно, что в момент, когда я двинулся в сопровождении польских солдат к самой границе, “русский поляк” сказал, что если я попадусь погранотряду на границе, то могу во избежание избиений рассказать все, что я знаю о нем, то все, что видел у границы в Польше, “так как мы и так друг о друге на своих участках знаем всю подноготную”. В дополнение тому, что уже сообщил о “русском поляке”, могу сказать, что во Львове он был в штатском платье, на границе в военной форме без погон и герба на фуражке, солдаты его величали: “пан заложни капитан”, т. е. капитан запаса. Фамилию его слышал из уст солдат. Оканчивалась она — “ский” чисто польская. Несомненно, это псевдоним. Говорил он по-польски, как мне показалось, безупречно. (Зная чешский язык, я слегка понимаю польскую речь). Его официальное положение? Ответить точно затрудняюсь. У границы мне казалось, что он помощник поляка контрразведки, нечто вроде “спеца по русским делам”. Из разговоров слышал, что он принимал участие в допросе пойманных при переходе из СССР в Польшу. С другой стороны у меня выходило, что он ведает переправляемыми в СССР. Так он меня встретил в Польше у самой чешской границы, которую я перешел нелегально, так как польской визы не получил. Поминал он и о других поездках. По-видимому, он на этой роли давно. Рассказывал о своем товарище, ездившем несколько раз в СССР и расстрелянном, кажется, в 23 году, в Харькове. Говорил, что и сам ездил в СССР несколько лет тому назад. Не знаю, правда ли это, или просто красное словцо⁵¹.

Д.А. Акимов через Винницу прибыл в Ленинград, где должен был найти сотрудницу Академии наук Н.В. Воленс. В этот момент ее не было в Ленинграде. Акимов вспоминал: «В Праге в ЦБ “Крест<ьянской> России” я получил явку к Воленс Н.В. в Ленинград (Литейный 32, кв. не помню). Когда я приехал в Ленинград, через несколько дней, дней через 7 приблизительно, я отправился по данному мне адресу к Воленс. Мне открыла какая-то женщина, на вид лет 30–35, которая на вопрос: “Можно ли видеть Нину Васильевну”, ответила, что Н.В. Воленс переехала вместе с матерью на Мойку, в дом, номер которого теперь не помню, но он стоит недалеко от немецкой кирки. Этот адрес мне женщина сообщила не сразу. Она с кем-то, по-видимому, переговорила в квартире и после этого дала адрес. На Мойке, куда я отправился немедленно, меня поразило следующее обстоятельство: квартира, которую мне указала женщина, помещается против, а, вернее, на одной лестнице с Эстонским консульством. Квартиру эту занимал какой-то врач, фамилию которого я не запомнил. В этой квартире мне открыла дверь молодая барышня, вслед за

которой вышел, по-видимому, сам доктор. Последний сказал мне, что Нина Васильевна в данное время за границей, и что она живет не в квартире доктора, а на Литейном проспекте (в той квартире, где я был первоначально). Я спросил доктора, когда Нина Васильевна вернется, на что получил ответ: “Точно не знаю, но, думаю не раньше конца сентября или начала октября 1927 г.” Больше доктора и барышню, которая открывала дверь, я не видел»⁵².

В 1927 г. Н.В. Воленс вновь выехала в Европу, где находилась с конца мая и до осени 1927 г. За границу она вывезла письмо группы российских писателей с обличением большевистской цензуры, появившееся в западной печати летом 1927 г.⁵³ Документ под названием «К писателям мира» из Парижа в Прагу она отправила С.С. Маслову заказным письмом⁵⁴. Позже на допросах Воленс заявила, что авторов воззвания она не знает, и так и не выдала, кто в Москве ей передал текст. Авторство текста так достоверно и не установлено.

В датированном мае 1927 г. обращении «К писателям мира» описывался террор власти, направленный против свободной мысли и свободного слова в России. Задается вопрос, почему они молчат, хотя видят что в России «происходит удушение великой литературы», когда «идеализм, огромное течение русской литературы, считается государственным преступлением», «апробации цензора подлежат все произведения», в нескольких еще уцелевших частных издательствах, которым выдаются лишь двухгодичные лицензии и чья программа строго контролируется, «принимается к печати лишь то, что придется по душе коммунистической цензуре». То, что расходится с коммунистическим мировоззрением, «не только не может быть издано, но должно прятаться в тайниках; найденное при обыске, оно грозит арестом, ссылкой и даже расстрелом. Один из лучших государствоведов России — пр<офессор> Лазаревский — был расстрелян единственно за свой проект Российской конституции, найденный у него при обыске»⁵⁵.

Авторами высказывалась просьба к писателям Запада: «Всюду срывайте перед общественным сознанием мира искусную лицемерную маску с того страшного лика, которым является коммунистическая власть в России. Мы сами бессильны сделать это: единственное наше оружие — перо — выбито из наших рук; воздух, которым мы дышим — литература — отнят у нас; мы сами — в тюрьме. <...> Мы лично гибнем. Близкий свет освобождения еще не брезжит перед нами. Многие из нас уже не в состоянии передать пережитый страшный опыт потомкам. Познайте его, изучите, опишите вы, свободные, чтобы глаза поколений, живущих и грядущих, были открыты перед ним. Сделайте это — нам легче будет уми-

рать. Как из тюремного подполья отправляем вам это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни его переправят за границу. Не знаем — достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди вас, закладываем вас, вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь. Норма поведения нашего великого покойника — Л.Н. Толстого, — кинувшего на весь мир — “не могу молчать”, — станет тогда и вашей нормой»⁵⁶.

Документ был разослан по редакциям русских газет Пражской группой «Крестьянской России», переведен и опубликован по всей Западной Европе, вызвал оживленную дискуссию с участием Р. Роллана и М. Горького и ярость представителей советской власти.

По дороге из Италии в Берлине в начале октября 1927 г. Н.В. Воленс встречалась со специально приехавшим туда С.С. Масловым⁵⁷. Он сообщил ей о готовящемся зимой в Праге партсъезде и о том, что в Россию уже отправился на работу член «Крестьянской России». Тогда же Маслов передал Воленс пароль для контакта.

В Ленинграде в ноябре 1927 г. Н.В. Воленс нашел Д.А. Акимов, уже живший там по документам на имя Матвея Климкина. Воленс дала ему возможность подрабатывать в Якутской комиссии Академии наук и познакомила со своими друзьями, в частности с адвокатом А.В. Коротковым. Акимов-Климкин приобрел пишущую машинку и сделал гектограф. Д.А. Акимов считал, что должен строить структуры партии в России с нуля: «К моменту моего отъезда из Праги и получения указания насчет пребывания в Л<енингра>де, выяснилось, что организации “Кр<естьянской> России” нет в Л<енингра>де, ни в других местах Союза. Имеются лишь отдельные лица, бывшие персонально известны ЦБ до 20 года или работавшие прежде в Кр<естьянской> Рос<сии>. Связь с этими лицами утеряна. Получил явку к Воленс не как к члену организации, а как к лицу, известному ЦБ, могущему помочь мне устроиться. Картина о положении в Ленинграде, представлявшаяся мне в Праге, полностью подтвердилась на месте»⁵⁸.

Нина Воленс в ноябре-декабре 1927 г. передала для С.С. Маслова сообщения: о состоянии интеллигенции, «впечатлениях от бесед со спецами», «о результатах обмена мнениями, о программе и тактике “Крестьянской России”»⁵⁹. Д.А. Акимов по результатам контактов с группой Воленс сообщал С.С. Маслову: «Получил литературу, в общем, ее очень мало и для наших целей она недостаточна. Для будущего имейте в виду, 1) что пока мы имеем дело главным образом и почти исключительно с интеллигенцией 2) что у нас дело идет вообще не о создании группы “Крестьянской России”, а о каком-то вообще антибольшевистском объ-

единении от с.-р. до гр<упп> сочувствующих “Б<орьбе> за Р<оссию>”. Необходимо получать по все этим оттенкам. 3) здесь гораздо больше интересуются вопросом “что нам делать сейчас”, чем программой будущего устройства. 4) чувствуется, что нужно больше темперамента чем у вас (это не значит больше ругани). 5) Направляемый отсюда материал публикуйте, пожалуйста, возможно скорее и шире. Желательно шире, чем расходится ВКР (“Вестник Крестьянской России”. — М. С.) и не так редко и так помните больше о нас. Присылайте чаще и больше литературы»⁶⁰.

Провал группы Акимова – Воленс мог быть связан с деятельностью двойного агента польских и советских спецслужб (ОГПУ) в 1925–1930 гг. Н.А. Боярова-Мосевича и советского агента в Праге в 1922–1938 гг. Н.С. Ирманова. Но возможно, что он произошел благодаря агентуре военной разведки СССР внутри 2 отдела Генштаба Польши (польской военной разведки) или эстонской политической полиции.

Н.А. Бояров-Мосевич перешел границу СССР в январе 1928 г. Именно в январе-феврале 1928 года неизвестный, назвавший пароль, доставил в Ленинград несколько изданий «Крестьянской России» («Вестник Крестьянской России», брошюру Милукова) и машинописную копию материалов первого съезда КР-ТКП — программу партии, ее идеологию и тактическую платформу⁶¹. По словам Воленс, он «оставил свой адрес в Киеве»⁶² для запросов о литературе, из чего можно сделать вывод, что это был Н.А. Боярова-Мосевича, имевший в Киеве явочную квартиру ГПУ.

Сам Мосевич в отчете в пражский центр организации «Опус» написал: «Я оставил НВВ (Н.В. Воленс. — М. С.) свои адреса на Москву и Киев. На Киев я получил от нее открытку, в которой она установленным образом спрашивала меня о получении литературы. Литературы у меня не было, я об этом также установлено ответил, и, т. к. все мои тогдашние просьбы за границу о присылке литературы не увенчались успехом, я рекомендовал НВВ <...> самой написать об этом С.С. М<аслову>. Вместе с тем я сообщил, что если я понадобится, то пусть мне напишут, и я приеду в Петроград. Но больше до самого последнего времени никаких вестей от НВВ у меня не было»⁶³. Сама же Н.В. Воленс показывала на следствии: «Я запрашивала Киев о литературе, но получила ответ, что ничего пока нет»⁶⁴.

Второй «курьер» появившийся, по словам Воленс, позже, «в апреле-мае», без литературы и передавший «датированное январем» письмо Маслова, а затем явившийся «месяца через 1 ½ – 2» за ответом, не вызвал у Воленс доверия, и она «письма с ним не отправила»⁶⁵. Можно предположить, что как минимум с февраля 1928 года — после визита первого

provokatora — Н.В. Воленс и ее окружение могли попасть под наблюдение оперативников ОГПУ.

В конце февраля – начале марта Воленс была в Москве, 2 экземпляра документов съезда «Крестьянской России», размноженных Климкиным-Акимовым, передала там лицам, чьи имена назвать следствию отказалась. Предварительно она договорилась о встрече с известным ученым экономистом профессором Н.Д. Кондратьевым. При обыске у Н.В. Воленс было найдено его письмо от 2 февраля 1928 г., в котором он сообщал ей о работах своих коллег Н.П. Макарова и А.А. Челинцева и выражал желание встретиться с Воленс в Москве⁶⁶. На следствии Воленс отрицала, что вела разговоры на политические темы или передавала документы из-за границы «старому приятелю» профессору Н.Д. Кондратьеву. Она признавала, что у него была, сообщала ему лишь свои «академические впечатления о загранице» и беседовала о «положении научных учреждений в Москве»⁶⁷.

Следователи в 1928 г. эту тему отработали лениво. Но в 1930 г. оказалось, что Н.Д. Кондратьев не выглядит случайным собеседником Воленс. На допросах признал, что его коллеги имели контакты с эмигрантами-республиканцами: «Я лично имел командировку за границу в 1924 г. и при этой поездке, находясь в Берлине, видел Пешехонова (в целях приглашения его на службу в НКЗ по поручению Наркома), который рассказал мне о положении эмиграции в Праге, в частности, о работе Института Прокоповича и о взаимоотношениях различных эмигрантских групп. Находясь в Лондоне, я написал письмо Прокоповичу и Кусковой отчасти личного характера, отчасти информационного характера — о положении в СССР. Ответа на письмо я не получил.

Информации Юровского и других упомянутых выше лиц, дававшаяся ими представителям Респ<убликанско>-Демократического Объединения, сводилась к освещению политического положения в СССР, настроений и положения интеллигенции, настроений и положения крестьянства и политических оппозиционных течений среди интеллигенции, в частности в нашей партии. Информация, доставлявшаяся нам этими лицами из-за рубежа, сводилась к характеристике положения эмиграции, идейных течений и группировок. Н.Н. Суханов, долго проживавший в Берлине и Париже с 1923 по 1926 г. включительно, имел там довольно многочисленные встречи, главным образом, с меньшевиками — Даном, Далиным, Абрамовичем, Юговым и др. По его словам меньшевики занимают определено правую позицию и могли бы идти вместе со мной. С тех пор, по моему мнению, Н.Н. Суханов в вопросах политики неуклонно эволюционировал направо и наши позиции практически значительно сблизил-

лись. Особенно пессимистические его взгляды на хозяйственное и политическое положение СССР стали в последнее время»⁶⁸. Встречи и разговоры с эмигрантами, которые во время нэпа особо не скрывались, в период сталинского «Большого скачка» стали криминалом.

Н.Д. Кондратьеву пришлось отмежеваться от каких-либо прямых контактов с С.С. Масловым, но он вынужден был признать встречу с Н.В. Воленс: «Мне была известна экстремистская тактика Сергея Маслова, его положительное отношение к террору и восстанию против советской власти (я же относился к этой экстремистской тактике отрицательно). Поэтому я считал отношения с Масловым бесполезными и опасными. Отсюда, несмотря на то что Пешехонов при свидании моем в Берлине в 1924 г. указал мне что группа Маслова несомненно была бы очень довольной встречей со мной или установлением письменной связи, я уклонился от этого предложения. О Маслове мне рассказывали, кроме Пешехонова, вернувшийся из-за границы Макаров, реэмигрант Туган-Барановский и бывшая у меня в начале 1928 г. сотрудница Академии наук Воленс, с которой я был знаком со студенческих времен. По просьбе Воленс я связал ее с Саломатовым, к которому у нее было конкретное дело, если не ошибаюсь по устройству своей знакомой»⁶⁹.

Показания были даны Кондратьевым 29 июля 1930 г. Несколько позже еще один фигурант дела липовой «ТКП» видный кооператор П. Саломатов дал в августе 1930 г. на допросе у небезызвестного следователя Радзивиловского такие показания: «Мне позвонил домой по телефону Кондратьев Н.Д., который просил меня принять его хорошую знакомую и переговорить с ней. Через несколько дней ко мне явилась неизвестная женщина, сообщившая, что она от Кондратьева с некоторыми вопросами ко мне от Сергея Маслова, находящегося за границей, где она с ним виделась.

Эта женщина, как я впоследствии узнал, была Воленс. Она сообщила мне, что С. Маслов поручил ей передать мне о том, что имевшиеся у нас с ним разногласия по вопросу о земле он снимает и просит сообщить ему через нее — Воленс: ведется ли в СССР какая либо работа по созданию крестьянской партии, принимаю ли я в ней участие, чем может быть в этом направлении полезной заграничная организация Крестьянской партии СССР и буду ли я организационно связан с Масловым. Я ей никакого положительного ответа не дал, от поручения Маслова отказался по тактическим соображениям. В беседе Воленс сообщила мне о том что за границей создан Временный комитет “Трудовой Крестьянской партии” в руководстве которого находились Аргунов и Маслов Сергей.

Она же мне сообщила, что ими издавался журнал “Крестьянская Россия”, который она мне хотела дать для распространения, но я его от нее

не получил, т. к. отказался. Через несколько дней мне позвонил Кондратьев, интересуясь, была ли у меня посланная им ко мне его знакомая.

В общих чертах я передал Кондратьеву результаты моих разговоров с ней⁷⁰. Понятно, что никакого продолжения эти встречи Воленс с профессурой и кооператорами в Москве не имели.

Всю первую половину 1928 г. Д.А. Акимов жил в Ленинграде тем, что давал частные уроки математики. Он пытался создать группу «Крестьянской России». Но на успех особо не рассчитывал, хотя ему удалось наладить связь с Прагой: «По прибытии в СССР я установил связь с ЦБ с помощью шифрованного письма. В первом же письме настойчиво просил присылки литературы. Ожидания литературы были мучительными. Лишь в феврале (приблизительно) была получена недостаточная партия литературы. Причем литературу получил не я. Выразил по этому поводу свое возмущение в одном из писем. Несмотря на настойчивые повторные письма как мои, так и Воленс, более литературы не удалось получить до самого момента ареста. <...> Ожидалась литература к середине июня. <...> На тех лиц, с которыми я соприкоснулся (Воленс, Коротков, Будницкая) я смотрел как на людей, в большей или меньшей степени активных и могущих послужить в той или иной мере как материал для будущей организации «Кр<естьянской> России». Технически в работе я был связан с Воленс. Рассчитывал, что, устроив «литературную почву» ознакомив с ней более или менее широкий круг лиц приблизительно хотя бы идеологически близких, мне удастся выделить организационную группу «Кр<естьянской> России»⁷¹.

Руководство «Крестьянской России» решило отправить Д.А. Акимову письма и литературу по новой линии через Эстонию. Письма пересылались П.А. Богданову в Таллин, затем, видимо, с курьером эстонского консульства в Ленинград. Кажется, шансы на то, что эта переписка сохранится, близки нулю. Позже, перед арестом Акимов уничтожил свои бумаги. Но это тот случай, когда «рукописи не горят». Эстонской разведкой были сделаны фотокопии писем. Они были переданы представителем эстонских спецслужб полковником Лауритцем польской разведке — 2 отделу Генштаба, по всей видимости, в порядке сотрудничества, с просьбой попытаться расшифровать частично закодированные тексты⁷². П.А. Богданов находился в доверительных отношениях с эстонской политической полицией. По мнению поляков, он сам отдал письма на просмотр ее сотрудникам и с них были сняты копии. Вся информация сохранилась в досье, захваченном советскими спецслужбами вместе с архивом польской разведки при оккупации Восточной Польши СССР в 1939 г. и затем хранилась в Особом Архиве (ныне РГВА).

О том, что С.С. Масловым налажена связь с Россией через эстонское консульство в Ленинграде на адрес Герцена 59 кв. 1, польская разведка узнала еще в апреле 1928 г. Донесение из Таллина о «почтовом ящике на квартире Лившица в Ленинграде» датировано 6 апреля⁷³, зарегистрировано в Варшаве 18 апреля 1928 г.⁷⁴ В этом документе указано, что адресат — некий доктор Лившиц, проживающий в доме на ул. Герцена, бывал в 1926 г. за границей и находится под подозрением как агент ОГПУ: живет на широкую ногу, имеет деньги. Более того, он лично знаком с Романом Бирком⁷⁵. Этот сотрудник МИДа Эстонии, посол в Москве был с 1923 г. агентом советских спецслужб и в то время подозревался в связях с советскими спецслужбами.

В документах 2 отдела польского Генштаба от 19 июня 1928 г. говорится, что письма были подготовлены к отправке через эстонского консульство «к некой Валенсо, проживающей в Петрограде у доктора Лившица. Указано, что «Валенсо работает в Якутской комиссии (по изучению края якутов. Точных сведений о ней нет)»⁷⁶.

В первом из имеющихся в досье писем Акимову из Праги от 23 мая 1928 г. речь идет в основном о методах подпольной работы в России. «Дорогой <>⁷⁷. Получили 9 стр<аниц> Вашего письма. Вполне понимаем создавшееся у Вас тягостное настроение и признаем за собой долю вины. Малое количество писем и посылок, отправленных Вам и создавших впечатление отрыва, объясняется не столько личными моментами (недостаток сил, времени, людей), сколько с одной стороны неуверенностью в безопасности прежнего способа сообщения, с другой преувеличенного представления о широте пределов доступного Вам в Вашей работе. Seriously тормозит нашу работу до сих пор недостаток средств.

Сейчас нами уставлено новый путь <>, который обещает наладить систематическую отправку писем и посылок, весом, не превышающим кило, раз в две недели. Вместе с тем намечается возможность <>, куда раз в месяц будет доставляться из-за границы необходимое. <...>

Посылаем вам комплект бюллетеня и (*вычеркнуто* — краткое описание съезда). <...>⁷⁸ Мы предполагали, что Вы можете и собственными силами создавать материал для Вашей “типографии”. Теперь, когда мы узнали, что эту задачу Вы возлагаете на нас, мы попробуем изготовлять проекты и со следующей почтой начнем присылку.

Готовим к отправке человека отсюда. Вы его знаете лично. Вероятно, он посетит Вас. Ваши указания принимаем к сведению, но добыть нужные документы здесь оказывается невозможно. Усиленно просим Вас помочь в этом деле. Просим также подготовить возможность <> нашему

новому посланцу в России и найти для него документы, если выданные отсюда будут не вполне удобны.

Сейчас ЦК разрабатывает проект инструкции для работающих в России. При этом столкнулись две точки зрения: автора, кладущего в основание работы в городах Вашу точку зрения о превалировании работы в организациях коалиционного типа и отодвигающего на второй план работу чисто партийную. Большинство же, признавая, что беспрограммно-коалиционная работа на ближайший момент нужна, легче осуществима и дает больше удовлетворения работающим, считает, что она ни в коем случае не должна подавлять партийной работы на завтра. Считает, что при работе в деревне удобнее пропаганда идеи крестьянской партии, а таковая требует существования в городах руководящих ячеек К<крестьянской> Р<оссии>. Хотелось бы больше “патриотизма” от своих людей, посылаемых туда именно как своих. Для общей работы м.б. можно было бы ограничиться эмиссарами РДС, но мы этим не хотим довольствоваться, и считаем нужным делать и свою работу. Опасаемся, что при пренебрежении к работе на КР сейчас, будет трудно начинать ее в момент, когда в общей сумятице выгодные позиции будут захвачены лучше подготовившими, хотя бы и слабые кадры для второго дня революции. Замечу, что после съезда было 4 заявления о желании ехать на работу в Р. от членов здешней группы, но три заявления по разным причинам приняты не могли быть.

Пока мы будем пользоваться своим способом передачи и только если он исчезнет, прибежем к указанному вами, т. к. Ваш считаем рискованным, несмотря на Ваши заверения в его безопасности. Шифровать будем только имена собственные, адреса, пароли и т. п. То же делайте и Вы. <...> О получении этого письма уведомьте нас <>. То же делайте впредь в таких случаях. Для переписки с Вами теперь выделено специальное лицо, вам хорошо известное, которое будет писать под наблюдением С.С. <Маслова>. Им же пишется это письмо. Надеемся что теперь, когда наладились новые возможности в нашей работе, Вы не будете иметь поводов считать себя оторванным от нас. Мы с полным вниманием относимся к вашим указаниям, и если иной раз может оказаться в отдельных вопросах расхождение, то оно не будет мешать делу в целом. Желаем Вам сил для успеха в дальнейшей работе, а себе желаем добиться поставленных здесь целей для осуществления в полной мере развития Вашей деятельности.

Записки № 3–4 при сем прилагаемые хранить в абсолютной безопасном месте до приезда нашего человека. О месте хранения <>, чтобы в случае Вашего ареста их можно было найти, нашему прибывающему получить⁷⁹.

Каждый раз, когда Вы будете получать письмо, путем, сейчас применяемым, письма и литературу от нас, вы оказываетесь посылать нам информационный материал (письма, статьи, прокламации и т. д.) из России, заготовляемый как Вами самими, так и теми, кого Вы можете привлечь к этому делу.

2) Посылаемая Вам в этом письме печатаная литература должна читаться: 1) Вами, 2) тетей Н. (Н.В. Воленс. — М. С.) 3) тем лицом в городе Вашего жительства, к которому Вам был да адрес, пароль и дело. Посылаемая литература является общим достоянием Вашим и вышеуказанного третьего.

3) Вы до сих пор нам писали мало, но зато в писанном шифровали ненужно много. Зря затрудняли и себя, и нас. Шифруйте, впредь без излишества... Мы не могли Вам писать и посылать Вам больше, потому, что не было необходимых денег и безденежных технических возможностей. Почему мало писали Вы, имея возможность отсюда выслать без риска обычной почтой?

4) Прилагается письмо при сем Вам известного лица, носящего фамилию своей сестры, о которой идет речь в его письме. Автор письма и есть едущий в Россию.

5) Как посылать Вам письма: путем сейчас применяемым прямо на Ваш собственный адрес (какой?) или так, как посылается это письмо, — через тетю Н. (Н.В. Воленс)?

6) Просим Вас написать точный баланс Ваших достижений в России по линии “Кр<стьянской> Р<оссии>” (члены, сочувствующие, связи, возможности). Имейте в виду, у Н.А. Антипова, который писал настоящее письмо, это место нечетко выражено.

Дело создания наших собственных кадров в России мы считаем гораздо более важным, чем задачи непосредственной борьбы с комвластью. Понимаем и принимаем Ваше предложение, что предложение, что выполнение второй может содействовать выполнению первой задачи но просим иметь в виду, что вторая задача при этом не самоцель, а <нрзб.>. При сем Вам посылается: 1) четыре брошюры о “Кр. России” 2) 2 брошюры “Крестьянство и власть”, 3) 2 брошюры “Как живут крестьяне в свободной стране”, 4) 2 брошюры “Как коммунист. власть борется с крестьянством”, 5) 2 брошюры “Что крестьяне получают за свой хлеб?”, 6) 2 брошюры “Правда ли, что коммунисты — враги крестьянства”, 7) брошюра “Как живет рабочий в свободной стране”, 8) 6 номеров “Борьбы за Россию” и 25 экземпляров ее прокламаций, 9) 6 номеров “Иноформац<ионного> Бюллетеня” (это предназначается только для “крестроссов”, можете показать их тете Н.) — это все, начиная с июля 1927 г. по май

включительно 1928 г. Жму Вашу руку и обнимаю Вас. Целую. Помню. В первом своем письме шлю Вам сердечный привет. Ваш С. М<аслов>»⁸⁰.

В пакете были две записки Маслова к его знакомым с просьбой отнестись к подателю их с доверием и весьма патетическое письмо в Россию от члена партии — Бориса (возможно, Седакова?): «Дорогой. По понятным причинам не пишу твоего имени и отчества. Достаточно моего почерка и того, что я тебе напомним, чтоб ты мог убедиться, что пишу именно я. Вспомни тяжкую болезнь сестры — начало н<ашего> знакомства или твое точное шуточное объяснение в любви Варе, на коленях, которое произвело такое потрясающее впечатление на нянюку, или мой внезапный приезд на два дня до твоей свободы, и этого будет достаточно. Пишу это письмо в надежде и уверенности, что ты остался прежним благородным и смелым ненавистником произвола и насилия и не мог и не можешь с ним примириться. Верю, что, как и раньше, когда ты в самые тяжелые времена не боялся, не испугаешься этого письма и теперь.

Лицо, доставившее тебе это письмо, расскажет о том, что мы — партия, и я, к ней принадлежащий, из себя представляем. В трех строках — это радикальная крестьянская партия, поставившая крест на социализме в его теперешнем понимании, признающая классовую дифференциацию и борьбу, но настаивающая на классовой солидарности, принимающая работу интеллигенции не как служение народу, но как совместную работу на Родину, партия пламенно-патриотичная и республиканская, не признающая компромисса с настоящим произволом и целиком его отрицающая, но не застрывшая в прошлом, но понимающая, что многое у настоящего привилось де-факто, и что все здоровое, что выявила и приняла жизнь, и может, и должно остаться. Если твой радикализм не изменился, если ты, оставаясь самим собой, хотя бы не сливаясь, но чувствуя себя союзником, захочешь и сможешь быть полезным, помоги, в чем сможешь, и в чем тебя попросят. Я не сомневаюсь в том, что для тебя понятно все великое значение той борьбы, которую, среди многих других русских сил, приняла на свои слабые плечи наша партия, одушевленная любовью к Родине и ненавистью к ее угнетателям.

Написав это письмо, я принимаю на себя большую ответственность не за тебя, а за тех, кто его передает. Но наша дружба и уверенность в том, что твоя душа не могла измениться, дают мне силу, не колеблясь, сделать это. Я верю, что ты с нами, и если не свой, то близкий и дорогой союзник. Я буду жать с нетерпением ответа о том, как принял ты это письмо и убежден, что не ошибся, написав его. Я верю, что эта письменная, интимная встреча после долгих лет разлуки, даст добрые плоды. Помоги нам и делом, и советом. Ты можешь верить мне, что полная тай-

на для тебя гарантирована, и что все опасности мы понимаем и знаем хорошо. Говорю тебе “до свидания” в полной уверенности, что писал не напрасно. Братски целую тебя.

Твой всегда Борис. I.VI. 28. P.S. Жена и сын шлют привет жене и дочке, о которой мы слышали»⁸¹.

Кажется, что такой яркий текст, давящий на психику адресата, использующий его идеализм, и романтические воспоминания о прошлом, явно не учитывал изменившиеся обстоятельства жизни в Советской России. Мы не очень хорошо понимаем психологию того времени. Но понятно, что он ставил под удар адресата, вне зависимости от намерений отправителя.

Краткое письмо было адресовано и Н.В. Воленс: «23/V 1928 г.

Дорогая тетя Н. Посылаю через Вас все прилагаемое дяде Мите, если он <нрзб.>. Он поделится с Вами. Надеюсь, каждые две недели теперь регулярно писать вам в Россию письма и литературу, и каждые две недели получать материалы о Вас из России. Пишите больше сами, больше заставляйте писать других. Чем больше будет материала от Вас для России, тем богаче будут наши денежные возможности здесь для сношений с Россией и для посылки литературы туда. Времени сейчас нет писать Вам больше — истощился на письмо к дяде Мите, которое является и письмом к Вам. Сердечно жму руку Вашу, Ваш С<ергей> М<аслов>»⁸².

Все эти документы были отправлены польской резидентурой «Балт» в Таллине 19 июня 1928 г. и получены в Варшаве 22 июня⁸³.

Н.В. Воленс не будучи членом «Крестьянской России», «оказывала этой организации содействие», поскольку получала от Маслова больше литературы этой организации. По своим убеждениям она — «сторонница широких демократических организаций, признающих свободу слова, печати и собраний, всеобщее равное и тайное избирательное право»⁸⁴, добиваться которых «хотела бы только путем пропаганды своих взглядов»⁸⁵. Воленс считала: «полагаю, что существующая власть требует реформ»⁸⁶. Свою задачу она видела так: «Я лишь считала желательным дать возможность людям, у которых есть к тому потребность, читать неподцензурную зарубежную прессу и писать в ней. <...> Я пыталась получить зарубежную литературу и писала туда о своих впечатлениях»⁸⁷. Ее в равной степени интересовала литература «Крестьянской России», РДС, «Борьбы за Россию» и Партии социалистов-революционеров. Позиция Воленс подтверждает наблюдение побывавших в СССР эмиссаров о том, что детали и нюансы позиций разных эмигрантских структур республиканцев не были важны для многочисленных демократов — оппозиционеров в СССР.

В марте 1928 г. Н.В. Воленс передала А.В. Короткову документы съезда «Крестьянской России»⁸⁸. Их летом 1928 г. должен был размножить Д.А. Акимов. 6 июня 1928 г.⁸⁹ в помещении Якутской комиссии АН СССР с участием Н.В. Воленс, А.В. Короткова, З.С. Будницкой и Д.А. Акимова прошла встреча, на которой обсуждались программные документы I съезда КР-ТКП. Д.А. Акимов писал: «Собрание в Академии Наук было. Точной даты не помню. Присутствовали кроме меня Н. Воленс, Коротков и З. Будницкая. Тема беседы: обсуждение идеологических, программных и тактических положений Кр<стьянской> Р<оссии>»⁹⁰.

А.В. Коротков (в 1902–1907 гг. — социал-демократ) критиковал программу КР-ТКП: он указывал, что «идеология Кр<стьянской> Р<оссии> построена на принципах буржуазных, а потому свидетельствует о подчинении крестьянской партии буржуазным партиям. По главной части экономической программы — земельному вопросу — я стою на совершенно противоположной точке зрения, выдвигая против права частной собственности на землю — национализацию земли»⁹¹. Другие с ним спорили, выступая за частную собственность на землю под контролем государства.

А.В. Коротков писал: «не встречающими возражения были: а) необходимость создания крестьянской классовой партии; б) широкая демократическая организация власти с гарантиями неприкосновенности и свободы личности; в) необходимость исходить в построении программы в возможно больше степени из существующего и усвоенного положения вещей»⁹². По итогам дискуссии Д.А. Акимовым был составлен и перепечатан в нескольких экземплярах документ с оценкой решений съезда КР-ТКП и предложениями по организации работы в СССР, основанный на этих трех тезисах⁹³. Указывалось, что в программе желательно «не входить в детали, твердо подчеркивая только демократизм и такие на советском опыте познанные крестьянством требования, как равное и тайное избрание органов власти», что огромным завоеванием было бы всеобщее равное и тайное избрание даже существующих советов, и, может быть, из него всего целесообразнее было бы исходить, но если историческим ходом вещей будет выдвинута единоличная власть, напр<имер> выдвинувшегося в военной области лица в порядке парламентаризма ограниченная собранием народных представителей, то и против нея не будет особых оснований возражать»⁹⁴.

Участники собрания высказались против предложенной КР-ТКП государственной поддержки религии и ее преподавания в школе, указывая, что «и наши церковнические группы считают спасением церкви ее освобождение (отделение от государства) и не стремятся к возвращению в

его лоно»⁹⁵. Тактика КР-ТКП была признана «отдающей эмигрантской», нужно не размежеваться: «мы находимся в стадии, когда даже не сознательно, а как-то сами собой объединяются все готовые к борьбе элементы, единственное требование пока — самый общий демократизм и ставка на внутренние силы страны», главное же пожелание группы — «иметь литературу как можно больше и разнообразнее»⁹⁶.

В документе давалась характеристика политической ситуации в СССР, где в 1928 г. снова началась травля интеллигенции: «Настоящий период характеризуется новым натиском власти в смысле духовного порабощения», и этот поход говорит “не о крепости, а о беспокойстве и подозрительности и нервном бросании власти. Ее беспокоит и огромный рост сектанства и религиозных организаций” <...> Ее тревожит дух индивидуализма и идеализма и она с усердием героев детективных романов разыскивает подпольные организации, созданные для чтения Канта, и получающие английское золото на пропаганду идеализма. <...> Мы знаем, что вся эта истерическая нервность должна быть отнесена на счет внешних и внутренних неудач и стремлению свалить их на чью-нибудь подвернувшуюся здоровую голову. Но при той решительности, которой всегда обладала Советская власть и которая кульминирует в правлении Сталина, все эти бросания оказываются чрезвычайно разрушительны. Интеллигенция должна была бы проявить большую выдержку, сплоченность и мужественную стойкость в этот период, и тогда она могла бы отвести эти разрушения, но вы знаете очень хорошо, что в силу многих и многих причин именно этого-то нам и не хватает. Интеллигенты разъединены прослойками насажденного сыска, лишены всех средств массового общения, отрезаны от свободной прессы и общественного мнения других стран. На русской зарубежной печати лежит обязанность внимательно следить хотя бы по тем же советским газетам за новым походом удушения культуры, растолковывать иностранцам смысл происходящего, подхватывать те слабые и придушенные голоса протеста, которые могут исходить от нас»⁹⁷. Эти тезисы, если судить по стилю, принадлежали Н.В. Воленс.

Из Ленинграда в Прагу КР-ТКП сообщали, что финансовый кризис в России привел повсюду к сокращению смет и штатов, а продовольственный — к нормированному потреблению хлеба везде, кроме столиц, круп, масла в продаже нет. Началось ведение карточной системы. Авторы информировали, что имеют проверенные сведения из Харьковской и Томской губерний о «вооруженных столкновениях с крестьянством и крестьянских восстаниях», а по слухам волна восстаний прокатилась «по всей Украине и Сибири»⁹⁸.

Н.В. Воленс пыталась отправить этот документ в Прагу через человека, которого считала сотрудником эстонского консульства. Неизвестно, был ли он дипломатом, к чьим документам был доступ у советской разведки, агентом ОГПУ, или чекисты подвели к Воленс подставное лицо. Равновероятны первые две версии, Третья, мне кажется, отпадает: Надежда Лившиц — сестра Нины Воленс жила в квартире на одной площадке с консульством, и могла легко проверить, кто есть кто.

Как я уже отмечал, переписка с группой Акимова — Воленс попала и к сотрудникам эстонской и польской разведок. Таким образом, утечка информации могла произойти и через советскую агентуру, как в эстонских, так и в польских спецслужбах. По срокам информация могла достичь Москвы как из Таллинна, и из Варшавы. Факт тот, что документ, высланный в Прагу, был скопирован ОГПУ, и как улика последственным предъявлялась именно фотографии, а не оригинал. Так что можно предполагать, что само письмо даже дошло до Праги. По крайней мере, в переписке Маслова имеется указание от 16 июля 1928 г.: «Получили из России отзыв на нашу послесъездовскую брошюру»⁹⁹.

По всей видимости, поначалу переписка через эстонское консульство шла успешно, так как уже 7 июня 1928 года в Праге С.С. Масловым было написано письмо Д.А. Акимову: «Дорогой Ш <> Посылаем Вам второе письмо новым путем, нами установленным. Прежде всего, решительно возражаем против Вашего намерения вернуться сюда. Если Вы получили первое письмо, то уже из него можете видеть, что сейчас уже возможность деятельности увеличилась: есть возможность регулярно перебрасывать, хотя и небольшими партиями, литературу, намечалась возможность создания склада. Намечаются новые связи, наконец, что самое главное, через некоторое время должен прибыть наш человек. Поэтому именно теперь желательно, чтобы Вы были на месте.

Сейчас посылаем очередную порцию литературы. Надеемся снабжать Вас и материалами для печатания. В последние недели все были поглощены работой по выпуску «Вестника», выходящего через неделю, и потому к настоящей okazji заказов не выполнили. Если успеется, к концу написания этого письма, то один проект будет приложен. Готовятся три обращения — к крестьянам, к рабочим и к интеллигенции.

Инструкция заканчивается разработкой и будет Вам поставлена, вероятно, в следующий раз. Пока еще раз заметим, что ЦК продолжает стоять на старой позиции по отношению к работе свих агентов. Считаем, что подготовка основных кадров К<крестьянской> Р<оссии> является перворазрядной задачей. Ни призывать Вас, ни углубляться в академическую работу не собираемся. Думаем, что постановлениями съезда эта

работа в достаточной степени выполнена, нужно лишь ознакомить с ними возможно более широкий круг людей. Привлекать на свою сторону симпатии программой и идеологией, конечно, трудно, но при малочисленности наших посланцев, приходится возлагать на них трудные задачи. Совместная деятельность с близкими, но не принадлежавшими к <рестьянской> <России> людьми, конечно, тоже нужна, но не должна поглощать их всецело, пока для нашей организации не заложен <более> или менее твердый фундамент в виде ряда ячеек.

Получение от Вас информационных сообщений по текущему моменту из живой жизни желательно. Материал могут давать такие события как Шахтинский процесс, выборы в Академию наук и т. д. Если бы удалось эту работу поставить сколько-нибудь широко, но можно было бы наладить постоянное снабжение здешних газет присылаемых, и, может быть, издать специальную брошюру Предполагаем присылать Вам сводки наиболее интересного из эмигрантской литературы. < Сообщите, кто явился из ссылки. Если нельзя фамилию, то намеком. < При сем прилагается одно письмо и три записочки. Все сие Вы должны хранить в особенно-бережном месте до приезда едущего отсюда и для этого едущего. О месте хранения всего посылаемого необходимо знать также и Т.Н., чтобы в случае Вашего исчезновения посылаемое могло быть едущему отсюда вручено. Привет. Обнимаю и целую. Ваш С. М.»¹⁰⁰.

Прилагавшиеся записочки, написанные лично Масловым, показывают, что тот хотел развернуть привлечение в организацию новых людей из числа своих старых знакомых.

«8/VI.1928. Дорогой Сергей Павлович, дерзаю просить Вас: 1/ принять предьявителя сего, 2/ выслушать его с доверием полным, 3/ навести справки, о которых он попросит, 4/ помочь ему связаться с людьми, которых он укажет... Не хочу в записке переименовывать людей Вам близких (Вы сами догадаетесь о ком идет речь) и нам памятных — всех их я и Катерина сердечно приветствуем... Обо мне ни Катерине предьявитель сего может рассказать, если захотите узнать... Не сердитесь на меня за эту записку, за просьбы в записке (я обставляю переправку этой записки в Россию полой безопасностью). Предьявителю — поверьте и помогите. Жму руки и целую Вас. Сергей Маслов.

8/VI 1928 г. Дорогой Яша. Не знаю, удастся ли предьявителю сего вручить тебе (Боже, сколько воды утекло: я сейчас даже забыл на ты я с тобой или на Вы с Вами) эту записку или нет. На всякий случай пишу ее. Прошу тебя с п о л н ы м доверием отнесись к предьявителю сего — к лицу, которого я знаю несколько лет, и видел его в разных положениях. Предьявитель посылается нами отсюда с политическими задачами. О всех

их он тебе расскажет; расскажет также о том, что я тут делаю и что мне удалось сделать во исполнение наших общих замыслов и разговоров в России в первой половине 1921 год. Обнимаю тебя и целую. Твой (или Ваш) Сергей. Сердечно приветствует тебя (Вас?) Катерина. Оба мы шлем привет твоей жене (не хочется называть ее имени)»¹⁰¹.

«8/VI 1928 г. Прага-Чешская. Дорогой Константин Алексеевич.

Едет от нас в Россию верный (совершенно верный) человек. Пользуюсь случаем, чтобы на всякий случай (увы, на всякий случай, ибо полной уверенности в том, что эта записка дойдет до вас, у меня нет) написать несколько строк Вам и через них обнять и поцеловать Вас... Если предьявителю сего придется встретиться с Вами, то отнесите к нему с п о л н ы м доверием. Знаю его несколько лет, видел в разных положениях и ручаюсь как за себя. Привет сердечный от Катерины. Оба мы (я и Катерина) приветствуем Вашу жену сердечно (не хочу называть ее имени). Целую, обнимаю, помню, люблю. Сергей Маслов»¹⁰².

Эти документы показывают, что КР-ТКП в 1928 г. не имела никакой своей сети в Советской России, а ее лидер должен был наобум и с немалым риском для своих агентов и тех, кому были адресованы подобные просьбы, обращаться к своим старым знакомым, связь с которыми была потеряна много лет назад. Видимо, в июле 1928 г. (отчет послан в Варшаву 20 июля) польская резидентура «Балт» получила в Таллинне от полковника Лауритса эту новую порцию фотокопий писем С.С. Маслова из Праги с инструкциями для Акимова и Воленс¹⁰³.

На август 1928 г. группа Д.А. Акимова планировала издание и распространение программы КР-ТКП и листовок, но переход к этой работе был прерван ОГПУ. Уже 13 июля 1928 г. Климкин-Акимов заметил за собой слежку, о чем он и сообщил Н.В. Воленс. Она пыталась передать ему профбилет умершего мужа З.С. Будницкой, вклеила туда чистые страницы из своего профбилета и советовала ему скрыться, но на встречу Акимов уже не явился¹⁰⁴. До ареста он успел уничтожить гектограф и все документы о своей конспиративной работе.

Д.А. Акимов был к вечеру 13 июля 1928 г. задержан в Ленинграде. В этот же день были арестованы А.В. Коротков¹⁰⁵ и его жена Зинаида Сергеевна Короткова. Возможно, кто-то смог дать об арестах телеграмму в Прагу. Ведь Н.В. Воленс и З.С. Будницкая были арестованы 14 июля. С.С. Маслов пишет уже 16 июля: «В России арестован наш самый деятельный работник. С чем и как он сел, не знаем. Письма из России продолжают пока поступать»¹⁰⁶. Но идет ли речь о Н.В. Воленс?

Н.В. Воленс сразу же на первом допросе был предьявлен фотоснимок письма о собрании, и задавались вопросы о том, пересылала ли она

его в сумке дипкурьера¹⁰⁷. Копия документа, в котором было зафиксировано обсуждение программы «Крестьянской России», была важной уликой, так как на письме были подписи Воленс и Короткова¹⁰⁸.

Адвокат по профессии, А.В. Коротков доказывал, что не был членом «Крестьянской России», а лишь хотел узнать ней, поскольку «интересовался положением крестьянского вопроса вообще в СССР»¹⁰⁹ и поэтому иногда от Воленс «получал нелегальную литературу. А.В. Коротков отмечал, что он «арестован за инакомыслие с властью» и требовал освобождения непричастной к делу жены, а 13–18 августа 1928 г. держал голодовку. 20 октября Короткова и его жену отправили из Ленинграда в Москву в распоряжение Секретного отдела ОГПУ¹¹⁰. К 15 ноября следствие по его делу было закончено. З.С. Короткову обвинили лишь в антисоветской агитации и завели на нее отдельное дело. 17 ноября А.В. Коротков был зачислен за Коллегией ОГПУ¹¹¹, а 10 апреля 1929 г. Коллегия ОГПУ приняла решение по ст. 58–10 и 58–11 Короткова «заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ сроком на десять лет»¹¹².

Н.В. Воленс и З.С. Будницкая были 17–18 сентября 1928 г. направлены в Секретный отдел ОГПУ в Москву. Здесь они находились в тюрьме, причем в рапорте зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоде от 18 октября 1928 г. указывалось, что «рассмотрение дела является (согласно указаний тов. Дерибаса) несвоевременным по агентурным сообщениям»¹¹³. Так же как и Коротков, 10 апреля 1929 г. Н.В. Воленс и З.С. Будницкая Коллегией ОГПУ были приговорены к 10 годам заключения. Н.В. Воленс и А.В. Коротков были отправлены в Ярославский политизолятор, где находились в заключении более 8 лет.

Бывший член партии эсеров З.С. Будницкая на следствии показывала лишь о случайном присутствии при разговоре Н.В. Воленс с двумя неизвестными ей лицами «об идеологии и программе “Крестьянской России”»¹¹⁴. Она обещала, что в случае визита к ней эмиссаров из-за границы, об этом «могла бы сообщить ГПУ». Странным образом 23 апреля 1930 г. дело З.С. Будницкой было почему-то вновь рассмотрено Коллегией ОГПУ. Было решено «по болезни срок наказания сократить до пяти лет и заключение в концлагере заменить высылкой через ПП ОГПУ в Севкрай». Из политизолятора ее освободили. Затем из ссылки в Архангельск по заявлению от 5 мая 1931 г. Коллегией ОГПУ ей было разрешено на год выехать для лечения в Тифлис. Новым постановлением Коллегии ОГПУ от 22 декабря 1932 г. З.С. Будницкая от ссылки была «досрочно условно освобождена»¹¹⁵. Дальнейшая ее судьба, столь счастливо избежавшей страшной участи коллег по несчастью, автору неизвестна.

С другими арестованными ОГПУ поступило в духе «железной маски». Они были абсолютно изолированы от внешнего мира в Ярославском политизоляторе. Н.В. Воленс во время фактически одиночного заключения в Ярославле вывозилась в Москву и содержалась в Бутырской тюрьме с 20 июля по 21 октября 1930 г. Возможно, для очных ставок с арестованным профессором Н.В. Кондратьевым. Затем по приказу зампреда ОГПУ Мессинга она была возвращена в Ярославскую тюрьму¹¹⁶. Нина Воленс регулярно заявляла протесты администрации тюрьмы. Требовала соблюдения прав заключенных политизолятора. Вела себя бесстрашно. Сломить ее не удалось. Н.В. Воленс была приговорена тройкой Ярославского НКВД к расстрелу и казнена 4 сентября 1937 г.

А.В. Коротков находился все время в Ярославском политизоляторе, затем — в Ярославской тюрьме, откуда 17 января 1937 г. написал жалобу в НКВД и прокуратуру. В ней он указывал: «Мои встречи и беседы с лицами, связанными с “Крестьянской Россией”, были немногочисленны и случайны. Самые беседы носили общий характер, причем с моей стороны подчеркивалось ни к чему меня не обязывающее отношение к ним. <...> Когда при таких условиях на меня обрушился приговор о десятилетнем заключении, я увидел, что мне остается сидеть и молчать. Я просидел восемь с половиной лет»¹¹⁷. Поскольку «теоретические разговоры», которые он вел, «испарились из его памяти», А.В. Коротков просил освободить от введенного в изоляторе тюремного режима. По данным Прокуратуры СССР, А.В. Коротков был расстрелян по решению тройки УНКВД Вологодской области. Дата в деле не указана. По всей видимости, это также 1937 г.

Суровость мер изоляции, примененных по отношению к Н.В. Воленс и А.В. Короткову, была связана с секретными операциями, проводившимися ОГПУ против политической эмиграции. Главный фигурант дела Д.А. Акимов дал признательные показания о своей личной деятельности. Уже 24 июля 1928 г. Д.А. Акимов, согласился сотрудничать с ОГПУ¹¹⁸. Правда, поначалу он пытался обмануть чекистов и предупредить о провале ЦК «Крестьянской России», но потерпел неудачу в попытке разоблачить «предательство крупного масштаба»¹¹⁹, которое, по его мнению, должно было привести к большому числу напрасных жертв.

Хронологически комбинация ОГПУ выглядела так. Д.А. Акимов был уже в июле 1928 г. отправлен в Москву, где находился под надзором, но на свободе, потом был возвращен в Ленинград, где даже встречался со своей ученицей и подругой с осени 1927 г., преподавателем техникума 28-летней Ниной Петровной Терновской, которая показала: «Он явился ко мне на квартиру в начале сентября и сообщил мне, что он приехал из

Москвы. По его словам, во время допроса он убедился, что вся его работа известна ГПУ. ГПУ располагает также подробными сведениями о ЦБ “Крест<ьянской> России”, знает шифры и т. д. Ввиду такого, он согласился на предложения ГПУ сотрудничать с ним, дал подписку о работе, о перемещении и т.д. После этого Акимов был перевезен в Москву и здесь освобожден. В Москве был выработан план работы, который заключался в том, что Акимов должен был сыграть роль приманки, на которую, должны были быть выловлены из заграницы все активные члены “Крест<ьянской> России”. В Москве Акимов жил в “Метрополе”, куда к нему приходили сотрудники ОГПУ. После этого было отправлено, якобы от имени Акимова, письмо Маслову. В ответ на его письмо Маслову было сообщено об аресте Воленс и остальных, причем оказывалось, что Акимов уцелел и продолжает работу»¹²⁰.

Таким образом, готовилась масштабная операция против КР-ТКП, и Дмитрий Акимов решил ее сорвать. Что и как делать он обсуждал с Н.П. Терновской: «Акимов сообщил, что целью его соглашения с ГПУ было выяснить предателей и сообщить обо всем ЦБ Крест<ьянской> России. В разговоре со мной Акимов выдвинул три варианта 1) умереть, не предупредив никого; 2) предупредить, кого возможно и покончить с собой; 3) сделать то же и бежать за границу. Первый вариант был отброшен, как бесцельный, третий — как неосуществимый, и остался второй вариант. Т.к. в это время меня связывали с Акимовым не только общность политических взглядов, но и личные чувства — предполагалось, что покончу с собой и я, и я должна была оказать Акимову помощь в предупреждении ЦБ. Эти планы были разрушены вторым арестом Акимова и его отправкой в Москву. Затем была арестована и я»¹²¹.

Позже Д.А. Акимов сам показал: «Еще в момент подписания обязательства, данного мной ПП (Полпредством. — М. С.) ОГПУ в Ленинграде 24 июля 1928 года, я поставил себе целью выяснить обстановку провала Кр<естьянской> Тр<удовой> парт<ии> и связанных с нею лиц; выяснить роль в этом деле отдельных лиц предавших, и затем, осмотревшись и найдя удобный способ, поставить от этом в известность ЦБ Кр<естьянской> Тр<удовой> парт<ии> заграницей. Почитал своим долгом, так как мне стало ясно, что предательство крупного масштаба, а посему ряд дальнейших жертв (и к тому же напрасных) со стор<оны> Кр<естьянской> Тр<удовой> парт<ии> будет велик.

В первые же дни после освобождения я уяснил, что Н.П. Терновская ни в коей мере не причастна к провалу и что осведомленность ОГПУ в вещах и разговорах, которые были известны только мне и ей, иного порядка. Я не успел наметить конкретных путей к осуществлению своих

намерений, как был вновь арестован 13/IX 1928 г. Уясняя себе причину ареста, как недоверие к себе со стороны ОГПУ, прилагал все возможные усилия (“психологического характера”), чтобы по мере возможности восстановить его. Мне необходимо было получить свободу для себя и для Н.П. Терновской, так как только при ее участии, возможно было исполнить задачу “технически”. В моменты свиданий с Н.П. Терновской я одновременно осведомил ее в материале, изложенном в письме Маслову, а также и в своих намерениях. Понимал, что мое нахождение в заключении, и одновременное пребывание Н.П. Терновской на свободе “неспроста”, я прилагал все усилия к тому, чтобы удержать ее от практических шагов по осуществлению поставленной задачи до моего освобождения, так как понимал, что при безусловном наличии “ловушки” успех дела более чем сомнителен.

Моя тактика была — выдержка; значительная потеря времени давала больший шанс на успех без нанесения ударов Кр<естьянской> Тр<удовой> Парт<ии> в виду моей роли “корреспондента”. В ноябре 1928 года мне стало очевидно, что освобождение мое более чем сомнительно, что возможен вторичный арест Н.П. Терновской (в связи с предполагаемым мною отказом от работ 1/ХІІ), а посему, когда на свидании 18/ ХІІ¹²² я узнал о возможности послать письмо за границу, я еще раз сжато изложил все, что изложено в письме Маслову. Просил Н.П. Терновскую быть сугубо осторожной. 6/ХІІ, когда мне было предложено переписать от руки шифр<ованное> письмо неизвестного содержания в ЦБ Кр<естьянской> тр<удовой> партии, сделал это не без колебаний. Я не знал, пошло ли письмо Н.П. Терновской, а если пошло, то проскочило ли. Отказ писать письмо 6/ХІІ мог вызвать нежелательные последствия, если письмо Н.П. Терновской благополучно прошло или еще не было отправлено»¹²³.

Н.П. Терновская сообщала: «В разговорах во время свиданий при этом аресте Акимов убеждал меня дать подписку о “нейтралитете”, чтобы добиться, таким образом, освобождения сначала моего, а затем и Акимова, для осуществления ранее намеченных планов о предупреждении ЦБ и самоубийстве»¹²⁴.

Итак, в ноябре 1928 г. Акимов попробовал предупредить товарищей в Праге о провале, продиктовав Терновской письмо С.С. Маслову¹²⁵. Она попыталась отправить письмо: «В ноябре Акимов согласился немедленно использовать представившуюся мне возможность оказания, сообщить Маслову все, что необходимо. Он дал мне все необходимые инструкции для того, как и о чем писать в таком письме. Предъявленное мне письмо написано мною собственноручно и является тем письмом, которое я написала для ЦБ по указаниям Акимова. После свидания с Акимовым в

воскресенье 18.XI я передала это письмо Ивану Андреевичу Садовникову, сотруднику газ<еты> “Экономич<еская> Жизнь”, едущему за границу. Я познакомилась с Садовниковым в мае 1926 г. у двоюродного брата, который тоже работает в “Экономическ<ой> Жизни”. Садовникову о содержании письма я ничего не говорила, сказала ему, что письмо это личного характера»¹²⁶.

Сейчас уже не выяснить, попался ли И.А. Садовников, но, скорее, он просто выдал знакомую: Н.П. Терновскую допрашивали уже через три дня — 21 ноября 1928 г.¹²⁷ Допросы Д.А. Акимова оформили протоколом от 8 декабря 1928 г. Он подвел итог: «В заключение отмечу следующее: Н.П. Терновскую информировал я с возможной полнотой, как по содержанию письма Маслову по существу, так и относительно моей роли и намерений. Против отправки письма не возражал в виду все более запутывающейся обстановки, хотя шанс на успех с моей точки зрения был при создавшемся положении ничтожен. Расходился с Н.П. Терновской только в температуре и тактике»¹²⁸.

Н.П. Терновской пришлось признать сделанное: «Так как изложенное выше ГПУ уже известно, скрывать что-либо я не считаю нужным»¹²⁹. Нина Терновская смогла продемонстрировать свое презрение чекистам. В конце заполненного следователем протокола допроса гордо дописано: «Освобождение из рук ГПУ получать не желаю принципиально, желаю разделить участь Акимова. Н. Терновская»¹³⁰. Дальнейшую судьбу Н.П. Терновской установить пока не удалось.

Самое любопытное, что и после разоблачения этой двойной игры использование Д.А. Акимова как агента ОГПУ не было прервано, что говорит о той важности, которую власти придавали операции против КР-ТКП. В 1929 г. С.С. Маслов сообщал в США: «Получили сегодня письмо из России. Первый наш член, отправленный в Россию из Праги, здравствует. Образовали две не то три группы. Всего у нас в России имеется о р г а н и з о в а н н ы х г р у п п не то 5, не то 6. Маловато, но лиха беда начало»¹³¹.

Органы ОГПУ явно работали по схожим схемам: Д.А. Акимова использовали в Москве качестве приманки, им или от его имени велась переписка, а в окружение лидеров КР-ТКП в Праге вводилась агентура из числа эмигрантов, чтобы затем отправить этих молодых людей в СССР и выявить с их помощью неизвестные ОГПУ структуры партии.

В 1928 г. руководство КР-ТКП активизировало процесс налаживания контактов уже в самостоятельном, независимом от РДО П.Н. Милюкова режиме. Во внутрипартийной прессе даже был объявлен набор добровольцев для проникновения в СССР¹³². Но опирались опять на инициа-

тивного агента ОГПУ Н.А. Боярова-Мосевича. Наиболее длительной была его третья поездка в СССР с января 1928 г. по февраль 1929 г. Отчет о ней, подписанный инициалами Н.М., датируется 18 марта 1929 г. Н.А. Бояров-Мосевич сообщал «Опусу», что находился в Киеве с 1 января до апреля 1928 г., якобы создал там группу сочувствующих, но связь Киева с заграницей не наладилась. Затем перебрался в Москву и узнал, что в Киеве его уже ищет ГПУ. В Москве он, не получив писем и денег из-за границы, якобы устроился на работу в экспедиции Госиздата. Н.А. Бояров-Мосевич как всегда ярко, в репортажном стиле описывал жизнь в СССР: «Нагнал так же известный страх Донбассовский процесс и последующий красный террор. Большинство интеллигенции, начавшей было становиться немного активнее, вновь ушло в келью под скалу, застряло в обывательщине и, хотя таит непомерную злобу против большевиков, но от организованной работы отказывается»¹³³.

Агент «Опуса» и КР-ТКП сообщал, что вел «агитационно-организационную работу среди молодежи»¹³⁴. На самом деле он открыто жил в Москве под фамилией Бояров, много пил и гулял с друзьями. Один из знакомых, уже писавший на него донос Вольдемар Люфт, сообщал в органы: «Встреча была в 1929 году после возвращения из заграницы. У Бобовникова я несколько раз встретил Боярова. Отношения между нами были формальные. Я узнал от Бобовникова, что Бояров и им сказал, что работает по линии ОГПУ. Что имел командировки по разным делам в Киев и даже за границу в Прагу. Навещая Бобовникова, я там несколько раз встречал Боярова. Относился к нему с недоверием и в интимные разговоры не пускался. Для меня было непонятно, почему он еще остался на работе в ОГПУ, если он действительно сотрудник и расшифровался, а если нет, и оказался просто хвастуном, почему его за это не взгрели. Я вторично изложил в письменном виде всей обстоятельства дела и передал письмо с ними на имя ОГПУ через тов. Равича. Так как я после этого встречал его еще, то спросил Равича, передал ли он мое заявление куда следует. Он это подтвердил и сказал, что если против Боярова ничего не предпринимают, значит, есть на это соображения, о которых нам нечего знать. С этим мне пришлось мириться и согласиться. <...> Приходил Бояров. Большею частью Бояров не задерживался долго, и, ссылаясь на перегруженность работой и какие-то срочные свидания делового характера, уходил опять. Что-нибудь знаменательное, что врезалось бы мне в память, во время его приходов не говорилось. Осталось только такое общее впечатление, что им (т.е. Бояровым) всегда делались разного рода едкие замечания о наших вождях, называя, например, тов. Сталина “хозяйником”, тов. Калинина “Мишей” и т. д. <...> Бобовников часто и много

говорил со мной о вождях ВКП(б) и как-то сказал, что т. Сталин прибрал к рукам тов. Калинина, Ворошилова, чтоб иметь большинство в Политбюро. <...> Боярова я считаю провокатором или шпионом. Человек двуличный, весьма скрытный и очень хитрый»¹³⁵.

И в этот раз Н.А. Боярову-Мосевичу удалось избежать больших неприятностей, и он вернулся в качестве агента ОГПУ в Польшу, изображая из себя там руководителя антисоветского подполья в Москве. В Варшаве и Праге он докладывал, что им якобы была сделана попытка и наладить контакты с «левой оппозицией»: «Появились у меня и непосредственные некоторые связи с оппозиционными кругами троцкистов<...>. БНВ (Бобовников Н.В. — М. С.) <...> так же студент. Разумеется, для нашего дела они ни в коем случае не подойдут, но пути наши могут сойтись по линии идейной изоляции сталинской деспотии. Так я думаю, и в оценке оппозиции никак не могу сойтись с “Вестником Крестьянской России”, провозглашавшем о ней, что “хрен редьки не слаще”¹³⁶. Эмиссар рассказывал, что ему будто бы удалось связаться с и группой “правой оппозиции”»¹³⁷.

Якобы к концу 1928 года Н.А. Бояров-Мосевич даже якобы нашел единомышленников и с ними обсуждал возможность покушения на Сталина: «Секретариат ЦК ВКП помещается на 4-ом этаже дома ЦК на Старой площади. В это здание пускают только по особым пропускам или по партбилетам, которые достать не трудно. В коридор 4-ого этажа требуется дополнительный пропуск управления делами. Сталин бывает в секретариате 1–2 раза в неделю, остальное время он работает в Кремле. Раз в неделю Сталин принимает особо-важных посетителей, которые предварительно записываются на очередь в секретариате и которые по положению могут быть им приняты. Время приема вывешено в помещении бюро пропусков, куда ход свободный. Накануне приема Сталину докладывают список записавшихся, и он прибывает в секретариат всего за несколько минут до приема. Таким образом, время прибытия Сталина не трудно проследить. Едет он по Никольской улице, садясь в автомобиль рядом с шофером. Разумеется, места, где проезжает Сталин, кишат тайными агентами охраны. Поэтому совершать нападение на автомобиль совершенно нецелесообразно. Лучше проникнуть в здание ЦК и в известное время ожидать на 5–6 этаже у колодца подъемной машины. Тут же есть большое окно на улицу, у которого видно все движение внизу. С улицы в окно можно видеть сигнал о подъезде Сталина. Сигнал должен быть подан специально поставленным человеком. При этом все здесь должно быть делом минут, чтобы длительная или неоднократная задержка не обратила на себя внимание. Как только Сталин приедет в ЦК и войдет в подъем-

ную машину, машина начнет подниматься, навстречу ей следует бросить бомбу с сильным взрывчатым веществом и с дымовой завесой. Взрыв должен быть настолько сильным, чтобы одновременно побить конвой, стоящий у входа. Пользуясь дымовой завесой, покушавшийся может спокойно уйти. Его должен дожидаться автомобиль, специально приготовленный к этому времени за Китайской стеной»¹³⁸.

Свой фантастический план Н.А. Бояров-Мосевич будто бы изложил главе московской организации КР-ТКП, но тот якобы отказал в помощи, в связи с этим агент запрашивал эмигрантов: «Наш план пока повис в воздухе, но надежд на его осуществление, сообразно с наличием некоторых возможностей, я бы не терял в будущем. <...> По вопросу покушения на Сталина имеются два мнения: ИВН (Иванова В.Н. — М. С.), — отрицательное и мое одобряющее. Необходимо а) мнение заграницы, как окончательное и б) помощь как решающая»¹³⁹.

К 25 января 1929 г. Николай Бояров-Мосевич получил из-за границы литературу, два письма и 50 рублей денег. Затем снова литературу и 170 рублей. Затем, он сообщает, что обнаружил, что Н.В. Воленс арестована и «она, как будто, обвиняется “в содействии бандитизму в Якутии”»¹⁴⁰. Будто бы чудом избежав ареста в Ленинграде, эмиссар выехал в Москву, а затем вернулся в Польшу.

Из дел реальных и подтверждаемых документами ОГПУ «трудов» Н.А. Бояров-Мосевич очевиден лишь очередной провокаторский визит к А.П. Корхову: «перед отъездом из Москвы я заходил вновь к А.П. Корхову», пошел получить от него соответствующую информацию. Принял он меня любезно, и хотя говорил еще прежде “заходите”, но теперь от всякой информации отказался. Он объяснил мне, что “в кругах весьма нежелательных” появились какие-то порочащие сведения о нем и о ШГВ (Шевелеве Георгии Васильевиче. — М. С.), у которого был ИНС (агент ГПУ Ирманов Николай Сергеевич. — М. С.). Дело дошло до того, что АПК (Корхова — М. С.) “вышибли” из Сахартреста, где он занимал крупную должность. «Впрочем я, — корил АПК, — сам там резко вопрос поставил... АПК видел письма от БАЕ (Б.А. Евреинова — М. С.), которые кто-то получал из его кругов. Эти письма ему показались “очень откровенными”, почему “возможно” источник репрессий отсюда, в соответствии с речью и положением БАЕ. Но, возможно, такие же меры против КАП (Корхова — М. С.), выразившиеся в его увольнении, результат уже начавшейся в Москве “чистки” “госаппарата”. АПК передавал привет БАЕ и говорил, что их личные отношения остаются прежними»¹⁴¹.

План покушения на И.В. Сталина поддержки заграницей не нашел, более того, Н.А. Бояров-Мосевич попал под подозрение, так как прошел

через «окно» на границе, по данным польских спецслужб, проваленное¹⁴². Похоже, что эмиссар к тому же вел себя с польскими разведчиками вызывающе и спровоцировал конфликт. 18 апреля 1929 г. Рукком «Опуса» решил: «В связи с полученными известиями об осложнениях в отношениях с польскими “друзьями”, одобряется сделанная уже посылка БАЕ (Б.А. Евреиновым — М. С.) письма, но на будущее время признается предпочтительным способ личных устных сношений. № 1-му (Боярову-Мосевичу — М. С.) надлежит написать в мягкой, но определенной форме потребовав от него более внимательного отношения к указаниям ААВ (А.А. Вакара — М. С.) и ВВБ (В.В. Бранда — М. С.) относительно его поведения в адрес “друзей” и просить учесть возникшие по его вине затруднения»¹⁴³.

Н.А. Бояров-Мосевич был отправлен из Польши в Прагу и отчитывался на заседаниях руководящего комитета «Опус» 22 и 26 апреля 1929 г. Ему выразили благодарность за «самоотверженную и энергичную работу в России»¹⁴⁴. При обсуждении агент высказывал претензии: «1) Оставили его без связи с нами, организовав слишком поздно 2) Открыли северную линию полякам 3) Не поставили его в твердое положение по отношению к полякам»¹⁴⁵.

Деятельность № 1 вызывала у подозрения у некоторых членов «Опуса». Так, представитель группы «Борьба за Россию» в Праге Вениамин Сергеевич Озерецковский уже 1 мая сообщал в Париж: «Здесь у нас маленький съезд: приехал человек, кот<орого> давно поджидали, а по связи с этим выписали одного из наших, работающих в П<ольше>. Дело в том, что не только сам приехавший из Р<оссии>, сколько его окружение настолько подозрительно, что я категорически отказался от всякой связи с этими группами, и что если работа с ними все-таки будет, то я принужден уйти, чтобы не участвовать в позорном конце. У поляков определенное убеждение, что и сам приехавший не чист, но я-то думаю, что лишь окружение, благодаря его тактике (думаю, с благословения Б.А. Е<вреина>) проникновения в компарт<ию>. Причем и сами пол<яки> за последнее время так себя ведут, что становится все противней и противней»¹⁴⁶. В своих показаниях 1931 г. другой эмиссар «Борьбы за Россию» А.А. Потехин также подтверждал, что Мосевич был под подозрением: «Примерно в это время (апрель 1929 г. — М. С.) из СССР приехал Мосевич, и из Варшавы — Бранд. На их докладах я не присутствовал. Озерецковский мне сказал, что он подозревает Мосевича в том, что он — агент ОГПУ, Бранд заявил, что ему об этом говорили поляки. Евреинов и Маслов горячо его защищали, утверждая, что это провокация поляков. Я виделся с Мосевичем на квартире Евреинова и говорил с ним сдержанно,

но понял, что Евреинов ему многое о моей поездке рассказал. Вскоре Мосевич уехал в Польшу, и Евреинов узнал, что Мосевич тайком вступил в члены «Крестьянской России»¹⁴⁷.

14 мая 1929 г. В.С. Озерецковский вновь написал в Париж лидеру группы С.П. Мельгунову: «Теперь о молодом человеке <агент Милюкова — *вписал С.П. Мельгунов*>. Как уже писал, против его самого у меня мало подозрений. К тому же личное впечатление неплохое. В отношении его есть лишь вот что: проходил несколько раз через пункт <нрзб. — полякам?> казался провокаторским. Потом, будучи <нрзб. — в Киеве разыскивался>. Потом, приехал в Москву жил без всяких беспокойств. Сотрудничал в “Правде” под именем Мосевича, служил в Госиздате, хотя на мои вопросы не мог точно сказать, ни кто завед<ующий>, ни где точно помещается. Самое главное, что его окружение — комсомол и большевики — две группы — все это по принципу внедрения в партию. При его молодости, отсутствии контроля, даже при наличии его порядочности, в таком положении трудно определить границы. Оставшиеся требуют доказательств и предлагают приезд сюда заместителя. Поляки убеждены в самом худшем. Но им верить вообще трудно, и мои заключения самостоятельные; очень характерен и тот письменный материал, что привез с собой. Информация П.Н. М<илюкова> шла именно оттуда (во всяком случае из Москвы. Если даже все благополучно, во что я не верю, то все-таки это авантюра, которая интересует лишь Б.А. <Евреинова> который действует несамокритично. Тоже выясняется и с предшественником этого мол<одого> чел<овека> (Н.С. Ирманов — М. С.), но там уже его собственная фигура под подозр<ением> — выяснением чего сейчас заняты. Вот их конспирация!!»¹⁴⁸.

Агент ИНО ОГПУ в Праге Н.С. Ирманов в самом деле был под подозрением в связях с советской разведкой. В его отчете 1938 г. руководству НКВД о проделанной работе, об этом упоминается: «С 1929 года начинается упадок “Опуса” и недоверие ко мне со стороны польского генштаба и русских его агентов в лице Философова, с которым мне удалось перед тем поссорить Милюкова и Маслова еще в 1925 г., затем Бранда и Вакара. Тут еще была арестована моя первая жена в Гельсинфорсе. Начинаются доносы на меня со стороны Харжевского¹⁴⁹, заведовавшему русским отделом справедливой¹⁵⁰ отделением Якубцу, агентами которого состояли Харжевский и Лупенко. Даже я был арестован, а у меня был проведен обыск. Против действий Якубца и против него самого я повел борьбу, действуя через двух друзей моей второй жены: ген. Халупу быв<шего> начальника разведывательного отделения военного министерства и тогдашнего секретаря нар<одно>-соц<иалистической> партии, близ-

кого к теперешнему президенту Бенешу, Яна Шебу, нынешнего чехословацкого посланника в Китае. В значительно степени моей защитой было устранение Якубца, которого перевели в распоряжение канцелярии президента, т. е. другими словами устранили от дел»¹⁵¹. Н.С. Ирманову с помощью влиятельных друзей удалось нейтрализовать поступавший и на него в Прагу компромат от польской разведки. Но с тех пор ему пришлось переключиться на шпионаж в основном в РОВСе, и то не напрямую, а через своих агентов.

Н.А. Боярову-Мосевичу лишь официально от имени «Опуса» было указано на недостаточную конспирацию при его работе: «Уведомить Н.А. <Мосевича>, что в докладе своим друзьям в М<оскве> он должен соблюдать все правила конспирации по части виденного и слышанного в ходе поездки. Это является категорическим требованием со стороны Руккома к нему»¹⁵². К тому же после предупреждений поляков Н.А. Бояров-Мосевич все же остался частично под подозрением. В частности в решении Руккома говорится: «В отношении Н.А. (Мосевича. — М. С.) Рукком не находит основательными подозрения, высказанные в его адрес “союзниками” и сохраняет к нему доверие, но, поскольку такие подозрения возникали, признает необходимой дальнейшую проверку всех связанных с ним лично и его группами обстоятельств. Такая проверка должна быть поставлена первоочередным заданием и произведена всеми доступными средствами в ближайшее же время. До того времени воздержаться от установления личных связей с ними наших работников там, но организовать их питание литературой через сев<ерный> путь. Пользование северным путем возможно, но лицам, им пользующимся, должно сообщать о возникших сомнениях, предоставляя им окончательный выбор между этим путем и другими. Группу Н.А. до проверки не ставить в связь с группами в других местах, не давать личных связей с ней, но поддерживать связь через Сев<ерный> путь в смысле инструктирования и снабжения литературой, для чего необходимо с ближайшей оказией послать специальное директивное письмо»¹⁵³.

Конфликт позволил Н.А. Боярову-Мосевичу вбить клин между Руккомом и польскими разведчиками. В решении Руккома говорится: «Из претензий Н.А. <Боярова-Мосевича> к организации делаются следующие выводы:

I а) Необходимо приложить все усилия к открытию независимых от “союзников” собственных путей.

б) Охранять их наличие от “союзников” до пределов возможного.

II) Не предъявлять “союзникам” документов, которыми можно установить передвижение и пребывание в России наших людей, в передаваемом

мых им документах (в случае необходимости) уничтожать все индивидуальные данные, относящиеся к данному лицу.

III. Не допускать расспросов со стороны “союзников” наших людей в отношении наших организационных связей.

IV. В отношении наших людей, заподозреваемых “союзниками”, давать твердый отпор, требуя положительных и веских доказательств, указывая, что подбор наших людей идет по линии доверия к ним, а потому нам нужны доказательства их неблагополучия, а не доказательства их верности.

V. Требовать от “союзников” предоставления нашим людям наиболее верных путей перехода, ссылаясь при этом на особую ценность их и недопустимость употребления их для проверки “сомнительных путей”.

VI. До предела сохранять в тайне от “союзников” приход наших людей оттуда, им неизвестных»¹⁵⁴.

Таким образом, не имея собственных возможностей для проверки своих агентов, «Опус» лишил себя контрразведывательной поддержки от 2 отдела польского Генштаба, что вело к дальнейшей инфильтрации его советской агентурой.

П.Н. Милюков в этой практической работе лично не участвовал, но в 1928–1929 гг. не отказывался от финансирования совместных с «Крестьянской Россией» операций через «Опус» или даже разрешал Б.А. Евреинову действовать самостоятельно. П.Н. Милюков в переписке отметил в сентябре 1928 г.: «Письменные доклады эмиссара №–1 и №–2 мне известны. В том и другом много интересного; кое-что я использую для газеты. Посылку их вновь и поддержание с ними связи я нахожу вполне целесообразной. <...>Теперь посылаю В. (Вельмину. — М. С.), кроме следующей порции, также и требуемые 5000 крон. Другие 5000 крон прибавляю к очередной (августовской) посылке Аргунову»¹⁵⁵.

На совещании «Опуса» 21 ноября 1928 г. было принято решение о том, что «по Польскому направлению сохраняется совместное ведение в прежних размерах с расходами в 18.3 т<ысячи> ф<ранков> в мес<яц>. <...> Материал получаемый из России делится на общий и партийный. <...> П.Н. Милюков признает общую линию соглашения правильной»¹⁵⁶. Соглашение было установлено предварительно на 6 месяцев. Уполномоченными стали С.С. Маслов и Б.А. Евреинов¹⁵⁷.

В апреле 1929 г. П.Н. Милюков принял решение отправить из Парижа через Прагу для перехода в СССР члена Парижского РДО Николая Васильевича Борисова. Эту персону Милюков лично выбрал среди своих молодых поклонников. Секретарь П.Н. Милюкова Г.М. Арнольди молодому человеку дал прекрасные рекомендации: «Он относительно менее

оторванный от совр<еменной> России, чем другие из нас. 4–5 лет тому назад в качестве исключенного из Вуза сов<етского> студента он бежал из Сов<етской> России, на свой страх, перейдя границу. <...> Его антибольшевизм советского происхождения, а не традиционно унаследованный от белой борьбы. <...> Эрдек он твердый, но не без левого оттенка, впрочем, в естественно-законных пределах. (“Милуковец”). Специальными качествами его — находчивостью, мужественностью, выносливостью — надеюсь, будете удовлетворены вполне»¹⁵⁸.

Руководство «Опуса» 18 апреля 1929 г. эту операцию санкционировало¹⁵⁹. А.А. Потехин вспоминал: «На первом собрании “Опуса”, на котором я присутствовал, В.В. Бранд читал доклад о положении в Польше. Он предложил закрыть все пункты, кроме линий Мосевича и Маркова, так как средств не хватает. Затем обсуждался вопрос о посылке в СССР от РДО Борисова, от “Крестьянской России” Ильина. Было решено, что эту поездку в части переговоров с поляками подготовит Бранд, а я (получив визу при посредстве Философова), прослежу за их экипировкой и дам технические указания»¹⁶⁰. Но через Польшу Н.В. Борисова отправить не удалось. В конце мая 1929 г. польские спецслужбы, как писал Евреинов, «потребовали полного прекращения нашей работы, проводившейся до сего времени на их территории, причем была высказана угроза, в случаеслушания, выселить из пределов Польши в с е х причастных к этой работе. <...> Ничего не предвещало такого оборота: наши эмиссары — Н.В. Б<орисов> и крестьяноросс А.Р. Ильин (казак) были встречены приветливо, <...> наши эмиссары совершенно уже были готовы ехать: одежда была приобретена, червонцы добыты, явки получены, а в 7 ч. веч<ера> документы были потребованы обратно, произошел грубый разрыв отношений, и поляки потребовали, чтобы наши эмиссары немедленно покинули Польшу»¹⁶¹. С.С. Маслов писал: «Круто и грубо разорвали давние деловые отношения с нами (с “Опусом”) поляки, и сейчас в Польше делать почти ничего нельзя, так как “братья славяне” грозят великими неприятностями в адрес наших товарищей в Польше — вплоть до арестов и высылки за пределы Польши. Разрыв поставил нас (“Опус”) в тяжелое положение»¹⁶².

А.А. Потехин был свидетелем конфликта: «В мае 1929 года я поехал в Варшаву, остановился у А.А. Вакара, у которого я узнал, что делами “Опуса” он не особенно интересуется. Тогда же я познакомился с Д.В. Философовым. Затем я поехал во Львов, где встретился с Брандом, Ильиным и Борисовым. Здесь произошел скандал с майором Шелиговским, аннулировавшим свои обязательства и отказавшим в их переброске на почве их отказа от дачи шпионских сведений»¹⁶³.

П.Н. Милюков считал, что разрыв «вызван опасением компрометации перед советами — и в таком случае каким-нибудь фактом, обнаружившим недостаточную конспиративность и солидность всего дела»¹⁶⁴. Но поляки после подозрений в отношении Н.А. Боярова-Мосевича могли заподозрить, что к ним по линии «Опуса» внедряется советская агентура. Тут они были бы недалеко от истины. Новый курьер — член группы «Крестьянской России», студент кооперативного института в Праге Андрей Романович Ильин и в самом деле был завербован ИНО ОГПУ еще в августе 1926 г. Во второй половине 1927 г. резидент ОГПУ П.М. Журавлев дал А.Р. Ильину задание по «глубинному внедрению и вхождению в руководящие органы ТКП и полнейшему освещению ее деятельности, особенно на территории СССР»¹⁶⁵. ОГПУ решило «вскрыть резидентуру Маслова на советской территории»¹⁶⁶.

В справочнике о русской эмиграции, созданном для сотрудников II (разведывательного) Генштаба Польши об этом периоде сказано скупое: «В 1929 году почти вся находящаяся на территории СССР и действующая подпольно партия “Крестьянская Россия” была ликвидирована. После ликвидации вновь началось создание баз, и эта работа как будто прошла успешно. Как видно из прессы, “Крестьянская партия” имеет также свою базу на Дальнем Востоке и придает этой базе огромное значение»¹⁶⁷. Это подтверждает письмо С.С. Маслова: «Отправили не то три, не то 5 человек в Россию. С Запада в Россию попал только один. Остальные с Д<альнего> Востока»¹⁶⁸.

В связи с происшедшим в Польше скандалом Б.А. Евреинов предлагал П.Н. Милюкову организовать дело так, чтобы «необходимость обращаться за помощью к “друзьям” была сведена к минимуму». Обсуждался вариант работы с некой «дунайской» фирмой, по всей видимости, использования болгарских связей П.Н. Милюкова. В следующем письме от 18 мая 1929 г. Б.А. Евреинов предлагал добиваться большей «эмансипации» от польских «друзей», сношениями с которыми ведал В.В. Бранд, и даже создать собственную лабораторию по фабрикации «нужных для путешествий “туда” документов, обзавестись для поездок по Европе “нейтральными”, не требующими виз «например болгарскими» паспортами, чтобы устранило визовые хлопоты. Он просил П.Н. Милюкова «начать переговоры с болгарскими», замечая: «Очень уж тяжело быть все время в польских тисках». Сам он сообщал, что «самостоятельно возбудил ходатайство перед Бенешем о возможности получения паспортов чешских подданных; Бенеш дал согласие на это, но дело должно быть окончательно оформлено министерством внут<ренних> дел. Я.Ф. Папоушек обещал <...> провести это дело к концу июня»¹⁶⁹.

На это П.Н. Милюков ответил 10 июня 1929 г.: «Этот крах, во-первых, дает нам возможность отделаться от наших союзников, и, во-вторых, перестроить аппарат. Старую же территорию надо совершенно бросить, ибо работа без хозяев при сложившемся положении кажется мне чересчур рискованной. Что касается паспортов, я могу переговорить, но не теперь, а во время моей поездки на Балканы, то есть не раньше октября. Относительно фабрикации — дело очень рискованное, так что у меня тут своего мнения нет. <...> Устремив все внимание на север, придется быть осторожными в других расходах»¹⁷⁰.

Б.А. Евреинов летом 1929 г. неожиданно для всех коллег вышел из состава «Опуса»¹⁷¹. 30-го июня 1929 г. он подал заявление в Рукком: «Настоящим заявляю о своем выходе из состава Руккома и из организации “О<пус>”. Мои действия, сегодня рассматривавшиеся, я готов квалифицировать как грубую ошибку. Но поскольку действия эти определяются моими товарищами по работе как сознательно недобросовестные, я считаю себя не вправе, своим участием в этой работе вносить в нее начало морально разлагающее, а потому предпочитаю уйти. Дела, находящиеся в производстве и требующие моего участия или решения, я, разумеется, доведу до конца, если это будет Руккомом признано желательным. Борис Евреинов»¹⁷². Так Б.А. Евреинов, которого ЦК КР-ТКП заподозрил в халатности, на самом деле выполнил указание Милюкова, и вышел из состава «Опуса»¹⁷³, чтобы «отделаться» от переживавшей финансовый кризис «Крестьянской России».

Крах «польской линии» вызвал весьма язвительный комментарий члена «Опуса» В.С. Озерецковского, сообщившего лидеру «Борьбы за Россию» С.П. Мельгунову: «Вотчина Б.А.<Евреинова> провалилась с таким треском и скандалом, что может считаться потерянной почти окончательно. “Друзья” (поляки. — М. С.) вдруг сразу прекратили всякую поддержку и сношения, не говоря причины; двое, которые направлялись дальше, должны были вернуться, остальные живут под угрозой выселения. Здесь не только хамство с одной стороны, и непростительная халатность и отсутствие такта у наших сотрудников, но, по-моему, более глубокие причины, которые я настаиваю выяснить как можно скорее. Я чувствую здесь руку наших общих врагов и давление с их стороны. Отсутствие конспирации, болтливость и цацканье с тем, о котором Вы запрашивали, — играли роль, несомненно. Параллельно с этим раскрылись совсем уже непристойно-моральные действия некоторых из близких лиц там. Одним словом, отвратительно»¹⁷⁴.

9 июня 1929 г. Николай Борисов получил из Парижа от сотрудника РДО Г.М. Арнольди 3000 франков и был срочно отправлен из Праги сна-

чала в Латвию в Ригу, а затем в Эстонию, где и оставался все лето, попусту ожидая проводника. Жил он у П.А. Богданова, ждал помощи от него и от печорского активиста «Крестьянской России» Б.А. Семенова. Но тот был занят переправкой агента КР-ТКП Андрея Ильина¹⁷⁵. Пребывание в Эстонии было недешево: только последние 20 дней визита обошлись кассе П.Н. Милюкова в 2003 франка¹⁷⁶.

В августе 1929 г. произошел скандал, закрывший для Борисова всякую возможность остаться в Таллине, где он жил на квартире П.А. Богданова. Студент скандально увел у немолодого П.А. Богданова молодую жену — Иду Васильевну Богданову (урожденную Ведов)¹⁷⁷. После 19 августа 1929 г. П.А. Богданов отказал гостю в помощи и предлагал Парижу отозвать Борисова. Помощник Милюкова Г.М. Арнольди посчитал это предложение «необоснованным, хотя и понятным», продиктованным «семейной драмой», предлагал ждать и не делать перехода «на ура»¹⁷⁸.

Сам Н.В. Борисов в последние дни августа 1929 г. искал способ перейти границу, но 28 августа Б.К. Семенов посоветовал ему подождать проводника, и Борисов отложил самостоятельную попытку¹⁷⁹, а затем он был выслан властями Эстонии из страны¹⁸⁰.

Н.В. Борисов с чужой женой приехал в Париж, где был прощен П.Н. Милюковым¹⁸¹, который заметил: «Личную роль Б<орисова> я еще не склонен считать оконченной: тут надо различать сторону личную от общественной»¹⁸². Из Праги Б.А. Евреинов бурно требовал отлучить Н.В. Борисова от политики, писал, что «было бы ошибкой разрешить Б<орисову> продолжать начатое им предприятие», так как тот находился в ответственной служебной командировке, когда от каждого его шага, слова и действия «зависят как интересы общего дела, так и чужие жизни». А Борисов позволил себе «увлекаться женщиной и крутить романы», обнаружив «легкомыслие и несознательность». Б.А. Евреинов утверждал: «До сих пор у всех идущих “туда” я встречал стремление отрешиться от мира, от всего личного, все силы духа сосредоточить на том высоком подвиге, который они готовились совершить. У Б<орисова> очевидно отсутствует чувство ответственности и сознание серьезности возложенной на него задачи. Такие люди — не годятся». Борисов хорошо усвоил новую мораль, «отнял жену у собственно товарища по работе», «на увоз чужой жены он израсходовал деньги, данные ему для целей совершенно иных», да к тому же теперь «совершенно расконспирирован»¹⁸³.

П.Н. Милюков вынужден был признать правоту подчиненного и даже оправдывался: «Если я еще не решил поставить креста на миссии Б<орисова>, то лишь потому, что она могла развернуться автоматически уже без всякого нашего контроля. Но обстоятельства, к счастью, сложились

иначе: Б<орисов> приехал в П<ариж>, поставленный в невозможность дальнейшего ожидания (отчасти вследствие категорического запрета “Кр<естьянской> Р<оссии>” — С<емено>ву), и, конечно, уже назад не поедет»¹⁸⁴.

Позже всю эту историю бывший «оруженосец» П.Н. Милюкова Д.И. Мейснер изложил в своих просоветских мемуарах 60-х гг. как анекдот: «Из Парижа через Прагу организацией Милюкова был послан в советскую страну молодой человек, который должен был там, в СССР, устанавливать связи, искать точки опоры и в случае удачи создавать группы сочувствующих. <...> Выехав из Праги, этот эмиссар на одном из этапов своего пути... влюбился и почувствовал себя не в состоянии выполнить полученное задание. Он совсем потерял голову и, наконец, обратился в Париж с покаянным письмом к Милюкову, прося помочь ему вместе с будущей женой совершить обратный вояж в Париж. И в Париже, и в Праге правоверные сторонники эмигрантского активизма рвали и метали по поводу такого преступного легкомыслия. Однако сам Милюков рассудил совсем иначе. Он охотно помог приезду влюбленных в Париж и их браку.

При первой моей встрече с Милюковым в Праге я спросил его, как он относится к этому случаю. На это Милюков с усмешкой ответил: “Подумайте о том положении, в котором он очутился. Он сделал лучшее, что мог сделать”»¹⁸⁵. Замечу, что увезший И.В. Богданову в Париж Н.В. Борисов скоро даму бросил, и она вернулась в Эстонию, но к разбитому корыту¹⁸⁶.

Как мы видели, все обстояло не так уж опереточно, как писал Д.И. Мейснер. Возможно, автор пытался так защититься от обвинений в подрывной антисоветской деятельности. В книге он оговаривается, что непосредственно в посылке эмиссаров в СССР не участвовал. Вся инициатива приписывается организации С.С. Маслова «Крестьянская Россия». Д.И. Мейснер пишет: «“Крестьянская Россия” стремилась посылать в Россию людей для установления связи с тем крестьянством, от имени которого Маслов и его друзья выступали»¹⁸⁷.

Результат эксперимента по посылке члена РДО в СССР П.Н. Милюков прокомментировал довольно мрачно: «Этот печальный эпизод ликвидирован, но он оставил у меня довольно горькое ощущение. Уже не в первый раз я задаю себе вопрос: стоит ли овчинка выделки?»¹⁸⁸

Далее П.Н. Милюков окончательно разорвал все политические и технические отношения с «Крестьянской Россией». Но перед этим П.Н. Милюков поддался на новые предложения Б.А. Евреинова: тот решил увести у КР-ТКП ценного агента. П.Н. Милюкова он убеждал, что Коля Мосевич «решительно не одобряет “крестьянской” политики Маслова, счи-

тая ставку на крестьянские восстания и на местные вспышки ошибкой; он считает себя р.д.-ком и сохраняет восторженный пиетет в отношении Вас»¹⁸⁹.

Сам же Н.А. Бояров-Мосевич, находясь в Польше, числился еще членом «Крестьянской России», и, видимо, по поручению своих хозяев с Лубянки отчаянно интриговал внутри «Опуса». Так, чтобы отвести от себя подозрения, он решил столкнуть другие группировки с «Борьбой за Россию». Но его письмо попало к представителю группы С.П. Мельгунова в Праге В.С. Озерецковскому, который возмутился и потребовал от «крестроссов» избавиться от подозрительного персонажа. Об этом он и написал в Париж С.П. Мельгунову: «У меня все больше и больше портятся отношения с “Кр<стьянской> Р<оссией>”, и не так давно я стал перед вопросом, что м.б. лучше отойти и кое-что делать при помощи тех путей, которые можно считать нашими. <...> Последней каплей было письмо того, кто приехал после А.А. <Потехина>, которого я до того не знал, и который господин (Н.А. Бояров-Мосевич. — М. С.), видимо, находился под влиянием Б.А.<Евреинова>. Тогда же возникли некоторые подозрения, особенно по поводу его окружения там. Я боялся — не он ли виной нашего несчастья (аресты в Москве. — М. С.), пославши информацию отсюда, после пребывания в Праге; правда, такая информация, кроме намеков ничего не могла заключать, но что с ним говорил А.А. <Потехин> и Б.А.<Евреинов> — я не знаю, несмотря на внушение первому не говорить ничего существенного, а второй вообще ничего не знал, но мог догадываться.

Оказывается, этот господин <Бояров-Мосевич> несмотря на подозрения и целый ряд отвратительных поступков в П<ольше>, состоит членом “Кр<стьянской> Р<оссии>”, причем в письме, о котором упоминаю, ругательски ругает меня, наших друзей в П<ольше> и намекает о какой-то “щели, через которую тайны “Кр<стьянской> Р<оссии>” доходят до большевиков и эта щель — “Б<орьба> за Р<оссию>”. Возмутительное провокаторское письмо. Я потребовал, чтобы они по “партийной” линии выяснили эту “щель”, а потом тотчас выгнали его из партии, т. к. доколе такие лица будут у них находиться — никакая работа с “Кр<стьянской> Р<оссией>” невозможна. Я давно потребовал с этим господином разрыва и его изоляции — это было сделано, но очевидно за спиной — они имели с ним общение. Копия этого письма у меня. После его ответа — я как ответ, так и копию Вам вышлю. <...> Я понимаю, что они, т. е. “Кр<стьянская> Р<оссия>”, нам близки по идеологии, но люди — отталкивают. Я имею в виду гл<авным> обр<азом> С.С. <Маслова>. Есть среди них и приятные, но общий колорит дает все-таки он»¹⁹⁰.

В свою очередь Б.А. Евреинов предложил Н.А. Боярову-Мосевичу работать со структурами П.Н. Милюкова напрямую. На это агент ОГПУ согласился, разорвал отношения с КР-ТКП и пообещал создать канал связи РДО с Россией из польского приграничного местечка Рудаки, где жил у матери с лета 1929 г. по март 1930 г.¹⁹¹

Из переписки А.П. Вельмина и Б.А. Евреинова следует, что в марте 1930 г. они узнали: Н.А. Бояров-Мосевич ушел в советскую Россию. Через несколько месяцев затем там пропала и курьер К. Захарова, забиравшая от «Коли» письма на советской территории. В Польшу на адрес А.П. Вельмина до 12 октября 1931 г. от Н.А. Боярова-Мосевича приходили открытки¹⁹², а затем переписка прекратилась. Он исчез. Искать сына в СССР отправилась его мать. В 1933 г. обнаружилось, что госпожа Мосевич находится в Советской России в ссылке в Сибири. Тогда Б.А. Евреинов послал ей с помощью А.П. Вельмина через польский Красный Крест несколько денежных переводов¹⁹³. Видимо, после этого Евреинову и Вельмину стало окончательно ясно, что Мосевич арестован и в Польшу уже не вернется¹⁹⁴.

Как видно из материалов архива ФСБ РФ, на самом деле Н.А. Бояров-Мосевич успешно вернулся к хозяевам в Москве, но в ноябре 1930 г. был арестован прямо в здании на Лубянке. Даже прочитав дело советского агента, трудно понять, что его погубило.

Авторы книги «Щит, расколотый мечом» подают Н.А. Боярова-Мосевича как ценного агента ОГПУ: с 1926 по 1931 год Мосевич более четырех раз переходил советско-польскую границу, как сказано в его агентурном деле, «в целях освещения зарубежных белоэмигрантских организаций — РДО, “Крестьянская Россия” и польских разведывательных органов. Через Боярова были «установлены явки контрреволюционных организаций в Москве, Львове и других городах, также через него ОГПУ получало информацию о деятельности белоэмигрантской организации “Опус”, занимавшейся переброской пропагандистской литературы в Советский Союз»¹⁹⁵.

Ликвидация Н.А. Боярова-Мосевича обоснована так: следователь Особого отдела обвинил его в том, что, сотрудничая с ОГПУ, он работал еще и на разведку Польского генштаба»¹⁹⁶. Это выглядит странно, особенно на фоне скандалов, которые именно Н.А. Бояров-Мосевич устраивал полякам, отвергая попытки прямой вербовки.

Впрочем, возможно, что Н.А. Бояров-Мосевич мог своевременно не проинформировать своих хозяев в Москве обо всех своих контактах. В переданных в 1950–1951 гг. из Польши в СССР списках агентуры 2 отдела Польского Генштаба, есть его фамилия: «Мосевич Николай. 1930.

Агент экспозит<уры> № 1»¹⁹⁷, находившейся в Вильно. Там же есть и его проводник через границу — Катерина Захарова-Трофимова: «Захарова. Она же Трофимова Екатерина. Польский агент. Перешла границу в Сов<етский> Союз с агентом экспозит<уры> № 1»¹⁹⁸. В двойной игре Н.А. Боярова-Мосевича могла обличить советская агентура в польской разведке: информаторов в Польше у ОГПУ было достаточно.

Еще одно обвинение ОГПУ: якобы из-за Н.А. Боярова-Мосевича «были вскрыты для польской полиции революционные настроения населения и выданы лица, являющиеся участниками революционного подполья, всего в числе пятнадцати человек»¹⁹⁹. Выглядит это снова очень странно, никаких тому доказательств, кроме личного признания подследственного в деле не имеется. Кроме того Н.А. Бояров-Мосевич был обвинен еще и в попытке «создать контрреволюционную троцкистскую организацию»²⁰⁰.

Изучение дела арестованного за связь с Бояровым-Мосевичем журналиста В. Люфта показывает, что никакой такой организации, естественно, не существовало. Но собутыльники, которых Н.А. Бояров в отчетах «Опусу» выдавал за заговорщиков, регулярно вели за бутылкой опасные разговоры. Николай Бобовников рассказывал «о некоторых вопросах, которые он обсуждал во время его посещений Боярова.

Н.В. Бобовников утверждал, что в партии в настоящее время царит “держимордство”, которое душит всякое проявление личной мысли. Секретари ячеек являются назначенцами, а не выборными лицами. Дискутировать нельзя, ибо всякая критика и обсуждение партийных решений называют сразу оппозицией и “кроют” за это со всех сторон. <...> Далее он говорил, что Политбюро ЦК находится под “сапогом” тов. Сталина. Это и разговор о “держимордстве” он передавал как утверждение Боярова <...>. Он сказал, что Бояров якобы говорил и вещи похлеще»²⁰¹.

Н.В. Бобовников часто в компании Н.А. Боярова-Мосевича высказывал мысль, что «темпы индустриализации непосильные»²⁰². Он «хотел доказать, что если бы ликвидировать монополию внешней торговли, то от этого кроме выгоды для страны ничего не получилось бы»²⁰³. Бывший комсомольский секретарь также «развил целую теорию о том, что коллективизация несвоевременная, что никакой опасности со стороны кулачества нет, что в перегибах по коллективизации виновато само ЦК, так как давало неясные директивы, и что разговоры об опасности кулачества только для того, чтобы оправдать преждевременную коллективизацию»²⁰⁴. Как писали доносчики, Н.В. Бобовников явно с подачи Н.А. Боярова-Мосевича «об органах ОГПУ... вообще отзывался пренебрежительно. Намекал, на то, что часто создаются дутые дела и не ищутся там преступники, где они есть»²⁰⁵.

Но все это на суровое наказание явно не тянет. Оппозиционеров из своих в этот период в худшем случае сажали в политизолятор. Скорее всего, доклад Н.А. Боярова-Мосевича в «Опус» с рассуждениями о покушении на Сталина был расценен ОГПУ как реальный план теракта. О своих заслугах в деле по разоблачению врагов СССР именно в таком ключе писал, сам в 1937 г. попавший под расправу, еще один комсомолец Андрей Гофшттер («с 1927 по день ареста безвозмездный активный секретный осведомитель органов ОГПУ-НКВД, ни разу не имевший ни одного замечания»). А. Гофшттер утверждал, что работал по «раскрытию шайки польских шпионов во главе как помнится с гр-ном Сорокой <...> также раскрытию террористической польско-шпионской шайки Боярского (Боярова. — М. С.) – Бобовникова (подготавливавших покушение на т. Сталина) и др.»²⁰⁶.

Передать в Москву фантастический план покушения на Сталина мог вхожий в «Опус» агент ОГПУ Н.С. Ирманов. Впрочем, доклад Мосевича широко гулял по зарубежью: хотя оригинал находился у Б.А. Евреинова, но и в архиве Сергея Мельгунова в Лондоне мною, например, найдена машинописная копия этого текста. Так что чекисты могли получить документ даже из нескольких источников.

На следствии Н.А. Бояров-Мосевич подвел себя под расстрел, показывая: «В апреле 1929 года представил Руководящему комитету “ОПУС’а”, состоявшему из представителей от РДО — Евреинова, “Крестьянской России” — Маслова, “Борьбы за Россию” Озерецковского, составленный мной краткий проект о производстве взрыва в ЦК ВКП(б) и убийстве вождей ВКП(б). Проект этот был кратким докладом, доказывающим необходимость и возможность таких актов, возможность найти людей на месте, технические же средства получить за границей и перевести в СССР. Этот проект мной был составлен и просмотрен кап<итаном> Эмирским. В письменном виде с этим составленным мной проектом познакомился П.Н. Милюков. В “ОПУС’е” этот проект был одобрен Масловым, Милюков вначале отнесся к нему осторожно, однако, впоследствии — в марте 1930 года — Евреинов передавал мне инструкции РДО и Милюкова о проведении работы по выяснению на месте возможности осуществления этого проекта.

Для исполнения директив Польгенштаба и инструкций РДО я ничего реального не делал, кроме стремления подготовить и активизировать в этом направлении Бобовникова Николая Васильевича. Имел в виду выяснить возможность использовать и его связи. Использование оппозиционно-настроенных лиц я считал вполне реальной возможностью использование этих элементов, особенно троцкистов»²⁰⁷.

Неизвестно, какими методами уполномоченный Особого отдела ОГПУ Подсотский получил от Н.А. Боярова-Мосевича ценные признания в том, что он не советский разведчик, а польский шпион и террорист. Но и Н.В. Бобовников, и Н.А. Бояров-Мосевич стали фигурантами дела. Верно служивший СССР Бояров-Мосевич был объявлен польским агентом, возможно, ради победы одной группы над другой во внутриведомственной борьбе на Лубянке. В деле Н.А. Боярова-Мосевича нет ни одного документа ИНО ОГПУ о работе Боярова на разведку, кроме заполненной им же анкеты, где он именовал себя секретным сотрудником. Занимался им Особый отдел ОГПУ. Следов того, что его пытались защитить собственные хозяева из ИНО ОГПУ, в деле нет. А.Х. Артузов легко сдавал свою агентуру контрразведке: похожим образом он дал поступить с основными персонажами «Операции Трест» — Александром Якушевым и Петром Араповым, которые погибли на Соловках.

Кончилось все печально: 20 апреля 1931 г. агент ОГПУ Николай Бояров-Мосевич был приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере наказания и расстрелян 24 апреля 1931 г.²⁰⁸ Посмертно он был реабилитирован лишь в 1989 г.

Его подельнику Н.В. Бобовникову повезло: студент был осужден на 10 лет лагерей, наказание отбывал в Ухпечорлаге и был освобожден в октябре 1935 г. Видимо, по зачетам. Повторно был арестован в 21 апреля 1951 г. и постановлением ОСО МГБ СССР от 11 августа 1951 г. выслан на 10 лет в Карагандинскую область как социально опасный элемент, освобожден в 1957 г., реабилитирован по второму делу Военным трибуналом МВО 22 июня 1957 г., а по первому — Военной Коллегией Верховного суда СССР 18 июня 1960 г.²⁰⁹ К сожалению, дело его Центральный архив ФСБ мне так и не выдал.

Несчастный собеседник Н.А. Боярова-Мосевича в Москве — агроном А.П. Корхов поплатился за публикацию в «Последних новостях» и за новые визиты шпиона-провокатора. Агент ОГПУ после возвращения из Польши дважды сумел побывать у ученого в марте 1930 г.

А.П. Корхов вспоминал: «Тот же незнакомец снова вошел ко мне. В это время мои служебные отношения снова вполне наладились. Но происходила семейная борьба. Сыновья потребовали своего места в семье, в которой они ранее были мальчиками. Так они повытеснили из своих комнат иконы (связанные с родными фамильными актами и защищавшиеся их матерью) и стали вести себя самостоятельно. Я был уверен, что они не потерпят и у меня посещения, какие могут им показаться подозрительными. А поэтому при входе незнакомца, грубо и не здороваясь, я предупредил его, что в случае, если его увидит у меня кто-либо из моих

сыновей, — то его задержат для выяснения личности. Не поздоровавшись даже со мной и не прощаясь незнакомец ушел. Я никому не говорил об этом его визите.

Но в мае или июне месяце он снова вошел ко мне. Я был один в доме: вся семья в отъезде. У меня был выходной день. По косности, я чувствовал себя неловко перед ним за грубый тон в последнем посещении. И я попросил его сесть. Начал беседу я с объяснения того факта, что считаю детей резкими критиками старой интеллигентской терпимости. Указал, что если я не заявил о его посещениях, не требую его документов, то мои дети никак уже не станут даже меня покрывать от того, что считают неправильным. Говорил вообще и о резко правительственном, т. е. советском настроении молодых масс, какого не знал капитализм. Незаметно для себя перешел на общие темы, содержание которых коротко изложено мною в предыдущем показании»²¹⁰.

На этом допросе Корхов говорил: «С лицом, посещавшим меня от Евреинова, я вел беседы, которые заключали в себе взаимные сообщения о Евреиновых, обо мне, Шевелеве и Сабашниковых. Приходивший расспрашивал меня об усадьбе и бывшем имении при сахарном заводе, принадлежавшем Акционерному обществу, в котором были Евреиновы, вероятно, их акции были в форме земельного фонда. Наши беседы с приходившими от Евреинова заключали также обмен мнений о перспективах развития советского хозяйства. Мы говорили и об общем политическом положении внутри Советского Союза, тоже политическом настроении крестьянства, интеллигенции, о значении внутрипартийной борьбы, в связи с общим экономическим состоянием страны. Приходивший ко мне от Евреинова рассказывал, как он и Евреиновы представляют себе хозяйственное положение СССР, рисуя возрастание трудностей для советской власти по линии экономических осложнений советского хозяйства. В последний приход ко мне от Евреинова пришедший особенно интересовался моим мнением о возможности сплошной коллективизации, выражая свое мнение, что таковая приведет к полному разрушению сельского хозяйства и кризису, подобному 20-му году, что в конечном итоге возбудит крестьянские массы против советской власти.

Говоря о трудностях политических и хозяйственных, вытекающих из усиленной коллективизации на селе, он высказывал при этом мнение неизбежности разрыва крестьянства с Советской властью. Пришедший спрашивал мое мнение о внутрипартийном расколе и роли тов. Сталина и в этой внутрипартийной борьбе, в частности, борьбе с правым уклоном.

Мои суждения в ответ на поставленные мне вопросы пришедшим были: по вопросам коллективизации, что с помощью имеющегося коли-

чества тракторов и конно-тракторных станций в ближайшие годы достигнет большего развития, чем могли предполагать специалисты, и что с помощью совхозов с/х задачи будут разрешаться в масштабе пятилетнего плана.

По вопросу о внутрипартийной борьбе, которую я называл расколом партии, я ответил, что не придаю этой борьбе значения серьезной угрозы хозяйству, так как эта борьба немедленно прекратится в случае серьезных осложнений для советской власти, если таковые произошли бы во внешней или внутренней ее политике.

Пришедший предлагал ознакомить меня со взглядом какого-то зарубежного белоэмигрантского печатного органа по вопросу, обсуждавшемуся с ним, кажется о коллективизации и сказал, что эта белая литература при нем. От этого я отказался, и никакой литературы от него не получил»²¹¹.

Неизвестно, переправил ли Н.А. Бояров-Мосевич информацию об этом визите за границу, но Лубянку он снабдил достаточной информацией о взглядах собеседника: «Перехожу к двум последним встречам с Корховым в июне с.г. <1930>. Политическая оценка его в отношении власти осталась также, но прогнозы и ориентировка изменилась. Власть Корхов считает теперь такой же крепкой и прочной в системе своей организации построения и опоры на массы. При этом он отмечает роль выделения, использование и значение активной головки масс в лице партии, с одной стороны, ударничества рабочего актива — с другой. Он в этом видит “опричную” систему крепости власти.

Колоссальное значение Корхов придает крепости подбора, построение и беспощадной системе управления аппарата власти. Ей командует где-то скрытая вверху политическая сила, и этой силе подчинено все. А формы построения и деятельности партии: ее съезды и пленумы, ЦК и вожди, и т. Сталин — лишь декларация и подставные лица, скрывающие подлинную могучую силу. Эта сила дает толчок массам партии. Массы катятся, и, в свою очередь, толкают верхи к большей решительности, к сильнейшим действиям. Таким образом, как бы получается: стратегические командующие верхи, тактически действующий аппарат и спаивающий и крушащий (крепчающий) цемент партии.

Во вредительство Корхов не верит, так как оно противоречит интересам страны и народа вне зависимости от политики, почему он считает, что честный политический деятель, будь он контрреволюционер, но на это не пойдет. Вредительские дела Корхов относил к инсинуации со стороны ГПУ, по его словам болеющим болезнью старого жандармского ведомства и видающего в своих придирах врагов там, где их нет.

В 1927 г. Корхов не упоминал, кажется, о международной революции. Теперь он заметил что эта “бредовая идея” не оставлена и большевики работают, и будут работать на нее. Для них эта идея и средство выкачки народных соков, чтобы свой народ, находясь в нужде, не думал об игре в “свободную политику”. Прежде Корхов не видел опасности войны. Теперь он говорил, что о войне государственные деятели буржуазного мира думают, так как чувствуют политическую опасность со стороны СССР, рост этой опасности.

В итоге всех этих признаний, на ребром поставленный вопрос: “Мыслимо ли строительство т<аким> обр<азом> в СССР социализма?” Корхов ответил: “Конечно, нет, да и за границей его понимают иначе, чем большевики. Рост есть и будет. Достижение огромное. Темпы будут продолжаться неизменно, хотя бы десятки миллионов поумерли с голоду. Но если это все не будет снесено и порушено в возможной схватке между СССР и пр<очим> враждебным ей миром, то страна все равно не выдержит таких форм жизни. Строя и обогащаясь, СССР все равно должно эволюционировать. Нет внутренних предпосылок эволюции в сторону частного капитала, будет эволюция в направлении муниципального капитала и хозяйства. Последнее в своем значении должно поглотить и приспособить к себе общегосударственное строительство. Муниципальное хозяйство по своей природе должно будет отвечать интересам народа, с которым оно непосредственно соприкасается, и давление которого, прежде всего, ощущает. Отсюда открывается путь экономической эволюции и неизбежных за ней политических изменений и уступок Соввласти”.

В этом, а не в построении социализма, видел Корхов конечный выход. Подробно он его не развивал, но настаивал на нем, причем говорил, что это дело далеко не близкого будущего — ожидать его придется долго. И роль эмиграции в данном случае — роль ожидающего “светоча” отдаленного, если она не может войти в настоящее переживаемое. Но этот “светоч” — цель и надежда культурных и интеллигентных людей, с верой в будущее отдающих свои силы и знание на строительство настоящего. Так Корхов формулировал свои теперешние взгляды.

Основные мысли его и политическая идеология современного Корхова мною в общих чертах здесь отображена так, как он говорил сам. Это тип, работающий с Совластью, но в душе предпочитающий контрреволюцию, поддерживающий с ней свои связи. Лишенный возможности, в силу диктатуры пролетариата, более активной к<онтр>р<еволюционной> работы, но верящий в к<онтр>р<еволюционный> исход его будущего идеала.

Выше я пропустил отметить, как Корхов объяснял мне в последний раз его напуганность при встрече с ним в январе 1928 г. Он говорил, что

Евреинов посылал ему и др. общим приятелям письма по почте. Это навело подозрение здесь в отношении всей этой кампании и его Корхова, главным образом. Корхова уволили из Сахаротреста, а также заявили ему, что впредь к серьезной сов. работе, напр. в Госплан, его не допустят. Это — ему сказал пред<седатель> Сахаротреста. <...>

Корхов считал, что политически опереться можно на “старую честную русскую интеллигенцию” и на всех ущемленных Соввластью, кроме ущемления от нее ничего не ждущих»²¹².

За свою открытость и откровенность в общении с провокатором А.П. Корхов поплатился. Он был расстрелян по приговору Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1931 г. Реабилитирован посмертно 30 марта 1989 г.²¹³

Другой видный агроном Г.В. Шевелев по статье о недоносительстве пострадал всего лишь за переданный в Прагу привет²¹⁴. Н.А. Мосевич-Бояров показывал: «При свидании с Евреиновым в Варшаве в июне 1927 года, я передал ему, что Корхов упомянул про Шевелева. Евреинов это подтвердил, но больше он об этом мне ничего не сказал. Узнал я только, что эмиссар его, посетивший Корхова – Шевелева был Ирманов. С последним, как известно, я встретился в январе 1928 года в гор. Ленинграде. Когда мы говорили про Корхова, я упомянул Шевелева. Ирманов подтвердил, что был у него с явкой — запиской от Евреинова. Прочтя ее, как говорил Ирманов, от каких-либо переговоров отказался и ограничился со своей стороны приветом, переданным им Евреинову»²¹⁵.

Г.В. Шевелев был сначала осужден на 3 года высылки²¹⁶. В конце апреля 1931 г. был выпущен из тюрьмы, но вновь уже в ночь с 7 на 8 июня его взяли по грандиозному делу о «вредительстве» в сахарной промышленности, по которому проходили десятки людей. Уже 3 октября 1931 г. Коллегия ОГПУ на так называемом «судебном» заседании приняла решение: «Шевелева Георгия Васильевича заключить в концлагерь сроком на пять лет с заменой высылкой ППОГПУ в Казакстан на три года, считая срок с 7/6 –31 г.».

Повезло лишь знаменитому издателю М.В. Сабашникову, просидевшему в тюрьме с 18 декабря 1930 по 24 января 1931 г. После очной ставки с Н.А. Бояровым-Мосевичем он признал в нем некоего посетителя: «Незнакомец завил мне, что он прибыл из заграницы и имеет ко мне поручение. Он при этом сказал, что я должен быть предупрежден о его посещении. Так как я этого человека не знал, никакого предупреждения о нем ни от кого не получал, с заграницей сноситься по какому бы то ни было поводу помимо почты и Общества Культурной Связи с заграницей не находил удобным, то я сухо, не приглашая садиться и не вступая в разговор по существу, ответил, что ничего о посещении не знаю. И укло-

нился от разговора, которого и пришедший незнакомец не постарался завязать, сказав коротко, что-то незначашее, вроде того, что “произошло недоразумение”. С этим незнакомец тотчас удалился, после чего я и направился по своим делам, не придавая случаю этому никакого значения. Мне не приходило в голову, что тут могут быть скрыты какие-нибудь контрреволюционные маневры»²¹⁷.

Сам Н.А. Бояров-Мосевич так описал свои попытки: «Прибыв в Москву в апреле 1927 года, я в мае побывал у Корхова. От него я услышал, что он находится в весьма близких отношениях с Сабашниковым. Было решено, что о моем посещении Евреинова Корхов передает Сабашникову. И поскольку Евреинов все-таки указывал мне, чтобы я побывал у Сабашникова, то я решил зайти к нему без явки. Я так и сделал: пошел к Сабашникову. Он принял меня осторожно и недоверчиво. Когда я упомянул про Корхова, он возразил, что давным-давно его не видел и ничего от него не знает. Ничего от моего посещения Сабашникова не вышло. Спустя несколько дней я зашел к Корхову вторично. Параллельно с получением дополнительной информации от него, я попросил его успокоить, в связи с создавшимся положением Сабашникова и предать ему мое извинение за беспокойство. Корхов обещал это все уладить. Он заметил, что волнение Сабашникова вполне понятно, его многие знают и вообще к нему относится подозрительно. Сабашников — напуган и крайне осторожен.

Вернувшись в Польшу в июне 1927 года и встретившись с Евреиновым в Варшаве, я передал о моем неудачном посещении Сабашникова.

Никаких особых оценок по этому поводу Евреинов не высказал. Он лишь согласился, что вполне понимает боязливость и осторожность Сабашникова, еще спросил, не было ли кого при моем посещении его из посторонних. Я ответил отрицательно. В январе 1928 года я виделся в Ленинграде с Ирмановым. Говорил со мною про Евреинова и общие дела ОПУС'а. В разговоре мы коснулись Корхова и Сабашникова, у которых, оказывается, у обоих Ирманов был. С Сабашниковым он связался по поручению Евреинова. Но посетил его не по непосредственной явке, а через третьих лиц, каких-то знакомых, которые предупредили Сабашникова, что к нему зайдет Ирманов как эмиссар Евреинова.

Фамилию этих знакомых он мне не назвал. К Сабашникову он зашел как бы по делам издательства. Во время разговора об издательских делах, они, по условленному предупреждению, поняли друг друга, вернее, Сабашников узнал, зачем пришел Ирманов. Сабашников беседовал с ним о политических <онтр>революционных делах и дал Ирманову богатую информацию с оценками и выводами. Все это, говорил Ирманов, он передал потом Евреинову. Содержание беседы с Сабашниковым и суть инфор-

мации его, Ирманов мне не сказал. На основании бесед с Евреиновым, надо полагать, что оценка платформы зарубежных к<a>д<етов> и тактики к<онтр>р<еволюционной> работы “Опуса” Сабашникову дана была»²¹⁸.

Интересно, что об этом визите надежного советского агента в Праге Н.С. Ирманова М.В. Сабашникова после этих показаний уже не допрашивали, возможно, не желая раскрыть этого ценного пражского сотрудника. Коллегия ОГПУ в январе 1931 г. выпустила Сабашникова на свободу под подписку о невыезде²¹⁹. Старый издатель отделался отнюдь не легким испугом, особенно, если узнал о судьбе своих приятелей: высылке Шевелева и расстреле Корхова.

Изучение дел Н.А. Боярова-Мосевича и Н.С. Ирманова убедительно доказывает, что большинство «контактов» демократической эмиграции с единомышленниками в СССР либо с самого начала были провокацией ОГПУ, либо, как в случае Н.В. Воленс и ее группы, недовольные режимом выявлялись и брались советскими спецслужбами под контроль с помощью внедренных в зарубежные организации агентов.

Были и другие, не выявленные сразу с помощью зарубежной агентуры ОГПУ, попытки КР-ТКП и ее союзников установить связь с Россией. Так активный член группы «Крестьянской России» в Варшаве А.П. Вельмин наладил в 1927–1930 гг. с помощью врача Георгия Александровича Косткевича (1904–1973) переписку с инакомыслящими в СССР²²⁰.

Г.А. Косткевич в апреле-мае 1927 г. сумел завязать знакомство с польским консулом в Киеве Бабинским. С его помощью он наладил двустороннюю переписку с друзьями в эмиграции и передал за границу несколько важных документов²²¹. Г.А. Косткевич был близок с архимандритом Киево-Печерской Лавры Ермогеном, резко выступавшим против антирелигиозной политики Советов, активной поддержки обновленчества. Ермоген уже побывал в ссылке в Царевококшайске (Йошкар-Ола). Архимандрит Ермоген передал Косткевичу групповое фото находившихся в заточении в Соловецком концлагере епископов²²², которое тот переслал за границу.

В Варшаве представители «Крестьянской России» получали из Киева обзоры политического положения в СССР. В переписке А.П. Вельмина с Б.А. Евреиновым есть копия отправленного из СССР в Варшаву весной 1929 г. письма без подписи, в нем сообщается: «Недавно мне удалось в результате нелегкой работы объединить группу друзей на почве “Крестьянской России”. Платформа последней принята нами за основу. Пока что мы располагаем друзьями и единомышленниками в Петербурге, Харькове, Туркестане, Донбассе, представляющими нас там. План нашей работы еще в стадии создания. <...> В общих чертах вехи наших

мыслей таковы: растущие экономические трудности, приведшие власть в тупик, обостряющиеся противоречия между властью и крестьянством, безработица и начавшееся расслоение в настроении рабочего класса, доселе преданного власти, наконец развал внутри партии и в правительственном аппарате, — все это дает нам право признать, что момент для начала активной работы настал. Трудность широкой организационной работы благодаря шпионажу, достигнутому совершенства, малая активность и запуганность масс, заставляют воздержаться от широкой организации. Поэтому пока свою работу мы понимаем так: возможно шире и глубже поставить осведомительную работу о настроениях масс и идущих сейчас полным темпом в России процессах перегруппировки сил и настроения, дабы из них черпать основание для будущей широкой программы “Крестьянской России”. Давать анонимным путем в толщу масс, где протест достиг известной степени активности, указания о том, как надлежит решать вопросы налоговые, с-хоз., и пр. для защиты своих интересов. Такие указания в виде циркулярных писем и тезисов мы будем вырабатывать тут и пересылать Вам, а ЦК, если сможете, будет печатать их в потребном числе экзemplяров и пересылать нам. В дальнейшем ход событий укажет и тактику действий.

Думаем, что нынешний устав “Крестьянской России” требует серьезного расширения и углубления в отделе о р а б о ч и х, и что самое название надо изменить, так как национальный вопрос, например на Украине, будет камнем преткновения при названии “Крестьянская Россия”. Затем требует серьезного изучения и учета то, что называют в коммунистической прессе “правым уклоном” — явление идущее из низов и имеющее много сторонников в низовых организациях партии.

Кончая на этом, прошу ответа на следующие вопросы:

- 1) Как относится ЦК к изложенному?
- 2) Можно ли ожидать от ЦК помощи в работе как денежной, так и литературной?
- 3) Можно ли через ЦК войти в связь с организациями “Крестьянской России” в России, если таковые связи у вас есть (надежные)?
- 4) Считает ли ЦК свою платформу подлежащей исправлению?

14 мая 1929»²²³.

А.П. Вельмин письмом был удивлен и сообщал Б.А. Евреинову в Прагу: «Письмо моего корреспондента было для меня довольно неожиданным. До сих пор он интересовался церковными вопросами и никогда по вопросам политическим мне не писал; к тому же сравнительно еще недавно он передавал мне краткий отзыв о преданной мною нашей эмигрантской литературе (в том числе, и “Крестьянской России”), от-

звям моего друга в отношении политическом представлявшего неизмеримо большую величину (автора пересланного ЦК последнего письма), — что все это — не то, что “там” нужно, что все это доказывает, что эмиграция не понимает нужд современной России.

Затем должен еще предупредить Вас, что автор посылаемого ныне письма — человек совершенно еще молодой (когда я 6 лет назад встречался с ним, ему не было тогда и 20 лет); правда, он много уже раз доказал на деле свою энергию, активное мужество и ряд других положительных качеств; 6 лет назад он оказал ряд серьезных услуг мне лично и другим лицам, но еще тогда мы заметили в нем стремление к некоторой, быть может, даже произвольной переоценке своего значения и роли, которую ему пришлось в силу сложившихся обстоятельств играть. Это — натура увлекающаяся; все это нужно иметь в виду при оценке его нынешнего письма, не переоценивать значение всего теперь им сообщаемого, а скорее принимать все это до известной степени, так сказать, *cum grano salis*. Я не могу сказать ничего дурного о нем; я его очень ценю и люблю; но все ж я считал нужным несколько охарактеризовать его, чтобы его письмо не вызвало излишне преувеличенных выводов»²²⁴.

А.П. Вельмин сообщил, что ответил автору в СССР так: «Все сообщаемое им чрезвычайно интересно и что мы очень просим прислать нам все то, что они обещают; что мы очень ценим и с большим интересом относимся ко всем замечаниям по поводу нашей программы идущим “оттуда”; что литературную помощь мы можем обещать вполне, что же касается денежной, то обнадеживать в этом отношении я не могу, так как наши денежные ресурсы сейчас очень скудны. Но на 3-ий вопрос я ответил отрицательно; я написал, что я никогда не возьму на свою совесть ввести его в связь с теми лицами, кого я лично не знаю: слишком дорогой ценой был получен мною и моими друзьями лет назад (так! — М. С.) урок осторожности. Я предложил ему развивать “там” свою деятельность самостоятельно, а за границей сноситься только через меня. То же я написал Сергею Семеновичу <Маслову>»²²⁵.

Корреспонденту А.П. Вельмину через польского дипломата передавались небольшие суммы денег и литература эмигрантских организаций. С полученными таким путем некоторыми материалами эмигрантской печати Г.А. Косткевич в 1928–1930 гг., бывая в Москве, знакомил архимандрита Ермогена, а тот сообщал полученные сведения митрополиту Сергию Старгородскому²²⁶. По этой же линии бывший член Киевского центра действия Борис Николаевич Толпыго переправил своему старому другу А.П. Вельмину в Варшаву свою мемуарную статью о положении в советских тюрьмах²²⁷.

История автора этой статьи заслуживает небольшого отклонения от главной темы. Борис Николаевич Толпыго родился в Киеве в 1886 г. Сын кутаисского прокурора, после революции — кооператора Н.А. Толпыго. Окончил в 1914 г. юридический факультет Петербургского университета. Н.П. Анциферов пишет о нем: «С резко очерченной римской головой, с большим лбом, внимательными серыми глазами и тонкими сжатыми губами, невысокого роста — он казался крепким, упорным, “надежным”. Мы с Сашей, несмотря на симпатию к Борису, считали его, как Сен-Жюста, “бедным идеями”. У него размаха действительно не было. Но Борис был ясен, четок, тверд. Он был замкнут и сосредоточен. С удивлением мы узнали, что он внимательно изучает Эрмитаж (он все делал основательно), ценит Никола Пуссена. Борис был горячим русским патриотом и иронически относился к широму украинству. <...> В холодном Борису мы узнавали горячность, всегда им скрываемую за холодной броней»²²⁸.

В 1914–1917 гг. Б.Н. Толпыго служил во Всероссийском земском союзе. В 1917–1918 гг. — в Киевской городской продовольственной управе. В 1918 г. при гетмане — в департаменте народного просвещения великорусского министерства. В освобожденном войсками Деникина Киеве в 1919 г. он служил в Киевском окружном суде. Выехал с белыми в конце 1919 г. в Одессу. Весной 1920 г. вернулся в Киев. В 1921 г. служил в отделении Международного Красного креста, затем в учпрофсоже, с 1922 г. — в АРА. С конца 1922 г. работал в профсоюзе работников просвещения — заведующим Домом отдыха ученых. Арестован 20 июля 1923 г. за участие в организации Киевский центр действия (КЦД).

Летом 1922 г. Толпыго встретился с нелегально побывавшим в Советской России Н.П. Вакаром. Принял лозунги КЦД: «Народоправство, Родина, Федерация, Собственность». Начал печататься в журнале «Новь» (1922–1923) под псевдонимом «Николаев». Опубликовал в № 1 статью «К кризису идеологии», в № 2 — «Письмо с Украины». Согласился на сотрудничество в журнале, «имея в виду отсутствие внутри России свободной прессы и важность выявления взглядов той части интеллигенции, которая не могла принять целиком и безраздельно официальную мысль правительства»²²⁹. Утверждал, что «лозунги “Нови” считал выражением общей демократической платформы»²³⁰.

По мнению Б.Н. Толпыго, журнал «должен был представлять оппозицию Советской власти, но оппозицию реформистского толка; в последнем отношении я мыслил, что силой требований жизни советский правопорядок в России должен был поменяться в сторону образования государства республиканско-демократического. Реальной базой этой эволю-

ции должны были явиться экономические изменения на почве НЭПа и расширение круга социальных групп, привлекаемых к государственно-му строительству, как крестьянство и интеллигенция»²³¹.

Считал своей задачей организацию выражения общественного мнения: «Общая задача группы формулировалась как попытка воссоздания общественного мнения на почве медленной и незаметно совершающейся эволюции Советской системы, НЭПа, роста частно-хозяйственного оборота при определенно отрицательном отношении ко всяким попыткам насильственного изменения существующего общественного порядка»²³².

На «судебном» процессе Киевского центра действия 8 апреля 1924 г. Б.Н. Толпыго был осужден по статьям 60 и 62 УК УССР к 10 годам лишения свободы. Толпыго явно повезло — он попал на открытый процесс, а вот московский профессор П.И. Исиченко, которого на процесс не вывели, боясь разоблачения им агентуры ГПУ (использовавшей в операции «Трест»), был расстрелян с санкции ВЦИК СССР по внесудебному решению ОГПУ от 19 мая 1924 г. Решение о внесудебном расстреле видно-го ученого лично принял «друг детей» Ф.Э. Дзержинский²³³.

В Киеве все приговоры были смягчены после протестов западной общественности: расстрелы заменили 10-летним заключением. По решению ВУЦИК от 16 мая 1924 г. срок заключения Б.Н. Толпыго был снижен наполовину — до 5 лет. Отбывал он заключение в тюрьмах Украины. После выхода на свободу Б.Н. Толпыго находился в Киеве. Он передал врачу Г.А. Косткевичу для отправки за границу датированную январем 1928 г. рукопись своих мемуаров — исследования советского тюремного ада. Он описал нарочитое смещение «контрреволюционеров» с блатными, ужасающую перенаселенность мест заключения, методы вербовки и давления на заключенных, регулярные расстрелы.

В тюрьме Б.Н. Толпыго не изменил своих взглядов на советскую действительность и методы борьбы с большевизмом. Суть советской системы юрист Б.Н. Толпыго сформулировал так: «“Идеология” полицейского государства сводится к трем простым положениям: нет прав, есть интересы, удовлетворение коих подлежит усмотрению начальства; начальство лучше знает интересы опекаемых, чем они сами, поэтому защита этих интересов принадлежит целиком начальству и никому другому»²³⁴.

Рукопись статьи А.П. Вельминым из Варшавы была отправлена Б.А. Евреинову в Прагу²³⁵. Тот обычно переправлял подобные материалы П.Н. Милюкову для публикации в «Последних новостях». Видимо, в связи с большим объемом рукопись была П.Н. Милюковым передана в «Современные записки». Статья Толпыго под криптонимом Х. напеча-

на в двух номерах парижского журнала «Современные записки»²³⁶. Кроме описаний тюремного быта, работы сексотов ГПУ и анализа состава политических заключенных важен вывод автора о практической невозможности борьбы с тоталитарной системой с помощью конспирации в условиях тотального сыска и стукачества: «Ныне, где трое собрались, там один из трех секретный сотрудник ГПУ. Стены имеют уши. Большинство раскрытых дел устанавливает связь местной “контрреволюционной” ячейки с той или иной зарубежной группировкой. “Оттуда” приезжает кто-нибудь и налаживает сношения. Это едва ли не самое уязвимое место, настоящая Ахиллесова пята организации. Отсюда начинается провал»²³⁷.

Автор признает и наличие немногочисленного реального сопротивления: «Костяк, позвоночник “контрреволюции” образует белое офицерство. Люди, прошедшие школы мировой и гражданской войны, смелые и решительные и готовые к жертвам. Наиболее рискованные дела выполняются ими. Зимой по колено в снегу переходят границу. Нередко без проводника. Факт перехода границы бывшим белым совершенно достаточен для предъявления обвинения в шпионаже»²³⁸.

Как можно понять из переписки А.П. Вельмина и Б.А. Евреинова, в Киев был даже переправлен гонорар за публикацию. Осенью 1930 г. вместе с Косткевичем был разоблачен и арестован и Б.Н. Толпыго. Согласно справке МВД УССР, решением коллегии ОГПУ Б.Н. 18 октября 1931 г. Толпыго был приговорен по ст. 58-4-6 УК УССР к высшей мере наказания с заменой десятью годами концлагеря²³⁹. По данным публикаторов мемуаров Н.П. Анциферова, Б.Н. Толпыго «в конце 1920-х – начале 1930-х находился в заключении в лагерях ОГПУ»²⁴⁰. В третий раз репрессирован по ст. 7–35 УК РСФСР 10 марта 1951 г. Особым совещанием при МГБ СССР — получил 10 лет ссылки в Красноярский край. Постановлением Центральной комиссии по пересмотру дел от 25 июля 1954 г. дело пересмотрено на основании ст. 4 п. 5. УПК РСФСР²⁴¹. По данным А.П. Вельмина в конце 50-х гг. Б.Н. Толпыго был жив и находился в СССР²⁴². Б.Н. Толпыго реабилитирован заключением Прокуратуры г. Киева от 22 июня 1989 г. и Прокуратуры Украины от 19 сентября 1993 г.

В январе 1928 г. Борис Толпыго написал: «Настанет день, когда Россия будет собирать имена тех, кто сложил голову в борьбе за ее освобождение. Прежде всего, обратятся к архивам мест заключения, к документальному материалу. Большую ценность представят также воспоминания бывших заключенных. — За годы революции через советскую тюрьму прошли сотни тысяч. Раскопают «могилы». — Найдут полусгнившие трупы, по которым нельзя будет определить, кто зарыт»²⁴³.

В 1929 г. архимандрит Ермоген, вхожий к главе Московского патриархата митрополиту Сергию, пошедшему на сделку с большевиками, передал Г.А. Косткевичу несколько документов из канцелярии главы православной церкви. Ермоген позже на следствии в ОГПУ дал такие показания: «Исходя из своего понимания организации митрополита Сергия, я, получив от него в 1929 году список архиереев русской церкви с печатью патриархии, дал его Г.А. Косткевичу, позже в 1930 году я передал ему докладную записку митрополита Сергия о нуждах православной церкви в СССР. Я вел с Г.А. Косткевичем, когда он приходил ко мне, беседы по церковным вопросам, тенденциозно освещая некоторые моменты, зная, что он имеет возможность передать информацию за границу, где она будет использована для антисоветских целей. Я надеялся, что путем тенденциозной информации по церковным делам удастся оказать нажим на советское правительство со стороны общественного мнения Европы и тем содействовать исполнению политической платформы организации митрополита Сергия»²⁴⁴.

Слово «тенденциозно», явно вписанное следователем, нужно было бы заменить словом «правдиво». Суть будет понятна — большевики никого не боялись внутри страны, и только Запад, где советский режим продажами сырья получал валюту, мог как-то влиять на масштаб и размах репрессий. Используя канал Косткевича, Ермоген надеялся добиться выполнения властями обещаний, данных митрополиту Сергию в обмен на известную декларацию лояльности, то есть прекращения погрома русской церкви.

В марте 1930 г., в разгар преследования РПЦ большевиками, А.П. Вельмин получил от своего корреспондента подборку документов «по церковном вопросу». Она включала в себя работы: «К вопросу о положении Православной Церкви в СССР», «Список Православных клириков, убитых и казненных в СССР за 1917–1930», «Ответ Православной Русской Церкви на интервью Митр<о>полита Сергия», «Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней»²⁴⁵, «Список Православных Епископов, подвергшихся гонениям до 1 марта 1930 г.», комментарий «По поводу списка Православных Епископов, подвергшихся гонениям до 1 марта 1930 г. в СССР» и рукопись «Убийство Епископа Иерофея Афонина»²⁴⁶.

Но ключевым был «Ответ русской православной церкви митрополиту Сергию». Это уже не было утечкой из окружения, в общем тогда лояльного линии Сергия архимандрита Ермогена. Наоборот, его автор яростно оппонировал двум интервью митрополита Сергия, утверждавшего в письменных ответах на вопросы западных корреспондентов, что церковь

в СССР никаким преследованиям не подвергается. Автор «Ответа» (скорее всего, сам Г.А. Косткевич) писал: «...Не входя в оценку причин, заставивших митрополита Сергия произнести столь очевидную для верующих и для него самого ложь и клевету, мы считаем себя обязанными дать правдивые ответы на вопросы представителей печати и таким образом рассеять клевету и ложь»²⁴⁷. Указано, что 13 лет РПЦ не может провести Поместный собор, следуют точные данные о числе закрытых церквей (за 1929, например, 333), об уничтожении храмов и закрытии монастырей, о гонениях («только перед Рождеством 1929 г. из одной Москвы было выслано 60 человек духовенства»), терроре — об убийстве агентами ГПУ в 1928 г. в г. Никольске Вологодской губернии епископа Иерофея и т. п.

Считая, что такая острая публикация уронит авторитет митрополита Сергия, А.П. Вельмин не рекомендовал Б.А. Евреину эту работу печатать, но тот не счел себя вправе скрывать важный документ и передал рукопись в газету «Последние новости». Газета начала публиковать статьи и документы 3 июня 1930 г. Это была самая заметная в этом году публикация в газете П.Н. Милюкова, нелегально присланных из СССР достоверных материалов.

П.Н. Милюков оговорил в редакционной колонке, что эти документы «исходят из кругов враждебных заместителю патриаршего местоблюстителя», что авторы «Ответа» «не жалеют красок, чтобы заклеить его “предательство” и измену». «Мы считали необходимым не изменять ни единого слова в их суждениях, полагая, что в данном случае на нас лежит обязанность точно довести до сведения эмиграции все то, что не могло быть опубликовано в России», — сообщала редакция, но оговаривалась: «Нашего мнения о тактике митр. Сергия этот обвинительный акт не изменил. <...> Его тактика для данного времени единственно возможная»²⁴⁸.

Переписка руководителя варшавской группы «Крестьянской России» А.П. Вельмина с Г.А. Косткевичем продлилась до сентября 1930 г., когда он, по данным О.В. Косика²⁴⁹, был арестован, а позже осужден на 10 лет лагерей. Ему удалось выжить в ГУЛАГе, и в 50-е гг. он работал врачом в Киеве.

Как видим, попытки преодолеть ров между противниками большевиков в России и эмиграцией, построить мост к свободной прессе Запада не были безуспешны. Переправленные за границы СССР аутентичные документы, созданные в Советской России (Н.В. Воленс или Г.А. Косткевичем), смело обличавшие политику подавления общества большевиками или ставившие вопрос о границах допустимого компро-

мисса между террористическим режимом и православной церковью, вызывали в прессе русской эмиграции небывалую доселе полемику. Они оказались актуальными и своевременными, обратили на себя внимание мировой общественности.

После серии провалов к П.Н. Милюкову пришло разочарование, он отказался от идеи получения эксклюзивной информации из СССР, не столько по моральным соображениям из-за жертв, сколько по объективным причинам: все попытки РДО нелегально проникнуть в СССР провалились, и объединение окончательно превратилось в изредка собирающуюся группу парижских эмигрантов, издававшую малотиражные журналы «Бюллетень РДО» и «Наше дело». Уже в 1931 г. П.Н. Милюков заявил: «Относительно “дальнейшей работы”, должен признаться, у меня нет никакого подлинного намерения. Знаю только, что в прежней работе мы все разочаровались и вести ее дальше в этом направлении и невозможно, и бесполезно»²⁵⁰.

Оборотной стороной отказа П.Н. Милюкова от попыток поддерживать непосредственный контакт с советской аудиторией, получать независимую и достоверную информацию путем посылки эмиссаров в СССР стал очевидный дрейф самого политика и его газеты на позиции большого использования советской официальной информации, убеждения читателей в возможности мирной эволюции режима.

Потеря непрочной связи с Россией для лидера РДО была существенной. Ведь даже советская агентура, дабы не быть разоблаченной, вынуждена была, наряду с постоянным убеждением заграницы, что в СССР все интеллигенты против антибольшевистского террора и за эволюцию, давать о советских реалиях и достоверные сведения. Имея частично подконтрольный советской разведке канал связи с СССР, П.Н. Милюков был отчасти жертвой манипуляций ОГПУ. Но, оборвав эти опасные секретные связи, главный редактор «Последних новостей» как аналитик процессов в СССР стал жертвой собственных укрепившихся заблуждений: теории эволюции сталинизма в государство, защищающее национальные интересы России.

В дальнейшем П.Н. Милюков политически опирался исключительно на свое протопартийное Республиканско-демократическое объединение. Создается впечатление, что многие члены РДО состояли в этой организации не столько по идейным соображениям, сколько для того, чтобы иметь доступ на страницы редактируемой Милюковым газеты «Последние новости». Целью могло быть и получение работы в различных субсидируемых властями Франции организациях, в руководство которых входил П.Н. Милюков, например Института славяноведения или Фран-

ко-Русского университета. Там трудился фактический редактор экономического отдела в газете Милюкова «Последние новости» Александр Прокофьевич Марков. В своем неопубликованном труде «История эмиграции» А.П. Марков замечал: «П.Н. Милюков стоял во главе республиканско-демократического объединения. В его состав входили кадеты милюковского полка. Большая часть из них была с значительным социальным уклоном, но без пристрастия программы какой-либо социалистической партии. Полного единства взглядов среди членов объединения, однако, не было. Антифашисты и республиканцы, шедшие за своим идеологом Милюковым, хотя некоторые из них вышли из рядов белой армии, но не состояли членами белых воинских организаций. В сущности, вся деятельность объединения сводилась к чтению внутренних докладов по различным вопросам жизни СССР, в организации редких публичных выступлений П.Н. Милюкова и только»²⁵¹. Кроме того, РДО выпускало сначала несколько раз в год, затем все реже и реже свои издания.

РДО прекратило всякую нелегальную и пропагандистскую работу на СССР. «Бюллетень РДО» все реже и реже описывал немногочисленные собрания поклонников Милюкова. Основные политические директивы лидера РДО излагали «Последние новости», и находились они в русле вечной идеи П.Н. Милюкова о вот-вот начинающемся эволюции сталинизма к демократии и о том, что во внешней политике СССР часто бывает защитником национальных интересов России.

Издательская и партийная активность самого РДО почти сошла на нет еще до начала Второй мировой войны. А.П. Марков указывает: «Случалось, что в «П<оследних> Н<овостях>» появляюсь статьи, которые не отражали мнение П.Н. Милюкова. Это было во время его болезни или отъездов из Парижа. Так, например П.Н. Милюков не склонен был осуждать роль Москвы в советско-финляндской войне, что осуждали некоторые его сотрудники. В этом вопросе П.Н. Милюков был, прежде всего, историком, защитником неприкосновенности русской земли, и войну с Финляндией он рассматривал как мероприятие, направленное на охрану Петрограда и ближайшей к нему территории. По этому вопросу нельзя было занять открытую позицию сторонника войны и оправдать или доказать ее необходимость или полезность. П.Н. Милюков был националистом и не принимал войны как средства достижения государственных задач. Но война возникла, и П.Н. Милюков хотел, чтобы она была полезной для России. В оные времена политические враги П.Н. Милюкова называли его «Милюковым-Дарданельским», по-видимому, учитывая его мечтание о расширении русского влияния на Черном море. Таково было мнение П.Н. Милюкова о войне с Финляндией. Оно было известно бли-

жайшим сотрудникам газеты, но не нашло в ней отражения. Не осуждал также П.Н. Милюков и соглашение Сталина с Гитлером в 1939 г. Но он и не противодействовал появлению в “П<оследних> Н<овостях>” и статей, осуждавших этот шаг Сталина»²⁵². К тому же, часть сотрудников газеты (Н. Вакар и др.), без которых она уже не могла существовать, в 1939 г. почти открыто вели свою линию, заставляя «Папашу» по крайней мере не выступать с просоветскими статьями в связи с агрессией СССР против Финляндии и пакта Молотова – Риббентроппа. Ведь такие статьи во время войны могли привести к закрытию газеты.

В частных беседах 30-х гг. П.Н. Милюков называл С.С. Маслова, по словам И.В. Гессена, «опереточным заговорщиком»²⁵³. Но в отличие от РДО в Париже ОГПУ в Москве продолжало относиться к деятельности «Крестьянской России» как к реальной опасности и внимательно анализировало программные материалы КР-ТКП.

В секретном докладе ОГПУ «Анτισоветское движение в деревне» в октябре 1928 г. организация охарактеризована так: «“Крестьянская Россия”, существующая за границей, но имеющая также связи в СССР, является наиболее серьезной попыткой организовать широкую массовую кулацкую партию»²⁵⁴. Авторы отчета, чекисты начальник Секретного отдела ОГПУ Т. Дерibas и его подчиненный Р. Аустрин, благодаря агентам Ирманову, Боярову-Мосевичу и Ильину были осведомлены о попытках С.С. Маслова создать в СССР ячейки КР-ТКП.

ОГПУ считало, что уже «к концу 1927 года за границей существовало 12 местных групп, объединенных Центральным Бюро. Группы же в СССР в 1925 г., вместе с общей ликвидацией остатков ПСР, были разгромлены»²⁵⁵. Отмечается, что «с начала 1926 года ЦБ прилагает все усилия к тому, чтобы наладить регулярную связь со своими единомышленниками в СССР и возможно шире развернуть работу. До сих пор в кругах ЦБ как основные города, где ведется работа, фигурируют Москва, Ленинград, Воронеж, Харьков, Киев, Ростов н/Д, Баку, а также Сибирь и Дальний Восток»²⁵⁶. ОГПУ отслеживало сеть заграничных структур партии: «Особой активностью в деле налаживания самостоятельных связей отличаются дальневосточная группа “Кр<естьянской> Рос<сии>” в Харбине и представители ЦК, находящиеся в Эстонии»²⁵⁷. В докладе упоминается и о существовании коалиционной технической структуры по переброске агентуры и прессы в Советский Союз: «Главная переотправка эмиссаров происходит через Польшу, где “Кр<естьянской> Рос<сией>” вместе с другими организациями создана транспортно-техническая организация под названием “Опус”, которая обслуживает всех своих участников»²⁵⁸.

В докладе ОГПУ, в отличие от других разделов, где названы фамилии лиц, арестованных в рамках операций против эсеров или «Крестьянского Союза», не приводится ни одного конкретного случая задержания лиц, разоблаченных в качестве эмиссаров «Крестьянской России». Это можно объяснить тем, что операции по проникновению в КР-ТКП Н.А. Боярова-Мосевича и нового агента А.Р. Ильина были в самом разгаре. С 1929 г. лидер КР-ТКП С.С. Маслов находился в полной уверенности, что его дело в России успешно развивается. Он писал в США: «Сегодня из России письмо. Образовалась группа “Кр<естьянской> Р<оссии>” с ответвлениями в пяти губернских городах, но ни качественный, ни количественный состав группы нам неизвестен. Образовалась она под влиянием нашей литературы и переписки одного из наших товарищей (кого сказать в письме не могу)»²⁵⁹.

В 1930–1931 гг. «Крестьянская Россия» продолжала через Фонд свободной печати взаимодействие с группами поддержки журнала «Борьба за Россию». «Борьбой» в 1928 г. была налажена доставка литературы, как своей, так и КР-ТКП, в СССР через Берлин. Отправкой занимался член ТНСП В.М. Кудрявцев²⁶⁰. В Праге координировал эту деятельность другой народный социалист — В.С. Озерецковский, сообщавший: «Пути есть очень хорошие — и воздушные, и пароходные <...> 200 пакетов в месяц по адресам — 650 крон <...>»²⁶¹. Листовки, журналы отправлялись из Праги в Берлин, далее перевозились с помощью дипломатов в Москву, куда с октября 1928 до августа 1929 г. было якобы переправлено 537 экземпляров «Вестника Крестьянской России»²⁶². Эта операция прекратилась к концу 1931 г. Из переписки невозможно понять, контролировал ли кто-нибудь доставку литературы и пути ее пересылки в СССР.

После окончательного разрыва с П.Н. Милюковым КР-ТКП продолжала попытки создать свои структуры в России. В частности, как я уже отмечал, перешел границу курьер Андрей Романович Ильин (1893–1937)²⁶³. По сведениям Г.А. Малахова²⁶⁴, Ильин в 1929 г. побывал в Ленинграде и успешно вернулся в Эстонию, а в 1930 г. летом вновь был отправлен в СССР. Н.В. Быстров писал: «Ильину удалось пробраться в Советский Союз в 1930 году, но обратно он не возвратился»²⁶⁵.

В литературе, отражающей позицию российских спецслужб, о студенте пражского кооперативного института Андрее Ильине сообщается как о завербованном резидентом ОГПУ в Праге П.М. Журавлевым в августе 1926 г. в Праге агенте ОГПУ.

А.Р. Ильину во второй половине 1927 г. резидент ОГПУ П.М. Журавлев (псевдоним «Макар») дал задание: «глубинное внедрение, вплоть до вхождения в руководящие органы ТКП и полнейшее освещение ее дея-

тельности, особенно на территории СССР»²⁶⁶. Утверждается, что, войдя в доверие к С.С. Маслову, Ильин (псевдоним в ОГПУ Головин) «выкрадывал всю корреспонденцию Маслова, включая архив». И еще: «Совместно с Масловым Ильин выезжал в Сербию, Болгарию и Турцию, где по заданию последнего устанавливал контакты с местными ячейками ТКП»²⁶⁷. В столь ярких подвигах А.Р. Ильина можно и усомниться: Сербии на карте мира давно уже не было, а в Турции в это время не было ячеек КР-ТКП.

Еще одно яркое утверждение Папчинского и Тумшиса: «Одновременно через Маслова Ильин получал информацию о деятельности некоего Андрея Ксунина²⁶⁸, бывшего сотрудника газеты “Новое время”. Последний, обосновавшись в Вене, организовал там “информационное бюро”, ставившее целью “осуществление контроля за русской эмиграцией в Югославии и разоблачение агентов ИККИ-ГПУ на Балканах”»²⁶⁹. По всей видимости, авторы ведут речь все же об Алексее Ивановиче Ксюнине (1880(82)–1938), жившем в Белграде, работавшем в разных русских газетах в Югославии и действительно разоблачавшем агентов большевиков. Деятельности Ксюнина касается В.В. Шульгин: «Ксюнин был связан с югославским правительством, от которого получал какие-то суммы по так называемой “Русской Акции”, т. е. поддержка деятельности русских эмигрантов, проживающих в Югославии»²⁷⁰.

А.И. Ксюнин обменивался информацией об СССР и действиях его агентуры как с С.С. Масловым, так и, гораздо более активно, с жившим в Париже А.И. Гучковым. Эта сеть сбора информации получила название «группы Гучкова – Ксюнина». Информационные же бюро были созданы по инициативе Гучкова позже, прежде всего для сбора информации в связи с голодом в 1932–1933 гг., для разоблачения колхозной политики большевиков, приведшей к Голодомору в СССР²⁷¹.

А. Папчинский и М. Тумшис сообщают, что после успехов при выполнении заданий ОГПУ в Праге решило послать Ильина «по всем явкам ТКП в Союзе» как «агента-маршрутника»²⁷², дабы вскрыть резидентуру Маслова на советской территории. В 1929 г. Ильин перешел через «окно» на эстонско-советской границе около Изборска. «Переход был удачным. Ильина задержали лишь в районе Пскова, он же шел в Ленинград для установления связи с активистами ТКП, а, главное, с ленинградскими чекистами, служебные телефоны которых он получил еще в Праге от Макара»²⁷³. Далее с Ильиным разбирались начальник Секретного отдела С.Г. Жупахин и его помощник М.А. Степанов. Затем Ильин-Головин был переправлен в Москву в Секретный отдел ОГПУ СССР. «Здесь Ильина стали проверять более досконально, ему пришлось

два месяца провести в тюрьме. Чекисты подозревали, что границу нарушил «агент-двойник», и проверяли истинность заявлений агента Головина»²⁷⁴.

Проверку проводил чекист А.С. Словатинский: «Проверка прошла успешно. Агента-маршрутника поселили в гостиницу, и через некоторое время Головин двинулся проверять работоспособность агентурной сети ТКП. Так Ильин стал двойным агентом, вначале его контролировал Иностранный отдел ОГПУ, теперь он перешел под ведомство Секретного отдела ОГПУ. По результатам проверки ячеек ТКП Ильин начал вести переписку с ее Пражским центром»²⁷⁵. По итогам деятельности А.Р. Ильина на Лубянке был сделан вывод: «Проверка показала, что значительная часть ячеек или ее влиятельных активистов находилась под контролем ОГПУ»²⁷⁶.

В 1930 г. А.Р. Ильин возвратился в Прагу с заданием ОГПУ провести разработку каналов переброски в СССР пропагандистской литературы через организацию «Опус» в СССР. Вернувшись в Прагу, А.Р. Ильин якобы был «восторженно принят руководством ТКП», ибо немногие эмиссары возвращались обратно. Утверждается, что «информация, переданная Ильиным, обнадежила Маслова: “ячейки действуют, сторонники активны”. Пересказывающие дело А.Р. Ильина авторы, считают, что именно тогда было принято решение о подготовке нового съезда партии: «Маслов «обязательно хотел обеспечить участие в работе этого съезда групп ТКП из Советского Союза». Именно Ильин должен был организовать переброску этих представителей в Прагу. Также С.С. Маслов, как потом писал в своих отчетах А.Р. Ильин, предложил ему «окончательно перепроверить правильность подозрений о том, что некоторые руководители и участники групп ТКП — «Крестьянская Россия» в Советском Союзе являются агентами ОГПУ». Выполнить же задание советских спецслужб по так называемому «Опусу» Ильин уже не успел»²⁷⁷.

А.Р. Ильин был «в том же 1930 году переброшен обратно в Советский Союз». История этой второй отправки А.Р. Ильина в СССР 1930 году весьма интересна. Сохранились живые свидетельства подготовки и проведения этого перехода. Дело в том, что отправиться в «деревню», как в конспиративной переписке называли Советскую Россию, он должен был не один, а с напарником, который должен был перепроверить информацию Ильина. Руководство «Крестьянской России» на эту роль выбрало Георгия Александровича Малахова (1905–2005) – сына известного кооператора Александра Егоровича Малахова, основателя Союза смолокурных артелей и потребительских обществ Важской области (Архангельская губерния).

Старший Малахов бежал из Советской России в 1919 г. Затем он был послан эсерами в Эстонию, где занимался изданием газеты «Революционная Россия» и переброской антибольшевистской литературы.

В 1922 г. к Малахову через границу смогла нелегально пробраться жена, приехавшая в Псков через Москву и успевшая к тому времени посидеть, как супруга беглого врага народа, в советской концлагере на Соловках. Через границу с ней бежала вся семья Малаховых — пятеро детей, включая и Георгия. Егор (так его называли все знакомые) Малахов до 1919 г. учился в Шенкурском коммерческом училище. За границей доучился в Пражской гимназии, экзамены сдал экстерном в Мукачевской русской гимназии — там, где в Подкарпатской Руси работал отец. Затем Егор Малахов поступил в Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге. Получив в 1929 г. диплом инженера, работы не нашел, был рабочим на стройке, служил сторожем, затем почти 6 лет, купив с братом в кредит автомашину, работал в Праге шофером такси.

Примерно в 1928 г. Егор Малахов на одном из политических собраний встретился с земляком С.С. Масловым, которого видел в Шенкурске в 1918 г., и вступил в КР-ТКП. Выполнял ряд деликатных поручений лидера партии. В частности, Малахов побывал с ним в Белграде, по всей видимости, присутствовал на докладе Маслова 1930 года «На революционной работе в России». Г.А. Малахов вспоминал о своем общении с председателем Белградской партийной организации Гавриилом Ивановичем Цариком, который после восторженно принятого слушателями доклада С.С. Маслова сказал ему: «Вот видите, Георгий Александрович, кажется, что мы сидим в дыре, кажется, ничего не делаем, никаких крупных дел не творим, копаемся понемногу; сегодня одно сделаем, завтра другое, послезавтра ничего не сделаем, затем опять что-нибудь. В результате те усилия, которые мы незаметно для других, а иногда и для себя, затратили, сказались. Не переделай мы этой незаметной кропотливой и, казалось бы, скучной работы, наша партия не достигла бы тех успехов в лице Сергея Семеновича (Маслова. — *М. С.*), которые получились теперь. Из суммы маленьких, ничтожных дел, — добавил он, — вырастают крупные»²⁷⁸. На обратном пути в Прагу Г.А. Малахов охранял С.С. Маслова при перевозке крупной суммы денег.

С.С. Маслов, как рассказывал Г.А. Малахов, передал ему оружие и дал понять, что партия не возражала бы против громкого теракта. В своих мемуарах Малахов пишет: «С.С. Маслов предложил мне нелегально отправиться в Россию с целью пропаганды идей Трудовой крестьянской партии, для организации партийных ячеек, а также, если будет возможность, для участия в террористическом акте. Для этого он передал мне

план одного подмосковного болота с путями сообщения к нему. В этих краях обычно охотились высокопоставленные члены большевистской партии.

Я дал согласие с оговоркой, что смогу участвовать в болотном деле только против высокопоставленных чекистов, которые обагрили свои руки кровью революционеров, боровшихся за свободу народа. С.С. Маслов согласился со мной и передал мне подробный план болота, а также браунинг с запасом патронов»²⁷⁹.

Г.А. Малахова свели с А.Р. Ильиным еще в Праге. И именно Ильин готовил его к нелегальной работе. На поездку каждый из эмиссаров получил «по пять тысяч крон» и «солидные фальшивые паспорта, которые давали возможность беспрепятственно передвигаться по территориям государств, граничащих с Россией»²⁸⁰. Так как сам С.С. Маслов позже пользовался паспортом гражданина Югославии, то, скорее всего, и здесь использовались паспорта граждан этой страны.

Егор Малахов вез с собой агитационную и пропагандистскую литературу: «1. Программа Трудовой Крестьянской партии “Крестьянской России” — 79 штук. 2. Программа дальневосточной ТКП — 28 книжек. 3. “Вестник крестьянской России” — 75 номеров. “Крестьянская Россия” (ДВО) — 10 шт. 5. Брошюра С.С. Маслова “На революционной работе в России” — 3 шт. <...> 6. Прокламации: “Крестьяне!” — 6 шт. “Братьям крестьянам!” — 10 шт. “Народ победит, правда — восторжествует!” — 10 шт. “От обороны к нападению!” — 10 шт. “Коммунистический колхоз — могила крестьянства” — 10 шт. “Молодежь, на борьбу” — 10 шт. 7. “Дни” А.Ф. Керенского — 47 номеров. 8. “Борьба” — 57 шт. 9. “Борьба за Россию” — 9 шт.»²⁸¹. Состав собранной для переброски литературы говорит о том, что и летом 1930 г. КР-ТКП соблюдала соглашение о доставке литературы не только с группами газеты «Дни» А.Ф. Керенского и журнала «Борьба за Россию» С.П. Мельгунова. В этот период КР-ТКП проводились совместные действия и с коммунистами-диссидентами из группы «Борьба» (1929–1932) во главе с невозвращенцем-дипломатом с Г.З. Беседовским, призывавшими к борьбе против сталинского режима, «за свободные Советы» и за «Союз советских демократических республик», но отвергавшими совместные действия с «белой» эмиграцией.

...Путешественники в СССР ехали раздельно. Малахова в Варшаве встретил А.А. Вакар, разменявший ему кроны на рубли. Из бесед в Таллинне Г.А. Малахов выяснил, что глава эстонской группы КР-ТКП П.А. Богданов недоволен как деятельностью партии, так и той ролью, которую ему предназначают. В частности, он «полагал, что раз у партии нет денег для планомерной работы, то играть головами тех, кто работает

в России, не следует», что надо «сидеть и не рыпаться, прорабатывать идеологические и программные положения»²⁸². П.А. Богданов был недоволен «правым уклоном партии», но он не знал о соглашении с группой «Борьба» и о попытках установить контакт с «третьей эмиграцией».

П.А. Богданов не был доволен предложением ЦК КР-ТКП передать свои «политические связи» Б.К. Семенову, «чувствовал, что его не то не любят, не то не доверяют»²⁸³. Он предлагал «всю нелегальную работу сконцентрировать в одном государстве — в Эстонии», в крайнем случае «сосредоточить все в Прибалтике. Руководящий центр работы, по его словам, должен был находиться или в Таллинне, или в Риге. Все плюсы на стороне Таллинна»²⁸⁴. Богданов предлагал создать должность Уполномоченного ЦК (руководителя центра), который должен заниматься исключительно партийной работой и средства для личного существования получать от ЦК. Уполномоченный должен был бы контролировать всю деятельность других членов партии.

Как пишет Малахов о планах П.А. Богданова, «уполномоченный должен располагать конспиративной квартирой для приездов членов партии, командированных на нелегальную работу. Эта квартира должна оплачиваться из партийной кассы. Уполномоченный должен получать зарплату в размере 1500 чешских крон. По расчетам Петра Александровича, на содержание партийной организации в Эстонии необходимо 3–4 тысячи чешских крон в месяц. При соблюдении всех этих условий Богданов предлагал проводить борьбу с большевистской контрреволюцией в революционных формах.

— Все ваши предложения зависят от денежных средств, — сказал я Петру Александровичу. А как бы вы проводили партийную работу в тех условиях, в которых мы находимся теперь?

— Я бы бросил работу, — ответил он.

— Но мы ее не бросим, и вы обязаны нам помочь.

— Тогда так, как я сказал. Все, что творится, должно быть мне известно. Только при этом условии я смогу работать.

— Это естественно, — ответил я.

В Таллине нам с Андреем <Ильиным> пришлось прожить у Петра Александровича Богданова более двух недель, ожидая извещения из Печор о том, что все для перехода границы готово. <...>

Андрей скучал и с нетерпением ждал вестей с границы. Он хотел как можно скорее попасть в Россию. Помимо партийной работы его там ждала любимая девушка, которая жила в Петрограде»²⁸⁵.

Из Таллина оба агента КР-ТКП выехали в Печорский район Эстонии. Обеспечивали их переход жившие в Печорах Александр Григорье-

вич Лурьи (ранее, когда он учился в Праге, работал шифровальщиком в ЦК КР-ТКП — «зашифровывал письма, отправляемые в Россию, и расшифровывал полученные из нее»²⁸⁶), Георгий Петрович Поднебесный и Борис Константинович Семенов.

Г.А. Малахов обсудил с Б.К. Семеновым планы Богданова: «Я изложил Семенову точку зрения Богданова о централизации партийной работы в Эстонии. Он вначале не высказался против этой идеи, но я видел, что она ему не нравится. Немного погодя он поморщился и сказал:

— На кой мне тут иерарх? За всю работу я несу ответственность, и для дела мне иерарха не надо.

— Ну, а если случится то, что с вами уже было, и вас арестуют эстонцы? (некий инцидент был в 1929 г. — *М. С.*²⁸⁷), — спросил я.

— Тогда, конечно, Петр Александрович должен мне помочь, — сказал он. Подумав, Семенов сказал, что во избежание возможных неувязок необходимо информировать Богданова обо всех пограничных делах»²⁸⁸.

Замечу, вполне естественно, что должность с зарплатой в 1500 чешских крон П.А. Богданов предполагал получить для себя, ведь, по данным профессора С.Г. Исакова, «П.А. Богданов поддерживал контакты с помощником начальника Эстонской политической полиции Теннсоном»²⁸⁹. И только он мог обеспечить прикрытие нелегальным операциям КР-ТКП на советско-эстонской границе.

Первая же попытка перехода границы около Изборска сорвалась из-за того, что группа сначала заметила слежку агентов эстонской полиции, а затем неблагоприятными оказались условия на границе.

«Опять присели около дороги. Круглая луна залила все кругом обманчивым светом. Далеко видно.

— Сегодня идти опасно. Луна больно светит. Это одно, — говорит Сусанин (проводник. — *М. С.*), — а другое, как на той стороне? Неизвестно. Надоть бы два денька поглядеть. Я бы походил?

Открыли совещание. На этой стороне мы раскрыты — это ясно. На ту сторону мало шансов пройти незамеченными. Слишком светлая ночь. Решили отложить переход через границу. Достали водку и колбасу, приготовленную для дороги.

— За здоровье Николая Александровича (Сусанина)!

— Пейте!

В бутылке, запрокинутой вверх дном, булькнула водка. Сусанин крякнул и вытер усы. Бутылка пошла кругом.

— В другой раз возвращаться не придется? — спрашиваю Сусанина.

— Чаво возвращаться? Все будет в лад.

После первой бутылки обошла круг вторая. Когда ее кончили, то решили возвращаться. Сусанин взял мой мешок и пошел к себе домой, а мы отправились на железнодорожную станцию.

Последний поезд в Печоры уже ушел, а следующий пойдет в шесть часов утра. Мы отправились в чайную. В ее окнах был свет»²⁹⁰.

Провал перехода ознаменовали ночной гулянкой в чайной в Изборске.

«Мы начали вчетвером играть в бильярд. А одной стороны играли Борис Константинович (Семенов) и Яша, как его называл Поднебесный, а с другой — мы с Георгием Петровичем (Поднебесным). <...>

А вот и хозяин! — Воскликнул Поднебесный, когда хозяин вошел в помещение. Дай-ка нам водочки и лимонаду.

— Водочки, извините, не держим.

— Да ты не бойся. Не выдадим. Вот Яша, меня давно знает. Бориса-то Константиныча, поди сам знаешь, а это два учителя, — и он указал пальцем на меня и на потолок (на чердаке лег спать Андрей Ильин. — М. С.) и добавил: — Все по народному просвещению.

— Все свои люди, — хихикнул Яша.

— Да я не боюсь! Верно, нету.

— Да ты пойди, погляди! — сказал Георгий Петрович.

“Поглядев”, хозяин принес и поставил на стол бутылку водки и несколько бутылок лимонада.

— Пить! — Воскликнул Григорий Петрович, наливая в чайные стаканы водку, и доливая лимонадом. — Это изборское шампанское.

— Вот это верно, — сказал Яша.

— Бери и ты, — сказали ему.

— А Вашему товарищу завидно будет, — сказал Яша про Андрея. — Спит и не знает, что тут шампанское.

— Это его с одной водки в сон бросило, — сказал Борис Константинович. — Выпили мы дорогой.

Так пили мы и играли всю ночь напролет. Когда в головах сильно зашумело, стали объясняться друг другу в любви. <...>

Потом пили на брудершафт с Яшей. <...> Все это происходило между ударами киями. Играл, собственно, только Яша. Остальные небрежно били, тяня какой-нибудь напев. За ночь были перепеты все песни, которые мы знали. Утром заказали хозяину яичницу и решили идти на сеновал будить Андрея (Ильина). С собой потащили хозяина и Яшу.

Вокруг Андрея все встали с киями в одной руке и со стаканами в другой. Андрей был, по его словам, родом с Кубани. Поэтому мы грянули хором: “Ты Кубань, наша родина...”. Андрей вскочил и вытаращил глаза, а мы продолжали: “Вековой наш богатырь...”. Затем отправились все

вниз, есть яичницу, потом на поезд. В вагоне я передал Андрею свой паспорт и билет до Тарту, куда мы решили уехать, чтобы замести следы, и заснул»²⁹¹.

После такого интенсивного снятия стресса из-за несостоявшегося путешествия немудрено, что Егор Малахов очнулся не в Тарту, а на станции в Печорах. Затем все-таки добрался до Тарту, где сразу же обнаружил плотную слежку, от которой тщетно пытался уйти.

Позже П.А. Богданов сообщил из Таллинна, что это была местная агентура полиции и вопрос со шпиками будет решен. С помощью Теннона он обеспечил продление визы Ильину и прекращение открытой слежки²⁹². Более того, Б.К. Семенову был передан даже специальный пароль на случай встречи группы с эстонскими пограничниками²⁹³.

Вторая попытка перейти границу 15 сентября²⁹⁴ 1930 г. также была неудачной. «В восемь часов мы ушли из чайной. На перекрестке дорог встретили Сусанина. Направились к границе. <...>

— Ну, как, перейдем? — спросил я его как и в прошлый раз.

— Да уже не знаю. Боюсь. — ответил Сусанин.

— Чего? — спросили мы.

— Да уж больно сильна у них охрана. Надо бы повременить. На полях народ. Я ходил посмотреть в Подрамье. На полях работает три трактора. Теперь не пройдешь и 50 сажень, как попадешься.

— Пройдем, не попадемся, — сказал я.

— Нет уж, как хотите, я не пойду. Зачем в петлю лезть? — ответил Сусанин.

Мы стали его уговаривать, но он наотрез отказался идти.

— Как быть? — Задал вопрос Андрей (Ильин. — М. С.).

— Пойдем одни, — сказал я. — Давай дедов мешок. <...>

— Голову сломать успеем, — сказал Андрей. — Ты не думай, что я боюсь. Я только не хочу погибать даром.

Я уломал Андрея, и он уже согласился. Согласился и Сусанин довести нас до проволоки, сказав:

— До проволоки доведу, но знайте, что встать не успеете, как схватят.

Тут вмешался Георгий <Поднебесный> — Это безумие. Одни уйти всегда успеете. На этот раз надо отложить. Зачем рисковать без толку.

Я надел мешок и хотел было идти, но меня стали уговаривать. Конечно, уговоры на меня подействовали не в такой мере, как отсутствие компаса. Без него идти по незнакомой местности — безумие. Я решил вернуться в Печоры, купить компас, детальнее ознакомиться с картой и в первую удобную ночь двинуться в путь»²⁹⁵.

Проводник по кличке Сусанин предложил идти только после окончания полевых работ, через месяц, и от его услуг решено было отказаться. Эмиссары КР-ТКП вернулись в Печоры и стали готовиться к самостоятельному переходу поодиночке (это было выгодно для Ильина как для агента ОГПУ).

Оба, Малахов и Ильин, переехали в деревню Пачковка около Печор, где находились до конца сентября. Там Малахов познакомился с молодой художницей Марьей Романовной Шпис (1904 – после 1972), приехавшей рисовать русских крестьян в Печорах.

Г.А. Малахов пишет: «С Марьей Романовной я подружился, дружба перешла в более сильное чувство, которое связывало нас долгие годы. Я тогда еще не знал, что она пред этим была невестой С.С. Маслова. Она мне об этом сказал позже. Это обстоятельство до некоторой степени повлияло на отношение ко мне части членов партии»²⁹⁶. Последовал очень быстрый роман, и молодые люди поселились вместе. Г.А. Малахову не помешало, что у него имелись уже жена и дочь, жившие, как следует из мемуаров, в это время в Польше.

Молодая художница оказалась членом партии и, странным образом, Мария Шпис была осведомлена о ее тайнах, что поразило Егора Малахова: «Марья Романовна была детально посвящена в нелегальную работу нашей партии, что прямо меня поразило. Она знала даже о такой детали, как “болотное дело”, которое заключалось в покушении на одного из видных деятелей ВКП(б). Она была рядовым членом нашей партии и не принимала участие в нелегальной работе. Но, несмотря на это, она была о ней осведомлена больше, чем члены ЦК ТКП, которые непосредственно ею не занимались. Нелегальной работой в партии занимался небольшой круг лиц, которыми руководил лично С.С. Маслов.

— Откуда вы это знаете? — спросил я ее, когда мне она рассказала о «болотном деле».

— Очень просто. — ответила она. — В моем присутствии об этом рассказывал Герасим Алексеевич (С.Р. Царапкин. — М. С.) Сергею Семеновичу. При мне же был нарисован и план болота. <...> Сообщение Марьи Романовны меня поразило. — Какая легкомысленность и безответственность царят в ЦК — подумал я»²⁹⁷.

Имевшая гражданство Германии М.Р. Шпис была знакомой берлинского невозвращенца, ученого-генетика С.Р. Царапкина, давшего эту информацию Маслову. Видимо, от своей «невесты» вождь КР-ТКП не скрывал самых тайных планов. Впрочем, планы были не слишком свежи, признает Г.А. Малахов: «Я думаю, что этот план уже устарел, — продолжала свой рассказ Марья Романовна, так как данные, положенные в его осно-

ву уже тогда, когда создавался этот план, насчитывали шестилетнюю давность. У меня же создалось впечатление, что когда мне этот план излагал Сергей Семенович, что данные новые. Я готовился к походу, хотя вера в данные Сергеем Семеновичем явки была сильно поколеблена»²⁹⁸.

Г.А. Малахов все же решил готовиться к переходу в СССР в одиночку. Но товарищи все сдерживали его пыл. А вскоре в Печоры прибыл из Праги уполномоченный ЦК Василий Бутенко, которому доложили о неудачах. В.Ф. Бутенко предьявил Егору Малахову обвинения в нелояльности к партии и лично к Маслову, молодого человека поразившие: «По всей той линии, по которой проехали и вы, и в разговорах, со всем и вынес впечатление, что у всех от вас осталось отвратительное впечатление. Везде вы пытались посеять вздор и разложить партию. Имейте в виду, что это вам не удалось сделать. Мы хорошо знаем другу друга, и так спаялись, что это сделать невозможно. Я говорил с Вакаром, с Богдановым, с Семановым, с Поднебесным, с Лурьи и с Андреем <Ильиным> и из разговора узнал, что вы выставляли Серея Семеновича Маслова и меня в каком-то неверном свете, причем меня выставляли каким-то подлизой. У всех на основании ваших слов составилось мнение, что в ЦК не все благополучно. Вы всех привели в замешательство. Но имейте в виду, что вам разложит партию не удастся. <...> Вы старались восстановить против Сергея Семеновича, рассказывая в преувеличенном виде о его недостатках. На этом вы и попались. Мы все знаем его недостатки, и, когда нужно, боремся с ними. Но он так много работает, что ему это простительно. Одним словом, — с жаром сказал Бутенко, — вам восстановить против него никого не удастся.

Это было уже совсем дико. Я не только не собирался никого восстанавливать против Маслова и разлагать членов партии, но наоборот старался подчеркивать лучшие стороны членов партии, чтобы создать о них благоприятное впечатление. О том же Бутенко я говорил Богданову как об идейном члене партии, оставившем ради идеи обеспеченную жизнь в Югославии. О Сергее Семеновиче, естественно, ничего плохого говорить не мог. Эти необоснованные обвинения меня возмутили и вывели из себя. Возмутило не так само обвинение, так как всем ясна была его нелепость, как то, что меня обвинил Бутенко, и, главное, в чем? В восстановлении членов партии против Сергея Семеновича. Все это тем более меня возмутило, что мне еще памятливы его слова в Праге о Сергее Семеновиче, когда мы в последний раз подбирали литературу для России. Он сказал мне:

— Зачем брать книжку Сергея Семеновича? (Имеется в виду брошюра «На революционной работе в России». — М. С.). Кому она интересна?

Не стоит. И хотя я хотел взять с собой “десяточек”, он послал мне только три экземпляра. А когда мы прощались перед Вильсоновым вокзалом в Праге, то он сказал мне:

— Ты ведь знаешь, почему у нас плохо идут дела. Сергей Семенович не гожа. На его место надо другого.

Это были его последние слова перед моим отъездом из Праги. Но я не усмотрел в этом его намерении разложить меня, а лишь его личное мнение о Маслове.

И вот теперь он обвиняет меня в намерении восстановить членов партии против Маслова, а себя ставит в роли его защитника. Эта игра меня возмутила. Я ему намекнул на его слова, не говоря при Семенове, что я имею в виду. Его жар спал, но он все же ответил мне:

— Я все это говорил, чтобы узнать ваше мнение о Сергее Семеновиче и передать кому следует.

После этого мы говорили друг другу только колкости. Это было глупо, но мы оба вышли из себя. Бутенко во время ссоры ни к селу, ни к городу произносил имя Маслова, “защищая” его от меня.

— С Вами случится то же, что с Белозеровым! (Покинул партию. — М. С.) — кричал он.

— Что?

— Увидите.

Разговор кончился в более мирном тоне. И мы на прощание подали друг другу руку. Бутенко уехал. Я стал настаивать на выезде в пограничную деревню. Меня сдерживали. Так тянулось время»²⁹⁹.

Через некоторое время последовала развязка скандала. 10 октября вечером в двери домика на Пачковке раздался стук. Малахов открыл. Вошли Семенов, Поднебесный, Лурьи и Ильин, которые передали конверт, в который было вложено письмо на бланке ЦК:

«“Крестьянская Россия” 4 октября 1930 г.

Трудовая Крестьянская партия № 1501

Г.А. Малахову

Георгий Александрович!

Центральный комитет “Крестьянской России” предлагает Вам немедленно по получении сего письма сдать Андрею или Б.К. Семенову или А.Г. Лурьи имеющиеся у Вас —

1. Все денежные суммы “Крестьянской России”.
2. Револьвер.
3. Записки всех адресов и паролей в России.
4. Записочки в Россию от Маслова.

После сдачи всего перечисленного ЦК предлагает Вам немедленно выехать в Прагу, где явиться к председателю ЦК А.А. Аргунову.

Председатель ЦК А.А. Аргунов»³⁰⁰.

На следующий день Малахов на встрече с группой у Бориса Семенова поднял вопрос о причинах такого решения: «Может быть, поводом к моему отозванию послужило обвинение Бутенко, что я разлагаю партию и восстанавливаю партию против С.С. Маслова?»

Все мои товарищи отвергли это предположение, заявив, что ни первого, ни второго они не заметили. Я попросил искренне высказаться и судить меня товарищеским судом. От суда они отказались, сказав, что судить меня не за что. По их мнению, отозвание является следствием сложившегося мнения, что я не способен к конспиративной работе. Всем казалось, что я сразу же попаду в лапы ГПУ. Я не поверил этому, сказал, что в таком случае ЦК не послал бы меня в Россию. <...> Денег на отъезд не было. Семенов со дня на день ожидал их. Вчера <22 октября 1930 г.> получил от Семенова на дорогу 60 лат и 300 эстонских марок и сегодня <23 октября 1930 г.> в 10 часов вечера уеду»³⁰¹.

Андрей Ильин же отправился из Эстонии в Россию, что фиксирует в своих мемуарах Малахов. «Андрей ушел в ночь с 15 на 16 октября. Вестей до сих пор нет. Он ушел на Восток, куда так хотел я. Я поеду на Запад, куда так не хочется ехать, — писал 23 октября 1930 г. Г.А. Малахов»³⁰². Согласно данным С.Г. Исакова, «А. Ильин, так сказать, со второго захода успешно перешел границу, послал П.А. Богданову письмо из СССР, но далее связь с ним прервалась, и о его судьбе П.А. Богданов ничего не знал»³⁰³.

Надо заметить, что Г.А. Малахову невероятно повезло: вместо того, чтобы отправиться в СССР вместе с агентом ОГПУ А.Р. Ильиным, и, в лучшем случае, попасть в концлагерь, а скорее всего под расстрел, он без проблем вернулся в Прагу. Тем не менее, в мемуарах Г.А. Малахова, опубликованных в 1990-е гг., сквозит обида на руководство партии и лично на С.С. Маслова:

«В Праге я явился к А.А. Аргунову и сообщили ему, что выхожу их рядов партии.

— По идейным соображениям? — спросил он меня.

— Нет, по создавшимся личным отношениям с некоторыми членами партии, — ответил я.

— Это была бы трусость, — возразил он. — Вы должны остаться в партии.

И я остался, но место в аппарате потерял»³⁰⁴.

Эстония второй раз стала местом для романтической истории. Парижский визитер в Таллин В. Борисов увел у П.А. Богданова жену. Теперь Г.А. Малахов соблазнил «невесту» любвеобильного С.С. Маслова. Г.А. Малахов женился на М.Р. Шпиц, у них родился сын Алексей. В 1936 г. Малахов переехал в Югославию — в Македонию, занимался смолокурением, с членами КР-ТКП в Белграде только переписывался. В конце 30-х планировал переезд в Эстонию, но помешала война. В Македонии Малахов благополучно прожил до 1958 года, когда из-за советского паспорта и связей с болгарофилами был выслан в СССР, где его поселили под надзором КГБ в Канске. Его уже бывшая (с конца 40-х годов) жена — художница М.Р. Шпис в 50-е гг. вернулась в СССР в Эстонию, и жила в Таллине до кончины в 70-х гг.

Деятельность же А.Р. Ильина в СССР была все той же: из Москвы он вел переписку с Прагой, сообщал С.С. Маслову о деятельности несуществующих или созданных в провокационных целях ячеек КР-ТКП. Авторы книги «Щит, расколотый мечом», сообщают о том, что когда в 1930 году готовился громкий судебный процесс над Трудовой крестьянской партией, подобный процессам над Промпартией и Союзным бюро меньшевиков, «естественно, в таких условиях ОГПУ было настроено на полное вскрытие ячеек ТКП, а не на проведение агентурных комбинаций»³⁰⁵. В переводе на нормальный русский язык, ОГПУ было настроено создать очередное липовое дело мифической ТКП с участием агарной профессуры (А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и др.), не имевшей никакого отношения к реальной КР-ТКП, поставить еще один спектакль в Доме Союзов, а не выяснять, есть ли у КР-ТКП какая-то сеть, кроме той, которая создана усилиями самих органов, для обмана С.С. Маслова.

А.Р. Ильин чувствовал, что в его услугах скоро не будут нуждаться. Наверное, в связи с этим он, повторно находясь в СССР, предложил «план захвата Маслова, подобный тому, как в Париже был похищен Кутепов. Но начальник Второго отделения ОГПУ Г.С. Люшков полностью отверг это предложение, заявив, что об этой работе надо забыть»³⁰⁶. Почему была прекращена операция, из этой скупой информации неясно.

В отличие от персонажей «Треста», быстро без суда отправленных за решетку, А.Р. Ильина решили использовать в системе ОГПУ. Он был направлен сначала в качестве сексота на Кубань, где выискивал и разоблачал антисоветчиков, а потом — в лагеря начальником отрядов ВОХР в Караганду и Дмитров. В 1934 г. А.Р. Ильина как сотрудника ОГПУ послали работать в Китай. В Синьцзян на усмирение дунганского восстания направили целую группу советских агентов из числа белых офицеров. В 1936 г. Ильина вернули на вохровскую службу в Дмитлаг. Творче-

ский путь советского агента завершился на посту оперативника УНКВД в Саратове и вполне стандартно для своего времени. 14 апреля 1938 г. А.Р. Ильин был арестован. Его отправили в Москву, где долго пытали, что он и описывал в своих заявлениях: «Меня били так, как колхозник не бьет свою скотину. Били меня в октябре и ноябре месяце. 15 декабря я им подписал. Следователь меня спрашивал в декабре месяце, не забыл ли я уроки октября и ноября, и всегда у него на столе лежала резиновая палка и спиральная пружина»³⁰⁷. А.Р. Ильин признал себя агентом 2 отдела польского Генштаба. 17 марта 1939 г. на закрытом заседании военного трибунала внутренних войск Московского округа А.Р. Ильин был приговорен к «высшей мере социальной защиты — расстрелу» и был расстрелян 8 мая 1939 г.

Таким образом, опубликованные сегодня оперативные материалы ОГПУ-НКВД и изученные автором реабилитационные дела членов «Крестьянской России» подтверждают наличие у советских спецслужб агентуры внутри партии. Но осведомители ОГПУ (Н.С. Ирманов, А.Р. Ильин и др.), безусловно, не имели всей информации о планах КР-ТКП или ОПУСа, не входили в руководство этих структур, относились к ним хозяева как к расходному материалу, чем и объясняются попытки внедрения все новых и новых агентов в окружение С.С. Маслова и в 30-е годы.

Агенты типа Н.А. Мосевича-Боярова, А.Р. Ильина и Д.А. Акимова, находясь в СССР под контролем ОГПУ, успешно дезинформировали руководство КР-ТКП о создании широкой сети поддержки в СССР. Они же выявляли ее потенциальных сторонников в СССР. В то же время они вынуждены были поставлять КР-ТКП и достоверную эксклюзивную информацию о кризисных явлениях в Советском Союзе.

Игра с «двойными агентами» для ОГПУ всегда имела и очевидную отрицательную сторону: за информацию изнутри эмигрантских структур приходилось платить данными о негативных явлениях внутри СССР. Думаю, что подробные сложные разведывательные операции были прекращены со сменой первого более интеллектуального поколения руководителей советских спецслужб на людей, политически и ментально более ограниченных, советской закалки, а главное — в связи с изменением И.В. Сталиным социального заказа. Режим постепенно перестал нуждаться в мастерах добывания информации о вероятном противнике и даже постепенно — в спеццах по части создания провокаций, но на базе реальности; карьере стали делать чистые, как тогда говорили, «липахи».

Хозяину Кремля все менее были нужны реальные факты о сопротивлении режиму внутри страны или же об активности его противников за рубежом. Ему требовались новые и новые фальсифицированные дела,

процессы, с помощью которых терроризировались целые социальные слои. Этим можно объяснить прекращение многоходовых сложных спецопераций ОГПУ против КР-ТКП.

2.2. Активизм — в защиту русской деревни

КР-ТКП и ее союзники в борьбе против коллективизации в СССР (1929–1932 гг.)

К началу 1930-х годов популярность «Крестьянской России» за рубежом становится достаточно высокой. КР-ТКП имела высокую для эмигрантской организации численность — более 200 членов. Группы сторонников базировались в Чехословакии (Прага, Брно и Подкарпатская Русь — Ужгород, Опава — Чешская Силезия), в Варшаве, Софии, Берлине, Париже, Риге, в Эстонии (Таллинн и Печоры), в Югославии (Белград, Загреб и Суботица), в США (Нью-Йорк), в Китае (Харбин и Шанхай).

В то же время финансовое положение не было прочным, и С.С. Маслов буквально бомбардировал уехавших в США коллег Б.Ф. Соколова и Ф.И. Колесова просьбами о помощи и получал ее — присылали по 10–15 долларов. Для Чехословакии это были немалые суммы. Он мечтал и о своей «гастрольной» поездке в США для сбора средств: «1929 год мы кое-как проживем, а в 1930, если придется сидеть в эмиграции, можем оказаться совершенно на мели. За этот год необходимо во что бы то ни стало организовать новые источники притока денег. Наш аппарат связи с Россией сокращаем, но и при сокращении он будет обходиться нашей кассе не менее, чем в 100 долларов ежемесячно (один Грачев обходится нам в 47–48 долларов, а Грачева снять с наших расходов мы никак не можем, ибо на Дальнем Востоке у нас 60 человек, оттуда уже 5 человек ездило в Россию, там налажен ряд пунктов по переправе литературы в Россию, там обещает появиться наша собственная газета, уже выходит ежемесячный журнал, через Сибирь завязано несколько наших групп в России, связанных с одной нововозникшей крестьянской организацией в Сибири <...>, а двигателем всех и всему там является Грачев).

Моя поездка в Париж имела в виду прежде всего и больше всего приискание денег. Привез пока все деньги, полученные при разделе остатков по общей кассе РДС. Другие источники маячат, но реального из них ничего не получено. Думаю, что получения из них будут, но стопроцентной уверенности, конечно, нет. Надо изворачиваться, <нрзб.>, ждать, стучать, просить самим». «Замереть затихнуть, перестать от безденежья дей-

ствовать нам невозможно», — утверждал Маслов, указывая на то, что «кризис сейчас у евразийцев, кризис в “Борьбе за Россию”, кризис в правых кругах в связи со смертью Николая Николаевича (великого князя. — М. С.)». Он подчеркивал: «Мое личное впечатление, что Милуков — обреченный», «положение у “борьбороссийцев”, в частности, таково, что Мельгунов при разговоре в Париже со мной ставил вопрос <...> о своем вступлении в “Кр<естьянскую> Россию”. В Париже я нашел группу в 25–30 человек крестьян, решивших образовать “Крестьянскую группу в Париже”. Связался с ними, делал у них доклад, консультантом у них по программной части состоит наш член, в члены соревнователи к ним теперь приглашен Н.В. Малолетенков, и он ответил согласием. Эта группа будет в наших рядах. В России мы теперь связались с самочинно возникшей и разветвленной крестьянской организацией “Набат” <...> Появилась у нас еще новая возможность по сравнительно массовой отправке литературы в Россию двумя путями — один очень неожиданный, да и второй в Вашу бытность в Праге не был известен»³⁰⁸.

В письме Ф.И. Колесову в США от 12 июня 1929 г. Маслов, получивший собранные в Нью-Йорке 46 долларов, отчитывался: «Приток членов в “Кр<естьянскую> Р<оссию>” идет. Подсчеты показали, что за последний год (1.V/1928–1.V/1929) новых членов прибавится 60–70 чел. вместо 16 чел за предыдущий год (1.V/1927–1.V/1928). Всего в “Крестьянской России” за границей (сообщаю эти сведения лично Вам как члену ЦК) к 1 мая будет 205–210 человек. Сколько членов в России? Сказать не можем, но человек до 100 найдется наверняка. В следующем году, если не сядем на мель из-за безденежья, за границей состав увеличим человек на 100, а в России должны вырасти многократно... Заявлений от желающих поехать в Россию на работу около 20-ти. Фактически хочет 5 или 6 человек (большинство с Д<альнего> В<осто>ка). Непоездка остальных все по той же проклятой причине — нет денег... Самая живая и деятельная организация у нас по-прежнему на Д<альнем> Востоке (там почти 40 членов и 20–25 помогающих), на втором месте стоит Чехословакия со своими четырьмя группами, и двумя-тремя наметившимися новыми группами, на третьем месте стоит Франция <...> в Париже, в котором появился с новой силой живой и деятельный Б.Ф. Гофман (из Белграда), а с другой стороны жизнь и оживление вносит “Крестьянское объединение”. Группы наши в Югославии после государственного переворота там в январе (диктатура короля Александра) скисли, в особенности панически напугана Белградская группа...»³⁰⁹ Приводимые цифры по заграничные могут быть близки к истине, а вот внутрироссийские товарищи по партии — исключительно на совести агентуры ОГПУ, обманывавшей

С.С. Маслова через Д.А. Акимова. К середине 1929 г., по данным С.С. Маслова, программа КР-ТКП была отпечатана в 11 тыс. экземпляров, из них 5 тыс. на Дальнем Востоке³¹⁰.

В 1930 г. С.С. Маслов рекламировал свою партию перед бывшим послом России в США Б. Бахметьевым, через которого хотел найти финансовую поддержку в Америке: «Партия в настоящее время имеет: а) 23 организации среди эмиграции и 32 (цифра неточна) организации в России, б) два общих печатных органа (в Праге и в Харбине) и один орган, имеющий хождение только среди членов (“Бюллетень Центрального комитета”), в) одну подпольную типографию. Вся работа Партии объединяется Центральным Комитетом; в его составе: 1) Н.А. Антипов (юрист); 2) А.А. Аргунов (журналист); А.Л. Бем (литератор и преподаватель); 4) И.П. Верещагин (крестьянин Петербургской губ.); 5) Г.П. Грачев (крестьянин Иркутской губ. быв<ший> земец); 6) Ф.И. Колосов (юрист, кооператор); 7) М.В. Личаченко (крестьянин Полтавской губ.; за границей получил среднее агрономическое образование); 8) Н.В. Малолетенков (агроном и кооператор); 9) С.С. Маслов (агроном, журналист, кооператор); 10) Н.Н. (имени сообщить не могу: носитель его в России; бывший офицер и член одного из областных правительств России) (Д. Акимов. — М. С.). Члены ЦКа рассеяны: 1 — в Париже, 1 — в Харбине, 1 — около Нью-Йорка и 1 — в России; рабочий коллектив ЦК слагается из 6 членов, находящихся в Праге и секретаря В.Ф. Бутенко (магистрант экономических наук и быв<ший> подполковник)... При ЦК имеются комиссии (финансовая, военная, информационная и судебно-следственная) и консультанты (проф. Д.Н. Иванцов, проф. К.И. Храевич, В.И. Абрамов — терский казачий деятель, В.Н. Челищев — бывший министр юстиции в правительстве Деникина, А.Н. Лазаренков — бывший обер-прокурор Сената, С.М. Виленский — специалист по религиозным вопросам, Ю.М. Варягин (инженер и промышленный администратор), Л.Ф. Магеровский и В.Ф. Донченко — последние два были секретарем и председателем Всероссийского Крестьянского Союза в Праге... Партийная работа на Д<альнем> Востоке объединяется Областным Комитетом, во главе которого стоит крупный крестьянин-самородок Г.П. Грачев. <...> Основное внимание ЦК сосредоточено на работе в России»³¹¹.

Позиция КР-ТКП к началу коллективизации была умеренно активистской. Насилие над крестьянством привело к корректировке этой линии. Как заявил активист пражской группы Иван Верещагин, «переживаемый Советской Россией период НЭП’а нами был встречен положительно. “ТКП” в это время свою работу внутри СССР ограничивала созданием там групп “ТКП” и переброской своей литературы. Мероприятия же

Советского правительства по коллективизации сельского хозяйства нашей партией был и встречены исключительно враждебно»³¹². В 1929–1930 гг. руководители КР-ТКП считали, что спасение страны — в свержении режима Сталина, но к диверсиям и вредительству, как это ей приписывают сталинисты, партия С.С. Маслова все же не призывала.

Доцент академии ФСБ Б.Г. Струков заявляет, что «идеология террора и диверсий, то есть крайних форм активизма разделялась и некоторыми представителями социалистических движений»³¹³. Он ссылается на перехваченное агентурой ОГПУ письмо из Финляндии С.С. Маслову проживавшего в Оллила (ныне Солнечное) Григория Бренева (1888–1969, Хельсинки)³¹⁴ от 1 ноября 1927 г.: «Если уничтожить товарные поезда, жечь мосты и заводы определенной категории, бить стаканы и пилить телеграфно-телефонные столбы, класть гайку в новые машины, избивать активных агентов властей, то большевистская власть мгновенно начнет задыхаться, и что она сдохнет, не может быть сомнения»³¹⁵. В другом письме от 25 февраля 1928 г. Г. Бренев доказывает: «Нужно или ничего не делать или делать только реальное. Одна бомба стоит всего вашего партийного крестьянского съезда, а большевики только бомб и боятся — это факт, и “гепеухи” об этом открыто говорят и считаются только с “братьями русской правды” и огненным террором, который ведут кулаки»³¹⁶.

Ответы С.С. Маслова Григорию Николаевичу Бреневу отсутствуют. Оставим на совести автора утверждение о ТКП, «входившей в РДО»³¹⁷, спорно и причисление ультрарадикала Г.Н. Бренева и «Крестьянской России» к социалистическим движениям. Еще в 1928 г. А.А. Аргунов писал: «Мы, прежде всего, партия не “социалистическая”, а “трудова”, да еще “крестьянская”»³¹⁸. Но Г.Н. Бренев был скорее одиночкой-активистом, примкнувшим к КР-ТКП. На самом деле в «Вестнике Крестьянской России» (в 1925 г.) была опубликована лишь одна статья Г.Н. Бренева «Крестьянство и его политические организации в Финляндии»³¹⁹. Прочитую и то, что Г.Н. Бренев позже писал А.Ф. Керенскому: «Я был очень близок к С.С. Маслову в 1925–26 гг., но в 1927 г. началось “охлаждение”, т. к. группа его (я думаю, Аргунов и К) называла всякую активность вспышкопускательством. Это охлаждение продолжалось и после того, когда ЦК “Крестьян<ской> России” в декабре 1928 г. принял почти все мои положения. И только после покушения ГПУ в июне 1929 г. у меня опять затеплились старые, очень хорошие отношения, и я дал свое имя для ряда реальных дел ЦК “Кр<стьянской> России”»³²⁰. (В сентябре 1929 г. в Финляндии состоялся процесс над группой, готовившей похищение Г.Н. Бренева³²¹.)

Как видим, методы Г.Н. Бренева до конца 1928 г. — до начала активной фазы войны Сталина с крестьянством — КР-ТКП отвергала. И с 1929 г. они не были приняты полностью. Как сетовал Г.Н. Бренев, «революционные методы опоздали»: «Я настаивал на реальной борьбе и вредительстве с целью раздавить врага, пока крестьянство богато и имеет цель в зерне и в деньгах. С.С. Маслов (и его К, в особенности) не пошел. <...> Через год Маслов, а через 2 и вы, Александр Федорович (Керенский. — М. С.), пришли к той же революционной борьбе, но когда уже состоятельное крестьянство раздавлено и, во всяком случае, разорено, и когда мировой кризис создал пустоту касс всяких»³²².

Таким образом, КР-ТКП не шла на поводу самых ультралиберальных предложений. В «Тактических положениях партии» в п. 14 указывалось: «Признать невозможным осуждение актов террора и местных выступлений против представителей власти, видя в них неизбежный отпор населения и средство самозащиты», а в п. 13 отмечалось: «Признать вредными неорганизованные местные восстания гражданского населения России как обреченные на неуспех и ведущие к гибели политически активной части населения». А.А. Аргунов разъяснял, что «во втором случае дается оценка т. н. актам вспышкопускательства. <...> Мы к такому вспышкопускательству относимся определенно отрицательно, с осуждением»³²³.

В статье «Способы борьбы» 1928 года С.С. Маслов писал о нескольких путях борьбы с большевизмом: мирно-политической, военно-политической и экономической. Мирно-политическая — вытеснение коммунистов низовой администрации и вообще из села под лозунгом «В деревне нет места коммунистам!». Военно-политическая — повстанческие акции крестьян. Культурная — борьба с «оскудением добрых начал в душе человека и его озверением», с «прямым влиянием коммунистической пропаганды, которая ведется в деревнях против религии, здоровой семьи, добрых нравов».

В экономической борьбе Масловым рекомендуется: «1) предельное сокращение продаж продовольственных припасов, в особенности зерна советским заготовительным органам; 2) предельное сокращение покупок промышленных товаров; 3) возможно длительные задержки налогов и, по возможности, их полный неплатеж; 4) отказ от покупки заемных бумаг; 5) решительный и полный отказ от добровольных пожертвований на “МОПР” и “Авиахим”; 6) невзнос денег в советские кредитные учреждения; 7) отказ от контрактации посевов; 8) отказ от работы в совхозах. Огромное значение имел бы бойкот советской водки»³²⁴.

С.С. Маслов предлагал легально можно создавать общества за трезвость: не пить водки — значит не давать денег в коммунистический бюд-

жет. О диверсиях — ни слова. С «всероссийским крестьянским погромом» призывали бороться с оружием в руках, но не спиливанием телеграфных столбов. Эта линия была якобы поддержана и подпольной группой в Москве: «ясен отказ от мелкого низового террора — тяжелые жертвы при минимальном эффекте»³²⁵.

В прессе и в решениях ЦК КР-ТКП указывается, что партия является противником «вредительства» в народном хозяйстве. Отдельные же реальные акты такого рода надо воспринимать как акты отчаяния. В статьях «Вестника Крестьянской России» указывалось, что так называемое сознательное «вредительство» выдуманно чекистами в оправдание низкой квалификации персонала, бесхозяйственности и использовалось для расправ со «спецами» и научно-технической интеллигенцией. В связи с этим утверждения Б.Г. Струкова следует считать, как минимум, не вполне корректными, фактически оправдывающими проведение руководством ВКП(б) с помощью органов ОГПУ-НКВД террористической политики, как в отношении крестьянства России, так и русской политической эмиграции.

21 декабря 1929 г. в Праге состоялся большой публичный доклад С.С. Маслова на тему «Борьба в России: причины, силы и последствия». Тезисы этого выступления и были взяты за основу политической платформы партии в период коллективизации. С.С. Маслов подчеркивал: «Борьба крестьянства с комвластью тянется непрерывно с самого момента установления этой властей до настоящего времени. Менялись и меняются только формы борьбы. После поражения белых армий вся Россия горела в огне крестьянских восстаний. В феврале 1921 года они охватили 123 уезда и 12–15 губ<ернских> и уезд<ных> городов было захвачено восставшими. Не “Кронштадт”, а эти восстания принудили власть к уступкам. Они вызвали “Кронштадт” и дали НЭП. На время НЭПа борьба несколько стихла, но не угасла. ГПУ не опубликовывало сведений о выступлениях против власти, чтобы не обнаруживать существующего в стране недовольства. Но мы имеем документы о подготовлявшемся в 1926 году покушении на Сталина, погибший на работе в России в 1928 г. наш товарищ за год до этого участвовал в крест<ьянских> повстанческих отрядах. А это были годы расцвета НЭПа, годы наибольшего благополучия страны при коммунистах. <...> Крестьянство ответило на этот поворот в политике власти; сотни активистов и сов. чиновников убиты при проведении плана в жизнь, не говоря о других формах сопротивления. <...> С точки зрения нашей, людей, стоящих на платформе свободной, национальной России, абсолютно безразлично, кто из коммунистических вождей возглавляет власть: Сталин, Рыков или Бухарин. Все они не могут отказаться от коммунизма, не могут изменить природы своей власти, и

вынуждены идти тем же путем, которым идет в настоящее время Сталин. Пока в России существует комвласть, кто бы лично ни стоял во главе ее, Россия будет агонизировать. Только свержением самой комвласти можно спасти Россию. Для борьбы Россия располагает только одной серьезной силой. Другие слои или уничтожены, или развращены. В настоящее время между властью и крестьянством идет настоящая война. За 1929 год потери крестьянства выражаются 12 тысячами расстрелянных. Наступление ведет власть. Крестьянство обороняется. <...> Крестьянскую борьбу против власти надо перевести в крестьянскую борьбу за власть. От обороны в наступление. Самым подходящим для этого моментом будет тот, когда комвласть под влиянием голода и волнений в городах и деревнях, в красной армии начнет свое отступление. «Крест. Россия» со своими организациями в России и за границей готовится к этому моменту, стремясь внести в крестьянское движение организованность и политическую сознательность. К крестьянству должны примкнуть и все остальные, борющиеся с комвластью силы. Ибо без этой — генеральной силы — они сами сделать ничего не могут. Помочь крестьянскому движению, значит приблизить час освобождения России»³²⁶.

Как отмечал активист КР-ТКП И.П. Верещагин, печатные органы партии разоблачали политику советской власти, «стремясь доказать своим сторонникам, что существующее в России правительство еще в большей степени закабляет народ, в особенности крестьянство»³²⁷. Другой лидер КР-ТКП А.А. Аргунов в докладе в Париже 4 января 1930 г. высказывал надежду на то, что единичные протесты крестьян сольются в массовое восстание, анализировал различные формы «пассивного сопротивления, к которому прибегает крестьянство»³²⁸. А.А. Аргунов 31 мая 1930 г. на открытом собеседовании Пражской группы по теме «Современное положение России и наши задачи» подчеркивал: «Нынешний год начался состоянием подлинной гражданской войны на крестьянском фронте. До самой весны шел всероссийский погром на почве коллективизации деревни. Руководить всем антисоветским движением мы не в силах, да и такого единого движения нет. Это дело будущего. Наша задача готовить это движение, использовать настроение населения, организовывать свои ячейки всюду, где это возможно, превращать стихийную борьбу в целесообразную. Если бы создалась благоприятная обстановка для решительного удара, мы не задумались бы над нанесением самого удара. А пока приходится делать то, что всюду и при всяких обстоятельствах будет полезно. Партийный аппарат должен быть всегда наготове и для будничной, подтачивающей сов<етский> строй работы и для быстрого удара»³²⁹.

С.С. Маслов в апреле 1930 г. на собрании Пражской группы заявил: «Нужно создавать массовую агитационную литературу. Она должна призывать к действию, указывать его, говорить ярким, воспламеняющим языком... Лозунги наши должны быть конкретны, доступны всем и тоже действительны. И, наконец, основным нашим лозунгом должно стать — “Все во имя борьбы”, — борьбы всеми способами и всеми видами, всем, что подсказывается из России: террором, массовыми и военными восстаниями, партизанщиной <...> Новая обстановка требует и новых средств...»³³⁰

Таким образом, в этот период руководство «Крестьянской России» уже не отрицало возможности восстания как высшей формы массового народного сопротивления террору большевиков в деревне. Тем более, что база для такой политики реально была. С декабря 1929 по 14 февраля 1930 г. только в Центрально-Черноземной области было зарегистрировано «38 массовых выступлений, с количеством участников 25 170 человек»³³¹. Фактически в январе-феврале 1930 г. на территории Козловского, Елецкого, Борисоглебского округов бои с повстанцами вели как войска ОГПУ, так и армейские части РККА³³². В марте 1930 года массовыми вооруженными выступлениями против коллективизации были охвачены 8 округов ЦЧО, а за период с февраля 1930 по апрель 1931 г. «тройкой» полпредства ОГПУ по ЦЧО был осуждено 19 238 человек³³³.

К тому же в деревне все 20-е годы происходили попытки создать структуры Крестьянского союза. Это подтверждают, например показания в сентябре 1930 г. видного эсера Ф.Д. Сорокина-Ковалева: «Известно мне о существовании Крестьянского союза с весны 1929 г., когда в Соловки привезли 58 человек из Московской и Смоленской губернии, из которых около 50 человек настоящих крестьян. В это время я находился в Соловках, где кроме указанных я встречал и др<угих> лиц, высланных в Соловки по делу Крестьянского союза»³³⁴.

Руководство ОГПУ опасалось того, что эмиграция может возглавить народное движение сопротивления. В докладе Секретного отдела ОГПУ констатировалось: «Не имея пока сил на организацию террора, “КР” заявляет, что она не осуждает уже осуществляемые акты террора против представителей власти и другие местные выступления, видя в них неизбежный отпор населения и средство самозащиты. Это решение делает членов “КР” особо опасными в деревенских условиях. Бросая такие лозунги “КР” не нуждается в мощной боевой организации, а любой из ее членов может разжечь существующие в кулачестве террористические устремления по отношению к советскому активу»³³⁵.

Видя факты открытой вооруженной борьбы крестьян с большевиками, КР-ТКП с 1930 г. не исключает и терактов против вождей ВКП(б).

Как я уже отмечал, в мемуарах Г.А. Малахова есть сюжет о том, что в 1930 г. С.С. Маслов предложил ему «нелегально отправиться в Россию с целью пропаганды идей Трудовой крестьянской партии, для организации партийных ячеек, а также, если будет возможность для участия в террористическом акте»³³⁶. Перед отправкой в СССР С.С. Маслов лично передал ему план места, где охотились высокопоставленные деятели ВКП(б), и «браунинг с запасом патронов»³³⁷.

Молодежь КР-ТКП также готовилась к активному, в том числе вооруженному свержению сталинской диктатуры. Так, вышедший в 1930 г. журнал Пражской группы «Партийная жизнь» большую часть своего первого номера посвятил тактике и стратегии повстанческого движения в режиме практических рекомендаций: как вести партизанскую войну³³⁸.

Идеи С.С. Маслова были известны и в СССР. С ним дискутировали политические конкуренты. В обвинительном заключении и в материалах сфабрикованного ОГПУ дела «Реставрация» следователи пытались превратить в широкий антисоветский заговор попытки небольшой группы эсеров в Ташкенте во главе с Иваном Плехановым начать в марте-мае 1930 г. обсуждение новой программы партии³³⁹. Собственно, в дискуссиях участвовал десяток ссыльных в Ташкенте и в Самарканде. Были найдены и обсуждавшиеся программные документы. Но, используя факт личных связей эсеров с друзьями в столицах, Казани и Алма-Ате, переезда ряда ссыльных в Москву и Ленинград, фабрикатеры с Лубянки сумели втянуть в дело до полусотни социалистов-революционеров, в основном отошедших от политической деятельности. При этом, арестовав в Ташкенте К.А. Новикова, следствие пыталось связать эсеров как с реальной эмигрантской КРО-ТКП С.С. Маслова, так и с мифической ТКП Н.Д. Кондратьева, изобразив наличие широкого «реставраторского» блока. И Новиков, и эсеры наличие каких-либо подобных намерений отрицали.

К тому же, автор программы И.А. Плеханов стоял на позициях ортодоксального народнического социализма. Так, в документе «К членам ПСР, принимающим участие в обсуждении партийной платформы», обнаруженном ОГПУ 6 ноября 1930 г. в Ташкенте у И.А. Плеханова, он исходил из посыла, что политика большевиков привела к тому, что внутри сложившейся системы идет с одной стороны процесс «активизации» трудящихся, с другой «в недрах советской системы растут и крепнут реставраторские силы». При этом «отрицательная программа контрреволюции — свержение большевизма и ликвидация революции» <...>. Положение социально-революционной партии осложняется еще более тем, что одновременно с формированием буржуазно-монархической реакции, прикрывающейся различными националистическими и религиозно-ми-

стическими масками, идет формирование и буржуазно-демократической контрреволюции под флагом крестьянских интересов и республиканско-демократических идей, прикрывающееся иногда и масками отступников от социализма, вводящей в заблуждение некоторую политически наименее сознательную часть издерганных большевизмом крестьян и интеллигенции, а может быть, и рабочих»³⁴⁰. Таким образом, эсеры видели в подобных силах соперников. И И.А. Плеханов делал вывод: «Это обстоятельство диктует революционному социализму необходимость поспешить с возобновлением массовой работы, чтобы обогнать в формировании своих сил силы контрреволюции и сделаться решающим фактором в развертываемом движении, дав последнему возможно более отчетливую программу и выработав его тактику как социально-трудового движения за охрану и дальнейшее продвижение к социализму всех результатов великой русской революции»³⁴¹.

Тема конкуренции подчеркивается и в разделе «К партийным товарищам», где формулируются тактические задачи ПСР: «В недрах советской системы растут и крепнут реставраторские силы, для формирования которых нет необходимости в широком и детальном сговоре, в громоздких массовых организациях, т. к. отрицательная программа контрреволюции — свержение большевизма и ликвидация революции — не нуждается в такого рода широких организациях, в массовой пропаганде и агитации, ни в определенной заранее установленной системе воззваний. Положение осложняется тем, что формирование контрреволюции кое-где происходит под прикрытием крестьянского, демократического, национального или религиозного флага, возглавляемое иногда отступниками от революции, вводящими в заблуждение некоторую политически наименее сознательную часть издерганных большевизмом крестьян, рабочих и интеллигенции»³⁴².

Как видим, призыв контрреволюции парализовал эсеров в СССР, превращал их в рабов социалистической догмы, делах их неспособными ни к каким антитоталитарным коалициям даже в теории.

По-видимому, и в 1930 г. шок от Омских событий 1918 года был столь силен, что и через 12 лет после колчаковского переворота социалисты не могли заставить себя даже в «переходный период», даже ради борьбы с о сталинской диктатурой перейти на позиции широкой демократической коалиции, предпочитая в своем кругу грезить о «семейном споре» с большевиками.

В тексте И.А. Плеханова о положении на селе говорится, что «большевистская политика в деревне к данному моменту настолько подготовила деревню к отрицанию большевизма, что голый негативный прин-

цип освобождения от большевизма не требует в деревне никакого пропагандирования»³⁴³.

И.А. Плеханов указывал: «Выступая от имени пролетариата, большевики создали в деревне такое впечатление, что их политика — это политика города вообще, а не только большевистски-бюрократической его части. При отсутствии положительной народно-трудовой платформы, при наличии антигородских настроений это деревенское, исключительно негативное движение может быть временно эскортировано буржуазно-демократическими силами, особенно типа Маслова, Кондратьева, Милюкова и Авксентьева»³⁴⁴. Опять эсеров пугает реставрация, когда с отменой большевистских экспериментов будет отменен некий позитивный «социалистический опыт», а их провал используют перестроившиеся конкуренты. «Поэтому современное крестьянское движение включает в себе для социалистической партии большую опасность увлечения на реставраторский путь, втягивание в местные авантюристические предприятия или вообще в преждевременные вооруженные выступления, не сулящие ничего, кроме жестокого подавления. Без большой предварительной пропагандистской организационной работы, без предварительного трансформирования мужицкого антибольшевизма в народно-трудовое движение, ориентированное на положительную социалистическую платформу, на союз с городом, ПСР поступила бы крайней легкомысленно, втянувшись в это движение, санкционируя его своим именем»³⁴⁵.

Максимум, на что готовы были пойти эсеры, как отмечало следствие по делу ПСР, — на союз с другими социалистами: «При мобилизации масс в случае отсутствия достаточного влияния партии выдвигается идея единого фронта и допускается блокирование с другими “социалистическими партиями”, вплоть до оппозиции в ВКП(б)»³⁴⁶. Следует заметить, что этот тезис не подтвержден изъятymi ОГПУ документами.

Член ЦБ ПСР Федор Дмитриевич Сорокин-Ковалев во время обсуждения платформы в ссылке в Самарканде в апреле 1930 г. замечал: «Критика большевизма не нужна, нужна критика контрреволюции»³⁴⁷. В деле имеется и другая цитата из доноса на Сорокина-Ковалева, якобы сказавшего: «Экономический кризис в СССР растет, размеры которого в настоящее время сильнее 1921 года. Посевная площадь сокращается, т. к. крестьяне бросают свои земли и уезжают в другие места; колхозы разваливаются, чем углубляется экономический кризис. Кризис, разруха в СССР, отсутствие твердой, прямой линии у партии коммунистов создали в стране такое положение, что в ближайшее время неизбежно должен произойти переворот. Начаться он должен с внутрипартийного переворота и может кончиться приходом к власти буржуазии; наступит реак-

ция. ПСР удержаться будет трудно. Но задача ПСР идти ко второй революции. <...>

Больше всего мы злы на большевиков за то, что они идею социализма в массах осквернили и опоганили, почему массы могут пойти за реакционным правительством, дабы дальше быть от социализма, в котором они будут видеть большевизм. Но и то, что после большевиков наступит реакция, нас пугать не должно. Мы должны решительно бороться с большевиками»³⁴⁸.

Ф.Д. Сорокин-Ковалев считал, что ситуацию может изменить война: «Война между ССР и капиталистическими странами должна быть расценена как империалистическая, иначе ее не может расценивать и II Интернационал. Поскольку война будет расценена не как классовая, а как империалистическая, задача С.Р. занять по отношению СССР пораженческую линию»³⁴⁹.

Было и противоположное мнение члена ЦБ ПСР Александра Алексеевича Иваницкого-Василенко: «Наше будущее положение — положение оппозиции. Очистка социализма от загрязнения. Политическая реакция. Погромы. <...> Нет того строя, который хуже большевизма, поэтому ничего не страшно. <...> Реакция пройдет»³⁵⁰. А.А. Иваницкий-Василенко, как сообщал «агентурный источник ОГПУ», был уверен: «В России сейчас переломный момент, за которым в ближайшее время должен последовать переворот; уничтожение советской власти. Выступление Керенского за границей вполне своевременно, т. к. в России в настоящее время такой разгул реакции, какого не было при царизме»³⁵¹. В то же время он не призывал к решительным действиям: «Пока вести широкую организационную работу несвоевременно. Есть люди, которые следят за ходом событий и момента благоприятного не упустят»³⁵².

На допросе другой видный эсер, сосланный в Ташкент Евгений Евгеньевич Колосов показывал: «В своем прошлом мне приходилось слышать о попытках создания “Крестьянского Союза” (в Сибири в 1920–21 г.) и о пропаганде идеи “Крестьянской России”. Сам я ни к тем, ни к другим попыткам не имел отношения. Поскольку я могу судить, во всех этих случаях делается противопоставление русского крестьянства, особенно в более обеспеченных слоях, городу и городскому пролетариату в целях создания на этой почве особой организации и даже партии. Такого рода тенденции всегда считаю как социалистически, так и политически — глубоко реакционными»³⁵³.

Еще одно принципиальное различие позиции ПСР и КР-ТКП в этот период — отказ эсеров от идеи вооруженной борьбы. И.А. Плеханов называл ее в данный момент нецелесообразной: «Должны быть выброше-

ны из головы всякого рода террористические предприятия, вредные без массового движения и не нужные при наличии последнего. Что же касается массового “вооруженного восстания”, то последнее может быть поставлено перед массами не в начале, а лишь в конце движения, если логическое развитие последнего приведет к неизбежности такого рода вывода. Вооруженный способ свержения правительств является единственным только тогда, когда в движение не втянуты широкие массы, когда устранение власти происходит в порядке дворцовых переворотов. При массовом же движении изолированное от населения правительство может сдать свои позиции, дезорганизовавшись еще накануне. Минимальный вред, проистекающий от неподготовленных вооруженных выступлений при дворцовых переворотах, становится огромным, когда в борьбу втянуты миллионы. Он становится чреватым пагубными последствиями не только для непосредственных его участников, но и для масс, от имени которых эти непосредственные участники и выступают, и для всей страны, нормальная жизнь которой нарушается такого рода выступлениями»³⁵⁴.

Похоже, что именно эта линия разделялась коллегам И.А. Плеханова по несчастью из числа социалистов-революционеров. Есть единичное более радикальное мнение А.А. Иваницкого-Василенко: «Иностранные государства помогут занять отдельные пограничные территории, в них будет произведена мобилизация, и это будет основанием для той армии, которая при поддержке крестьянских восстаний свергнет советскую власть... Период морального воздействия на советскую власть прошел, настал период, когда нужно бороться только свинцом»³⁵⁵.

Даже следователи ОГПУ, хотевшие приписать эсерам призыв к немедленному мятежу, вынуждены были указывать: «Считая своей конечно целью массовое вооруженное восстание против советской власти, ПСР находит, что этому должен предшествовать период кропотливой подготовительной пропагандистско-организационной и агитационной работы, как в нелегальной, так и в легальной формах. Из таких форм намечается: единоличная пропаганда и агитация, введение членов организации и им сочувствующих во всевозможные общественные организации и советы, созыв конференций беспартийных рабочих и крестьян, организации крестьянских союзов, неподчинение местных организаций большевистским распоряжениям, создание независимой фракции в профсоюзах, советах, кооперации, союзах молодежи, стачки, демонстрации и другие массовые выступления»³⁵⁶.

Очевидно, что курс на восстание, вопреки инвективам ОГПУ, ПСР напрочь отвергался. В программе И.А. Плеханова указывалось, что «со-

временное крестьянское движение включает в себе для социалистической партии большую опасность увлечения на реставраторский путь, втягивание в местные авантюристические предприятия и вообще в преждевременные вооруженные выступления, не сулящие ничего, кроме жестокого подавления»³⁵⁷. Говорилось о необходимости «сдерживать преждевременные местные эксцессы, не разжигая антибольшевистских настроений, взяв упор на внедрение своей положительной платформы, сознания необходимости согласования своих выступлений с городским рабочим классом, на организацию крестьянства в такие объединения, которые приучили бы мужика действовать согласованно не только с ближайшим соседом, но и со всеми трудящимися»³⁵⁸. Авторы указывали: «Нельзя на первых же порах навязывать или санкционировать каких бы то ни было радикальных методов, если мы не хотим поражения, расправы, неподготовленных вспышек, провокаций и т. п.»³⁵⁹.

Авторы ташкентского документа искренне верили в нечто вроде «бархатных» или «цветных» революций конца XX века. Так, отмечается: «Будучи социально-революционным, исчерпав все другие возможности и психологически подготовив себя и идущие за ним массы к применению силы, руководящий актив может оказаться победителем еще накануне фактического перехода от оружия критики власти — к критике ее оружием. Вооруженный способ свержения правительств является единственным только тогда, когда в движение не втянуты широкие массы, когда устранение власти происходит в порядке дворцовых переворотов, при массовом же движении изолированное от населения правительство может сдать свои позиции, дезорганизовавшись еще накануне»³⁶⁰.

Находившиеся в ссылке эсеры видели и в либералах, и в организации С.С. Маслова очевидного конкурента справа в борьбе за умы крестьянства и не были столь радикальны, как КР-ТКП, в выборе методов борьбы. Как «советские», так и эмигрантские эсеры явно не были настроены на сотрудничество с КР-ТКП. Отталкивание бывших союзников было взаимным: лидеры КР-ТКП проделали с начала 20-х гг. большую эволюцию, уведшую их от народнического социализма.

20 июня 1930 г. Пражской организацией была устроена публичная дискуссия на тему «Что ждет Россию». А.А. Аргунов оптимистично сообщил: «Дыхание новой революции уже слышится. Таковы ближайшие перспективы»³⁶¹. С.С. Маслов обещал такой состав новой коалиции за свержение советской власти: «Как большевики пришли к власти, опираясь на рабочих и имея всего 35 тыс. членов, так и борьба с ними может быть успешной, если она опирается на мощный и многочисленный социальный слой. Таким в настоящий момент является крестьянство, и

будущая власть может и должна базироваться на нем. Других сильных классов в России не существует: средний класс уничтожен, старая интеллигенция бессильна для самостоятельной борьбы. Рабочий класс еще не разорвал полностью с комвластью. Возможен только союз крестьянства с молодой некоммунистической интеллигенцией, заполняющей советский аппарат, скрывающей свои подлинные убеждения»³⁶².

По сообщению ученого-генетика С.Р. Царапкина³⁶³, С.С. Маслов при встрече в Праге летом 1930 г. заявил ему, что «проводимая в СССР политика коллективизации сельского хозяйства является насилием над личными частнособственническими интересами русского крестьянства и что “ТКП”, посредством организации крестьян, сумеет противопоставить себя, как он утверждал, большевистскому насилию. <...> Направляемые на территорию Советского Союза эмиссары должны среди крестьян вызывать недовольство политикой Советской власти и большевиков, объединить недовольные массы вокруг себя на оказание организованного сопротивления против коллективизации сельского хозяйства. <...> Маслов также говорил, что вызванное недовольство у крестьян колхозным строительством позволит успешно организации крестьян вокруг “ТКП”, и “ТКП” сумеет поднять крестьянские массы на свержение Советской власти и установление в России буржуазно-демократического строя»³⁶⁴. Здесь Маслов, как и подобает агитатору, явно преувеличивал возможности КР-ТКП.

Стихийные народные бунты, казалось, давали шанс на смену власти, и «Крестьянская Россия» пыталась разжечь гражданскую войну. Характерна одна из листовок, призывавшая к священной борьбе с большевизмом: «Война! Священная и беспощадная крестьянская война коммунистам! Война везде и всеми силами! Будем поступать по древнему закону: око за око, зуб за зуб, голова за голову. Лучше свободным погибнуть в бою, чем помереть покорным скотом на бойне, в которую коммунисты превратили всю Россию. Какими способами вести эту борьбу? Всеми. От самых мирных, до самых жестоких»³⁶⁵.

В конечной победе С.С. Маслов в 1930 году не сомневался. Он даже торопился предупредить о том, что падение коммунистического режима может привести и к распаду государства СССР как преемника Советской России: «Русскому народу предстоит преодолеть ряд трудностей и опасностей. Среди них одной из главнейших будет стремление внутренних центробежных сил проявить себя во вред общегосударственному единству. Эти силы неизбежно будут поддержаны силами внешними, международными, России враждебными. Несомненно, однако, что Россия, как в 17 веке, найдет в себе силы отстоять неприкосновенность своих гра-

ниц. Но и в этом случае национальный максимализм окраин может сыграть роковую роль в судьбах русской послебольшевицкой демократии, подобно тому, как 1917 г. сыграл свою роль максимализм социальный»³⁶⁶. В этот момент С.С. Маслов стал углублять идею диктатуры переходного периода, которая должна спасти страну после падения режима Сталина: «В борьбе за свою целостность Россия может быть вынуждена прибегнуть к установлению форм власти, более жесткой, чем это было бы, если бы удалось устранить эти угрозы разумным самоограничением своих требований со стороны национальных движений русских окраин»³⁶⁷.

Анализ действий лидеров КР-ТКП показывает, что эмигрантская партия пыталась воспользоваться моментом и если не возглавить борьбу крестьян против коллективизации, то хотя бы привлечь к ней (и к себе!) внимание в Европе. Эту цель преследовала саморекламная книга Сергея Маслова «На революционной работе в России», использовавшая, как утверждал автор, отчеты членов партии, работавших в России с 1 мая 1929 по 1 февраля 1930 г.

В книге автор как будто обобщал опыт конспиративной работы партии в СССР. Это — пропагандистский панегирик героическому подвигу актива КР-ТКП в России. Но при этом в книге много и живых интересных наблюдений за жизнью, как тогда говорили, «подсоветских людей». К выходу книги 1 марта 1930 г. в Праге был приурочен публичный доклад С.С. Маслова на тему «Россия последних дней — на революционной работе в России». Доклад, по сообщению пражской прессы, «привлек более 400 слушателей»³⁶⁸. В то же время, оценка возможностей подпольной работы в СССР, данная С.С. Масловым, выглядит фантастичной: «В течение трех последних лет “Крестьянская Россия” имела то или иное отношение к 26 нелегальным поездкам в Россию из-за границы и обратно, совершенным ее членами, сочувствующими и лицами других политических группировок, с которыми наша партия была в союзе. В общей сложности границы России были нелегально пройдены 48 раз. Потери произошли только в двух случаях»³⁶⁹. Утверждалось, что партия обладает целой сетью действующих агентов в России, что, конечно, не соответствовало действительности.

Социал-демократ Б.И. Николаевский связал книжку С.С. Маслова с делом Кондратьева – Чайнова: «Брошюра, кот<орая> дает толчок к поднятию дела Кондратьева – Чайнова, конечно, брошюра Сергея Маслова. О ней оттуда³⁷⁰ пишут с возмущением, как о чуть ли не о провокаторской работе. И действительно, когда вдумываешься, то, право же, трудно представить, чтобы эта вещь могла <быть> написана без злого умысла. Или уж слишком безнадежно глуп автор. Из арестованных многие дают от-

кровенные — чересчур откровенные, — показания. Называют ряд лиц, показания кот<орых> граничат с прямым доношением. Некоторые буквально выворачивали себя наизнанку, вспоминая, кто чем прегрешил, начиная с октября. <...> Многие показания так и начинаются: чтобы убедить ГПУ в полной искренности моих признаний, сообщаю о такой-то истории, о кот<орой> кроме меня и такого-то никто не знает»³⁷¹.

Любопытно, конечно, как в СССР до осени 1930 г. могли познакомиться с брошюрой Маслова? Ответа на этот вопрос нет. Скорее, речь идет об оценках контактировавших с меньшевиками деятелях Политического Красного креста в СССР Пешковой и Винавере, находившихся в вынужденном взаимодействии с ГПУ.

Но допросы жертв Сталина, с которыми я ознакомился и в брошюре, изданной для руководства ВКП(б) с выдержками из допросов основных фигурантов дела «ТКП» Чайнова – Кондратьева, и в 15-томном побочном деле их «пособников»³⁷² — большой группы кооператоров — показывают, что предположение Николаевского неверно. Следствие в погоне за фабрикацией грандиозного процесса, созданием липовой «партии» не интересовалось конкретно С.С. Масловым, как и вообще фактами. Походя было лишь констатировано признание двух фигурантов — П.Т. Саломатова и Н.Д. Кондратьева — в реальном контакте с эмиссаром С.С. Маслова и с некоторыми другими эмигрантами.

«Эволюционистка» Е.Д. Кускова о выступлении С.С. Маслова с докладом в Белграде отозвалась резко. Кускова пересказывала слова Маслова (по сербской газете «Время» от 31 марта 1930 г.) о том, что «во всех соседних с Россией государствах — их имеется шесть — вдоль русской границы партия “Крестьянская Россия” имеет специально установленные пункты, через которые поддерживается связь с Россией. Через них перебрасываются в Россию печатные издания партии, через них переходят те, которые идут на антибольшевистское дело в Россию, и те, которые оттуда возвращаются»³⁷³. Е.Д. Кускова заявляет, что «раньше, в прошлом, ни одна организация не позволила бы себе таких разоблачений о “пунктах”, “заставах”, <...> сообщения в печати о том, на какой границе стоят заставы, я считаю не только преступными с точки зрения настоящего активизма, но просто не верю им. <...> Фразы, иногда Хлестаковские, всем надоели»³⁷⁴.

Представитель «Борьбы за Россию» в «Опусе» В.С. Озерецковский был на докладе и потом конфиденциально писал в Париж С.П. Мельгуну: «Была здесь лекция С.С. М<аслова>, но почти у всех вызвавшая раздосадованность, а у многих возмущение. Такое восхваление себя, такая голая демагогия, что стыдно становилось особенно мне, который кое-

что все-таки знает. Теперь С. М<аслов> в Сербии, говорят, что там он не так хлестаковствует. Сейчас их цель раздуть. Раздуться самим <...> но, как я сказал А.А. Аргунову>, как бы не вышло отсюда истории с Лягушкой-Квакушкой»³⁷⁵.

В том, что С.С. Маслов «раздувал» свои успехи в рекламных целях, можно не сомневаться. В декабре 1929 – январе 1930 г. один из лидеров КР-ТКП А.А. Аргунов находился в Париже³⁷⁶. После встречи с ним С.П. Мельгунов оставил в своем архиве в папке, посвященной «Крестьянской России», следующую заметку: «Кр<естьянская> Росс<ия> Маслов: <нрзб.>: У нас ничего <нрзб.> каких-нибудь 347 ячеек в России. Аргунов: У нас ячеек 47. Курьер КР: Указано 7, из них 3 считает не проваленными»³⁷⁷.

Летом 1930 г. в Прагу из Берлина приезжал ученый-генетик С.Р. Царапкин, покинувший СССР в 1926 г. Он выступал на закрытом совещании КР-ТКП. Царапкин сообщал в 1946 г.: «Маслов мне сказал, что он имеет на территории СССР своих эмиссаров, но мало»³⁷⁸. В общем, брошюру С.С. Маслова можно считать удачной пиар-акцией, эксплуатировавшей надежды эмигрантов, мистифицировавшей их, но вызывавшей раздражение в кругах более осведомленной элиты эмиграции.

В изученных мной материалах с 1926 по 1931 год выявляется до десятка переходов границы членами РДС, КР-ТКП и «Опус», при этом если брать успешные, то как минимум три (или четыре) совершил Николай Бояров-Мосевич, являвшийся агентом ОГПУ, два — А.Р. Ильин — также агент ОГПУ, и два — Н.С. Ирманов — опять же агент ОГПУ. Лишь один переход — Д.А. Акимова и его годичное пребывание в Ленинграде можно считать на первом этапе неподконтрольным советским спецслужбам. Затем, после ареста Д.А. Акимова, в Москве была создана под контролем ОГПУ псевдоструктура КР-ТКП в России. Ее использовали для сложной игры с руководством русской политэмиграции, детали которой пока не вполне ясны. Эта информация, как и данные из дел Боярова-Мосевича и других агентов ОГПУ, заставляет считать саморекламой публичные рапорты лидера КР-ТКП С.С. Маслова о создании в СССР десятков ячеек партии.

Переписка членов «Крестьянской России» с ЦК КР-ТКП³⁷⁹ показывает, что реальную работу в 1930–1933 гг. партия пыталась вести на границах СССР с Эстонией и Китаем, в 1930 г. свернула ее в Польше, делала отдельные попытки в Латвии.

Действия Харбинской группы КР-ТКП в этот период почти не изучены. К сожалению, кроме рекламной газетной информации имеется мало достоверных данных о ее работе в России в 1927–1931 гг. Возможно,

какие-то из газетных сообщений о проникновении в СССР из Китая и соответствуют истине. Но и здесь речь идет не о десятках случаев.

Единичная информация о работе Дальневосточного комитета на территории СССР имеется в сводках, который делало ОГПУ для высшего руководства страны. В «Обзоре политического состояния СССР» за октябрь 1928 г. сообщается: «Владивостокский округ. В сентябре месяце с. г. в Ольгинском районе ликвидирована организация под названием “Трудовая крестьянская партия”, ставившая своей целью “свержение Советской власти и учреждение демократической республики”. Организаторами и руководителями ее являлись бывшие белые бандиты, которые, пробравшись в 1927 году в Харбин, связались там с одним из членов Трудовой крестьянской партии и получили через него задание организовать филиал в Ольгинском районе. Организаторами были привезены из Харбина брошюры под названием “Крестьянская Россия — Трудовая крестьянская партия”, освещающие основное положение партии»³⁸⁰.

Как ясно из текста, речь не идет, как считают авторы комментария к документу, об «инспирированной ОГПУ фиктивной организации»³⁸¹ — ТКП Кондратьева – Чайнова, а о разоблаченной ОГПУ реальной подпольной группе. Она была связана с центром в Харбине и получила оттуда изданные в Чехословакии брошюры с программой партии. Эти данные позволяют считать доказанной связь организации КР-ТКП в Манчжурии во главе Г.П. Грачевым с жителями СССР и с доверием относиться к сообщениям лидеров «Крестьянской России» о высокой активности членов партии на Дальнем Востоке.

В 1929 г. ДВК КР-ТКП поднял в эмигрантской и западной прессе заметную кампанию по защите русских крестьян в приграничном с СССР Трехречье. Существовавшие здесь с 1918 г. процветавшие деревни беженцев 1–4 октября 1929 г. подверглись налетам красных отрядов из Забайкалья. В результате рейдов из СССР на поселки Тенэхэ и Чанкир, по китайским данным, было расстреляно до ста человек крестьян, включая стариков, женщин и подростков, до полусотни уведены в СССР, сожжено два маслозавода³⁸².

Возможно, что именно такие акции приводили к желанию ответных действий. В прессе КР-ТКП сообщалось, что ДВК участвовал в проведении повстанческих партизанских операций на границе СССР. В 1930 г. у границы уже на территории Манчжурии застрелился посланный из Парижа для связи с антибольшевиками в СССР казачий полковник Ф.Д. Назаров, «окруженный большевистской конницей»³⁸³. В 1932 г. председатель Дальневосточного комитета (ДВК) Г.П. Грачев объявил на съезде КР-ТКП о том, что на территорию СССР проведен «кавалерийский

рейд»³⁸⁴. Продолжались и попытки одиночных переходов. В 1933 г. в переписке ЦК КР-ТКП в Праге с ДВК мною найдено сообщение из Харбина: «Не совсем удалась отправка эмиссаров в СССР»³⁸⁵.

Надо отметить, что лидер ДВК КР-ТКП Г.П. Грачев всегда был сторонником активных действий. Так в 1906 г. он за организацию крестьянского возмущения был приговорен к 4 годам каторги, после чего был выслан в село Голумедь Иркутской губернии. Герасим Павлович Грачев, по происхождению крестьянин, «в 1917 году был избран председателем Черемховской уездной управы и гласным Иркутского губернского земства, в каковых должностях состоял до разгона земства большевиками в конце 1919 года. <...> В 1920 году <...> был избран членом Приморского Народного Собрания (краевой парламент) и состоял в этой должности до разгона названного народного собрания правительством бр<атьев> Меркуловых»³⁸⁶. В 1922 г. Грачев участвовал в антибольшевистской экспедиции отряда Пепеляева в Якутию, откуда в 1923 г. смог бежать в Японию и через Корею перебрался в Харбин. Грачев «в 1929 г. во время китайско-советского конфликта был представителем Харбинской <...> по оказанию помощи беженцам Трехречья и Западной полосы Кит.-Вост. Ж.д.»³⁸⁷.

Шанхайская группа «Крестьянской России» во главе с журналистом и издателем Н.П. Малиновским не была так радикальна, как харбинский ДВК. Профессор Ван Чжичен, со ссылкой на публикации в газете «Шанхайская заря» 1929–1930 гг. отмечает, что Н.П. Малиновский выступал против партизанщины за рубежом, «против создания незаконных армий и групп на чужих территориях»³⁸⁸, но за сплочение единомышленников и распространение антисоветской литературы в СССР.

В начале 1933 г., подводя итоги работы ДВК, А.А. Аргунов отмечал, что «всем членам партии хорошо известна деятельная деятельность дальне-восточной организации. У всех живо в памяти чувство высокого удовлетворения и даже гордости, которую вызывала всегда работа дальневосточников. Их успехи, преданность делу партии и умение вести его. Информацией об этой работе были полны страницы партийных изданий. Из этого источника мы черпали моральную поддержку, им увеличивали престиж партии вовне и (нечего скрывать!) им аргументировали в поисках и добывании материальных средств»³⁸⁹.

Деятельностью Дальневосточного комитета как минимум до конца 1932 г. руководство партии было довольно. П.П. Балакшин, автор одного из самых первых, сделанного по горячим следам исследования «Финал в Китае», упоминает немногие существовавшие в Харбине политические организации. В их числе «Трудовая крестьянская партия», возглавляемая Грачевым»³⁹⁰. В 1928–1932 гг. ДВК КР-ТКП был фактически един-

ственной реальной демократической организацией в Харбине, что вызывало ревность у не сумевших сорганизоваться в Китае эсеров³⁹¹.

На сегодня отсутствие полной документальной базы (особенно по Дальнему Востоку) не позволяет отделить от саморекламы реальные попытки КР-ТКП наладить агитацию и организовать выступления против коллективизации на территории СССР. Подтверждается лишь активнейшее участие членов партии «Крестьянская Россия» в зарубежных митингах, акциях протеста, сборе средств для помощи беженцам из СССР и жертвам голода.

Остается вопрос: что произошло с техническими и коалиционными структурами демократической эмиграции (типа «Опус»), предназначенными для работы в СССР в 1930–1931 гг. после скандальных неудач в Польше и Прибалтике? Очевидно, что «Опус» быстро распался, и его кончину зафиксировали в Постановлении Совета «Опуса» от 12 октября 1929 г.: «С сегодняшнего дня организация “Опус” считается ликвидированной. Все дела, связи и аппарат прежней организации передаются в ведение теперешнему составу Руккома. Этим лицам поручается продолжать все операции впредь до реорганизации дела, которая также возлагается на данных лиц, причем их усмотрению предоставляется привлечение к ней тех или иных лиц и организаций»³⁹².

14 ноября А.А. Аргунов, В.С. Озерцовский и А.А. Потехин создают руководящий комитет новой структуры: «Собравшиеся считают себя тем органом, которому согласно постановлению совета “Опуса» 12.X, переданы все функции прежней организации и который берет на себя осуществление реорганизации дела связи с Россией на новых основаниях. Основанием новой организации является: а) Сговор полит<ических> организаций для совместной работы. б) Ответственным органом является Бюро, составленное из представителей входящих в сговор организаций. в) Бюро выделяет из своей среды лицо, которое ведет всю исполнительную и техни<ческую> работу, организуя ее по своему усмотрению. г) Работа ведется на основании твердого бюджета, составляемого из регулярных взносов со стороны всех (всяких) участвующих в новой организации»³⁹³.

4 ноября 1929 г. принимается решение «считать организацию сконструированной на основании принятых ранее положений под именем “Дело”»³⁹⁴. О делах «Дела» судить трудно: 11 ноября 1929 г. было принято решение увеличить пересылку журнала «Борьба за Россию» через Берлин до 120 экземпляров. 25 ноября 1929 г. обсуждается вопрос «О возможностях морского транспорта» и о письмах отделениям в Париже, Югославии, Праге»³⁹⁵. На этом конспекты заседаний обрываются.

В конце 1929 г. А.А. Аргунов в письме П.А. Богданову обрисовал ситуацию так: «Вам приходилось до последнего времени иметь дело с блоковой работой, — назовем ее “транспортным делом”. Начиная с минувшего октября дело было переорганизовано; из него вышли окончательно (до сих пор выходили неокончательно) милюковцы, которые исполняют директиву из Парижа: не входить ни в какие блоковые объединения (политические или технические). Оставшиеся группировки (т. е. “Кр<естьянская> Россия”, “Борьба за Россию”, энесы и к.д. центра (Астров, Юрнев) продолжают дело на основах устава, копии которого я Вам прилагаю и какую прошу немедленно уничтожить. Суть нововведений в деле сводится к тому, что задачи упрощены, а организационная часть централизована в целях большей законспирировки.

В деле будут принимать участие по-прежнему “Дни”, не входя, однако, в него юридически по мотивам своих внутрипартийных отношений. На тот случай, если милюковцы парижские решат (во что не верится) ставить своими силами аналогичное дело, — мы будем стараться путем контакта избегать конкуренции и столкновений с ними.

Наша наличная касса очень скудна. Имеются перспективы, но превратить их в реальные источники будет трудно. Ближайший план наш, поэтому, очень скромный и сводится к тому, чтобы, прежде всего, удерживать прежние технические позиции и расширять их понемногу. Исходим мы из твердой уверенности, что как ни мала работа, как ни скудны и скромны пути связей с Россией, но работа эта, во-первых, первостепенного значения, а во-вторых, она будет расширяться, ибо слишком очевидна потребность в ней, заявляемая все чаще и настойчивее из недр России. Нечего скрывать, что при всем том от участников дела потребуются много терпения, чтобы не смущаться малыми размерами его и трудностями»³⁹⁶. Ответ Богданова на предложение продолжить работу автору не известен. В аналогичном письме — в Польшу А.А. Вакару — сообщалось: «...Всю текущую переписку с Вами, а также обслуживание материалом будет вести Александр Александрович Потехин»³⁹⁷.

А.А. Потехин так вспоминал события, происходившие вокруг «Опуса» с лета 1929 г.: «Я поехал в Варшаву, где обратился за содействием к Д.В. Философову. Последний свел меня с майором Ганно. Пока он доставал паспорт, я узнал, что Ильин уже уехал в СССР, а Борисов перепугался и отказался от поездки. При ознакомлении с остатками аппарата “Опуса” я посетил следующие пункты: 1) район Костополя, Александр Александрович Марков. 2) с. Рудаки, в р-не Вильно, Николай Андреевич Мосевич. 3) Вильно — Федор Федорович Шинкевич. 4) Корец — Дюк Варвара Ивановна. 5) Пинск — Владимир Владимирович Бранд.

Из этих линий Шинкевич и Диок производили несерьезное впечатление. Эти поездки отняли у меня все лето. В сентябре <1929> я вернулся в Прагу, где узнал, что Евреинов из “Опуса” уходит и что “Опус” заменяется организацией без названия, объединяющей “К<крестьянскую> Р<оссию>” и “Б<орьбу> за Р<оссию>” в лице Аргунова и Бутенко в Праге и Вакара в Варшаве от “К<крестьянской> Р<оссии>”, и от “Б<орьбы> за Р<оссию>” меня и Озерецковского в Праге и Бранда в Варшаве. “Б<орьба> за Р<оссию>” обязывалась содержать польскую линию, а “К<крестьянская> Р<оссия>” — эстонскую и дальневосточную. Этот аппарат функционировал до мая 1930 года, когда он распался. Я принимал участие в еженедельных заседаниях. Ни одной отправки человека за это время не было. Отправляли только литературу. Через Польшу ежемесячно отправлялось 4–5 килограммов литературы, но в том, что она проходит границу, у меня уверенности не было»³⁹⁸. Позже связи КР-ТКП в Польше были переданы журналу «Борьба за Россию»³⁹⁹.

2.3. От пропаганды активизма — к активистскому действию

Сторонники журнала «Борьба за Россию» в 1928–1931 гг.

Следует напомнить, что журнал М.М. Федорова, С.П. Мельгунова, А.В. Каргашева, В.Л. Бурцева и П.Я. Рысса «Борьба за Россию», объединив республиканцев и «непредрежденных», с момента создания в 1926 г. требовал революционной борьбы с большевистским режимом. Еще в 1927 г. там в передовой статье писали: «В переживаемую нами историческую эпоху вообще не может быть места ни всевосстанавливающим реставрациям, ни всеразрушающим революциям. Дело идет не о столкновении социальных сил, а о выявлении национального акта, который должен выявиться в уничтожении коммунистической головки. <...> Для осуществления переворота требуются не движения массы, а действия организованных групп, которые наносят удар в соответствии с настроением, господствующим в стране. Помочь создать такие сочувственные перевороту настроения, осознать его немедленную необходимость — основная задача, которую преследует “Борьба за Россию”»⁴⁰⁰. «Мы находим отклик среди новой, молодой русской интеллигенции. С ней вместе мы пойдем в деле “святой борьбы” за освобождение России от губящей ее деспотии. Большая тяжесть спадает с наших плеч»⁴⁰¹. В 1928 г. линия журнала была та же: «Террористический акт в пустыне безмолвия может

быть трубным гласом пробуждения. Он становится новой датой, которая определяет собой новую эру»⁴⁰².

Эмигранты старались помочь в распространении журнала. В архиве С.П. Мельгунова сохранилось письмо «Кубанца» — А. Гуртового из Суботицы от 12 июля 1928 г.: «Я посылаю журнал “Борьба за Россию” в ближайшие станицы к моей, напр<имер> в Таманскую, Ахтизовскую, Фанайловскую, Старотиаровскую и прочие и адресовал на казаков, служивших в корпусе Буденного. Я им писал, называя себя другом по Карпатам и Галиции и так далее. Давал им свой правильный адрес, но свою фамилию скрывал, называя себя “Кубанец”. Потом получаю оттуда письма с благодарностью, хорошими пожеланиями, которые я посылаю в редакцию “Путь казачества”. <...> Сделали обыск у моего отца, где нашли “Вольную Кубань”, и отца забагровали, а потом судили за подстрекательство молодежи. Я сам отправил в СССР журналов “Борьбы за Россию” номеров 200 и “Вольной Кубани” тоже много, а в последнее время “Вольной Кубани” 4 номера. А когда моего отца судили, то я получил извещение от родных и от неизвестных казаков с сочувствием моему горю и советом не падать духом и т. д., с припиской, что за моего отца виновникам придется пустить кровь, и что правда восторжествует»⁴⁰³.

В конце 1928 г. состоялся короткий удачный переход в СССР активиста пражской группы поддержки журнала «Борьба за Россию» с 1926 г. юриста А.А. Потехина. Здесь уместно привести характеристику этого, видимо, незаурядного человека, о котором писал в 1950 г. Н.А. Цуриков⁴⁰⁴: «Небольшого роста, плотный, крепкий, чрезвычайно подвижной, почти всегда с почтительно-вежливой улыбкой, часто превращавшейся в ироническую, жизнерадостный, веселый, легко и заразительно смеявшийся, таково было мое первое впечатление и таковым он и остался в моей памяти после многих и частых встреч и тесного общения. <...> Семья его была в бытовом отношении очень консервативная. Отец, небольшой помещик, служил. В доме, очевидно, господствовала мать, любимцем которой был, по-видимому, Потехин. По окончании гимназии и ускоренной военной школы Потехин попадает на фронт уже во время развала армии, случайно остается живым при нападении солдат на офицеров его части, бежит из центра России на юг и поступает в Добровольческую Армию, два года на фронте, эвакуация, один из военных лагерей, то есть все, что полагалось и наконец... Прага. Но надо сразу сказать, что он не было “одним из многих”, то есть типичным и рядовым представителем той военной молодежи которая в те годы еще наполняла Высшие Учебные Заведения нескольких городов Чехословакии. <...> Оставаясь в этой среде, будучи в ней своим, не уходя в отколовшийся от общей массы рес-

публиканско-демократический (Милуковский), а тем более социалистический (эсеровский) Союзы. И относясь к ним довольно иронически, Потехин отличался от своих <коллег> большим индивидуализмом. Может быть, некоторой строптивостью, критичностью и большим чувством свободы. <...> Потехин прекрасно окончил университет, написал серьезную работу по государственному праву, получил предложение продолжать академическую работу, но отказался, — его влекла другая жизнь и другая судьба»⁴⁰⁵. Политические взгляды штабс-капитана А.А. Потехина характеризует цитата из его статьи в журнале «Борьба за Россию»: «Тот, кто совершит переворот, станет признанным вождем, вокруг которого объединится стихия восставшего на коммунистов народа. <...> Враг не советы, а коммунисты. Современные советы должны быть переизбраны на демократической основе»⁴⁰⁶.

Александр Александрович Потехин выехал из Праги в октябре 1928 г. в Польшу. Границу перешел в районе Корца с фиктивным советским паспортом. Проводник Иван Трофимович взялся перевести его в СССР за 20 американских долларов. Пошли через границу сразу, вспоминал Потехин: «Это было 18 ноября 1928 года. Перейдя границу, мы шли до рассвета и остановились в лесу. Дневали на сеновале в лесу. Вторую ночь шли, обходя населенные пункты. На рассвете 2-го дня мы подошли к деревне Мариновке, где остановились у родственников Ивана Трофимовича. Оттуда меня довели до Врангелевки. Откуда я пешком дошел до Житомира; автобусом доехал до Киева, имея билет из Москвы. <...> Не доезжая Тихоновой пустыни, я слез на разъезде и пошел пешком в Калугу, пришел поздно вечером. Отправился домой, родные стали меня упрекать за мой приезд. На рассвете сестра отвела меня к Софии Маврикиевне Зарембо, где я провел день. Вечером я уехал в Москву»⁴⁰⁷.

В Москве С.П. Мельгуновым и членами «Опуса» Потехину даны были несколько явок: «Со мной говорил об адресах С.П. Мельгунов. Рассчитывалось наладить связь с так называемой молодежью из “Задруги”, в частности, с Иваном Ивановичем Мосоловым, Иваном Давыдовичем Рингманом. Познакомить нас должна была Е.А. Ордынская-Никитина. По дороге в Праге я встретил Озерецковского, который приехал с Евреиновым и сказал, что было бы хорошо, если бы я зашел к Мосевичу, которого он нежно называл Колей. Дал он мне адрес его на Гоголевском бульваре на имя какого-то Головина. Впоследствии оказалось, что адрес этот вымышленный»⁴⁰⁸.

Утром явился в семью профессора Коротнева. Устроился на ночлег в семье Знаменских: «Я направился к Елене Александровне Ордынской <Никитиной>, которая отнеслась ко мне истерически враждебно, заявив,

что каждое вмешательство эмигрантов ничего, кроме вреда, не приносит». Все же после долгих уговоров на второй или третий день она согласилась познакомить Потехина с Иваном Ивановичем Мосоловым: «Тот познакомил меня с И.Д. Рингманом и с каким-то “Нилычем”. Кто он, я до сих пор не знаю»⁴⁰⁹.

Беседы на политические темы Потехин вел с И.И. Мосоловым, И.Д. Рингманом и «Нилычем»: «Разговоры носили характер налаживания связей и взаимного обмена информацией. В общем, разговоры носили чисто принципиальный характер, до чего-либо конкретного не договорились, считалось, что это все выяснится в порядке взаимного обмена мнений»⁴¹⁰.

Видимо, говорили про варианты свержения большевизма, об этом позже Потехин писал в своих путевых заметках: «Верят ли в эволюцию большевизма? — Нет. Эволюционные теории не пользуются никаким успехом. Возникли они у некоторых с НЭП-ом, с НЭП-ом и умерли. Большевики остались такими же, какими и были, и никто не верит в то, что они как-то незаметно сойдут на нет, как бы упразднив самих себя. Правда жизни указывает совсем иное. Большевики крепко держатся за власть и великолепно видят отношение к себе со стороны всех. Миром здесь не окончишь. Да никто и не собирается мириться с ними. Поэтому судорожно держатся они за власть, и будут держаться до тех пор, пока не вышвырнет их та или иная сила...

Как представляют себе возможность свержения большевиков? Тут приходится указывать на очень распространенное убеждение, что внешний толчок ускорит развязку. Всякая война — конец большевизму. Большевизм начался войной и войной. То, что война может задержать внутренние процессы и укрепить власть, никто не верит. Было бы ошибкой думать, что все сосредоточили свои надежды на войне. Это — не верно. Внутренний взрыв весьма возможен и без внешнего давления. <...> Подводя итоги того, что мне пришлось услышать, я должен еще раз подчеркнуть, что в мирный переворот никто не верит. Переворот будет насильственным. В этом направлении должно быть мобилизовано все. Технические возможности не считаются непреодолимыми. Агитационная литература должна беспощадно и безоговорочно бичевать власть. Всякое признание достижений непригодно в качестве агитационного материала. Но наряду с критикой необходимо выставить положительные лозунги, точные и определенные, которые были бы созвучны настроениям масс»⁴¹¹.

А.А. Потехин вспоминал: «Под видом вечеринки у И.И. Мосолова было собрание, на котором присутствовали еще Рингман и “Нилыч”, не-

известный мне. Группе этой было известно о существовании “Б<орьбы> за Р<оссию>” от Пешехоновой, которая ругательски ругала Мельгунова.

Изложил платформу и задачи журнала. Рингман дал мне прочесть программу группы, отпечатанную на машинке. Эта программа трактовала о необходимости пересмотра всех программ с точки зрения защиты интересов крестьянства.

Я просил снабжать журнал “Б<орьба> за Р<оссию>” и поставил вопрос о распространении “Б<орьбы> за Р<оссию>” в СССР. При этом я рассказал, что Мельгунов собирается использовать свои связи в Финляндии для переброски литературы в Ленинград. Все это одобрили, я предложил свою поездку туда, но Рингман заявил, что это для меня опасно и он предпочитает сам съездить туда. Я ему передал 50 дол<ларов> на расходы. <...> Иван Нилыч рассказывал еще о своей родственнице, живущей около Житомира, которую можно было бы также использовать для переброски. Группа взялась распространять до 1000 экз<емпляров> “Б<орьбы> за Р<оссию>”. Присутствующие посоветовали мне поскорее уехать. О результатах поездки Рингман условился написать в Париж шифром по книге любой, кроме первой, “Красного Архива”⁴¹².

А.А. Потехин не смог выполнить ряд просьб С.П. Мельгунова о встрече с другими его друзьями и коллегами по издательству “Задруга”: В.Н. Розанов болел, Сомов сидел в тюрьме, Б.Ф. Федоров находился в ссылке, а некий Щепкин из «Задруги», как узнал Потехин, «был расстрелян»⁴¹³.

Не очень обеспокоился А.А. Потехина странной ситуацией с явками, полученными от Б.А. Евреинова по линии Н.А. Боярова-Мосевича: «В Москве я отправился разыскивать Головина для связей с Мосевичем, но адрес его был дан неверный, и искать его я не стал, опасаясь, что здесь дело нечисто. Затем я отправился к Корхову, но или мне показалось, что за мной слежка, или же у меня было предчувствие, но я к нему не зашел»⁴¹⁴. В самом ли деле Потехина отслеживали сотрудники ОГПУ? Это неясно: «Раз я попал под слежку. Я что-то покупал на Сухаревке, и за мной пошел агент, вероятно, угрозыска. От него мне удалось оторваться, но все-таки я решил переодеться, зашел к Рингману, который мне дал какое-то старое пальто»⁴¹⁵.

Но нужно ли было «топтунам» следить за Потехиным? У одного из его собеседников была не лучшая репутация. «Видел тогда же Зинаиду Павловну <Павлову>, которая отнеслась ко мне как-то недоверчиво, возможно, потому, что я был с Рингманом. Уже потом за границей я узнал, что Рингмана считали одно время агентом ОГПУ»⁴¹⁶. Был ли Рингман агентом ОГПУ, информации нет, но создается впечатление, что ОГПУ очень легко разоблачило эту группу.

В обвинительном заключении по делу А.А. Потехина 1931–1933 гг. говорится: «Создал в Москве к-р ячейку, ликвидированную Особым отделом ОГПУ в 1929 году»⁴¹⁷. В списках репрессированных в 1937 году значится работавший в Дмитлаге инженер-гидролог И.И. Мосолов (1893–1937): «Приговорен: тройкой при УНКВД по Московской обл. 2 сентября 1937 г. Обвинялся в том, что группировал вокруг себя антисоветский элемент, занимался сбором сведений шпионского характера, имел связи с зарубежными белоэмигрантскими кругами, получал из-за границы нелегальными путями литературу реакционного направления. Расстрелян 3 сентября 1937 г.»⁴¹⁸.

«Всего я пробыл в Москве 5 дней. Условные письма писал в Париж или Прагу», — подвел итог пребыванию в столице СССР А.А. Потехин⁴¹⁹. Он собирался в обратный путь: «К Коротневым пришла открытка, в которой путем условности В.В. Бранд извещал, что выслал проводника по так называемой линии Мосевича»⁴²⁰.

Возвращение оказалось легким: «30 ноября или 1 декабря 1928 года» Потехин на Белорусском вокзале сел в поезд и доехал до ст. Борисов, дошел до Борисова, затем на извозчике доехал до Зембина. От Зембина пошел пешком на Платовские хутора, по дороге сел на подводу, доехал до мельницы на Цне, около Платовских хуторов, где у одного из Платовых встретил проводника Катю Захарову, которую прислал за ним В.В. Бранд⁴²¹.

Двое пошли к границе: «Когда стемнело, мы пошли пешком. Верст 18 мы шли по дорогам, обходя хутора и деревни. Границу перешли благополучно»⁴²² в районе местечка Стаи. Под утро они остановились в одной из деревушек на польской стороне, взяли подводу и доехали до станции Вилейки. Там Потехин «сел на поезд и доехал до Пинска. Из Пинска с Брандом поехал во Львов»⁴²³.

В показаниях Н.А. Боярова-Мосевича на допросе в ОГПУ 15 декабря 1930 г. говорится о том, что жившая в Польше Катерина Алексеевна Захарова (по мужу Трофимова) имела явки в СССР у своих родственников в деревне Кропове в Белоруссии и именно она Потехина «переводила через границу из СССР, и он рассчитывал на ее тесное сотрудничество». Как пишет Бояров-Мосевич, «в ноябре 1928 года, декабре 1928 года, январе 1929 года она вызывалась в Вильно к Шинкевичу и оттуда направлялась в СССР к Платовым. Первый раз она привела от них Потехина, следующие разы носила литературу и инструкции для меня от “Опуса”»⁴²⁴. Таким образом, А.А. Потехин нелегально побывал в СССР и смог вернуться в Прагу по известному ОГПУ пути. Если учесть тот факт, что Бояров-Мосевич был агентом ОГПУ, что вскоре семейство Платовых было

арестовано чекистами, то можно сделать вывод: А.А. Потехину в этот раз очень повезло, что его выпустили из СССР.

А.А. Потехин получил в Львове польский заграничный паспорт и с ним благополучно доехал до Праги, где встретился с В.В. Озерецковским и членами группы «Борьба за Россию»: «Было созвано собрание, на котором присутствовали Цуриков, Гробовый, В. Менцель, Копылов и Озерецковский. Им я рассказал о настроениях и впечатлениях. Я предложил изменить тактику, отказаться от непредрешенчества и выдвинуть республиканско-демократическую активистскую программу»⁴²⁵.

Вскоре после этого Потехин поехал в Париж: «Делал сообщение М.М. Федорову, С.П. Мельгунову и, сжато, П.Я. Рыссу. Делал доклад на собрании, организованном Павлом Гукасовым, где присутствовали: ген. А.П. Кутепов, ген. Н.Н. Головин, А.П. Марков, С.С. Маслов, А.А. Титов, Нобель, М.М. Федоров, С.П. Мельгунов. Мне задавали вопросы о положении в СССР. Кутепов задал вопрос о приемлемости для России диктатуры, я ответил отрицательно. Прения при мне были водянистые; разговоры продолжались и после моего ухода»⁴²⁶.

Итогом поездки стала серия репортажей А.А. Потехина: «Свои впечатления о поездке я изложил в журнале “Борьба за Россию” в статьях “Мои впечатления” за подписью “Курьер”, №№ 110 и последующих за 1929 год»⁴²⁷. Главными впечатлениями А.А. Потехина были ощущение финансово-экономического краха, видимый рост числа недовольных и заметное усиление репрессий. Но текст он свой завершал оптимистично: «Народные массы насторожились. Что будет — неизвестно, но то, что произойдет грандиозный взрыв, который покончит с существующей властью, в этом имеется довольно твердая уверенность. Во что выльется этот взрыв, будет ли это стихийно-анархическое восстание безработных и крестьянской массы красной армии или взрыв примет организованные формы выступления крестьянского Бонапарта — сказать нельзя. Одно ясно, что грядущая власть должна опереться на широкие массы русского крестьянства и вести национальную политику в интересах основного пласта населения России — ныне ограбленного и разоренного большевиками крестьянства»⁴²⁸.

А.А. Потехин сделал из бесед в Москве далеко идущие политические выводы, к которым потом попытался прислушаться С.П. Мельгунов: «Я показывал платформу “Борьбы за Россию” нашим молодым организованным друзьям. Они в свою очередь до моего приезда выработали самостоятельно “программу”, которая удивительным образом совпала с нашими основными тезисами. Они считали, однако, недостаточным заявление, что формы государственного устройства определит в буду-

щем сам народ. По их мнению, надо, чтобы в агитационном журнале лозунги не вызвали сомнений и кривотолков. Надо устранить возможность контрагитации противников, которые будут приписывать нам скрытое делание восстановить непопулярную романовскую монархию. Крестьянин — именно он явится поддержкой ожидаемого переворота — не мыслит отвлеченно. Монархия для него — монархия старая, связанная с понятием помещика и земли. Вместе с тем все понимают, что после палочной коммунистической диктатуры не может прийти какой-либо “парламентаризм” и что, скорее всего, в первое время надвигающегося хаоса установится единоличная диктатура. Но, по общему мнению, это будет диктатура национальная в форме своеобразного республиканизма. Только тогда в крестьянской массе не явится мысль о возможности воскрешения прежней династии и реставрации помещичьего землевладения. В разговорах по этому поводу звучали не те или иные идеологии, а лишь оценка господствующих в массах настроений. “Мне приходилось шляться по всей России, — говорил мне один из моих новых друзей, хорошо знакомый с настроениями крестьян, — могу вас заверить, что выборный президент с сильной властью сейчас куда популярнее любого монарха”⁴²⁹.

А.А. Потехин собирался отправиться в Советскую Россию вновь: «После приезда из СССР я внешнюю легальную работу прекратил с тем, чтобы не бросаться в глаза ввиду новых возможных поездок»⁴³⁰. Но вскоре его намеченное путешествие в СССР через Финляндию было отменено из-за отсутствия средств⁴³¹: «После поездки выяснилось, что денег у “Б<орьбы> за Р<оссию>” нет, и не с чем продолжать. Я ушел работать на фабрику»⁴³².

Попытки «Борьбы за Россию» и ее партнеров завязать прямые контакты с Россией приводили к репрессиям в СССР. В переписке С.П. Мельгунова имеется письмо 1929 года, указывающее на это: «Дорогой друг, в апреле сего года в Москве был арестован в один и тот же день ряд лиц из круга московское интеллигенции. Арестованные в прошлом были близки к народно-социалист<ической> партии и к издательству “Задруга”. <...> Среди арестованных Ордынский Сергей Павлович, член Моск<овской> Коллегии защитников, его жена Елена Александровна, Сивтонов Владимир Николаевич, консультант ВсеКо, Моленго-Столбова Людмила Ивановна, Шполянская Надежда Никол<аевна>, Яневский Борис Васильевич, сотрудник Центросоюза, Мосолов Иван Иванович, кажется, ранее работал в “Задруге”, Ринкман⁴³³ Иван Давыдович, как будто близкий приятель Мосолова, Большаев Иван Игнатьевич, сотрудник акц<ионерного> о<бщест>ва “Транспорт”, и ряд других лиц, фамилии коих нам

неизвестны, но арест которых связывают с арестом перечисленных лиц. <...> Судя по тщательности обысков на квартирах, засадам следует признать, что ОГПУ имело в отношении перечисленных лиц весьма серьезные намерения. Особенно взволновали нас слухи, возникшие в среде тех родственников арестованных, которые вызывались в ОГПУ для допросов. В их освещении аресты ставятся в связь с якобы имевшим место в конце прошлого года посещением Мосолова и др. каким-то нелегально приезжавшим из заграницы лицом»⁴³⁴.

Теперь понятно, что лицом этим был А.А. Потехин. И именно из-за встреч с ним осенью 1928 года и были арестованы интеллигенты, ранее близкие к ТНСП или лично к С.П. Мельгунову. Информация об этом деле, хоть и в искаженном виде, поступила и в иные эмигрантские круги. Весьма осведомленный, сохранявший связи с умеренными большевиками и главой Политического Красного Креста Е.П. Пешковой меньшевик Б.И. Николаевский писал И.Г. Церетели: «Приехала Пешкова и передает, что в Питере были огромные аресты в связи с приездом какого-то “мельгуновского эмиссара”; сам эмиссар скрылся; из числа арестованных называл фамилию Ордовской⁴³⁵. В Киев приезжал эмиссар правых, — там тоже большие аресты; одна из арестованных — вдова какого-то профессора — даже расстреляна»⁴³⁶.

В 1928–1929 гг. «Крестьянская Россия» пыталась инкорпорировать в свой проект С.П. Мельгунова. В.В. Озерцовский писал ему: «Сегодня мне Аргунов говорил, что между “Кр<стьянской> Р<оссией>” и Вами идет переписка о вступлении Вас в их партию, по его словам, переговоры подвинулись так, что вот-вот они ожидают Вашего вступления. Будто бы Вам мешают лишь “энесовские пути”. Об этом я слышал и раньше от одного из членов этой группы, которому я сказал, что это сплетня, что может идти разговор лишь о создании новой партии или союза, причем вы, т. е. Кр<стьянская> Р<оссия> и С.П. Мельгунов могут разговаривать лишь как стороны. Но вот — Аргунов... Или все это фантазмагория, так как им уж очень хочется вашей близости и потому они делают из мухи слона?»

Сказать по правде, как и писал Вам раньше, группа эта близкая по духу, но уж очень далекая (несимпатичная) по составу. Ведь кроме Маслова — циника (хотя м. б. такой политик теперь и нужен) да Аргунова — почти никого нет. Если взять здешнюю молодежь — ей грош цена; если взять группу Варшавскую — там неизвестно, где кончается Кр<стьянская> Р<оссия> и начинается Милюков, в Берлине — Татаринов (?!). Им не хватает искренности, чистоты и доверия извне. Ни Арг<унов>, ни Маслов (даже) не могут быть такими фигурами, которые около себя мог-

ли бы создать сплоченное о<бщест>во, во всяком случае, не могут быть вождями. Это они, очевидно, все чувствуют, хотя Маслов и гремит, а в этом не сознается. Когда они были с Милюковым, — они дуэтом ругали многих, кому теперь делают глазки. Думаю, появивсь у них деньги самостоятельные — затравили бы и М.М. <Федорова>; хотя сейчас они продельывают крен направо и пока потихоньку юдофобствуют. Как у болгар, так и, непременно, и у нас — эмигрантов лица делают партию. Так вот, как у эсеров — Черновым пахнет даже у правой фракции. У Кр<стьянской> Р<оссии> все пропитано, как я сказал, цинизмом, подсидкой — <нрзб.>, между нами говоря, и хамством Маслова. Так и у респ<убликанцев>-дем<ократов> и т. д. Н<ародно>-с<оциалистической> партии нет, но есть традиция, есть дух. Вот почему, если бы стал вопрос об объединении активной энес<овской> фракции с единственной, правда, активной эмигр<антской> партией, то должен быть <поставлен> вопрос о создании новой Трудовой Крест<ьянской> партии, а разговоры о в с т у п л е н и и, по-моему, вряд ли возможны»⁴³⁷.

При таких личных отношениях и недоверии, какие демонстрировал в письме С.П. Мельгунову его пражский представитель В.С. Озерецковский, прочное соглашение с КР-ТКП вряд ли было реально. Но ряд документов показывает, что финансирование КР-ТКП и более правого журнала «Борьба за Россию» с неопределенческой программой (сначала — свержение большевизма, потом все остальное) велось уже в конце 1928 г. из общих источников, что подтверждает письмо издателя «Борьбы за Россию» М.М. Федорова председателю КР-ТКП А.А. Аргунову: «Спешу препроводить Вам <нрзб.> и сей чек на пять тысяч франков для “Крестьянской России”»⁴³⁸. Впрочем, спонсор подкреплял свои дотации и организационными решениями, о которых рассказал сторонник «Борьбы» А.А. Потехин: «Январь-февраль-март 1929 г. я проработал в Париже, печатая в “Б<орьбе> за Р<оссию>” свои путевые впечатления “Рассказ курьера”. Затем меня вызвал М.М. Федоров и предложил съездить в Прагу и Варшаву для того, чтобы захватить безраздельно “Опус” в руки “Б<орьбы> за Р<оссию>”. Я согласился. В апреле приехал в Прагу, против моего принятия в “Опус” голосовал Евреинов, но я прошел голосами Озерецковского и Маслова. Мы составляли правление. Делами управлял Бутенко. Представителями в Варшаве были В.В. Бранд и А.А. Вакар. Вскоре “Опус” стал медленно умирать»⁴³⁹.

Но в начале 1929 г. после старта работы «Опуса» интеллектуального лидера группы «Борьба за Россию» С.П. Мельгунова охватывал оптимизм: «Если признать, что Россия уже вступила в полосу новых событий, то в момент действия необходим сговор. <...> Признающие воле-

изъявление народное, т. е. основной принцип народовластия, могут быть союзниками демократов, идущих открыто со своими лозунгами. Надо идти иным путем, нежели тот, которым мы шли до сих пор, создавая личную коалицию социалистов, республиканцев, демократов, конституционных монархистов, не выкидывающих монархические лозунги, для целей момента, — коалицию, объединившуюся для реальной работы около любви своей к России и приемлющих ее в таком виде, в каком она вышла из горнила революции. Такая коалиция дает пищу для действий против большевизма. Мне кажется, это был необходимый этап.

Только благодаря этой коалиции “Борьбе за Россию” удалось связаться с родиной и оттуда действительно услышать живые голоса. Для меня лично, несомненно, Россия ожила, Россия хочет и может бороться с коммунистическим насилием, Россия зовет нас к себе на помощь. Это и позволяет говорить о том, что момент освобождения приближается. Мне представляется, что он требует от нас новых форм взаимопомощи и содружества. Отчетливость группировок, может быть, действительно будет содействовать выработке единой тактики и установлению взаимодействия там, где это больше всего нужно <...>. Пусть все “активисты” из левого лагеря, — республиканцы и социалисты — найдут формы возможного для себя содружества. Пусть наметят формы такого содружества и те принципиальные враги всяких реставрационных замыслов, которые не хотят зачислять себя в ряды идейных республиканцев. Не отрешившись от жизни в социальных вопросах, они будут занимать последовательную демократическую позицию. Социально-экономические вопросы после революции неизбежно являются основными в тактике борьбы, которую мы ведем. <...> Я убежден, что в практической работе эти два союза сумеют установить нужный контакт. <...> Для того, чтобы сговор был реален, надо быть уверенным в том, что в России действительно началось освободительное движение, и оно уже приобретает организованные формы. <...> Момент критический. История не простит тем, кто его упустит»⁴⁴⁰.

По всей видимости, на настроение С.П. Мельгунова влияли результаты проникновения его агентов в СССР. Так, в 1928 г. в СССР побывал еще и Ф.Д. Назаров, о котором рассказал А.А. Потехин: «“Б<орьбой> за Р<оссию>” был направлен в СССР эмиссар “Острый” — донской казак, полк<овник> Назаров (убитый в прошлом <1930. — М. С.> году на Дальнем Востоке)»⁴⁴¹. «Он посетил много пунктов, пробыл в России месяца 3 и на Дальнем Востоке перешел границу. Не думаю, чтобы ему удалось много сделать, т. к. об этом совершенно не говорили»⁴⁴². Очерки «Остро-го» печатались в журнале «Борьба за Россию» в конце 1928 г.

Первая поездка А.А. Потехина привела к корректировке линии «Борьбы за Россию». В 1955 г. С.П. Мельгунов писал: «Суть дела в том, что в середине <19>28 г. нам удалось переправить в Россию несколько своих политических друзей с целями информационными. Один из них с внешней стороны свою поездку совершил очень удачно. По возвращении он полно нас осведомил. По его наблюдениям, “Борьба за Россию” произвела очень хорошее впечатление — позицию журнала <признали> соответствующей тамошним настроениям, но единомышленники наши не совсем понимают, почему Мельгунову надо было прицепить к себе чуждый современной России монархический флаг. Так по ту сторону рубежа отразилась пропаганда Милюкова против моей коалиционной политике. К агитации Милюкова в эмиграции припелся посторонний курьез. Обо мне в “Правде” по поводу моего монархизма написал огромный фельетон историк Покровский»⁴⁴³.

В 1950 г. С.П. Мельгунов кратко написал о выводах, которые он сделал в 1929 г.: «В связи с впечатлением, вынесенным нашим “курьером” из поездки по России <...> было решено изменить конструкцию, легшую в основу коалиции “Борьбы за Россию” и расширить ее в сторону “Крестьянской России”, милюковского “Республиканско-Демократического Объединения” и группы “правых” с.-р. В таких целях предполагалось создать два параллельно действующих, тактически дружественных союза — так называемых “предрешенцев” и “непредрешенцев”. Из этих попыток, в конце концов, ничего не вышло, хотя фактически и были созданы конспиративное деловое объединение для организации распространения политической литературы в России и открытый “Фонд вольной печати”. Объединение это, получившее название “Опус”, стало действовать, но не получило дальнейшего развития. Между тем, из состава редакции “Борьбы за Россию” в связи с переговорами вышла ее как бы “левая часть” (Мельгунов, Полнер, Рысс), и журнал стал выходить под редакцией одного М.М. Федорова»⁴⁴⁴.

На самом деле «Опус» был создан до С.П. Мельгунова и «Борьба за Россию» присоединилась к готовому проекту С.С. Маслова и Б.А. Евреинова. В более подробной статье 1955 года Мельгунов описывает ситуацию более позднюю, и опирается на документ, видимо, конца 1929 года — копию своего письма в Россию. С.П. Мельгунов пишет: «“Москвичам” свой отход я мотивировал так: “Не преувеличивайте наших возможностей — они в настоящий момент очень скромны. Не смотрите, вообще, на “Борьбу за Россию”, как на организацию, широко объединяющую эмиграцию. “Борьба за Россию” может быть только литературным органом. Объединить эмиграцию, активно действующую, на нашей платформе не

удалось. Это надо признать. Левые к нам не пошли, ибо их не удовлетворяет непредрешенчество форм правления. Я вышел из состава редакции “Борьбы”. Моя цель — попытаться объединить левых, т. е. республиканцев, стоящих на позиции революционной борьбы с большевиками, и от этого объединения попытаться войти хотя бы в техническое соглашение для реальной борьбы — с непредрешенцами, объединяющимися около “Борьбы”. Только в такой комбинации мне представляется возможным что-то сделать, и прежде всего, попытаться достать необходимые деньги. Без этого жизненного нерва вся работа впустую, или, во всяком случае, ограничивается кустарничеством. Что выйдет из этой работы, трудно сказать, так как она наталкивается на большие психологические трудности. Было бы чрезвычайно важно получить от Вас реальную новую информацию. Она могла бы содействовать сдвигам в той среде, с которой приходится иметь дело. Это самое легкое для Вас — даже со стороны техники. К сожалению, Вы недооцениваете значения этой информации — это не любопытство, а настоятельная потребность, которая может иметь и агитационное значение. <...> Лично я очень пессимистично настроен»⁴⁴⁵.

И пессимизм его понятен: контингент переговорщиков, как и бывает с демократами, попался явно неспособный к длительному сотрудничеству, — признавал Мельгунов: «Ввиду создавшейся конъюнктуры мне показалось целесообразным реорганизовать “Борьбу за Россию” и создать как бы два союза “активистов” — республиканцев и непредрешенцев, которые в практической работе могли бы организационно действовать вместе. Такая реформа была принята. Я отказался от редакции непредрешенческого журнала, и “Борьба за Россию” с 1 апреля <19>29 г. стала выходить под редакцией одного М.М. Федорова. Я же занялся переговорами с группой эс-эров (Керенский, Руднев, Фондаминский), с кадетами милюковского толка, с кадетами центра (Юрьев, Оболенский, Астров) и с представителями “Крестьянской России” (Аргунов, Маслов), с которыми в практической работе у нас давно уже установился прочный контакт. Ауспиции были благоприятны. Еще раньше во время съезда журналистов в Белграде нам удалось создать особый Фонд помощи “Свободной печати”. В состав первоначального комитета вошли Немирович-Данченко, Аргунов, Брушвит, кн. Долгоруков, проф. Завадский, Маслов, Чириков, Юрнев, Озерецковский. Получилась амплитуда общественная довольно широкая. Вне оставались лишь милюковцы и, конечно, меньшевики, которые всегда в стороне от всех эмигрантских начинаний. П.Н. Милюков, несмотря на всю острую полемику, которую мы с ним вели, с самого начала заявил, что прекращает нападки на “Борьбу за Рос-

сию”, если я своим именем не буду прикрывать скрытых монархистов. Составлен был даже устав скроенного на первых порах общего сотрудничества. И все-таки из этой “солидаристической затеи” ничего не вышло. Милюков окончательно разошелся с “Крестьянской Россией” и отказался от какого-либо сотрудничества с нею. Потом на дыбы поднялись эс-эры — не захотели они работать с правыми кадетами. Пошла обычная волокита всяких политических объединений. И эту весьма характерную страницу для эмигрантских нравов еще предстоит рассказать. Лично я чувствовал полное отвращение к этой политической метелице — и решил отойти в сторону»⁴⁴⁶.

Если эту игру и не придумали “единомышленники” Лубянки, а лишь воспользовались моментом, то, надо сказать, они столкнули С.П. Мельгунова и его потенциальных партнеров успешно, фактически развалив редколлегию «Борьбы за Россию», расколов имевшийся в редакции журнала блок на левых и правых. Но это не породило никаких новых политических коалиций, кроме кратковременных технических союзов. Затем к концу 1930 г. удалось обрушить и эти структуры — Фонд свободной печати и «Опус», для чего немало усилий приложили ничего не знавшие об истинной роли друг друга советские агенты Н.С. Ирманов и Н.А. Бояров-Мосевич.

Факт тот, что к началу 1930 г. сторонники «Борьбы за Россию» в Праге после роспуска «Опуса» находились в безрадостном умонастроении, констатировав печальный финал нескольких лет работы. В.С. Озерецковский 25 декабря 1929 г. писал С.П. Мельгунову: «Я думаю, что в наступающем году придется приостановить всякую работу за отсутствием денег: нет у “Кр<естьянской> Р<оссии>”, не будет, кажется, и у М.М. <Федорова>. И, конечно, Вы правы, без больших денег, а здесь нужны, именно такие, о серьезном деле и мечтать не приходится. А сейчас бы, как раз такой момент, когда работу надо ставить в широком масштабе: так чувствуется в воздухе, да и определенно идет к тому. А ко всему еще вам нужно иметь здешнюю газету — пора — этого кроме всего желаю Вам в новом году. Ведь последнее выступление здесь П.Н. М<илюкова>, думаю, ставит крест на так наз<ываемом> Респ<убликанско>-дем<ократическом> движении его толка. Равнение на Беседовского, на правую оппозицию, — это уже не “эволюция”. <...> О самом докладе Вам писал А.А. <Потехин>. Недавний доклад Масл<ова>, правда партийный и достаточно демагогический, был интересней и умней. Здесь — кризис, там — уже тление смердящее. Вот почему время основать Респ<убликанско>-дем<ократический> союз, в кот<орый> войдут и Кр<естьяно>-россы и еще правее милюковцев»⁴⁴⁷.

При изучении публикаций 1930–1931 гг. возникает ощущение, что у многих авторов «Борьбы за Россию» буквально иссякает терпение. Вот что писал сам С.П. Мельгунов: «Начинаешь проникаться уверенностью, что наступивший кризис едав ли переживет сталинская клика. Но когда же наступит реальный конец? <...> Тогда, когда борьба примет организованную форму; тогда, когда мы сумеем создать и здесь центр борьбы и соединить зарубежные силы с внутрirosсийскими для планомерного действия. Отсутствие настоящей организованной связи подрезывает крылья у борющихся в эмиграции и заставляет многих отходить до времени от непосредственного участия в борьбе. <...> Толчок должен быть дан из России. Инициатива оттуда должна оправдать порыв эмиграции. И родится тогда новая энергия. <...>

Друзья в России должны помнить, что им теперь, в сущности, и терять нечего. Даже нет риска в такую пору, когда бессмысленный карательный меч жестоких, и в то же время трусливых советских садистов заносится уже без всякого отбора. И виновный и невинный отделены волоском от грани небытия. Власть пытается отыгаться на подлой демагогии, обвиняя других в той полной неудаче, которая постигает ее через 13 лет. Она не стыдится бить своих, тех, которые ее поддерживали и укрепляли. Ее действия бессмысленны, но утопающий хватается и за соломинку, чтобы продлить лишнюю секунду пребывания на поверхности.

Последние “вредительские” процессы должны перед каждым окончательно разрешить дилемму. Не служили ли верою и правдой гонимые ныне квалифицированные спецы? Не шли ли на чрезмерные компромиссы со своей совестью многочисленные Громаны, Садырины, Юровские, Кондратьевы, Ипатьевы и прочие, прочие? И не стала ли вся их работа ненужной, вредной, лишь содействующей проведению зла? Их ждет лишь одна благодарность со стороны большевицких верхов — тюрьма, ссылка и даже расстрел. Все уравниены гибнущей властью — терять действительно нечего: смерть выглядывает из-за каждого угла. <...> На сумасшедших надо надеть смирительные рубашки. Иначе они вас задушат»⁴⁴⁸.

Эти призывы журнала к советской общественности, надо признать, не часто доходили до адресатов. А.А. Потехин замечал, что его уже не привлекала явно безрезультатная работа по доставке в СССР литературы, которую он называл «макулатурой»: «Я уже начал переговоры с генералом В.Г. Харжевским. Меня интересовала уже непосредственно боевая работа»⁴⁴⁹.

Группы поддержки «Борьбы за Россию» в Париже, Варшаве и Праге существовали как минимум до сентября 1931 г., когда журнал был закрыт, а С.П. Мельгунов отошел от политической деятельности почти на

15 лет. Главным в их политической платформе было: «Абсолютное отвержение соглашений с большевиками и революционная борьба против них. <...> В основу дальнейших земельных отношений должно лечь новое крестьянское земледелие. <...> Полная свобода религий и наличие всех других гражданских свобод, т. е. свободы личности, собраний, союзов, печати. <...> Единый равный для всех независимый, гласный суд и уничтожение всех тайных судилищ: “ЧК”, “ГПУ” и т. п. <...> Признание свободы частной инициативы и собственности основным стимулом хозяйственного развития, с сохранением права контроля и руководства»⁴⁵⁰. В области тактики указывалось: «Выбор средств борьбы определяется условиями места и времени. Допуская все средства революционной борьбы против большевиков в России, группы должны относиться с исключительной осторожностью к тем методам борьбы, которые могут направляться по линии уничтожения государственного и народного имущества, приводить к возбуждению национальной вражды и мести отдельным лицам, не ответственным за деяния коммунистической власти. <...> Необходимость скорейшего свержения коммунистического ига требует сотрудничества с другими политическими организациями. Для групп “Борьбы за Россию” возможно и допустимо вступление в соглашения лишь с теми группами, которые: 1. Стоят на позиции революционной борьбы с властью коммунистической диктатуры; 2. Не ставят одной из целей своей борьбы реставрацию и 3. Не прибегают в борьбе к тем приемам и методам, которые могут подорвать революционное настроение масс внутри России»⁴⁵¹.

А.А. Потехин находился под впечатлением от своей первой нелегальной поездки в СССР, о чем рассказал Н.А. Цуриков: «В это время в Праге была организована “Группа содействия журналу “Борьба за Россию””. Потехин вступил в нее и принял самое деятельное участие в ее работе. <...> Проработав некоторое время в Пражской группе, Потехин едет в Париж и вскоре нелегально уезжает, по поручению редакции журнала, в СССР для проверки у читателей и подсоветских друзей установок журнала и т. д. <...> Потехин всегда с чувством благодарности и признательности вспоминал о супругах Мельгуновых, отправлявших его в Москву и “напутствовавших” перед поездкой. Все было организовано обдуманно и серьезно и кончилось благополучно. Пробыл Потехин ровно столько, сколько нужно было для исполнения поручения, т. е. относительно недолго. Дав в Париже отчет о своей поездке, Потехин вернулся в Прагу. Он не скрывал от своих друзей, что ездил в Россию, очень интересно рассказал о своих путевых впечатлениях в “Борьбе за Россию”, вообще, много и интересно рассказывал о виденном там. Но самым интересным и существенным не только для меня, но и для самого Потехина были не внеш-

ние впечатления. Об этом он мне очень подробно рассказал, когда тема внешних впечатлений была уже исчерпана. Это был рассказ, затянувшийся на много часов, о той моральной “детонации”, которую его появление вызвало в Москве в том доме или домах, где он жил и бывал.

Я не могу, конечно, через 20 лет точно воспроизвести подлинных слов рассказа Потехина. Но смысл его запомнил навсегда. Одно появление его там и без всяких бомб произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Как? Из полной безопасности, без всякой материальной заинтересованности, ежеминутной угрозой не только смерти, но и пыток, человек добровольно, думая лишь о России и ее освобождении, приходит сюда? Нас не забыли? Люди не утонули психологически за границей? Сперва недоумение, какой-то “столбняк”, растерянность, а потом... такая волна внимания, заботы, любви, призыва к осторожности, с полным забвением о себе, когда опасность для принимающих нисколько не меньше, чем для приехавшего... На глазах, в какие-нибудь несколько часов видно было, как люди преображаются. Советский удав не только ломает хребет жертвы, он предварительно ее гипнотизирует, убивая волю к действию и даже сопротивлению. Этот “столбняк” от появления добровольца из-за границы на глазах рассеивался. И это было самым значительным в рассказе Потехина, и самым значительным и для него самого. “Детонация”, которую пусть и не широко, но очень глубоко вызвал его приезд в Москву, оказалась не односторонней, а двусторонней. Потехин стал ее жертвой!»⁴⁵²

А.А. Потехин оставил записки, где писал о своих взглядах: «Для меня интересен один вопрос, вопрос метода преодоления большевизма. Я стоял на революционной точке зрения. <...> Уже тогда для меня было бесспорным, что центр тяжести современной борьбы не в эмиграции, а в России. При царящем в России разгроме старых политических группировок вести революционную работу чрезвычайно трудно. Ехать в пустую Россию представлялось бессмысленным. Всякий человек, приехавший в Россию, будет находиться в чрезвычайно невыгодном положении, вне опорных пунктов, которые может создать только внутрироссийская организация. Создание внутрироссийской организации представлялось мне отправным пунктом для возможности вести революционную борьбу»⁴⁵³.

Николай Цуриков описывает морально-психологическое состояние своего друга А.А. Потехина и при этом дает ключ к дальнейшим событиям: сотрудничеству активистов «Борьбы» с Русским общевойсковым союзом и польской разведкой: «И вот однажды Потехин пришел ко мне и сказал, что ему нужно со мной поговорить по важному делу. Он заявил мне, что после всего того, что он испытал и пережил в России, он оставаться здесь больше не может, что он “отравленный” человек и решил

идти туда еще раз для борьбы. Я долго убеждал его, что это невозможно, говорил ему и о его высокой квалифицированности как инструктора для этой работы при его и теоретических, и практических, благодаря поездке, специальных знаниях. Доказывал ему, что при прочих равных условиях опасность для него значительно повышается, так как о его поездке стало широко известно, и, конечно, его фотографические карточки посланы отсюда в Москву. <...> Мы встретились, вероятно, через неделю, но он был еще непреклоннее. Я все равно пойду туда, но если вы мне не поможете, то пойду, как он выразился, “с перочинным ножом”. (Это значило без хорошего документа. Без денег, без оружия, не в советской с ног до головы одежде, и т. п.) Мне ничего не оставалось, как согласиться, так как я увидел, что переубедить его невозможно. К этому времени мы были уже очень близки, я уже хорошо его знал и видел, что он говорил со мной совершенно спокойно и даже с какой-то болью. Я свел его с представителем организации ген. Кутепова»⁴⁵⁴.

А.А. Потехин позже рассказывал: «Разговоры об активизме мне уже в достаточно степени надоели. Я считал необходимым перейти к наиболее решительному образу действий. Я обратился к Н.А. Цурикову, зная о его связи с РОВСом, в частности с Кутеповым и финансовыми кругами, с просьбой достать средства для организации центрально террора в СССР. Цуриков одобрил мое намерение и сказал, что сделает все возможное. Он порекомендовал мне поговорить с кап<итаном> П.М. Трофимовым.

16 сентября 1929 г. я поехал в Братиславу к Трофимову. Ему я сообщил о своих намерениях и потребовал с одной стороны полного доверия к себе от РОВСа, и с другой стороны сохранения моего имени в полной тайне. П.М. Трофимов заявил мне, что 50.000 фр., которые мне необходимы, он постарается достать, и что все мои требования будут удовлетворены. По этому поводу он собирался говорить с ген. Харжевским, который как раз должен был к нему приехать и от свидания с которым я уклонился. В ноябре ко мне приехал Трофимов и сообщил, что он уезжает в СССР, а мне порекомендовал обратиться к ген<ералу> Харжевскому.

Последний меня выслушал, сказав, что все постарается сделать. До января 1930 года я имел с ним несколько встреч малозначительного характера. В январе 1930 года Харжевский предложил мне поехать в Болгарию для ознакомления с постановкой дела в школе террористов РОВСа в Софии. Деньги на эту поездку я получил по линии “Б<орьбы> за Р<оссию>”, которая хотела наладить транспорт литературы морским путем. В это время исчез Кутепов»⁴⁵⁵.

А.А. Потехин нашел понимание у главы VI отдела РОВС в Праге генерала В.Г. Харжевского, одного их самых молодых лидеров Белого

движения (1892–1981). Вот что А.А. Потехин сообщил на допросах на Лубянке: «После исчезновения ген. Кутепова я организационно сошелся с генералом Харжевским, старшим галлиполийской группы, с которым я был знаком и до этого. Сошлись мы на почве признания необходимости террору коммунистической партии противопоставить индивидуальный террор в пределах СССР, направленный против персональных носителей верховной власти (головка ВКП(б), точнее, Сталина, в первую очередь, затем безразлично кого-либо из секретарей ЦК — Кагановича, Кирова, Косиора, а также Молотова, Ягоды. <...>. Мы решили создать под флагом РОВСа конспиративную боевую организацию, которая смогла бы осуществить эти цели»⁴⁵⁶.

Официальный историк советских спецслужб О.В. Мозохин пишет: «Курс боевой организации РОВСа был направлен на “центральный террор”, против руководителей ВКП(б) и членов правительства, главным образом в отношении Сталина. По мнению руководства РОВСа, “центральный террор” имел большое политическое значение не только сам по себе, но и как “призыв к действию, производящий впечатление на массы... Террор, устрашая и разлагая врага, в то же время является сильнейшим средством агитации”. Проведение в жизнь намеченной программы действий было возложено на генерала Харжевского В.Г.»⁴⁵⁷.

А.А. Потехин вспоминал: «В феврале 1930 года я выехал в Болгарию с письмом генерала В.Г. Харжевского к капитану К.А. Фоссу. Последний познакомил меня с Борисом Павловичем Александровым, непосредственным руководителем школы террористов. Александров познакомил меня с техникой. <...> Затем Александров показал мне личный состав школы в Елисейне, где производились стрельбы. <...> Там я видел 4-х человек, из которых узнал только одного — Макарова Николая... <...> Вторая стрельба была на пикнике под Софией, где было человек 6–7, в том числе мой спутник Д.Ф. Потто. На этом же “пикнике” метали гранаты; одну бросал я»⁴⁵⁸.

«Из Болгарии в чемодане с двойным дном я привез 1 ½–2 кг гр. “габровида”⁴⁵⁹, маузер, капсюли, гремучей ртути — штук 50, бикфордов шнур — метра два»⁴⁶⁰. «В начале апреля я возвратился в Прагу, где доложил Харжевскому о состоянии школы. Когда я возбудил вопрос о реальных возможностях, Харжевский мне заявил, что их нет, в частности нет переправ. Я предложил поехать в Варшаву, переговорить с майором Ганно хотя бы о получении фиктивных паспортов. В Варшаву меня звали и дела “Борьбы за Россию”, по линии которой я получил деньги на поездку. В июне я уехал»⁴⁶¹.

А.А. Потехин появляется в Польше летом 1930 г., формально еще как представитель «Опуса» и демократов. В Польше издание «Борьбы за Россию» политически представлял один из активистов РДС в 20-е годы подполковник В.В. Бранд (?–1942). К лету 1930 г. желавшие бороться с большевиками отнюдь не только словом активисты из «Опуса» В.В. Бранд и А.А. Потехин сошлись на том, что надо примкнуть к настоящему активизму и перешли под крыло РОВСа. Борьба за Россию в рамках партийно-идеологических структур, которые явно теряли финансирование, их уже не устраивала.

И это подтверждают показания, которые дал на Лубянке советский шпион в Праге Н.С. Ирманов: «Организация “Опус” расшифровывалась следующим образом: “организация по установлению связи”. После ее распада активной террористической организацией оказалась ТКП (Крестьянская Россия) с Масловым во главе, в то время как милюковское РДО — организация шпионская, но все более утрачивала всякий терроризм под влиянием французско-чешскими. “Борьба за Россию” прекратила свое существование, когда Детердинг перестал давать деньги. Здесь надо отметить роль главного представителя на Чехословакию “Борьбы за Россию” народного социалиста Вениамина Сергеевича Озерецковского. От него ездил в СССР Александр Александрович Потехин, пока не перешел к Харжевскому. Озерецковский — преподаватель русского языка был связан с польской разведкой через Философова, с которым он поддерживал отношения, как и с Владимиром Владимировичем Брандом, сотрудничал в газете “Меч”, бывшая “Молва” в Варшаве, издающейся на средства польского 2-го отдела генштаба. <...> Озерецковский же официально примыкал к левой части эмиграции и даже, входя в так называемый “Демократический клуб”, был все время в контакте с Харжевским. Этим и объясняется, что Потехин работал от обоих»⁴⁶².

А.А. Потехин еще публиковался в «Борьбе за Россию». Последняя статья напечатана в журнале в середине 1930 г. Она посвящена церковному сопротивлению большевикам, и автор предрекает времена «неслыханных гонений» и даже уход церкви «в подполье катакомб»: «Из катакомб церковь всегда выходит очищенная и преображенная, выходит всегда победительницей, а мученичество служит только славе верующих»⁴⁶³. Публиковался он и в варшавской газете «За Свободу» Д.В. Философова. Формально Потехин оставался в пражской группе поддержки журнала «Борьба за Россию», был членом Русского общественного комитета в Польше и вице-председателем литературного содружества. Но денег это не давало, а у РОВСа были некоторые средства. Потехин вспоминал: «В ноябре мес<яце> 1930 г. в связи с тем, что материальное положение “За свободу”

пошатнулось, газета перестала выплачивать мне гонорар, я обратился за поддержкой к ген. Харжевскому. С этого времени и до моего отъезда из Польши я ежемесячно получал от ген. Харжевского по 300 злотых»⁴⁶⁴.

Переговоры между польскими военными и РОВСом начались в июле 1930 г. по инициативе офицера из 2 отдела Польского Генерального штаба подполковника Татары, обратившегося к Д.В. Философому. Как рассказывал А.А. Потехин: «Татара давно знаком с Философовым и интересовался наличием у меня связей с РОВСом. Я состоял в это время сотрудником газеты “За свободу”, проживал в Варшаве, и Д.В. Философов обратился ко мне, предполагая, что я такие связи имею»⁴⁶⁵.

В.В. Бранд и А.А. Потехин были готовы к контактам с польской разведкой. В архиве 2 отдела польского Генштаба обнаружен важный отчет подполковника Татары от 11 июля 1930 г.: «Я был на встрече с Потехиным, который приехал из Праги в Варшаву по делам РДО (имеет нансеновский паспорт, въездную визу сроком на 3 месяца). Придя на встречу, Потехин сразу же просил разрешения пригласить на нее Бранда. Я дал согласие и Бранд, вызванный по телефону, приехал через несколько минут.

Потехин, ссылаясь на мои предыдущие разговоры с Брандом, обратился с просьбой оказать им содействие в переброске троих человек в Сов<етскую> Россию, которые едут в Москву на 3 месяца для ознакомления с работой местных организаций. Моя помощь заключается в подготовке им советских документов (паспортов и воинских билетов), а также предоставит этой группе проводника для перехода границы.

Я сказал, что не отказываюсь оказать техническую помощь, однако имею следующие замечания:

1) предпочитал бы не давать проводника. Пусть процесс переброски выполнят собственными силами, если такие возможности имеются (мы хотели выявить, имеет ли РДО на нашей границе своих людей).

2) я считаю, что переброска группы в составе трех человек — сложное и опасное дело.

3) Согласно нашим предыдущим переговорам с Брандом, я имею право требовать за свои услуги разведывательные материалы.

По поводу моих замечаний завязалась дискуссия, в ходе которой я заметил, что они избегают разговоров на темы военной разведки. В связи с тем, что такое их поведение осложнило разговор, я попросил, чтобы они сказали мне, в какой степени сотрудничество с нами расходится с идеологией их группировки. Этот вопрос смутил их обоих, и Потехин пытался перевести разговор на другую тему, обещая давать нам материалы о ГПУ. Бранд же ясно сказал, что тут сведения о советской армии они подразделяют на две категории: на сведения, касающиеся Красной Ар-

мии, и сведения, касающиеся будущей национальной русской армии. Сведения первой категории они могут предоставлять зарубежным государствам, сведения второй категории считают секретными по патриотическим соображениям. Я сказал, что это деление сведений на категории является искусственным.

Потехин, который не смог мне доказать обратное, выдвинул другую причину, которая по его мнению осложняет разведывательную работу с нами. Он сказал, что в случае, если произойдет провал и их людей предадут суду, то организация сможет это использовать для пропаганды и провозгласит этих людей мучениками за справедливость. А если будет разоблачено сотрудничество с нами, то их будут рассматривать как польских шпионов, и большевики это используют для контрпропаганды. Я спросил его, почему в таком случае он не боится посылать своих людей с моим курьером (проводником) — уж лучшего доказательства, в случае провала, и не нужно. Затем, люди, которых он посылает, не должны знать о сотрудничестве с нами. Задания им дает организация, а что делают “верхи”, это их не касается. Бранд согласился со мной, Потехин же сказал, что он не имеет достаточных полномочий, и может быть я желаю переговорить по этому вопросу с вышестоящими людьми, причем подчеркнул, что теперь им легче будет согласовать этот вопрос, так как у них произошли кое-какие изменения и мне придется говорить не с политическим деятелем, а с генералом. Я сказал, что не возражаю, однако я должен буду согласовать этот вопрос со своим полковником. Я считаю, что их просьбу о переброске 3 человек в Советскую Россию можно удовлетворить, независимо от дальнейших переговоров. Следующая встреча назначена на 16 или 17 с<его> м<есяца> <...> для обсуждения подробностей дела»⁴⁶⁶.

Следующий документ польской разведки имеет заголовок «Встреча с начальником штаба РОВС. Инструкция для Потехина». Указания просты: «1) 11.VII Вы должны выехать в Прагу для согласования со своим начальником генералом Х. вопроса об его приезде на встречу. С целью облегчения вашего выезда Вы получаете от нас на временное пользование польский заграничный паспорт, взамен за который оставляете у нас свой паспорт. 2) За получением въездных виз в Польшу для Вас и генерала Х. — явитесь к нашему военному атташе в Праге майору Червинскому, которого мы предупредили телеграфом, и он оформит Вам визы. <...> Встречу предлагаем провести в пер. Закопанской 16-го с.м. в 10 ч. в кафе Тшаски. После приезда в Прагу и согласования вопроса с ген. Х. пришлите мне срочную телеграмму, в которой будет указан дата встречи. Мой адрес — Сенаторская 29 гостиница “Люкс” 454. <...> Ваше присут-

ствие на первой встрече с ген. Х. необходимо. Прибыв на встречу, Вы первый подходите ко мне и здороваетесь. P.S. Телеграмму в Прагу буду посылать по адресу: Прага, Бахмачская 14. Лупенко».

Генерал Х. — руководитель VI отдела Российского общевойскового союза в Праге генерал В.Г. Харжевский. Лупенко — глава неформальной контрразведки РОВСа в Праге. «Произошло слияние внешней и внутренней линии в руках Харжевского, ближайшим помощником которого состоит Лупенко, работа которого заключается в вылавливании советских сотрудников и в подготовке кадров шпионов и террористов», — писал советский агент Н.С. Ирманов⁴⁶⁷.

А.А. Потехин получил польский загранпаспорт от майора разведки Ганно и смог съездить из Варшавы в Прагу и обратно, убедив в необходимости переговоров генерала Харжевского: «Я говорил ему, что свидание с Татарой необходимо, что это даст возможность наладить связь довольно прочную с представителем польского Генштаба. <...> Сначала ген. Харжевский колебался, согласиться ли на переговоры или нет, но я его убедил в целесообразности, потому что это даст возможность найти более реальные средства передвижения и переброски вообще»⁴⁶⁸.

Генерал Харжевский после некоторый сомнений и без санкции штаба РОВС в Париже решил, как сообщил Потехин, поехать на переговоры: «Мы совместно выехали из Праги в Закопане. Это место свидания и время его были сообщены полковником Татары через Д.В. Философова. В одном ресторане эта встреча состоялась. Переговоры велись с глазу на глаз и содержание мне неизвестно. Известно мне, что переговоры носили благоприятный характер и что они договорились»⁴⁶⁹.

«Я думаю, что они говорили о деле, мне кажется, они говорили также обо мне, чтобы мне дать возможность активной работы. Но в дальнейшем я из разговора догадался, что условия договора были таковы, что они обещают всячески помочь, и не только документами и передачей виз, а также предоставить возможность переброски своими путями наших людей. Уже в дальнейшем, после смерти Татары, я узнал, что они даже предложили снабжать огнестрельным оружием и бомбами, но точно сказать, был такой разговор или нет, я не могу. Это я знаю со слов Харжевского»⁴⁷⁰. «Им обоим была необходима санкция соответствующих инстанций; о результатах они должны были известить друг друга при личной встрече, обусловленной через месяц в том же месте. Харжевский запросил Париж и получил положительный ответ»⁴⁷¹.

В августе 1930 г. Потехин встретил получившего от поляков визу Харжевского в Кракове. Новая встреча с Татарой состоялась снова в Закопане, и обе стороны заявили о приемлемости условий соглашения.

Харжевский встречался в Кракове также с Д.В. Философовым, поспособствовавшим заключению договора о сотрудничестве РОВСа и польских военных. А.А. Потехин вспоминал: «Через месяца 2–3 полк<овник> Татара погиб при автомобильной катастрофе. Договор был возобновлен в Закопане встречей ген<ерала> Харжевского с майором Ганно, также офицером 2 Отдела Польского Генерального Штаба»⁴⁷².

Таким образом, Польский Генштаб предложил РОВСу помощь: предоставление документов и переправ через границу, — обусловив это тем условием, чтобы лица, идущие в СССР, о таком содействии не знали. Что польские разведчики требовали взамен? А.А. Потехин утверждал: «Я совершенно не знаю, тем более что на идущих через территорию Польши не возлагалось никаких обязательств разведывательного характера»⁴⁷³.

А.А. Потехин считал, что его польские партнеры по переговорам видели в возможных действиях РОВСа на территории СССР ответ на коммунистическую подрывную деятельность в Польше: «Еще у меня была мысль, что они не прочь, в особенности в последнее время, испортить отношения с СССР, каким-либо образом подложить свинью, поскольку они знают, что революционная работа в пределах Польши ведется руками СССР. Они не прочь были бы воспользоваться мощной организацией, как РОВСом, чтобы испортить отношения с СССР. Что касается вопроса о снабжении нас бомбами и огнестрельным оружием, я думаю, что это дело не лично самого Татара, он не мог не говорить с начальством по этому поводу. Он в этом вопрос шел очень далеко и был настроен в очень боевом духе. Между прочим, у меня был разговор с Ганно. Он говорил, что СССР в настоящий момент все нужное вложил в Красную армию, и те капитальные затраты уже закончены, и СССР рано или поздно должен вооруженно напасть на Польшу. Возможно, что у них было желание двойное: вызвать смуту в СССР и обеспечить себя, между прочим»⁴⁷⁴. По мнению А.А. Потехина, полковник Татара был близок к Пилсудскому, и разведка могла получить на самом вершине добро на акции, ослабляющие готовящийся к войне СССР.

Имеется отчет о дальнейших переговорах, которые после гибели полковника Татара вели сотрудники 2 отдела Генштаба Майер и Ганно. Из него видно, что этим фигурам в разведке «диверсия» уже была не нужна: «После смерти подполковника Татара Потехин, связной генерала Харжевского, обратился к майору Ганно с вопросом, останется ли в силе договоренность о сотрудничестве между полк<овником> Татара и ген<ералом> Харжевским. На это получил ответ, что договоренность остается в силе, однако следует встретиться и уточнить условия сотрудничества. Договорились, что Потехин свяжется с генералом Харжевским

и если тот не отказался от сотрудничества, то должен приехать в Закопане на встречу с <...> Ганно.

Встреча состоялась 28/XII (1930 г. — М. С.). В начале встречи майор Ганно потребовал рассказать ему содержание переговоров между полковником Татарой и генералом Харжевским, т. к. он хочет иметь полное представление. По словам Харжевского, переговоры привели к следующему временному соглашению: польская разведка обязуется оказывать содействие посланцам Харжевского в передвижении по европейской территории путем выдачи им польских паспортов. Оказывать содействие при нелегальном переходе польско-советской границы. Снабжать посланцев Харжевского поддельными советскими документами. (Что касается заданий, с которыми люди Х<аржевского> уходят, польская разведка не ставит никаких условий.) Она обещает возможную помощь в подготовке материалов для выполнения диверсионных заданий. Русская сторона обязуется делиться с польской разведывательными сведениями, а также выполнять поручения польской разведки. Харжевский предупредил заранее, что возможности по выполнению разведывательных заданий будут очень ограничены. К обязанностям <Р>ОВС относится также воспитание русской эмиграции в польском духе. Перед отправкой людей <Р>ОВС обязан сообщить, с каким заданием они отправляются, куда и на сколько времени, чтобы к их заданию можно было приурочить и разведывательные задания.

После того, как Харжевский рассказал все вышеизложенное, приступили к обсуждению этого вопроса, в результате чего майор Ганно предложил следующую платформу сотрудничества: 1) любое действие, которое Х<аржевский> намеревается провести с нашим участием, должно быть нам известно с мельчайшими подробностями, исключаются совершенно (возможно, временно) всякого рода диверсионные действия. 2) Вопрос относительно обеспечения людей Х<аржевского> польскими паспортами остается временно открытым до согласования его с верховными инстанциями. 3) Помощь польской разведки заключается только в оказании содействия людям Х<аржевского> при переходе советской границы в оба конца, а также в обеспечении их поддельными советскими документами. Причем Х<аржевский> обязан достать образцы нужных документов. 4) Связь между польской разведкой и <Р>ОВС является строго секретным делом. Расшифрование ее по вине <Р>ОВС влечет за собой репрессии и прекращение связи с <Р>ОВС. Связь будет осуществляться посредством офицера-связиста, которого выделит Х<аржевский>.

Х<аржевский> принял к сведению условия, выдвинутые майором Ганно, отметив, что предыдущие условия соглашения были иными, и по-

этому он должен согласовать их с вышестоящим руководством. Отметил также, что в данном соглашении самый главный пункт — об участии в диверсионной работе, — ставится иначе. Дальше, он попросил выдать польский паспорт Потехину, который по делам организации должен будет объехать ряд западных и половину европейских государств. (Вопрос о выдаче паспорта П<отехину> должен был быть согласован в Варшаве.) <...> Договорились, что должна состояться еще одна встреча для окончательного уточнения условия сотрудничества»⁴⁷⁵.

Встреча в декабре 1930 г., по мнению А.А. Потехина, прошла не слишком удачно: «Харжевский пришел с недовольным видом (они условились встретиться в ресторане), был кислый, сказал, что Ганно не Татара, что с ним трудно договориться, назвал его торгашом. В этот же вечер мы отправились с Харжевским в Варшаву, где он провел два или три дня. Я заявил ему, что еду на Волынь. На это Харжевский сказал мне, что я слишком ушел в быт и слишком много установил связей, и надо в Варшаве ликвидировать свои дела из конспиративных соображений. Я ему предложил для связи с поляками остановиться на кандидатуре Бранда. Он согласился»⁴⁷⁶.

Вскоре выяснилось, что преемником Татары назначен наиболее негативно относившийся к сотрудничеству майор Майер, и после 25 января 1931 года А.А. Потехин поехал в Прагу, чтобы предложить Харжевскому отправиться на новые переговоры, уже с Ганно и Майером. В польском документе сообщается: «Философов просил встречи с майором Майером. Встреча эта состоялась. При встрече разговор велся на общие темы о роли русской эмиграции, о ее возможностях и т. п. Затем Философов пожелал выяснить, в какой степени заявления майора Ганно, сделанные в Закопане, являются действительными. Майор Майер подтвердил правильность этих заявлений и сказал, что о сотрудничестве можно будет говорить после того, как <P>ОВС откроет перед нами все карты. Через Философова Х<аржевский> известил, что прибудет на встречу 18.II.–31 г. 18-го была назначена встреча майора Ганно в гостинице “Саской” ком. 86 (там остановился Х<аржевский>). На встрече вопрос обсуждался в общих чертах, деталей не касались. Харжевский просил определить отношение майора Майера к <P>ОВС, по мнению Философова, отрицательное. Майор Ганно пояснил, что впечатления Философова ошибочные, майор Майер неплохо настроен по отношению к <P>ОВС, но имея не один пример неудачного сотрудничества с эмигрантскими организациями, он очень осторожен.

19.II.–31 в 14-00 была назначена встреча Х<аржевского> с майором Майером и майором Ганно. 19.II.–31 встреча состоялась. Во время дискуссии было определено следующее: 1) основываясь на отрицательных

примерах сотрудничества с русской эмиграцией, мы должны убедиться, что <P>ОВС является солидной организацией, имеющей определенные возможности умеющей лояльно сотрудничать. 2) Мы не соглашаемся на создание на территории Польши организации <P>ОВС. Сотрудничество ближайшего времени является испытательным периодом и может быть прервано в любое время. Исключаем из области сотрудничества диверсию (к этой теме мы можем вернуться после испытательного периода). Основываясь на вышеизложенные предпосылки, установили следующую форму сотрудничества: а) наша сторона оказывает помощь при переходах нелегально границы посланцам <P>ОВС. Изготавливает для них советские документы и оказывает содействие в получении въездных виз в Польшу. б) <P>ОВС обязуется: каждому посылаемому человеку <P>ОВС поручить дополнительные разведывательные наши задания и после возвращения представлять нам оригиналы донесений. <P>ОВС поставляет нам образцы документов для посланцев <P>ОВС. <P>ОВС дает нам сводки и материалы о военном положении Сов<етской> России, имеющиеся у центральных<ых> органов организации в Париже. в) Условия сотрудничества: связным между нами и генералом Х<аржевским> до начала сотрудничества является Философов. После того, как приступили к сотрудничеству, <P>ОВС выделит специального человека для этой связи, причем из числа живущих в Польше. Наша связь с <P>ОВС должна держаться в строгом секрете, расшифровка ее повлечет за собой репрессии. Каждое мероприятие, в котором мы принимаем участие, должно представляться нам с указанием лица, территории, заданий и т. п. Только после изучения этой разработки мы заявляем о своем участии в том или обратном. Временно мы не принимаем участия в провидимых диверсиях, а также не оказываем материальной помощи этих заданий. Посланцы <P>ОВС могут иметь при себе только оружие для самообороны. Категорически отказываемся выдать польские паспорта членам <P>ОВС. Генерал Харжевский принял к сведению эти условия и обещал доложить своему начальству»⁴⁷⁷.

Встречей в Закопане в феврале 1931 г. Харжевский был также недоволен, и А.А. Потехин сообщал: «Харжевский приехал оттуда в страшно неприятном настроении. <...> Он совершенно в точности повторил характеристику Майера, которую дал Философов, что он глупый самонадеянный, самоуверенный человек, который считает себя каким-то гением, много о себе думает. Он сказал, что Ганно показался орлом в присутствии Майера. В сущности, договор остался в силе, они согласились переправлять людей и доставать документы, но в отношении оружия Майер поставил вопрос о людях, идущих в Россию с бомбами, — он не пропустит»⁴⁷⁸.

В конце февраля А.А. Потехин обратился к полякам с просьбой выдать ему польский паспорт. По решению майора Майера ему было отказано: «Мотивы отказа — опасность, проистекающая из того, что он может совершить какие-нибудь невменяемые действия в духе Коверды, а также создание вещественных доказательств нашего сотрудничества с <Р>ОВС. Решение это вызвало недоумение у Потехина и Философова, который частично был в курсе этого дела. Потехин спросил, обозначает ли этот отказ прекращение переговоров. На это получил ответ, что нет, и что вопрос встречи с <Х>аржевским является актуальным»⁴⁷⁹.

Как пишет Н.А. Цуриков, А.А. Потехину «было дано несколько уже чисто инструкторских поручений, с объездом ряда стран и пунктов: он должен был проверить степень подготовленности людей. Время и обстановка для такого путешествия были тогда неблагоприятными. Почти все договоры разных государств с большевиками включали пункт о неподдержании на своей территории организаций, враждебных СССР. Были государства, относившиеся к этим договорам серьезно. Некоторые границы <Потехин> переходил, очевидно, без визы, иногда с “багажом”, который не доставил бы ему удовольствия при обнаружении, и, смеясь, говорил, что по сравнению с границей СССР все это суцая “чепуха”»⁴⁸⁰.

Без польского загранпаспорта задание РОВС А.А. Потехин выполнил: «В начале января 1931 года <...> Харжевский мне предложил съездить в Болгарию для испытания новых гранат и для просмотра личного состава. <...> В середине февраля 1931 года я поехал в Болгарию, взяв с собой корпус новой гранаты... Фосс мне заявил, что он имеет для выбора 10–12 чел. Я попросил отобрать 3-х лучших. Фосс мне представил Дмитрия Федоровича Потто, Николая Петровича Макарова и Василия Георгиевича (Чехирова. — М. С.). Свой выбор я остановил на Д.Ф. Потто, как наиболее расторопном»⁴⁸¹.

Бывшему юнкеру и выпускнику кадетского корпуса Дмитрию Потто было всего 26 лет. В 1918 г. Д.Ф. Потто (1904–1933) учился во Владикавказском кадетском корпусе, в 1920 г. ушел в Грузию, служил 3 месяца в погранохране в Батуме, переехал в Крым, вступил в сводный офицерский батальон, в боях не участвовал, был направлен в сентябре 1920 г. в Сводный кадетский корпус в Ялту. В октябре 1920 г. был эвакуирован из Крыма и в декабре оказался в Югославии. До лета 1924 г. учился в Крымском кадетском корпусе⁴⁸². Был зачислен в 18-й Драгунский Северский полк. После окончания кадетского корпуса в 1925 г. переехал в Софию. В 1925 г. был зачислен в Союз офицеров, который входил в состав 3 Отдела Русского общевоинского союза (РОВС). Работал шофером или элект-

ромонтером. Д.Ф. Потто сообщил о себе: «Летом 1928 года я вступил в состав боевой конспиративной организации РОВСа»⁴⁸³.

Вернулся в Прагу А.А. Потехин в марте 1931 г. Найти надежный путь переправки группы на шхуне из Варны в район Херсона ему не удалось. Лодочник заломил 46 тысяч левов и требовал принять решение немедленно. После этого А.А. Потехин попросил от Харжевского дать ему возможность действовать: «Приехав в Прагу, я сделал доклад Харжевскому и возбудил вопрос о поездке. Генерал Харжевский сказал мне, что не все еще готово. Что он сомневается, дадут ли поляки документы, что бомбы не будут готовы, если решиться на отправки морским путем, и что он, вообще, решил отложить террористические акты на 1932 год. Я резко поставил тогда вопрос о своем уходе из боевой организации в случае ее бездеятельности и выдвинул предложение об отправке разведывательной группы. Он обещал над этим подумать, не дав мне решительного ответа. Это было в марте 1931 года»⁴⁸⁴.

А.А. Потехин отправился на месяц в Париж, где достал через М.М. Федорова для Д.Ф. Потто визу во Францию, получил от Федорова 1000 франков на поездку в СССР. Виделся он и с С.П. Мельгуновым, который отнесся к плану поездки в Россию отрицательно, но попросил навести справки о своих знакомых⁴⁸⁵.

После этого А.А. Потехин решил отсидеться в провинции: «В конце мая я приехал под Прагу в м<естечко> Мельник, куда я вызвал Харжевского. Он заявил мне, что послал Ю.Л. Гейне в Польшу заказать фиктивные документы. Он не оставил намерения отправить нас морским путем и вел переписку с Фоссом, который, как он сказал, что-то крутит. Он еще раз мне говорил, что рассматривает мою поездку как разведывательную и что основные операции он намечает весной 1932 года»⁴⁸⁶.

Сотрудничество активистов и 2 отдела польского Генштаба продолжилось, что и зафиксировано в переписке: «Апрель 1931 г. — явился Бранд и сказал, что получили письмо от Потехина, в котором П<отехин> спрашивает, остается ли в силе соглашение, заключенное с ген. Харжевским. Получил ответ, что да. 27.V.31 г. состоялась встреча с Брандом. Бранд прочитал письмо от Потехина, в котором П<отехин> просит подготовить документы для 4-х человек, которые будут посланы в Россию через Польшу (фамилии этих людей смотри в приложении № 1). Я обратил внимание на то, что П<отехин> не придерживается условий договора и не сообщает цель поездки этих людей, районов, куда едут, а также персональные данные недостаточны для заполнения этих документов — нет данных о последнем местожительстве и не указана профессии и т. п. Бранд обещал запросить дополнительные данные. Я предупредил его,

что документы будут подготовлены не раньше, как через 3 недели. При удобном случае Потехин прислал образцы 3-х советских документов, а именно: 3 экземпляра выездных виз из России, одно «свидетельство обязанного службой в тыловом ополчении» и один членский билет «Рабочий», одну «заборную книжку», — один паспорт УССР, П<отехин> просит после вернуть эти образцы»⁴⁸⁷. Чуть позже «на встрече 22.VI-31 г майор Гано вручил Бранду советские документы, выписанные на фамилии лиц, перечисленных в прилагаемой записке»⁴⁸⁸.

О.В. Мозохин сообщает: «Летом того же (1931 — М. С.) года генерал Харжевский приступил к подготовке поездки в СССР двух разведывательных групп, возглавляемых его ближайшими помощниками штабс-капитаном Потехиным А.А. и капитаном Виноградовым Н.И. Считалось необходимым исследовать обстановку и условия для работы в СССР, установить связи и базы для дальнейшей работы и при благоприятной обстановке осуществить теракт»⁴⁸⁹.

А.А. Потехин все маялся ожиданием: «В Мельнике я прожил около месяца. <...> Через некоторое время Харжевский мне сообщил, что Фосс в апреле лодочника не предупредил, и морской путь отпадает. <...> По моему вызову ко мне в Мельник приезжал Озерецковский. Вызвал я его как друга и рассказал ему о предстоящей поездке. Ему было неприятно, что я еду от РОВС»⁴⁹⁰. В.С. Озерецковский дал Потехину адрес своей старой знакомой в Ленинграде, у которой можно попробовать остановиться.

Перед походом в СССР А.А. Потехин усиленно тренировался. «С ранней весны он стал готовиться. Он поселился в маленьком городке. Придумал причины своего в нем пребывания и стал серьезно тренироваться, чему он, имея в виду переход границы, придавал большое значение. Раза 2–3 мы встречались, съезжаясь в условленном месте. Он был очень бодр, расспрашивал о том, что делается в эмиграции и рассказывал о своей тренировке, заключавшейся в систематических ночных походах по компасу. — В ночь иногда прохожу километров тридцать в любую погоду. — Наконец пришло время отправляться. Мы простились», — писал Н.А. Цуриков⁴⁹¹.

А.А. Потехин вспоминал: «В конце июня 1931 г. я из м. Мельник переехал в городок Колин. Поселился в отеле. В Колин ко мне приезжал Н.И. Виноградов. Он сообщил, что твердо решил ехать в СССР и просил совета, стоит ли ему брать с собой спутника. <...> Прожив в Колине около трех недель, я переехал в Нимбург, так как опасался расшифровки меня группой эмигрантов-казаков, с которыми я столкнулся в Колине. В 20-х числах июля Харжевский прислал ко мне в Нимбург Ю.Л. Гейне, с одной стороны, чтобы я, пользуясь свободным временем, натаскивал его, а с другой, чтобы я имел возможность развлечься»⁴⁹².

В начале августа 1931 г. Харжевский вновь ездил в Варшаву и встречался с Ганно: «Харжевский поднял вопрос о переброске двух людей: двух вместе, одного отдельно. Разговор был весьма благоприятен, продолжался всего один час, и Ганно заявил, что все будет сделано, и что все переговоры технического характера можно кончить с Владимиром Владимировичем Брандом, что он принципиально согласен, что он может их переправить, и предоставить проводников, или переправлять без проводников, как они считают для себя лучше»⁴⁹³.

А.А. Потехину о переговорах сообщил сам генерал: «В первых числах августа <...> Харжевский выехал в Варшаву, где вел переговоры с майором Ганно. 5 августа прямо из Варшавы Харжевский приехал в Нимбург и рассказал мне о своих переговорах с Ганно. При этом Харжевский указал, что он говорит с Ганно предположительно о предстоящей отправке людей через Польшу. <...> 7 августа ко мне приехал опять Харжевский и заявил, что Н.И. Виноградов отказался от своей спутницы и едет в одиночку. После этого ко мне приехал Виноградов в очень грустном настроении. Он мне говорил, что рассматривает свою поездку как разведывательную и стажировочную. <...> Несколько дней спустя в последний раз приехал Харжевский, который ничего конкретного не сказал, за исключением того, что поездка должна быть кратковременной, что она имеет большое разведывательное значение, что она крайне необходима для отчета о его работе и т. д. <...> В это же свидание я получил от генерала Харжевского 2 пистолета: 1 системы «Парабеллум» и 1 «Маузер» малого калибра»⁴⁹⁴.

Настроен Потехин был решительно: «Надо сказать, что всякая волянка с отлагательством меня начала бесить. У меня сложилось тогда глубокое убеждение, что работа на Россию может и должна происходить только в России. <...> Если посмотреть на реальную обстановку трезво, то, конечно, самую поездку надо было бы назвать безумием, решаться на которое не было смысла, но запас и степень устремленности был сильнее реального подсчета возможностей.

Я не хочу обвинять Харжевского в том, что он меня не остановил, потому что остановить меня он не мог, не потеряв меня, что ему не хотелось по многим причинам, возможно, он переоценивал меня. Возможно, что поэтому, идя мне на уступку, он ограничил время пребывания моего до минимума. Я не был настолько ослеплен своей уверенностью, что допускал длительное пребывание в СССР на нелегальном положении. В противовес другим у меня было то, что называют там бытовыми возможностями пристанища. Харжевский, очевидно, прикинул возможности и решил меня отправить»⁴⁹⁵.

Курьером между Прагой и Варшавой был польский гражданин и выпускник Горной академии в Пшибраме Юрий Львович Гейне, который сообщил А.А. Потехину, что все налажено, переброска состоится через некоторое время: «Мне обещали паспорт и визу, были получены три визы: одна для меня, другая для Виноградова, была послана в Прагу, и одна виза для Дмитрия Федоровича Потто, была послана в Софию»⁴⁹⁶.

В последний момент поляки заколебались, и А.А. Потехину пришлось в Варшаве улаживать новый конфликт с замещавшим Ганно поручиком Недзвеловским: «Этот пан поручик мне сказал, что ГПУ интересуется моей особой и что у двух агентов, посланных в Польшу, было найдено задание выяснить, где я нахожусь и что я делаю на Волыни, причем я ответил, что если ГПУ так “хорошо” осведомлено обо мне, то мне ничего не остается делать, как ехать. <...> Недзвеловский меня принял хорошо, стал расспрашивать о моих намерениях, почему я еду в СССР, собираюсь ли я совершить террористические акты или нет. Я сказал, что террористические акты как блины не пекутся, что я должен действовать осторожно. <...> В конце концов, он обещал еще раз поговорить с Майером. Через некоторое время он сказал мне, что Майер дал свое согласие, но просил сообщить Харжевскому, что он принципиально против этого»⁴⁹⁷.

А.А. Потехин в Варшаве поселился у В.В. Бранда, у которого он несколько суток ночевал: «Мне оставалось дожидаться Д.Ф. Потто, приезд которого задерживался вопросами получения виз. Приехал Н.И. Виноградов, с которым я поселился на Железной улице, прожив там дня 3»⁴⁹⁸. Потехин отметил колеблющееся настроение Н.И. Виноградова, который, похоже, от поездки в СССР все же отказался. Далее Потехин вновь сменил дислокацию: «Мне показалось, что за мной следят, и я переехал к С.Е. Безрадецкому в Пулавы»⁴⁹⁹ (в полутора часах от Варшавы, в имение, где служил этот бывший пражский студент).

28 августа 1931 г. поручик Небзжицкий обращается в МИД с просьбой дать распоряжение польскому посольству в Софии, чтобы консульский отдел посольства немедленно выдал въездную визу Дмитрию Потто⁵⁰⁰. Уже 31 августа 1931 г. Д.Ф. Потто выехал из Софии, затем по Дунаю приплыл пароходом в Братиславу и поездом отправился в Прагу. Вместе с Ю.Л. Гейне он привез туда из Болгарии оружие и взрывчатку. В Праге 6 сентября Потто встретился с Харжевским, и генерал дал ему указание во всем подчиняться Потехину, объяснив к разочарованию молодого человека, что их миссия — лишь разведывательная. Потто из Праги прибыл в Варшаву, встретился с Брандом, и 8 сентября 1931 г. приехал в Пулавы, где уже находился А.А. Потехин⁵⁰¹.

В Пулавы А.А. Потехина провел последние дни на свободном Западе: «Туда же приехал вскоре Д.Ф. Потто, с которым мы стреляли в цель. <...> 10 сентября к нам приехал В.В. Бранд, который вручил нам польские документы взамен нансеновских паспортов. Мы выехали на границу <...> и в ночь с 11 на 12 сентября перешли границу СССР»⁵⁰².

Старый чекист, уцелевший в чистках, Борис Гудзь в интервью 1990-х годов рассказывал: «Они перешли через “зеленую границу” с какими-то контрабандистами. Это нам был урок, что границу переходят... Потом мы специально изучали этот переход, как это произошло»⁵⁰³.

Но все было не так, как рассказывает Гудзь. Переход организовала польская разведка: 28 августа 1931 г. майор Майер радиogramмами приказывает 5-му отделению в Львове «подробно разработать условия перехода границы и подготовки проводника для очень важного лица, в направлении на Житомир – Киев – Бердичев. Условия перехода прислать в виде частного письма с офицером к 5 IX с. г.»⁵⁰⁴. В другой телеграмме он сообщает: «31 августа у меня будет поручик Млынарчик вместе с подробно разработанными условиями перехода границы от 5/IX до 10/IX двумя особо важными лицами. Предлагаю подготовить совершенно надежного проводника. Направление произвольное. Требуется самый короткий путь на Борисов и Бобруйск»⁵⁰⁵. Начальник 5 отделения капитан Орловский 4 сентября дает Майеру ответ: «Направляю Вам два варианта возможного перехода границы согласно прилагаемых эскизов. Подробно-сти вам сообщит лично поручик Грушецкий Станислав»⁵⁰⁶. Но переброску поручают отделу № 1 в Вильно. Отвечает за нее капитан Бунардт⁵⁰⁷.

Операция вступает в важнейшую фазу. А.А. Потехин и Д.Ф. Потто с документами на имя Смирнова и Михайловского прибывают на границу с Советской Белоруссией. 15 сентября сотрудник 5 отдела Маевский отчитывается: «Я 12 с.м. в 23 00 перебросил в Россию в районе Колки двух агентов: Смирнова (Потехин. — М. С.) и Михайловского (Потто. — М. С.). Агенты реку Мороч переехали на лодке вместе с проводниками отделения. Когда переезжали через реку, агенты вели себя спокойно и уверенно, единственно Михайловский жаловался, что ему жмут ботинки, и по дороге к границе отставал от остальных.

Смирнов просил меня еще в Заостровичах, где в пивной у Матвея они передевались, чтобы я дал разрешение ему договориться с проводниками, чтобы они ждали их в условленное время после возвращения их из России в районе Слуцка. Я принципиально дал согласие, но сказал, что все это будет зависеть, как он, Смирнов, будет себя чувствовать во время пути в районе Слуцка. В Колках я сказал Чернавину, что он может дать согласие придти в Советский Союз за агентами в условленное вре-

мя, чтобы место встречи было совершенно новое и чтобы оно было удобнее для ведения наблюдения, которое будет проводить агент Булак, кроме того, чтобы это место не было особенно близко расположено к пункту, где должны задержаться проводники.

Когда агенты переходили границу, был сильный ветер и пронизывающий холод. На советской территории продвижение проходило нормально, этому способствовали внешний вид агентов и прекрасная ориентация в местных условиях. Смирнов дал мне 20 долларов для проводников на случай, если переброска в районе Слуцка пройдет благополучно, причем я сказал проводникам, что деньги они получают после возвращения их в Польшу. До 3-х часов 13 с.м. никаких признаков задержания агентов на советской стороне не было»⁵⁰⁸.

18 сентября 1931 г. в Польшу возвращаются проводники. Один из них — Чернавин докладывает начальству: «Сообщаю, что в ночь на 13 с.г. в районе пограничного пункта Колки я вместе с агентом Черным и г<ражда>нами Смирновым и Михайловским перешел границу Советского Союза. После перехода границы мы направились лесом по направлению на восток, ориентировались по компасу, но ввиду того, что была очень темная ночь, мы всю ночь бродили, то выходя к советским пограничным постам, то к реке Морочанке. Только рано утром 13 с.г., когда совсем стало светло, мы поняли, что мы находимся недалеко от границы. И что продвигаться дальше нельзя, ввиду того, что нас бы заметили. Ввиду чего мы весь день провели в лесу, а с наступлением темноты двинулись на восток. Так как было очень темно, я должен был освещать дорогу электрическим фонарем. При помощи этого фонаря мы дошли до канала, который соединяет реку Волоки с Морочанкой. Пройдя канал, мы двинулись на дорогу, где стояли телеграфные столбы, которые шли от Орлика до Озеродова. После некоторого времени я узнал, что одна дорога контролируется советскими патрулями, и снова мы свернули на дорогу, ведущую по направлению к Рыбудки, а оттуда на деревню Смоличи. Перед деревней Смоличи мы перешли через мост реку, обошли деревню и направились к мельнице, где отдохнули, выкурили по папиросе. Из деревни Смоличи я повел нашу группу к Стражинским хуторам, а потом мы пошли по направлению к Борецкому лесу. Из Борецкого леса мы уже непосредственно двинулись в деревню Ракину, где решили задержаться у Яна Дасюкевича.

Мы все были очень утомленными. <...> Дасюкевич Ян, с которым я встретился по выходе из амбара, сказал мне, что мы можем спрятаться в яме, которая находится в амбаре. Ввиду того, что мы были утомлены и прозябли, Дасюкевич принес нам бутылку вина и закуску, после чего мы спали в соломе до самого обеда. <...> Т<ак> к<ак> в течение всего дня

шел дождь, мы спали в амбаре, и нас никто не беспокоил. Обед нам принес также Дасюкевич. Вечером 14 с.м. в амбар пришел Черный, которого я отослал опять в Евелиново, чтобы он послал своего шурина в деревню Бучадино к моей матери и при ее помощи нанял подводу до Слуцка. Спустя еще несколько часов в амбар пришел Черный и сказал, что он нанял подводу, отвезти нас согласился Ходорович Ян из Бучадино, и что подводу до леса довезет шурина Черного Степан Бурмако, который будет ждать около леса. Мы еще выпили одну бутылку водки, поужинали и направились к подводе. При прощании со Смирновым и Михайловским, в присутствии Ходоровича Яна, мы договорились, что он их будет ждать вечером 3 и 4/X с.г. около деревни Огородники на шоссе Слуцк – Филипповичи под двумя березами. Ходорович должен ждать их с подводой, на которой Смирнов и Михайловский должны были поехать в деревню Бучадин, за ними должен был зайти Гарбуз и отвести их к границе в район деревни Колки.

После подробного установления места встречи и время встречи с Ходоровичем, Смирнов и Михайловский на подводе поехали в Слуцк. На следующий день, т.е. 15 IX с.г. ко мне пришел Ходорович и сказал, что он благополучно отвез Смирнова и Михайловского в район деревни Огородники и вместе с ними осмотрел место встречи вечером 3–4/X с.г. За подводу Ходорович получил от них 20 рублей, и от меня он получил 100 руб<лей>»⁵⁰⁹.

Неожиданно для Потехина они оказались в зоне военных маневров: «Помню, я был взбешен против поляков. То, что они перевели в этом районе, я считаю провокацией. Не знать, в каком районе маневры, они не могли. О том, в какое положение они ставили меня с Димой в случае провала, распространяться не буду. Своими глазами я увидел дисциплинированную русскую армию с большим рвением и без всякого разгильдяйства и расхлябанности выполнявшую свои боевые задания. Сердце замерло и екнуло»⁵¹⁰.

Свой маршрут Потехин описал кратко: «Пешком добрались до ст. Осиповичи, сели на поезд, идущий на Гомель – Брянск – Калугу. В Калугу приехали 19-го сентября вечером, пошли к моей сестре, дома ее не застали, я послал к ней Петренко (Потто. — М. С.) с детьми, и после встречи на улице мы у нее ночевали. Ушли от нее в 5 часов утра 20 сентября. День провели в бору, куда она к нам приходила. Вечером мы уехали в Москву»⁵¹¹.

Дмитрий Потто дополнил: «Не доезжая до Калуги, сошли на разъезде и пошли пешком. Выйдя к Оке, сделали привал. Побрились, почистились и, отдохнув, тронулись в Калугу. В Калугу вошли вечером. А.А.

<Потехин> провел меня мимо дома, в котором живет его сестра Елена Александровна. Условившись о месте встречи с А.А., я пошел к Е.А. <Потехиной>. Дома Е.А. не оказалось. Пришлось попросить ее дочь Настю пройти к матери и предупредить о приезде А.А. Вернулся к А.А. Прогуляв 1/2 часа, пошел вторично. Е.А. была уже дома, приняла весьма сдержанно и недоверчиво, лишь после сказанной явки изменила отношение и согласилась идти со мной. Е.А. вышла через парадное, а я со двора. Отойдя немного от дома, я нагнал Е.А. и повел на условленное место, где нас ждал А.А. За неимением подходящей квартиры решили бродить по городу. Гулял по городу, старался по возможности держаться в стороне, чтобы не мешать своим присутствием А.А.. Остаток ночи провели в квартире Е.А. А.А. разговаривал до рассвета, я же все это время проспал на полу. Уходя, условились о вечерней встрече в сторожке. День провели в лесу. Часов в пять пошли в сторожку, куда вскоре пришли Е.А. с дочками. Е.А. принесла провизии, кепку, наши часы которые мы накануне дали ей с просьбой вставить стекло, а также билеты до Москвы. В сторожке пробыли часов до десяти. Вернувшись в город, отправились к Е.А. В квартиру вобрались через окно, этим же путем и ушли»⁵¹².

Расчеты А.А. Потехина на помощь родных не оправдались — в отличие от 1928 г. его боялись: «Встреча с сестрой... Радость, страх за меня. С первых слов я понял, что живет она не той жизнью, что даже три года назад. Она не коммунистка, но пафос строительства ее захватил; я почувствовал, что ко мне относятся как к зачумленному родному. Я увидел, что все, что делается, — не что иное, как жертва со стороны сестры ради меня, ради персональной любви ко мне, но не к тому делу, которому я служил... Маленькая Настя стала большой. У Насти своя жизнь, свой мир. Несмотря на любовь ко мне, я чувствую, что в лучшем случае я ей кажусь сумасбродом. Она избегает со мной говорить на темы, которые ее интересуют, которыми она живет. <...> Пролететав что-то сестре, что надо помочь людям в будущем году, я замолк, потому что почувствовал, что это чуждо сестре»⁵¹³.

Д.Ф. Потто описывает приезд в Москву: «Ночью с центрального вокзала сели на московский поезд. Приехав в Москву, стали искать чайную, но таковой не нашли из-за раннего часа. На Пречистенском бульваре А.А. <Потехин> оставил меня, сказав, что пойдет к родным. Вернулся А.А. минут через 40. С бульвара меня А.А. отвел в столовку. Здесь я просидел часов до 12 в ожидании А.А., который ушел опять. Из столовой по возвращении А.А. пошли на квартиру к проф. Коротневу, где я и прожил трое суток. Коротневы знали, что мы из-за границы, но никаких вопросов не задавали»⁵¹⁴.

А.А. Потехин был мотором предприятия: «Прибыли в Москву 21-го сентября, пошли в столовую, оттуда пошли к проф. Коротневу, причем Петренко (Потто. — М. С.) ждал меня в ресторане. Пришел я часов в 11-12. Встретили меня не очень тепло и радушно. На политические темы не беседовали. Пробыл я там недолго, часов до 2-х. Коротневых я уговорил принять его (Потто. — М. С.), рекомендовав его как своего приятеля и очень хорошего человека. В 2 часа я его отвел к Коротневым и отправился гулять. Ходил по Тверской и до Триумфальных ворот, купил себе портфель. К обеду (4–5 часа) я вернулся к Коротневым. После обеда мы не выходили, и ночь провели там. Спали там же, в угловой комнате, слева по коридору. О том, что рядом живет сотрудник ОГПУ, я знал, но не придал ему никакого значения»⁵¹⁵.

Семья Коротневых была не слишком рада постояльцам, но им не отказали в ночлеге из чувства чести, и Потехин это чувствовал: «Коротневы. Принимают меня из жалости из-за старых отношений. Конечно, с деловой точки зрения еще за границей я не ошибся, не очень рассчитывая на них. В самом деле, чем они могли быть полезны? Говорить, что настроены они советски, я не буду, но, правда, при самом пылком воображении увидеть среди них кого-либо, кого можно было бы назвать хотя бы полуактивистом — право смешно, не говоря о большем. Дальше брюзжания они не пойдут, и будут тихо тянуть ляжку рядовых работников, выполняя ежедневную норму»⁵¹⁶.

А.А. Потехин вынужден был снова использовать родственников: «Во второй день я был у своего брата Николая. Он принял меня испуганно и умолял его не губить»⁵¹⁷, — вспоминал Потехин. «Уже от сестры я услышал характеристику своего брата. Она не ошиблась — меня встретили испуганные глаза: “Зачем ты это делаешь... Вспомни маму”. Дело, конечно, не только в маме. Едва успокаиваю его. Но дальше идут бесконечные “нет, не знаю”. Спекулирую на том, что он любит меня. Втравливаю его в пособничество, пользуюсь тем, что сильнее его как человек, а для самого ясно, что здесь ничего не выйдет, ни к кому через него не подойду. Зная это, диктую ему явку. Он молча ее выслушивает. Казалось, что виденного достаточно. Надо сматываться и не подводить людей. Спрашиваю его о том впечатлении, которое может произвести теракт. Но его ответа мне не нужно. Вся его фигура, все говорит: это бессмысленное действие, которое вызовет только потоки крови...»⁵¹⁸.

В этот день же А.А. Потехин зашел к В.Н. Розанову, передал привет от Сергея Петровича Мельгунова и спросил, хочет ли он с ним разговаривать. Разговаривать Розанов отказался: «Зашел к нему на частную квартиру на Гранатном пер. — № 2. <...> Я сказал, что пришел к нему от

Мельгунова, который передает ему привет. Тут же указал на две бытовые подробности, которые были известны ему и Прасковье Евгеньевне Мельгуновой, когда они вместе сидели в засаде. Розанов сейчас же сказал, что нам говорить не о чем. Я попросил охарактеризовать общее политическое положение, на что он ответил, что это я могу узнать из газет, что больше он ничего не знает. На вопрос, какая судьба постигла целый ряд лиц (Рингман, Мосолов, Зинаида Павловна <Павлова>), он сухо ответил — не знаю. Потом добавил, что считает, что эмиграция сделала бы лучше всего, если бы не старалась как-то определять судьбы 160-миллионного народа, что по-человечески ему жалко отдельных эмигрантов, но народ сам определяет свою судьбу, и единственно правильным было бы то, если бы она не мешалась бы не в свои дела. После этого мы сухо попрощались, и я ушел»⁵¹⁹.

А.А. Потехина явно смущало то, что среда оказывала ему сопротивление. Мысленно он возвращался и к поездке по Белоруссии: «На Бобруйском вокзале мы увидели толпу. Одета она была не по-европейски, но в добротный материал. Моя рваная курточка выделялась. Тогда же мы с Димой отметили этот момент: люди живут своей жизнью, не видно и тени протеста, который был бы предвестником революции против существующего строя. Нет, жизнь пошла по какому-то новому руслу своими путями, стала другой жизнью. Путь этот не тот, что виделся в воображении, но путь этот взят массой. <...> В вагоне скорого поезда в моем отделении сидела группа колхозников, едущих в Донбасс. Все это была зеленая молодежь. Я послушал, о чем они говорят, говорили об ударничестве, об обезличке, о темпах, о коллективизации. Неважно, что они говорили, важно, как это говорилось. В их словах, в их молодой уверенности сквозил энтузиазм, сквозила радость предстоящего труда, а ехали они в шахты. Я сам работал физическим трудом и знал западных рабочих. Радостными я видел их в дни праздников, но ни разу не видел, чтобы с радостью они ехали на заработки, на работу, тем более в шахты. С ними я доехал до Гомеля»⁵²⁰.

А.А. Потехин гулял в этот день и по Тверской, ходил на Сухаревку: «В этот день или на третий я посещал Газетный переулок <...> где искал Чалееву, но я не заставал ее дважды. К ней я имел совершенно частное поручение С.П. Мельгунова, сестрой которого она является, передать ей привет. Гулял еще по Пречистенскому и Зубовскому бульварам один и с Петренко (Потто. — М. С.).

На третий день я был у брата, который покупал для меня кожаную тужурку. В этот день мы обедали в столовке. Вечером мы решили уехать из города и ночевать в лесу»⁵²¹. Видимо, Потехин как-то столкнулся с

профессорским соседом-чекистом: «Неосторожный разговор чекиста меня нормально бы не потревожил. Нет, он был только каплей, которая переполнила все, что уже накопилось. Надо отходить, надо отступать. Дима, идем, не дожидаясь проводника. Идем просто так. Соглашается. Делать здесь нечего...»⁵²²

Свой последний день в Москве на свободе описал и Д.Ф. Потто: «Днем <...> был на Тверской, делаю кое-какие покупки. С А.А. <Потехиным> виделся утром. Вернулся к трем часам. Минут через 10 позвонил по телефону А.А., просил передать, что ожидает меня на Зубовском бульваре около Пречистенки. Со слов супруги профессора Коротнева, я уже знал, что А.А. сильно беспокоится. На углу Пречистенки я нашел А.А. Пошли бульваром. Обсудив положение, решили в этот же день выехать из Москвы. Предполагали тронуться в направлении Ленинграда. А.А. сказал, что билеты вечером принесет на Октябрьский вокзал. С Зубовского бульвара пошли к Новодевичьему монастырю. Здесь я остался ждать в сквере А.А., который ушел к брату. Ждать пришлось довольно долго. Вернувшийся А.А. принес мои часы, которые брат А.А. отдавал в починку. Оставалось еще взять вещи от Коротневых и попрощаться с ними. С супругой профессора А.А. условился, что если все будет благополучно, она оставит открытую форточку в одном из окон. Подойдя к дому, мы увидели несколько открытых форточек. По настоянию А.А. он пошел первым, минут через пять вошел и я. Взяли вещи и, попрощавшись с Коротневыми, отправились на вокзал. Приехали к вокзалу на трамвае. А.А. хотел, чтобы я подождал где-нибудь вблизи на скамейке, пока он сходит на вокзал за билетами. Пошли по вдоль идущей дорожке около вокзала в поисках скамейки, и в этот момент были арестованы»⁵²³. Вопреки советской версии Потехин не собирался отстреливаться: «На площади у Октябрьского вокзала мы были арестованы. Я хотел выгащить револьвер, чтобы покончить с собой, но уже не успел этого сделать»⁵²⁴.

В СССР Потехина и Потто ждали. Чекист Б.И. Гудзь через 70 лет рассказал о том, что на Потехина и Потто якобы по наводке разведки была поставлена засада еще в Калуге: «Так случилось, что агент ИНО встретился со своим приятелем-офицером. Разговорились, пошли в ресторан, выпили, как положено... Тот говорит: я прошел курс диверсионной работы и собираюсь отправиться “туда”. Как собираешься? Ты же не знаешь тамошней обстановки, сразу провалишься! А у меня, отвечает, сестра в Калуге, преподавательница. Мы к ней придем, немножко оглядимся, потом будем постепенно-постепенно устраиваться...»

Сводка приходит ко мне. Фамилия офицера — Потехин, у него сестра в Калуге, якобы учительница. Вот и вся информация, ничего больше.

Даю соответствующие директивные указания в Калугу, чтобы искали эту сестру. Если она вышла замуж, то дело плохо. Тогда нужно будет прощудировать всех учителей в городе. Но оказалось, что есть такая Потехина — и отчество совпадает. Она!»⁵²⁵.

Сам Потехин считал, что его сдали поляки: «Я не случайно бросил фразу, что не считаю зазорным пользоваться чьей бы то ни было помощью в борьбе с комдиктатурой. Хоть с чертом. Никогда по своему складу не мог бы быть шпионом, но воспользоваться каким-то трамплином для борьбы считал революционно целесообразным, тем более, что неприятности расплаты ложились на других людей иной складки. Увы, расплатиться и очень горько пришлось мне, так глубоко и до конца. Я убежден в том, что предал нас не кто иной, как польский Генштаб»⁵²⁶.

Агентура у ОГПУ во 2 отделе Генштаба Польши была, но все же не на таком уровне, чтобы так легко выйти на след группы Потехина. На Потехина мог навести пражский агент ОГПУ Николай Ирманов, следивший за РОВС в Праге. По крайней мере, в своих показаниях на Лубянке в 1938 г. он хотел подчеркнуть важную роль, сыгранную им и в этой операции: «Я обратил внимание на Пшибрам и Моравскую Оставу, т<ак> к<ак> по моим сведениям, там ведутся занятия с террористами и их обращение с взрывчатыми веществами. <...> Там обучался обходиться с взрывчатыми веществами Осокин, там же учился Александр Александрович Потехин, посланный в свое время Харжевским в СССР для шпионских и террористических целей»⁵²⁷. Впрочем, о миссии Потехина знали, например, В.С. Озерецковский, капитан Н.И. Виноградов, которого хотели направить в СССР, Н.А. Цуриков, Ю.Л. Гейне и другие лица, так что не исключено, что операция провалилась из-за утечки информации и к каким-то другим агентам ИНО ОГПУ.

По словам ветерана ОГПУ Б.И. Гудзя, чекисты в Калуге «установили за домом этой женщины строжайшее секретное визуальное наблюдение. Хотя и какие-то агентурные подходы, помнится, были. Буквально через две недели появляются два человека... <...> Мы хотели узнать, по каким явкам, по каким связям они будут действовать дальше. “Гости” были взяты в кольцо наблюдения. Побыли они там две недели, никуда не ходили, осваивались, а затем двинулись в Москву, но сошли с поезда, не доезжая столицы. Мы вели их очень осторожно — группа вела, несколько человек. Передавали друг другу... Они сняли комнату в одном из дачных поселков, побыли там денька два-три и поехали в Москву. Одеты были довольно-таки сходно с нашей публикой... Они ходили по городу, наблюдали, смотрели, заходили в магазины, в рестораны... В Москве наблюдение за ними продолжалось в течение недели. “Наружка”, однако, засекла

только один адрес — это оказался профессор, хороший знакомый отца Потехина. Но он понял, что “гости” приехали нелегально, и их не принял — мол, я вас не видел и не звал, я этими делами не занимаюсь... <...> С профессором потом, конечно, разделались “под орех” — высылка или что-то... Почему он сразу не сообщил? Было ведь широко объявлено, что люди должны быть бдительны, немедленно сообщать о подобных случаях... Даже объявления о том были развешаны! А он хотел скрыть, что к нему приходили люди из-за границы.

Несколько дней они походили по Москве, и было принято решение провести операцию захвата. Группа захвата — четверо вооруженных работников оперативного отдела — была поручена мне. Было известно, что “гости” каждый день возвращаются домой дачным поездом с Николаевского вокзала. Мы решили брать их у входа в вокзал. В четыре часа, примерно, там уже стояла машина... Это была очень резкая операция, но продуманная, потому что они были очень сильно вооружены: у каждого — по два пистолета, яды были, ножи и всякая всячина. “Наружка” привела их к этому входу. Даю команду — этих людей внезапно берут за руки, скручивают, загалкивают в машину, на пол, и все четверо оперативников придавливают их своими телами. Я сел с шофером — и на Лубянку. Там уже было все подготовлено, так что мы с ходу влетели в ворота этого здания...

Оружие у них отняли, раздели догола. Голых ведут по лестнице... Представляете их моральное состояние? Стесненность — после этого шока. Они потом объясняли: мол, мы знали, что нас будут пытать, все время чувствовали огромное напряжение... <...> Кроме необходимой грубости при задержании, ничего не было! Никто их за горло не брал, пальцем не тронул — не то, чтобы связать, пытать. Тогда у нас совершенно не было этих методов. Мы повели их на 5-й этаж, к начальнику особого отдела. Они стоят — голые. Тем не менее, как офицеры, как джентльмены, стоят вытянувшись по струнке. Помощник начальника Николаев достает портсигар. Каждый из них берет папиросу, Николаев зажигает спичку одному, а тот берет у него спичку из рук и ему предлагает... Значит, растерянность уже прошла.

Конечно, они все нам рассказали — как участвовали в гражданской войне, когда эмигрировали, какие претерпели трудности, как устроились в Париже, как были шоферами, как они были завербованы в РОВС — в специальную школу, какие задания после этого получили...»⁵²⁸

100-летний чекист много насочинял: оба арестованных две недели в Калуге не сидели, никакой подмосковной дачи не снимали. События нескольких дней Б.И. Гудзь растягивает на 3 недели, хотя из допросов По-

техина и Потто на Лубянке ясно видно: с момента перехода границы в ночь на 13 сентября до ареста на вокзале 23 сентября 1931 года прошло 10 дней. Все эти неточности заставляют относиться к рассказу ветерана госбезопасности лишь как к версии, в которой бесспорно одно: арест Потехина и Потто на вокзале в Москве.

Дело Потехина и Потто скупо описывает летописец побед советских карательных органов. «В силу целого ряда обстоятельств была направлена в первую очередь группа, состоящая из Потехина А.А. и Потто Д.Ф. — членов зарубежной белогвардейской террористической организации “Русский общевоинский союз”. По заданию боевого центра в сентябре 1931 года они через Польшу прибыли в Москву для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства. 23 сентября 1931 г. оба террориста были задержаны Особым отделом ОГПУ на третий день пребывания в Москве, при аресте пытались оказать вооруженное сопротивление. Основной задачей Потехина была подготовка базы и службы наблюдения для подготовки к прибытию в Москву нескольких террористических групп»⁵²⁹.

Однако из всех документов дела видно, что задания совершить во время поездки в Москву теракт ни А.А. Потехин, ни Д.Ф. Потто не получали. А.А. Потехин лишь признавал свою верность теории активизма: «Я являюсь членом РОВСа, исповедующим террор в качестве оружия политической борьбы. Генерал Хоржевский командировал меня для разведки обстановки и условий для террористической деятельности. <...> Если бы я встретил в бытность свою в Москве Сталина или Молотова и опознал бы их, я бы стрелял, поскольку убийство их отвечало бы идее центрального террора»⁵³⁰.

Замечу, что стрелял Потехин хорошо, о чем свидетельствовал в рассказе о тренировках в Болгарии Дмитрий Потто: «В первый свой приезд А.А. <Потехин> поразил нас тем, что на дистанции шагов в 65–70 первым выстрелом разбил бутылку, а в этот приезд — наибольшим количеством пуль, положенных в центре мишени. Общий результат был хорош»⁵³¹. У Д.Ф. Потто и А.А. Потехина были с собой по два револьвера: один — системы «Парабеллум» калибра 9 мм., второй — маленький «Маузер» калибра 6,35, и к каждому револьверу — по три обоймы патронов⁵³².

Но стал бы А.А. Потехин сам стрелять, это еще вопрос. Он говорил: «Я имел задачу заложить в СССР базу боевой организации и поставить, если удастся, службу наблюдения. Если бы мне это удалось сделать, я бы вызвал группу террористов, о чем договорился с генералом Харжевским, установив соответствующие условности. Объектами для террористических актов первой очереди я намечал И.В. Сталина и В.М. Молотова»⁵³³.

Безусловно, по-боевому, был настроен молодой Дмитрий Потто, но и тот осознал сложность ситуации: «Гуляя во второй день нашего пребывания в Москве по городу, я обходил по саду вокруг Кремля. Воочию убедился в охране Кремля, о которой слышал за границей. Видя проскакивающие в Кремль и обратно автомобили, убедился в правильности предположения о сложности осуществления акта. Лишний раз убедился в необходимости бомб и невозможности осуществить акт без наличия их. Встретив потом Александра Александровича <Потехина>, я и поделился с ним своим впечатлением. Я не помню, где и в какой форме происходил этот разговор, но он был очень кратким и общим. Если бы в то время, когда я был у Кремля, мне удалось встретить т. Сталина или другого вождя, я, не задумываясь, открыл бы по нему огонь»⁵³⁴. Ради объективности надо подчеркнуть: заявления обоих о готовности стрелять в Сталина или Менжинского — лишь слова, возможно, самооговор под давлением или же бравада на допросах.

Все-таки главной задачей операции А.А. Потехина было «провести разведку», выяснить возможность передвигаться по СССР, находить места для ночлега: «Конечно, если при этом удалось бы найти “базу”, задача считалась бы выполненной блестяще, но никто реально не строил себе каких-либо надежд. Сама по себе благополучно законченная разведка считалась бы большим достижением»⁵³⁵. «Конкретные цели, которыми я руководился, была проверка себя и “выводка” Димы <Потто>. По моим расчетам будущая операция в случае моего благополучного возвращения могла состояться не раньше лета 1932 г.»⁵³⁶.

У А.А. Потехина во враждебной атмосфере начался психологический кризис. Морально, по всей видимости, Потехину было тяжело увидеть, что его готовность к подвигу, к тираноубийству вряд ли встретит отклик людей, которых он собирался освободить от власти Сталина: «“Террористический акт должен исполнить роль детонатора, который приведет в движение аморфную массу”. Это теоретическая предпосылка, а практически... Я боюсь показаться на улице днем, чтобы меня кто-нибудь не узнал. Узнать меня могли только какие-то очень хорошие знакомые, не представители власти, которые в глаза меня не видели. Где же эта аморфная масса, которая должна взорваться? Но дело не во взрыве, а в том, что я просто не мог бы не только сказать, а даже просто заикнуться среди незнакомых мне людей, хотя бы крестьян, что я активный враг нынешней власти... Не важно, что в своем городе я не мог найти крыши и мок под дождем с восхода солнца до вечера. Физические трудности я предполагал, и они мало меня трогали. Дело не в физических трудностях, а в идейной отчужденности»⁵³⁷.

Похоже, на этот раз попав «в безвоздушную среду», А.А. Потехин запаниковал, заподозрил слежку и не случайно собирался ехать с Потто в Ленинград: «Было одно соображение. Казалось, что отъезд из Москвы прямо на запад более опасен, чем отъезд из приграничного Ленинграда вглубь страны в юго-западном направлении. Но это был план отступления, которое уже было определено тем, что произошло. Арест последовал в момент, когда я уже отступал»⁵³⁸. Так что чекисты взяли Потехина и Потто в тот момент, когда они собирались покинуть СССР и на самом деле вернуться к западной границе, где 4–5 октября их в условленном месте должны были ожидать проводники.

А.А. Потехина и Д.Ф. Потто допрашивали на Лубянке почти полтора года. В своих показаниях о жизни русской эмиграции и своем прошлом они были достаточно откровенны. Видимо, чекисты сразу показали Потехину, как много им известно, потому-то он и написал после ареста: «Последующее дорисовало картину: глупость затеи была одобрена изначальным предательством тех, кто решает судьбы и не бережет просто самых близких друзей. Физически прерванное отступление превратилось в полный разгром»⁵³⁹.

К тому же, А.А. Потехин исходил из желания спасти людей, с которыми он общался, уже 24 сентября 1931 г. заявив: «Ввиду того, что следствием возбужден вопрос о возможном аресте лиц, имевших частные встречи со мной, в целях выяснения всех обстоятельств дела в случае моего заперательства — я обязуюсь при даче мною показаний показывать всю правду, ничего не утаивая»⁵⁴⁰. Вряд ли кого-то удалось откровенностью спасти от репрессий: Лубянка никогда не соблюдала подобных сделок. Вот подтверждение: давшего А.А. Потехину кров профессора-невропатолога из Института физиатрии и ортопедии Николая Ильича Коротнева, которому было уже 66 лет, 2 января 1932 г. Коллегия ОГПУ приговорила к 10 годам концлагерей. Отбывал заключение он на Соловках. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 9 октября 1937 г. Н.И. Коротнев был приговорен к ВМН и 27 октября 1937 г. расстрелян в местечке Сандормох в Карелии⁵⁴¹.

Н.А. Цуриков пишет об А.А. Потехине: «Ему было дано поручение короткой разведки и установления опорного пункта. После он должен был вернуться с тем, чтобы затем ехать вторично для более важного дела. В указанном месте он должен был пробыть не более двух недель. Но его погубил азарт. Он довольно регулярно писал ничего не значащие, написанные не по-русски, открытки по разным нейтральным адресам. Но когда открытки продолжали поступать и после двух недель, мы стали тревожиться, увидав, что он увлекся и пересидживает. Через месяц они прекра-

тились»⁵⁴². На допросах А.А. Потехин подтверждал, что отправил условные открытки как из Гомеля, так и из Москвы. Шифр для открыток он чекистам раскрыл, так что, возможно, поначалу Лубянка начала было оперативную игру, но затем чекисты ее прекратили.

Рассказав обо всей своей жизни и работе против большевиков, А.А. Потехин не хотел идти на идейный компромисс с теми, кого считал врагами России, и не скрывал свои взгляды: «Я прибыл в СССР <...> нелегально перейдя советско-польскую границу, будучи вооруженным пистолетами системы “Парабеллум” и “Маузер” (малого калибра). Я командирован группой “Борьба за Россию” для выяснения настроений и фактической обстановки благоприятной или неблагоприятной для целей активизма. В понятие активизма вкладывается борьба за великую свободную Россию всеми возможными способами, в том числе агитация, организация и террор. Террор я приемлю лично в качестве одного из средств политической борьбы против диктатуры коммунистической партии. Поэтому если бы была практическая возможность осуществить террористический акт — я пошел бы на него в качестве исполнителя. Одной из задач моей поездки было исследование возможности применения террора в смысле его резонанса и в народной толще»⁵⁴³.

А.А. Потехин говорил о своей идейной платформе: «Я — националист-активист, считающий, что форма и образ правления грядущей великой России должен установить путем свободного волеизъявления русский народ. На пути к освобождению русского народа предстоит борьба с диктатурой коммунистической партии, диктатурой очень сильной. В борьбе с диктатурой допустимы все средства, которые ведут к победе. Я явлюсь сторонником республиканского образа правления, опирающегося на интересы большинства населения»⁵⁴⁴. Не просил о пощаде и Дмитрий Потто...

На заседании Коллегии ОГПУ (судебного) 8 марта 1933 г. А.А. Потехин и Д.Ф. Потто по статье 58-8 УК РСФСР были приговорены к расстрелу⁵⁴⁵. В уголовном деле есть данные о расстреле Д.Ф. Потто 9 мая 1933 г.⁵⁴⁶ Данных о приведении в исполнение смертного приговора А.А. Потехину не имеется, что вряд ли свидетельствует, что его постигла иная, кроме расстрела, участь.

Знавший лично А.А. Потехина эмигрантский публицист Н.А. Цуриков писал, что этот талантливый юрист проделал эволюцию, характерную для эмигрантской молодежи. Разочаровавшись в ненасильственных методах борьбы с тоталитаризмом и убедившись, что изменить мир словом невозможно, Александр Потехин решил лично сам действовать — в рамках концепции «центрального террора», что предполагало разрыв с демокра-

тическими организациями. И это привело его к скорой гибели: «Выше я сказал, что его погубил азарт, но это, конечно, не точно. Если бы он благополучно вернулся и из второй поездки, то после нея была бы третья, и с каждой новой — шансы гибели, конечно же, повышались бы. Он был уже обреченным человеком. Он погиб из-за соединения горячей патриотической страсти и изумительного бесстрашия», — писал Николай Цуриков⁵⁴⁷.

Александр Александрович Потехин не смог сделать то, что считал для себя главной задачей: убить Сталина или кого-то из коммунистических вождей. Но в своем действии он был вполне логичен: агитируя других на борьбу с советской властью всеми способами, он и сам считал для себя делом чести пойти по этому пути до конца: «Желание поехать у меня было большое. Желание туманило рассудок, была вера в то, что мне везет, вера в свое счастье. Сам я относился к разряду тех журналистов, которые проповедовали активизм. Проповедовали террор. Стать только проповедником, устранившись от личного участия в том деле, которому я служил, я не считал возможным»⁵⁴⁸.

Советские власти не устроили из дела Потехина – Потто показательного процесса. Они лишь слили часть информации о деятельности Харжевского и Бранда в газету «Юманите», перепечатав выдержки из статьи и в СССР, тем самым показывая РОВСу и, главное, польским спецслужбам, что их работа находится под неусыпным вниманием Лубянки.

В связи с провалом миссии А.А. Потехина и другими неудачами польские спецслужбы постепенно отбросили планы сотрудничества с русской эмиграцией любой политической ориентации. Один из главных спеццов по России начальник отдела «Восток» капитан Небзжицкий в своем выступлении на совещании в Генштабе 17 марта 1934 г. подвел итог: «Нам невыгодно использовать в разведке русскую эмиграцию, ибо используя ее, мы больше потеряем на участке контрразведки, чем будем иметь от нее пользы на участке разведки. Если взять Братство русской правды, <то оно> тесно связано с РОВСом, а РОВС является одной из эмигрантских организаций, которая занимается информационной разведкой, или диверсией в России. В связи с отношениями, которые существуют внутри русских организаций, вербовать оттуда людей нельзя. Можем взять самого честного человека из мнимо-лояльной группировки, и он может привести нас к Братству Русской Правды, которое является не чем иным, как замаскированным ГПУ. Это очень сложные вещи, которые приводят к тому, что наученные горьким опытом, мы рассматриваем русскую эмиграцию как источник уже исчерпанный»⁵⁴⁹.

История А.А. Потехина и Д.Ф. Потто показывает, что у эмиграции активистского толка в начале 30-х годов не было прочной поддержки

спецслужб в Европе. У них не имелось никаких реальных связей в СССР; опору в атомизированном советском обществе, несмотря на антисоветские настроения, найти было трудно. Как мы видели, все делалось наудачу, кустарно. Благодаря разветвленной агентуре ИНО ОГПУ за границей такие единичные авантюристические операции совместно с РОВС или БРП без особых проблем вычислялись советской госбезопасностью.

Не случайно к 1934 г. часть демократических эмигрантских политических организаций распалась, как «Борьба за Россию», или переживала внутренний кризис, как РДО и КР-ТКП. Эти структуры отказались от прежней активной деятельности с прицелом на СССР. Фактически они вели издательскую работу для эмиграции, ожидая изменения ситуации в России в связи с возможным конфликтом СССР с Японией или в связи с гитлеровским переворотом в Германии.

2.4. Русские крестьяне в европейских парламентах

Работа организации КР-ТКП в Польше и дочерних крестьянских партий в Латвии, Эстонии и Подкарпатской Руси (1922–1932 гг.).

Особое внимание следует обратить на деятельность «Крестьянской России» в Польше. В 1921 г. первую группу сторонников крестьянской партии в Варшаве пытался создать сам С.С. Маслов, но все его партнеры по переговорам, например А.Л. Бем, переехали в Прагу. Маслов отмечал в 1929 г.: «В 1922 (или 1923 г., не помню) возник под воздействием С.И. Коверды “Союз трудового крестьянства” на восточных кресах⁵⁵⁰ Польши. Провалившись на выборах в Сейм (Польши), “Союз” исчез»⁵⁵¹.

В Польше с 1924 г. с РДС сотрудничали журналисты лево-демократического толка, в прошлом савинковцы, входившие в Варшавскую группу ПНС (П.Э. Бутенко и В.В. Португалов). Группа бывших членов ЦД во главе с А.А. Вакаром, обладая несколькими опорными пунктами на советской границе, обещала переправлять в Россию литературу РДС. Юрист Алексей Петрович Вельмин сумел скрыться от ареста в Киеве 16–17 июня 1923 г. и бежал в Польшу в январе 1925 г.⁵⁵² Там он начал политическую работу сначала в рамках созданной летом 1925 г. «Демократической группы в Варшаве». Всего в ее составе было 19 человек от социалистов до правых и центральных кадетов⁵⁵³. Среди них были журналист В.В. Португалов, бывшие участники Центра действия А.А. Вакар и А.П. Вельмин, редактор газеты «За Свободу!» Д.В. Философов. Как отмечает А.П. Вель-

мин, «группа выпустила печатную однодневку с изложением своей программы, устроили ряд публичных выступлений»⁵⁵⁴.

Деятельности Варшавской группы «Крестьянской России» началась осенью 1925 г. А.А. Вакар в ноябре 1925 г. сообщил в Прагу: «Мы решили организовать отделение группы “Крестьянской России”. Эту мысль подал ВВП (Виктор Вениаминович Португалов. — М. С.), а поддержал ее я, т. к. под этим флагом легче было осуществить мой план. Этими же мотивами объясняется мое вхождение в Демократическое Объединение»⁵⁵⁵. Кроме Вакара и Вельмина в группу вошли: Виктор Вениаминович Португалов (1873–1930), Николай Алексеевич Племянников (?–1944), Георгий Георгиевич Соколов (?–после 1960), Артемий Васильевич Игнатюк, Николай Вячеславович Дзевановский (?–1944) и Татьяна Ивановна Дзевановская (?–1944). Разведка польского Генштаба в своей справке 20-х гг. указывает: «Польскую группу “Крестьянская Россия”, которая входит в демократическую группу, создал Португалов, членами являются Племянников, Вельмин, Сулима, Липеровский»⁵⁵⁶.

С 1925 г. через А.А. Вакара начинаются операции по переброске в Россию литературы и агентов Республиканско-демократического союза и «Крестьянской России». А.А. Вакар в 1925 г. отмечал, что «посылать агентов, поддерживать здесь организацию с военной конструкцией, все это требует больших средств, а результаты практические очень сомнительны. Изменилось настроение здесь, а главным образом, там. Я верю, может быть и без достаточных оснований, что борьба за освобождение не погасла внутри России. <...> Мой план сводится к тому, чтобы быть в меру активными и пассивными. Значит, не брать на себя роли организаторов русских течений, а только внимательно прислушиваться к ним и помогать по мере сил. <...> Это моя пассивная программа, в активной же части ее я предлагаю продвинуться нам к Советской границе везде: в Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии и на берегах Черного моря и всюду выпустить щупальца на ту сторону. Искать и вербовать сторонников здесь, увеличивая таким образом поверхность соприкосновения с Россией. Использовать до конца все возможности и линии связи, на каждую просьбу, на каждый призыв с той стороны ответить полным тоном»⁵⁵⁷.

Активизация группы произошла в связи с расколом в редакции газеты «За Свободу» (в редколлегию входили Д.В. Философов, М.П. Арцыбашев, П.Э. Бутенко и В.В. Португалов). С.С. Маслов и Б.А. Евреинов повели с Д.В. Философовым переговоры о том, чтобы расширить поле деятельности газеты, начать работать не только в Польше, но и на русское население трех стран Балтии. Переговоры сначала шли успешно. Вопрос обсуждался в Париже в группе П.Н. Милюкова, который 4 янва-

ря 1926 г. сообщил, что на декабрьской конференции РДС в Праге «возник вопрос об использовании выходящего в Польше русского органа “За Свободу”, находящегося, как известно, накануне закрытия из-за недостатка средств»⁵⁵⁸. А.П. Вельмин на этом совещании рассказал, что «русской эмиграции в Польше как таковой в своем большинстве монархична и совершенно не организована. Демократическая ее часть, как уже докладывалось, организовалась только летом минувшего года по принципу, напоминающему, по мнению А.П. Вельмина, парижское РДО. Студенчество в большинстве правое. Существует в Польше отделение “Крестьянской России”. Издания “Свободной Рос<сии>” распространяются в значительном количестве и идут в Россию; крестьяне берут ее охотно и провозят, как контрабанду. Спрос на нее, по-видимому, есть. Но желательна литература более понятная массам. На создание ее у местной эмиграции средств нет, и поэтому все надежды ее устремлены на эмигрантские столицы — Париж и Прагу»⁵⁵⁹. Вельмин предлагал парижским кадетам поддержать «создание большой и независимой демократической газеты»⁵⁶⁰, выступающей выразителем интересов русского меньшинства. На это П.Н. Милюков вновь указал, что не только редакционные, но и «соображения материальные лишают группу возможности прийти на помощь в деле приобретения газеты “За Свободу!” для обслуживания русского меньшинства в Польше. <...> Но найти средства для поддержки еженедельного органа, умело ведущегося и не дающего, следовательно, большого дефицита П.Н. <Милюков> — считает возможным»⁵⁶¹. Похоже, что Милюков не собирался создавать конкурента «Последним новостям», потому что как раз в это время он добился разрешения продавать свою газету в Польше.

В январе 1926 г. переговоры с Д.В. Философовым провалились. С.С. Маслов вместе с Б.А. Евреиновым попытался произвести «переворот» в газете «За свободу!». Писатель М.П. Арцыбашев вспоминал: «Маслов и Евреинов, как представители пражской группы, приехали в полной уверенности, будто их призывают княжить и владеть. <...> Нам было без обиняков сказано, что все мы ни к черту не годимся, что наши взгляды на большевиков устарели, а посему мы должны передать газету и все прочее им — “демократам” из Праги. <...> Все это разбилось о меня. <...> Маслову было предложено отправляться к его почтенной матушке»⁵⁶².

С.С. Маслов, при поддержке рижского кооператора Б.В. Евланова, инициировал новый проект: создание еженедельника «Родная речь» для русского населения Польши и стран Прибалтики, с центром в Варшаве⁵⁶³. Создатели журнала рассчитывали сплотить на базе издания авторский актив, а затем перейти к организационной фазе. А.А. Вакар считал

это возможным: «Имея перед собой революционную работу в России и издательство культурно-политического журнала, в разрешении этих задач мы сосредоточиваем внимание на одном и том же кругу — русском кресовом населении. Заинтересовать его политическим вопросом и вовлечь в активную политическую жизнь, значит гарантировать здесь успех обоих наших начинаний. Мне кажется, что образование здесь местной русской демократической партии дало бы колоссальный плюс как для работы в России, т. к. здесь связи с закордонном крепче и проще, так и для успешного ведения журнала, так как это позволило бы ему опереться на организованную массу. Иначе говоря, мы сможем добиться положительных результатов, только плотно срастаясь с местным русским населением. <...> Одной из ближайших задач намечается образование крестьянской трудовой партии <...>»⁵⁶⁴.

13 марта 1926 г. в Париж агитировать П.Н. Милюкова дать денег на издание «Родного слова» приезжал П.Э. Бутенко⁵⁶⁵. С.С. Маслов в своем дневнике писал: «В начале 1926 года нами было решено начать издание в Варшаве журнала “Родное слово”. Мы стремились создать русский культурно-политический журнал, который противостоял бы влиянию полоноцентричной позиции»⁵⁶⁶. Позиция была в значительной степени национальной: «Хотели у жителей Подолии, Полесья вызвать чувство своей связи с Россией, русским народом, русской культурой»⁵⁶⁷. В этой работе предполагалось объединять все силы эмиграции независимо от политических взглядов. «На журнал ассигновали 60 000 крон»⁵⁶⁸.

В июне 1926 г. к Дню русской культуры в Варшаве вышел первый номер журнала «Родное слово». В издании сотрудничали известные в Польше и Прибалтике публицисты: В.В. Португалов, С.И. Трофимов, Е.М. Тихоницкий, П.А. Богданов, В.А. Татаринов. Как писал С.С. Маслов, они мечтали «эту связь русских через журнал перевести потом в организационную связь русских организаций и русской политической эмиграции»⁵⁶⁹. А.А. Вакар писал: «Мы отовсюду получаем сочувственные отклики. Главный подписчик наш — священники. От оптовиков мы еще пока не имеем сведений. У нас откликнулось 200 подписей»⁵⁷⁰. А.П. Вельмин констатировал: «С.С. М<аслов> уехал отсюда с убеждением финансового провала этого предприятия. Мое мнение, что судить об успехе или провале журнала преждевременно. <...> Конечно же, журнал еще не самоокупается, но отклики с мест достаточно сильны»⁵⁷¹.

П.Н. Милюков заметил, что, судя по первому номеру, «эта группа взяла бойкий националистический тон и этим отдаляет себя несколько вправо от нас. Конечно, по одному только номеру судить трудно, и поэтому П.Н. <Милюков> не отказался от предложенного ему сотрудничества в этом

еженедельнике, думая отчасти своей работой в нем повлиять на тон журнала в желательном направлении»⁵⁷².

С.С. Маслов агитировал парижских союзников дать субсидию на проект по защите прав русских в Польше. В своем докладе 8 ноября 1926 г. на заседании Парижской РДГ ПНС он указывал на то, что «в Польше положение является значительно худшим по сравнению с Балтийскими странами. Так, например, нет ни одной школы с преподаванием русского языка, в то время как другие меньшинства имеют свои школы. <...> У церквей и культурных учреждений отбираются их недвижимые имущества. Административный гнет продолжает расти. Ведется упорное “белорусифицирование” и “украинизация” русского населения. Бороться с этим очень трудно, так как почти всё, что есть культурного среди местных русских сил в Польше, не остается и уходит частью в Прагу, частью на сов<етскую> Россию. Парламентское представительство, как известно, очень слабо. Газета на русском языке всего одна, и та — польская по содержанию. “Родное Слово”, выходящее в Польше, пользуется, поэтому настоящим успехом и имеет большой отклик»⁵⁷³.

А.А. Вакар признавал, что без субсидий журнал в первый год не мог продержаться: «Положение неутешительное. И обольщать себя надеждами не приходится. А жалко. Жалко потому, что к журналу, видимо, начинают привыкать. <...> Мы начинаем находить постоянных подписчиков, однако их слишком мало, чтобы поставить журнал на ноги. Нужно 1.000, а их 350»⁵⁷⁴. С.С. Маслов для сбора денег поехал в Париж. Перед новым 1927 годом в Париже почти полтора месяца Маслов вел переговоры с Милюковым, Маргулиесом, Слиозбергом, Лионозовым, Бернацким, Альпериним, Фондаминским, Керенским, Федоровым, Терещенко, Алдановым, Зайцевым, Струве, Рыссом, Гучковым и другими.

Кое-какие деньги были получены, но, как пишет Маслов, «основная цель поездки достигнута не была. Сочувствия живого и действенного ни у кого не вызвал. <...> Указывали на отсутствие денег, на оскудение доброй воли у жертвователей, способных жертвовать, на то, что революционная работа на Россию более важна, чем работа культурно-национальная среди русского населения вне России»⁵⁷⁵. Из-за этого проект закрылся. Журнал «Родное слово» выходил лишь до середины 1927 г.⁵⁷⁶ С.С. Маслов подвел итог: «Организация работы была слаба и по числу людей, и по их способностям. Объявления не давали почти ничего. Пропаганда журнала была слаба. Слабой оказалась деятельность представителей журнала в Эстонии, Латвии и Подолии. Не на высоте задач был и редактор журнала (В.В. Португалов. — М. С.), способный газетчик, но никакой журналист»⁵⁷⁷.

В отличие от журнала для русского нацменьшинства, на «революционную работу» в СССР из Польши П.Н. Милюков средства выделял. Судя по переписке А.А. Вакара, переброска литературы продолжалась и в 1926 году, хотя сами организаторы операции были достаточно пессимистичны. А.А. Вакар, например, говорил о выжидательной политике «в работе по ту сторону границы», предлагая возможно большую активность в Польше; как замечал автор, «это единственный путь к возвращению на родину: сорганизовавшись здесь и, организуясь, столкнуться с нашими братьями по ту сторону границы»⁵⁷⁸. Именно эта публичная деятельность популяризировала «Крестьянскую Россию» в русской среде в Польше. Но шанс создать массовую организацию, нечто вроде дочерней крестьянской партии, опирающейся на русскоговорящее национальное меньшинство, в Польше не был реализован.

Это было связано с рядом объективных факторов. Во-первых, русское и русскоязычное население было сосредоточено в восточных пограничных районах Польши — так называемых «кресах», куда доступ русских эмигрантов был ограничен и где существовал жесткий полицейский режим. Во-вторых, в Восточной Польше сохранялась собственность помещиков, в том числе и русских, которые не были заинтересованы в политической активности крестьянства. В-третьих, правительство Польши вело курс на жесткую ассимиляцию украинцев и белорусов, подавление православной церкви, способствовало захвату и разрушению храмов и в появлении любых партий защиты интересов национальных меньшинств не было заинтересовано. Польша как государство национальное и авторитарное была для русских враждебна. К тому же малочисленные в Польше эмигранты левого толка, наладив канал связи с Россией, нуждались для его сохранения в доверительных отношениях с польской разведкой. И их политическая деятельность подорвала бы контакты, открывавшие путь в Россию.

Закрытие «Родного слова» подорвало возможности для казавшейся успешной работы «Крестьянской России» в Польше. Это отмечал С.С. Маслов в ноябре 1926 г., информируя П.Н. Милюкова: «Деятельность “Крестьянской России” в виде издаваемого ею “Родного Слова” неожиданно и быстро протянула новые нити, соединившие лиц разных направлений для общей политической работы. Появились, между прочим, люди, которые даже предложили свои услуги для информационных поездок в Россию. В то время как “Р.-Д. Союз” успел за это время отправить только одного представителя в Россию, “Кр<естьянская> Россия” смогла отправить двоих, из которых один уже успел вернуться»⁵⁷⁹.

В 1926–1929 гг. ядро группы «Крестьянской России» в Польше активно участвовало в работе «Опуса» по переброске людей и литературы в СССР, но организация не могла расширяться. Конспиративная работа была делом немногих, а для потенциальных сторонников в Польше просто не оставалось поля деятельности. Это и констатировал А.А. Вакар: «Политическая жизнь левой эмигрантской группы неуклонно замирает. Это в одинаковой степени относится к демгруппе, как и к группе “Крестьянская Россия”. <...> Группа “Крестьянская Россия” делала попытки вербовать сторонников на провинции, попытка эта встретила сочувственно. Однако я не верю в их успех, помехой которому является вторая и основная причина нашей спячки — отсутствие реального дела (Opus не входит в расчет.) Примеры налицо. “Расцвет” демгруппы относится ко времени борьбы за газету. Тогда же возникает группа “Крестьянская Россия” и живет живой жизнью, пока идут переговоры о газете и пока выходит “Родное слово”»⁵⁸⁰.

Один из членов организации М. Кириллов констатировал в письме к В.В. Бранду в августе 1928 г.: «Вы хотите знать мое мнение о деятельности “Опуса” в том виде, как она протекает у нас на Полесье. Должен сознаться, что она представляется мне недостаточной, не отвечающей поставленным организацией целям. Так, напр<имер>, на нашем участке только в одном пункте литература просачивается в Россию и то при посредстве крестьян. Таким образом, деятельность организации носит не регулярный характер, а случайный, так как крестьяне только в крайних случаях переходят границу, бдительно охраняемую с обеих сторон, и передают литературу своим родственникам или хорошим знакомым. Трудно себе представить, насколько основательно запуганы советской властью приграничные крестьяне. Так во время летних работ крестьяне, случайно встретившись в поле со своими родственниками, живущими на этой стороне, боятся не только завести разговор с ними через отделяющую их границу, но даже выразить свое приветствие кивком головы из боязни навлечь на себя подозрение в шпионаже. Естественно, было бы несколько лучше в том случае, если бы иметь своих агентов в России (посланных, разумеется, отсюда), которые приходили бы на особые передаточные пункты, питаемые отсюда литературой. Но в этих случаях, не считая денежных, возникают другие серьезные затруднения, заключающиеся в том, что для снабжения таких пунктов литературой нужны надежные и преданные делу местные люди, хорошо знающие приграничную полосу. Найти таких людей среди крестьян невозможно, а пользоваться агентами политической разведки опасно, так как это преимущественно люди, работающие из-за материальных побуждений, потому ненадежные. В общем, на нашем уча-

стке добиться продуктивной деятельности наша организация вряд ли сможет. Нисколько не претендую на безошибочность суждений, но, откровенно говоря, бесплодной мне кажется здесь вся работа»⁵⁸¹.

Кроме групп русских эмигрантов в Польше была создана и региональная организация из числа русскоязычных крестьян, на что указывал в 1929 г. С.С. Маслов: «Существует в настоящее время “Русская селянская организация” в Галиции. О ней вы найдете статью Богдана Грабца в № 15 “Вестника”»⁵⁸².

В 1930 г. «Крестьянская Россия» приняла решение прекратить нелегальную работу через Польшу, передав связи группе сторонников журнала «Борьба за Россию»⁵⁸³. Внутри Варшавской группы назревал конфликт между «активистами», сторонниками С.С. Маслова, которых представлял А.А. Вакар, и «милюковцами», чьим лидером был А.П. Вельмин. Последний уже в 1929 г. высказывал недовольство тем, какой характер приняла полемика между С.С. Масловым и П.Н. Милковым⁵⁸⁴. Конфликт был предопределен тем, что А.А. Вакар продолжал заниматься подпольной работой в рамках «Опуса», а А.А. Вельмин стал представителем милюковской газеты «Последние новости» в Польше и защищал линию своего работодателя.

А.П. Вельмин сообщал Б.А. Евреину в Прагу: «Я давно уже охладел к партии после неприличной статьи Маслова, напечатанной в прошлом году в “Вестнике” партии под литерами КР и направленной против Милюкова, а также совершенно неприличного поведения наших “лидеров” в дни Милюковского юбилея; но пока и я, ни НАП (Николай Александрович Племянников. — М. С.) не видим достаточных внешних оснований для такого шага, как выход из партии, хотя, конечно, цепляться за партию не будем»⁵⁸⁵.

К 1930 г. Польшу покинул видный демократ журналист В.В. Португалов. Он вышел из рядов партии в том же году уже в Париже, где вскоре умер. А.П. Вельмин в конце 1930 г. пытался повести Варшавскую группу за собой, протестуя против разрыва с П.Н. Милковым. Его раздражение вызывал публичный активизм Маслова, о котором А.П. Вельмин вопрошал своего пражского адресата: «Читали ли вы недавно вышедший сб. “Вестник Крестьянской России” и в частности статью Маслова? Меня прямо в отчаянье приводит она. Недаром она удостоена одобрения “самого” Потехина, который написал, что “под ней может и должен расписаться всякий активист”. Думаю написать резкий протест в ЦК партии. Да, действительно, такие “лидеры” могут только погубить партию. И ведь все это диктуется только “милюководством” и действительно смешными потугами на лидерство. Горе-лидер, да и только»⁵⁸⁶.

Поначалу варшавская группа поддержала своего председателя А.П. Вельмина, требовавшего обратить внимание на кризисные явления в связи с выходом из партии Н.В. Быстрова и его единомышленников: «группа единогласно приняла резолюцию, возлагающую вину за этот уход на ЦК и требующую от ЦК коренного изменения методов его работы»⁵⁸⁷. Бурные заседания «Крестьянской России» в Варшаве проходили 19 декабря 1930 и 16 января 1931 г. На последнем польские крестьянороссы поначалу отстаивали принцип федерализма в работе партии: «Причины выхода следует искать не в “проявлениях интересов чисто личного свойства” (резолюция Белградской группы), но в неправильной деятельности ЦК, проявляющейся в проведении им от имени Партии своих личных взглядов, не только без согласия групп, но и предварительного запроса их мнений»⁵⁸⁸.

Но 21 февраля 1931 г. А.А. Вакар и Г.Г. Соколов сняли свои подписи с резолюции — в связи с тем, что «группа ушедших выявила в своих публичных заявлениях свое политическое лицо, не имеющее ничего общего с программой и тактикой “Крестьянской России”»⁵⁸⁹. ЦК КР-ТКП 18 и 25 февраля 1931 г. осудил линию А.П. Вельмина. Он был обвинен в «ряде серьезных нарушений партийной дисциплины», нежелании считаться «с решением ЦК о разрыве с республиканско-демократической группой партии народной свободы», в сотрудничестве с газетой «Последние новости». А.П. Вельмину ставили в вину оценку статьи «О наших стойках» как «отвратительной», оценку деятельности «Фонда свободной печати» как «бесславно неудавшегося предприятия», наименование «авантюрой» желания пересмотра тактики партии и подрыв «авторитета высшего органа Партии»⁵⁹⁰. ЦК официально объявил А.П. Вельмину порицание. Вельмин писал: «В начале марта я получил “выговор” от ЦК за свои выступления»⁵⁹¹. После этого 18 марта 1931 г. Вельмин объявил о том, что покидает партию. Вместе с ним из «Крестьянской России» ушли Н.В. Дзевановский с супругой⁵⁹². А.П. Вельмин мотивировал свой уход тем, что с ноября 1928 г. считал ошибочным развал РДС, выступления ЦК «Крестьянской России» против РДО и П.Н. Милюкова. Он был уверен, что линия С.С. Маслова ведет к изоляции партии, к блокам с «монархистами и непредрежденцами», отбросит партию «в правый лагерь»⁵⁹³. 28 марта 1931 г. Вельмин опубликовал в газете «Последние новости» свое открытое письмо, в котором он также сообщил о выходе из рядов КР-ТКП из-за своего «коренного расхождения с тактикой партии».

Председателем Варшавской группы стал Г.Г. Соколов, который летом 1931 г. начал переговоры о совместной работе с близкой НТС молодежной группой «В своем углу»⁵⁹⁴, в которую входили В.В. Бранд, Н.А. Ря-

занцев, Клементьев, А.С. Домбровский и другие литераторы⁵⁹⁵. Группа выпускала еженедельную литературную вкладку в газете «За Свободу!». Затем у польской группы «Крестьянской России» на почве активизма наметилось сближение и с Д.В. Философовым. Г.Г. Соколов вошел в проекты Д.В. Философова и стал членом редколлегии новой газеты «Молва», а члены КР-ТКП получили возможность публиковаться в этом издании. Задачей газеты было объединить широкий «коалиционный фронт: от конст<итуционных> монархистов до республиканцев»⁵⁹⁶. С октября 1932 г. редакция «Молвы» вела подписку на «Вестник Крестьянской России» в Польше на льготных условиях⁵⁹⁷.

Вместе с членами объединения «В своем углу», Союзом писателей и журналистов, Российским общественным комитетом был создан «Демократический клуб». Первое заседание прошло 16 октября 1931 г.⁵⁹⁸ Далее деятельность Варшавской группы КР-ТКП велась в форме заседаний клуба, на которых обсуждались доклады его членов и гостей. Например 3 апреля 1932 г. в клубе прошел вечер, на котором «А.А. Вакар, Г.Г. Соколов и А.С. Домбровский прочли свои воспоминания под заглавием “Штурм Екатеринодара”, “Бронепоезд № 3” и “Будни”»⁵⁹⁹.

В 1935 г. внимание прессы привлекла дискуссия по докладу А.П. Вельмина по ситуации на Дальнем Востоке. Выступавший в качестве оппонента Г.Г. Соколов настаивал, что позиция сторонников П.Н. Милюкова «влечет за собой необходимость активной поддержки всей совокупности дипломатических и экономических мероприятий советской власти, направленных к укреплению ее позиций в будущей войне. Такая позиция <...> не может быть приемлемой для русской политической эмиграции»⁶⁰⁰.

Варшавские «крестьянороссы» участвовали в издании пражского журнала «Знамя России»: в Польше распространялось 10 % тиража, и это давало редакции 11 % доходов⁶⁰¹. Статьи из «Знамени России» перепечатывались газетой «Меч», редактором которой был В.В. Бранд.

Отдельные члены КР-ТКП проживали и работали в польской провинции. В показаниях члена ЦИК КР-ТКП Б.В. Седакова упоминаются несколько опорных точек партии и журнала «Знамя России» в Польше. Так, заметной фигурой был «Пихно Петр Григорьевич, 45–47 лет, бывший офицер царской армии, служил в белой армии. Состоял в “ТКП” с 1933 года. Был представителем “ТКП” в восточной части Польши по организации групп “ТКП” и распространению партийных изданий. Проживал сперва в г. Луцке, где возглавлял местную группу “ТКП”, а затем поселился в Сарнах». Назван был также некий Горлов: «состоял в луцкой группе “ТКП”»⁶⁰². Занимался главным образом распространением журнала «Знамя России».

Б.В. Седаков вспоминает и представителя в Кременце: «Марков (имени отчества его не помню). Проживал в г. Кременце (Польша), где работал в качестве учителя и состоял с 30-х годов в Кременецкой группе “ТКП”». Кроме того, были сторонники и во Львове: «Павлюковский <...> являлся студентом высшей школы в гор. Львове в 1933–34 гг. возглавлял группу “ТКП” в гор. Львове»⁶⁰³. Наличие группы КР-ТКП во Львове подтверждается данными из семейной переписки С.С. Маслова. Осенью 1933 г. С.С. Маслов читал публичные лекции во Львове, в студенческой среде, где и познакомился с будущей женой Ией Андрукевич⁶⁰⁴. С.С. Маслов приезжал во Львов и в 1934 г., где сотрудничал с газетой «Русский голос». Газеты «Меч», «Русский голос» (Львов) и «Русское слово» (Вильно) высоко оценили книгу С.С. Маслова «Колхозная Россия», выпущенную в свет весной 1937 г.⁶⁰⁵

Группа «Крестьянская Россия» во главе с Г.Г. Соколовым существовала в Варшаве до начала Второй мировой войны. Примыкавший к НТС В.В. Бранд умер от тифа в Минске в 1942 г. Г.Г. Соколов остался в Польше после 1944 г., был ненадолго арестован в 1945 г.⁶⁰⁶, сотрудничал с просоветскими властями.

Более успешной была деятельность КР-ТКП в Прибалтике. В независимой Эстонии местное отделение «Крестьянской России» было создано одним из первых — в самом начале 1920-х годов. Его фактическим главой был журналист, общественный и кооперативный деятель Петр Александрович Богданов (1888–1941), бывший правый эсер и министр Северо-Западного правительства в 1919 г. За участие в Народном Союзе защиты родины и революции он был исключен из рядов ПСР, став представителем Б.В. Савинкова в Эстонии. Уже в 1922 г. Богданов искал новую силу, способную конкурировать с большевиками: «Пять лет страна кипит в революционном котле, при максимальном давлении, пять лет летят к черту на кулички социальные, экономические и политические истины не только в русском, а, пожалуй, в мировом масштабе, появляются “революционеры” против социалистического засилия (фашисты), а мы в громадной своей части изволим, как попугаи, твердить то, что твердили 15–20 лет тому назад: эс-эры — о социализации земли, эс-деки — о воспитывающем и созидаемом (?) начале классовой борьбы, кадеты — о всеспасающем конституционализме, правые — о монархизме “милостью Божиею”. <...> Все по-старому. О новых настроениях, о сдвигах среди крестьян, рабочих, интеллигенции ни слова. <...> Громадный пласт эмиграции (верхний) отмирает. Отмирает потому, что не может вместить того нового, что принесла война и революция. Все эти Черновы, Мартовы, Даны, Слонимы, Горные, Яценко, Гессены, Наживины, — сознательно беру имена край-

ностей — конченные люди <...>. Место им во всевозможных музеях»⁶⁰⁷. Так Богданов объяснял свой разрыв с эсерами и сообщал: «Сотрудничаю в “Крестьянской России”»⁶⁰⁸ — такой выбор он сделал уже к 1923 г.

Вторым заметным активистом КР-ТКП в Эстонии стал живший в Печорах писатель Борис Константинович Семенов (1894–1942). В начале 20-х гг. он учился в институте в Праге и там вступил в «Крестьянскую Россию».

В конце 1922 г. под влиянием П.А. Богданова в Эстонии была создана «Русская крестьянская трудовая партия» (далее РКТП) — легальная местная организация «Крестьянской России». Сам П.А. Богданов писал о ее создании так: «Несколько слов о крестьянской партии. Родилась она в декабре прошлого (т. е. 1922. — М. С.) года на учительском съезде. Программа нисколько не проработана, продумана лишь тактическая часть. На местах опирается на учительство. Идеология народническая, но без социалистической окраски. Помогал им и помогаю всячески, ибо считаю, что это единственный путь русским стать сильными в Эстонии»⁶⁰⁹.

На учительском съезде выступали члены инициативной группы — русский национальный секретарь А.К. Янсон, депутат парламента В.Г. Григорьев и один из руководителей Союза учителей Е.И. Гильдебранд, и идея партии встретила поддержку. РКТП была зарегистрирована в марте 1923 г., в июне 1923 г. был создан временный ЦК партии. «Предполагалось образовать местные отделы партии, а затем уже созвать съезд, на котором могла быть разработана и утверждена программа партии»⁶¹⁰. Наибольшим успехом можно считать избрание лидера РКТП В.Г. Григорьева в Государственное собрание (Рийгикогу) второго и третьего созыва в 1923 и 1926 гг. от единого русского списка и создание русской фракции в эстонском парламенте.

В своих показаниях в 1940 г. П.А. Богданов сообщал: «Раньше я говорил о Русской трудовой крестьянской партии в Эстонии, в Центральном комитете которой были Сергей Дмитриевич Кленский, нарвский адвокат, Василий Григорьевич Григорьев, бывший полицейский чиновник царского времени, член эстонского парламента, Михаил Владимирович Пимкин, печорский народный учитель, нарвский торговец Андрей Фомин. Кленский и Фомин живут в Нарве; Григорьев и Пимкин — в Печорах. В члены этой партии кроме названных раньше входили в Печорах Меньшиков, последний несколько лет состоял волостным старшиной Печорской волости, живет в Печорах, и, кажется, Домановский-сын, живущий также в Печорах. Домановский-отец (их имен я не знаю) политической работой не занимался, оба антибольшевики. В Нарве в состав партии входил один, а может быть, и два брата Лебедевы — Иван Тара-

сович и Федор Тарасович. Раньше я упоминал, что создание этой партии проходило и при моем участии. Позже в Нарву ездил Сергей Семенович Маслов и имел беседу с Сергеем Дмитриевичем Кленским. Ни о каких соглашениях между ними мне Маслов ничего не говорил»⁶¹¹.

В 1927 г. С.С. Маслов был в Эстонии и встречался со своими единомышленниками, после этого возник план переброски литературы в Советскую Россию через населенный русскими район Печоры⁶¹². В 1927 г. П.А. Богданов участвовал в I съезде «Крестьянской России» в Праге, был избран членом Совета КР-ТКП.

После поражения на выборах в 1929 г., когда русскому населению удалось провести только двух представителей в парламент Эстонии, на Русском крестьянском съезде в октябре 1929 г. было избрано новое руководство РКТП. Председателем стал гласный нарвской Городской Думы Сергей Дмитриевич Кленский (1879–1942). Программные установки РКТП «носили достаточно умеренный характер». «Партия считала себя левой и предпочитала блокироваться с социалистами, что и было осуществлено на выборах в Рийгикогу в 1932 г.»⁶¹³. В начале 30-х гг. РКТП создала партийные ячейки в деревнях Принаровья и Печорского края, населенного коренным русским населением. «К началу 1931 года было создано всего 5 ячеек партии в деревнях Принаровья. В 1931–32 гг. создаются Печорский отдел Русской крестьянской трудовой партии и несколько ячеек в деревнях края. Здесь активную работу проводил старый член партии В.Г. Григорьев»⁶¹⁴. П.А. Богданов вспоминал: «По соглашению с Центральным комитетом Русской крестьянской партии в Эстонии и по его почину я читал в Нарве две-три лекции на антисоветские темы, кажется, “Россия и первая пятилетка”, “Коллективизация в СССР”. Это было в 1929–31 годах»⁶¹⁵.

На рубеже 30-х гг. в эстонскую группу КР-ТКП входили Борис Семенов, Анатолий Бобковский, Александр Лурьи, Борис Дондуков, Георгий Поднебесный, Иван Гаршенке, Георгий Назимов, Иван Соловский⁶¹⁶, а также В. Григорьев, С. Кленский и А. Фомин⁶¹⁷. Надо отметить, что граждане Эстонии (Григорьев, Кленский) могли открыто участвовать в деятельности легальной РКТП, то есть избирать и быть избранными, тогда как эмигранты и лица без подданства этой возможности были лишены.

Как отмечает С. Исаков, П.А. Богданов «оказывал содействие агентам ТКП в переходе советской границы, используя помощь эстонских должностных лиц (через помощника начальника политической полиции Тенсона)». В частности, с помощью Богданова и Семенова и переправлялся в СССР агент КР-ТКП и ОГПУ А.Р. Ильин. П.А. Богданов оказывал помощь перебежчикам из СССР (О.Л. Керенская, С.С. Ломшаков,

А.В. Осокин)⁶¹⁸. Была сделана неудачная попытка переброски из Эстонии в СССР активиста «Крестьянской России» Г.А. Малахова⁶¹⁹. В начале 30-х годов в Эстонии побывали С.С. Маслов и В.Ф. Бутенко.

На выборах 1932 г. РКТП создала блок с социалистами — «Русский объединенный список социалистической рабочей и крестьянской трудовой партии» (№ 1 по списку — А.К. Янсон, № 2 — С.Д. Кленский) — и проиграло их «Соединенному кандидатскому списку Русского Национального Союза в Эстонии, Русских Левых Социалистов и Крестьянского Объединения». Список РКТП и социалистов получил 5191 голос и не смог провести в парламент своих представителей⁶²⁰.

В своих показаниях в 1940 г. П.А. Богданов писал о встрече С.С. Маслова с С.Д. Кленским и отмечал схожесть платформ латвийской и эстонской крестьянских партий, взятых у КР-ТКП: «Идеологические основы организации были заимствованы целиком из идеологии Русской трудовой крестьянской партии “Крестьянская Россия”, понятно применительно к латвийским условиям. В этом отношении между Русской трудовой крестьянской партией в Эстонии <...> и латвийской организацией было полное сходство»⁶²¹. П.А. Богданову было известно о том, что ЦК КР-ТКП оказывал финансовую помощь более успешной дочерней партии в Латвии и ее изданиям. Богданов подчеркивал: «Случаев такой помощи Русской крестьянской партии (Эстонии. — М. С.) я не знаю»⁶²².

Официально «Русская крестьянская трудовая партия» в Эстонии была распущена в 1934 г. после переворота К. Пятса. Согласно утверждению Б.А. Семенова, организация «Крестьянской России» во главе с П.А. Богдановым, являвшимся представителем в Таллинне журнала «Знамя России», «распалась к 1935/36 гг.»⁶²³. Но показания Б.К. Семенова в НКВД противоречат сообщению С. Исакова о приезде С.С. Маслова в Эстонию в 1938 г. и его попытке организовать совместно с евразийцами издание в Таллине журнала, рассчитанного на Прибалтику (в выпуске должны были принимать участие евразийцы — писатели В.Е. Гущик и В.А. Пейль)⁶²⁴. В переписке 1938 г. С.С. Маслова с женой говорится и о планах издания, и о поездке в Печорский район Эстонии.

В показаниях члена ЦК КР-ТКП Б.В. Седакова сообщается, что через Б.К. Семенова и в конце 30-х гг. осуществились контакты с Псковской группой КР-ТКП: «Этой группой руководил неизвестный мне человек имеющий кличку “Луазо”, который в свою очередь был связан с представителем “ТКП” в Печорах (Эстония) Семеновым. Связь эта осуществлялась через крестьянина по кличке “Старик”, который переходил из Советского Союза в Эстонию, получал литературу, письма и другие задания и передавал их “Луазо”. <...>

В 1938 или в 1939 г. Семенов сообщил в Прагу, что он получил письмо от “Луазо”, в котором последний интересовался вопросом отношения “ТКП” и ее поведения в случае возникновения войны. <...> Через некоторое время Семенов сообщил о получении нашего письма и передаче его “Луазо”. В конце Семенов отметил, что “Луазо”, на его взгляд, является подозрительным человеком и, вполне возможно, связан с органами советской власти»⁶²⁵.

Группа сторонников КР-ТКП существовала в Эстонии до лета 1940 г., когда НКВД при помощи эстонской полиции арестовало руководителей РКТП и «Крестьянской России». Богданова взяли 23 июня 1940 г. — буквально на третий день после советского переворота в Эстонии. П.А. Богданов, Б.К. Семенов, А.Г. Лурья, Г.В. Назимов и Б.М. Дондуков в октябре 1940 г. обвинялись по 58 ст. п. 4, 6, 8 и 11. На закрытом судебном заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа 11 февраля 1941 г. они были приговорены к длительным срокам заключения. Все они и погибли в тюрьмах и лагерях⁶²⁶.

Наиболее успешен был проект дочерней крестьянской партии в Латвии. Там Русское крестьянское объединение в Латвии (далее РКО) стало реальной политической силой. Руководителем группы «Крестьянской России» в Риге стал юрист, бывший член плехановской социал-демократической группы «Единство», гласный городской думы Борис Викторович Евланов (1890–1943), сотрудничавший в «Вестнике Крестьянской России», журнале «Родное слово», участник 1 и 2 съездов «Крестьянской России».

В 1940 г. Б.В. Евланов признал: «Мы с Трофимовым С.И. активно сотрудничали в органах ЦК ТКП “Вестник Крестьянской России” и “Своими путями” (Прага), “Родное слово” (Варшава). Мы регулярно получали издание ТКП “Вестник крестьянской России”, “Знамя России”, “Бюллетень ЦК ТКП”, программы ТКП, брошюры Завадского, Иванцова, листовки о колхозах и на другие темы. <...> Распространяли мы (я и Трофимов С.И.) эти материалы и издания РКО среди знакомых, сослуживцев, членов РКО, русских крестьян и русского городского населения. Трофимов даже специально объезжал население сёл и волостей Латгалии, используя свое положение депутата сейма и члена Абрэнской уездной управы для распространения масловской литературы и изданий РКО»⁶²⁷. РКО опиралось на крестьянское кооперативное движение Латгалии, самое большое влияние имело в Яунлатгальском уезде с центром в г. Абрене (ныне Пыталово Псковской области). Наиболее активным сторонником РКО было старообрядческое население Латвии.

Председателем ЦК новой организации стал юрист, депутат латвийского парламента в 1931–1934 гг. Сергей Иванович Трофимов (1894–

1941), в то время он был членом правления Яунлатгальской уездной управы и имел большие личные связи среди русского населения Латгалии.

Видимо, С.И. Трофимов общался с польскими дипломатами. В документах, поступивших от польских просоветских спецслужб в МГБ СССР в начале 50-х гг., С.И. Трофимова назвали источником польской резидентуры «Норд» при военном атташате в Риге: «Трофимов Сергей Иванович пс<евдоним> “Степанов” — владелец имения около Жечицы, которое находилось на латышско-советской границе. Занимался организацией шпионской сети на Сов<етский> Союз и передавал сведения о советской границе»⁶²⁸.

Товарищем председателя ЦК РКО стал Б.В. Евланов, он отвечал за всю издательскую деятельность. Председателем Совета был выбран бывший депутат Государственной думы Борис Александрович Энгельгардт (1877–1962), пользовавшийся популярностью среди городского населения г. Двинска (Даугавпилса). В своих мемуарах, написанных в 1953 г. в СССР после ссылки в Среднюю Азию, Б.А. Энгельгардт тщательно обходит свое участие в РКО, но признает встречи с С.С. Масловым примерно в 1929 г. и разговоры о переброске «агитационных листовок в СССР»⁶²⁹. Активное участие в становлении новой организации принял учитель, председатель «Рижского русского просветительного общества», депутат Латвийского Сейма в 1925–1928 гг. Елпидифор Михайлович Тихоницкий (1875–1942).

На ссуду из Праги (1–2 тыс. чешских крон)⁶³⁰ издавалась предвыборная газета «Новь: Еженедельный орган крестьянско-демократической мысли» под редакцией Б.В. Евланова, при активном участии адвокатов Н.Д. Дмитриева и П.А. Павлова. Дважды в Риге выходил «Крестьянский настольный календарь» на 1927 и 1928 годы.

«В 1928 г. РКО выступило на выборах в сейм со своим кандидатским списком: Трофимов С., Тихоницкий Е., Пошивалов М., Беклешов Б., Яковлев В., Соловьев П., Комендантов В., Арбузов Г., Завьялов В., Куколькин Н., Алексеев И. и др. Этот список получил до 4.000 голосов. В 1931 году РКО снова выступило со своим списком на выборах в сейм и получило до 8.000 голосов. В сейм от РКО прошел Трофимов С.»⁶³¹. С.И. Трофимов и И.К. Корнильев вместе с избранным от «Русского старообрядческого трудового списка» Тимофеем Ефимовичем Павловским (1890–1964), с 1922 г. бессменный председатель Варкавской волостной управы, образовали в январе 1931 г. в Сейме русскую крестьянскую фракцию.

Польские аналитики высоко оценивали потенциал РКО. В справочнике по организациям русской эмиграции, выпущенном в 1934 г. для служебного пользования 2 отделом Генштаба Польши, указано, что «РКО в Латвии — это партия, которая объединила 160 000 крестьян русского

происхождения, проживающих в Латвии»⁶³². Официально РКО было распущено в 1934 г. после переворота К. Ульманиса. Деятельность группы КР-ТКП в Риге постепенно прекратилась к середине 30-х гг. Участники проекта были арестованы НКВД в 1940 г.

О деятельности дочерней КР-ТКП крестьянской партии в Подкарпатской Руси материалов мало. Живший с 1932 по 1938 г. в Ужгороде член ЦК КР-ТКП Николай Александрович Антипов сообщает в своих мемуарах, написанных в Праге в 1940–1943 гг., о том, что русскими в Подкарпатье считались Карпаторусская трудовая партия (КРТП) и Автономный земледельческий союз. «Первая была правительственная, вторая — оппозиционная», — пишет Н.А. Антипов⁶³³.

КРТП создал выходец из Галиции М.Ф. Грабец, и она успешно действовала в 20-х годах. Н.А. Антипов писал о событиях 1932–1933 гг.: «Трудовая партия была когда-то довольно сильной. Организовали ее галицкие эмигранты, и ее первым секретарем был Мирослав Федорович Грабец, до того бывший техническим секретарем “Крестьянской России”. Последнее отразилось на Трудовой партии, которая свою идеологическую и социальную часть в сильной степени заимствовала от “Крестьянской России”. «Мы в “Крестьянской России” с самого начала с интересом следили за деятельностью карпаторусских трудовиков, партию которых считали дочерней», — вспоминал Н.А. Антипов⁶³⁴.

КРТП в блоках со словацкими социал-демократами от Пряшевской Руси провела своего депутата в состав Чехословацкого парламента, что и отметил мемуарист: «Трудовики первыми из карпатороссов получили место в Народном Собрании в Праге»⁶³⁵. Затем трудовики заключили соглашение с народными (национальными) демократами и, войдя при выборах 1928 года в «Русский блок», провели в сенат И.Ю. Цуркановича. Мемуары надо уточнить: это произошло в 1929 г., когда Карпаторусская трудовая партия вошла в «Русский блок» с Русским народным объединением, Автономным земледельческим союзом, Русской народной партией и координировала кампанию с партией чешских национальных демократов⁶³⁶. Газета «Неделя» объявила о победе блока в Подкарпатской Руси⁶³⁷. Но при распределении мандатов Народные демократы выделили Русскому блоку лишь одно место в нижней палате и одно в Сенате вместо, соответственно, трех и двух⁶³⁸. Сотрудничество «Русского блока» с партий К. Крамаржа было прервано из-за того, что чешские союзники «обсчитали» русских партнеров.

Н.А. Антипов сообщает, что крестьянская партия в Подкарпатской Руси, в составе которой были люди, имевшие гражданство Чехословацкой республики, координировала свою деятельность с ЦК КР-ТКП в Пра-

ге. По своей ориентации партия была русинской и русскофильской и часто конфликтовала с местными представителями «украинства».

К 1932 г., как считает Н.А. Антипов, партия «была уже в упадке. Вначале она увлекла ряда крестьян, одушевленных ее русской программой. Было принесено много жертв, которые не оправдались. Энтузиасты устали, разочаровались в политике, другие перешли в более сильные партии, пребывание в которых обещало больше выгод, особенно трудно было выдержать конкуренцию аграрной партии, не стеснявшейся в средствах, сильной влиянием и держащей в руках административный аппарат»⁶³⁹.

В этот момент КР-ТКП вошла в блок пяти русских партий. А в 1933 г. актив трудовиков в Подкарпатской Руси по решению лидеров КР-ТКП на выгодных условиях вошел в состав местного филиала Аграрной партии Чехословакии. В результате Аграрная партия Чехословакии в Подкарпатье в тот момент, когда под ее флагом собрались русские партии (все пять), достигла громадных успехов: «на местных выборах в сельские самоуправления она собрала 80 % карпаторусских голосов и после раскола осталась очень сильной»⁶⁴⁰.

Таким образом, в так и не созданном за все время существования демократической Чехословакии до 1938 года автономном крае Подкарпатской Руси трудовая крестьянская партия достигла максимально возможных результатов. Одна из правящих партий ЧСР — аграрная должна была передать КР-ТКП и ее партнерам в управление свой филиал в Закарпатье, что обещало ее лидерам хорошие перспективы в случае реальной федерализации ЧСР. Парламентские представители КР-ТКП в Народном Собрании и Сенате фактически были способны обеспечить и эмигрантской «Крестьянской России» через свои связи в элите первой республики особый статус в довоенной Чехословакии.

Причина скромных успехов легальных филиалов «Крестьянской России» в Латвии (РКО) и Эстонии (РКТП) заключалась в разделении русских на граждан этих стран и «лиц без подданства», а также в ассимиляторской политике местных властей по отношению к русскоязычному населению. В Чехословакии проблемой оказалось иное: быстрое вращение подкарпатских «автономистов» — русофилов в политическую жизнь демократической республики и поиск ими более влиятельных позиций, что и привело к включению КР-ТКП в Аграрную партию ЧСР.

В то же время опыт Латвии доказывает: при условии демократизации политической системы СССР создание массовой крестьянской партии на идейной платформе «Крестьянской России» и силами ее актива с опорой на опыт аграрных партий Восточной Европы было бы вполне возможно в короткие сроки и на территории собственно российской.

Говоря о дочерних партиях, С.С. Маслов в 1929 г. отмечал их малый интерес к делам собственно российским: «Особенностью всех русских нацменьшинственных русских крестьянских группировок является то, что в ход русских событий не только не вмешиваются, но даже никаких намерений вмешиваться... Таким образом, крестьянство в России остро нуждается в литературе, инструкторах, тактических и организационных указаниях, остается без всякой помощи из-за границы. Соответствующую работу ведет только “Крестьянская Россия”, связывая ее исключительно с крестьянством»⁶⁴¹. И это понятно: организации создавались в рамках суверенных государств, и их основатели рассчитывали не на антикоммунистическую революцию в России, а на свое политическое участие в делах новых восточноевропейских государств. С этим мироощущением связано и то, что ряд латвийских деятелей РКО (Энгельгардт, Тимофеев) в начале 30-х гг. отказывались от предложений С.С. Маслова принимать участие в направленных на Россию нелегальных операциях. Им казалось, что они живут в стабильном мире новой небольшевистской Европы и должны вести там только законопослушную легальную деятельность.

2.5. Первый раскол

КР-ТКП в период коалиции с берлинскими кадетам и группой И.В. Гессена и совместного издания в Берлине газеты «Руль» (1930–1931 гг.).

Усилия ОГПУ по расколу КР-ТКП не были напрасны. Уже в 1929 г. группа молодых амбициозных членов КР-ТКП во главе с Н.В. Быстрым и А.А. Воеводиным (меньшинство пражской организации) конфликтовала с руководством КР-ТКП. Как подчеркивал С.С. Маслов, летом 1929 г. споры носили личностный характер: «Делегаты пражской группы (Быстров, Воеводин, Никитин) делали все, чтобы попасть в состав президиума Бюро, чтобы быть там в большинстве (трое из пяти). Мы — ЦК — не согласились. И родился конфликт, не законченный и по сей час. Из-за конфликта между “активом” пражской группы и ЦК возник конфликт внутри самой пражской группы и сейчас в ней 2 фракции, которые обещают образовать 2 самостоятельные пражские группы. Заявление о желании образовать самостоятельную группу в Праге от фракции, конфликтующей с “активом” в ЦК уже поступило. Мы отложили окончательное разрешение вопроса до осени»⁶⁴². Выступали Быстров и его друзья против избрания лидером Пражской группы в 1930 г. И.П. Верещагина и

его кооптации в ЦК, в связи с тем, что в середине 20-х гг. он подумывал о возвращении в СССР.

Корреспондент «Последних новостей» Д.И. Мейснер первым сообщил, что «пражская группа партии потеряла всю руководящую свою головку», а причиной назвал «единодержавие фактического лидера “К.Р.” г. Маслова, ведущего политику на свой страх и совершающего, по мнению ушедших, крупные тактические ошибки. Изменить положение вещей и поставить г. Маслова на место ушедшие отчаялись»⁶⁴³. Через неделю та же газета напечатала заявление бывших членов КР-ТКП. Н. Быстров, А. Воеводин, В. Леонтьев, С. Ликандер, Д. Никитин, А. Федоров, Г. Флорианский, П. Чудаков сообщили, что покинули КР-ТКП в середине ноября 1930 г. Расхождения с руководством считают тактическими, поскольку оно конъюнктурно считало нужным «выдвигать линию, выражаемую формулой “Россия для крестьянства”, отступая от основной позиции партии, выражающейся в формуле “крестьянство для России”»⁶⁴⁴. Ушедшие были недовольны, что партию превращают из политического союза в «аппарат». При этом пообещали не остаться пассивными, полагая, что «новые формы деятельности не приведут их в столкновение ни с “Крестьянской Россией”, ни с какой-либо антикоммунистической группировкой»⁶⁴⁵. Создали они группу под названием «Второе поколение».

Изучение внутренних документов КР-ТКП показывает, что конфликт внутри организации носил личностный характер, ссору между группой Н.В. Быстрова и новым лидером пражской организации И.П. Верещагиным могли раздувать извне, в том числе и агентура ОГПУ⁶⁴⁶. А.А. Аргунов неоднократно пытался погасить конфликт, но так в этом и не преуспел. В 1932 г. как советский агент был разоблачен подполковник Д.Н. Никитин. Член ЦК Н.А. Антипов сделал в письме в США однозначный вывод: «Недавно раскрылась опять печальная история — бывший наш член, ушедший в прошлом году во время нашумевшего раскола Д.Н. Никитин, которого хорошо знают бывшие пражане, оказался провокатором. <...> Какими бы идеологическими причинам ни объясняли ушедшие свой поступок, несомненно, что громадную роль в этом сыграла интрига, ловко пущенная ГПУ. Быстров и другие не заметили, как оказались игрушкой. В этом причина и предшествующих неладов в Пражской группе, которые хорошо должен помнить И.И. Стоилов — вся оппозиция исходила всегда из комнаты Никитина, и самый его уход вместе с другими объясняется тем, что пытались взорвать “К<рестьянскую> Р<оссию>” расколом, тем более, что к Никитину в последнее время было уже настороженное отношение»⁶⁴⁷.

Члены ЦК КР-ТКП отвергали обвинения в аппаратном методе руководства и в отклонении от программы партии, указывая на непомерные

амбиции группы молодых членов. Позже Н.В. Быстров находил в расколе пражской организации некую идейную основу: «Я не был согласен с некоторыми установками программы организации, в частности по вопросу о крестьянстве. Поскольку в Советском Союзе была принята система ведения хозяйства в деревне коллективным путем, то, очевидно, что крестьянские массы сами отвергали частную собственность на землю. Исходя из этого, я настаивал на пересмотре программы по вопросу о крестьянстве, считая, что иначе крестьянские массы Советского Союза не примут ее»⁶⁴⁸.

После раскола И.П. Верещагину пришлось выйти из ЦК, а С.С. Маслов довольно ядовито отзывался об ушедших: «Всего из партии вышло 10 человек. 11-го мы сами вышибли, обрадовавшись хорошему случаю. Ушедшие всячески стараются гадить “Кр<стьянской> России”. Собирались они, как будто, основывать какую-то новую партию, теперь остыли, останавливаются на какой-то группе (национальной, но с крестьянским уклоном и с “террористической деятельностью”!). Ушедших, за одним-двумя исключениями не жаль нисколько. А те, которых жаль, возможно, что и запросятся назад»⁶⁴⁹.

Орган группы Н.В. Быстрова газета «Второе поколение» выходила в Праге начале 1931 г. Позиция издания: ставка на молодое поколение спесцов и интеллектуалов в борьбе с советской властью. Газета призывала к созданию единого фронта всех сил для свержения большевизма. Деньги на газету кончились за пять месяцев.

Польский справочник по русской эмиграции констатировал: «“Союз второго поколения” был создан осенью 1930 г. после выхода из “Трудовой Крестьянской партии”. Тогда же “Союз второго поколения” объединился с активной фракцией прогрессивно-национальной академической группы, действующей в Праге в 1925/30 гг. С апреля по июнь 1931 г. обе организации издавали журнал “Второе поколение”. В 1935 г. для своих изданий “Союз” использует страницы “Знамени России”. “Союз второго поколения” поддерживает контакты с “Трудовой крестьянской партией” и “Национальным союзом нового поколения”. Имеет свои филиалы в Белграде, Софии, Париже. Председателем “Союза” является А.А. Хитков. Руководителями — Н.В. Быстров, М.С. Ильяшевич, А.И. Федоров. Идеология “Союза” — активная борьба с коммунизмом на территории СССР. Признавая опасность отторжения некоторых территорий от СССР, “Союз нового поколения” ведет переговоры с сепаратистскими эмигрантскими организациями, обещая им большие уступки. Будущее сотрудничество с сепаратистами “Союз” основывал на общности экономических и политических интересов. В противоположность другим эмигрантским организациям “Союз второго поколения” ориентируется на Европу.

“Союз” является решительным противником интервенции. Одной из главных своих задач “Союз” считает поддержание связей не только с русофилами, но и с партиями любых политических оттенков для выработки общих основ в будущей борьбе. “Союз” насчитывает 200 членов, из которых все имеют высшее образование и занимают хорошо оплачиваемые должности. Через “Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения” поддерживает связь со всеми организациями русской эмиграции⁶⁵⁰. Н.В. Быстров с 1934 г. писал на международные темы в журнал КР-ТКП «Знамя России», фактически примыкая к очищенной от старых демократов Масловым КР-ТКП. Нацисты в 1941 г. составили в недрах гестапо список членов союза «Второе поколение», был арестован лишь А.А. Воеводин. Группа членов союза «Второе поколение» неформально собиралась в Праге у Н.В. Быстрова до 1945 г.

В процессе дискуссий в КР-ТКП возникли обвинения в нарушении конспирации. Д.И. Мейснер пишет о «Втором поколении»: «Они не стремились скрывать свои сомнения в действительной необходимости посылки “своих” людей к советским крестьянам, тем более, что “свои” один за другим оказывались как раз, наоборот, совсем “чужими”»⁶⁵¹. Д.И. Мейснер намекает на то, что ОГПУ о конспирации было известно. Эти намеки выглядят странно, если учесть, что как советский агент в КР-ТКП был в 1931 г. разоблачен как раз один из раскольников — полковник Дмитрий Никитин⁶⁵², связи в разведке СССР неубедительно отрицавший в своей брошюре⁶⁵³. «Предательство» этого советского разведчика Н.В. Быстрову пытались было пришить на следствии, но официально оформить эту идею отказались, хотя именно из-за этой истории советские власти неизменно отказывали Быстрову в 60-е гг. в реабилитации.

Вообще, Восточная Европа в 30-е годы просто кишела шпионами и провокаторами, страхами и подозрениями. Польские спецслужбы подозревали в сотрудничестве с советской разведкой А.А. Хитькова. Н.В. Быстрова, трудившегося в архиве МИДа Чехословакии, пыталась использовать для освещения чешско-советских отношений резидентура «Пилигрим» В. Богомольца, сначала работавшая на Англию и Румынию, но года с 1934-го в основном обслуживавшая отдел «Восток» Генштаба Польши. С той же структурой сотрудничали и В.Ф. Бутенко, и В.Е. Татаринков. Политические обзоры, составленные В.Ф. Бутенко, рассказы о происходящем в масонских ложах Парижа, принадлежащие перу Татаринкова, имеются в фондах польской разведки⁶⁵⁴. Как и от чьего имени эту работу заказывали, похоже, уже не установить.

Первый раскол и выход из партии будущих лидеров «Второго поколения» не сильно повредил «Крестьянской России», так как в этот период к

ней присоединилось немало новых фигур. В том числе заметный пражский бизнесмен М.Ф. Ковалев, видный юрист профессор В.Н. Челищев, профессор-экономист Д.Н. Иванцов и др. В ЦК был кооптирован глава группы в Опаве Михаил Васильевич Личаченко, председатель союза агрономов, техников и инженеров. Он должен был заменить в ЦК Н.А. Антипова, уехавшего в Париж, где, правда, ему устроиться не удалось. Членом ЦК с совещательным голосом был кооптирован технический секретарь ЦК В.Ф. Бутенко. Такова была обычная суета жизни эмигрантской партии.

2.6. Миф о «ТКП» и «Крестьянская Россия»

Сталинская фабрикация дела «Трудовой крестьянской партии» (Н.Д. Кондратьева – А.В. Чаянова) в СССР и эмигрантская КР-ТКП.

Но у партии реальной в эмиграции по политическим причинам появилось мифическое «отражение» в СССР. К 1930–1932 гг. относится волна арестов «членов» выдуманной ОГПУ «Трудовой крестьянской партии» в СССР. По приказу Сталина на Лубянке экономическим отделом ОГПУ было сфабриковано дело видных аграрников, экономистов Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева и др. К сентябрю 1930 г. арестовали профессоров Тимирязевской сельхозакадемии, работников Госплана и Центросоюза. Все они, как и участники Шахтинского процесса инженеров или дела Союзного бюро меньшевиков, должны были предстать в образе наймитов заграницы, виновниками провалов индустриализации и доведшей страну до Голодомора коллективизации. Многие арестованные были близкими знакомыми и коллегами С.С. Маслова. Так, профессора Н.П. Макаров и А.Н. Челинцев, жившие в Праге до 1925 г., публиковали в сборниках «Крестьянская Россия» свои сугубо экономические исследования⁶⁵⁵. Оба были официально приглашены вернуться в СССР.

До сих пор не найдено существенных данных, свидетельствующих о серьезных политических связях арестованной по делу мифической «ТКП» профессуры и реальной эмигрантской партии «Крестьянская Россия».

В фонде публициста Е.Д. Кусковой в ГАРФ имеются письма ей в Прагу от Н.Д. Кондратьева, находившегося в Лондоне в заграникомандировке в середине 20-х гг.⁶⁵⁶ Есть в ее архиве и письма А.В. Чаянова и его супруги Ольги Чаяновой. Но А.В. Чаянов лишь в 1922–1923 гг. в заграничной переписке позволял себе рассуждать о том, что политический климат в России может измениться под влиянием Запада: «Надо договориться са-

мим — т. е. всем тем, кто понимает, что делается в России, кто способен понять новую Россию. Надо частное воздействие на зап<адно>евр<опейских> полит<ических> деятелей — необходим с ними сговор и такой некий общий фронт»⁶⁵⁷. Сам же автор назвал свое размышление «фантазией». А.В. Чаянов предложил: «умерить личные политические мечтания, признать, что сила “там”, а не “здесь”». Предлагал «создать такое внутреннее настроение, при котором можно было через СССР видеть Россию и ее живые силы»⁶⁵⁸. Подобная переписка старых знакомых не содержала никаких призывов к действию, созданию организации и пр. и хотя могла быть использована как повод для преследований, никак не являлась их причиной.

В имеющихся в ЦА ФСБ РФ делах внедренных в КР-ТКП, РДС и «Опус» информаторов ОГПУ, например курсировавших между Москвой и Прагой в 1927–1930 гг. Н.А. Боярова-Мосевича, Н.С. Ирманова и перевербованного ОГПУ организатора ячейки «Крестьянской России» в Ленинграде Д.А. Акимова и др., нет следов их общения с теми, кто был обвинен по делу «чаяновско-кондратьевской ТКП».

Найдено интересное письмо А.Ф. Керенского Е.Д. Кусковой, отправленное в разгар кампании в защиту арестованных 17 января 1930 г.: «Вот еще: получено из Москвы известие, что Садырин дал показания о том, что Колобов состоит членом ЦК Трудовой Крестьянской партии по русскому отделу. Колобов ответил — это клевета»⁶⁵⁹. Но в уголовном деле П.А. Садырина подобных показаний мною не найдено. Этот документ пока можно трактовать пока лишь как утечку данных о попытках сотрудников ОГПУ с помощью очных ставок заставить обвиняемых принять заранее подготовленную версию следствия.

Член правления Госбанка СССР, бывший кадет П.А. Садырин (1877–1938) в 1925 и 1926 гг. в Берлине беседовал с Е.Д. Кусковой⁶⁶⁰, доказывая эволюцию советской власти: «В 1925 и 1926 г. при поездке за границу виделся с высланными из СССР С.Н. Прокоповичем, Е.Д. Кусковой, А.И. Угримовым, А.А. Кизеветтером и со Стенцелями. Беседы, кроме личных вопросов, касались положения народного хозяйства в СССР. <...> Я признаю, что я не имел права, как член Правительства СССР устраивать свидания с лицами, враждебными Союзу»⁶⁶¹.

ОГПУ выявило лишь один достоверный факт. Сотрудник Академии наук из Ленинграда Н.В. Воленс в марте 1928 г. по возвращении в СССР из-за границы, где она виделась с С.С. Масловым, встретила в Москве с профессором Н.Д. Кондратьевым⁶⁶². Она указывала, что «ему сознательно ничего не говорила ни о Маслове, ни о “Кр<естьянской> России”»⁶⁶³. Кондратьев также не признавал политический характер бесед.

Н.В. Воленс виделась в Москве и с видным кооператором П.Т. Саломатовым, который на допросе 31 июля 1930 г. признал встречу с Воленс: «Вопросом образования крестьянской партии в СССР интересовался Маслов С.С., который по адресу проф. Кондратьева направил специального человека, прибывшего из заграницы, которого я лично не знаю, и фамилию которого я не помню. <...>

Мой адрес этой женщине был дан проф. Кондратьевым, который мне за день или два (точно не помню) позвонил и спросил, когда я буду дома, чтобы принять его хорошую знакомую. Точно не помню, сказал он или нет, что она возвратилась из заграницы. Припоминаю, как будто, он это по телефону не сказал, а просил меня только с ней переговорить.

Женщина с приветом от проф. Кондратьева у меня через несколько дней действительно была, и сообщила, что она недавно вернулась из заграницы. Там встречала Маслова С.С., который ее прислал побывать у меня и сообщил мне, что он является сторонником создания в СССР крестьянской партии, что спорный вопрос о земле он снимает, и что он принимает меры к созданию заграницей временной организации по содействию крестьянской партии в СССР. При этом она добавила, что такая временная организация крестьянской партии СССР в Праге уже имеется, что председателем временного бюро или комитета (точно не помню) является Моргунов (Аргунов. — М. С.) и временно его замещает Маслов, или наоборот, председателем является Маслов и временно его замещает Моргунов (Аргунов. — М. С.) (точно не помню). Она также сообщила, что ей Маслов С.С. поручил узнать, в каком состоянии находился вопрос об образовании в СССР политической крестьянской партии внутри страны и веду я, Саломатов, какую-нибудь работу по созданию партии или, не могу ли я к ней приступить, если ее еще не начал, и считаю ли я возможным увязать эту работу с заграничным Бюро крестьянской партии.

В ответ на информацию и поставленные мне вопросы присланной проф. Кондратьевым ко мне женщины, прибывшей по ее словам из заграницы, я дал отрицательный ответ и никаких поручений не принял. <...> Через несколько дней мне проф. Кондратьев позвонил по телефону и спросил, была ли у меня посланная им его знакомая. Я ему ответил, что была, и что я ей никаких обещаний не дал, и никаких поручений от нее не принял»⁶⁶⁴.

Особо не заинтересовали эти реальные события и следователей ОГПУ, сосредоточившихся в 1930 г. на фабрикации эпического дела о заговоре мифической «ТКП» Кондратьева – Чайнова и составлением на Лубянке схем, кто из профессоров какой министерский пост якобы собирался занять в правительстве и кого они хотели позвать в состав кабинета из чис-

ла эмигрантов... Интересно, что все допрошенные упоминали похожие имена. Так, Л.Н. Юровский признавался: «В случае, если бы выдвинулся вопрос о привлечении эмигрантских деятелей, намечались Милуков, Прокопович, Сергей Маслов и Бруцкус. Называемая кандидатура Керенского встретила возражения, в частности, Макарова и мои»⁶⁶⁵. Н.П. Макаров уточнял: «В частности считалось возможным привлечении в правительство Прокоповича С., Бруцкуса Б.Д., Маслова, Милукова и Керенского А.Ф. Последняя кандидатура была названа при моем протесте и, кажется, Рыбникова А.А.»⁶⁶⁶. Совпадение показаний в данном случае можно считать некой тенью реального «кухонного» разговора: «А кто мог бы войти во власть после падения режима?» Можно, конечно, и отражением заказа следователей, подсказывавших профессорам имена нужных «врагов народа». Скорее всего, реальная светская болтовня, о которой знало ОГПУ, была использована для дискредитации эмигрантов. Но в любом случае видно, что лидер КР-ТКП С.С. Маслов выдвигается в первый ряд фигур эмиграции, важных как для московских интеллектуалов, так и для комбинаторов с Лубянки.

Никакой организации, связующей РДС или КР-ТКП с мифической «ТКП» Кондратьева – Чайнова не существовало. Как не существовало и самой «ТКП». Профессора Кондратьев, Макаров, Юровский в самом деле вели меж собой салонные беседы «пикейных жилетов», которые в тюрьме воспроизводил (вряд ли мог не воспроизводить — доносчиков было достаточно) уже как антисоветские планы Н.Д. Кондратьев: «Высказан был взгляд, что локальные крестьянские восстания против соввласти возможны, но что широкое повстанческое движение крестьянства возможно лишь при поддержке со стороны восставших городских рабочих. <...> Восстание среди рабочего класса, поддержанного крестьянами, должно было привести к политическому перевороту. <...> Громан считал, что мы вообще идем к кровавой каше и новой гражданской войне, главным образом, на почве нарастающего голода. При этом допускал, что при этом возможны не только выступления рабочих против власти, но, одновременно, и поход другой части рабочих вместе с соввластью против деревни в борьбе за хлеб. Н.Н. Суханов, напротив, считал, что движение рабочих под влиянием нарастающего голода будет направлено против власти или, по крайней мере, против существующего курса ее политики. И Громан, и Суханов допускали, что в результате этого движения может произойти политический водоворот»⁶⁶⁷.

Все жертвы дела «ТКП» сочувствовали правой оппозиции, фактически с ней сотрудничали. Н.Д. Кондратьев признавался: «Так как платформа правых, как уже говорил, во многом была близка к нашей, то мы

считали их победу фактом политически положительным. Но, вместе с тем, мы были уверены, что в случае победы правых, т. е. перехода руководящей роли в партии и правительстве к представителям правого крыла в лице т.т. Рыкова, Бухарина и др., жизнь не остановится на этой линии, которую они намечали в своей платформе. Поставленные в чрезвычайно трудные условия, с одной стороны, хозяйственными затруднениями, а с другой стороны борьбой внутри партии, они должны были бы повернуть направо значительно больше, чем предусматривала их платформа. Это заставило бы их в дальнейшем искать опоры в кругах за пределами ЦК ВКП(б), непосредственно примыкающими к ним»⁶⁶⁸. Мечтали профессора, в общем, как приличные люди об «оттепели» и демократической модернизации, идущей сверху.

Профессора с кадетско-эсеровским прошлым, конечно, подпитывали бухаринцев своими идеями эволюционного развития страны по пути постепенной модернизации индустрии и добровольной кооперации крестьянства. Не зря А.В. Чаянов подчеркивал разницу между собой и РДС: «Группы республиканско-демократического блока догматически стояли на базе традиционного западноевропейского радикализма, не допускающего никакого другого развития, кроме путей буржуазно-демократической эволюции капиталистического общества, наша же программа учитывала и во многом принимала опыт советской системы, активными участниками строительства, которой мы являлись»⁶⁶⁹. В этом соучастии в попытке эволюционировать страну через строительство и укрепление нэповского социализма «с крестьянским лицом» и был главный, в глазах Сталина, грех этих спецов-интеллектуалов.

Они это понимали, и в связи с крахом «правого уклона» ждали печального для себя финала. Экономист Н.П. Макаров признавал беседы в своем кругу, который ему приходилось под нажимом следователей именовать «ЦК ТКП»: «Затрагивался вопрос о возможности связи удара против правого уклона и против нас, членов ЦК ТКП. Мы настолько чувствовали близость идеологических и, в особенности, тактических позиций этих двух общественных течений, что мы предполагали либо одновременный удар и по правой оппозиции, и по нам лично либо гл<авным> об<разом> удар по нам лично, что ослабит и заменит собой удар по правой группе»⁶⁷⁰. Так и произошло. Без либеральных советников-спецов бухаринцы оказались интеллектуально неспособны сопротивляться, предложить альтернативу сталинской пятилетке и раскрестьяниванию.

Как видим, редкие случайные контакты заграничной «Крестьянской России» и московской профессуры были. Н.Д. Кондратьев лишь зафиксировал почти общеизвестное: «Имела место лишь связь с республикан-

ско-демократическим объединением в лице его представителей Прокоповича, Керенского и Маслова Сергея. Эта связь носила характер эпизодической взаимной информации, осуществлявшейся при поездках за границу отдельных членов нашей организации — Юровского, Рыбникова, Литошенко, Букшпана и других. Поездки этих лиц имели место в последние годы, но, главным образом, вплоть до 1929 г.»⁶⁷¹. Похоже, второпях выполняя прямые указания Сталина, чекисты не успели провести связника между профессорами и ЦК КР-ТКП в Праге, чтобы создать, а потом предъявить народу на суде новый заговор.

В рамках попытки перевода большевизма в режим эволюции к социал-демократии эти советские профессора все 20-е годы с оглядкой, бывало, встречались за границей с друзьями-эмигрантами из числа зарубежных левых и либералов. Л.Н. Юровский признал: «Что касается заграничных эмигрантских организаций, то ко всем монархическим группировкам какого-либо оттенка ТКП относилась отрицательно. Но существовала несомненная общность взглядов по ряду вопросов с республиканско-демократическим объединением (Прокопович, Кускова и др.), причем поездку за границу старались использовать для встреч и взаимной информации»⁶⁷². Юровский рассказывал, скорее всего, давно известные ОГПУ факты контактов, превращая под диктовку следователя научные и иные командировки за границу в визиты, которые «были использованы для встреч с эмигрантскими деятелями. Так было при поездках Кондратьева, Садырина, Рыбникова, Чайнова, причем имели место встречи с Прокоповичем, Кусковой, С. Масловым. Я лично избегал встреч, опасаясь, что они могут стать известными, но все же виделся в 1928 г. в Париже с П.Н. Милюковым. Я говорил с ним о внутрипартийных разногласиях в ВКП(б), о состоянии крестьянского хозяйства, как его расценивала ТКП, о наблюдавшихся трудностях, связанных с политикой индустриализации»⁶⁷³.

Была ли на самом деле встреча Юровского с Милюковым в парижском кафе? В пользу реальности свидания могут свидетельствовать некоторые человеческие детали встречи, точное описание собеседника: «Милюков показался мне чрезвычайно одряхлевшим и в отношении эмиграции настроенным чрезвычайно пессимистически, более пессимистически, чем ему хотелось самому обнаружить это»⁶⁷⁴.

Аналогично каялся и Н.П. Макаров: «Поддерживал и старые связи с группой Е.Д. Кусковой, так в 1923 г. я во время своих поездок в Берлин виделся с Зельгеймом, Ленской, Стенцель, Кусковой, Прокоповичем и Бретвигом. В 1927 г. виделся в Берлине с Ленской и Стенцель, и в Париже с Осоргиным и Макеевым»⁶⁷⁵. И опять для жившего в Праге Макаро-

ва это, конечно, не было ни партийной деятельностью, ни антисоветской работой.

Члены мифической ТКП были советниками при наркомах, придерживавшихся умеренных в рамках большевизма взглядов, и были рассажены по тюрьмам после того, как были отодвинуты от власти их покровители вроде председателя Совнаркома А.И. Рыкова и зам наркома земледелия И.А. Теодоровича.

«Крестьянская Россия» в связи с делом Кондратьева – Чайнова в 1930–1932 гг. бурно протестовала против погрома аграрной науки, отрицая всякую связь репрессированных ученых и агрономов с реальной КР-ТКП. В частности, в газете «Руль» 10 апреля 1931 г. была опубликована статья А.Л. Бема (под псевдонимом А. Омелянов), в которой автор предупредил, что в России готовится очередной постановочный процесс. Бем писал: «Должно появиться обвинительное заключение под делу “Трудовой Крестьянской Партии”, или т. н. “группы Кондратьева” и др.» А.Л. Бем предупреждал, что обвиняемым «подбросят связь с эмиграцией, на этот раз с “Крестьянской Россией”, что не заставит ее “отказаться от своих политических” и тактических требований»⁶⁷⁶. Утечка информации, а также заметная кампания на Западе среди интеллектуалов в защиту ученых, которую организовали в конце 1930 г. П.Н. Милюков и писатель М.А. Осоргин⁶⁷⁷, привели к тому, что И.В. Сталин посчитал открытый «суд» над «группой Кондратьева – Чайнова» нецелесообразным, что не снизило масштаба репрессий, охвативших всю сферу сельскохозяйственной науки и кооперации в России.

Обвинительное заключение по делу Кондратьева, Чайнова и др. было утверждено Коллегией ОГПУ 21 сентября 1931 г. К этому моменту Коллегией ОГПУ были осуждены только по делу «Московской областной организации ТКП» 68 человек, по делу «Северокавказской организации» — 120 и т. д. Всего в провинции по неполным данным было арестовано 1296 человек. Обошлось без расстрелов: 26 января 1932 г. «основным обвиняемым были без судебного процесса Коллегией ОГПУ вынесены приговоры: от 3 до 8 лет концлагерей, затем они были отправлены в ссылку, где Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов и многие их коллеги и были уничтожены в 1937–38 гг.»⁶⁷⁸. По делу кооператоров П.А. Садырина, П.Т. Саломатова и их коллег выносились расстрельные приговоры, с немедленной заменой 10-летними сроками заключения, которое смогли пережить единицы из числа репрессированных. В открытом письме С.С. Маслова 1938 года говорится о тысячах репрессированных в 1930–1931 гг. членов «ТКП». Как сообщает историк Т. Димони, дела «членов ТКП» массово фабриковались и в 1937–1938 гг. в Вологодской области,

где когда-то работал С.С. Маслов. При массовой чистке аграрной элиты в сети ОГПУ по делу мифической «ТКП» попали и старые знакомые С.С. Маслова из числа вологодских кооператоров и агрономов.

2.7. Зачем КР-ТКП взяла «Руль»?

«Крестьянская Россия» в блоке с берлинской группой правых кадетов в 1931 г.

В конце 1930 г. явно радикализировавшийся С.С. Маслов сблизился с группой кадетов-центристов, издававших в Берлине газету «Руль». Одна из лучших газет Зарубежья переживала не лучшие времена. Ее редактор И.В. Гессен вспоминал: «Хотелось, прежде всего, какой угодно ценой, хотя бы отдачей в чужие руки сохранить жизнь “Руля”, закрыв глаза на мрачную перспективу. <...> Тем временем явился претендент в лице группы “Крестьянской России”, издававшей тощий ежемесячный журнальчик. За кратковременную жизнь группа успела пройти через разные превращения — была и мимолетная “коалиция” главарей с Милюковым. Возглавлялась она бывшими эсерами — милейшим Аргуновым (несколько позже он отряхнул пыль этой организации от ног своих) и грузной, неуклюжей, наспех сколоченною бесцеремонно шумной фигурой С.С. Маслова»⁶⁷⁹. Редактору «Руля» пришлось вести переговоры при посредничестве сотрудника газеты В.Е. Татаринова. Он числился лидером берлинской группы КР-ТКП, «состав которой не требовал умения считать дальше десяти»⁶⁸⁰.

С 29 марта 1931 г. газета выходила под руководством новой расширенной редакции, которая, как сообщалось, создана присоединением к старой редколлегии «Руля» (И.В. Гессена, проф. А.И. Каминка, проф. А.А. Кизеветтера и Г.А. Ландау) членов КР-ТКП А.А. Аргунова, А.Л. Бема, С.С. Маслова и В.Е. Татаринова. Было обещано, что «по-прежнему оставаясь независимым от каких-либо партийно-политических организаций и в этом смысле беспартийным, “Руль” будет руководиться программой, легшей в основу соглашения между обеими частями расширенной редакции»⁶⁸¹.

Согласие правых кадетов на блок с С.С. Масловым и А.А. Аргуновым объяснялось финансовым кризисом в Германии: «В данном случае речь шла только о совместном издательстве, для чего группа обязывалась внести, помнится, 18 тысяч марок и в дальнейшем участвовать в половинной части расходов»⁶⁸². На этом фоне финансовую успешность

С.С. Маслова отмечали и наблюдатели со стороны: так, А.Ф. Изюмов из Праги в 1931 г. писал: «Эмиграция тут обеднела сильно. Поэтому устроить заем не так просто. Здесь легко деньги находит один лишь Маслов»⁶⁸³.

Средства КР-ТКП, по мнению И.В. Гессена, поступали через А.И. Ксюнина «от югославского правительства»⁶⁸⁴. Но член ЦК КР-ТКП Б.В. Седаков сообщил, что глава МИДа ЧСР и будущий «президент Бенеш один раз выдал “ТКП” 60 000 крон на восстановление газеты “Руль”, в издании которого в 1930–31 гг. принимала участие и “ТКП”»⁶⁸⁵.

И.В. Гессен иронизировал: «Но, Господи, за этот скромный счет в 18 тысяч сколько же было совещаний и заседаний, <...> нужно же было <...> выработать еще и политическую и экономическую программу будущего устройства России»⁶⁸⁶. Заявление новой редакции, в самом деле, представляло собой политическую платформу взаимодействия групп, объединенных либеральным пониманием демократии и непримиримостью по отношению к большевизму. «Члены редакции исходят из убеждения, что коммунистическая власть губительна для России, что при ней неизбежно дальнейшее всестороннее разрушение страны, так как органически невозможна эволюция советской власти. Поэтому свержение ее — первая по остроте и важности потребность Родины; напряженная борьба с властью — высший закон политического поведения для каждого гражданина. Звать к этой борьбе и содействовать ей — остается главной задачей “Руля”».

Перед нравственной и политической повелительностью этой борьбы отступает на второй план сам по себе важный вопрос о форме правления после свержения советского режима. Среди членов редакции имеются убежденно признающие, что республика является единственно желательной и возможной формой правления (таково убеждение членов “Кр. России”); другие члены редакции считают преждевременным и потому политически нецелесообразным установление теперь же позиции в этом вопросе, который разрешится в еще не определившейся исторической обстановке. Для всех, однако, совершенно бесспорно, что любая будущая форма правления должна сочетаться с действительно демократическим политическим строем. Его основными слагаемыми являются: господство права, признание неотъемлемых прав человека и гражданина и существование постоянно действующих представительных учреждений, выбираемых на основах демократического избирательного права»⁶⁸⁷.

Это была довольно цельная программа, сочетающая непредрешенчество по вопросу о форме правления в России с подчеркиванием общих для правых кадетов и КР-ТКП позиций. Это непримиримость к большевизму, приоритет частной собственности, демократический политический

правовой строй, признание неотъемлемых прав человека, парламент, выбираемый на основании демократического избирательного права.

Лидеры «Крестьянской России» рассчитывали, что, опираясь на авторитет одной из лучших газет эмиграции, они смогут сделать эту платформу и основой союза демократической части русских за границей.

Уже 3 апреля 1931 г. «Руль» публикует первую статью А.А. Аргунова «Неотложная задача». Публицист вновь ставит своей целью добиться создания широкой антибольшевистской коалиции⁶⁸⁸. 29 апреля публикуется следующая его статья — «От слов — к делу». В ней он выдвигает идею союза не партий и группировок, которые до сих пор безуспешно создавали, а личностей и лидеров⁶⁸⁹.

Планам этим не дано было сбыться. И.В. Гессен не был доволен новыми партнерами: он был против подписных передовых, расширения круга сотрудников, выступил против замещения «поста управляющего конторой тоже стажером “Крестьянской России”, ровно никакого представления об издательском деле не имевшем и на манер щедринских градоправителей взявшемся наводить порядок, а в донесениях в Прагу (откуда наши новые коллеги лишь наезжали в Берлин) “освещать” не только издательские, но и редакционные непорядки»⁶⁹⁰. И.В. Гессен признает в своих мемуарах, что он быстро отошел от работы в газете.

Представители партии в редколлегии «Руля» — члены ЦК «Крестьянской России» А.А. Аргунов, А.Л. Бем, С.С. Маслов теперь регулярно находились в командировках в Берлине. Они, добавив газете партийности, порой достаточно скучной, не смогли наполнить ее принципиально новыми материалами. Как раз к этому времени относится и потеря контактов КР-ТКП с ее российскими осведомителями.

Было обещано, что в «Руле» будут печататься сообщения «Крестросса» — «информационного бюро при Центральном Комитете партии “Крестьянская Россия”», причем якобы «Крестросс» располагает собственными корреспондентами в России и пограничных государствах»⁶⁹¹. Позже Б.В. Седаков признал, что информацию за подписью «Крестросс» предоставлял проживавший в Берлине и, видимо, связанный с немецкой разведкой «бывший русский офицер Каштанов Леонид Александрович», который давал в «большом количестве материалы о внутренней жизни в Советском Союзе»⁶⁹².

Авторы КР-ТКП не смогли поднять газету на новый уровень. Единственное исключение — статьи А.Л. Бема на литературные темы. Но главной причиной провала плана сделать «Руль» центром сосредоточения демократической эмиграции, не настроенной примиренчески и готовой бороться с большевиками, были мировой экономической кризис и став-

шая неблагоприятной для русской эмиграции политическая обстановка в Германии. Под давлением нацистской пропаганды отток русских эмигрантов из Германии во Францию, особенно евреев, ускорился. Газета теряла финансовую базу, читателя и рекламу. Финансовые ресурсы «Крестьянской России» были явно недостаточны, для того чтобы поддерживать малоприбыльное издание в условиях кризиса.

Тем не менее, как сообщал в США секретарь ЦК Н.А. Антипов, КР-ТКП пыталась спасти газету: «...Мы получили деньги специально для вхождения в “Руль”, правда, в недостаточном количестве, чтобы сразу его поставить на ноги, но из такого источника, на который меньше всего рассчитывали. Правда, это потребовало быстрого и очень энергичного нажима. <...> Действительно, прошлое тяготело над “Рулем”, наше участие не было большим, кризис в Германии давал себя чувствовать все больше и больше и газета работала, принося большие убытки, еле сводя концы с концами. По этому поводу было созвано совещание из членов ЦК и наиболее видных членов группы. Настроение складывалось скорее не в пользу “Руля”, но, с другой стороны, закрытие газеты означало бы падение доверия к нам. Из организации, находящейся на верхах политической жизни, мы снова остались бы без головы. Решили выяснить все на месте и командировали в Берлин С.С. Маслова с М.Ф. Ковалевым, как специалиста в коммерческих делах, чтобы выяснить все материальные возможности продолжения издания и в результате их принять решение о закрытии газеты или провести ряд реформ, которые усилили бы наше влияние в ней, сократили расходы, привлекли бы новых сотрудников и т. д. Наши послы вернулись с настроением продолжать дело. Если составленная ими смета оправдается жизнью, то “Руль” может просуществовать до 1 января 1932 года. Но может осуществиться одна финансовая комбинация, которая обеспечит его существование на неопределенное время. Это выяснится только в сентябре-октябре. Некоторую сумму денег С.С. <Маслову> во время своей последней поездки специально на “Руль” удалось добыть еще до посещения Берлина. Посадили нового заведующего конторой — члена нашей партии. Наконец, сам Серг<ей> Сем<енович> Маслов должен на два с половиной месяца переселиться в Берлин, чтобы крепче заняться газетой, заставив Гессена потесниться»⁶⁹³.

«Руль» обрушился, когда И.В. Гессен, узнав о планах провести дальнейшие реформы в газете, решил уйти, после чего и А.И. Каминка решил «предоставить “Руль” его судьбе» (т. е. не вкладывать своих личных средств в газету), и, как пишет Гессен, «“Руль” бесславно скончался <...>. В кассе не было ни одного пфеннига, и издательство было объявлено несостоятельным должником»⁶⁹⁴. «Руль» закрылся 13 октября 1931 г.

Активность политической эмиграции с 1931 г. ослабевала. Именно тогда после неудач крестьянских восстаний, провала коалиций в эмиграции в 1931–1932 гг. С.С. Маслов начинает пересмотр партийной тактики, уходя от идеи создания в деревне сетевой структуры, способной произвести восстание. Он обращается к армии, которая, оставаясь крестьянской в массе, была, по мнению Маслова, способна на антикоммунистический переворот. Отсюда и предложение новой тактики: «Власть, которая представляет и олицетворяет государство, является таковой лишь и до тех пор, постольку и поскольку у нее имеется послушный аппарат принуждения. Основу их составляют вооруженные силы страны — армия, морской и воздушный флоты. Сделать их непослушными власти и перевести на свою сторону — важнейшая их всех тактических задач борьбы с властью»⁶⁹⁵. Новая позиция С.С. Маслова: переворот должен произойти в городе. На втором месте по вниманию партии должны быть рабочие. На третье следует поставить молодежь, на четвертое — советских служащих, а «125-миллионная масса крестьянства» — это лишь база для будущего развития и опора новой власти.

Постоянные поиски С.С. Масловым новой тактики и коалиций справа обращают на себя внимание политических врагов слева — эсеров. Один из редакторов журнала «Воля России» Е. Сталинский, левак даже среди социалистов (его журнал выступал не против коллективизации, а против ее методов), дал КР-ТКП полную ненависти характеристику: «“Крестьянская Россия”... Если судить по выступлениям ее пресловутого лидера Маслова, который столь усердно кокетничает с махровыми монархистами и проповедует любезный сердцу правой эмиграции “активизм” вплоть до вредительства в широком масштабе, то приходится весьма усомниться и в самом ее демократизме. Впрочем, и сама программа “Крестьянской России” вызывает такие же сомнения. Крестьянской она может быть названа лишь в очень условном смысле. Она представляет собою мешанину прежних классовых вождедений уже несуществующего дореволюционного кулачества и верхнего крепкого слоя европейских земледельцев, и весь пафос ее заключается в антирабочей и антисоциалистической демагогии. Стремления и интересы нынешней крестьянской России без кавычек весьма далеки от того, что предлагает им Крестьянская Россия в кавычках, родившаяся во всеоружии как Минерва из головы Юпитера... в столице Чехословакии»⁶⁹⁶. Такому полемическому стилю социалиста Сталинского могли бы поучиться сталинские публицисты.

А С.С. Маслов все пытался найти в СССР заговорщиков. Он отправился в Берлин в конце августа 1931 г. и занимался не только газетой. Отмечены встречи с «информатором по России», который сообщил ему

о собрании райкомов Москвы, где выступавший Емельян Ярославский якобы публично заявил, что «в России замечена работа старых знакомцев — с.р., выступающих теперь под маской “Кр<естьянской> Р<оссии>”»⁶⁹⁷.

С.С. Маслов пытался в начале 1931 г. усилить организацию КР-ТКП в Берлине во главе с В.Е. Татариновым. Как сообщает С.Р. Царапкин: «Маслов в беседе со мной и Татариновым предложил нам в гор. Берлине создать группу “ТКП” и развернуть работу по вовлечению в нее новых людей. Через несколько дней после отъезда Маслова из Берлина в гор. Прагу на квартире В.Е. Татаринова было созвано организационное совещание»⁶⁹⁸. Но в дальнейшем Царапкин отказался от сотрудничества с КР-ТКП, так как «пришел к выводу, что деятельность организации “ТКП” ни к чему реальному не приведет и сама работа будет бесплодной»⁶⁹⁹.

В этот период КР-ТКП привлекла внимание нескольких новых эмигрантских организаций. Была сделана попытка привлечь к совместной работе так называемую «третью волну» — «невозвращенцев». В Праге проводились переговоры с видным невозвращенцем С.В. Дмитриевским и группой «Борьба». 3 августа 1930 г. на собрании Парижской организации КР-ТКП с участием С.С. Маслова руководитель группы Н.В. Малолетенков сообщил, что парижской «Крестьянской Россией» «заключено техническое соглашение с группой “Борьба” о взаимных услугах по переброске литературы. От предложенного более тесного тактического соглашения “КР” пока отказалась»⁷⁰⁰.

Обратил внимание на КР-ТКП и Национальный союз нового поколения (НСНП). В письме герцогу С.В. Лейхтенбергскому «Тактика работы НСНП» говорится: «“Крестьянская Россия”. Организация, несомненно, национально-активная. Как с таковой деловой контакт и возможен и полезен, не упуская из вида, однако, что они предрешенцы, республиканцы-демократы и организация строго партийная. Где возможно, поддерживать тесную деловую связь. (Возглавитель — С.С. Маслов)»⁷⁰¹. Активист НСНП В.М. Байдалаков указывал, что после учредительного съезда «Национального союза русской молодежи» (будущий НСНП) в июле 1930 года были установлены рабочие контакты со всеми антибольшевистскими организациями, в том числе и с «Крестьянской Россией»⁷⁰². Но, по мнению В.М. Байдалакова, отношения с ней показали, что в партии отсутствует самоотверженная молодежь. Мол, сам С.С. Маслов признавался: «только бы свечечка борьбы не угасла»⁷⁰³.

Еще в апреле 1934 г. секретариатом КР-ТКП было послано официальное приветствие III съезду НСНП в Белграде⁷⁰⁴. Но вскоре С.С. Маслов поставил НСНП под подозрение. В январе 1935 г. он просил жену не

связываться с НСНП в Варшаве, не брать никаких поручений и ничего о делах его партии не рассказывать. Маслов сообщал, что «“национальные молодцы” из Нац<ионального> Союза Нового поколения поставили в тяжелое положение югославянское правительство глупо-неосторожной статьей, за которую ухватились большевики. Рикошетом это ударило по нас»⁷⁰⁵. С.С. Маслов имел не только деловые претензии к НСНП, но, похоже, считал его конкурентом в борьбе за получение югославских субсидий на активистскую деятельность. Но претензии были высказаны лишь в частной переписке. И на четвертый съезд НСНП в Белграде 31 мая – 1 июня 1936 г. С.С. Маслов был приглашен специальной телеграммой, что и зафиксировала полиция Чехословакии⁷⁰⁶.

Контакты с группой непредрешенцев «Борьба за Россию», которую поддерживал и генерал А.И. Деникин (домашний адрес Деникина есть в записной книжке Маслова), наличие среди актива КР-ТКП участников Белого движения привело С.С. Маслова к попытке найти взаимопонимание с Русским общевоинским союзом (РОВС). Так что опыт А.А. Потехина не был единичным.

С.С. Маслов еще в 1930 г. встречался с руководителем РОВСа Е.К. Миллером. В своих показаниях 1937 г. в НКВД генерал Миллер сообщал: «Маслов в долгой беседе убеждал меня, что РОВСу необходимо объединиться с самой могущественной эмигрантской организацией “Крест<ьянской> Россией”, представляющей собой интересы крестьян, т. е. главной массы населения СССР»⁷⁰⁷. Переговоры закончились ничем. Е.К. Миллер также указывал на поступавшее к нему обращение Харбинского отдела «Крестьянской России»: «привести русские вооруженные силы на Дальний Восток»⁷⁰⁸.

В этот же период С.С. Маслов встречался и видным деятелем РОВСа генералом Н.В. Скоблиным (советским агентом). В 1932 г. через профессора А.П. Маркова два генерала, один из них Скоблин, изъявили желание познакомиться с находившимися в Париже С.С. Масловым и А.А. Аргуновым. В 1933 г. Н.В. Скоблин «по собственной инициативе встречался с находившимся в Париже С.С. Масловым»⁷⁰⁹. В опубликованном в 1937 г. опровержении ЦИК КР-ТКП указывалось, что «никаких политических или деловых последствий эти встречи не имели»⁷¹⁰. Отрицалось и наличие «косвенной связи» со Скоблиным через некий «Союз освободительной борьбы», так как «Крестьянская Россия» как «организация в этот союз не входила», а Скоблин «в него принят не был»⁷¹¹. Этот уклончивый документ позволяет говорить как минимум о существовании некой не известной пока исследователям организации, в которую С.С. Маслов мог входить и на персональной основе.

Как сообщил на допросе в НКВД генерал Е.К. Миллер, к нему на квартиру зимой 1933–1934 г. пришел С.С. Маслов и сообщил, что группа «финансистов <...> готова дать крупные средства на борьбу с советской властью, если наиболее крупные русские организации объединятся: такими он считал “Крестьянскую Россию” и РОВС»⁷¹². Стороны не договорились по вопросу о разделе денег, и Миллер в сотрудничестве Маслову отказал. Встречу с Е.К. Миллером 3 июня 1933 г. в своей переписке Маслов подтверждает: тот хотел точно знать, с кем будут в Англии вестись переговоры⁷¹³ о финансировании. Таким образом, можно сделать вывод о нескольких неудачных попытках наладить деловое сотрудничество РОВСа и КР-ТКП.

Но эти еще пять лет назад немыслимые для лидера «Крестьянской России» переговоры и политические контакты 1930–1934 гг. показывают, что С.С. Маслов на практике был готов осуществить смещение политической линии партии вправо, к блокам с еще имевшимися в эмиграции активистскими структурами, объединявшими молодежь и военных.

2.8. Головокружение от успехов. Второй раскол

II съезд «Крестьянской России» и выход из партии группы А.А. Аргунова и А.Л. Бема (1932–1934 гг.).

2–6 июля 1932 г. на пике популярности «Крестьянская Россия» провела в Праге свой второй съезд. Присутствовали делегаты от Латвии — Б.В. Евланов, С.И. Трофимов, Эстонии — Г.В. Назимов, А.Г. Лурьи, Г.П. Поднебесный, Югославии — Г.И. Царик, Н.М. Яковенко. В Прагу даже приехал из Манчжурии руководитель Дальневосточного комитета КР-ТКП в Харбине Г.П. Грачев.

Перед съездом была проведена дискуссия о корректировке программы «Крестьянской России». Так, профессор Д.Н. Иванцов предложил партии четко высказаться за все виды частного крестьянского хозяйства, за свободу аренды и продажи земли⁷¹⁴. Съездом КР-ТКП был принят документ «Аграрная политика переходного периода», в котором было зафиксировано: «Колхоз может сохраниться, если за это высказался сельский сход и члены колхоза. <...> Совхозы, созданные на крестьянской земле, подлежат уничтожению, земля возвращается сельским обществам»⁷¹⁵.

Основные документы КР-ТКП существенно не корректировались. Был подтвержден курс на вооруженную борьбу с большевизмом. В проекте М.Ф. Ковалева и Г.И. Царика признавалось, что государственная власть

в России должна стать в той или иной мере «диктаториальной», при том что «она торжественным актом должна провозгласить, что ее задачей является устройство основ новой жизни и обеспечение переход страны к демократическому режиму»⁷¹⁶. Первоочередными задачами новой власти были названы амнистия по политическим, религиозным и хозяйственным делам, роспуск компартии, обеспечение свободы совести, слова, собраний и союзов, объявление начал хозяйственной свободы и свободы торговли.

На съезде КР-ТКП говорилось о том, что необходимо будет энергично «ликвидировать остатки комдиктуры», а для этого власть переходного периода «должна обладать неограниченными полномочиями, быть революционной по способу своих действий и общенародной по своим задачам». Подчеркивалось, что партия «на службу и помощь такой власти отдаст все свои организационные силы», но будет требовать от нее «быстроты и решительности в своих действиях, общенародности в своей программе, ограниченности в сроках существования и скорейшего преобразования Российского Государства в правовую, демократическую и федеративную республику»⁷¹⁷.

Участники II съезда КР-ТКП приняли решение о том, что в борьбе за сохранение государства возможно поступаться принципами демократизма: «Мы допускаем возможность положений и случаев, когда угрожаемые общие интересы государственного целого (безопасность границ, государственное единство, гражданский мир и т. д.) могут требовать даже значительных, но всегда временных отступлений от начал демократизма в сторону повышенных полномочий исполнительной власти»⁷¹⁸. Полный текст резолюции был опубликован в печати по решению Совета партии от 26 мая 1933 г.⁷¹⁹

В состав ЦК КР-ТКП были избраны: А.А. Аргунов (председатель), Н.А. Антипов, А.Л. Бем (секретарь), В.Ф. Бутенко (секретарь), М.Ф. Ковалев, М.В. Личаченко, С.С. Маслов (генеральный секретарь), В.Н. Челищев (зам. председателя) — все 8 представляли Прагау; Г.П. Грачев (Харбин). На первом заседании ЦК в его состав был кооптирован профессор-экономист Д.Н. Иванцов.

Членами Совета партии избраны: П.А. Богданов (Эстония), И.П. Верецагин и Д.Н. Иванцов (оба — Прага), А.А. Криг (псевдоним А.А. Гольдштейна — Харбин), Н.В. Малолетенков (Париж), Б.В. Седаков (Прага), Б.К. Семенов (Эстония), В.Е. Татаринов (Берлин), К.И. Храневич (Прага), Г.И. Царик (Белград) и человек, чья фамилия «не подлежит опубликованию», видимо, Д.И. Акимов (Москва)⁷²⁰.

Избрание Д.А. Акимова было связано с ожидавшимся приездом представителей внутрirosсийских организаций. Отправляя в 1930 г. повтор-

но в СССР А.Р. Ильина, С.С. Маслов, в расчете на съезд, «обязательно хотел обеспечить участие в работе этого съезда представителей групп ТКП из Советского Союза». Ильин и должен был организовать переброску этих представителей в Прагу⁷²¹. Речь шла о приглашении троих или четверых делегатов⁷²². В 1946 г. Б.В. Седаков заявил: «В 1932 году на второй съезд был приглашен из Поти или Новороссийска член “ТКП” Нижерадзе или Мижерадзе. Приехал он в Прагу с опозданием, когда уже съезд закончил свою работу, и я его видел лишь мимолетно в помещении редакции»⁷²³. Затем, говоря о делегатах из СССР, он добавил: «Я боюсь утверждать точно, но полагаю, что здесь речь идет об Акимове, находившемся в Москве в качестве представителя ЦК “ТКП”, об Ильине, переброшенном в Москву из Праги центральным комитетом “ТКП”. <...> Полагаю также, что на 2-й съезд “ТКП” предполагалось пригласить делегата от Ленинградской организации “ТКП”. Фактически никто из этих лиц на 2-й съезд “ТКП” не прибыл, а прибыл один делегат из Туапсе или Новороссийска с грузинской фамилией, после окончания 2 съезда “ТКП”⁷²⁴, некий Нижерадзе, который должен был участвовать в 1932 г. на 2 съезде, но приехал с опозданием, когда съезд уже закончился. Ехал он каким-то путем нелегально через Италию, где его задерживали итальянские власти, и за ним туда выезжал Бутенко. Я его видел лишь один раз мельком в помещении ЦК и узнал о нем только тогда, когда он через несколько дней уехал. Позднее говорили, что он благополучно вернулся в СССР, но там погиб, видимо, был арестован»⁷²⁵. На другом допросе Б.В. Седаков рассказал: «В гор. Новороссийске или Туапсе (сейчас точно не помню) находился член “ТКП” Нижерадзе (имя и отчество не помню), грузин, небольшого роста, брюнет, худощавый. Нижерадзе в 1932 году приезжал из Советского Союза в Прагу на 2-й съезд “ТКП”. Однако на съезд он тогда опоздал. Со слов Бутенко, члена Центрального Комитета “ТКП”, мне известно, что Нижерадзе по возвращении из Праги в СССР был органами НКВД арестован. Бутенко сказал мне также, что были арестованы и другие члены “ТКП” (фамилии их мне неизвестны) проживавшие в г.г. Туапсе или Новороссийске»⁷²⁶. Проверить эти рассказы Б.В. Седакова пока невозможно. Авторы книги, отражающей версию спецслужб, пишут о работе агента ОГПУ А.Р. Ильина в СССР: «Была ли организована переброска делегатов ТКП в Прагу на съезд — сейчас утвердительно ответить нельзя»⁷²⁷.

Из перечисленных Седаковым фигур Акимов был уже в 1928 г. перевербован ОГПУ. Курьер-агент ОГПУ А.Р. Ильин (Головин) приехав в 1930 г. в СССР, обнаружил, что «уже первый человек из ТКП, с кем встретился Ильин, некто Дмитрий Александрович Акимов — бывший белый

офицер, переправленный в СССР из Праги в 1927 году, оказался секретным сотрудником Секретного отдела ОГПУ»⁷²⁸.

Правда, уже с конца 1930 года Акимов находится не на свободе, а в тюрьме⁷²⁹, но активно использовался для дезинформации. Операция, однако, почему-то была свернута, и 7 декабря 1932 г. Коллегия ОГПУ приговорила Д.А. Акимова к 10 годам заключения. В конце 1932 – начале 1933 г. Акимов находился в Бутырской тюрьме. Правда, его отправка в ярославский политизолятор несколько месяцев откладывалась по указанию руководства СПО ОГПУ: «Заклученный Павлов Дмитрий Иванович он же Акимов и Клишкин по оперативным соображениям в данный момент отправлен в Ярославский изолятор быть не может»⁷³⁰. В Ярославль Д.А. Акимова увезли только в феврале 1933 г. с указанием: «Начальнику ярославского п/изолятора ОГПУ. Содержать изолировано, поместить в одиночную камеру»⁷³¹. «Будет содержаться под фамилией Павлов»⁷³². Расстрелян Д.А. Акимов был в Ярославском политизоляторе во время Большого террора в 1937 г.

Создается впечатление, что все серьезные контакты КР-ТКП с СССР в 1932 г. были уже под контролем ОГПУ. В Праге «крестьяне» вылавливали в своих рядах только мелких агентов Лубянки. В Заявлении ЦК КР-ТКП от 11 сентября 1932 г. говорится: «Бывший член Пражской группы Федор Ильич Ушаков, казак станицы Николаевской Кубанского казачьего войска. 33 лет, вступивший в Партию 26 марта 1929 года, разоблачен как политический агент советских учреждений в г. Праге, а потому немедленно, постановлением Центрального Комитета от 25 марта с.г. согласно № 10 устава Партии был исключен из состава партии»⁷³³.

Хоть и без представителей Москвы и Ленинграда сам 2-й съезд КР-ТКП прошел вполне успешно. Лидеры партии могли сообщать делегатам о наличии групп в СССР, цитировать нелегальную переписку. Членам руководства партии казалось, что эмиссары «Крестьянской России» регулярно проникают в СССР, и информация от них поступала в Прагу по крайней мере до конца 1934 г.⁷³⁴ Закрывая съезд, Г.П. Грачев высказал надежду, что третий съезд КР-ТКП состоится уже в России.

Но буквально через полгода после съезда в «Крестьянской России» начался конфликт. Сначала решением ЦК от 8 июля 1932 г. была распущена Парижская группа КР-ТКП за выдвижение тезиса о том, что в современных условиях стерлись границы между республикой и монархией, и за предложение снять тезис о республиканско-демократическом характере нового строя, заменив его термином «народоправство». С 14 сентября была объявлена перерегистрация членов Парижской группы через ЦК⁷³⁵.

Затем возник кризис, как раз и связанный с дискуссией о наличии или отсутствии у партии агентуры в СССР и немалых деньгах, которые С.С. Маслов ассигновал на работу в России. На одной стороне оказались С.С. Маслов и его зам по Русскому отделу В.Ф. Бутенко, а на другой — основатели партии А.А. Аргунов, А.Л. Бем и др.

Поводом для конфликта был спор о допустимости использования в своих целях иностранной интервенции и пересмотр Масловым официальной линии КР-ТКП. А.Л. Бем писал о том, что С.С. Маслов «довольно ясно сформулировал свои пункты “ревизии”. Это — переоценка роли крестьянства в борьбе за освобождение России, сомнение в правильности “демократической идеологии”, ярко выраженной до сих пор в программе “Крестьянской России”»⁷³⁶.

Аналитики польской разведки так описали первый этапа кризиса КР-ТКП: «Приблизительно с 1933 г. в партии начинает меняться курс. С основного пункта программы — ставки на крестьянство, партия переходит на антикоммунистическую борьбу, охватывающую все общественные прослойки. В связи с этим меняется название печатного органа “Крестьянский вестник” на “Знамя России”. Это изменение курса послужило поводом для выхода из партии крестьянской фракции, которая создала свою собственную организацию под названием “Крестьянское объединение” (руководитель Лопатин). “Крестьянское объединение” по ориентации приближается к “Третьей России”. Результатом вышеуказанного изменения ориентации является также выход из партии еще некоторого числа членов, которые создали т. н. “Национальный крестьянский союз”. Две эти фракции партии “Крестьянская Россия” немногочисленны и не имеют большого значения; крестьянских элементов в их рядах нет. Они скорее представляют собой фракции с идеологией левого крыла интеллигенции»⁷³⁷.

Радикализм С.С. Маслова и споры о методах борьбы вызвали углубление кризиса в ЦК КР-ТКП. Большинство ЦК выступало против Маслова, но он отказывался подчиниться, сдать кассу.

В октябре 1932 г. был созван высший между съездами орган — Совет партии. С.С. Маслов обвинил большинство членов ЦК, которые не поддерживают его линию «в связи с решением по вопросу о включении в печатный текст “Основ тактики” места о терроре» в том, что они «приглашают активность партии»⁷³⁸. Критики С.С. Маслова обвинили его в «диктаторстве» и в желании единолично распоряжаться партийной кассой. Совет, который возглавлял В.Е. Татаринев, выработал компромиссные рекомендации, но конфликт меньшинства ЦК (Маслов, Бутенко) с большинством (Аргунов, Бем, Личаченко) продолжался.

А.А. Аргунов был недоволен тем, что вся деятельность по связям с СССР (и большая часть средств) постепенно сосредоточилась в неподотчетном ЦК «Русском отделе». Его контролировал генсек С.С. Маслов вместе с членом ЦК В.Ф. Бутенко. Отдел фактически встал над ЦК партии. А.А. Аргунов в 1933 г. написал: «Задача русского отдела — установление связей с Россией, но наша связь с ней незначительна. Мы не имели и не имеем своих пунктов переправы на границе. Все находится в благо-склонных, но чужих для нас руках. Мы не можем гарантировать правильное получение нашей литературы в России. Только сибиряки сами носят литературу через границу. У нас нет путей направления в Россию членов партии. Мы этого не добились. Связь с Россией идет через Польшу путем шифров, иногда с помощью курьеров. Р<усский> О<тдел> нужно не только обеспечить деньгами, но и поставить правильно»⁷³⁹.

Новый Совет КР-ТКП был созван 16–19 апреля 1933 г. На Чрезвычайной Сессии Совета, в которой участвовали 17 из 20 избранных съездом членов ЦК и Совета партии, избранный II Съездом Центральный Комитет КР-ТКП ушел в отставку. Вместо него — на период до 3-го Съезда КР-ТКП были созданы Общее собрание членов совета партии, Совет партии и ЦИК КР-ТКП.

При поддержке провинциалов (большинством: 10 против 6-ти при 2-х отсутствующих представителях ДВК) группировка Маслова получила контроль над Советом партии и ЦИК КР-ТКП. Большинство старого ЦК (Аргунов, Бем, Личаченко, Ковалев и др.) неожиданно для себя потерпело поражение. Активисты партии из Парижа, Белграда, Берлина, Эстонии выступили на Совете на стороне С.С. Маслова. Они прямо говорили, что 90 % поступлений в партийную кассу обеспечивает С.С. Маслов и без него партия существовать просто не может. «С.С. Маслов единственный обеспечивает финансирование партии, — заявил К.И. Храневич. — За период с 1 по 2 съезд С.С. Маслов достал для партии более 900 000 ч<ешских> к<рон>, А.А. Аргунов знает, что если уйдет Маслов, уйдут из партии и деньги»⁷⁴⁰. Таким образом, констатируется, что за четыре с половиной года с декабря 1927 по июль 1932 партия получала примерно 200 000 чешских крон ежегодно. Сумма очень для русской эмиграции большая. С.С. Маслов фактически купил пост председателя ЦИКа⁷⁴¹, а А.А. Аргунов и А.Л. Бем, поставив на идеологическую критику, проиграли.

«Последние новости» писали, что эти «четыре дня были днями напряженной внутривнутрипартийной борьбы. Старые члены центрального комитета вступили в борьбу с лидером партии С.С. Масловым, которого обвинили в диктаторских приемах и в самоличном решении всех партий-

ных дел. Однако С. Маслов сохранил за собой на съезде большинство, в результате чего и произведена реконструкция аппарата партии. Старые руководители А.А. Аргунов, А.Л. Бем и другие вошли лишь в Общее собрание совета партии, собирающееся раз в год. <...> Текущая работа сосредотачивается в руках Центрального исполнительного комитета, председателем которого избран С.С. Маслов. <...> Таким образом, происшедшая реконструкция отодвигает на задний план большую часть наиболее ярких и активных членов руководящей головки партии и сосредотачивает управление партией в руках председателя Центрального исполнительного комитета»⁷⁴².

Тут возник и еще и новый конфликт — из-за прибывшего из Китая Владимира Васильевича Казакова (1900–1952). Пока о нем известно то, что он родился в 1900 г., почти всю жизнь прожил в Манчжурии и Китае. Осенью 1933 г. лидер ДВК Г.П. Грачев уведомил В.П. Челищева, а тот сообщил в Пражский центр «Крестьянской России»: «Г.П. <Грачев> к письму прилагает специальное уведомление на имя ЦИКа о том, что некто Казаков, прибывший в Прагу из Харбина, — агент ОГПУ»⁷⁴³.

В письме Г.П. Грачева из Харбина сообщалось, что с Казаковым связаны крупные провалы: «Двое командированных с Казаковым в его третьем походе <...> пропали без вести. <...> Сразу после провала иркутской организации решено было изолировать Казакова от дел партии»⁷⁴⁴. В своих показаниях в 1945 г. Б.В. Седаков указывал: «Примерно в 1930 году Грачев перебросил в Советский Союз рядового члена “ТКП” Казакова Владимира Васильевича, который доехал, кажется, до Иркутска, остановился в “доме колхозника”, где установил связь с находившимся там членом “ТКП” (фамилию его не помню) и через него познакомился с советским гражданином Мухиным. Последний якобы изъявил свое согласие вступить в “ТКП” и выехать за границу. Вскоре Казаков и Мухин нелегально перешли советскую границу и прибыли в Харбин. Как далее мне сообщил Грачев, он заподозрил Мухина в принадлежности к советской разведке и передал его китайской полиции, где Мухин якобы признался, что является советским агентом, однако ему каким-то образом оттуда удалось бежать и возвратиться в Советский Союз»⁷⁴⁵.

Г.П. Грачев указывал на подозрительное поведение В.В. Казакова в Шанхае: «По возвращении из Европы в Шанхай, Н.П. Малиновский сообщает мне, что в Шанхае Казаков живет на широкую ногу, втирается к нему и в казачьи организации и на вопросы, где он берет деньги на разъезды и беззаботное житье, Казаков отвечал: “Я член ТКП и живу за ее счет”. Я повторяю, что К<азаков> по нашему глубочайшему убеждению, агент ГПУ, повторяю и заклиная Вас быть с ним осторожным, говорю это от

имени ДВК»⁷⁴⁶. ДВК исключил Казакова из партии. В Праге решили провести свое расследование: Центральный Исполнительный комитет решил образовать «особую следственную комиссию», но о результатах ее работы в архивном фонде «Крестьянской России» информации нет.

Сам В.В. Казаков утверждал, что был комиссией реабилитирован. В письме К.В. Родзаевскому он опровергал обвинения в провокаторстве: «Потом мой конфликт с Грачевым, когда я ему предъявил требование удалить из опер<ативной> работы провокаторов в русском отделе, я ему назвал их по именам, в том числе и его родственника в Иркутске Григория Назарова, который после мухинской провокации, будучи заместителем руководителя тайной организации, когда были арестованы не только члены организации, но и подозреваемые, он один остался на свободе и пытался снова связаться с Грачевым, сообщая, что-де, мол, “не вся организация разгромлена, совершилось чудо, и я жив и продолжаю работать!” Чудеса в СССР бывают только с ведома ОГПУ.

Когда я сказал об этом Грачеву, он шекспировски трагически ответил: “Мои родственники не могут быть провокаторами!” Я ему указал, что находившийся в аппарате оперативной работы бежавший из СССР студент с парт. кличкой “Саша Черный” — провокатор — он не верил — результат — из<-за> этого провокатора погибли В. Антипьев, А. Почечукин и др. — Где сейчас этот тип — бежал в СССР! Дальше я говорил, что сторож таможни в Сахалине, через которого велась работа на Амуре “Степан” — провокатор. Грачев не верил — сейчас этот Степан в ГПУ в Хабаровске. Я предупреждал Грачев о “сапожнике” в Хайларе — он заявил мне, что я страдаю манией подозрительности — и этот “сапожник” уже в СССР»⁷⁴⁷. Надо отметить, что опровержения Казакова выглядят не столь уж убедительными. Так, упоминаемый им «сторож» Степан уж точно оказался в ГПУ не по своей воле, он был арестован летом 1936 г. в Хабаровске вместе с пробиравшимися в СССР активистами КР-ТКП Н. Моревым и Ю. Лучаниновым.

Доступная автору информация показывает лишь то, что В.В. Казаков в 1935–1936 гг. был руководителем одной из двух групп КР-ТКП в Шанхае⁷⁴⁸. Он информировал через члена ЦИК КР-ТКП В.Ф. Бутенко о ситуации на Дальнем Востоке польскую и румынскую разведки и тем был полезен для центра в Праге. Для сторонников С.С. Маслова В.В. Казаков, похоже, остался вне подозрений. На следствии Б.В. Седаков давал ему такую характеристику: «Казаков Владимир Васильевич, эмигрант, казак забайкальского казачьего войска. <...> С 1928–29 гг. состоит в “Трудовой Крестьянской партии”. До оккупации Манчжурии японцами Казаков проживал в Харбине и входил в состав “дальневосточной партийной

группы”, а затем переехал в Шанхай и до последнего времени входил в шанхайскую партийную группу. В 1930 году по поручению дальневосточного областного комитета нелегально ходил в Советский Союз, благополучно дошел до Иркутска, доставив по пути антисоветскую литературу нелегально существовавшим в СССР двум группам “Трудовой Крестьянской партии” (где находились эти группы и кто входил в их состав — я не знаю) и вернулся обратно в Манчжурию. Проживая в Шанхае, Казаков состоял на службе в японской военной миссии»⁷⁴⁹.

Можно предположить, что и в случае с В.В. Казаковым советскими спецслужбами была предпринята попытка внедрить в «Крестьянскую Россию» своего агента. В весьма лаконичной справке из ЦА ФСБ РФ о В.В. Казакове говорится: «В 1932 г. переехал в Москву, затем в Прагу. В 1934 г. вернулся из Европы в Шанхай»⁷⁵⁰. О заезде Казакова в Москву по пути в Прагу руководству КР-ТКП не было известно, поэтому можно предположить, что тот совершил поездку в Прагу как раз по заданию советских спецслужб. В.В. Казаков поспособствовал раздорам, дискредитировал в Праге Г.П. Грачева, а затем возвратился в Китай и поселился в Шанхае. Оттуда он в 1935–1936 гг. посылал донесения в Прагу о политическом положении в Китае. Эти доклады из ЦИКа КР-ТКП перепродавались агентам польской разведки, выдавшим себя за английских и румынских представителей.

Судьба В.В. Казакова, как и бывает с агентами, была печальна: как информатор резидентуры военной разведки Польши он упоминается в полученных МГБ СССР в начале 50-х гг. из Варшавы досье. В.В. Казаков был 5 марта 1952 г. арестован в Читинской области СССР «за вражескую работу против Советского Союза». Военной Коллегией Верховного суда СССР 4 сентября 1952 г. он был осужден к высшей мере наказания. Расстрелян в Москве 1 октября 1952 г.⁷⁵¹ К сожалению, материалы дела В.В. Казакова не были предоставлены автору ЦА ФСБ.

С конца 1933 г. внутрипартийные отношения в КР-ТКП обострились до предела. А.Л. Бем подчеркивал в своем докладе о кризисе в партии, что «пафос крестьянства упал в сознании руководящей ныне части партии». Идет постепенный отказ о линии «крестьянскости»: «Под влиянием политического нетерпения и под давлением активности мы стремимся привлечь симпатии эмиграции, отказавшись от “классовости”»⁷⁵². А.Л. Бем отметил, что руководство партией оказалось в руках людей, для которых «тактика перевешивает все», разрушена гармония понятий «родина» и «крестьянство». Так «ведут партию к гибели», ведь ТКП — «партия не общенациональная» и не может взять на свои плечи тяжесть всех общенациональных задач. Бем сетовал, что в журнале «Знамя Рос-

сии» идут нападки на парламентарный строй и на демократию вообще. Этим подрывается идея борьбы против большевиков — они «пригашают активность партии»⁷⁵³, «исчезает возможность политического соглашения с другими демократическими группировками»⁷⁵⁴. Выступление А.Л. Бема было проигнорировано руководством КР-ТКП.

А.Л. Бем указывал, что он останется в партии, «пока остается в силе наша идеология, основанная на признании, что Партия ставит своей целью быть выразительницей чаяний и интересов крестьянства, что она стоит на точке зрения народовластия, а следовательно, и демократического устройства будущей России (вопрос переходного времени — особый), что в своей внутренней структуре она строится на принципе равноправия, а не единоначалия, что партия является единой и исключает возможность создания “внутренней организации” под какими угодно наименованиями»⁷⁵⁵.

Со стороны историка-архивисту А.Ф. Изюмову даже казалось, что С.С. Маслов в чем-то копирует национал-социалистов, о чем он писал в Париж 26 сентября 1933 г.: «А с Масл<овым> занятая шутка происходит. Он просто все старье зажал в тиски. Они ему совсем не нужны; как никак, а все же у них старые демократические воспоминания, а он считает себя кандидатом в русские фашисты (главой, конечно — сколько этих глав появилось, одна голова даже из Америки приезжала⁷⁵⁶). Поэтому всех Арг<уновых>, Чел<ищевых>, Бем<ов> он сдал в совет партии и приказал им собираться раз в год, и то без возможности делать революции. Сам же, набравши дружину молодшую, вершит всем»⁷⁵⁷. Аналитики польской разведки в справочнике 1935 г. также отметили: ««Идеология, представленная Масловым, очень близка к идеологии итальянского и немецкого фашизма. Программа партии по крестьянскому вопросу предусматривает создание зажиточного, не поддающегося коррупции класса крестьян-единоличников. Однако программа не исключала добровольного объединения крестьян в крестьянские кооперативы»⁷⁵⁸.

Спор внутри КР-ТКП 1934 г. продолжился в связи с разными оценками событий в Китае, оккупацией Манчжурии и перспектив возможной войны СССР и Японии. 17 января 1934 г. ЦИК КР-ТКП лишил Г.П. Грачева звания Уполномоченного ЦИК на Дальнем Востоке за несанкционированное подписание ДВК договора с Крестьянско-Казачьим объединением и Дальневосточной группой Сибиряков-областников, из которого следовала поддержка оккупации части территории СССР под лозунгом: «Через освобождение Сибири — к освобождению России!».

В отличие от С.С. Маслова А.А. Аргунов считал возможным воспользоваться советско-японским конфликтом. Группа Аргунова – Бема в пись-

ме от 1 марта 1934 г. поддержала ДВК в том, что оккупация части советской территории Японией будет полезна для победы над большевистской диктатурой, и не посчитала вредным лозунг Грачева.

Надо отметить, что еще в феврале 1932 г. после оккупации Манчжурии Японией, как указывалось в документе русского Беженского комитета, «некоторые наиболее беспокойные группы, группировки и даже отдельные лица, стремящиеся “возглавить” эмиграцию независимо от воли и желания самой эмиграции, посетили представителей японского командования»⁷⁵⁹. Упомянуто в числе группировок, «конкурирующих в деле объединения эмиграции», и «Демократическое объединение» с участием Е.С. Кауфмана, Г.П. Грачева, А.П. Гурченко и других»⁷⁶⁰. Известный исследователь русской эмиграции в Китае Г.В. Мелихов считает этот блок прояпонским. Но в 1932 г., когда Г. Грачев уже входил в этот проект, а затем летом участвовал в съезде КР-ТКП и успешно гастролировал с лекциями по Европе, и это никакого осуждения у С.С. Маслова не вызывало. А через два года, после того как ДВК поддержал Аргунова, Грачев сразу был обвинен в антипатриотических действиях. Г.И. Царик в 1934 г. писал о «безудержном японофильстве» Г.П. Грачева и журнала «Русский пахарь», о том, что там приветствуется интервенция⁷⁶¹. Так что вопрос о сотрудничестве с Японией был не причиной, а поводом для разрыва отношений между сторонниками С.С. Маслова и А.А. Аргунова.

На конференции ДВК в Харбине 18 марта 1934 г. было принято решение: «объявить во всеобщее сведение по партии о нелегальности возглавляемого С.С. Масловым органа, именующего себя ЦИКом партии “КР”. Вперед до созыва 3-го съезда партии считать состояние партии лишенным законного центрального руководящего органа. Вследствие этого до избрания 3-м съездом партии законного центрального комитета действовать самостоятельно и независимо от самочинно возникшего в Праге органа, возглавляемого С.С. Масловым»⁷⁶².

На Совете КР-ТКП 18 марта 1934 г. в Праге С.С. Маслов и его сторонники провели от имени большинства решение, что партия будет занимать позицию борьбы с большевиками при защите целостности СССР, как правопреемника России. Решением Совета глава Дальневосточного комитета «Крестьянской России» Г.П. Грачев был исключен из партии.

В ответ 4 апреля 1934 г. группа членов Общего Собрания Совета партии: А.А. Аргунов, А.Л. Бем, В.Н. Челищев, Д.Н. Иванцов, М.Ф. Ковалев, М.В. Личаченко и член Совета И.П. Верещагин, — объявили через газету «Последние новости» о своем выходе из партии⁷⁶³. Ранее 21 февраля вышел из партии член Совета В.В. Васильев⁷⁶⁴. Польские летописцы жизни русской эмиграции из 2 отдела Генштаба описали кон-

фликт: «С этого времени (май 1933⁷⁶⁵) в рядах центральных органов партии отмечаются внутренние трения. Результатом этих трений является выход из партии 7 ее основателей, а именно: Председателя ЦИК Аргунова, Бема, Д. Иванцова, М. Ковалева, М. Личаченко, В. Челищева и председателя Дальневосточного комитета этой партии Грачева. Первые шесть членов, за исключением Грачева, создали в Праге “Представительство объединенных дальневосточных крестьянско-казацких групп”. В данный момент партия переживает полосу взаимных обвинений. Главное обвинение, предъявляемое Грачеву, — это заключение соглашения между Дальневосточным Комитетом, т. е. партией, которую он представляет, и группой сибирских автономистов и “Крестьянско-казацким объединением”. Причиной выхода вышеуказанных членов явилось слишком произвольное разрешение вопросов Дальневосточного Комитета со стороны руководства партии во главе с Масловым. Теперешний диктатор партии Маслов объясняет выход этих 6 членов расхождением во взглядах на систему руководства в партии, а также на систему борьбы, которая, по мнению Маслова, должна носить более активный характер»⁷⁶⁶.

В середине 1934 г. ДВК выпустил в Харбине последний номер журнала «Русский пахарь». С.С. Маслов был подвергнут резкой критике как «изменник крестьянскому делу»⁷⁶⁷. Было заявлено, что в партии «окрепли течения, чуждые крестьянской идеологии», произошел «пагубный для партии в тактическом отношении перенос Сергеем Масловым удара со слова “крестьянство” на слово “Россия” в постановке задач партии»⁷⁶⁸.

Авторы журнала с классовых позиций упрекали ЦИК: «наш партийный состав на 90 % — чисто крестьянский, в европейских организациях крестьян почти нет. Большинство членов Дальневосточной организации бежало из СССР в годы коллективизации»⁷⁶⁹. Организация на Дальнем Востоке менее оторвана от советского населения: постоянно пополняется новыми членами из числа беженцев, «с трудом и чрезвычайными усилиями мы все же поддерживаем живую связь с друзьями на территории СССР, у европейских организаций, к сожалению, возможностей в этом отношении значительно меньше»⁷⁷⁰.

Егор Волгин объявил «наивностью эмигрантского обывателя “новое” представление Сергея Маслова о том, что в России нет в настоящее время отдельных интересов крестьян, рабочих, служащих. Существуют только беды и нужды “всей России”, ибо они едины у всех социальных слоев русского населения». Он заявил, что «представления Сергея Маслова не старые, а новые представления вождей белого движения. Отправляясь от этих представлений, Сергей Маслов повторяет губительную ошибку своих предшественников. <...> Даже людям, далеким от нашей

партии, ясно, что главную силу в предстоящей борьбе за уничтожение диктатуры коммунистической рабочей партии будет представлять крестьянство»⁷⁷¹.

Другой критик нового курса А. Смагин посчитал, что С.С. Маслов обиделся на крестьянство: «Выходило так, что крестьянство не оправдало его надежд. Десять лет он ждал, что крестьянство свергнет большевиков. А в действительности большевики остались целыми. Надоело Маслову ждать, изуверился он в крестьянстве и стал искать боевую силу вне крестьянства. То на комсомольцев, то на чиновников советских поглядывал, то на рабочих, то на каких-то национально-мыслящих. И изменил крестьянству»⁷⁷². Автор сделал яркий вывод: «Из крестьян Маслов перетянет к себе только дураков»⁷⁷³.

Большинство ДВК встало на позиции А.Л. Бема, упрекавшего С.С. Маслова в неоправданной ревизии прежней линии. В ответ глава Совета партии В.Е. Татаринцов объяснял причины корректировки тактики, вопреки линии, утвержденной на 2-м съезде: «Признавая первенствующую роль крестьянства в России — таких сомнений я ни у кого не встречал — мы можем считать по соображениям чисто геополитическим, что удар легче нанести в городах, что поэтому без городского населения, в особенности без армии, мы не обойдемся, что поэтому надо привлечь и эти элементы на нашу сторону, для чего как-то расширить рамки нашей идеологии, сделать ее общенациональной. Обращаю Ваше внимание, что только в результате подобного процесса крестьянские партии в Чехословакии и Румынии пришли к власти»⁷⁷⁴.

На Общем собрании Дальневосточных Объединенных групп партии в Харбине 9 июля 1934 г. большинство ДВК КР-ТКП оказалось за Г.П. Грачевым. Руководство ЦИК в Праге решило в дискуссии с Герасимом Грачевым и его сторонниками далее не вступать. 26 ноября 1934 г. на заседании в Праге Совет КР-ТКП распустил ДВК, исключив из партии трех его членов во главе с Грачевым.

Зам председателя группы в Харбине Е.М. Агапов основал Сибирскую крестьянскую группу, в которой также участвовали Ю. Томан, Р. Ган, В. Кряжковский и др.⁷⁷⁵ Эту структуру признал ЦИК КР-ТКП в Праге. Совет КР-ТКП объявил перерегистрацию, которая была поручена новому Бюро Дальневосточных организаций в Харбине⁷⁷⁶ во главе с Е.М. Агаповым. В группу вошли также Н.Я. Морев, Я.С. Морев, И.И. Вонсович и М.М. Никирев (из КР-ТКП вышел в марте 1935 г., вступил во Всероссийскую фашистскую партию К. Родзаевского), которых Г.П. Грачев пытался исключить из партии. Организация Е.М. Агапова выступала в Харбине от имени КР-ТКП до конца 30-х гг.⁷⁷⁷

Самостоятельная организация Г.П. Грачева через некоторое время прекратила работу из-за полного отсутствия средств. Деньги для «Русского пахаря» с конца 1933 г. пытался найти А.А. Аргунов. Он обращался в Нью-Йоркскую группу КР-ТКП и к А.И. Гучкову. Пытался заинтересовать его в получении эксклюзивной информации с Дальнего Востока. А.А. Аргунов писал о «Русском пахаре»: «Каждый номер этого журнала (сами набирают, никакого гонорара нет и пр.) обходится им в 300–400 ваших фр<анцузских> франков. Я уверен, что как редакция “Рус<ского> Пахаря”, так, вообще, тамошняя организация может быть вам полезной: в ее распоряжении постоянный и интересный материал из Сибири, с которой они хорошо связаны. Полагаю, что организовать непосредственную посылку вам сведений будет не трудно, и Г. Грачев это устроит, если пожелаете»⁷⁷⁸.

В.Н. Челищев в мае 1934 г. писал, что он через А.И. Гучкова добивался от спонсоров «необходимости из средств, получаемых С.С. <Масловым> из Югославии, выделить часть на Д<альний> Восток, отколовшийся от Праги», и Гучков обещал «посоветовать Белграду иначе распределить средства»⁷⁷⁹. Но, видимо, средства от А.И. Гучкова или других спонсоров не были получены, последовал уход Грачева из политики, переезд его из Харбина с группой друзей в маньчжурскую деревню для занятия сельским хозяйством.

С 17 мая 1934 г. Грачев жил в концессии Кондо, пос. Кондовка (другое название — станция Яблоня) в Манчжурии. Был старостой, членом церковно-приходского совета поселка. В отчете о собрании на ст. Яблоня 7 ноября 1936 г. Г.П. Грачев представлен как «талантливый оратор от крестьян»: «Оратор говорит, что в этот день скорби и непримиримости обратим свой убийственный взор на прошлое, настоящее и будущее нашей Родины. В прошлом у нас было равенство экономических возможностей. Тогда бедняк мог быть богачом. Тогда умный, способный мог создавать материальные ценности и за их счет осчастливить свое потомство. В настоящем Россия — страна рабства, колония коммунистической партии. В СССР нет равенства возможностей, как нет равенства вообще. У русского человека отнят стимул творческой деятельности, в своем труде он равняется на худшего. Будущее нашей Родины: интересы государства должны быть гармоничны с интересами народа. В будущей России должно быть обеспечено равенство материальных, культурных и общественных возможностей для каждого. Выше голову, россияне. Наши предки спасали Россию от множества нашествий варваров! Спасем ее и мы от кровавых варваров — коммунистов!»⁷⁸⁰ В 1937 г. Грачев служил на ст. Яблоня десятником на лесной концессии. С сентября 1938 г. в Харбине.

В 1939 г. переехал на станцию Ашихе (Ашехэ). В 30-е гг. Грачев все еще находился под наблюдением советских спецслужб. В «Спецсообщении Н.И. Ежова И.В. Сталину об эсерах» от 10.02.1938 утверждалось, что сфабрикованная НКВД «военно-эсеровская организация также была связана со своими эмигрантскими центрами (с руководителем ТКП МАСЛОВОМ в Праге и руководителями ТКП АГАПОВЫМ и ГРАЧЕВЫМ в Харбине и Мукдене) и иностранными разведками⁷⁸¹.

В феврале 1939 г. Г.П. Грачев выступил в Центральном русском клубе Харбина с докладом «Итоги советского сельского хозяйства к 1939 году и жизнь крестьянина под игом коммунизма». По материалам доклада по 1 мая 1939 г. в издательстве Всероссийской фашистской партии «Наш путь» (Харбин) вышла книга Г.П. Грачева «Советское сельское хозяйство и российский крестьянин». В предисловии подчеркивалось, что «Г.П. Грачев — не фашист. Но он видит нашу работу и в свою очередь пользуется нашим уважением»⁷⁸². Свои политические взгляды в конце 30-х годов Г.П. Грачев определял так: «Демократ-народник».

Оставшись в руках С.С. Маслова, КР-ТКП к концу 1934 г. явно изменила риторику, подчеркивая приверженность не только защите интересов крестьянства, о чем авторы «Знамени России» никогда не забывали, но и общедемократическим принципам. Но полемические «классовые» нападки на ЦИК от имени крестьян их оппонентов из Харбина не делают вполне убедительным однозначный вывод современного исследователя А.А. Куренышева, что к концу 30-х годов ТКП «фактически превратилась в партию реставрации буржуазных порядков посредством установления политической диктатуры»⁷⁸³.

Явно незнакомый с полемикой внутри КР-ТКП 1933–1934 годов, автор присовокупляет к своей оценке лишь ссылку на мемуары Г.А. Малахова⁷⁸⁴ и заимствует мнение политика, принадлежавшего в 1934–1936 гг. к крайнему левому крылу партии. Дело в том, что Г.А. Малахов безуспешно предлагал большинству КР-ТКП принять свою идеологию «трудовизма» — нечто в духе концепций «третьего пути» между социализмом и капитализмом. Между тем, официальная идеология КР-ТКП всегда имела в себе наряду с «крестьянскостью», предлагавшейся в разное время в разных дозах, и устойчивые элементы правого социал-демократизма. Критике недостатков капитализма 30-х годов с социальных позиций были посвящены многие работы, печатавшиеся в «Знамени России», к примеру, В.Е. Татарина, Д.Н. Иванцова и К.И. Храневича.

Что же до диктатуры, то необходимость «диктатуры переходного периода» «Крестьянской Россией» признавалась еще с 1 съезда в 1927 г., а ее механизмы коллективно прорабатывались на 2-м съезде КР-ТКП в

1932 г. У С.С. Маслова и у его будущих критиков А.Л. Бема, А.А. Аргунова, Г.П. Грачева имелись лишь малые расхождения в деталях и формулировках того, как и во имя чего «диктатура переходного периода» должна осуществляться.

Существует общее мнение исследователей, что после выхода из партии А.А. Аргунов переключился на общественную работу в русской диаспоре, а А.Л. Бем занимался исключительно научной и литературной деятельностью. На самом же деле эта группа оставалась в эмигрантской политике. Протоколы заседаний Пражского демократического клуба за 1935–1936 гг., найденные мною в ГАРФ, показывают, что в регулярной работе этой организации участвовали как сторонники П.Н. Милюкова из РДО (В.А. Харламов, Д.И. Мейснер), так и бывшие члены КР-ТКП (А.А. Аргунов, М.Ф. Ковалев, А.Л. Бем)⁷⁸⁵. За два года прошло более трех десятков заседаний, на которых обсуждались вопросы внешней политики, события в СССР, выработывалась тактика сторонников республиканско-демократического движения в случае начала войны.

Так, с докладом «Эра войн или революций» 23 ноября 1935 г. выступил, например, М.Ф. Ковалев, прозорливо отмечавший заинтересованность Сталина в том, чтобы мировая война началась без СССР, в расчете на то, что «война без России вызовет европейскую революцию»⁷⁸⁶. 30 ноября 1935 г. обсуждался доклад А.Л. Бема «Единый фронт в вопросах культуры». Он проанализировал использование литературы в качестве средства политической пропаганды, ориентированной на европейские демократии, отмечая, что сталинизм попытался «показаться культурным лицом к Европе и противопоставить себя гитлеризму»⁷⁸⁷, но на самом деле для Кремля «борьба за мир — борьба за плацдарм мировой революции»⁷⁸⁸. Таким образом, вывод чешского исследователя М. Бубениковой о том, что после того как он в 1934 г. подал прошение о чехословацком подданстве, А.Л. Бем «вряд ли мог продолжать активную политическую деятельность против статус-кво в Советском Союзе»⁷⁸⁹, не соответствует действительности.

Пражский демклуб, членами которого были и оппозиционные С.С. Маслову бывшие члены КР-ТКП, работал как минимум до конца июня 1936 г. 5 июня 1936 г. с докладом на тему «Оборона России и государственный строй страны» выступал П.Н. Савицкий, а в обсуждении принимали участие А.А. Аргунов, М.Ф. Ковалев и др.⁷⁹⁰

11 октября 1935 г. клуб обсуждал доклад представителя газеты «Последние новости» в Праге Д.И. Мейснера «Эмиграция сегодняшнего дня». Констатировался общий упадок. М.Ф. Ковалев спрашивал: «Чувствуется ли замерзание политичес<еской> жизни? Съезживается почва». Некий Мос-

квин констатировал «Кадров не имеет никто. Большинство групп живут, чтобы что-нибудь хапнуть»⁷⁹¹. «Нар<одных> соц<иалистов> как группы нет», — заявил А.Ф. Изюмов. Д.И. Мейснером дважды был задан вопрос: «Существует ли “Кр<естьянская> Россия”?»⁷⁹².

Ответ в протоколе собрания не отмечен. Но поставлен он был правомерно. Ведь в результате раскола «Крестьянская Россия» потеряла значительный потенциал. Часть членов КР-ТКП даже ушла в правые организации, как Г. Бренев, заведовавший в конце 20-х гг. переброской литературы из Финляндии в Ленинград⁷⁹³. Кадровых потерь после раскола 1934 года у партии было немало. Явным приобретением было вступление в КР-ТКП в 1933 г. лондонского кооператора, главы «Северного Общества» (Общества русских северян) А.В. Байкалова⁷⁹⁴. Ранее он организовал приезд С.С. Маслова в Великобританию и его выступление в Лондоне 22 декабря 1931 г. с докладом «Год кризиса».

Новым секретным членом руководства КР-ТКП в начале 30-х гг. стал священник Чешской православной церкви протоиерей Всеволод Коломацкий (1896–1980), который еще в 1933 г. был избран в состав Совета КР-ТКП⁷⁹⁵. Активист партии Иван Верещагин вспоминал, что его знали под псевдонимом «Владимиров»: «Звали мы его отцом Всеволодом, около 50 лет, офицер Деникинской армии, с которой бежал за границу. Проживал в Праге. Служил в чешской армии священником. Член партии с 1930 года, в ЦК избран в 1933 году»⁷⁹⁶. Б.В. Седаков сообщал, что «Коломацкий Всеволод Владимирович <...> в 1933 году, находясь в Праге, вступил в члены “Трудовой крестьянской партии” и в этом же году был введен в состав ЦИК’а “ТКП”. Однако никакой работы в партии не проводил, в Праге бывал наездами и за весь период пребывания в партии (с 1933 по 1939 гг.) всего раза три был на заседаниях ЦИК’а»⁷⁹⁷.

Несмотря на принятое Советом КР-ТКП решение по проведению третьего съезда «Крестьянской России», намеченного на осень 1934 г.⁷⁹⁸, созван он не был. Съезд постоянно переносился. Последней датой его проведения назывался уже 1937 год⁷⁹⁹. Можно констатировать, что к этому времени КР-ТКП превратилась в структуру вождистского типа, ориентированную лишь на фигуру лидера — С.С. Маслова, свои ряды не расширявшая и заметная, прежде всего, благодаря регулярному выпуску ежемесячного журнала «Знамя России».

Глава III

Победа вождизма

КР-ТКП как лидерская организация С.С. Маслова (1934–1953 гг.)

3.1. Партия под «Знаменем России»

Политическая и издательская деятельность КР-ТКП в 1933– 1937 гг.

Несмотря на раскол партии единоличный теперь лидер КР-ТКП С.С. Маслов смотрел на будущее организации спокойно, видимо, потому, что организация сохранила дотации спонсоров. Он оставался известной в Праге публичной фигурой, но со скандальной репутацией. Кадетский деятель Н.И. Астров в 1934 г. так оценивал рассказы о «проникновении в СССР на работу»: «В современной практике это хлестаковщина с одной стороны (С. Маслов) и самоуверенное легкомыслие с другой»¹.

28 марта 1934 г. С.С. Маслов выступал в зале «Мещанская беседа». Доклад «Ломка и борьба» начинался со сравнения эпох Петра I и Сталина. Автор говорил о соблазнительности и неверности этого сравнения, анализировал «Съезд победителей», «мнимое и действительное» в объявленных победах, «причины малых успехов борьбы»². Он выдвигал на первый план уже борьбу рабочих. Но его оценки перспектив Зарубежья не отличались оптимизмом. «Роль политической эмиграции систематически слабеет. Эмиграция законсервировалась в том виде, в каком она ушла из России... не хочет замечать нового облика в современной России и напрасно отрицает достижения, осуществляемые русским населением, обычно помимо и вопреки власти. Эмиграция не замечает и не дает правильного анализа и мировых событий. Оратор говорит о «конце старого капитализма и о большом значении итальянского и германского опыта. В Германии наряду с многими безобразиями совершается огромное новое творчество. Эмиграция должна вместо разъединения стремиться к объединению и к активной борьбе», — так описал доклад Маслова пражский корреспондент «Последних новостей» Д.И. Мейснер³.

В конце ноября 1934 г. пражская организация КР-ТКП была разделена на две работающие в рамках партии независимые группы⁴. Это было

связано с усилением левых настроений в молодежном крыле партии, лидером которого был Г.А. Малахов, фактически возглавивший группу, собиравшуюся в пражских Страшницах.

1 декабря 1934 г. С.С. Маслов приветствовал съезд Независимого объединения чехословацких легионеров, благодарил эту организацию за дружественную позицию и поддержку российской эмиграции, в том числе и ее права на труд⁵. 12 декабря 1934 г. С.С. Маслов писал во Львов: «Вчера на большом собрании было удачное выступление моего друга Б.В. Седакова. Письмо пришло с Дальнего Востока. Там довольны (и очень хвалят) моей статьей об Александре (короле Югославии). Образовался кружок молодежи, и каждую субботу занимаюсь с ним. Вошли в тесное общение другими разными политическими организациями»⁶.

В этот период «Крестьянская Россия» оказалась втянута в разнообразные комбинации советских спецслужб. Так, в январе 1935 г. в Праге советскими агентами была подготовлена попытка похищения Михаила Михайловича Стрижева (1910–?). Этот молодой человек из крестьянской семьи, как он писал в своей биографии, воспитывался в школе и детдоме в коммунистическом духе. Добровольно пошел в 1928 г. в армию, учился в школах авиамотористов и авиатехников⁷. С 1931 г. служил в авиаотряде «ОСО» в Бобруйске. Стрижев пишет: «До июня 1932 г., несмотря на ухудшающееся с каждым днем положение, я верил в победу коммунизма. Переломным периодом моего отношения к сов. власти служит июнь м<еся>ц 1932 г., когда я, получивши отпуск, сумел узнать отношение рабочих и крестьян к сов<етской> власти»⁸. В июле 1932 г. юноша был исключен из комсомола и на месяц был отстранен от своих обязанностей. Помощник командира бригады по политчасти Гамбурга подал в штаб округа рапорт о демобилизации Стрижева «как неблагонадежного в политическом отношении»⁹.

Это решение не было принято, но затем Михаил утверждал, что случайно узнал от пьяного командира, что на него поступают новые доносы: «Гамбург роет под меня яму, и поставил целью посадить меня за решетку»¹⁰. Он решил, что готовится его арест, и сделал выводы.

21 февраля 1933 г. младший авиатехник Михаил Стрижев угнал самолет И-3 с аэродрома в Бобруйске: получив разрешение попробовать мотор на земле, он взлетел и, оторвавшись в облаках от погони трех истребителей и уйдя от обстрела, за 1 час 20 минут перелетел из СССР в Польшу.

В Польше М.М. Стрижев почти пять месяце давал военной разведке подробнейшие показания о советской авиации, занимающие в его досье до сотни страниц. С помощью военной контрразведки перебежчик полу-

чил уже 8 марта 1933 г. новые документы — вид на жительство в Варшаве и военный билет на имя Яна Стрежевского¹¹.

Михаил Стрижев оставил в Белоруссии молодую жену Марию Петрашкевич. Польская разведка переправила в СССР его письмо: «Манюська, ты наверно думаешь, что я тебя хочу забыть. Нет, Крошечка, я не такой. Мое сердце в состоянии только любить тебя одну. И в мне только одна мечта о том, чтобы ты была со мной. Но никак не могу придумать, как это сделать. А тем более потому. Что не знаю, где ты живешь и как живешь. Крошечка, обо мне ничего не думай, я себя чувствую очень хорошо. Крошечка, не верь, если тебе будут говорит что я сломал себе ноги, я очень счастлив и достиг того чего хотел. И остался таким же, каким был раньше. Манюська, когда получишь письмо, напиши мне, Крошечка, как ты живешь. Как себя чувствуешь, и как твое здоровье. И попрошу крошечка, береги свое здоровье, если будет здоровье, то будет все. Когда я получу от тебя письмо, Крошечка, я буду думать о том, чтобы тебя каким-либо путем перевести к себе»¹².

Мария Петрашевич ответила на условный адрес в Польше трагическим письмом, пришедшим в Варшаву 24 ноября 1933 г.¹³: «16 XI 33 Дорогой муж Мишенька. Посылаю тебе свой искренний привет и хорошие пожелание в твою жизнь. Милый котик, посылаю тебе второе письмо, и ответа почему-то нет. Неужели ты хочешь забыть всю жизнь меня. Я твои открытки получили и так рада, что ты про меня не забыл, <...> Мишенька, я обижена на тебя, что ты никогда ничего не сказал и бросил на произвол судьбы, и делал, что хочешь. У меня было последнее: родилась девочка, и была неживая. И очень жаль, что даже не осталось памяти твоей. Неужели ты забыл меня совсем, и не помнишь о встрече со мной. Живу у мамы, очень нуждаюсь, до сих пор не устроилась на работу. На днях обещают устроить в Ц.Р.К. в кооператив работать. Я думаю, когда буду работать, то для меня будет легче. Затем до свидания. Жду от тебя ответа М. Петрашкевич»¹⁴.

В Польше М.М. Стрижев политически «развился». Переправленные польской разведкой в СССР письма Стрижева своим родственниками и сослуживцам (поляки сохранили фотокопии) походили на прокламации. Они полны инвектив, в которых антисемитские штампы перемешаны с проклятиями режиму. Вряд ли идеи беглого советского авиатехника были исключением: на допросах в польской разведке он назвал с десятков фамилий служивших с ним летчиков и специалистов, которые придерживались подобных взглядов¹⁵.

Видимо, С.С. Маслов позвал М.М. Стрижева в Прагу. Функционер КР-ТКП Б.В. Седаков в 1945 г. так припоминал биографию Стрижева:

«В 1932–33 г.г. перелетел на самолете (кажется с Минского аэродрома) в Польшу, а затем приехал в Прагу. В 1933 году вступил в члены “Трудовой крестьянской партии”. Состоял в “пражской партийной группе”. Выступал с антисоветскими докладами»¹⁶. Очевидно, С.С. Маслов использовал М.М. Стрижева в рекламных целях. С чем мог выступать беглец? Я выбрал отрывки из письма «другу Саше»: «И что мы сейчас видим? Что Россия превратилась в какое-то пекло, где народ мучается, а не живет. Крестьянин при настоящей коллективизации поставлен в положение крепостного права, и на основе этого всего отобран интерес не только к труду, но и к жизни. <...> И что мы видели с Украины прошлый год, то, что ее так ограбили, что весной крестьяне кушали собак, потому что больше было нечего. В этом году с Украины брать будет нечего, осталось еще одна Белоруссия, где собаки целы.

Сейчас посмотри на жизнь рабочего. Рабочий последние 4 года работал как вол, верил в те басни, которые ему рассказывали коммунисты, “старые борцы за свободу”, ожидал, выполняя Пятилетний план, и, наконец, дождался выполнения. Сделал страну индустриальной. Улучшил свое положение на “черт знает сколько процентов”, и после этого должен сотнями тысяч умирать голодной смертью. И вот все вместе взятое, чем можно назвать? Можно назвать только лишь издевательством над народом — крепостно-бандитским рабством. <...> И скажу Саша, что это знают рабочие, и отлично понимают крестьяне. Но они бессильны. Они ожидают, пока это поймет Армия.

Саша, вам, наверное, известно, что уже горит Сибирь и Украина, и скоро будет гореть Белоруссия, потому что народ вышел из терпения — терпеть такую гадость. И я отлично понимаю, что некоторых из вас обманут и заставят расстреливать, тех, кто не хочет умирать голодной смертью, кто идет на борьбу за жизнь, какой жизнью которой должен жить человек. <...> В общем, Саша, ты сам это отлично видишь и понимаешь, что соввласть держится только на Армии. Если Армия чуть шевельнется, так народ разом перережет <...> коммунистов. И сделает Россию не такой, как она является в настоящее время, а Россию, где люди будут жить человеческой жизнью и не умирать сотнями тысяч с голоду»¹⁷.

О настроениях армии и народа СССР М.М. Стрижев мог бесхитростно рассказать: «Отношение к Армии до 1928 г. было очень хорошее. Но как только появилась коллективизация и ликвидация кулачества, изменилось. Компартия для проведения как можно быстрее плана коллективизации и ликвидации кулачества как класса посылала на эту работу лучших партийцев из армии.

Эти партийцы старались выполнить задания партии и показать свой героизм на фронте коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Производили ликвидацию не только кулаков (богатых крестьян), а всех тех, кто не хочет идти в колхоз. Тех крестьян, которые открыто выступали против колхозов, с ними не считались, и не смотрели кто он, кулак или бедняк, а приезжал ночью автомобиль ГПУ., забирал и до свиданья — в Соловки.

И за эти зверства, которые были проделаны партийцами Армии и ГПУ, крестьянство стало ненавидеть Армию, а еще более партию и комсомол.

Отношение рабочих к Армии в последнее время стало так же не хорошее главным образом из-за того, что города в настоящее время живут голодной жизнью. Довольны только тем, что достанут кое-где хотя картошки, а комсостав армии, получая хорошие пайки, спекулирует этими пайками, и с рабочего который в м<еся>ц зарабатывает какие-либо 90–100 руб. берет за 16 кг. рж<аной> муки 150–180 руб<лей>. И вот эта спекуляция подорвала авторитет и симпатии не только комсостава Армии, но и авторитет компартии.

Та голодная и скучная жизнь населения СССР в последнее время стала ощущаться на политнастрое летного состава. Мало того, что пишут в письма мать и отец, что умираем с голоду, но эта голодная жизнь начинает доходить и до него. Начинают ему сокращать пайки и кормить гнилой рыбой. Поле ночных полетов приходит усталый, а ему дают два стакана кипятку и кусочек хлеба грамм 200, а больше точка, сколько не проси, все равно не получишь потому что нет. И среди летного состава есть уже такие разговоры, что строили, строили четыре года, и не черта нет. Строили и кожевенные фабрики, и гигантские фабрики обуви, а все население СССР ходит в лаптях. С этими настроениями и разговорчиками политорганы ведут борьбу, объясняя настоящее положение страны временными трудностями — трудностями роста.

Троцкизм и правая оппозиция в очень яркой форме проявлялся в начале пятилетки. И в то время среди летного состав и так же и среди комсостава и политсостава другого рода войск были люди, которые соглашались с троцкизмом и правой оппозицией. Но этими людьми велась самая решительная борьба. В последние года пятилетки эта борьба принимала уже более жесткий характер, и те лица, которые попадали под влияние правой оппозиции и троцкизма совершенно убрались из армии, и если они продолжал свою работу в гражданских условиях, им пришивали контрреволюцию. И — на Соловки. И в связи с этим террором открытые выступления комсостава со взглядами троцкизма и правой оппозиции были ликвидированы»¹⁸. В общем, Москву выступления Стрижева вряд ли радовали.

В подготовке похищения М.М. Стрижева подозревался некий Александр Брабец, по документам чехословацкой полиции проходящий как «советский агент». Он предложил Стрижеву выехать с ним в Вену в качестве охранника при контрабандной операции. На месте встречи в темном уголке старой Праги Стрижева в машине уже ждала группа захвата.

Но благодаря обращению в полицию С.С. Маслова и Б.В. Седакова 26 января 1935 г. похищение было предотвращено. За Брабцем велась слежка, при обыске были обнаружены компрометирующие документы¹⁹. Брабец был арестован, из-за недостатка улик через несколько месяцев он был освобожден, но оставлен под надзором полиции. О дальнейшей судьбе перебежчика ничего не известно. Б.В. Седаков заявил, что М.М. Стрижев «в 1936 году из партии вышел, и я с ним больше не встречался»²⁰.

Единичные операции КР-ТКП в СССР в этот период продолжались. Так, в 1933 г. была сделана попытка направить в Москву жившего в Болгарии Н.Г. Григорова, в частности, чтобы выйти на знакомого Маслова, бывшего эсера Николая Васильевича Архипова. Тот был связан с одним из «погибших ныне основателей “Крестьянской России” в 1920 г. в Москве»²¹. Согласно показаниям Б.В. Седакова, «Григоров Николай Григорьевич, бывший офицер белой армии, после эмиграции за границу проживал в Болгарии. Летом 1933 года Григоров приехал в Прагу и некоторое время проживал на квартире у Маслова. Недели через две Григоров был переброшен в Советский Союз. <...> Как я потом узнал, это была вторичная переброска Григорова в Россию. О первой переброске никаких сведений я не имею»²². «Перед переброской Григорову было дано задание сначала посетить Ленинград, где установить связь с нелегальной группой “Трудовой крестьянской партии”, руководившейся Павловым (партийная кличка “дядя Володя”), ознакомиться с ее работой и дать практические указания по дальнейшей работе, а затем выехать в Москву для установления связи с Архиповым. После переброски, которая производилась через Польшу под руководством Бутенко, Григоров благополучно достиг Ленинграда и прислал нам условную открытку, что ленинградскую группу посетил и выехал в Москву, однако после этого от него никаких известий больше не поступило, и он для нас бесследно исчез»²³.

Сотрудник польской разведки С. Васильев в своем сообщении от 18 сентября 1933 г. указывает: «Григоров Павел Константинович. Ходил в СССР в 1932 году на связь ВВ (не расшифровано. — М. С.), подробности о которой мне неизвестны. Там заболел и вернулся назад, связи не сделал. Вторично был послан на связь со служащим в зерно-Колхозном Объединении <...>. От него было письмо из Москвы, о том, что он при-

ехал и идет “в гости”. После этого ничего от него не поступало, и — надо думать, что человек пропал»²⁴.

Сведений об аресте Н.Г. Григорова ЦА ФСБ не предоставил. Так что он мог быть очередным агентом Лубянки. На эту мысль наводит и следующая провал. По словам Б.В. Седакова, осенью 1934 г., «“РОВС” из Вильно перебрасывал в СССР своего человека. <...> Находившийся в то время в Вильно Маслов договорился с руководством “РОВС”а, и дал перебрасывавшемуся человеку адрес и явку к Архипову. Этот человек также исчез бесследно»²⁵. «Маслов получил из Вильно письмо, в котором руководитель организации, перебросившей своего человека с заданием Маслова, обвинил партию “Крестьянская Россия” в провале переброшенного человека, который якобы был арестован сразу же после перехода границы», — показывал Б.В. Седаков²⁶.

В декабре 1934 г. Н.В. Архипов (жил в СССР по документам на имя Н.Н. Громова) неожиданно появился в Эстонии. Как писал С.С. Маслов, Архипов «был в Москве, служил в комиссариате финансов, грозил арест, предупредили, бежал в Питер, пытался устроиться там под чужой фамилией, ничего не вышло, и драпанул через русско-эстонскую границу»²⁷. Н.В. Архипов был задержан, сидел в тюрьме, но С.С. Маслову через главу пражского Земгора И.М. Брушвита добился в 1935 г. для Архипова визы на въезд в Чехословакию²⁸.

По версии Б.В. Седакова, «центральный комитет получил известие от Семенова, что Архипов бежал из Советского Союза, перешел границу в районе Печоры, где был арестован погранохраной Эстонской армии, но после заявления о том, что он пробирается к Маслову, был освобожден и передан Семенову. Летом того же года Архипов прибыл в Прагу. <...> Архипов сообщил, что он, проживая в Москве, имел фамилию Громов и работал в наркомате финансов, что вместе с ним работала также Елизавета Пашкова или Панкова. Осенью 1934 года эта женщина была арестована органами Советской власти. Боясь также быть арестованным, Архипов якобы несколько дней скрывался у знакомых, а когда узнал, что к нему на квартиру приходили сотрудники НКВД, немедленно уехал сначала в Ленинград, затем в Псков, откуда и перешел границу в Эстонию»²⁹.

Далее «Архипов вступил в члены “Трудовой Крестьянской партии”. Являлся членом бюро и секретарем “Пражской партийной группы”»³⁰. «Архипов жил в помещении редакции журнала “Знамя России”, исполняя обязанности по уходу за помещением и выполняя отдельные поручения по переписке материалов на машинке»³¹. Как сообщал Б.В. Седаков, «довольно скоро после приезда Архипова появилось подозрение, что он является советским агентом и прибыл в Прагу с заданием советской раз-

ведки»³². Архипов отвергал подобные подозрения. По словам Б.В. Седакова, «5 мая 1939 г. он внезапно из Праги исчез, и у нас сложилось мнение, что он является агентом НКВД, тем более что некоторые моменты из его пражской жизни также наводили на подозрение еще раньше»³³.

Все эти достаточно рискованные маневры лидеров КР-ТКП объяснялись необходимостью сохранять старые и искать новые источники финансирования. В условиях середины 30-х годов их могли дать связи со спецслужбами, интересовавшимися информацией из СССР.

Видимо, еще на рубеже 30-х гг. началось и периодическое сотрудничество руководства КР-ТКП с группой Виктора Богомольца, профессионального разведчика, сменившего за время своей работы в Европе в 20–30-х гг. несколько хозяев. Бывший офицер белой разведки (в армии Деникина) в 20-е гг. работал на румынскую разведку и параллельно — на разведку Великобритании (Secret Intelligence Service (SIS)). С начала 30-х гг. он обслуживал и польскую военную разведку в так называемой резидентуре «Барнаба» в Риге, а затем в Берлине. Его помощником в Польше был Стефан Васильев, о котором польские спецслужбы сообщали: «Васильев (Василин) в настоящее время румынский гражданин, бывший офицер царской армии — летчик, потом офицер армейской школы. Женат, один ребенок, теща. Как и Богомолец является профессиональным разведчиком. Учтивый, ловкий, с большим жизненным опытом и опытом разведывательной работы. Васильев представляет собой прекрасный, хотя и в меньшей степени, чем его патрон, тип профессионального эмигранта»³⁴.

В переданных в МГБ СССР в 1950-х годах документах Министерства обороны ПНР, анализировавших досье польской военной разведки 30-х годов, был сделан вывод о работе резидентуры «Барнаба», Богомольца и его заместителя Васильева с КР-ТКП: «Богомолец и Васильев поддерживали связь с русскими эмигрантскими организациями, главным образом с “Крестьянской Россией”. Связь с русской эмиграцией носила неофициальный характер — идейный в основном. Это был резерв, из которого они черпали агентов-курьеров для Советского Союза, резидентов и осведомителей из “оппозиции” в Советском Союзе, а также разведывательный материал, который имели эти организации.

В процессе установления связи с “Крестьянской Россией” 2-й отдел Генштаба потребовал исключить из агентурной связи членов этой организации, находящихся в Польше. Руководителем “Крестьянской России” был в это время (пропуск фамилии. — М. С.), будучи одновременно активным членом Антибольшевистской Лиги.

Первоначально, имея в Советском Союзе около двадцати резидентов и осведомителей (которые были связаны с организацией “Крестьянская

Россия” или непосредственно с резидентурой “Барнаба”), нужно было организовать постоянную связь с этими резидентами, с тем, чтобы потом расширить эту сеть. Агенты-курьеры вербовались главным образом из среды русских и белорусских эмигрантов, проживающих в Польше. Иногда вербовались и поляки. Подбором и проверкой агентов-курьеров занимался большей частью <Н.И.> Ильичев»³⁵.

Работа КР-ТКП с В. Богомольцем, действовавшим от имени румынской разведки, велась как минимум с 1931 г., как указывается в обзоре работы «Барнабы»: «1931 г. кроме установления связей с одной из наиболее действующих русских эмигрантских партий (что впрочем в свое время ему запрещали это делать) “Крестьянской Россией”, из состава которой Б<огомolec> перебросил из Румынии в СССР 12 чел<овек>, — не принес ничего нового. <...> Б<огомolec>у> разрешили поддерживать связь с “Крестьянской Россией”, однако с условием, чтоб представитель от этой партии был удален из Польши. Связь с этой организацией по поручению Б<огомolec>а> осуществлял Ильичев. Разведывательный материал, который получали в этот период времени, в общем был малоинтересным. Много сведений было взято прямо из прессы и ряд сведений контрреволюционного характера»³⁶.

Весь этот период советские спецслужбы успешно снабжали В. Богомольца через своего агента Бориса Лаго («муж сестры Богомольца»³⁷) информацией об СССР, которая должна была уверить руководство Великобритании в прочности сталинского режима. Операция носила кодовое название «Тарантелла»³⁸.

В документах польской военной разведки имеются списки людей, якобы работавших в Москве на «Крестьянскую Россию»: это 12 студентов разных вузов, живших в Москве и Ленинграде. Кроме того, имеется в списках агентуры «Барнабы» и некий завскладом из Туапсе, который якобы даже сумел побывать за границей в 1932 г. Эта информация обращает на себя внимание, так как в показаниях зампреда ЦИК КР-ТКП Б.В. Седакова неоднократно упоминается Туапсе, где якобы была конспиративная группа партии во главе с Нижерадзе³⁹. Возможно, именно через эти каналы подконтрольных ОГПУ «членов партии в СССР» и передавалась Богомольцу дезинформация о Советском Союзе.

Аналитики советской разведки в 1950 г. сделали вывод: «Резидентура “Барнаба”, а позже резидентура “Пилигрим” должны были предоставить отделу “Восток” новую агентуру, не поддающуюся расконспирации, имеющую широкие связи, которая не должна была знать, что работает для польской разведки, чтобы не компрометировать сотрудников 2-го отдела, а тем более польские дипломатические представительства.

Богомолец работал на базе русских эмиграционных группировок, а особенно на основе эсеровской организации «Крестьянская Россия». А также на базе связей, которыми он располагал в течение долголетней работы в «Интеллидженс Сервис». Сотрудничал с отделом «Восток» от имени «Интеллидженс Сервис», а с 1934 г. якобы самостоятельно. Богомолец особенно в этот последний период избегал раскрытия перед «двойкой» (2 отдела Генштаба. — М. С.) своих связей на территории Советского Союза.

Если принять за чистую монету содержание разведывательных рапортов «Пилигрима», то невыявленная агентура Богомольца имела доступ к высоким постам партийного и государственного аппарата в Советском Союзе. Надо отметить, что это была преимущественно агентура, которая работала на Богомольца с двадцатых годов. Связь с агентурой «Барнаба» и «Пилигрим» поддерживалась в основном через агентов-курьеров, переходивших нелегально советскую границу. Кроме того отдел «Восток» посылал письма через советскую почту в свои резидентуры в СССР для агентур «Барнаба» и «Пилигрим». Письма эти составлялись таким образом, чтобы не вызвать подозрений. Вербовка агентуры проводилась этими же агентами из среды заранее разработанных кандидатур»⁴⁰.

В марте 1934 г. советская разведка попыталась лобовой атакой завербовать Виктора Богомольца, сообщив ему, что он являлся каналом предоставления дезинформации Лондону. Но неожиданно для вербовщиков Богомолец от сделки отказался⁴¹ и сообщил о попытке шантажа SIS. После этого его работа на Великобританию была надолго заморожена⁴². Зная о конфликте, отдел «Восток» польского Генштаба предложил Богомольцу переключиться на выполнение его заданий.

Поляки считали, что одной из причин отказа англичан В. Богомольцу в сотрудничестве было использование им русских эмигрантов: «В сентябре 1933 г. был зарегистрирован еще один случай нелояльного отношения Б<огомольца> к выполнению соглашения, а именно Б<огомолец> использовал в своей работе организацию “Крестьянская Россия”»⁴³. Польские разведчики вычислили, что ОГПУ подбрасывает Богомольцу дезинформацию через своих агентов в Москве, которых он считает своими источниками: «Б<огомолец> до сего времени вероятно не был в непосредственной связи с ГПУ, иначе дело обстоит с его аппаратом на территории. Все его связи (особенно московский летчик и два политических) ясно связаны». Тем не менее, в Париже в 1934 г. под руководством Богомольца (кличка «Валентин») и Васильева была создана работавшая на польскую разведку резидентура «Пилигрим».

Сотрудничество с КР-ТКП было продолжено. После Второй мировой войны был найден список агентуры резидентуры «Пилигрим», кото-

рый составили немцы. Среди информаторов имеются и фамилии видных членов «КР-ТКП» и участников «Опуса»: «22. Быстров. <...> 30. Бухштаб. <...> 31. Магеровский⁴⁴. <...> 32. Кудрявцев»⁴⁵.

В переписке пражские сотрудники Богомольца обозначались как резидентура «Лек». Аналитик МГБ указывал: ««Лек» — резидентура находилась в Праге. Руководителем ее являлся видный член организации “Крестьянская Россия” Бутенко Василий, который в 1933 г. сотрудничал с Богомольцем в резидентуре “Барнаба”. Установлены три постоянных осведомителя Бутенки: 1. Казаков — проживал в Китае, б<ывший> агент Японской разведки. Он передавал сведения о Сов<етском> Союзе и Д<альнем> Востоке. 2. Ксюнин — передавал сведения о разведывательной деятельности НСДАП. 3. Архипов В. — передавал сведения о политическо-хозяйственном положении СССР. Материалы, находящиеся в папке, в большинстве случаев касались вопросов советской деревни»⁴⁶. О связях самого С.С. Маслова в польских документах указано вскользь: «Маслов С.С. выезжал из Парижа в Белград с целью встречи с агентом резидентуры»⁴⁷. По всей видимости, речь идет о Ксюнине.

Состав информаторов сегодня кажется связанным с советской разведкой. Белградский журналист А.И. Ксюнин, как известно, плотно контактировал с советским (и нацистским) агентом генералом Скоблиным и после его разоблачения в 1938 г. застрелился. В.В. Казаков, как мы помним, подозревался харбинскими коллегами в сотрудничестве с ОГПУ, но был обелен новым руководством партии во главе с Масловым и Бутенко. Наконец якобы нелегально бежавший из СССР в 1934 г. и поселившийся Н.А. Архипов опять же был на подозрении у сотоварищей по КР-ТКП, которые пытались держать его под наблюдением, впрочем, довольно странным: позволив ночевать в партийной штаб-квартире на Краковской улице в Праге.

О сотрудничестве КР-ТКП и В. Богомольца в середине 30-х гг. (из контекста можно понять, что речь идет о 1936 г.) отставной генерал КГБ Л.Ф. Соцков в своей книге лаконично сообщает: «Весьма скудные сведения приходили и от организации “Крестьянская Россия”, находившейся в Праге, хотя фон Гольц⁴⁸ и прилагал старания»⁴⁹.

Создается впечатление, что в эпоху кризиса, распада партийных структур, а главное, безденежья С.С. Маслову и В.Ф. Бутенко было все рано, какую информацию поставлять полякам (или румынам, от имени которых действовал Богомолец), лишь бы организации платили.

В целом политическая активность «Крестьянской России», как и большинства структур эмиграции, снизилась. К 1936 г. сохранялись группы в Праге, Белграде, Нью-Йорке, Париже, Варшаве, Печорах (Эстония).

В связи с созданием Японией формально независимого государства Манчжоу-Ди-Го Дальневосточная организация решением ЦИК от 28 января 1935 г. была разделена на две — в Харбине и в Шанхае. Уполномоченным ЦИК в Китае был назначен шанхайский журналист и издатель Н.П. Малиновский⁵⁰. В сравнении с другими центрами дальневосточной эмиграции, в Шанхае не было засилья правых и фашистских групп, и КР-ТКП вела там активную издательскую деятельность. В Харбин и Прагу в 1935–1936 гг. доставлялась изданная в Шанхае книга бывшего коминтерновца Рудольфа (Рудольф Ласло) «39 месяцев в СССР»⁵¹, и шел обмен листовками, предназначенными для распространения в СССР⁵².

Председателем Областного бюро Дальневосточных организаций КР-ТКП в Китае (Харбин) после 1935 г. был Е.М. Агапов. Обе организации в 1935–1936 гг. активно взаимодействовали, получали литературу из Чехословакии⁵³. Е.М. Агапов призывал в борьбе с СССР сотрудничать с Японией, так как прогнозировал экспансию Японии на юг: «Кажется единственно целесообразным, с точки зрения Японии, чтобы она, готовясь к борьбе на Юге, устанавливала с Россией искренние дружеские отношения». Он указывал, что Япония должна сделать вывод: «только национальная Россия, а не интернациональный СССР может быть доброжелательной ей в грядущей борьбе на Юге. Она должна принять все зависящие от нее меры для появления такой России. Путь только один — всемерное содействие тем русским национальным силам, которые ведут борьбу с коммунистической диктатурой. <...> Такая борьба должна быть проведена силами внутрироссийского населения. Япония же должна при посредстве тех русских организаций, которые работают с этими силами, оказать последним самую широкую всестороннюю поддержку. Если Япония хочет рассчитывать на услугу России в будущем, она должна оказать России услуги теперь»⁵⁴.

Представители КР-ТКП в Манчжурии не оставляли попыток проникнуть в СССР. В книге бывших сотрудников КГБ сообщается о том, что харбинский резидент НКВД Георгий Косенко «заранее сообщил в Центр о готовящемся выводе в СССР члена белогвардейской организации Штальберга-Градова и агента японских спецслужб Лучанинова, перед которыми стояла задача организовать разведывательную и террористическую деятельность на территории нашей страны»⁵⁵. Версия не очень убедительная: этот резидент НКВД покинул Харбин в январе 1936 г.

Между тем, согласно архивным документам, на самом деле активисты дальневосточной группы «Крестьянской России» Николай Морев (1910–1939) и Юрий Лучанинов (1914 (15?)–1939) и их проводник Семен Бочкарев были случайно захвачены в Хабаровске 14 июля 1936 г.

через несколько дней после перехода границы. В лесу ими были спрятаны солидный груз партийной литературы КР-ТКП и два браунинга.

Показания о конкретных явках и связях в СССР в протоколе допроса отсутствуют. Н.Я. Морев признал, что находился в СССР уже второй раз. Ю.Л. Лучанинов указал на то, что в СССР уже был в 1935 г. и вместе с ним побывал и также вернулся в Китай агент «Крестьянской России» Егор Градов: «Был в СССР в прошлом году летом, в июле м<еся>це с неким Градовым, являвшимся активным членом нашей партии. Границу мы тогда переходили около Сачагоу, были в городах — Никольске и Владивостоке. Градова я потерял и возвратился в Харбин один. Насколько мне известно со слов Агапова, Градов должен быть или на Хингане, или на острове Амое — около Шанхая. Когда возвратился Градов в Китай, этого я не знаю»⁵⁶.

На допросах органы НКВД интересовали контакты Лучанинова и Морева с японскими структурами в Манчжоу-Ди-Го. Н.Я. Морев сообщил, что «весной 1935 года член Дальневосточного Бюро ТКП Агапов Е.М. установил связи с японским разведчиком Осава, формально занимающим пост редактора газеты “Харбинское время”»⁵⁷. Следовательно также добивались признаний о террористических планах Морева и Лучанинова (оба имели с собой браунинги), но Ю.Л. Лучанинов сначала сообщал: «Мне была поставлена задача: распространять литературу. В конечном итоге, я имел цель с Дальнего Востока приехать в Москву, устроиться там на службу, выяснить возможность перехода через Запад<ную> границу и уйти из СССР через западную границу»⁵⁸. Однако уже в сентябре 1936 г. Ю.Л. Лучанинов сделал фантастические признания, что хотел «найти в Москве летчика, который бы во время какой-либо демонстрации или праздника, когда члены правительства находятся на крыле мавзолея Ленина (на Красной площади), бросился бы с воздуха с самолетом на место расположения членов правительства и, разбившись сам, убил бы, таким образом, членов правительства». При этом на вопрос: «Входило ли осуществление этого плана в задачи Вашей группы?» Лучанинов ответил: «Нет, в числе наших задач исполнения этого плана не предусматривалось, т. к. я лично никаких поручений на этот счет от партии не получал»⁵⁹.

В материалах польской разведки за 17 ноября 1936 г. имеется указание: «Руководству КОП <Корпуса охраны пограничной> майору Слиндеру. В случае появления на границе (2–3) лиц из Сибири или Дальнего Востока, с паролем “Минин и Пожарский” или без пароля прошу о них сообщить в отдел “В<осток>”. (Сообщаю через “Пилигрим”, что это люди Бутенко»⁶⁰.

По всей видимости, советские спецслужбы сначала рассчитывали как-то использовать захваченных молодых людей. Так, член ЦИК КР-ТКП Б.В. Седаков сообщил, что в 1937 г. им в Праге была получена открытка из Новосибирска «от члена дальневосточного комитета “ТКП” Моревы Николая. Он писал, что находится в Новосибирске и работает на каком-то заводе и передавал привет. Открытка была адресована на мое имя и была подписана “Николай”. Из сообщения дальневосточного комитета нам было известно, что Морев без соответствующего предварительного разрешения ЦК партии в 1936–37 гг. нелегально перешел в Советский Союз для ведения партийной работы. Других известий от Моревы к нам не поступало, и что с ним стало, для нас оказалось неизвестным»⁶¹.

Юрий Лучанинов 2 марта 1939 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен к высшей мере наказания. Казнен он был в Москве 3 марта 1939 г. Николай Морев приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания 15 июня 1939 г. Дата казни неизвестна. Оба до сих пор не реабилитированы. Дело Моревы и Лучанинова — последняя известная неподконтрольная ОГПУ-НКВД попытка проникновения в СССР членов КР-ТКП.

Б.В. Седаков сообщил о выводах, сделанных руководством партии в середине 30-х гг.: «Забрасывая участников “ТКП” в Советский Союз до 1933–34 гг., мы считали, что советской крестьянство в результате имевшегося якобы недовольства коллективизацией сельского хозяйства восстанет против советской власти. В надежде на это мы и заслали в СССР примерно 20 своих агентов. В действительности же никакого восстания в СССР не произошло, и наши надежды не оправдались. В результате этого мы пришли к убеждению, что засылка агентуры в СССР в ближайшее время каких-либо перспектив нам не сулит. По этой причине, а также в виду отсутствия достаточных средств и других возросших затруднений мы за последнее время воздерживались засылать свою агентуру в Советский Союз»⁶².

К середине 30-х годов анализ развития сталинизма привел С.С. Маслов к выводам о невозможности победы в открытой борьбе с режимом. Надежды были лишь на изживание ортодоксальной коммунистической идеи. В докладе «Куда идет Россия» 2 марта 1935 г. С.С. Маслов указывал в качестве первого фактора политики России «приближающуюся войну», а второго — «умирание российской революции», поскольку «идея социального поравнения полностью израсходована, ибо все прежние сильные социальные группы в России исчезли»⁶³, идея мировой революции заменена социализмом в одной стране, идея строительства — дискредитирована. По мнению Маслова, основная идея власти заключается «в возбуждении любви к Родине и призывах защищать ее вооруженной рукой от

вооруженных покушений извне. В этой идее нет уж ничего ни коммунистического, ни революционного. Она сопровождает жизнь каждого государственно-организованного народа во все моменты его бытия»⁶⁴.

С.С. Маслов в 1935–1936 гг., как и многие в эмиграции, надеялся на перерождение коммунизма из интернационального в национальный, отмечая медленный спуск «зигзагами и с остановками от неосуществленного и неосуществимого “бесклассового социалистического строя” характерного бесправием, несвободой, неравенством и беспощадным насилием в адрес мотивов поступков человека к привычному общественному порядку»⁶⁵, покоящемуся на основе нравственного равенства, свободы и прав людей. С.С. Маслов считал, что в СССР появляется новый уклад — «государственный НЭП», в основе которого признание «принципиального неравенства различных групп населения», и прогнозировал «разложение прежнего правящего слоя», который скрепляла идея «эгалитарности». Он ставил на постепенное усиление активности массы населения: оно будет «рваться во все щели, открываемые уступками комвласти», и этот напор может превратиться в «громовой удар», возможен и переход «военной группы от нынешнего метода действий “тихой сапой” к попытке дворцового переворота»⁶⁶.

Намеки на наличие военной оппозиции и якобы готовящийся «переворот», похоже, являлись со стороны Маслова формой провокации против режима Сталина. С.С. Маслов утверждал, что «близящаяся война явится наиболее вероятным временем, когда разрешится этот «вопрос всех вопросов», и Россия получит новую, отвечающую ее интересам и потребностям власть»⁶⁷. И он все чаще делал ставку на Красную Армию, которая, как ему казалось, должна совершить переворот, свергнув антинациональную власть большевиков.

9 и 23 мая 1936 г. в Праге проходили прения по докладу С.С. Маслова «В предвидение войны»⁶⁸, предлагавшего защищать родину с помощью «революционного оборончества», а главный упор делавшего на спасительности перехода власти от коммунистов в другие руки до войны⁶⁹. В.Ф. Бутенко заявил: «Мир — действительно главнейший шанс для целостности России. И потому мы против войны, в особенности войны, сознательно вызываемой для гибели комвласти, ибо сознаем, что вместе с комвластью может погибнуть и Родина. Но если война разразится, первейшей задачей будет низвержение власти Кремля, ибо под властью Сталина разгром и поражение России неизбежны»⁷⁰. Б.В. Седаков отметил, что трагедия России может заключаться в том, что ее граждане обречены бороться против тех, кто их уже ограбил, и тех, кто их собирается ограбить. «Наше место в эти страшные дни будет среди народа — против власти. Мы знаем, что

бесконечно трудно в этих условиях оборонять родные рубежи и в предвидении грозных дней войны призываем защищать нашу страну всеми средствами, всеми силами. Среди условий и способов обороны мы намеряем главное — уничтожение той власти, которая роковым образом препятствует ей. Вот почему, любя Родину превыше всего, мы призываем к борьбе с комвластью всеми средствами и силами!»⁷¹ — заявил Седаков.

Революционное оборончество привело С.С. Маслова к публикации материалов, которые, как ему, видимо, казалось, могут подтолкнуть ход событий в нужном КР-ТКП направлении. С № 12 за 1935 г. в партийном журнале «Знамя России» начал печататься цикл «В политическом подполье СССР», рассказывавший о якобы существующей в Советской России подпольной организации «Краскомов»⁷². Эта тайная структура в условиях якобы существовавшей военной опасности не спешит с устранением власти, влияя на нее, «но готова к перевороту прямо перед войной». Во время войны «существование нынешней власти недопустимо, так как население не забыло и не простило власти ее кровавых издевательств над собой, и оно воспользуется любой возможностью свести с ней счеты»⁷³. В документах, якобы полученных КР-ТКП от «краскомов» в конце 1934 г., говорится о том, что «до начала войны организация должна сменить власть и должна начать проводить свою программу. <...> Война будет катастрофой для России, если во главе страны останется нынешняя сталинская власть»⁷⁴.

Публикация об организации «Краскомов» подверглась резкой критике в эмигрантской печати и в общественных кругах. Так, 8 февраля 1936 г. на заседании Демклуба в Праге обсуждался доклад Д.И. Мейснера «В ожидании войны», в котором автор ставил вопрос: «Побежит ли Красная Армия?» И отвечал: «Не побежит!»⁷⁵. Д.И. Мейснер ставил и другой вопрос: «Есть ли в армии антикоммунистич<еские> организации (откровения Маслова в “Знамени России”)? Организация предотвращения революции. Решено подождать № 3»⁷⁶. Постановка вопроса об «откровениях» выделяется явно скептическим тоном.

Суть дальнейшей дискуссии в эмигрантской прессе: если заговор в Красной Армии существует, то редакция выдает его с головой, провоцируя репрессии, а если его нет, тогда «Знамя России» обманывает эмиграцию. Газета «Наш путь» (Харбин) указывала: «...Теперешняя работа Маслова является весьма подозрительной. Это он опубликовал на страницах “Знамени России” малоправдоподобное сообщение об организации краскомов, которая якобы ведет внутри СССР огромную работу. Такая информация, разлагая эмиграцию преувеличенными надеждами, — уменьшает эмигрантский активизм, усиливает “оборончество” и ослаб-

ляет антикоммунистическую борьбу. Идея “краскомовский организации” — та же, что разоблаченного в Европе провокаторского “треста” — это своеобразное обращение к эмиграции из СССР — сидите, дескать, и не рыпайтесь, все обойдется без вас. Кому выгодно такое внушение? Кто создал в свое время “Трест”»⁷⁷.

Редакция «Знамени России» утверждала, что публикация предпринята по просьбе «Краскомов», дабы показать, что «помимо стихийного народного давления на власть, производятся попытки организованного использования легальных возможностей внутри советского аппарата»⁷⁸.

С.С. Маслов утверждал: «Достоверность организации определяется для нас добросовестностью лица, сообщившего нам сведения». Для редакции возможность существования в России организаций, борющихся с советской властью, не подлежит никакому сомнению. «Со стопроцентной достоверностью нам известно бытие в СССР многих организованных групп, добрый десяток лет ведущих свою работу против власти. Их имя хорошо известно ГПУ, следы их деятельности не ускользают от бдительного начальства, но смелость, честность, ум, осторожность и жертвенность служат, к счастью, несокрушимой броней для верных и самоотверженных сынов Родины»⁷⁹. Однако С.С. Маслов уже не брался утверждать, что краскомовская группа в самом деле «разветвлена, сильна и способна к большим действиям»⁸⁰.

Возможна связь скандальной публикации с началом массовых репрессий 1937 года в армии. Статья о «краскомах» могла быть одним из заранее заготовленных поводов для чистки в руководстве РККА.

В провокацию, похоже, были втянуты Маслов и представитель КР-ТКП в Англии кооператор и общественный деятель Анатолий Васильевич Байкалов (1882–1964, Лондон)⁸¹. Б.В. Седаков был уверен, что материал через А.В. Байкалова был получен для С.С. Маслова в Лондоне в 1935 г.: «Передавая мне для печати материал, Маслов сообщил, что он получен от одного из эмиссаров из России, о котором знают только он — Маслов и еще одно лицо из эмиграции»⁸². Маслов не назвал фамилию «эмиссара», но, по мнению Седакова, «некоторые данные говорят за то, что это был бывший военный атташе СССР в Англии, участник антисоветского заговора в Красной Армии Путна». Б.В. Седаков сообщил: «Я вспоминаю, что Маслов материал о «заговоре красных командиров» передал мне для печати после того, как возвратился из поездки в Лондон, где встречался с Байкаловым. Таким образом, я и полагаю, что этот материал был получен Масловым через Байкалова от Путна. <...> Передавая мне для печати указанный материал, Маслов заявил, что эмиссар из России просил его опубликовать этот материал в нашей печати»⁸³.

А.В. Байкалов же в послевоенном письме историку Б.Н. Николаевскому указывал: «О Путна я только знал, что он был некоторое время советским военным агентом в Лондоне. Никогда в жизни я его не встретил и ни в каких с ним сношениях не находился»⁸⁴.

Источник появления рукописи о «краскомах» пока не определен. Но сама интрига вполне укладывалась в тогдашнюю схему С.С. Маслова: «...Выход из кризиса мыслим лишь в порядке дворцового переворота, военного восстания или народной революции, но никак не в силу эволюции»⁸⁵. Отсюда и желание воспользоваться текстом, который мог быть подброшен «Крестьянской России» в провокационных целях для дискредитации М.Н. Тухачевского и других военных, что не смутило С.С. Маслова, который был уверен, что «шансы на успешный и плодотворный дворцовый переворот зависят от революционного народного напора»⁸⁶. Он и его товарищи готовы были напор обеспечить, переворот подтолкнуть, что и объясняет их участие в публикации сомнительного текста.

Требует дополнительного изучения и сотрудничество С.С. Маслова с чехословацкими военными. Справочник по русской эмиграции, составленный для сотрудников 2 отдела польского Генштаба в 1934 г., сообщает о работе с КР-ТКП: «Руководители организации находились в хороших отношениях с 2 отделом Генштаба Чехословакии, где их работе оказывал содействие ныне покойный полковник Рябиков, работавший в этом отделе»⁸⁷.

Весной 1938 г. С.С. Маслов на допросе в чехословацкой полиции ссылался на свою службу для Генерального штаба Министерства обороны Чехословакии в 1933–1936 гг. Как он говорил, его группу привлек к работе генерал армии Прхала (Lev Prchala), а непосредственное руководство осуществлялось генералом Халупой и половником Яндерой⁸⁸. Детали этой работы С.С. Маслов полиции не сообщил, но представители МВД не ставили под сомнение правдивость этого сообщения. Отношения С.С. Маслова с группой прекращаются как раз в тот момент, когда в 1936 г. Халупа и Яндера ушли в отставку. Зато 27 мая 1936 г. была создана совместная советско-чехословацкая разведывательная организация «Вонапо», работавшая в Праге до осени 1938 г.⁸⁹

Издательская деятельность КР-ТКП оставалась основной формой ее активности. До марта 1939 г. регулярно выпускался журнал «Знамя России». На заседании ЦИК КР-ТКП 28 апреля 1933 г. по предложению С.С. Маслова было принято решение о преобразовании «Вестника Крестьянской России». Было признано: «Название должно быть изменено на более живое и выразительное. Прежнее название должно быть сохра-

нено в виде подзаголовка («Вестник Крестьянской России — Трудовой Крестьянской Партии»)»⁹⁰. Наличие финансов предопределило перевод издания в нормальный журнальный размер: «Если позволит состояние кассы, размер журнала должно увеличить до 20 страниц»⁹¹. Оговаривался регулярный выход журнала 25 числа каждого месяца, наличие запаса статей «долгого значения» и обязательный гонорар: «Его размер 200–300 крон чехосл<овацких> за печатный лист для статей оригинальных и 100–200 крон для материала переводного или переработанного»⁹².

Четко была определена аудитория. «Читатель, на которого журнал должен рассчитывать, — эмигрант. Хорошо “сделанный” эмигрантский журнал будет интересным и для читателя внутрироссийского, и для читателя-меньшинственника»⁹³. Рекомендовалось искать сотрудников и внутри партии, и привлекать их со стороны. Особо оговаривалось, что журнал следует сделать «интересным, читателю нужным, и потому распространенным», так что «в порядке обсуждения в журнале могут помещаться статьи чужих направлений»⁹⁴.

В решении «О центральном органе печати» давалась теоретическая платформа издания. ЦИК КР-ТКП указал, что «журнал должен быть: 1. Богатым фактическим материалом; 2. Разнообразным, но не пестрым — цементирующим началом должна быть постоянная прикованность внимания к России: к событиям в ней, к ее потребностям, к ее международному значению; 3. Злободневным, в смысле скорых откликов на важные и острые явления жизни; 4. Определенным в суждениях, идя на риск ошибок, но боясь шатаний; 5. Острым — не боящимся острых тем, острых позиций по ним; 6. Содержательным — в смысле величины поднимаемых тем и качества суждений по ним»⁹⁵.

Была намечена и идейная платформа. «Знамя России» должно было стать: «1. Органом партии, но без партийной исключительности, узости и духовной неподвижности; ударение на общенародных и общегосударственных задачах и потребностях России, широта взглядов, терпимость и гибкость должны быть типичными для него <...>. 2. Классово-крестьянским, но трактовать класс вообще и крестьянство в частности в рамках общенародного целого, неразрывно связывая судьбу крестьянства с судьбой общегосударственного целого. 3. Демократическим, но не скрывающим перед собой и читателем и опасных болезней демократии в сфере государственного устройства и партийного строительства. 4. Республиканским, но не делающим из этого пункта своей программы, ни боевого знамени, ни — тем более — боевого клича, ибо не в борьбе с нереспубликанскими течениями журнал должен видеть свою задачу. 5. Противополитическим, видя в принципиальном, непримиримом и действитель-

ном отрицании коммунизма, во всех его проявлениях свой пафос и центральную ось своего направления <...>. 6. Принципиально-коалиционным в смысле деятельной и яркой пропаганды прочного слияния всех политических сил на платформе против-коммунистического активизма, свободы хозяина, человека и гражданина и удержания государственного единства России в нынешних рубежах. 7. Творчески-ревизионистским в отношении существующих форм демократии»⁹⁶.

Первый номер журнала «Знамя России» вышел в мае 1933 г. В передовой «От редакции» сообщено: «“Знамя России” заменяет и продолжает “Вестник Крестьянской России”, выходявший с февраля 1925 г. и в свою очередь сменивший наши сборники 1922–1924 гг.»⁹⁷. Подчеркивалось, что хотя издание будет органом партии, но реально оно будет «органом России». Из теоретического издания с «русским» разделом и ориентацией на читателя в Советской России — наследник «Вестника» журнал «Знамя России» превратился в эмигрантское общественно-политическое издание, имевшее четкую структуру: пропагандистско-агитационный блок, блок аналитической информации о событиях в России и в мире, раздел хроникально-документальный, пытавшийся освещать жизнь в СССР.

Тон журналу задавала статья С.С. Маслова из серии «Думы и зовы», посвященная голоду в СССР как всероссийской катастрофе. Автор считал, что в этих условиях задача эмиграции — непримиренчество. «Как основа тактики, — писал С.С. Маслов, — эта формула объединяет широкий фронт от “Дней” А.Ф. Керенского до политически мыслящих кругов Общевоинского Союза. На ней построена и тактика “Крестьянской России”»⁹⁸.

В № 2 «Знамени России» было опубликовано обращение ЦИК КР-ТКП «членам и сочувствующим партии». В нем говорится: «Мы изменили, увеличили, сделали более разнообразным свой журнал. Дали ему новое название и соответственным последнему — “направление”. Проведя эти реформы, Центральный Исполнительный комитет руководился также стремлением: 1) сделать журнал самокупаемым и 2) таким образом увеличить количество экземпляров, направляемых в Россию. Доход от платного распространения журнала среди русской эмиграции и русских меньшинств должен покрыть стоимость не только той части журнала, которая распространяется в Зарубежье, но и той, которая бесплатно отправляется в Россию»⁹⁹. В том же номере сообщалось: «Тираж “Знамени России” с 3000 экземпляров, в каковом количестве был выпущен первый номер журнала, увеличивается со второго номера до 3500 экземпляров»¹⁰⁰. Но издание находилось в сложных условиях. «Говорить о самокупаемости трудно. Каждый подписчик и каждый номер журнала, проданный по полной цене, дают нам возможность посылать один экземпляр

в Россию»¹⁰¹. Параллельно выходил (нерегулярно) дискуссионный журнал пражской группы «Партийная мысль». Для внутреннего пользования выпускался «Информационный бюллетень ЦК (далее — ЦИК) КР-ТКП».

Структура издания «Знамя России» почти всегда соответствовала тому плану, который был выработан в 1933 г. Предлагались: «1. Две-четыре короткие передовицы; 2. Идеологическая статья теоретико-познавательного характера 3. Публицистическая статья оценочного характера, преимущественно тактическая; 4. Дискуссионная статья — обычно по тактическим и организационным вопросам. 5. Отдел “Международная жизнь” <...>; 6. Отдел “В России” — обзор по печатным источникам какой-либо сторон русской жизни, письма и другие сообщения из России или хроника о России, материалы “Крестрасса”, хроника советского законодательства; отдел “Зарубежная Россия” — со статьями и фактическими материалами о жизни эмиграции и жизни русских меньшинств; отдел “Партийная жизнь” — доклады, партийные материалы, хроника; фельетон — обычно о внутрироссийской жизни»¹⁰². Система подачи статей все шесть лет была достаточно однотипной: передовые статьи общеполитического содержания, разделы: «Международная жизнь», «В России», «Жизнь России по кратким сообщениям», «В партии». В первом разделе всегда была передовая. Обычно ее автор — узнаваемый по стилю С.С. Маслов. Затем — несколько аналитических статей на актуальные темы.

В качестве главной тематической статьи большинства номеров 1933–1937 годов под рубрикой «Думы и зовы» шел регулярный комментарий лидера КР-ТКП С.С. Маслова. Это был многосерийный труд, откликавшийся на злобу дня и популяризовавший партийную платформу.

Кроме того, программные статьи принадлежали перу Б.В. Седакова, В.М. Бухшатба. Руководитель парижской группы КР-ТКП М.Е. Фридьев (Фридиев) освещал юридические вопросы, а профессор К.И. Храневич вел хронику «В России». Обязательным был анализ экономики СССР.

В течение 30-х гг. редакция сохраняла весьма отрывочные связи с информаторами об СССР. Лидеры КР-ТКП старались встречаться с беглецами из России, чтобы получить от них информацию о реальной ситуации в стране. Автор передовой № 12 за 1937 год утверждает, что за время существования издания три-четыре десятка «подсоветских людей» «прямо или через других, но всегда безымянно снабжали журнал сведениями о жизни родной страны»¹⁰³.

Международный раздел постоянно вел сотрудник чехословацкого МИДа Н.В. Быстров: «Осенью 1933 года по договоренности с редактором журнала «Знамя России» Седаковым работал литературным сотрудником этого журнала. Писал антисоветские статьи по международным

вопросам и делал обзор заграничной прессы о Советском Союзе. Помещаемые мной статьи я подписывал своей фамилией и псевдонимом «Бобров»¹⁰⁴. За это время Н.В. Быстровым было напечатано более 50 статей.

Журнал постоянно анализировал деятельность организаций русского зарубежья, определяясь по отношению к ним. Большинство публикаций принадлежит Б.В. Седакову и В.Е. Татаринovu. Уже в № 1 «Знамени России» вышла статья, посвященная «Братству Русской правды»¹⁰⁵. В № 2 появилась статья «РОНД», посвященная «трудам» Русского Освободительного Народного движения и его фюрера А.П. Святозарова (Пельхау)¹⁰⁶, Б.В. Седаков посвятил большую статью деятелю русского нацизма авантюристу А.А. Вонсяцкому¹⁰⁷. Статья И.Р. Паллизена в № 3 «Знамени России» — евразийцам, группе «Утверждения», «Новому граду» и монархистам-младороссам, которые революцию, «желая объяснить, невольно начинают оправдывать как ценность»¹⁰⁸.

Н.И. Северов¹⁰⁹ в статье «Политические жоржики»¹¹⁰ анализировал деятельность Младоросской партии, в чьей прессе утверждалось, что «1933 год не был годом разгрома России, а годом победы России; разговор о вымирании русской нации — эмигрантский разговор... из мертвых костей восходит новая юность». Автор возмущен, ведь «весь добросовестно наблюдающий Россию мир знает о великом голоде, постигшем Родину в минувшем году, о жуткой смертности от голода, о миллионах умерших от него»¹¹¹. Конкурентам — соратникам П.Н. Милюкова посвятил свою заметку Б.В. Седаков, утверждая, что «РДО как действующая политическая организация не существует»¹¹².

Освещение политической жизни русской эмиграции было продолжено журналом и в 1935 г. долгой дискуссией о последствиях убийства Кирова — события, которое С.С. Маслов называл «рождением нового строя»¹¹³ и началом конца коммунистической власти.

В статье Бориса Седакова¹¹⁴ и в цикле «Лицо эмиграции»¹¹⁵ дается общее описание политической жизни Зарубежья и определяется отношение КР-ТКП к другим эмигрантским группам. Очерк «Пореволюционеры» посвящен национал-большевикам, которые не связывают ценности свободы с демократией, «представляют собою некую смесь славянофильского мессианизма с уже отцветшим пафосом комсомольского “строительства”»¹¹⁶, принимая и оправдывая большевистскую революцию, стоят на путях пособничества и помощи антинародной власти. Следующая публикация Б.В. Седакова была посвящена евразийцам¹¹⁷, у которых «из их политической деятельности ничего не вышло. Этому можно только порадоваться, <...> восстановление приемов и задач великой державы Чингисхана, несмотря на все добрые намерения евразийцев, грозило бы

повторением большевицких опытов...»¹¹⁸ Третья часть серии Б.В. Седакова — «Младороссы». Идеал этого движения — «природный царь и свободные советы»¹¹⁹, но, как считает автор, строй младоросской государственности придется отнести к «государствам фашистского типа»: «Страшен сон, да милостив Бог, — будем надеяться, что пройдет мимо России это второе татарское нашествие!» — иронизирует Б.В. Седаков¹²⁰. Автор заметил, что группировка А.Л. Казем-Бека в 1934 г. еще солидаризировалась с фашистами РОИД и А.А. Вонсяцким. Они говорили и о том, что в случае нападения на Россию кадры партии должны быть брошены туда «для определенных прямых действий, имеющих целью захват власти», а уже в 1935 г. «вопрос борьбы с властью отодвигается во времени до окончания войны»¹²¹. Б.В. Седаков предрек, что следующим этапом будет призыв младороссов «к участию в обороне России в рядах красной армии»¹²², что во время Второй мировой войны и случилось.

Бывший редактор газеты «Руть» парижанин В.Е. Татаринев опубликовал в «Знамени России» серию статей по проблемам ответа демократии на вызов фашизма и национал-социализма. Тема была крайне актуальной, поскольку проклятья в адрес неспособной ответить на вызовы времени классической демократии стали общим тезисом большинства пореволюционных течений. В середине 1938 г. редакция «Знамени России» напечатала статью В.Е. Татаринова «Два лагеря в эмиграции»¹²³. Он зафиксировал, что эмиграция делится на два лагеря: сторонников демократии и ее противников. Первый лагерь — «эмигрантские верхи», «эмигрантская буржуазия», люди «хорошо устроившиеся»: «ученые, писатели, журналисты, адвокаты, врачи, инженеры, коммерсанты, промышленники. <...> Значительный процент составляют беженцы с Украины, Грузии, территорий, занятых немцами, поляками, японцами, финнами, латышами, эстонцами. <...>. За единичными исключениями вся еврейская часть эмиграции принадлежит к демократическому лагерю и играет в нем крупную роль благодаря материальному положению или культурному уровню. Демократический лагерь, по численности, вероятно, уступающий лагерю противоположному, внешне главенствует в эмиграции. К нему принадлежит большинство “пишущих и говорящих”, почти все периодические издания с крупным тиражом находятся в руках его представителей, и они же занимают “командные высоты” в значительных эмигрантских организациях, за исключением военных. <...> Политические настроения этого лагеря отличаются разнообразием, и в нем можно встретить анархистов, социалистов всех толков, монархистов-конституционалистов, либералов, демократов просто и неodemократов, национальных республиканцев и т. д. Объединяются все эти течения прежде всего по

положительному признаку — приверженности к свободе и демократическому строю, основанному на старых русских традициях, отчасти на преклонении перед демократическими порядками на Западе. Но еще важнее признак отрицательный — отталкивание от тоталитарных европейских режимов, от фашизма и национал-социализма»¹²⁴.

По мнению В.Е. Татарина, «ко второму, антидемократическому лагерю принадлежат так называемые “низы” эмиграции или “эмигрантский народ” — рабочие, ремесленники, торгово-промышленные служащие, мелкие земледельцы, шоферы, служащие в государственных и общественных учреждениях иностранных государств. <...> Этот лагерь в массе своей состоит из офицеров различных добровольческих армий и также тылового населения <...> и, наконец, тех, кто были политически связаны с идеологией “белой борьбы”. Большинство таких эмигрантов относится к группе “бывших” или “опролетаризировавшихся” людей». <...> Многие “севшие на землю”, шоферы, ремесленники, лавочники, рестораторы и т. п. имеют более обеспеченное существование, чем сотрудники левых демократических изданий, и обладают подлинно “трудовыми” сбережениями. <...> Не столько материальное состояние, сколько социальное положение, ухудшившееся по сравнению с прошлым, заставляет эти эмигрантские “низы” чувствовать себя пролетариями или полупролетариями, обойденными судьбой, “униженными и оскорбленными”. Бытие в известной степени определяет сознание. И люди этих групп в социальном смысле настроены “лево”, во всяком случае “анти-капиталистически”, очень часто к тому же и без всяких к тому оснований они отождествляют капитализм с еврейством. Получается странное явление: демократическая в социальном смысле масса эмиграции сосредотачивается в антидемократическом лагере»¹²⁵.

В.Е. Татарин отмечает, что это соответствует и настроениям в Европе, где средние классы и интеллигенция настроены и против коммунизма, и против старого капитализма. Европейская демократия 30-х гг. не хочет бороться с большевиками, и потому масса русских эмигрантов ставит даже не на умеренный фашизм Муссолини, а на Гитлера.

В.Е. Татарин иронизировал над эмигрантскими мечтателями: «Мысль о том, что по свержении в России большевиков можно будет создать классическую либерально-демократическую республику с лидером РДО во главе, не менее фантастична, чем мечты о въезде в Москву эмигрантского генерала на белом коне и восстановление самодержавной монархии»¹²⁶.

В.Е. Татарин отмечал и то, что русские «демократы, во что бы то ни стало» покорно следуя за Западом, стали в иную крайность — «вынуждены в той или иной степени стоять за Сталина, хотя к сталинскому

режиму относятся с величайшим осуждением»¹²⁷. Отвратительной для В.Е. Татарина форма подобного эмигрантского «абсурда» является «оборончество», поскольку его лидеры — патриоты и демократы — «по неволе становятся верными сторонниками Сталина и тем самым врагами демократии и врагами России»¹²⁸. Он весьма резко высказался и о тех, кто взывал: «Нам нужны Гитлеры, Муссолини и Франко!». По его мнению, лозунг ««хоть с чертом, но против большевиков»» на практике ведет к тому, что патриоты и националисты превращаются в пораженцев и предателей национальных интересов России, в вольных или невольных пособников нового Брест-Литовска. <...> Возможность германо-советского сближения не исключена, и, если она осуществится, то нынешние поклонники тоталитарных режимов попадут в глупо-трагическое положение — впрочем, тогда и теперешним «оборонцам» завидовать не придется», — предполагал В.Е. Татарин¹²⁹.

Статья вызвала полемику в эмигрантской печати, против автора выступил журнал «Клич». В.Е. Татарин продолжил тему уже в 1939 г.¹³⁰ В редакционной передовой «Ни фашизм, ни расизм»¹³¹ была четко заявлена партийная антинацистская позиция КР-ТКП. Журнал осудил тех, кто «восторгается модными течениями германского расизма и итальянского фашизма. Их идеологию и практику думают положить зарубежные фашисты в основу строительства будущего российского государства, совсем не думая о том, что учения эти не могут пустить корней на русской почве. И более того, что они во многом враждебны ей. <...> России нужна не замена господства одной партии другой, а свобода от партийной тирании, освобождение от принудительного исповедания партийных символов веры. Всего этого не понимают или, ослепленные партийной страстью, не хотят и не могут понять эмигрантские фашисты и расисты. Плохо зная или по незнанию не уважая великое прошлое России, не считаясь с ее нуждами и выстраданным опытом, они не отдают себе отчет в том, что фашизм и национал-социализм не могут быть образцами для России»¹³².

В целом, преобразование в 1933 г. «Вестника Крестьянской России» в журнал «Знамя России» оказалось удачным: фактически появился первый среди прессы русской эмиграции 30-х годов политологический журнал. Редакция, которую возглавлял Б.В. Седаков, вернулась к линии сборников «Крестьянской России», привлекая к работе экспертов со стороны. В журнале напечатались: бывший ректор МГУ профессор М.М. Новиков («Наука в современной России»), музыковед профессор И.И. Лапшин («Современная русская музыка»), профессор С.И. Гессен («Советская школа»), профессор Н.А. Савицкий («Природные богатства России»). В 1935 г. в «Знамени России» посмертно была опубликована и статья профессора

С.В. Завадского «Право и правда»¹³³. В 1936 г. печатались И.Л. Солоневич («Спорт в России»), Е.Э. Месснер («Советская и зарубежная военная мысль»). Следует отметить регулярный выход ежегодных номеров журнала, приуроченных к Пушкинскому празднику.

Среди ярких «непартийных» публикаций стоит отметить работы историка С.П. Мельгунова из цикла «Российская контрреволюция»¹³⁴ — об опыте борьбы с советской властью. Важной была публикация работы Г.П. Федотова «Русская духовная культура и Революция». Анализируя практику СССР, Федотов отмечал, что «столь полное огосударствление личности еще никогда не проводилось в истории, но полицейское государство 17–18 веков уже ставило себе этот идеал. <...> Аракчеев является прямым учителем Сталина»¹³⁵. В 1938 г. была опубликована работа Н.Е. Андреева «Культура в изгнании»¹³⁶, где автор замечал, что «за границами России сохранен дух творческой свободы» — важнейшее из условий удачи, важнейшее из условий роста»¹³⁷.

В 30-е гг. продолжало работу издательство «Крестьянская Россия». В 1932 г. оно выпустило повесть Егора Градова «Дядя». Была издана на чешском и немецком языках в 1933 г. книга бывшего чекиста Н. Киселева-Громова «Лагери смерти»¹³⁸, подготовленная к печати С.С. Масловым. Фактически это была литературная запись рассказов бывшего чекиста: «Рукопись Киселева при редактировании ее была сильно изменена: без ущерба для ее фактического содержания она на треть сокращена; весь материал ее наново перегруппирован, чтобы сделать его более связным, и 55 глав в рукописи автора превратились в 10 глав настоящей книги; ее подзаголовки и название отдельных глав принадлежит нам (автор предполагал назвать свою книгу «Великой братской могилой лучших русских людей»)»¹³⁹.

В предисловии к изданию 1936 г. С.С. Маслов указывал: «Одновременное появление лагерей в удаленных друг от друга крайних областях России и увеличение их на Европейском Севере было вызвано экстремно-коммунистической политикой советской власти в этот период: усилив своим прямым содержанием и своими последствиями политическую борьбу населения, она одновременно увеличила значение ОГПУ, как аппарата политического сыска и террора. Россия подсоветская превратилась в Россию подчекистскую. Жертвы индустриализации России, коллективизации ее сельского хозяйства и “Уничтожение кулаков, как класса” начали столь бурно увеличиваться в количестве, что емкость российских тюрем, как ни “уплотнялись” они, оказалось недостаточной. Кроме того, обнаружилась непригодность тюрем к строительству “Социализма” силами заключенных и к физическому истреблению последних — массовому, но без шума и широкой огласки. Тогда свой локальный опыт

на Европейском Севере ОГПУ расширило до всероссийского масштаба. <...> В этой живой и жуткой картине лагерей смерти отражается жизнь всей современной подчехкистской России, ибо в зверином бездушии администрации лагерей лишь повторяется такое же бездушие центральной власти, с которыми она “перерабатывает” живую жизнь великой страны в трупный коммунизм. Книга поэтому мобилизует душу»¹⁴⁰.

На основе статей, опубликованных в «Знамени России», на чешском и русском языках была выпущена брошюра эмигрировавшего из СССР прожившего там три года бывшего чешского коммуниста А. Рудольфа (Рудольфа Лазло). В 1936 г. на чешском языке вышли в свет мемуары И.Л. Солоневича «Россия в концлагере», который об этом эпизоде писал: «“Знамя России” в лице г-на Бутенко предложило мне перевести и издать на чешском языке мою книгу о лагерях — на это предложение я согласился и выслал им свою рукопись — почти целиком, без последней главы о побеге»¹⁴¹. В 1937 г. было опубликовано фундаментальное исследование С.С. Маслова «Колхозная Россия»¹⁴². В 1938 г. напечатана апологетическая работа С.С. Маслова о чехословацком премьер-аграрии «Новая сила в Европе и Милан Годжа»¹⁴³.

3.2. Сталин против Маслова

КР-ТКП и Московские процессы (1936–1938 гг.)

Во второй половине 30-х гг. «Крестьянская Россия — Трудовая Крестьянская партия» продолжала свою деятельность. По данным чехословацкой полиции (май 1936 г.), численность КР-ТКП в этой стране составляла от 50 до 100 человек¹⁴⁴. В 1938 г. КР-ТКП имела группы в Европе и Америке. В 1938 г. С.С. Маслов вынужден был сообщить чешской полиции, что «в Польше <...> нынешний глава группы — Георгий Соколов, редактор газеты “Меч”. Имеются группы во Львове и Вильно и на польско-советской границе. <...> В Югославии <...> группу возглавляет Николай Яковенко, служащий министерства железных дорог. Группа в Суботице, группой руководит Владимир Шевчук, железнодорожник. В Загребе — техник Батулин. В Болгарии группа создана в 1923–24 году в Софии. Ей руководит владелец киоска Чернышевич. Группа в Варне — лидер Черножитский, группа в Руссе — руководитель Кутра. <...> Местная группа в Берлине — лидер Скрипка. <...> Франция — группа создана в 1926–27 годах, создатель Василий Воронченков, который и руководит ею в Париже. <...> В Латвии существуют две местные группы. В

Финляндии группа создана в 1931–32, создатель Григорков, который и является лидером. Члены находятся в разных финских городах. Местная группа в Хельсинки и есть ее члены в Выборге. <...> Англия — группа создана в 1933 году. <...> В 1932–33 году существовала группа в Стамбуле. <...> Китай <...> группой руководит Евгений Агапов. Шанхайская группа создана в 1925 году, создатель Николай Малиновский. <...> Канада. Группа существует с 1934–35 г. во главе с Иосифом Окуличем. США — группа в Нью-Йорке основана в 1927–28 г. Колодько, в Сан-Франциско в 1931–32 гг. создана Муромским. В Аргентине в Буэнос-Айрес есть группа Валентины Бардиг-Оглоблиной. В Сирии в Дамаске с 1928–29 года работает Михаил Карьев»¹⁴⁵. Подобную сеть в эмиграции имели лишь РОВС, НТСНП и младороссы.

Подсчет заграничных членов давал С.С. Маслову невероятную цифру «в 600–800 человек». На вопрос, сколько членов КР-ТКП в Советском Союзе, Маслов честно говорил: «Мне это неизвестно»¹⁴⁶.

В Чехословакии после установления дипотношений с СССР политическая работа была затруднена. КР-ТКП не удалось провести съезд, и не только по финансовым причинам. Так, Б.В. Седаков разъяснял: «Третий съезд “ТКП” должен был состояться в 1937 году, но не состоялся из-за отсутствия необходимых денежных средств, и потому что мы не рассчитывали получить разрешения Чехословацкого правительства на созыв в Праге 3-го съезда “ТКП”»¹⁴⁷.

Но и в этих условиях лидеры КР-ТКП оставались заметными фигурами. 28 декабря 1935 г. общее собрание Союза русских писателей и журналистов проходило под председательством С.С. Маслова. Н.А. Антипов в 1939 г. был избран членом правления Союза русских писателей и журналистов¹⁴⁸. Б.В. Седаков и его коллега по партии П.И. Носаль 9 декабря 1937 г. были избраны в Правление Объединения русских эмигрантских организаций (как указано — «от оппозиции»)»¹⁴⁹.

29 февраля 1936 г. заслушивался доклад К.И. Храмовича «Вера и церковь в системе государственного устройства России»¹⁵⁰. 7 марта 1936 г. Пражская группа провела расширенное собрание под председательством старейшего народовольца Е.Е. Лазарева «75-летие освобождения крестьян». С докладами выступали С.С. Маслов, В.В. Саханев, Г.А. Малахов, Б.В. Седаков. Собрание открывал Е.Е. Лазарев¹⁵¹. 28 февраля 1937 г. обсуждался доклад Г.Е. Кирьякулова¹⁵². В 1936–1939 гг. в помещении ТКП на Краковской, 8 под эгидой Русского свободного университета работал семинарий «Новое в политической жизни», где с докладами выступали Н.К. Чхеидзе, П.Н. Савицкий, Д.Н. Иванцов¹⁵³, В.М. Бухштаб, А.А. Ювеницкий, Н.В. Быстров¹⁵⁴, А.А. Аргунов.

Постоянные публичные выступления С.С. Маслова и его коллег на острые темы советской политики должны были нервировать сталинский режим. Так, 19 сентября 1936 г. в редакции журнала «Знамя России» состоялся доклад С.С. Маслова, посвященный первому Московскому процессу: «Суд и казнь 16-и. Нравственное состояние общества и политическое положение власти. Причины расправы, ее следствия внутри и вне СССР»¹⁵⁵. 13 февраля 1937 г. обсуждался доклад Б.В. Седакова о втором Московском процессе: «Процесс 17-и». 3 апреля проходило заседание ЦИК партии по вопросу о внутреннем положении России. С докладом выступал С.С. Маслов¹⁵⁶. 10 апреля 1937 г. с докладом «Парадоксы политико-экономической действительности» в редакции «Знамени России» выступил В.М. Бухштаб. Речь шла о сравнении «опытов СССР, фашистских и демократических государств»¹⁵⁷.

8 мая 1937 г. проходит собрание с выступлением С.С. Маслова «Что происходит в СССР?»¹⁵⁸ — в связи с делом М.Н. Тухачевского. 26 июня дискуссия продолжается на общем собрании двух пражских групп КР-ТКП, где В.М. Бухштаб делает доклад «Последние события в СССР (расстрел представителей Красной Армии)»¹⁵⁹. 7 сентября¹⁶⁰ и 7 ноября С.С. Маслов делает новый доклад «Куда идет Россия?»¹⁶¹. 20 ноября с докладом «Сталинские выборы и Верховный Совет»¹⁶² выступает Б.В. Седаков.

Чисто партийные мероприятия ограничились заседанием подготовительной комиссии ЦИК ТКП 27 октября 1937 г.¹⁶³, обзором сообщений в современной периодической печати по крестьянской проблематике В.Ф. Бутенко¹⁶⁴, выступлением А.И. Овсянникова о состоянии жилищной кооперации в СССР¹⁶⁵ и собранием Пражской группы 28 ноября¹⁶⁶. Год завершился обсуждением доклада В.Е. Татаринова «Демократия» на собрании Пражской группы¹⁶⁷.

Активность КР-ТКП для полпредства СССР должна была выглядеть как демонстрация, особенно заметная на общем фоне эмигрантской деполитизации. Большая часть мероприятий русского общества в Чехословакии носила лишь культурнический характер. В 1937 г. к политическим акциям эмиграции в Праге можно отнести лишь «Торжественное собрание, посвященное памяти борцов за национальную Россию»¹⁶⁸ 6 октября и традиционное собрание «Дня поминовения жертв большевистского режима»¹⁶⁹, на котором 6 ноября в числе других ораторов выступал и активист КР-ТКП В.М. Бухштаб.

«Крестьянская Россия» была единственной эмигрантской организацией, позволявшей себе публичные антисталинские акции в Чехословакии 1937–1938 гг., чье руководство в это время взяло курс на сближение с СССР. Другим их запрещали. Так, собрание Народного союза нового

поколения в Праге («Беседа по изучению СССР») было пресечено полицией, задержанные были допрошены, прошли обыски¹⁷⁰. После этого публичная деятельность НСНП в Праге была парализована. Причина репрессий — с подачи Москвы полиция заподозрила членов НСНП в прогерманской деятельности.

В случае с КР-ТКП сталинские спецслужбы решили действовать по той же схеме. Советский полпред в Праге С.С. Александровский в январе 1938 г. пожаловался, что С.С. Маслов «засылает в Советский Союз эмиссаров, побуждающих к антигосударственной деятельности»¹⁷¹. Коммунистическая газета «Руде право» и советская агентура объявила С.С. Маслова агентом Троцкого и Гитлера. 8 марта 1938 г. в парламенте Чехословакии выступал коммунист В. Копецкий, который заявил, что контрреволюционная группа Маслова действует против союза СССР, Чехословакии и Франции¹⁷². С января 1938 г. МИД и МВД ЧР вели интенсивную переписку по поводу С.С. Маслова.

5 марта 1938 г. в редакции «Знамени России» обсуждался доклад В.М. Бухштаба «Куда СССР ведет Сталин?»¹⁷³. А 7 марта 1938 г. Маслов был задержан чешской полицией. У него дома и в штаб-квартире партии на Краковской, 8 был проведен обыск. Эти события были связаны с бухаринским процессом. Подсудимый Н. Бессонов давал фантастические показания: якобы он в 1935 г. в Чехословакии контактировал с С.С. Масловым и готовил вместе с ним и Троцким антисталинский заговор. Утверждения Бессопова были опровергнуты С.С. Масловым уже после освобождения в специальном приложении к «Знамени России»: «Все свое неумное и грубое повествование о встрече и разговоре со мной в 1935 г. этот достойный член “партии Ленина – Сталина” выдумал от первого до последнего слова»¹⁷⁴. В той же отповеди С.С. Маслов отметил: «Ясно и назначение нагло-лживых результатов, которые добываются на следствии в сталинском “суде”, скомпрометировать “Крестьянскую Россию” в той стране, где 16 лет находится ее идейный и организационный центр, и обрушить на нее всю тяжесть закона о государственной безопасности»¹⁷⁵.

С.С. Маслов напоминал: «с 1930 года “Крестьянская Россия” переживает все усиливающиеся попытки ОГПУ ввести в ее ряды своих агентов-провокаторов и агентов-осведомителей. <...> Начало минувшего (1937. — М. С.) года принесло нам новую форму чекистской активности: одновременно из нескольких источников мы узнали, что Москва добивается нашей “ликвидации” в Чехословакии. Ее попытки повторялись, становясь все более напористыми и оставаясь безрезультатными. В текущем году постановщики показательных процессов заочно посадили “Крестьянскую Россию” на скамью подсудимых в СССР и одновременно обвинили

меня в Чехословакии, что я являюсь в ней военным разведчиком Германии и специализировался на ее приграничных укреплениях»¹⁷⁶. На допросе С.С. Маслов отрицал связи с Судетско-немецкой партией Гейнлена. По его словам, ее представители лишь издали в переводе на немецкий язык книгу Н. Киселева-Громова «Лагери смерти в СССР» с предисловием Маслова.

Донос из СССР вызвал лишь кратковременное задержание С.С. Маслова: «В результате, тщательный и вежливый обыск в моей квартире и помещении “Крестьянской России”, внимательный и вдумчивый восьмичасовой допрос меня властями и отпуск “без последствий”»¹⁷⁷.

Практическая безрезультатность провокации подтверждается и материалами Архива президента РФ. В сборнике «Лубянка» опубликовано спецдонесение ИНО ГУГБ НКВД И.В. Сталину от 9 марта 1938 г. о поведении С.С. Маслова в 1938 г. в связи с процессом Бухарина и др. Речь идет о задержании лидера КР-ТКП чешской контрразведкой, обыске в помещении «Крестьянской России» 6 марта 1938 г. и о том, что после допроса 7 марта С.С. Маслов «в тот же день» был отпущен¹⁷⁸. Чешская полиция нашла такие противоречия в показаниях против Маслова, что сделала вывод о том, что речь идет об «инсинуации и мести Маслову»¹⁷⁹.

Сыграло свою роль и то, что С.С. Маслов доказывал, что «с 1933 по 1936 год полностью находился на службе Генерального штаба Министерства Национальной обороны и работал в пользу Чехословацкого государства»¹⁸⁰, никакой деятельности против чехословацкого государства на территории страны или за границей не проводил. На другом допросе он ссылаясь на свою работу «для Генерального штаба Министерства национальной обороны Чехословакии в 1933, 1934, 1935 и начале 36 года», о чем принял решение генерал армии Прхала, а непосредственно сотрудничал он с генералом Халупой и полковником Яндерой, до тех пор, пока оба последние не были отправлены на пенсию»¹⁸¹.

Как показала изученная в Национальном Архиве Чехии переписка по делу С.С. Маслова между МВД и МИДом Чехословакии, лидер «Крестьянской России» в результате провокации лишился материальной ежемесячной поддержки в сумме 500 крон. Ее Маслов персонально в числе других эмигрантов получал из фондов «Русской акции». Первичным источником дотации был МИД, который и рекомендовал прекратить выплаты. Но несмотря на сложную обстановку и заинтересованность властей Чехословакии в сотрудничестве с СССР перед угрозой гитлеровской опасности, они не пошли на запрет работы КР-ТКП.

Уже 2 апреля в Праге состоялось выступление Б.В. Седакова «Процесс 21-го в Москве». Содокладчиками выступали С.С. Маслов и

В.М. Бухштаб¹⁸². Но далее открытая деятельность партийной группы в Чехословакии становится все менее заметной. В первой половине 1938 г. в пражской группе «Крестьянской России» проходило лишь обсуждение вопроса «О волевой демократии»¹⁸³.

Но давление не остановило конспиративную работу: в конце марта 1938 г. Маслов уже встречался с неким «чехом из России»¹⁸⁴. В мае 1938 г. С.С. Маслов отправился во Францию, где пытался оживить деятельность группы партии, в частности, привлечь к работе в «Знамени России» историка С.П. Мельгунова: «Мельгунов считает: идеи Крестьянской России очень вторят с будущей Россией, Крестьянская Россия может играть выдающуюся роль. <...> В Крестьянскую Россию Мельгунов однако идти не хочет, но всячески сотрудничать готов»¹⁸⁵.

Летом 1938 г. С.С. Маслов побывал в Латвии, затем посетил Эстонию и Финляндию¹⁸⁶. В Эстонии им велись переговоры об издании в Таллинне журнала для Прибалтики¹⁸⁷. Б.В. Евланов на допросе в НКВД в 1940 г. показал, что некий Мустафа «имел задание Маслова наладить на советско-финской границе переправу людей и литературы ЦК ТКП. <...> Маслов и Мустафа несколько позже встретились в Финляндии, о чем мне говорил Маслов на обратном пути из Финляндии в Ригу»¹⁸⁸.

Продолжалась деятельность Областного бюро Дальневосточных организаций КР-ТКП в Харбине во главе с Е.М. Агаповым и группы Н.П. Мапиновского в Шанхае. Так, группа Е.М. Агапова из Парижа через М.М. Критского получила в 1938–1939 гг. от С.С. Маслова четыре субсидии по 25–26 долларов и распространяла книгу «Колхозная Россия». Агапов посылал в Прагу информацию о жизни в Китае. Последние письма датируются апрелем 1939 г.¹⁸⁹

До начала Второй мировой войны у лидеров «Крестьянской России» были, с их точки зрения, связи с Россией по нескольким каналам, которые замыкались на Русский отдел, куда входили С.С. Маслов, В.Ф. Бутенко. В работе отдела участвовал и Б.В. Седаков. Судить о том, реальны ли были эти контакты, мы можем только по показаниям Б.В. Седакова, поэтому приходится относиться к его сообщению с известной долей скепсиса.

Один из каналов информации из Ленинграда шел через Эстонию: «Чаще всего намеченные к заброске в СССР участники “ТКП” направлялись в эстонскую группу нашей организации, руководитель которой в 1929 году создал опорный пункт в г. Печоры.

Возглавлял этот пункт в Печорах участник “ТКП” Семенов, который вместе с Богдановым и осуществляли заброску нашей агентуры в Советский Союз. Как практически это делали Богданов и Семенов, я не знаю,

однако мне было известно, что последний поддерживал связь с органами эстонской пограничной стражи.

Помимо этого в период 1929–39 гг. через Семенова мы также осуществляли связь с нашим подпольем в Ленинграде и Пскове. Мне было известно, что Семенов с этой целью поддерживал непосредственную связь с членом “ТКП”, находившемся в Пскове под кличкой “Старик”. Последний нелегально переходил советско-эстонскую границу и получал от Семенова антисоветскую литературу для наших людей, проживавших в Пскове и Ленинграде. Начиная с 1933 г. через “Старика” также поддерживалась необходимая переписка с Псковом и Ленинградом. Со времени присоединения к СССР центр “ТКП” связь с Семеновым потерял»¹⁹⁰.

В 1938 г. канал был под подозрением, так как, видимо, находился под контролем НКВД, на что и указывал Седаков: «В 1938 или в 1939 г. Семенов сообщил в Прагу, что он получил письмо от “Луазо”, в котором последний интересовался вопросом отношения “ТКП” и ее поведения в случае возникновения войны. Насколько мне известно, был послан ответ, содержание которого сводилось к тому, что хотя “Трудовая Крестьянская партия” остается враждебной к советской власти, но в случае войны каждый член партии всеми средствами должен защищать свою родину.

Через некоторое время Семенов сообщил о получении нашего письма и передаче его “Луазо”. В конце Семенов отметил что “Луазо”, на его взгляд, является подозрительным человеком и, вполне возможно, связан с органами советской власти»¹⁹¹.

Б.В. Седаков сообщал, что до 1939 г. «центр “ТКП” в Праге поддерживал связи с членами “ТКП”, находившимися на нелегальном положении в СССР через советские торговые суда, заходившие в европейские порты: Амстердам, Роттердам, Гамбург и некоторые английские порты.

Эта связь осуществлялась следующим образом: в Прагу в адрес “ТКП” поступали воздушной почтой письма, в которые вкладывались подлинные письма члена “ТКП”, находившегося в Архангельске “Северова” и кроме того сообщался адрес иностранного порта (до востребования), куда следовало пересылать антисоветскую литературу для отправки ее в Архангельск “Северову”. Лица, находившиеся на советских торговых судах и посылавшие нам из иностранных портов письма, своих настоящих фамилий не называли.

Со слов Бутенко мне было известно, что он, таким образом, поддерживал связь с подпольной группой “ТКП” в Ленинграде. Последний раз такого рода связь имела место в 1938–39 гг.»¹⁹²

Об этом контакте Б.В. Седаков сообщил: «Ликвидируя в 1939 году работу ЦИК “ТКП” в Праге после прихода немцев и получив письмо от

“Северова” через иностранный порт (какой не помню) от лица, которое обычно пересылало письма за подписью точно не помню какой, или Ковалева или Ковалевского или Кузнецова или Кузнецкого, мы сообщили этому лицу для передачи “Северову”, что прекращаем сношения на Прагу, и дали предполагаемый адрес Бутенко в Париже, по которому и предлагали в дальнейшем направлять письма»¹⁹³.

Ясно, что надо делать поправку на специфический стиль протокола допроса. Но из него можно понять, о чем же шла переписка: «Наши агенты в СССР, например ленинградские, запрашивали нас, на что им в каждый отдельный момент заострить внимание при проведении антисоветской пропаганды и какую при этом давать оценку тому или иному мероприятию или постановлению советской власти. В некоторых письмах сообщалось о вербовке новых членов “ТКП”, однако фамилии завербованных не указывались.

По заданию русского отдела “ТКП” я лично в ответных письмах информировал эмиссара “ТКП” в Ленинграде Павлова и находившегося в Архангельске участника “ТКП” Северова о программно-тактических установках нашей организации. Я указывал на необходимость развернуть вербовочную работу с расчетом на то, чтобы в каждом советском учреждении иметь хотя бы одного участника “ТКП”, законспирировав их до того момента, когда развертывание антисоветской работы по нашему мнению станет возможным. Таким образом, речь шла о накапливании наших кадров в Советском Союзе. Кроме того, я предлагал нашим агентам использовать все возможности для печатания листовок и распространять их среди советских крестьян и молодежи»¹⁹⁴. Призывы к террору Борис Седаков отрицал.

Были и детективные сюжеты, вспоминает Б.В. Седаков: «В эти же годы, я помню, к нам в Прагу пришло письмо из одного из английских портов. В письме был указан английский город и ресторан, в котором мы в течение пяти дней можем иметь свидание с членом “ТКП”, приехавшим из Советского Союза. Причем было сказано, что этот член “ТКП” будет сидеть в ресторане в таком-то месте, в петлице его пиджака будет цветок, а в руках советская газета. Эта связь из-за отсутствия достаточного времени была не установлена»¹⁹⁵. Остается гадать, зачем на рандеву якобы из СССР был послан человек с цветком в петлице.

1 декабря 1938 г. состоялось совещание о дальнейшем выпуске журнала «Знамя России»¹⁹⁶. «Крестьянская Россия» продолжала свою работу в Праге (с кратким перерывом во время «Судетского кризиса» осени 1938 г.) до марта 1939 г. — до оккупации Чехословакии нацистами.

3.3. Деньги для крестьянской революции

КР-ТКП и ее спонсоры в Европе в 30-е гг.

Самый интересный вопрос — на какие средства в 20–30 гг. существовала «Крестьянская Россия»? Как было показано выше, в 1922–1924 гг. издание сборников «Крестьянская Россия» субсидировалось властями Чехословакии. Деятельность «Крестьянской России» с 1924 по 1929 г. в рамках РДС также спонсировалась через П.Н. Милукова официальной Прагой. Но безденежье усиливалось, и С.С. Маслов писал: «Наше денежное положение в 1930 году не дает мне покоя — ужасно боюсь положения, когда мы и голоса своего не будем в состоянии подать»¹⁹⁷. Он же анализировал смету партии в 1929 г.: «Сжали смету “Крестьянской Р<оссии>”. Месячный расход с 10.500 крон сведен до 6.600. Смета вступает в действие с 1-го июля». Усиленно вытаскиваем долги, которых у нас тысяч на 25–27, тысяч 10–12 в этом году соберем»¹⁹⁸.

2 января 1930 г. из Праги им же сообщалось в США о том, что за год удалось собрать всего 900–950 долларов, а расходы были гораздо большие — за год около 2500 долларов: «В настоящее время наша касса находится поэтому в гораздо худшем положении, чем в начале 1929 года. За исключением забронированной суммы на американскую поездку в 600 долл<аров>, в ней имеется лишь около 850 амер<иканских> долл<аров>. Повторяю, что обеспеченного поступления в нее крупных взносов нет, не только в настоящее время, но и в ближайшем будущем. А расходы идут. Как ни сжимаем их, они все-таки ниже 173–180 долл<аров> в месяц опуститься не могут, причем в эту сумму ежемесячных расходов включено только 2 номера «Вестника» в год и совершенно не включены расходы по поездкам людей в Россию и по издательству литературы специально для России. <...> Необходима сопряженная с большими трудностями поездка в некую страну и расходы в 150–175 долл<аров>. Мы не идем на эту поездку, ибо боимся и прямо не можем выбросить на нее наш месячный бюджет при теперешнем состоянии нашей кассы. <...> Мы решили искать крупные средства, с этой целью А.А. Аргунов поехал в Париж, с этой целью намечается моя поездка в начале января в Германию и в начале февраля на Балканы в Югославию и Болгарию, разрабатываем “план наступления” и на Чехословакию»¹⁹⁹.

Именно в Белград С.С. Маслов поехал в первую очередь в 1930 г. После разрыва коалиции он нашел свой источник финансирования в руководстве Югославии. Хотя деньги получались с большим трудом, через раз: «Я два месяца сижу в Белграде. Пытаюсь добывать “нерв войны”, но

пока что испортил нервы самому себе. Надежды во мне, однако, продолжают теплиться»²⁰⁰. «Поездка моя в Югославию (3-х месячная) денежных результатов не дала. Была моя поездка во Францию (больше месяца); она дала в кассу пустяки — около 11 тыс. франков (французских). Нахожусь в переговорах (и уже с некоторыми результатами — небольшими пока, но обещающими увеличиться) с чешскими аграрниками»²⁰¹. Эти 11 тыс. франков были даны «на переправку журнала “невозвращенцев” “Борьба” в Россию»²⁰². Договор о сотрудничестве был заключен до 1 января 1931 г. Любопытно было бы понять, какая норма прибыли закладывалась вождем КР-ТКП в бюджет этой операции, если отмечалось, что доход покрыл от половины до двух третей текущих расходов партии.

20 октября 1930 г. С.С. Маслов сообщал, что те «500–600 долларов, которые были собраны на поездку, постепенно расходуются на текущую жизнь. В данный момент в кассе денег около 400–500 долларов, причем долларов 150 есть долгов»²⁰³. При этом Маслов грезил доходной поездкой в Америку... Осенью 1930 г. Маслов интересовался просто возможностью денежной помощи из США, просил Б. Бахметьева «найти эту сумму в 2000 долларов», но получил отказ²⁰⁴. При этом Бахметьев предупреждал, что в кризис деньги можно в США получить только чудом. В конце декабря Ф.И. Колесов смог прислать собранные им 70 долларов²⁰⁵.

Но в конце 1930 г. КР-ТКП в самом деле помогло настоящее чудо, отмечал С.С. Маслов: «Мы бы уже сидели на мели, если бы вдруг не повезло: мы выиграли в 25.000 крон в лотерею. (Сообщаю об этом Вам как члену ЦК; никому об этом мы не сообщаем.) Эти деньги сейчас и имеются в наличности. На них мы немного шикнули: купили новую пишущую машинку, потому что двух существующих начало не хватать, и устроили легкий пир с одним приглашенным другом “Крестьянской России”. Из событий последнего месяца — этот выигрыш самое сенсационное. <...> На выигрыш поддержали Грачева, положение которого было катастрофическим, поддержали газету Малиновского в Шанхае и дали небольшие средства на работу в России»²⁰⁶.

Деньги же из Югославии появились не ранее середины 1931 г. В марте 1931 г. С.С. Маслов сообщал в США: «Мы находимся в ожидании денег, за которыми ходим по трем “стежам”. <...> По одному из них надеемся получить деньги сравнительно крупные, и притом получать периодически. По другой и третьей тропинке получим, вероятно, одновременно теперь, и по одной — небольшие средства будем получать периодически в будущем году. В ожидании денег из первого источника мы, во-первых, все изнервничались, во-вторых, подписали соглашение с “Рулем”, по которому мы обязуемся в течение 11 месяцев внести 4000 долларов и стать

половиной в редакции и хозяйстве газеты. <...> Изнервничались все, однако, чрезвычайно в связи с этим соглашением и ожиданием денег, которые должны прийти из чужой далекой страны. А в этой стране нас уверяют, что деньги ассигнованы, что они непременно будут, несколько раз назначался срок их выдачи, но денег нет и до сего дня. <...> Если деньги, которые ожидаем, получим в с е , то будет и “Руль”, и американская поездка, съезд (второй). Если получим ч а с т ь денег, то при “Руле” америк<анскую> поездку опять не поднимем на свой счет; если получим часть денег, но “Руля” не будет (он может каждый день перейти в новые чужие руки — так критически там дела в связи с долгами), то будет амер<иканская> поездка и, вероятно, съезд»²⁰⁷.

Редактор «Руля» И.В. Гессен утверждал: «... Тайна стала секретом полишинеля, потому что живший в Белграде бывший нововременец А.И. Ксюнин направо и налево хвастал, что деньги добывает он от югославского правительства. Я впервые услышал об этом тогда, когда коалиция наша (с КР-ТКП. — М. С.) была давно в спотыкающемся ходу, от директора театра “Синей птицы”, которому Ксюнин похвалялся своим могуществом»²⁰⁸.

Во время допроса в 1945 г. В.В. Шульгин сообщил: «Ксюнин писал статьи в сербской газете “Политика” и, кроме того, давал, какую-то информацию югославскому правительству, которую получал из Праги. Что это была за информация и от кого именно он ее получал, мне не известно»²⁰⁹; «Ксюнин имел какие-то связи в югославском правительстве и получал крупные денежные субсидии на антисоветскую работу. Ксюнин также имел свою разведку, услугами которой пользовалось югославское правительство. Ксюнин, например, получив из Праги информацию о готовящемся нелегальном съезде коммунистической партии Югославии, донес об этом югославскому правительству. <...> Мне об этом говорил Ксюнин»²¹⁰.

Допрошенный на Лубянке в 1945 г. один из лидеров НТСНП М.А. Георгиевский сообщил: «Через того же Ксюнина Шульгин завязал связи с руководителем антисоветской организации “Партия крестьянской России” Масловым. Тем самым Шульгин вступил в связь с группой эмигрантских деятелей, образовавших т. н. “Республиканский блок”. Это были Гучков А.И., Ксюнин, Маслов и другие, мне неизвестные. Эти лица находились в различных пунктах Европы, пытались вести общую линию борьбы против советской власти и были намерены использовать “НТСНП” как резервуар молодой силы для достижения своих целей»²¹¹.

Из показаний В.В. Шульгина и М.А. Георгиевского становится ясно, что, как я уже отмечал, с 1930 по 1934 г. включительно С.С. Маслов поддерживал связи с группой Гучкова, искавшей средства для активной анти-

коммунистической деятельности. Как и они, он проводил сбор материалов об СССР и по вопросам оборонной и внешней политики в Европе. А.И. Гучков активно поддерживал НСНП, искал пути для радиопропаганды на население СССР.

С помощью А.И. Ксюнина С.С. Маслов добился особых отношений с властями Югославии, по всей видимости, оказывая им важные услуги. Так, в 1930–1936 гг. для поездок по Европе он пользовался не нансеновским паспортом, выданным Чехословакией, а югославским. Паспорт был выдан С.С. Маслову на его имя как якобы югославскому гражданину «решением самого короля Александра» и с согласия чехословацкого МИДа²¹². Член ЦИК КР-ТКП В.Ф. Бутенко подтвердил в 1950 г.: «Значительные средства поступали и от Короля Югославии Александра, начиная с 1930 года вплоть до его трагической смерти, через министра двора. <...> Ответственные работники КР-ТКП широко пользовались в случае необходимости чехословацкими и югославскими паспортами для своих поездок и неоднократно даже дипломатической защитой посольств и консулатов»²¹³.

Сотрудничество это могло продолжаться, как минимум, до осени 1934 г., когда 29 октября А.И. Ксюнин посоветовал А.И. Гучкову: «Обдумайте, как Вам окончательно ликвидировать и связь с С.С. М<асловым>, да и его самого. У меня сложилось определенное впечатление, что он — “политический мертвец”, — он тянет за собой на дно тех, которые не сумели и не успели оборвать канаты, связывающие с ним. Если в этом деле вам нужна в той или другой форме моя помощь, располагайте мной. Вы знаете, — я умею не стесняться, когда этого требует польза дела. Да, может быть, постороннему, каким являюсь я, легче произвести то хирургическое вмешательство, какое, по-видимому, требуется»²¹⁴.

Окончательный разрыв группы Гучкова с С.С. Масловым наступил в ноябре 1934 г., и А.И. Ксюнин попытается лишить КР-ТКП источников финансирования в Чехословакии: «Радуюсь Вашему решению порвать с С.С. М<асловым>. Только с такими “утопающими” нельзя просто рвать, их надо одновременно пустить ко дну, — иначе утопленник все же цепко захватится и потащит за собой. <...> В частности, что касается сохранившихся у этого господина чехословацких связей (если только таковые сохранились), то я берусь их ликвидировать, что называется “в два счета”»²¹⁵. Но, по всей видимости, свой план Ксюнин осуществить не смог. Да и в Югославии для него было сложно разоблачать Маслова, так как он сам и рекомендовал его властям этой страны²¹⁶.

Неясно, удалось ли А.И. Ксюнину расстроить финансирование «Крестьянской России» из Югославии. В 1934 г. деньги из Белграда еще регулярно поступали. Так, в письме В.Н. Челищева М.Ф. Ковалеву высказы-

вается надежда на грядущее «перекачивание белградских средств из кармана С.С. <Маслова> в дальневосточное русло»²¹⁷. Как сообщал В.В. Шульгин: «В 1934 г. в Белград приезжал руководитель эмигрантской организации в Праге “Партия крестьянской России” — Маслов, который читал лекцию по экономическому положению в СССР. О другой антисоветской деятельности Маслова мне неизвестно»²¹⁸. Позже в переписке с женой С.С. Маслов отзывается о Ксюнине, после его самоубийства в 1938 г. в связи с разоблачением агента НКВД генерала Скоблина, как о запутавшемся интригане, его неоднократно оклеветавшем²¹⁹.

В 1930–1931 гг. и позже «Крестьянской России» выделялись и дотации из чехословацкого бюджета. С.Р. Царапкин сообщал: «Маслов С.С. от чехословацкого правительства получал какие-то денежные суммы на свое содержание. Все это стало мне известно при установившемся знакомстве на квартире Кудрявцева в гор<оде> Берлин»²²⁰. Наличие средств и позволило войти в долю при выпуске газеты «Руль» в 1931 г., вести выпуск журнала, содержать помещение партии и давать средства к существованию нескольким ее лидерам и небольшому аппарату.

В письме ЦК КР-ТКП «Членам заграничной делегации партии» 1933 г. речь идет о том, что «из сумм, правильно поступающих на дело партии из одного источника, С.С. Маслов получает одну пятую часть в сумме более двух тысяч чешских крон в личное бесконтрольное распоряжение»²²¹. В таком случае, общая сумма субсидирования должна была превышать 120 000 крон в год. Напомню, что на заседании пражской группы с членами ревизионной комиссии 14 февраля 1933 г. К.И. Храневич заявил, что «за период с 1 по 2-ой съезд С.С. Маслов достал для партии боле 900 000 ч<ешских> кр<он>»²²².

После раскола КР-ТКП в конце мая 1935 г. в МВД Чехословакии поступил донос А. Брабца о финансовых делах в партии и лично С.С. Маслова. Проводилось расследование, результатом которого стало письмо Президиума МВД ЧСР в МИД ЧСР от 9 марта 1936 г.²²³ В документе цитировалось решение полиции от 9 октября 1935 г., где говорилось, что сообщения Брабца подтвердилось «только в некоторых частях».

Опрошенные предположили, что С.С. Маслов «распоряжается большими финансовыми средствами, добытыми от благожелателей заграницей, особенно в Югославии»²²⁴. Утверждения, что Маслов находится «в союзе с польским Генштабом», что он «производит финансовые операции с валютой недозволенным способом», одни свидетели подтвердить не могли, а другие их правдивость отрицали. Против сотрудников Маслова Б.В. Седакова и В.Ф. Бутенко не было найдено никакой компрометирующей информации. В результате донос был признан «актом мести».

Полиция сделала вывод, что проведенным расследованием не было установлено никаких обстоятельств, которые бы требовали принятия мер против Сергея Маслова и «Крестьянской России»²²⁵. Эту информацию и.о. главы МВД Чехословакии Мидле 12 марта 1936 г. направил в МИД республики. Использование югославских средств КР-ТКП чешская полиция признала, но не посчитала нарушением закона.

В мае-июне 1935 г. С.С. Маслов находился в Белграде, рассчитывая получить дотации. В письме жене он сообщал: «Дела мои идут тут “корово”, я боюсь, что ничего не добыть, а деньги мне для “Кр<стьянской> Р<оссии>” необходимы, ибо сейчас на внутривосточный сектор нашей работы у нас (“Кр<стьянской> Р<оссии>”) нет ничего. Я нервничаю тут и оттого, что все идет медленно и плохо, и оттого, что боюсь фиаско, как итог полуторамесячных усилий (я думаю, что все окончится тут около 15 июня). <...> Поехал я в Белград с надеждой добыть 10.000 крон в месяц»²²⁶. Из переписки неясно, были ли в конце концов получены какие-то средства.

В.Ф. Бутенко в 1950 г. писал: «Работа требовала больших средств, которые поступали в кассу партии, главным образом, через братскую аграрную партию Чехословакии. В Париже в настоящее время проживает в эмиграции видный деятель этой партии и высокий правительственный чиновник, который был нашим политическим другом и 20 почти лет выполнял роль связующего звена между КР-ТКП с руководством своей партии, с премьером Миланом Годжей, с президентом Т.Г. Масариком и Э. Бенешем»²²⁷. Возможно, это был влиятельный чешский инженер-легионер Антонин Павел, регулярно выступавший на собраниях КР-ТКП.

Автор «Знамени России» Н.В. Быстров указывал на два источника финансирования партии. «Средства поступали от аграрной партии Чехословакии, через Союз Журналистов в Югославии. От кого именно, я не знаю. Вопрос о денежных средствах был засекречен потому, что, находясь в Чехословакии, получать из каких-либо источников из других стран считалось опасным»²²⁸. До конца 30-х годов КР-ТКП субсидировала Республиканская аграрная партия Чехословакии²²⁹.

Чешский исследователь З. Сладек утверждает, ссылаясь на архивные данные, что в 1937 г. Министерство земледелия из сметы в 110–120 тыс. крон в год финансировало три русские эмигрантские организации: Административную комиссию при центральном земледельческом обществе, Всеказацкий земледельческий союз и «группу Сергея С. Маслова»²³⁰. Именно в это время премьером Чехословакии был аграрий Милан Годжа, о котором С.С. Маслов опубликовал в 1938 г. апологетическую книгу.

Проявляли интерес к С.С. Маслову и японцы — через представительство «государства» Манчжоу-Го в Берлине²³¹. К С.С. Маслову и его сторонникам они относились как к группе аналитиков, способных давать обзоры социально-политической ситуации в СССР, что подтверждается показаниями Б.В. Седакова: «До 1935 года антисоветская “Трудовая крестьянская партия” финансировалась югославским королем в размере 9–11 тысяч крон ежемесячно и Советом Министров Чехословакии в размере 5–6 тысяч крон ежемесячно. Начиная с 1935 года источниками существования “ТКП” были поступления от Совета Министров Чехословакии 5 тысяч крон ежемесячно через чешскую аграрную партию, 2.500 крон в месяц — от канцелярии Совета Министров в Чехословакии непосредственно, 2–3 тысячи крон от Министерства земледелия Чехословакии. Кроме того “ТКП” продавала представителям румынского короля и японского ЮМЖД²³² в Париже материалы политического и экономического характера об СССР. За эти материалы от румын мы получали от 1250 до 2.500 крон ежемесячно, а от японцев 142 американских долларов в месяц»²³³.

Под представителями «румынского короля» следует, скорее всего, предполагать В. Богомольца с его группой, обслуживавшей как польскую, так и румынскую разведки через резидентуру «Пилигрим». Правда, в документах польской военной разведки указаны несколько иные расходы на источник «Лек» (В. Бутенко): «Месячный бюджет резидентуры — состоял из 500 крон»²³⁴. Есть в архиве и донесения «Татара» — это сделанные В. Татариновым обзоры ситуации во Франции и несколько сообщений о деятельности русских и французских масонских лож.

На допросе в чехословацкой полиции в 1938 г. С.С. Маслов сообщил о встрече в Праге с японским представителем Симано²³⁵ в Париже в декабре 1937 г.: «Она произошла по просьбе дальневосточной группы КР-ТКП, которой симпатизировавший “нашему движению” переводчик русских писателей и философов Симано оказал важные услуги, в том числе с устройством на работу». Речь в беседе Маслова и Симано шла о «Японии и русской эмиграции на Дальнем Востоке, об отношении Японии и Советского Союза и о России вообще»²³⁶. О встречах с Симано сообщал и Б.В. Седаков²³⁷. Редакция «Знамя России» в течение примерно двух лет до 1938 г. пересылала на имя Симано «в Париж часть материалов о внутренней жизни в Советском Союзе, поступающих от Каштанова — «Крестроса», а он «выплачивал редакции журнала “Знамя России” 140 долларов ежемесячно»²³⁸.

Но финансирование было столь жалким, что С.С. Маслова преследовала своего рода «мечта Федора Достоевского». Он пытался выиграть

крупную сумму в казино и тем поправить дела своей организации. В казино он играл, например, во время поездок во Францию в 1937 и 1938 годах. Кончалось все одинаково — письмом жене с просьбой выслать денег на обратную дорогу²³⁹.

Можно сделать вывод о том, что на предвоенном этапе своего существования «Крестьянская Россия» С.С. Маслова работала в значительной мере уже не как политическая организация, а скорее как выполнявший заказы страны пребывания и государств, опасавшихся агрессии СССР, аналитический центр со своим политологическим изданием — «Знаменем России».

3.4. Гестапо и «Смерш» против «Крестьянской России»

Трагедия КР-ТКП: репрессии против членов партии в Чехословакии, Германии и Китае

В офисе КР-ТКП на Краковской, 8 в Праге на 29 марта 1939 г. был назначен доклад В.М. Бухштаба о международном положении²⁴⁰, но состоялся ли он — неизвестно. Нацисты оккупировали Чехию 15 марта 1939 г. В сообщении дочери С.С. Маслова Т.С. Масловой автору говорится о том, что до оккупации в Праге было проведено совещание членов КР-ТКП, где было принято решение: в случае захвата нацистами территории Чехии «Крестьянская Россия» должна включиться в сопротивление оккупантам.

Иной вариант дает послевоенная версия истории КР-ТКП: «15 марта 1939 года Прага была захвачена нацистами. За несколько недель до этого ЦК вынес постановление и сообщил о нем всем организациям, что, если так случится, он “самоупраздняется” в качестве руководящего органа, чтобы предотвратить возможную попытку немецких властей вовлечь его в политическое сотрудничество. Свои функции ЦК передал новому органу вне пределов, как тогда думалось, немецкой досягаемости, командировав для его организации одного из своих членов с соответствующими инструкциями и полномочиями. Группы в Чехословакии были распущены. Издательская деятельность прекращена. Это было началом разгрома заграничной организации»²⁴¹. Речь шла о выезде из Чехословакии члена ЦК КР-ТКП В.Ф. Бутенко.

По сообщению В.Н. Михайлова, «в 1939 году Бутенко выехал во Францию»²⁴². Б.В. Седаков уточнил: «В 1939 году Бутенко был немцами арестован, затем из-под стражи освобожден и по разрешению немецких вла-

стей из Праги уехал во Францию. Во время франко-германской войны был мобилизован во французскую армию, в которой находился до конца войны. После демобилизации сначала работал в Париже на черновых работах, а затем уехал в Америку. Последний раз я виделся с ним в июле месяце 1939 года, когда провожал его на вокзале при его отъезде во Францию. Занимался ли он после отъезда их Чехословакии какой-либо деятельностью по линии “ТКП” — я не знаю²⁴³.

В показаниях Н.В. Быстрова говорится, что он сотрудничал в журнале «Знамя России» «до закрытия журнала по решению его редакции при оккупации Чехословакии немцами в марте месяце 1939 года. С этого времени партия “Крестьянская Россия” деятельность свою <...> начала прекращать. И после ареста секретаря ЦИК Бутенко и его последующего отъезда, и, во всяком случае, с начала войны в сентябре 1939 года совершенно прекратила»²⁴⁴. Как сообщал Б.В. Седаков, «Центр прекратил свою работу в начале апреля 1939 года, так как полагал, что его деятельность может быть принудительно использована немцами для своих политических целей. Кроме того, мы желали посмотреть, во что выльются надвигающиеся политические события. Выпуск журнала “Знамя России”, издаваемый центром партии “Крестьянская Россия” в г. Праге, был прекращен в феврале месяце 1939 года»²⁴⁵. При этом, судя по последним выпускам «Знамени России» в 1939 г., произошел отход С.С. Маслова от издательских дел. В январе-марте 1939 г. три номера журнала вышли при фактическом редакторстве Б.В. Седакова.

В.Ф. Бутенко был арестован на 10 дней, но выпущен с территории Протектората. 5 июля 1939 г. он прибыл в Париж²⁴⁶ (имел приглашение сестры-американки в США). Как он сообщал Б.А. Бахметьеву 24 июля 1939 г., «приехал в Париж с заданием помочь в организации нового центра, ибо таковой в Праге сам себя в силу сложившейся обстановки, упразднил, передав свои функции Парижу»²⁴⁷.

В.Ф. Бутенко сообщал, что С.С. Маслов и лидер пражских евразийцев П.Н. Савицкий хотели бы переселиться в США, развернуть там общую деятельность, так как «с прошлого года наметилось сближение между ведущими группами нашей и евразийской», и «обе стороны пришли к заключению о необходимости установления тесного сотрудничества и даже общего фронта»; предполагалось, что журнал, который должен был издаваться с осени в Париже, должен носить «коалиционный характер»²⁴⁸. Совместно с евразийцами была выработана «общая платформа», к которой хотели привлечь «многие элементы эмиграции», «сговориться не только с русскими, но и с иностранными кругами», причем в разработке документа принимали участие «общие друзья из чешских национальных кру-

гов»²⁴⁹. К сожалению, текст совместной программы КР-ТКП и евразийцев пока не найден.

Живший в США Ф.И. Колесов после войны писал: «Мы хлопотали за С.С. (Маслова. — М. С.) перед Бахметьевым. И, кажется, два или три раза пересылал С.С. небольшие денежные суммы. <...> В 1940 г. у Бахметьева выхлопотали ему небольшую стипендию для продолжения начатого им научного труда»²⁵⁰. Б.А. Бахметьев «интересовался С.С. как восходящей политической звездой»²⁵¹.

Фактом является то, что с оккупацией Чехии нацистами и созданием Протектората Чехии и Моравии легальная деятельность КР-ТКП, как и всех других русских политических эмигрантских организаций, не была разрешена нацистами. Данные о том, подавала ли КР-ТКП заявление на перерегистрацию в Протекторате Чехия и Моравия (необходимо было это сделать до 31 мая 1939 г.), неизвестны. В показаниях инженера В.Н. Михайлова²⁵² говорится, что в мае 1939 г. он явился в помещение редакции, «где ранее располагалось управление организации “ТКП”», «но там никого не оказалось, помещение было освобождено». От Б.В. Седакова ему «впервые стало известно, что с приходом немцев в Чехословакию организация свою деятельность прекратила», «до нападения Германии на Советский Союз деятельность организации была прекращена». В.Н. Михайлов процитировал С.С. Маслова, который ему говорил, что «с оккупацией Чехословакии немцы, якобы не ознакомившись еще с задачами и целями, которые ставила перед собой организации “ТКП”, предложили ей прекратить свою деятельность. Однако редакцию и имеющуюся у организации литературу немцы оставили»²⁵³. К партии С.С. Маслова нацисты относились настороженно. Так, об одном из членов ЦИК КР-ТКП известно: «в 1940 году Бухштаб был арестован немцами и выслан из Праги в Берлин»²⁵⁴.

В 1939 г. в Праге скончался основатель «Крестьянской России» А.А. Аргунов, а в 1941 г. — другой активный член КР-ТКП — профессор К.И. Храневич. Оба похоронены на Ольшанском кладбище.

Переписка между Прагой и Парижем через нейтральные страны продолжалась до мая 1940 г.²⁵⁵. Во Франции в 1939–1940 гг. группа КР-ТКП еще существовала. В декабре 1938 – марте 1939 г. на «Завтраках» в Париже делались попытки наладить взаимодействие патриотического крыла эмиграции: от младороссов до эсеров²⁵⁶. Сообщение об участии крестроссов в этих эмигрантских совещаниях имеются и в дневниках С.П. Мельгунова: на «Завтраках» «Крестьянскую Россию» представляла некая «г-жа Толмачева»²⁵⁷. В феврале 1940 г. в Париже «Крестьянская Россия» пыталась создать некий объединительный орган эмиграции, ука-

зывает С.П. Мельгунов: «Попытка “Крестьянской России” поднять вопрос об организации “центра”, конечно, впустую. Эмиграция — рассыпанная хранина, ни на что политическое не способная»²⁵⁸.

Представителю «Крестьянской России» В.Ф. Бутенко не удалось наладить деятельность постоянного центра КР-ТКП: «вспыхнувшая в сентябре Вторая Мировая Война помешала созданному в Париже временному Центру развернуть работу, а последовавшая затем оккупация Франции сделала невозможным ее продолжение»²⁵⁹. В.Ф. Бутенко был ненадолго призван в армию. В 1941 г. он находился на юге Франции, ждал возможности выехать в США. О себе он писал так: «Во Франции с 1941 г. я был с.х. рабочим, дроворубом, швейцаром в отеле и одновременно помогал на кухне мыть посуду, чистил овощи, возил тележку по улице, — это продолжалось пять лет. Потом три года я работал на положении “магазинера”, т. е. на положении полурабочего, полуслужащего»²⁶⁰.

История партии в этот период выглядит печально: «В самом начале войны при занятии Кремлем восточной части Польши погибли группы, работавшие среди русского меньшинства. Через год та же судьба постигла Прибалтику. В последний период войны — Балканы и Дальний Восток. Все это были страны, где “Крестьянская Россия” была наиболее сильно и влиятельно представлена. О судьбе отдельных ее членов или нет сведений, или сведения самые трагические»²⁶¹.

Летом 1940 г. после оккупации СССР Латвии и Эстонии активисты КР-ТКП в Прибалтике были арестованы органами политической полиции и переданы советской госбезопасности. Б.К. Семенов был арестован полицией в ночь с 20 на 21 июня 1940 г. и помещен в центральную тюрьму Таллинна. П.А. Богданов был арестован на третий день после захвата власти коммунистами — 23 июня. По этому же делу проходили Б.К. Семенов, А.Г. Лурье, Г.В. Назимов и Б.М. Дондуков.

На закрытом заседании Военного трибунала Ленинградского Военного округа 11 февраля 1941 г. Богданов и Семенов получили приговор: «лишить свободы в ИТЛ сроком на 15 лет каждого с поражением в правах на три года»²⁶². Военная коллегия Верховного Суда СССР 25 апреля 1941 г. рассмотрела кассационную жалобу и оставила приговор в силе²⁶³. Б.К. Семенов скончался в Саратовской тюрьме 5 мая 1942 г.²⁶⁴ Все участники групп «Крестьянской России» в Эстонии и Латвии погибли в тюрьмах и концлагерях.

Ячейки КР-ТКП в Югославии продолжали свою деятельность до апреля 1941 г. Руководители организации в Белграде Г.И. Царик, Н.М. Яковенко и Выстеропский приняли участие в движении Сопротивления и, по сведениям Г.А. Малахова, погибли во время войны²⁶⁵. Информацию

об аресте Н. Яковенко имел Э.Г. Чевдар. «Никола Яковенко умер в самом начале немецкой оккупации»²⁶⁶, — писал ему В.Ф. Бутенко.

Неформальный лидер молодежного крыла ТКП в Чехословакии Г.А. Малахов вместе с женой М.И. Шпис в 1936 г. переехал к родителям в Югославию и прекратил активную политическую деятельность. Он жил в горах Македонии и поддерживал лишь эпизодические контакты с белградской группой. В 1944 г. Малахов успел вступить в прокоммунистический партизанский отряд. Затем работал в Македонии в Скопле инженером-лесохимиком, состоял в переписке с жившим в США членом КР-ТКП Валерьяном Колесовым. В 1958 г. Г.А. Малахов был выслан из Югославии в СССР. Власти СССР потребовали от Малахова выехать в Сибирь в город Канск Красноярского края, где старейший член КР-ТКП проживал фактически в ссылке под надзором КГБ. Выступил с письмом в поддержку А.И. Солженицына. В 70-е гг. рукописи, переданные Малаховым на хранение в Шенкурский краеведческий музей, в том числе и один из вариантов пятитомных «Записок русского эмигранта», были конфискованы КГБ и уничтожены. После 1991 г. и до кончины в феврале 2005 г. Г.А. Малахов активно занимался общественной деятельностью, опубликовал часть своих работ и отрывки из мемуаров. Архив Г.А. Малахова передан автором диссертации в Библиотеку-архив «Русское Зарубежье».

О жизни членов КР-ТКП в Праге после 1939 г. известно немного. От дочери С.С. Маслова Татьяны Сергеевны мне пришлось слышать путаный рассказ о том, что перед началом Отечественной войны, т. е. до июня 1941 г., С.С. Маслов якобы встречался в Праге с советским консулом, причем по инициативе советского чиновника. Тот предлагал Маслову амнистию и возвращение в СССР, но этого не случилось из-за начала войны. Т.С. Маслова ссылалась на рассказ приехавшего в Прагу из СССР в 70-е гг. члена КР-ТКП В. Михайлова.

Консульство СССР в Праге в 1941 г. существовало. Но эта версия показалась мне невероятной. Наверняка это была семейная патриотическая легенда, которой, похоже, дочь, служившая в госаппарате Чехословакии, защищались от наветов во времена социализма

Однако в бумагах В.Ф. Бутенко нашлась коллективная рецензия 1955 года на рукопись некоего М.В. Комякова «Русские в Праге». В. Бутенко, Д. Иванцов, Г. Кирьякулов и И. Колодько в специальном письме заявили, что они вынуждены отнестись с сомнением к обнародованному автором «со слов г. Стоилова “факта” переговоров Маслова с советским вице-консулом Ивановым». Члены группы в Нью-Йорке писали: «Сам г. Стоилов пользовался весьма недоброй репутацией у Маслова лично, как и в кругах “Кр<естьянской> России”, нам трудно допустить, зная С.С. Мас-

лова, самую даже возможность таких переговоров. В переписке, которую он вел до своего первого ареста немцами и в промежутке между освобождением и вторым арестом с несколькими лицами за пределами Протектората, не было ни малейшего намека на подобную перемену позиции, а при его характере он обязательно чем-либо проявил свои новые настроения.

После войны нами собрана достаточная информация о нем за период 1939–45 из разных источников, и в ней нет ничего, подтверждающего эту возможность. Опровержением служит и то, что он был арестован чекистами в первые же дни после освобождения из нем<ецкого> концлагеря и бесследно исчез. Если бы такие переговоры имели место, вряд ли он был бы освобожден после первого ареста и находился на свободе около года. Мы склонны думать, что именно Стоилов своими “показаниями” немцам навлек на С.С. Маслова два последовательных ареста»²⁶⁷. В общем, «патриотический факт» основан на слухе, а опровержение — на логических построениях, и правду без изучения недоступных автору докладов советской агентуры в консульстве в Праге 1940–1941 гг. мы вряд ли узнаем. Хотя кто знает, не разыгрывал ли Маслов какую-то комбинацию, с тем, чтобы покинуть оккупированную немцами территорию и попасть по пути в СССР в нейтральную страну?

Документированный же факт таков: лидер «Крестьянской России» С.С. Маслов был арестован нацистами дважды: 22 июня 1941 г. и в 1944 г. «Председатель ЦК и основатель движения — С.С. Маслов был дважды арестован гестапо за отказ пойти на политическое сотрудничество, были аресты немцами и других “крестроссов” — один (А.А. Воеводин. — М. С.) умер в заключении»²⁶⁸.

В воспоминаниях о пребывании в пражской тюрьме Панкрац после ареста 22 июня 1941 г. директор Збраславского музея В.Ф. Булгаков весьма осторожно написал в мемуарах: «Выйдя однажды на прогулку, я увидел среди соседей своих по камере знакомого русского — эмигранта Сергея Семеновича Маслова, публициста и политического деятеля, редактора журнала “Крестьянская Россия”. Его расценили как деятеля национального и потому фашизму враждебного. <...> 15 сентября 1941 года я был выпущен из тюрьмы. Маслова выпустили несколько позже меня. Потом он снова был арестован, отправлен в Терезинский концентрационный лагерь и дождался освобождения Чехословакии советскими войсками весной 1945 года»²⁶⁹.

Как сообщает Любовь Белошевская, в архиве Союза русских журналистов и писателей в Праге есть заявление С.С. Маслова от ноября 1941 г. о выходе из союза²⁷⁰. Ранее, в октябре 1941 г. такие же заявления сделали

арестовывавшиеся нацистами Н.А. Цуриков и В.Ф. Булгаков. В 1944 г. гестапо в Праге был арестован бывший член КР-ТКП писатель А.А. Воеводин, который погиб в концлагере. Н.В. Быстров в 1945 г. о себе сообщил: «С 1939 года и до прихода частей Красной Армии я принимал активное участие в борьбе против немцев, состоя в организации, название которой не знаю, но она состояла из бывших чешских социалистов»²⁷¹.

А вот бывший член ЦК 30-х гг. инженер М.Ф. Ковалев даже умудрился издать в Праге в разгар войны в 1943 г. с помощью Русского свободного университета брошюру «К новой аграрной политике»²⁷², в которой он анализировал предыдущие аграрные реформы (Столыпина, НЭП, сталинскую). Ковалев предлагал исходить из необходимости в первую очередь правильно устроить на земле «сильных, способных, творчески активных в труде», выступал за передачу всей земли без выкупа крестьянам, за неограниченные права частной собственности на землю, отстаивал активное освоение Севера. М.Ф. Ковалев предрекал после падения большевизма начало нового для страны, уже не экстенсивного этапа развития, в том числе и аграрного сектора: «вступая на путь интенсивной культуры, Россия вступает на путь своего величия»²⁷³. В конце войны М.Ф. Ковалеву удалось перебраться в Западную Германию.

После первого ареста С.С. Маслов был освобожден, но поставлен под гласный надзор полиции (должен был регулярно отмечаться в гестапо) с запретом на работу. По сообщению дочери Т.С. Масловой, он полулегально получил место гардеробщика, а также в 1943–1944 гг. подрабатывал уроками русского языка. 7 октября 1943 г. им было получено предложение из Берлина от японцев из миссии Манчжурии: «Уважаемый Господин Маслов, Вы достаточно хорошо известны нам благодаря Вашим опубликованным работам, а также по отзыву вашего парижского друга господина Критского. А потому были бы вам очень признательны, если бы Вы приступили к следующим литературным произведениям: 1) Развитие сельского хозяйства в России до 1914 г. (объем около 150–200 стр.). 2) Железные дороги в СССР (объем около 50–60 стр.). Мы также просим Вас закончить работу в течение срока в 6 месяцев. В качестве гонорара мы предлагаем Вам 6.- (шесть) имперских марок за машинописный лист, по 1800 печатных знаков на страницу, соответственно. В связи с этим мы с особой благодарностью и предвосхищением ожидаем ответного сообщения. С глубоким уважением, Ю. Нарита»²⁷⁴. Был ли выполнен этот заказ, неизвестно.

С.С. Маслов писал мемуары, текст которых в семье не сохранился. По сообщению Д.И. Мейснера, С.С. Маслов, «когда оказывался на свободе, не скрывал в русской среде своих патриотических убеждений»²⁷⁵.

Можно отчасти согласиться с мнением, что «оборончество у некоторых деятелей, таких как евразиец П.Н. Савицкий, лидер “Крестьянской России” С.С. Маслов, <...> генералы Махров и Деникин, объяснялось не симпатиями к демократиям и не только наивностью, но и тем, что «оборончество исходит из инстинкта самосохранения нации. Оборончество и национализм тесно связаны, — как говорил генерал Махров. Оно распространялось по мере того, как Гитлер показывал свое антирусское лицо, а Сталин опирался на русский патриотизм. Это вызывало надежды на то, что сталинский режим меняется в национальную сторону»²⁷⁶. Член ЦИК КР-ТКП В.Ф. Бутенко писал, что «в минувшую войну партия, резко отрицательно относившаяся к гитлеровскому режиму и тоталитарной идеологии, заняла “оборонческую”, но не просталинскую позицию, чем вызвала репрессии со стороны немецких властей в адрес некоторых своих членов»²⁷⁷.

Летом 1944 г. Сергей и Ия Масловы были арестованы за помощь военнопленным. Через два месяца Ия Малова была освобождена. Е.В. Постникова писала в Женеву в 1946 г.: «Этот последний (С.С. Маслов. — М. С.) был в Терезине свыше года в концлагере»²⁷⁸, его жена тоже была арестована немцами и уведена, а дома осталось полугодовалое дитя — девочка и другая, 6-летняя. Мать немцы освободили, обвинили ее так же, как Маслова, в поддержке военнопленных русских и в посылке им посылок, в организации помощи этим военнопленным вместе с чешской тайной организацией. Сергей Маслов резко разошелся со своей группировкой и стал на платформу советов. Вместе с евразийцами они открыто защищали интересы России и чрезмерно рисковали»²⁷⁹.

С.С. Маслов содержался в пражской тюрьме Панкрац, затем с марта 1945 г. — в концлагере Терезин — в так называемой Малой Цитадели, использовавшейся как тюрьма гестапо: «вторичный арест С.С. Маслова, продолжавшийся около года, с избиениями на допросах, закончился отправкой в концлагерь до окончания войны»²⁸⁰.

В семье Масловых-Штайнер сохранилось письмо С.С. Маслова из Терезина жене. Вот как 22 апреля 1945 года он описывал свое пребывание в лагере: «Здравствуй, Родная! Пятый день здесь. Мог бы послать письмо тебе вчера, но был болен, слаб, без интереса к чему бы то ни было (болезнь была желудочная). Сегодня мне лучше и могу писать. Завтра эти строчки пойдут к тебе.

Все белье <нрзб.> у меня отобрали. Еда тут хуже, чем на Pankraci, но дают ее в количестве большем. Знакомые дали мне 40–50 кусочков сахару и четверть кило маргарина. От последнего я и заболел. Больше его есть не буду. Тут очень грязно, очень вшиво и блошно, очень тесно. Много

больных — рожистые воспаления, дизентерия. Общее положение так неопределенно, шатко, что о посылках сейчас просить тебя не хочу, не посылай их — ни с бельем, ни с едой. Думаю зато, что следовало бы мне иметь небольшие и бельевые и продовольственные резервы у Hausera. Адрес, кажется, таков: <...> Этот Josef Hausner — отец тебе знакомого Франека. К этому отцу я бы зашел по выходе из Терезина, чтобы надеть чистую рубашку, наестся и запастись едой на дорогу. Идти <нрзб.> м.б. придется пешком. И сил у меня от недоедания мало. Подумай, и если согласишься со мной, пошли Josefu Hausnerу рубаху и, может быть, кэпи. Больше ничего не надо. По-прежнему думаю, что около 1-го мая с тобой увижусь.

Время бежит здесь быстрее, свежего воздуха и солнца тут больше, жизнь — рассеянной, сблизиться с людьми трудней и люди кажутся менее интересными. В пути от Праги до Терезина я был прямо счастлив от того, что еду, что цветут фруктовые деревья, что дышу воздухом полей, гляжу на солнце и радуюсь, что столько возле меня <людей>, и на окнах нет решеток, что могу вволю есть хлеб. С пути послал тебе два письма. Оба получила? Целую всех вас троих — своих девочек. Тебе целую ручку. И будьте живы, здоровы, и радостны — твой Сергей»²⁸¹. Письмо это было отправлено нелегально и дошло адресатам лишь в конце мая.

Согласно данным картотеки тюрьмы, в апреле 1945 г. С.С. Маслов находился в Терезинской Малой Цитадели в 36 камере. 2 мая 1945 г. был на медосмотре, который проводил Красный Крест²⁸². Терезин был освобожден от нацистов 5 мая. Согласно семейной легенде, Маслова подобрали на дороге и привезли домой советские солдаты. Как писал В.Ф. Бутенко, из тюрьмы Маслов «был освобожден победоносной Красной Армией, в которую он так верил. Доставлен домой, но несколько дней спустя представители той власти, с которой он так непримиримо боролся, забрали его — больного захваченным в лагере тифом — и увезли...»²⁸³ Жена Маслова Ия осталась одна — с двумя дочками семи и двух лет от роду...

О кампании массовых арестов в Праге на Западе стало известно в 1946 г. благодаря письму жены эсера С.П. Постникова Елизаветы Васильевны Постниковой. Е.Д. Кусковой и В.М. Зензинову она сообщала: «Аргунова искали, но остались недовольны, почему он “приказал долго жить” <...>. Сразу же схвачен был профессор Бем и до сегодняшнего дня о нем нет никаких сведений. Есть слух, что он покончил самоубийством, жена его не знает. Он привлекался по делу “Крестьянской России”, как и все 15–20 человек во главе с Сергеем Масловым. <...> Слишком как 15 отрядов посетили его дом на предмет его заарестования, уже после его ареста. Он был увезен без сознания в сыпном тифу из дома, два дня при нем была жена, ее услали, потому что у Маслова началось воспаление лег-

ких, а двое брошенных детей могли остаться сиротами без матери. Врач сказал, что 50 % за жизнь, а 50 % против»²⁸⁴. Тяжело больной тифом С.С. Маслов из концлагеря вернулся в Прагу 12 мая 1945 г., а уже 15 мая, по свидетельству дочери Т.С. Масловой, он был арестован сотрудниками контрразведки «Смерш». Была конфискована и значительная часть личного архива С.С. Маслова.

После ареста 16 мая 1945 г. бесследно исчез и бывший член ЦК КР-ТКП филолог А.Л. Бем. По одной из документально неподтвержденных версий, сразу после ареста он был расстрелян в тюрьме Панкрац²⁸⁵, по другой, Бем был убит из-за немецкой фамилии и работы в библиотеке фонда Гейдриха активистами творившей в эти дни в Праге самосуд «Революционной Гвардии», то есть чешскими коммунистами. В пользу этой версии говорит то, что из дома «что-то переводить» увели его чехи, а не советские военные.

Официальные власти СССР и России (в ответах Генпрокуратуры РФ автору) продолжают отрицать факт ареста и физической ликвидации этих двух лидеров КР-ТКП в 1945 г. органами НКГБ СССР или «Смерш». Однако в показаниях арестованного в Праге 21 мая 1945 г. члена КР-ТКП А.И. Овсянникова указано: «Маслов Сергей Семенович — руководитель ЦК ТКП — задержан военнослужащими Красной Армии»²⁸⁶.

Есть и иные свидетельства того, что во второй половине мая 1945 г. в Праге проходила операция, ставившая своей целью арест всех членов эмигрантских политических организаций, включая КР-ТКП²⁸⁷. Е.В. Постникова писала: «Случай помог узнать, что все крестьянороссовцы находились под Прагой в Добжице в подвале замка. <...> Им угрожала смертная казнь, но удалось получить тайным способом сведение, что они осуждены»²⁸⁸. «Немедленно же последовали аресты всех членов ЦК. Всех членов местной организации и всех лиц, имевших какое бы то ни было отношение к “Крестьянской России”, сотрудников ее изданий и т. п., вплоть до тех, кто покинул ее ряды много лет назад...»²⁸⁹

Для допросов членов КР-ТКП даже был прислан специальный офицер, все последние годы следивший за партией. Есть свидетельство свидетеля в тюрьмах «Смерш» филолога Н.Е. Андреева о том, что этот сотрудник допрашивал возвращенного (после попытки бежать из Праги) из американской зоны и немедленно арестованного «Смерш» Б.В. Седакова²⁹⁰.

Б.В. Седаков был вывезен в Москву в 1945 г. Особое Совещание при Министре государственной безопасности СССР 22 февраля 1947 г. решило его «за участие в антисоветской террористической организации и шпионаже заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 20

лет»²⁹¹. Освобожден он был к 1956 году и умер тогда же в больнице подмосковного городка Верей.

Арестованный в Праге в мае 1945 года Н.А. Антипов 31 мая 1946 г. был приговорен к высшей мере наказания военным трибуналом Московского военного округа и 22 августа 1946 г. расстрелян в Москве²⁹².

Среди арестованных в Праге были члены «Крестьянской России» разных лет: Н.В. Быстров, П.И. Носаль, В.Н. Михайлов, И.П. Верещагин, А.А. Ювеницкий и др. Все они были осуждены Военным трибуналом МВО 19 ноября 1945 г. к стандартным 10 годам заключения. Пять лет получил вместе с бывшими эсерами А.В. Овсянников. Он умер от инсульта во Владимирской тюрьме 22 октября 1946 г. В Берлине был арестован СМЕРШ в мае 1945 г. и приговорен к 7 годам лагерей В.М. Бухштаб.

Были и исключения. После войны архимандрит Андрей (В.В. Коломацкий) коммунистическими властями не был арестован, но в начале 50-х гг. отстранен от всех должностей и отправлен на приход в провинцию.

Участник группы «Борьба за Россию» В.С. Озерецковский не пострадал. Вовремя перестроился. Бывший народный социалист В.С. Озерецковский 29 мая 1948 г. сообщил С.П. Мельгунову в Париж: «В прошлом году я получил свое старое гражданство и теперь живу только интересами своей старой и новой родины»²⁹³. Бывший демократ после войны вступил в КПЧ и редактировал... русскоязычную прокоммунистическую газету «Пражские новости»... Соратник П.Н. Милюкова журналист Д.И. Мейснер также каким-то неведомым способом выкрутился — отделался кратковременным задержанием... Впрочем, в Праге среди старых пражан, знавших его в 50–60-е годы, у него была не лучшая слава, искупаемая вполне приличными для советского времени мемуарами...

Бывший член ЦК КР-ТКП и лидер пражской группы И.П. Верещагин дожил до освобождения. В 1956 г. он был в ссылке в Красноярском крае, возвратился в Прагу, умер в 1974 г. А.А. Ювеницкий вернулся в Чехословакию, умер в Праге в 1961 г. Н.В. Быстрову удалось вернуться в Чехословакию в 1956 г., он работал переводчиком, безуспешно добивался от советских властей реабилитации, скончался в Праге в 1974 г. В.Н. Михайлов был освобожден в 1956 г., поселился в Одесской области, работал инженером в Овидополе и в Одессе. В.Н. Михайлов — единственный член ТКП, который в СССР был до перестройки (в 1967 г.) реабилитирован. После 1991 г. были реабилитированы большинство репрессированных членов КР-ТКП.

К сожалению, сведения о членах КР-ТКП, живших в Китае, неполные. В Шанхае русские эмигрантские «партии демократического толка («Кре-

стьянская Россия” и др.) просуществовали до начала Тихоокеанской войны и были запрещены японскими оккупационными властями»²⁹⁴, т. е. группа в Шанхае работала до конца 1941 г. Председатель ДВК КР-ТКП в Китае после 1935 г. журналист, издатель газет «Голос» (1930–1931) и «Для России» (1935)²⁹⁵ Н.П. Малиновский (1880–1948) умер в Шанхае 14 марта 1948 г.²⁹⁶ Члены его группы выехали из Шанхая перед взятием города армией Мао Цзедуна. Об одном из них писал В.Ф. Бутенко: «Я получил из Тубао письмо от нашего дальневосточного крестроса Степана Софронова. После переписки с ним и проверки некоторых указанных им фактов, например того, что из-за антияпонской статьи Окулича в “Знамени России” в 1933–34 году, по доносу правых была арестована вся наша группа в Хайларе, занимавшаяся переброской литературы на ту сторону, и просидела два месяца в тюрьме, пока их не выручили наши харбинцы (он был в числе пострадавших), запрашивал я его и о разных известных мне лицах, — он дал правильные указания. Мне хочется по долгу товарищества помочь ему выехать оттуда сюда. Казак. В 1931 году бежал в Манчжурию, вступил в “КР”, в 1938 году перебрался в Шанхай, служил во французской полиции, потом сторожем на молочной ферме, потом скитался по другим городам Китая. С 9 июня 1946 по 28 апреля 1947 служил в американской военной полиции в Пекине. Попал из Шанхая в Тубао»²⁹⁷.

В Манчжурии члены КР-ТКП попали под массовую советскую зачистку. Авторы «Вступления» к программе КР-ТКП в 1953 г. сообщали об арестах: «На Дальнем Востоке разыскали бывшего председателя Областной организации Г.П. Грачева, отошедшего после 1933 года от Партии и вообще от всякой политической деятельности и жившего где-то в манчжурской деревне, и увезли. <...> В Хайларе расстреляна группа казаков, в домах которых были найдены старые номера изданий “Крестьянской России” и вообще эмигрантской литературы, — как занимавшихся в своей время переброской “нелегалщины” по ту сторону границы»²⁹⁸.

Согласно современным данным, Г.П. Грачев до ареста советскими репрессивными органами проживал в Манчжурии на ст. Ашехэ, где работал сторожем на местном сахарном заводе. По всей видимости, был депортирован в СССР. Арестован был 26 сентября 1946 г. отделом контрразведки МГБ Уральского военного округа. В том же 1946 г. по решению Особого Совещания МГБ СССР был заключен в концлагерь на 25 лет. К сожалению, дело его (как и многих других репрессированных после войны) из-за того, что незаконно требуемое ФСБ РФ разрешение от наследников получить невозможно, пока недоступно.

Арестован и депортирован в СССР в 1945 г. был и автор изданий «Наша газета», «Наш путь» и «Восточное обозрение» учитель Харбин-

ской гимназии, сотрудник Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурии (БРЭМ), председатель Областного бюро Дальневосточных организаций КР-ТКП в Китае после 1935 года Е.М. Агапов (псевдоним — Андреев)²⁹⁹. 1 октября 1952 г. по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Москве был расстрелян В.В. Казаков, участвовавший в работе КР-ТКП в Манчжурии и Шанхае³⁰⁰ и, возможно, работавший на советскую разведку.

Авторы истории КР-ТКП считали, что «заграничная организация потеряла за годы последней войны от рук НКВД не менее семисот человек, т. е. до 80 % своего состава»³⁰¹. Цифру в 700 человек можно считать завышенной. В 30-х годах численность КР-ТКП составляла не более 200 человек. Но в данном случае речь может идти также и о сочувствующих, и о репрессированных членах крестьянских партий Эстонии, Латвии и Подкарпатской Руси. Пропорция репрессированных и уцелевших бывших членов ТКП представляется верной.

Один из основателей партии Ф.И. Колесов печально констатировал в 1945 г.: «Да, какая страшная участь постигла всю нашу группу и всю нашу идейную головку. Кто бы мог раньше предвидеть это, когда мы мирно и уютно собирались в нашем помещении в Праге? Не могу забыть этих собраний. Особенно заседаний ЦК. Традиционная плитка шоколада, которую неизменно приносил покойный А.А. Аргунов. Крепчайший “Липтон” — чай по вкусу С.С. <Маслова>. Как это свежо еще в памяти, как все это ушло в невозвратимое прошлое»³⁰².

3.5. Недолгое возрождение «Крестьянской России»

КР-ТКП в США и советские агенты (1948–1960 гг.)

В США в Нью-Йорке с апреля 1929 г. существовала группа «Крестьянской России». В 1928 г. в США из Чехословакии переехал член ЦК КР-ТКП кооператор Ф.И. Колесов, ставший позже фермером в Нью-Джерси, его супруга и сын В.Ф. Колесов. Валерьян Колесов также был членом КР-ТКП. Также в 1928 г. на работу в Рокфеллеровский институт приехал из Парижа другой активист «Крестьянской России» — врач Б.Ф. Соколов. В конце 1928 г. перебрались в США И.И. Стоилов и И.В. Колодько. Они были ядром небольшой (до 10 человек — в лучшие годы) Нью-йоркской группы «Крестьянской России». В группе самую активную роль играл бывший участник Гражданской войны в Крыму и на Кубани агроном и общественный деятель Иван Васильевич Колодько (?–1972)³⁰³. В конце

1930 г. в группу вошел Н.Н. Самбуров. Группа в основном занималась сбором средств для европейской «Крестьянской России» и ДВК, распространяла их литературу: в 1931 г. в Нью-Йорке усилиями Колодыко имелось 37 подписчиков «Вестника Крестьянской России»³⁰⁴. В члены группы 1941 г. собирали деньги и отправляли в Париж В.Ф. Бутенко и в Прагу бедствовавшему С.С. Маслову³⁰⁵.

После Второй мировой войны деятельность группы «Крестьянская Россия» в Нью-Йорке продолжилась под руководством выехавшего в США члена ЦИК Владимира Федосеевича Бутенко³⁰⁶ (1894–1976). В Европе он единомышленников не нашел. Один из лидеров парижской группы «Крестьянской России» В.Е. Татаринов (1891–1960) после войны ненадолго стал советским патриотом, затем вернулся на антикоммунистические позиции и активно участвовал в работе масонских лож. О деятельности парижской группы КР-ТКП после войны информации нет. Лидер группы во Франции в 20-е – начале 30-х гг. Н.В. Малолетников (1874–1953) отошел от политической деятельности, в 1944 г. закончил Парижский Свято-Сергиевский богословский институт, стал священником, состоял в юрисдикции митрополита Евлогия, служил в Гренобле, а с 1946 г. — в Париже в Аннеси в юрисдикции Московской патриархии, протоиерей³⁰⁷. Бывший член ЦК КР-ТКП предприниматель М.Ф. Ковалев находился в лагерях перемещенных лиц (Ди-Пи) в южной Германии, печатался в сборнике С.П. Мельгунова «Русский демократ»³⁰⁸, затем его след пропадает.

Наладить свою деятельность в старых формах не смогли и старые союзники КР-ТКП из числа левых либералов. «Как свидетельствует кадет Н.П. Вакар, последнее собрание членов кадетской партии, заявившее о необходимости поддержки антигитлеровской коалиции, прошло в конце 1941 г. в США, под председательством А.И. Коновалова»³⁰⁹. Н.П. Вакар указал: «то уже была не партия, а остатки ее, выброшенные за океан»³¹⁰.

В послевоенное время республиканцы, оставшиеся на антикоммунистических позициях, во Франции сначала группировались вокруг периодических сборников, под разными названиями издававшихся С.П. Мельгуновым («Свободная мысль», «Независимое слово», «Борьба за Россию» и др.), позже вокруг газеты «Русская мысль» и журнала «Возрождение», а в США — вокруг газеты «Новое Русское слово».

Представитель «Крестьянской России» во Франции В.Ф. Бутенко служил во французской армии, работал в разных фирмах на юге Франции и под Парижем. Во Франции в 1948 г. Бутенко выступил на страницах сборника «Борьба за Россию» («Русский Демократ») со статьей о «Крестьянской России»³¹¹, в которой он подчеркивал актуальность программы КР-

ТКП, например, тезиса о том, что низвержение советской власти производится или путем «дворцового переворота, или стихийного революционного взрыва».

В.Ф. Бутенко прибыл в Нью-Йорк из Парижа в конце 1948 г. Ждал эмиграции два года, и, как заметил, «вытащили меня здешние “крестьяне”»³¹². В 1948 г. Бутенко начал выступать на страницах нью-йоркской газеты «Новое Русское слово», публиковать там с 13 марта 1948 г. каждое второе воскресенье бюллетень «Грядущая Россия» и активно участвовать в создании Лиги борьбы за народную свободу.

Надо отметить, что В.Ф. Бутенко, участвуя в Лиге борьбы за народную свободу³¹³, пытался взаимодействовать с национальными движениями эмигрантов из СССР. Его волновала та же, что и С.С. Маслова, тема грядущего распада большой России — СССР и создания в стране демократической системы: «Вся забота, как бы не дать рассыпаться России в первые критические годы. Если она не рассыплется сразу, есть надежда, что она уцелеет. <...> Не бойтесь за демократию. Если ей суждено будет победить в предстоящей борьбе, то в России она не будет слабой и бездейственной. То страшное наследство, которая она получит, заставит ее быть сильной и действенной, чтобы справиться со своими задачами. Это не 1917 год, когда можно было жить еще капиталом “старого режима”. Тут сама жизнь заставит. <...> Вождизм, диктатура, фашизм ни разу в истории не дали длительных результатов, и всегда были оплачены народом страшно дорогой ценой. Неужели вас не убеждает быстрый крах всех тоталитарных затей, начиная с Кира и Александра Македонского, до Атилы, с Людовика XIV до Гитлера и Муссолини. <...> Вопрос идет о том, чтобы сорганизовать силы, способные во время борьбы представлять интересы России пред демократическим миром, способные быть тем ядром, вокруг которого сгруппируются на переходный период активные внутророссийские силы и начнут устраивать новую жизнь, считаясь с создавшейся обстановкой, из нее исходя. Это и есть задача момента и задача Лиги. И программа ее составлена только на переходный период <...> Дай Бог, чтобы это удалось осуществить. <...> Дайте людям отдохнуть от хронической лихорадки. Дайте всеобщий НЭП. <...> Никто не требует сейчас для России самой совершенной пропорциональной системы выборов. Я думаю, убежден, что дело сведется в основном к системе и иерархии свободных советов, ибо иначе нет возможности быстро сорганизовать лучшие силы для формирования костяка общества и государства»³¹⁴.

В.Ф. Бутенко спорил с В.Ф. Колесовым, стоявшим на имперской шовинистической позиции «единой и неделимой»: «Вы все время рассуждаете как сторона в споре и никак не хотите для объективности перево-

плотиться хоть на момент в своего противника. И потом взглянуть на вопрос со стороны. Вы послушайте, что говорят сами украинцы. Переубедить их вы не в состоянии в мирном споре. Значит в будущем — неизбежная драка. А при взятом реальном соотношении сил у вас мало шансов провести целиком свою программу. Ибо великороссов в нынешнем СССР уже далеко не подавляющее большинство населения. А есть основания думать, что они стали уже меньшинством. Чуть меньше половины. В этом великорусском даже большинстве за вашей установкой пойдет очень немного, особенно в первый момент после освобождения страны от комдиктатуры. Людям будет хотеться просто отдохнуть. Вы с вашими единомышленниками будете страшно одиноки. Сочувствия ваша крайняя позиция за границей не встретит, а наоборот, ваша нетерпимость привлечет мировые симпатии к вашим противникам. И вы безнадежно проиграете и лишите Россию даже того, что она при всех обстоятельствах еще от своего прежнего единства сохранить могла бы. Вы заблуждаетесь, что диктовать кому-то будете вы, именно вы — “великороссы-шовинисты”.

Что пользы в том, что вы будете втолковывать украинцу с самыми красноречивыми доводами, что он не украинец, а русский. Он совершенно резонно пошлет вас по матушке, по Волге и скажет: “Уж позвольте мне знать, кто я такой!”. Значит, надо драться. А в эту драку будут втянуты сразу все сепаратисты всей России, плюс полусепаратисты, которые иначе были бы нейтральны и даже на вашей стороне, но которых вы оттолкнете своей прямолинейностью. Дальше, повторяю, в глазах всего мира Ваши претензии совершенно не оправданы, и, наоборот, толкнут всех врагов большой России на поддержку ущемленных национальных интересов украинцев и т. д. И вы проиграете, как дважды два — четыре, и потеряете куда больше, чем при политике создания компромисса, уменьшения числа сторонников. Вы хотите повторить политику Добармии, ну что же, получите и те же результаты.

Именно потому, что единство России нам дорого, дорого всем членам Лиги от великоросса Николаевского до украинца Днепрова и до грузина Церетели или армянина Кассиана, мы приняли ту формулу, которую есть шансы защищать, защитить. А вы предлагает дать бой на самой неудобной совершенно безнадежной позиции. <...> Не будьте фантазером-максималистом. Сойдите на землю и пощупайте ее. А главное, думайте о десятках миллионов своих же великороссов, вкрапленных среди инородного населения, которые будут неизбежной жертвой схватки, которая при вашей настроенности осуждена заранее на поражение. <...> Задача настоящего момента — подготовиться к возможной <...> борьбе, которая вспыхнет независимо от наших желаний или нежеланий. Иметь в этой

борьбе какой-то рупор для защиты интересов России, стараться сделать этот рупор наиболее действенным в смысле поставленных целей, иметь адрес для активных сил старой и новой эмиграции, подготовить что-то к тому, что может открыться в порядке борьбы, и предложить какую-то общую схему для построения новой жизни в России, — вот те задачи, которые Лига себе ставит. А пока бороться чем может против страшного врага и собирать силы человеческие для этой борьбы. <...> Суворов учил, что лучше дать не самое идеальное решение поставленному вопросу, чем в поисках идеала отказываться от возможного решения»³¹⁵. В Лиге борьбы за народную свободу В.Ф. Бутенко, стоявший на федералистской платформе, ориентировался на Бориса Николаевского, нередко конфликтующий с Романом Гулем и Сергеем Мельгуновым.

В США к В.Ф. Бутенко постепенно присоединились эмигрировавший в Америку из Чехословакии через Германию профессор-экономист Дмитрий Николаевич Иванцов (1886–1973)³¹⁶, Н.Н. Самбуров, П. Мороз и другие члены КР-ТКП, входившие в Лигу борьбы за народную свободу.

На 21 января 1951 г. в Нью-Йорке было назначено официальное совещание членов местной группы «Крестьянской России». Его готовил В.Ф. Бутенко. Он сообщил Ф.И. Колесову в Нью-Джерси 14 января 1951 г.: «Решили в следующее воскресенье 21 января устроить первое частное совещание имеющихся в пределах досягаемости “крестроссов”: Вас <...>, Иванцова (уже согласился быть), Магеровского, Колодько, Вдовиченко, доктора Мороза (быв<шая> Праж<ская> гр<уппа>) Баромыка (тоже), Микуловского (Польша), Чевдрая (Белгр<адская> гр<уппа>), Самбурова и меня. Лейтеса, секретаря Союза Евреев, члена Парижской группы, но сейчас находящегося в каких-то организационных отношениях с меньшевиками, хотя и заявившего, что он в душе остается “крестроссом”, решили на первое собрание не звать, чтобы обменяться мнениями с полной откровенностью без всяких оглядок и опасений утечки»³¹⁷. «29 января. <...> Собралось из 11 званных 5: Самбуров, Иванцов, Микуловский из Польши, Чевдарь из Югославии, Трое — Вы, Мороз и Баромык — оба из Чехословакии прислали свое письменное согласие на возобновление нашей деятельности. Магеровский перед тем в разговоре с Н.Н. <Самбуровым> выразил большой интерес и сочувствие, но не пришел и ничем не реагировал, Колодько и Вдовиченко ничем не отозвались. Единодушно постановили попытаться восстановить дело пока под флагом Нью-Йоркской группы КР-ТКП. Избрали Бюро: Вас — председателем, меня — вице-председателем, Н.Н. <Самбурова> секретарем и казначеем, Микуловского и Иванцова — членами». «18 марта. <...> Имеем уже четырех новых кандидатов»³¹⁸.

В.Ф. Бутенко мотивировал решение воссоздавать партийную группу ответственностью перед попавшими в ГУЛАГ коллегами: «Вспомнишь о сотнях наших, попавших в беду за нашу идею, расплатившихся за нее, и не могу сидеть сложа руки. Совесть мучит. Будет трудно сначала, пока не подберем “смену”. В этом главная задача. Листок хотим назвать “Своим путем”. С подзаголовком “Вестник “Крестьянской России”». Действительно. Надо идти своим путем, ибо те пути, по которым толкуются все остальные, ведут в “никуда”. Все объединительные “действия” кончатся скандалом»³¹⁹.

18 февраля 1951 г. В.Ф. Бутенко писал Р. Гулю: «С удовлетворением прочел, что Вы приходите к тому, что я защищал с самого начала — возрождение хотя бы имени “Крестьянской России” <...>. Нас тут восемь человек. Все до одного признали правильным мое предложение обратиться в первом же номере органа Лиги ко всем членам, друзьям и читателям с призывом поддержать Лигу, в которой нам открыта возможность себя кристаллизовать для будущего. <...>. Но все горе в том, что наши здесь совсем разленились за 10 лет бездеятельности, на словах хороши, но толку в смысле минимальной активности пока не обнаруживаю»³²⁰.

Из переселившихся в США активистов партии в Европе и было создано Бюро, в состав которого вошли трое партийцев, избравшихся членами ЦК на съездах ТКП в 1927 и 1932 году»³²¹: В.Ф. Бутенко, Д.И. Иванцов и Ф.И. Колесов.

К ним присоединились Н.Н. Самбуров и Эраст Георгиевич Чевдар (1888 – после 1960), который в 30-е гг. жил в Белграде. В годы войны он был вывезен на работу инженером в Германию, находился там два с половиной года, пережил взятие Берлина, был арестован НКВД, сумел скрыться, выехал в США. Свои воззрения он характеризовал так: «Считаю, что весь смысл демократизма заключается в воспитании народных масс в правовом смысле, воспитать чувство связанности каждого человека с судьбой государства, чувство ответственности за свои политические деяния. Превратить обывателя в гражданина — вот цель демократии. Считаю демократию не чем-то уже данным и заданным»³²². Другим новым активистом стал бывший работник «линии связи» РДО в Польше в 20-е годы И.С. Миколовский, ранее в партию не входивший. Члены группы состояли и в составе Лиги борьбы за Народную свободу, имея в ней свою фракцию.

В газете «Новое Русское Слово» в 1951 г. стала выходить вкладная страница — издание нью-йоркской группы КР-ТКП. Листок назывался Вестник «Крестьянской России» — «Своим путем». Название отсылало к пражскому студенческому журналу «Своими путями» 20-х годов. После

появления трех выпусков редакторы «Вестника» констатировали, что произошла «переключка», показавшая большой интерес к идее воссоздания в эмиграции прототипа крестьянской партии³²³.

Часть членов шанхайской группы перед взятием Шанхая войсками коммунистов смогла уехать из Китая, а затем и в США. На это указывает Е.Е. Аурилене, отмечающая активность этих эмигрантов в лагере на острове Тубабао (Филиппины): «Вокруг М.М. Фомичева (Лидина) группировались эмигранты, называвшие себя “Русской демократической группой”, в которую вошли остатки партии “Крестьянская Россия” и другие сочувствующие эсерам лица. Группа выпускала “летучие листки”, критического содержания»³²⁴.

Нью-йоркская группа в 1949–1953 гг. поддерживала связь с единомышленниками в США и по всему миру. В Сан-Франциско приехал из Китая бывший член группы в Хайларе забайкальский казак Сафонов. К группе в Нью-Йорке примкнули Мордовин и Лапко. В Триесте нашелся югославский «крестросс» Иван Михайлович Лаптий. Член Парижской группы Н. Воронченков из Алжира переписывался с коллегами³²⁵. Появились и группы поддержки в Мюнхене и в Аргентине³²⁶.

Интерес к крестьянской партии, судя по косвенным данным, проявил и МГБ СССР. Уголовное дело Б.В. Седакова уже после того, как он был отправлен в лагерь, неоднократно запрашивалось разными должностными лицами МГБ для изучения. Особенно активно в 1950–1951 гг. Центральными структурами МГБ СССР для изучения запрашивалось и дело Киевского центра действия. В формуляре указано, что здесь искали информацию на А. Вельмина и Н. Вакара. Госбезопасность в 50-е годы не оставляла попыток «подвести» своих людей к КР-ТКП.

В ход пошла фигура агента ТКП «Северова», якобы информировавшего Пражский центр о ситуации в Архангельске в 1936–1939 гг. В редакцию «Нового Русского Слова» была переслана из-за границы письмо (конверт не сохранился). На редкость аккуратным почерком было написано: «Уважаемые Господа! По просьбе моего друга Лаврентия, пересылаю Вам его письмо вместе с письмом на имя нашего общего товарища г-на В. Бутенко. Ваш ответ на это письмо сейчас получить не смогу, так как стоянка только два дня. Если я буду еще раз и более продолжительное время, то постараюсь сообщить Вам телеграммой название порта и число (цифрой), до которого будем стоять. Пишите порт (такой-то) главный почтамт до востребования, на мое имя. С уважением к Вам. Максим: 8-V-52 г.

Далее имелась записка: «23/IV-52 г. «Многоуважаемые друзья! В Вашем вестнике — “Своим путем”, опубликованном в мартовском номере “Новое Русское Слово” за минувший год, мне встретился ряд знакомых

фамилий, в частности, фамилия автора “Своим путем” В. Бутенко. Пользуясь представившейся возможностью от всей души приветствовать Вас, мне хотелось бы одновременно выяснить, не является ли автор упомянутой выше статьи нашим старым боевым соратником Василием Бутенко, с именем и деятельностью которого, также как и с деятельностью его друзей связан самый счастливый период моей жизни — предвоенные тридцатые годы. В случае, если мое предчувствие не обманывает меня и наш друг В. Бутенко действительно является автором названной статьи, покорнейше прошу Вас передать ему и его друзьям (Б. Седакову, Татаринovu и другим личным друзьям безвременно погибшего С.С. Маслова) прилагаемое при сем письмо. С уважением — Лаврентий».

В Бахметьевском архиве (США) в архивном фонде В.Ф. Бутенко мною найден еще и напечатанный на машинке текст, видимо, копия с оригинала письма: «23/IV-52 г. Дорогой В. БУТЕНКО, друзья! Прошло долгих 12 с лишним лет как мы потеряли с Вами всякую связь. Да каких еще лет! Прошли годы великих событий и потрясений. В мире много, очень много изменилось. Лишь мы, старики, пока живы, остались и останемся тем же, кем были и раньше. Я не знаю, получили ли Вы мою открытку в 1940 году, но питаю надежду, что это письмо дойдет до Вас. Из случайно попавшего в наши места Вестника, опубликованного в марте прошлого года, с большой радостью узнал Ваш адрес и с глубокой печалью о тяжелых бедствиях, постигших Вас после окончания войны и безвременной гибели Сергея Семеновича. Вестник этот я получил через одного из моих близких друзей. Хочется многое сообщить Вам, но по понятным для Вас причинам, я не имею возможности сделать это в первом моем письме, направляемом в адрес, которым я располагаю. Потому буду краток. Нас также постигла тяжелая утрата. Наш общий друг СЕВЕРОВ и некоторые другие знакомые приказали долго жить. Правда, из их наследства у нас кое-что осталось, и я на склоне лет не так уж одинок. Очень хочется получить известия от Вас и, по возможности, небольшую посылку, а главное Ваш новый адрес. Если Маруся не сумеет вовремя получить Ваш ответ, не плохо было бы известие от Вас получить, как и в былые годы, хотя бы внутритрirosсийской почтой. Пишите мне по адресу: Архангельск, АЛТИ, студенту Лаврентию Матвеевичу ИЗОТОВУ. Всегда Ваш — Лаврентий».

Комментариев к этому тексту Бутенко не оставил. Впрочем, даже самому глубокому идеалисту было понятно: вероятность попадания в СССР нужному человеку номера нью-йоркской газеты со статьями членов КР-ТКП гораздо ниже, чем перспектива появления в Архангельске марсиан. Бутенко мог догадаться, что в условиях современного ему советского режима подобные письма могут быть только провокацией. По другой

версии, госбезопасность просто попала на крючок Седакова: «Северов» вообще не существовал, это была мистификация. В списке расшифрованных Бутенко псевдонимов авторов журнала «Знамя России» как «Северов» обозначен сам С.С. Маслов. Но это может быть и совпадением.

Чекисты, однако, не успокоились. Похоже, после этой неудачной попытки органы решили сделать еще одну попытку «подхода» к Бутенко, уже в хрущевское время. В 1956 г. из СССР на адрес члена группы КР-ТКП в США Эраста Чевдаря в Нью-Йорк на 136 West Street пришло письмо в коричневом конверте с бельгийскими марками. Текст был таков (*орфография сохранена*): «Дорогой друг! После долгих поисков наконец узнал твой адрес и, пользуясь случаем решил послать привет из России. Хочется надеяться, что это письмо дойдет до адресата. Прошло много времени. Я успел переключиться из Пскова в Ленинград, и частенько возникает необходимость поделиться новостями, впечатлениями и заботами. Естественно, что этого не сделаешь в первом письме. Поэтому был бы рад подтверждению, что первая весточка не затерялась и успешно преодолела длинный путь. Не могу не применить (так! — М. С.) возможностью передать большой привет дяде Сереже и его родным.

Желаю здоровья всем Вам и успехов. Крепко жму руку — всегда ваш Луазо /С.М./ 09 марта 56 г. P.S. Мне можно ответить по адресу: Ленинград — Демидов переулок дом 3 кв. 10 Клакачевой П.П.»³²⁷.

Письмо также находится в фонде В.Ф. Бутенко. Комментариев к письму в переписке не имеется. Но напомним, что Бутенко был в курсе всей «советской» работы КР-ТКП в 30-е гг. Луазо — псковский связник Б. Семенова в Эстонии в 1938 г. — подозревался в связях с НКВД. По крайней мере, об этом в своих показаниях писал Б.В. Седаков³²⁸. Копии ответного письма в фонде В.Ф. Бутенко также нет. Думаю, что надежд на реальную связь с советским населением у Василия Бутенко уже не было. В игру же с МГБ и КГБ СССР В.Ф. Бутенко ввязываться на старости лет, похоже, уже не захотел.

Исследователь «второй эмиграции» А.В. Антошин уверен, что «...неудачно закончилась в 1951 г. и попытка возродить “Крестьянскую Россию” — Трудовую Крестьянскую партию (КР-ТКП) — организацию, созданную в 1920-е гг. в эмиграции правыми эсерами А.А. Аргуновым и С.С. Масловым. Структура, образованная бывшим кадетом Д.Н. Иванцовым, а также В.Ф. Бутенко, Н.Н. Самбуровым и др., так и не смогла выйти за рамки небольшой литературной группы»³²⁹. Столь категоричный вывод автора, сделанный лишь на основе анализа вкладки в газете «Новое русское слово», вряд ли уместен. Группа была политической и просуществовала почти десять лет. Лидеры нью-йоркской группы рассчи-

тывали на то, что «вторая эмиграция», создающая структуры случайного состава, потребует ясной идеологии. За два года применительно к новым условиям была модернизирована идеологическая доктрина КР-ТКП. По сравнению с той, которой руководствовалась «Крестьянская Россия» в 30-е гг., налицо изживание некоторых антикапиталистических формул. Тогда партия отвечала на запросы молодых эмигрантов второго поколения, выросших в условиях Большой депрессии. Ныне же, в расчете на ненавидевших социализм в любом его варианте беглецов из СССР, это не было необходимо. Подобную эволюцию, к признанию прав частного бизнеса, проделали даже меньшевики, опубликовавшие в январе 1948 г. «Новую платформу РСДРП».

Авторы документа КР-ТКП отметили, что мнение тех, кому программа покажется слишком левой, им не столь важно, а вот тем, кому она может увидаться «чуть ли не “реакционной”, рассчитанной на восстановление капитализма в России», разъяснили: «после крушения системы советского государственного капитализма» невозможно избежать возрождения «в какой-то мере частно-хозяйственного предпринимательства в области промышленности». А «эксплуатации человека, как показывает опыт западной демократии, здесь легче поставить суровые границы, чем в тоталитарном государстве»³³⁰.

В.Ф. Бутенко подготовил предложения по изменению тактики для достижения главной цели, которой являлось «политическое освобождение России от гнета коммунистической диктатуры, а это означает борьбу против этой диктатуры за установление в России такого политического строя, который обеспечил бы населению те блага материальные, общественные и духовные, каких оно лишено при существующем тоталитарном режиме»³³¹. Он отмечал, что и в периоды наибольшего размаха своей внутрироссийской работы (1926–1932 гг.) ««Кр<естьянская> Россия» трезво отдавала себе отчет в непосильности не только для нее, но и для объединенных усилий всей эмиграции, вместе со связанными с нею внутрироссийскими силами совершить революционный переворот или организовать мощное низовое движение для открытой борьбы с режимом»³³².

В.Ф. Бутенко не предлагал совершенно отказаться от всякой работы в СССР, но был уверен, что для этого нужно создание базы для эмигрантской политической деятельности. Автор выступал против непредрежденчества, за широкую коалицию различных группировок, указывая, что «Крестьянская Россия» «уже пятый год (т.е. с 1948 г. — М. С.) входит в Лигу борьбы за Народную Свободу и сотрудничает в ней, с с.-д., меньшевиками и эсерами», и из этого опыта он делает вывод о возможности реального

объединения демократического сектора эмиграции на основе конкретной платформы, «не посягающей на идеологическую и организационную их самостоятельность»³³³.

В.Ф. Бутенко считал, что «система советской тоталитарной диктатуры может быть разрушена только силой, только на путях насильственного ее свержения»³³⁴. Он не рассчитывал на мирную эволюцию строя, также он отбрасывал и расчеты С.С. Маслова 30-х гг. на дворцовый переворот. «Изоляционистская» тактика эмиграции, в расчете только на внутренние процессы, была, по его мнению, возможна лишь в 20–40-х годах, «в разгар коллективизации, или катастрофы на фронте», в период, когда коммунизм развивался в рамках «построения социализма в одной стране», когда рядом с ним были более агрессивные государства Оси. Теперь же, когда «санитарный кордон» взорван, «свободный мир оказался с глазу на глаз с единственным смертельно опасным противником, имеющим своей цитаделью и центром всеобщей угрозы нашу родину, а главным инструментом политики — ее поработщенное население», «наш собственный вопрос перестал быть только нашим вопросом»³³⁵.

Так В.Ф. Бутенко явно пытался вписать борьбу эмиграции с коммунизмом во всемирный контекст, считая, что центр тяжести борьбы с коммунистическим режимом перенесен в сферу международных отношений. Он призывал эмигрантов найти место в общем фронте свободного демократического мира, стать «посредником между руководящими силами этого фронта и населением России», «найти свое место в общемировом фронте антикоммунистической борьбы»³³⁶. Для этого реалистичные политики русской эмиграции должны признать право организаторов и руководителей этой борьбы ставить своим союзникам условия, которые с их точки зрения необходимы для достижения успеха, то есть осознать себя в качестве младших партнеров США и НАТО.

При этом В.Ф. Бутенко предупреждал, что Запад стоит перед выбором, на кого из эмигрантов ставить — на российскую часть эмиграции или на «национальную»; он указывает, что наилучшим был бы вариант политического сотрудничества этих секторов. Он реалистично призывал эмигрантов приучиться брать в расчет мнение о борьбе с коммунизмом «иностранцев», особенно тех, кто боялся распада евразийского колосса и балканизации СССР. В.Ф. Бутенко возвращался к теме национального вопроса как к наиболее болезненной, указывая на то, что программа «Крестьянской России» была создана с учетом опыта распада и гражданской войны. Программа «защищает единство России, но не в централизованных формах ее государственности, допуская большое разнообразие этих форм “сложного единства”»³³⁷.

В.Ф. Бутенко прозорливо настаивал на том, что новая «государственность России без договорных соглашений между ее национальными слагаемыми просто немыслима, если ее строить прочно»³³⁸. Бутенко предлагал российской эмиграции не игнорировать наличие более сильных и активных политически сепаратистских группировок, «установить уже теперь основанные на соглашениях и укрепленные лояльным сотрудничеством организационные связи между различными течениями не только российской, но и межнациональной эмиграции, чтобы перенести их потом на родную почву»³³⁹.

Политики, пытавшиеся воссоздать КР-ТКП в послевоенных условиях, считали существенной проблемой вопросы организационные. Распыление старой эмиграции по всем континентам и странам свободного мира вырвало ее «из той обстановки, в которой она жила до войны, к которой приспособилась и вела групповую организованную политическую работу». Значительная часть первой эмиграции, покинувшей Восточную Европу, и второй — после спасения от опасности быть выданным СССР, устремилась в строительство «личной жизни на новом месте». При этом новое место было географически весьма удалено от России, на других континентах — в Северной и Южной Америке и Австралии оказалась большая часть эмигрантов, покинувших Восточную Европу и Китай.

Последний лидер «Крестьянской России» В.Ф. Бутенко констатировал, что «много писем осталось без ответа из-за отсутствия нужного “бюрократического аппарата”». Налаживающиеся связиглохнут. Прекрасно разработанный и с успехом действовавший на практике свыше десятка лет “устав Заграничной организации” оказывается совершенно неприменимым в нынешних условиях, когда единственным средством общения служит индивидуальная переписка, когда “заглазное оформление” местных групп и представительств сопряжено с риском привлечения случайных или опасных для дела людей»³⁴⁰.

Бутенко и его коллеги задавали себе вопрос: «Как строить новую, основанную только на идеологическом и политическом единомыслии людей, без прежних личных и бытовых связей между ними, организацию в “мировом масштабе”? Как придать ей прочные формы?»³⁴¹. Ответа на вопрос, что и как делать, они дать не могли и лишь призывали единомышленников к бескорыстному сотрудничеству, организационной самостоятельности, к тому, чтобы начать общее дело за свой страх и риск. Очевидно, что дело было не только в технических проблемах, но и в отсутствии сколько-нибудь значимой субсидии. В условиях малочисленности группы КР-ТКП в США и отсутствия средств линия на коалицию объективно вела последних членов этой партии к растворению в рамках

более широкой структуры, точно так же и последние меньшевики и эсеры пришли к общей платформе российской социалистической партии.

Мешало и то, что с октября 1952 г. В.Ф. Бутенко уехал в Мюнхен ради нового объединительного проекта эмиграции как делегат Лиги и оставался там, создавая Радио «Освобождение»: «С Центром (координационный Центр антибольшевистской борьбы. — М. С.) все еще плохо. Нет лидера, объединяющего работу. Мельгунов никуда не годится ни в каком отношении. Радиостанция³⁴² начала работать, но составленная им русская редакция оказалась ниже низкого, да еще между посаженными им людьми начались распри, парализующие всю работу. У меня работы прибавилось: я начал прибирать к рукам некоторые области практической работы и оправдал “масловскую школу”»³⁴³.

После 1953 г. деятельность КР-ТКП велась вяло. Пик активности был именно в конце года смерти Сталина, когда в Европе был издан последний сборник «Крестьянская Россия». Рассылка первой сотни экземпляров книги началась 21 октября 1953 г.³⁴⁴

В качестве эпиграфа была использована цитата из «Знамени России»: «На плечах русского крестьянства строилось, держалось и держится русское государство. Без него, равного среди равных, не устоит и не построится оно в будущем. Без него невозможна борьба за Россию: было и осталось крестьянство главной силой борьбы, первой и самой надежной опорой России»³⁴⁵.

В сборнике опубликована статья профессора Д.Н. Иванцова о новых попытках Кремля вывести сельское хозяйство из кризиса старыми методами. Автор показывает, как инициативы Н.С. Хрущева привели к тому, что «власть стала после укрупнения гораздо более решительно обирать деревню. <...> Рано или поздно дело развалится»³⁴⁶.

Семен Мордовин посвятил свой очерк «Крестьянство и его партия» отмежеванию от народничества и рассуждениям о создании «крепкой мужицкой партии»: «Перефразируя Линкольна, можно сказать, что мы стремимся создать партию мужика, при помощи мужика, для мужика, опираясь на то, что крестьянин — хозяин и работник в одном лице»³⁴⁷. При этом автор придерживается старой идеи социального партнерства — «взаимопонимания и добровольных уступок» различных классов. Напечатались в сборнике также А. Глебов и А. Вельмин.

Сборник был выпущен на паритетных началах: половина — средства Лиги борьбы за народную свободу из той дотации, которую она имела от Американского Комитета освобождения от большевизма, половина — деньги, собранные членами «Крестьянской России» и сочувствующими им.

К сожалению, В.Ф. Бутенко отказался от идеи печатать в сборнике неопубликованную рукопись С.С. Маслова «Новое о колхозах» — дополнение к «Колхозной России», переданную ему на время из некоего архива в Сан-Франциско: «Будет тяжело. Много цифр»³⁴⁸. Рукопись пока не найдена.

В.Ф. Бутенко считал, что сборник удался: «...Имеет уже успех. Есть несколько письменных откликов. <...> Много устных разговоров, споров по поводу него»³⁴⁹. Из Германии он разослал свыше 500 экземпляров. В Нюрнберге осенью в 1953 г. была создана группа «Крестьянской России»³⁵⁰.

Один из основателей «Крестьянской России» Ф.И. Колесов умер в ноябре 1953 г. в Фарминдейле, штат Нью-Джерси³⁵¹, в последнем письме от 17 ноября призывал коллег идти «своим путем», не становиться подголосками социал-демократов и эсеров и сетовал, что в группе «нет общего руководства, потому и нет общей линии»³⁵².

29 октября 1954 г. Бюро Нью-йоркской группы приняло решение продолжать организационную работу³⁵³, но успеха не было. Вернувшийся в США В.Ф. Бутенко был явно разочарован в происходящем. Он писал в 1955 г.: «Я потерял веру в эмиграцию нашу. Она так разложилась, так политически безграмотна, так ее обрабатывают советские агенты или просто прохвосты, что ни к чему она не годна. Уходит старшее поколение подлинных политических людей. Редеют ряды и более слабо подкованного моего поколения. А смена — ни к черту. Некому передавать ту “свечечку”, беречь которую завещал Серей Семенович <Маслов>. Сколько людей я прощупывал в поисках преемников нам, но ни одного, ни одного не нашел. У всех вывернуты мозги советским воспитанием, и ни у кого нет твердости и упорства в защите своей линии. Не сомневаюсь, что когда-то начатое нами дело будет подхвачено и продолжено там. Дома. Иначе быть не может, но боюсь, что непрерывную нить от нас до них сохранить целой не удастся. В душе вопрос: кому писать? Кто поймет? Кто загорится? И опускаются руки. Рад уже тому, что “свечечка” еще совсем не потухла»³⁵⁴.

Во второй половине 50-х гг. XX в. политическая работа под флагом «Крестьянской России» угасала. Ветераны партии группой, как сообщал Иосиф Микуловский, собирались до конца 1959 г. Так они и обсуждали в декабре 1959 г. «Кронштадтские тезисы» С. Петрова-Скитальца³⁵⁵.

Без постоянных спонсоров, на основах самостоятельности как отдельная структура КР-ТКП, потерявшая свою почву — русскоязычных жителей Прибалтики и Восточной Европы, выжить в новом послевоенном мире уже не могла. Самостоятельная деятельность идейных последова-

телей С.С. Маслова под флагом «Крестьянской России» завершилась не в 1939, а к концу 50-х годов, когда угасли и многие более свежие проекты «второй волны» русской эмиграции. Последние активисты КР-ТКП по большей части оставались и в составе коалиционных антикоммунистических образований «второй волны» русской демократической эмиграции, таких как Лига борьбы за народную свободу.

Заключение

Место партии «Крестьянская Россия» в деятельности политической русской эмиграции XX века еще окончательно не определено. Но представляется заслуживающей изучения идея С.С. Маслова — создания сетевой партии, объединенной лишь общей идеологией и основными принципами борьбы, в которой местные структуры автономны и действуют сообразно обстоятельствам. Она абсолютно соответствовала сути крестьянской психологии и своему времени, но она не могла учесть аномальный характер сталинского режима. Тем не менее, КР-ТКП оказалась одной из немногих жизнеспособных и долговременных (1920–1953 гг.) состоявшихся в эмиграции идеологически новых для России политических эмигрантских организаций русского зарубежья.

Идеи партийной деятельности среди крестьянства С.С. Маслов черпал — и он это не скрывал — в опыте буржуазных государств Восточной Европы, успешно и без эксцессов, в отличие от Советской России, проводивших аграрную реформу. Современники оценивали проект С.С. Маслова как вполне реалистичный. Так, эсер историк С.П. Постников, говоря о программе КР-ТКП, отмечал, что «характер программы — мелкобуржуазный, ничем не отличается от аграрных партий Западной Европы»³⁵⁶. Появлению в России нормальной умеренной социально-буржуазной массовой партии должно было способствовать развертывание работы русских крестьянских партий в странах Балкан и Центральной Европы.

Даже при жестком репрессивном режиме Османской империи сербское национально-освободительное движение опиралось на сеть сторонников именно в деревнях. То же можно сказать и о Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Репрессии Австро-Венгрии не помешали создавать дееспособные структуры борющимся за национальное государство полякам, так же как антиукраинская политика Польши в Галиции не смогла уничтожить Организацию украинских националистов. Но вряд ли можно было в 20-е гг. предположить, что режим, вроде бы решившийся в 1921 г. на НЭП, вернется к линии «красного террора» на уничтожение всякой самодеятельности населения и массовое физическое уничтожение членов любых небольшевистских партий, в том числе и тех, кто демонстрировал внешнюю лояльность.

Оценивая проект С.С. Маслова, современный критик сошлется на неразрешимую проблему: отсутствие средств коммуникации эмигрант-

ского центра и его сторонников. Неподцензурное радиовещание реально не родилось, слабые попытки наладить антикоммунистическое вещание на краткое время предпринимались Чехословакией в 1933–1934 гг. и Францией в 1939–1940 гг.³⁵⁷ Но даже если бы проект, подобный «Радио Свобода», родился до Второй мировой войны, то его вещание в это время доходило бы лишь до высокооплачиваемых городских слоев, имевших радиоприемник.

Но, как показывает данное исследование, в условиях авторитарной диктатуры времен НЭПа при тогдашнем уровне репрессий литература «Крестьянской России» и в город и в деревню просачивалась. Дорога неподцензурного печатного слова и в советский город, и в деревню в конце концов была перекрыта тоталитарной диктатурой, причем решающим фактором стали не пограничные кордоны, паспортный режим и сеть агентуры ОГПУ, в том числе и в эмиграции, а заградительный уровень репрессий НКВД, каравшего за малейшее отклонение от советской догмы, и физическое уничтожение в 1937–1938 гг. миллионов людей, попавших в списки членов враждебных большевикам партий, «кулаков», «церковников», «польских шпионов» и пр. Этот масштаб репрессий стал впервые возможными в 30-е гг. XX века. И даже самый блестящий ум не мог предположить и хаотическое перемешивание населения, производившееся большевиками, перемещавшими миллионы людей на пространстве России. Доселе ни одна власть так не покушалась на устойчивый на протяжении столетий крестьянский мир.

За четыре десятилетия ленинско-сталинского террора русское крестьянство пережило ленинскую гражданскую и сталинскую антикрестьянскую войны, причем вторую — с установкой на «раскрестьянивание», уничтожение его как социального слоя с недолгой нэповской передышкой, пережило мировую войну, во время которой оккупанты в основном сохранили колхозное рабство. Наконец, был период постепенно ослабевавшего — от Хрущева до Горбачева — крепостного права, рухнувшего при Ельцине и после «неонеп» в новых экономических формах возвращающего ныне уже новое латифундистское закрепощение в деревню. В этих условиях реальный на почве 30-х и даже 50-х годов проект массовой крестьянской партии возродиться и реализоваться в современной обстановке уже не мог. В 90-е гг. XX в. появилась Аграрная партия, отстаивавшая интересы посткоммунистической сельской бюрократии. А в 2009 г. и она самоликвидировалась, призвав своих членов вступить в правительственную «партию власти» «Единая Россия».

Автор уверен, что при ином (как в середине 20-х) уровне насилия в СССР тактика «Крестьянской России» была вполне реалистичной и мог-

ла бы дать результат, к примеру, если бы НЭП не был прерван сталинской насильственной коллективизацией. Именно не персонифицированное, а массовое насилие: бесчисленные расстрелы, высылки крепких крестьян, — лишило «КР-ТКП» имевшиеся у нее перспективы создать сети сочувствующих и сторонников. Они могли сложиться в приграничных районах Западной Белоруссии, Украины, на Псковщине и в районах Сибири, имевших связь с беженцами в Китае. В ситуации относительного спада репрессий аналогичную масловской «молекулярную» тактику относительно удачно в 60–70 гг. XX в. опробовал НТС.

Таким образом, можно сделать вывод, что политические схемы, рисовавшиеся «Крестьянской Россией», не были абстрактными, они были куда более реалистичными, чем идеи сторонников постепенной эволюции советской власти в сталинский период. Призывы к сопротивлению также приходится признать разумными. Без крестьянского отпора большевикам было бы невозможно, например, снижение темпов раскулачивания. Без призывов, звучавших со страниц эмигрантских изданий, в том числе и «Крестьянской России», не было бы постоянного возбуждения ОГПУ, боявшегося акций «кулаков». Не было бы и попыток окружения Сталина после активной фазы нового закрепощения крестьян выстроить курс на умиротворение уцелевшего от репрессий тогдашнего большинства населения СССР. Без послевоенных восстаний в концлагерях ГУЛАГа вряд ли состоялись бы «бериевская» амнистия и хрущевская «оттепель».

Современные исследования русской эмиграции³⁵⁸, структурируя в методических целях пространство Зарубежья на идейные подгруппы (правые, сменовеховцы, евразийцы, республиканско-демократический лагерь и т. д.), невольно создают впечатление, что политики эмиграции, монархисты и республиканцы существовали в разных культурно-политических пространствах, не пересекаясь и не общаясь. Между тем, как показано в книге, политический диалог, дискуссия и взаимодействие в эмигрантском мире были непрерывными. Тем более, если вожди группировок в определенные периоды политических кризисов в России (как в период борьбы крестьянства с коллективизацией 1928–1932 гг.) на самом деле выступали с надпартийных позиций.

Широкая недетализированная платформа: непредрешенчество, активизм, антикоммунизм, российский патриотизм, — могли способствовать созданию тактических союзов для совместной деятельности. Свидетельство тому — существование тайной организации «Опус», в которой в 1927–1931 гг. сотрудничали представители РДО, «Крестьянской России», «Борьбы за Россию», кадеты центра, правоэсеровская группа А.Ф. Керенского.

И, наоборот, в рамках близкой идеологии именно тактика, к примеру, расхождения по вопросу о методах борьбы с большевизмом, могла развести вчерашних соратников, даже если они создавали общие структуры по проникновению в СССР. Так программные установки организаций П.Н. Милюкова и С.С. Маслова в конце 20-х гг. в основном совпадали, но вопрос о тактике активной антибольшевистской деятельности непримиримо развел РДО и КР-ТКП и способствовал распаду Республиканско-демократического союза в 1929 г.

Политические платформы структуры С.П. Мельгунова (демократическое непредрешенчество) и С.С. Маслова – А.А. Аргунова (твердый республиканизм) полностью не совпадали, тем не менее, на почве активистского антибольшевизма группы «Борьбы за Россию» и «Крестьянской России» успешно сотрудничали несколько лет как в рамках «Опуса», так и в структуре по доставке литературы в Россию через Берлин.

Организация молодых активистов-эмигрантов — Национальный союз нового поколения (НСНП, с 1936 г. — Национально-трудовой союз нового поколения — НТСНП) в начале 30-х годов пыталась войти во взаимодействие с «Крестьянской Россией», что подтверждается исследованием. Но в силу разного отношения к вопросу о защите СССР в период войны КР-ТКП и НТСНП, не смогли сотрудничать уже к середине 30-х гг.

Приведенные факты доказывают, что стен между разными партийными эмигрантскими группировками не было. Но все варианты развития политических комбинаций, создания реалистичной тактики эмиграции в условиях потенциальной эволюции режима в СССР уничтожила Вторая мировая война.

В период, когда страны Восточной Европы попали под контроль СССР, после бегства на Запад части «первой» и «второй волны» эмиграции, — создалось принципиально новое всемирное политическое пространство. И в нем уже не было будущего даже для формально уцелевших старых идейно-политических группировок и партий русской эмиграции. Попытки их воссоздать, как это было с группой «Крестьянской России» в США, были обречены на неуспех.

Русская эмиграция первой волны частью погибла во время Второй мировой войны, частью — в тюрьмах и концлагерях Гитлера и Сталина, в следующем поколении она массово ассимилировалась, но, главное, политически она стала малой частью всемирного антикоммунистического фронта, свободного мира, который, в конце концов, силой своего примера и свободного слова вдохновил граждан России на собственную победу над коммунистическим тоталитаризмом в августе 1991 года.

Начиная эту работу, автор был уверен, что, изучая архивы партии «Крестьянской России», он натолкнется на потрясающее исключение.

Да. Были успешные операции ОГПУ. Был «Синдикат», с помощью которого в СССР был заманен Борис Савинков, раскаявшийся и погибший в тюрьме на Лубянке, были уничтожены его боевые товарищи, такие как полковник Павловский, рухнул центр сопротивления в Польше. Был «Трест», в который втянули В.В. Шульгина и А.В. Кутепова, и чекисты успешно обманывали активистов Белого дела, сдержав террор против вождей Советской России как минимум года на четыре.

Был и боковой вариант «Треста», с помощью которого обманывали достаточно мощное и популярное за рубежом евразийское движение, не дали его идеям реально проникнуть в СССР. Чекисты возили в Союз лидера движения Петра Савицкого, до конца своих дней, даже после в лагерь, верившего (рассказал его сын И.П. Савицкий), что среди подставленных ему чекистами лиц были и реальные антикоммунисты из числа военных, которых ОГПУ использовало втемную.

И все же, поначалу, когда я знакомился с документами «Крестьянской России» и ОПУСа, мне казалось, что обнаружено уникальное исключение. Агенты Маслова и Евреинова — Бояров (Мосевич), Ирманов — смогли протоптать тропинку в СССР, создать свое подполье, конечно, позже уничтоженное в начале 30-х гг.

Но нужно признать, что первоначальная концепция оказалась все же если не неверна, то неполна. Факты из архива Лубянки возвращают автора в прежнее русло. Часть эмиссаров не смогла перейти границу, как Я.К. Бычек, или была взята прямо вблизи нее, как А.К. Вышковский.

Почти все попытки представителей демократического крыла эмиграции проникнуть в Россию или изначально оказывались под контролем чекистов, или были обречены из-за предательства: активиста А.А. Потехина ждала засада ОГПУ. Часто походы в СССР исполнялись прямыми агентами советской разведки (Н.С. Ирманов, Н.А. Бояров-Мосевич, А.Р. Ильин).

Единственное мне известное исключение — история питерской группы Нины Воленс, на связь с которой смог выйти проникший в СССР, избежав сетей ОГПУ, Дмитрий Акимов. Этот уникальный факт лишь доказывает неизменное правило — мастера провокаций с Лубянки были все же сильнее дилетантов. Группа была раскрыта и разоблачена в течение года с того момента, как попыталась реально и активно заработать. Ее раскрыли с помощью курьеров с Запада — агентов ОГПУ. Сам же проникший в Ленинград резидент Д.А. Акимов был перевербован и использован в контригре против «Опуса» и «Крестьянской России».

Тогда лидер КР-ТКП С.С. Маслов чудом избежал судьбы похищенных Кутепова и Миллера: операция по его заманиванию в СССР по пока неясным причинам (оперативные документы недоступны) была в 1931 г. свернута, а ее свидетели и исполнители или уничтожены, или отправлены в тюрьмы, где позже погибли. Но КР-ТКП держали на крючке до конца 30-х годов, засылая агентуру и беглецов из СССР, а потом пытались снова найти входы в американскую группу «Крестьянской России», уже в 1950-е годы.

Факты массивированной инфильтрации советской агентурой не самой сильной в эмиграции и опасной структуры — «Крестьянской России» показывают: ОГПУ-НКВД считало главным противником не реальных врагов России, к примеру, нацистскую Германию, даже не режимы, декларировавшие откровенный антикоммунизм, — основные усилия до конца 30-х гг. тратились уже вопреки всякой государственнической логике именно на разложение антисоветской эмиграции. И это несмотря на то, что в силу естественных причин она потеряла боевитость, идейную мотивацию к активизму и источники финансирования уже в начале 30-х гг. И.В. Сталин из Кремля заказывал на Лубянку мифы, и советская разведка поставляла их обоснования, обслуживая, как в случае с провокацией против С.С. Маслова в 1938 г., показательные процессы 30-х гг.

Проведенное исследование, на мой взгляд, показывает: тоталитарный советский режим и его спецслужбы успешно и очень профессионально боролись с дилетантской и в то же время жертвенной антикоммунистической эмиграцией.

Казалось бы, они победили: к началу Второй мировой войны большинство структур эмиграции были недееспособны или перешли на позиции защиты отечества, каким бы оно ни было. Тем не менее в 1945 г. массовая кампания уничтожения эмигрантов первой волны, проведенная «Смерш», была вполне целенаправленной и ставила целью выявить, нейтрализовать и уничтожить на оккупированной СССР территории Восточной Европы большую часть идейных противников большевизма. Эта задача ведомством генерала В.С. Абакумова была выполнена.

Одновременно для идейной дезориентации тех, кто оказался вне досягаемости, Кремлем была предложена идея совпатриотизма; в поддержку «патриотического порыва» эмигрантов была задействована и частично засвечена советская агентура. Для поддержки идеи и пропаганды «возвращенчества» был издан Указ о предоставлении эмигрантам советского подданства. В 1945–1946 гг. победа Москвы над идейными противниками казалась полной и окончательной.

Но эта победа была пирровой. Уцелевшим после Второй мировой войны лидерам демократических кругов эмиграции, таким как А.Ф. Керенский, С.П. Мельгунов, В.Ф. Бутенко, Р.Б. Гуль, Б.И. Николаевский, выходцам из партий меньшевиков, эсеров, «Крестьянской России» удалось сохранить и передать следующему поколению эмиграции обновленную идеологию антикоммунистической борьбы и, что важнее, постепенно убедить в реальности советский угрозы лидеров США и Западного мира, воспользоваться их ограниченной поддержкой для развертывания в период «холодной войны» успешной идеологической борьбы с коммунизмом и как со всемирной опасностью, и как с более понятной Западу тенденцией — советской империалистической экспансии.

Результаты этой борьбы в XX веке нам известны: коммунизм во всей Европе пал, а на Востоке (в Китае и Вьетнаме) трансформировался до неузнаваемости в авторитарный национализм, сохранив лишь привычную кровавую вывеску. Режимы Кубы и КНДР — маргинальны и изолированы. Утопия умирает под ударами реальности.

Нынешняя Россия за 20 лет родила свой новый особый путь, режим, при котором коммунисты становятся демократами, диссиденты — государственниками, бывшие коммунистические бюрократы — миллиардерами, а бывшие советские чекисты — охранителями и коррупционерами. В целом эта узкая группа новой элиты успешно колониальным способом эксплуатирует природные богатства страны, осваивает сырьевую ренту, держа подачками или телепропагандой в повиновении большую часть населения России, которое смирилось с медленным повышением уровня жизни в рамках «стойлового содержания» на нефтедолларовой подкормке при отсутствии элементарных политических свобод.

Так в период правления В.В. Путина в России на практике парадоксально реализовалась идея С.С. Маслова о «временном переходном периоде», авторитарном правлении, якобы необходимом ради торжества демократии в будущем. Главное отличие нынешней системы в том, что в отличие от теоретиков 30-х годов ее создатели не собираются сообщать о времени восстановления конституционных норм и свобод, после стабилизации обещая осилить еще и модернизацию страны.

Замечу, что единственный доживший до времен В.В. Путина активный член КР-ТКП Г.А. Малахов в 2004 г. оценивал нынешнее время весьма трезво. Об этом свидетельствует следующий диалог с почти столетним старцем:

«Г е о р г и й М а л а х о в : Демократическая часть эмиграции — это социалисты-революционеры, как Керенский, демократы, как Милюков, — считали, что демократия может победить, настоящая демократия, только

мирным путем внутри России. И вот я лично тоже эту точку зрения поддерживал, что только внутри России, только сами мы сможем организовать свое государство. И вот сделали же сами, сделали. А вы думаете, нашей капли нет тут?

— Но сколько времени-то прошло...

Г е о р г и й М а л а х о в: А неважно, сколько времени прошло, а важно, что наша капля есть тут, и она чувствуется во всем. Вот мы теперь живем в демократии. Демократия куца, конечно, ненастоящая еще демократия, до настоящей нам еще далеко. Но все-таки элементы демократии заложены в нашем новом государстве, именно демократии, а не диктатуры.

— То, что сейчас происходит в стране, в общем, вы считаете, приемлемо?

Г е о р г и й М а л а х о в: Я бы сказал другое слово: терпимо. Может быть не совсем приемлемо, но терпимо, потому что неизбежно. 70 лет прожить под такой ужасной диктатурой — сразу-то не перевернешь это все, такую глыбу. Но постепенно это перевернется. И теперь уже диктатура не вернется в России, хотя сторонников диктатуры еще очень много»³⁵⁹.

Впрочем, в пространстве общественной мысли России — это уже достижение — процветает полный плюрализм. Идеи всех направлений русской эмиграции — от ультраправых и евразийских до леволиберальных и социал-демократических — вернулись на родину, став основой практически всех направлений современной политической среды современной России.

Трансформация России в XX в. еще раз доказывает: самые яркие тактические успехи самых эффективных спецслужб в борьбе с инакомыслием, с «идеологическим врагом» все равно не спасают тупиковые схемы общественного развития от поражения на стратегической дистанции всего лишь нескольких десятилетий.

ПЕРСОНАЛИИ *

АКИМОВ Дмитрий Александрович (псевд.: Клишкин Матвей Александрович, Павлов Дмитрий Павлович) (13.10.1894, Ялта – 4.9.1937, Ярославль), Отец – садовник, из мещан Тамбовской губ., мать – дочь чиновника, давала уроки музыки и языков. В 1906–08 А. учился в Асхабадской муж. г-зии, в 1908–10 – в Харбинском коммерч. уч-ще, в мае 1913 окончил Асхабадскую муж. г-зию. В 1913–16 учился в Петерб. ин-те Корпуса инженеров путей сообщения. Одноврем. в 1914–16 преподавал на подготовит. и общеобразоват. курсах инж. М.В. Щукина.

С 1.1.1917 юнкер 1-й Петергофской школы прапорщиков. В мае 1917 произведен в чин прапорщика. Служил в 4-м запасном отд. арт. дивизионе в Харькове. С окт. 1917 находился в отпуске в Асхабаде. Служил чертежником. Чл. руководства «Об-ва учащихся высших и двух последних классов средних школ». В мае 1918 дел. Съезда студенч. орг-ций в Ташкенте.

После антибольшевист. восстания в Асхабаде (28.6.1918) вступил с группой студентов добровольцем в Закаспийскую нар. армию. В июле – сент. 1918 оружейный нач. в 1-й Закаспийской батарее на Закаспийском фронте В сент. 1918 демобилизовался по болезни. В сент. 1918 – марте 1919 учитель математики 2-й Асхабадской жен. г-зии. Чл. Правления Учительского союза. В марте 1919 предст. профсоюзов на Чрезв. съезде городов и профсоюзов Закаспия, на к-ром избран одним из пяти членов К-та обществ. спасения 2-го состава. В марте – июле 1919 чл. Закаспийского пр-ва. Стоял на общедемокр. позициях. После подписания соглашения с А.И. Деникиным и передачи власти военным, ушел в отставку. В июле 1919 находился под следствием Добровольч. армии как «попуститель» большевиков; следствие прекращено распоряжением Деникина.

Выехал из Красноводска в распоряжение штаба Вооруж. сил Юга России. С авг. 1919 служил в Марковской дивизии, в 4-й батарее. Участвовал в боях под Белгородом, Курском, Орлом, в Донбассе, под Ростовом и на Кубани. С апр. 1920 находился с батареей в Крыму. 1.10.1920 на правом берегу Днепра под Александровкой ранен пулей в ногу, ампутированную 21 окт. 30.10.1920 эвакуирован армией в Константинополь.

В сент. 1921 А. прибыл в Прагу из Константинополя в качестве стипендиата Чехосл. пр-ва. В 1921–23 учился на инж.-строит. отд-нии Пражского Политехн. ин-та. Чл. правления Союза рус. студентов в Чехосл. республике, чл. правления Союза инвалидов. В 1923–26 учился Брненском Политехникуме. В 1926 потерял право на стипендию. Входил в руководство «Рус. демокр. студенч. союза». В 1926 дел. и сопред. париж. съезда Объединения Рус. эмигрантских студенч. орг-ций (ОРЭСО). В 1924–27 возглавлял группу «Крест. России» в Брно. Входил в Брненское Республ.-демокр. объединение.

Осенью 1926 А. решил нелегально пробраться в СССР. 13.7.1927 выехал из Праги во Львов. 1.8.1927 перешел из Польши границу СССР в р-не Дадергалы – Ямполь. В Ленинграде А. поселился в авг. 1927 под именем Матвея Александровича Клишкина. Давал уроки математики. Вместе сотрудниками АН СССР Н.В. Воленс, З.С. Будницкой и адвокатом А.В. Коротковым попытался создать республ.-демокр. антибольшевист. группу. Находился в переписке с праж. центром КР-ТКП, в февр. 1928 полу-

* Использованы материалы проекта «Оппозиция и сопротивление социалистов и анархистов большевистскому режиму (октябрь 1917 – сер. XX в.). Энциклопедический словарь» (грант РГНФ № 08-01-00257, рук. проекта д. и. н. К.Н. Морозов).

чил из заграницы лит-ру и материалы 1-го (дек. 1927) съезда «Крест. России» – Трудовой крест. партии (КР-ТКП). На гектографе размножил программу КР-ТКП и подготовил к изданию листовки. Провел в помещении Якутской комиссии АН СССР собрание группы, на к-ром обсуждалась программа КР-ТКП. Арестован ОГПУ 13.7.1928 после неудачной попытки переслать через сотрудника консульства Эстонии письмо в Прагу С.С. Маслову. По делу группы А. – Воленс было арестовано 18 чел.

На допросах в Постпредстве ОГПУ в Ленинграде дал признат. показания. 24.7.1928 дал подписку о сотрудничестве с ОГПУ в роли «корреспондента». После этого был перевезен в Москву, освобожден. Жил в гостинице «Метрополе». 13.9.1928 А. был вновь арестован. Продолжил под псевд. Д.П. Павлова работу с СПО ОГПУ по дезинформации руководства КР-ТКП. В 1929–30 встречался в Москве с прибывшим из Праги курьером КР-ТКП и одноврем. агентом ИНО ОГПУ А.Р. Ильиным.

В дек. 1930 и в 1931 А. находился в заключении в Бутырской тюрьме и во Внутр. тюрьме ОГПУ. Писал воспоминания о Гражд. войне в Закаспии. Числился за СПО ОГПУ. Решением Коллегии ОГПУ от 7.12.1932 приговорен к 10 г. политизолятора. Срок заключения предложено считать с 1932. В февр. 1933 отправлен из Бутырской тюрьмы в Ярослав. политизолятор; было приказано содержать его в тюрьме под именем Павлова Д.П. Пост. «тройки» УНКВД по Яросл. обл. 3.9.1937 приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян.

АНТИПОВ Николай Александрович (1889, дер. Смородиново, Харьковской губ. – 22.8.1946, Москва), Из семьи ж.-д. служащего. В 1909 г. в Полтаве окончил реальное уч.-ще, затем – 4 курса Харьковского технологич. ин-та С 1917 чл. К.-д. партии (Партии нар. свободы). В 1919 в Харькове поступил на службу в Добровольч. армию. Служил в ж.-д. батальоне. Эмигрировал из Крыма в 1920. В 1921–22 – в Тунисе. Пред. Союза студентов Сев. Африки. Участвовал в издании журналов «Жили-были» и «Студенч. листок».

В кон. 1922 уехал в Прагу, на 2-й съезд рус. эмигрантского студенчества. Остался учиться в Чехословакии. Чл. редколлегии журнала «Студенч. годы». Чл. руководства Рус. демокр. студенч. Союза. В 1924–30 секр., затем – тов. (зам.) пред. Объединения рус. эмигрантских студенч. орг-ций (ОРЭСО). В 1926 один из организаторов и участник Съезда рус. студенч. эмигрантских орг-ций в Сорбонне (Париж). Соред. журнала «Своими путями» (Прага, 1924–26). В 1928 окончил Рус. юрид. ф-т. в Праге.

В 1923 делегат учредит. конференции праж. группы «Крестьянской России». Чл. праж. орг-ции КР-ТКП. Дел. 1-го съезда «Крест. России» – Трудовой крест. партии (дек. 1927). Избран чл. ЦК КР-ТКП.

Дел. 2 съезда КР-ТКП в июне 1932. Избран в ЦК КР-ТКП. В 1933 переехал в столицу Подкарпатской Руси – Ужгород, где работал в редакциях газет. Поддерживал контакты с Карпаторус. трудовой партией. В 1933 избран чл. ЦИК КР-ТКП. Выступал в журнале «Знамя России». В 1938, после раздела Подкарпатской Руси, вернулся в Прагу.

Автор работ по нац., в частности, укр. вопросу. В законченном в 1940 труде «Национальный вопрос и крестьянская Россия» указывал, что укр. вопрос может быть органично решен лишь в рамках общего Рос. гос-ва, Выступал за равноправие рус. и укр. языков в России: «Не только в укр. школах должен изучаться рус. язык, но и в рус. школах (средних) следует преподавать укр. язык, литературу и историю. Нужно, чтобы рус. человеку укр. речь не казалась смешной и странной, чтобы украинцу было видно, что между ним и великороссом нет провала» ((ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 5. Л. 51: Рукопись ст. «Национальный вопрос и Крестьянская Россия»). В нач. 1939 избран

чл. Правления Союза рус. писателей и журналистов. После 1939 преподаватель Рус. свободного ун-та. Давал частные уроки рус. языка.

Задержан 17–18.5.1945 в Праге отд. контрразведки Наркомата обороны «Смерш» 4-й гв. танковой армии. Пост. на арест по обвинению в проведении антисов. деятельности (ст. 58-4, 58–11 УК РСФСР) утверждено 3.6.1945. 28.11.1945 дело А. выделено в отд. производство. Приговорен Воен. трибуналом Моск. ВО 31.5.1946 к высшей мере наказания; расстрелян 22 августа 1946 г. в Москве. Реабилитирован заключением Генпрокуратуры РФ от 23.6.1992.

АРГУНОВ (Воронович, Кубов, Макаров) Андрей Александрович (19 (31).10.1866, Енисейск – 7.11.1939, Прага). Из семьи чиновника – дворянина. Окончил гимназию в Томске. Учился на юрид. факультете Московского университета. В 80-90-е гг. входил в нелегальные студенческие кружки. В 1890 за участие в студ. волнениях выслан в Саратов. В 1893 основал кружок «Земля и Воля». В 1894 возглавил «Группу социалистов-революционеров» (с 1896 – «Союз социалистов-революционеров»). В начале 1896 написал «Основные положения программы Союза социалистов-революционеров» (в 1900 г. изданы за границей под названием «Наши задачи»). С конца 1896 г. – в Москве. Установил связи с эсеровскими организациями в России и за границей. Был ведущим редактором и автором прогр. статей газеты «Революционная Россия». Арест. 7.12.1901, содержался в Бутырской тюрьме, сослан на 8 лет под гласный надзор в Восточную Сибирь. Летом 1905 бежал за границу, был кооптирован в ЦК партии эсеров. В ноябре 1905 вернулся в Россию. 29 ноября 1905 – 4 января 1906 г. на I съезде Партии социалистов-революционеров (ПСР) избран членом ЦК. Ведал организационными делами, возглавлял агитацию в армии. Редактировал «Солдатскую газету», подготовил и провел I конференцию партийных военных работников. В 1906 г. – со-редактор газеты «Мысль». Содействовал образованию Трудовой группы I Думы, участвовал в ее заседаниях. После роспуска Думы – один из организаторов совместных совещаний партии эсеров, Железнодорожного и Всероссийского Крестьянского союзов, на которых было принято решение о призыве к вооруженному восстанию. 16.7.1906 арестован, приговорен к трем годам ссылки в Сибирь, с правом отбывать наказание за границей. Осенью 1906 вернулся в Россию. Один из создателей Орг. Бюро ЦК ПСР. Вел переговоры с Боевой организацией, закончившиеся решением о ее роспуске и созданием подконтрольного ЦК Центрального боевого отряда. Наладил выход «Партийных известий»; на II Совете ПСР, поддержал решение об участии в выборах во II Думу, занимался организацией выборной кампании и подготовкой II съезда ПСР. 4 февраля 1907 арест., в течение года – под следствием в тюрьме, оправдан и освобожден. Кооптирован в ЦК ПСР. В 1908 встретился с бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным и получил свидетельства. службы Е.Ф. Азефа агентом полит.полиции. В 1909 вышел из ЦК ПСР. В 1909–1914 – член Заграничной делегации ПСР, один из редакторов газеты «Знамя труда». С начала I мировой войны – оборонец, сотрудник изданий «За рубежом», «Новости», «Призыв». В сент. 1915 подписал «Манифест объединенной группы социал-демократов и эсеров», в котором говорилось: «Поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу».

После Февраля 1917 вернулся в Россию, вошел в ЦК, один из основателей и редакторов газеты «Воля народа» (1917, май). Один из лидеров правого крыла ПСР. На III съезде ПСР возглавляемая им группа «Воли народа» выступила как самостоятельное оппозиционное политическое течение. Орг. Совет Петрогр. группы партии соци-

алистов-революционеров, в состав которого входил А.А. Аргунов, и «Воля народа» 16.09.1917 обвинили ЦК ПСР «в пораженческих настроениях», «максимализме» и призвали единомышленников объединяться на местах «и готовиться, может быть, к отдельному съезду». В.М. Зензинов в отчетном докладе ЦК партии IV съезду ПСР (26.11–5.12.1917) заявил, что «правое крыло начало раскол в партии». А.А. Аргунов предъявил счета ЦК ПСР по поводу «репрессий» в отношении правого крыла партии, сторонников «Воли народа», ставил в заслугу себе и другим правым эсерам то, что «мы все время указывали на вред левого течения». Не принял Октябрьскую революцию, боролся с большевиками. Арестован осенью 1917, освобожден.

Избран во Всероссийское Учредительное Собрание. Член бюро фракции социалистов-революционеров и редакционно-издательской комиссии Учредительного собрания. После роспуска Учредительного собрания арестован, содержался в Петропавловской крепости, освобожден по ходатайству левых эсеров. В период Гражданской войны примыкал к правому флангу партии. Один из организаторов «Союза Возрождения России» (1918 – апрель). В Москве до июня 1918 г. на нелегальном положении. Через Казань, потом пароходом до Чистополя, через Сергиевск пробрался в занятую чехами Самару. Присутствуя, как делегат «Союза возрождения России», на съезде членов Комуча и Директории (15–16.7.1918), предлагал избрать Всероссийское правительство не только из членов Комуча, но из представителей всех противостоящих большевикам правительств. В сент. 1918 г. на Уфимском государственном совещании, избран в состав Директории кандидатом (замом) Авксентьева. 24 сентября 1918 направлен в Омск чрезвычайным уполномоченным, а также председателем Особой следственной комиссии для ликвидации конфликта между Сибирской Областной Думой и Административным Советом Временного Сибирского правительства. Был уполномочен Директорией для выяснения лиц, виновных в «событиях 22 сентября 1918 г.» – убийстве Новоселова –, получив при этом чрезвычайные права. Один из противников назначения И. Михайлова в Директорию. Согласился на присутствие его там только из-за желания сохранить единство правительства. Именовал монархическое крыло антибольшевистского движения «большевиками справа». В ночь на 18 ноября 1918 г. арестован офицерами-монархистами. По требованию чехословацкого Совета освобожден 19 ноября 1918. На другой день выслан колчаковскими властями за границу под конвоем вместе с семьей и другими членами Директории. На переезд в Европу получил 75 тыс. рублей. Ехал в Европу через Китай, Японию, Америку и Францию. В 1919 г. издал в Париже книгу «Между двумя большевизмами», посвященную событиям 1918 г. в России.

Вместе с Керенским, Авксентьевым, Зензиновым, Минором от имени парижской группы эсеров 16.5.1919 г. подписал манифест, призывая иностранные государства к интервенции в Россию. Предлагалось оказывать помощь только тем правительствам, которые сохраняют политические свободы и обещают созыв Учредительного собрания. ЦК ПСР дезавуировал воззвание и распустил парижскую группу.

Летом 1919 г. приехал в Россию – на Кубань. Сотрудничал в газете «Утро Юга». Арестован в Екатеринодаре деникинской контрразведкой по обвинению в подписании Парижского манифеста. Содержался под арестом в Таганроге. Освобожден из тюрьмы во время наступления большевиков. 10 марта 1920 г. прибыл пароходом в Потти, жил в Тифлисе. В начале 1921 г. Административный центр Внепартийного объединения оплатил переезд группы эсеров из Грузии во Францию. Из Тифлиса через Константинополь прибыл в Париж не позже 13 марта 1921 г. В марте 1921 г. включен в состав Административного центра. В начале 1922 г. поселился в Чехословакии в

пригороде Праги Збраславе, затем жил в Праге. Привлекался по процессу социалистов-революционеров 1922. Дело было выделено в особое производство в связи с тем, что он находился за границей. В 1922 г. вышел из партии эсеров, один из основателей и лидеров организации «Крестьянская Россия». Член редколлегии сборников «Крестьянская Россия». Сотрудничал в газете «Дни», журналах «Современные записки», «Вольная Сибирь» и «Сибирский Архив» других изданиях, публиковал мемуары.

В 1923–1927 гг. – один из трех членов «Центрального Бюро заграничных организаций «Крестьянской России»». Соредатор в 1924–1926 гг. журнала РДС «Свободная Россия», постоянный автор журнала «Вестник Крестьянской России» (1925–1933). С агитационными целями посещал Францию и Югославию.

25–27 декабря 1927 г. – председатель I съезда «Крестьянской России» в Праге. Избран членом ЦК и председателем партии: «Крестьянская Россия» – Трудовая крестьянская партия (КР-ТКП). Инициатор создания Фонда свободной печати (1928–31), финансировавшего переборску антикоммунистических изданий в СССР. С начала марта по 13 октября 1931 г. входил в редколлегию газеты «Руль» (Берлин). На втором съезде КР-ТКП в Праге (2–6 июля 1932 г.) переизбран председателем партии и членом ЦК КР-ТКП. В конце 1932 г. вместе с большинством ЦК Аргунов выступил против генсека КР-ТКП С.С. Маслова, обвинив его в монополизации работы в России, захвате партийных денежных средств, ревизии крестьянской и демократической программы партии.

16–19 апреля 1933 г. на Чрезвычайной Сессии Совета КР-ТКП ушел в отставку из членов ЦК. На период до 3-го съезда вошел в состав Общего собрания Совета партии. В знак протеста против линии С.С. Маслова 4 апреля 1934 г. А.А. Аргунов вышел из КР-ТКП с группой бывших членов ее руководства. В октябре 1934 гг. объявил об окончательном разрыве отношений с КР-ТКП.

Член правления Демократического клуба в Праге (1934–1936 гг.). Член Общества сибиряков. Член Союза Русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике, неоднократно, в т.ч. с 1934 г., избирался членом правления Союза. До конца дней оставался непримиримым противником большевизма. Похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

БАЙКАЛОВ Анатолий Васильевич (23.11.1882, прииск Эдуардовский Южно-Енисейского горного окр. – 13.7.1964, Лондон, пох. на кладбище Голдерс Грин), Из семьи казаков станицы Таштык, Енисейск. губ. Окончил Красноярскую классич. г-зию. Учился на физико-математическом и медицинском факультетах Казанском ун-те. 23.3.1903 арестован при ликвидации Казанской с.-д. орг-ции. До приговора выслан в Красноярск, где 23.7.1903 вторично арестован. Дело приостановлено для совм. рассмотрения с казанским дознанием, к-рое впоследствии прекращено. В апр. 1905 – сент. 1906 на нелег. положении. Рук. с.-д. орг-ции в Омске. Покинул Омск после арестов летом 1905. В 1905 чл. Красноярского к-та РСДРП, меньшевик. Руководил в окт. 1905 забастовкой в Верхнеудинске как предст. Красноярского к-та РСДРП. В кон. 1905 чл. исполкома Красноярского совета, рабочих и солд. депутатов, один из ред. газ. «Красноярский рабочий». С апр. 1906 – в Омске, руководил кампанией меньшевиков по выборам в 1-ю Гос. думу. Б. был на короткий срок арестован осенью 1906. Повторно арестован в июне 1907 по делу Красноярской с.-д. орг-ции. Сослан за участие в ней в 1907 на 3 г. в Туруханский край. С кон. 1910 жил в Красноярске, кооператор. Сотрудничал в газетах и занимал ответств. должности в гор. управлениях Красноярского края, и др. областей Сибири. В 1912, будучи на положении полит. ссыльного, технически руководил кампанией РСДРП в Сибири по выборам в 4-ю Гос. думу.

В 1913 выпустил кн. «Северный Морской Путь к устьям рек Оби и Енисея». Во время 1-й мировой войны принимал участие в заготовках провианта для армии. Входил в состав образовавшегося 28.2.1917 К-та обществ. безопасности в Красноярске. Чл. местного к-та РСДРП (объед.); после раскола объед. с.-д. орг-ции – рук. Красноярской орг-ции меньшевиков. Публ. в газ. «Сибирская жизнь», «Красноярский рабочий».

Канд. в члены Учредит. собрания от Енисейского казачьего войска. В 1918 выехал по поручению съезда Сиб. кооп. союзов Сиб. обл. пр-ва в Японию. В кон. 1919 переехал в Лондон. Организатор и секр. «Об-ва северян и сибиряков» в Великобритании. Переводчик, журналист. В 1921 возглавлял лондонскую группу с.-д. Не признавал полномочий ЦК во главе с Ю.О. Мартовым. Сторонник прав. меньшевист. группы С.О. Португейса (Ст. Ивановича). Сотрудничал в журнале «Заря».

В 1924 выступал на конференции Лейборист. Партии с меморандумом о преследованиях меньшевиков. Организатор кампании против принудит. труда в СССР и закупки леса в Сов. России. В 1931 выступал перед членами парламента Великобритании (1931). Чл. «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии с 1930 до нач. 2-й мировой войны – предст. «Крест. России» в Лондоне. Организовал визит С.С. Маслова в Великобританию и публикацию его статей в брит. прессе. Выступал за бойкот покупки сов. зерна во время голода 1932–33. Поддерживал контакты с группой членов брит. парламента, выступавших за жесткую линию в отношении СССР.

Б. был гидом сов. агентов ген. Н.В. Скоблина и Н.В. Плевичкой во время их поездки в Лондон в 1935. Обвинялся газ. «Возрождение» в организации контактов главы РОВС ген. Е.К. Миллера с сов. воен. атташе В.К. Путна. Б. опроверг эти обвинения только после 2-й мировой войны в личной переписке с Б.И. Николаевским.

В 1936–39 ред. 2-нед. газ. «Русский в Англии»; с 1939 – сотр. информ. агентств, эксперт по России. Б. – один из основателей Рос. нац. объединения (РНО) в Великобритании, с 1939 его секр. Автор брошюры «Я знал Сталина». В нач. 2-й мировой войны Б. вместе с одним из быв. руководителей Белого движения на Севере Г.Е. Чаплиным, предложившим брит. Генштабу образовать рус. добровольч. корпус, к-рый воевал бы против Германии, пытался, как писал журнал «Часовой» в 1960-х гг., «разъяснить англичанам разницу между героич. сопротивлением Рус. Народа нем. стремлениям поработить Россию и использующим патриотич. подъем народа сов. пр-вом». Летом 1947 вел большую кампанию в брит. прессе и Парламенте в связи с выдачей в СССР англичанами группы рус. эмигрантов из итал. лагеря Римини, в результате чего выдачи были прекращены. На съезде РНО. в 1952 избран чл. его Гл. правления. После 2-й мировой войны печатался в париж. журналах под ред. С.П. Мельгунова («Рус. демократ», «и др.), журналах «Возрождение», «Часовой» и газ. «Рус. мысль».

БЕМ Альфред (Алексей) Людвигович (лит. псевд.: А. Омелянов) (23.4.1886, Киев – после 12.5.1945), В 1905 окончил Киевское реальное уч-ще; в 1906-07 учился в Киевском ун-те Св. Владимира, 17.11.1907 уволен за участие в студенч. сходке. В 1908 поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, С 1910 сотр. Рукописного отд-ния Бки АН (БАН). Исключен в нач. 1911 из ун-та за участие в студенч. волнениях и выслан из С.-Петербурга. Благодаря заступничеству акад. А.А. Шахматова весной 1912 окончил, словесное отд-ние ун-та с дипломом 1-й степ. Оставлен при кафедре рус. лит-ры по представлению проф. С.А. Венгерова для подготовки к профессорскому званию.

8.7.1912 арестован в Киеве и заключен в Лукьяновскую тюрьму. При обыске у него были найдены 4 нелег. брошюры. Освобожден 14.9.1912. С кон. 1912 сотр. БАН, ответств. секр., ред. и один из составителей серии «Обозрение трудов по славянове-

дению) (в 5 т.). Участвовал в Пушкинском семинарии Венгерова. Автор работы «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» (1914). Жил в Петербурге, продолжал работу в Рукописном отделе БАН в должности ученого хранителя рукописей под рук. В.А. Срезневского. Работал над составлением библиографии трудов Л.Н. Толстого. Чл. петерб. об-ва Толстовского музея. С 1915 поч. чл. Рус. библиологич. об-ва. Библиотекарь Петерб. духовной академии. 29.3.1915 обвенчался с А.И. Омельяновой. В 1917 принимал участие в разборе документов Охранного отделения. В дек. 1917, вслед за семьей, переехал в Киев. Работал в Мин-ве по великоросс. делам Центр. рады. Участник съезда деятелей печати (1918). Автор еженедельника «Куранты». В июле – окт. 1918 вновь работал в БАН, в Петрограде. Вернулся в Киев. В 1919 – в Петрограде, откуда 26.7.1919 командирован в Киев на 2 мес. Покинул Киев 29.11.1919 вместе с сотрудниками Киевского земства. Через Одессу 26.1.1920 на пароходе прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 Королевство Югославия). После полугодового пребывания в Белграде, где он работал в Земгоре, к нояб. 1920 переехал в Варшаву. Входил в литобъединение «Таверна поэтов».

Работал в Польше, в Рус. к-те (потом в Рус. эвакуац. к-те). Сотрудничал с «Нар. союзом защиты родины и свободы» (НСЗРС) Б.В. Савинкова. Регулярно печатался с 17.11.1920 и до 1 янв. 1922 в газ. НСЗРС «Свобода» (с 17.11.1921 – «За Свободу»);

24.9.1921 Б. и С.С. Маслов обсуждали в Варшаве возможность организации крест. партии. В янв. 1922 Б. переехал из Варшавы в Прагу. В рамках «Рус. акции» получил стипендию МИД Чехословакии и должность преподавателя рус. языка Карлова ун-та. В 1923–24 преподавал историю рус. лит-ры в Рус. нар. (с 1933 – свободном) ун-те им. Я.А. Коменского. В 1923 из Киева в Прагу смогли выехать жена и две дочери Б.

В окт. 1922 Б. вошел в группу «Крестьянская Россия» и в состав редколлегии сб-ков «Крестьянская Россия». Активно полемизировал с с.-р. 23–25.12.1923 участвовал в Праге – как чл. группы «Крестьянская Россия» – в съезде Республ.-демокр. блока. Вошел в созданный Республ.-демокр. союз (РДС). Регулярно печатался с 1925 в журнале «Вестник «Крестьянской России»» под псевд. А. Омельянов. В дек. 1927 участвовал в Праге в I съезде «Крестьянской России».

В 1922–рук. праж. лит. объединением «Скит» (позднее – «Скит поэтов»). Участник лит.-муз. об-ва «Збраславские пятницы. Чл. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии, Рус.-чеш. об-ва («Рус.-чеш. Едноты»). Инициатор учреждения и празднования «Дня рус. культуры». Чл. Рус. пед. бюро (ин-та). Сотрудничал в журналах «Рус. школа за рубежом» (1923–29) и «Вестник Рус. пед. бюро» (1927–31), организатор съездов деятелей рус. заруб. школы. Организовал при Рус. нар. ун-те Семинарий по изучению творчества Ф.М. Достоевского (1925–1933). Участник 1-го съезда рус. писателей и журналистов за рубежом (Белград, сент. 1928). В 1930 Б. создал в Праге Междунар. об-во им. Достоевского при Славянском ин-те (секр. об-ва в марте 1930 – мае 1939): 4-х вып. сб-ка «О Достоевском» (1929, 1933, 1936, 1972). Автор статей для чеш. энциклопедии «Отто» (1930–43). С 1931 чл. Славянского ин-та.

29.3.1931 вошел в редакцию газ. «Руль» (Берлин). Напечатал в газете ряд статей из цикла «Письма о литературе». Статьи этого цикла в 1932–39 далее печатались в варшавских газ. «Молва» и «Меч». Сотр. Ин-та им. Н.П. Кондакова, Рус. ист. об-ва, Рус. исследоват. объединения. Работал в К-те рус. книги. В 1932 защитил докт. дисс. в Нем. ун-те в Праге (доктор философии). С 1933 Б. – чл. Пражского лингвистич. кружка.

В июле 1932 дел. 2-го съезда КР-ТКП в Праге. Избран чл. ЦК партии. В 1933 вместе с большинством ЦК вступил в конфликт с генсеком Масловым. Выступил против пересмотра им решений 2-го съезда КР-ТКП.. На Чрезв. сессии Совета КР-ТКП

16–19.4.1933 Б. ушел в отставку из состава ЦК КР-ТКП, в новый ЦИК войти отказался, избран в состав Общего собрания членов Совета партии. Вышел из партии в 1934 г.

Б. участвовал в 1935–36 в работе праж. Демокр. клуба, где 30.11.1935 обсуждался доклад Б. «Единый фронт в вопросах культуры». В 1937 Б. получил чехосл. гражданство. В 1938 в Праге вышла его кн. «Достоевский: Психоналитические этюды». После оккупации Чехословакии, в связи с закрытием нацистами в окт. 1939 чеш. вузов, Б. потерял работу в Карловом ун-те. Автор учебника рус. языка «Русское слово» (1940). В 1940–44 преподавал рус. язык в праж. рус. г-зии, давал частные уроки, читал лекции в Рус. свободном ун-те. В 1944 крестился в православие, приняв имя Алексей Фёдорович. В 1944 опубликована последняя работа Б. «Церковь и рус. лит. язык».

С янв. 1945 работал в 6-ке фонда Рейнхарта Гейдриха («Reinhard Heydrich Stiftung»). 16.5.1945 уведен из «профессорского дома» в Праге вооруж. чехами «для того, чтобы что-то перевести». Возможно, стал жертвой одной из бессудных расправ с немцами и коллаборантами. По версии Е.Д. Кусковой (1952), со ссылкой на источник (чеш. коммуниста Чёрного) Б. был в день ареста расстрелян во дворе тюрьмы Панкрац. В сообщении Е.В. Постниковой указано: «Сразу же схвачен был профессор Бём, и до сегодняшнего дня (1947 г.) о нем нет никаких сведений. Есть слух, что он покончил самоубийством». По версии Н. Синевирского, Б. «покончил с собой, выбросившись из окна одной из праж. вилл, занятых «Смерш». Еще по одной версии, умер по пути в лагерь.

БОГДАНОВ Пётр Александрович (1888, Псков – 1942). Окончил Псковское землемерное уч-ще. Чл. ПСР. Участник избират. кампании по выборам в Учредит. собрание в 1917. В 1918 пред. Псковской земской управы. С авг. по 5.5.1919 (до роспуска пр-ва) мин. земледелия Сев.-Зап. пр-ва, сформированного в Ревеле. Им было провозглашено «сохранение зем. отношений, к-рые имели место к приходу белых войск». В янв. 1920 возглавлял оргбюро по созыву рус. беженского съезда. Жил в Ревеле (Таллине). В 1920–21 рук. правления Рус. кооп. т-ва, В 1921 участвовал в деятельности ревельской группы с.-р. В 1921–22 входил в Нар. союз защиты родины и свободы Б.В. Савинкова, за что исключен из ПСР. Чл. правления Ревельского рус. лит. кружка.

В 1923 присоединился к группе «Крестьянская Россия». Публиковался в выходивших в Праге сб-ках «Крестьянская Россия», в «Вестнике крест. России». Корр. «Последних новостей» в Эстонии.

В 1924–40 чл. и пред. ревизионной комиссии потребит. об-ва «Oma Abi» в Копли. 1924–28 работал также в командировках землемером в Печорах. Участвовал в 1-м съезде «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии в Праге. Член Совета КР-ТКП в дек. 1927. В 1929 участвовал в создании Рус. крест. партии Эстонии. Дел. 2-го съезда КР-ТКП 1932 в Праге; чл. Совета партии. В 1930-е гг. работал в Союзе рус. потребит. и благотворит. об-в в Эстонии. Авт. монографии «Очерки кооперативного движения» (Таллин, 1940). В июле 1940 арестован НКВД. 11.2.1941 Воен. трибуналом Ленингр. ВО на закрытом заседании приговорил Б. по ст. 58 УК РСФСР к 15 г. ИТЛ с поражением в правах на 3 г. Умер в заключении.

БУТЕНКО Василий Феодосьевич (13.8.1894, Таврическая губ. – 5.2.1976, Нью-Йорк) В 1912 окончил Екатеринославскую г-зию, затем – 3 курса Петерб. политехн. ин-та и Ораниенбаумскую школу прапорщиков. Закончил 1-ю мировую войну в чине штабс-капитана. В дек. 1917 прибыл на Дон, к ген. Л.Г. Корнилову. В составе Офицерского (Марковского) полка участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе 1918. В 1920 подполковник.

В дек. 1920 эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Два года занимался физической работой: был пом. кузнеца, грузчиком на пристани, работал на лесном складе, на пивном заводе, подручным на постройках, прислуживающим в типографии, пом. весовщика на ж.д. товарной станции, работал на постройке моста через реку. В 1923 пост. в Загребский коммерч. ин-т. Окончил в 1928, магистр экон. наук. Работал в транспортной конторе бухгалтером. В 1923 вступил в группу «Крестьянская Россия» (КР-ТКП), был ее предст. в Загребе. По приглашению А.А. Аргунова в нояб. 1928 переехал в Прагу. Работал техн. секр. ЦК КР-ТКП.

В 1929 Б. кооптирован в состав ЦК КР-ТКП. Избран чл. ЦК на 2-м съезде КР-ТКП в 1932. Чл. Русского отдела. Руководил нелегальной работой в СССР. В 1933 на Совете КР-ТКП избран зам. пред. ЦИК партии. Отвечал за оргработу и связь с ячейками КР-ТКП в странах Европы и США.

После 15.3.1939 арестован нацистами, затем из-под стражи освобожден. С разрешения нем. властей в июне 1939 уехал из Праги по амер. визе во Францию. Попытка создать новый центр КР-ТКП в Париже, куда прибыл 5.7.1939. Вел переписку с группой в Праге до мая 1940. В 1940 мобилизован во франц. армию. После демобилизации в 1941 г. находился на юге Франции, ждал возможности выехать в США: был с.х. рабочим, дроворубом, швейцаром в отеле. С 1945 под Парижем: «три года ... работал на положении «магазинера», т.е. на положении полурбочего, полуслужащего».

В 1948 опубликовал в сб. С.П. Мельгунова «Борьба за Россию» первую статью об истории КР-ТКП – «Крестьянская Россия: («К дискуссии о «Программах»)».

Выехал в США в ноябре 1948 г. Воссоздал Нью-Йоркскую группу «Крест. России». Работал журналистом и ред. в газ. «Новое рус. слово». Сотрудничал с Р.Б. Гуллем в издании «Нар. правды». Автор опублик. в «Новом журнале» повесть «Возвращенка» (1949. № 21). Участвовал в «Лиге борьбы за народную свободу». В 1951 в газ. «Новое рус. слово» редактировал страницу сторонников КР-ТКП «Своими путями». Чл. редколлегии издания «Нар. правда». Чл. Координац. Центра антибольшевист. борьбы (КЦАБ). Осенью 1952–54 жил в Мюнхене; участвовал в создании Радио Свобода.

В 1953 Б. выступил в качестве инициатора создания и редактора издания Нью-Йоркской группы КР-ТКП – сб. «Крест. Россия».

В 1950–60 редактировал ежемесячник Рус. Объединенного об-ва взаимопомощи в Америке (РООВА) «Рус. вестник», лит. ред. книг рус. эмигрантов, в частности сб. «Марковцы в огне», продолжал работу в редакции газ. «Новое русское слово».

БУХШТАБ Виктор Михайлович (1883, Дрезден – после 1945). В 1884 семья Б. переехала в Ялту. В 1902 Б. окончил Ялтинскую г-зию, в 1908 – экон. отд.-ние Петерб. политехн. ин-та. Чл. К.-д. партии. После 1917 – гор. голова Таганрога. Тов. (зам.) пред. Юго-Вост. краевого к-та К.-д. партии. Эмигрировал в 1920 в Константинополь. Секр. Константинопольской группы КДП – ПНС. Выехал в Германию. Жил в Берлине. Вступил в «Крестьянскую Россию» – Трудовую крест. партию. Публиковался с июля 1932 в журнале «Вестник крестьянской России». С 1933 – в Праге. Управляющий экон. отд. журнала «Знамя России», автор ежемес. обзоров состояния экономики СССР. Чл. ЦИК КР-ТКП с 1935. В кон. 30-х гг. работал на з-дах «Шкода». В 1940 выслан из Протектората Богемии и Моравии в Германию. Жил в Берлине. Арестован 15.5.1945 Отд. контрразведки «Смерш» 11-й гв. танковой армии по обвинению в антисов. деятельности. Воен. трибуналом 11-й Гв. танковой армии приговорен 30.6.1945 по ст. 58–2 и 58–11 УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на 7 лет. Сын Б., Виктор,

был арестован в 50-е гг. Вене. Реабилитирован заключением Гл. воен. прокуратуры Ген. прокуратуры РФ 20.11.2001.

БЫСТРОВ (лит. псевд.: Н. Бобров) Николай Владимирович (13.10.1899, С.-Петербург – 1974, Прага). Отец – чиновник;. Б. учился в Петербурге, в г-зии. В 1918 участвовал в боях с герм. войсками под Псковом. После окончания г-зии в 1918 поступил на юрид. ф-та Петрогр. ун-та. Петрогр. совнархозом направлен на работу в харьковский топливный комбинат. В Таганроге поступил в Белую армию. В мае 1919–окт. 1920 служил во 2-м сводно-стрелк. полку 7-й див. в чине унтер-офицера, затем – ст. унтер-офицера. В нояб. 1920 был эвакуирован с армией из Крыма в Константинополь.

В Константинополе вступил в Студенч. союз. Вместе с его членами из Константинополя приехал в нояб. 1921 в в Прагу. Студент Рус. юрид. ф-та. Чл. Редакционной коллегии (вместе с А.А. Туринцевым и В.А. Шингаревым) сб. «За чертой» (издатель – Рус. студенч. союз в Чехосл. республике, Прага, 1922). Участвовал в издании журналов «Студенческие годы» (1922–25), в 1924 – чл. редколлегии. В 1922 один из создателей Объединения демокр. студенч. орг-ций в Чехословакии. В дек. 1922 избран чл. правления созданного в Чехословакии «Объединения рус. эмигрантских студенч. орг-ций» (ОРЭСО).

С 1923 чл. «Крестьянской России». В сб. «Крестьянская Россия» (Вып. IV. 1923) опубликовал ст. «Русское студенчество в эмиграции». В янв. 1924 избран одним из рук. Рус. демокр. студенч. союза (РДСС) в Праге. В кон. 1923–25 и в 1926–28 возглавлял праж. группу КР.

Окончил юрид. ф-т Праж. (Карлова) ун-та в 1927 как специалист по междунар. праву. В 1928–39 работал в 6-ке МИДа Чехословакии. Дел. 1-го съезда «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии (КР–ТКП) в дек. 1927 от праж. орг-ции. Б. автор доклада на Пражской собр. группы от 12.04.1930 г. и статьи «Организация восстаний и тактика повстанческих операций» («Партийная мысль» № 1 1930 г. С. 1-6).

В нояб. 1930 выступил против избрания главой Праж. группы И.П. Верещагина. 14.11.1930 вышел из партии вместе с А.А. Воеводиным, А.И. Фёдоровым, С.В. Ликандером, Д.П. Никитиным, обвинив ЦК в нарушении внутривласт. демократии. Осенью 1930 создал группу «Второе поколение» (второе назв. – «Союз второго поколения») постепенно объединив своих сторонников с фракцией прогрессивно-нац. академич. группы, действовавшей в Праге в 1925–30 (В.Д. Белый, В.И. Власьев, М.С. Ильяшевич, В.А. Кузнецов, Али-Риза Магомедов-Гурский, Г.Е. Флорианский). В апр. – июне 1931 обе орг-ции на средства эмигранта Г.Т. Поляченко издавали еженедельник «Второе поколение». Б. редактировал эту газету, выпустив 12 номеров. Пытался опереться на получивший образование за границей слой молодых эмигрантов. В редакционной статье газ. «Второе поколение» Б. сформулировал полит. линию группы: «Никаких компромиссов к комвласти быть не может. <.> Мы все были военными. Это дает на всю жизнь определенные взгляды на то, что такое война до конца. В жизнь эмиграции вошло поколение, к-рое не имело водительского участия в Великой войне и рев-ции. Оно занимает все области жизни – инженеры, рабочие, ученые, врачи, – все области, кроме общественно-политической. Те, кто в России – хорошо ли, плохо ли – в меру своих сил поработали, могут позволить себе теперь бездействие с воспоминаниями, размышлениями, ожиданиями. Если новое поколение сейчас не будет действовать общественно, его жизнь пройдет этой стороной бесплодно. Активность здесь является не просто психологией и не методом, а моральной потребностью. Новое поколение до сих пор не имело важнейшего орудия обществ. активности – прессы. Эмигрант-

ские редакции закрыты плотной стеной давно прижившихся поседевших сотрудников. Наша газета будет органом поколения, не пускаемого в прессу, но имеющего что в прессе сказать, хотя бы в результате очень своеобразного жизненного опыта». Б. выступал за воен. переворот в СССР: «Не лучше ли привлечь к себе нескольких высших начальников, к-рые помогли бы осуществить переворот, не разрушая порядка и дисциплины». Из-за недостатка средств для издания газета была закрыта, но Союз «Второе поколение» продолжил существование. Учредителями после 1931 г. были А.А. Хитьков, Б., Е.В.Тарабрин. Пред. Союза – Хитьков, члены руководства – Б., М.С.Ильяшевич, А.И.Фёдоров, Г.Е.Флорианский.

С авг. 1933 Б. восстановил отношения с С.С. Масловым. После раскола КР-ТКП до марта 1939 был постоянным сотрудником журнала «Знамя России». Опубликовал св. 40 статей в осн. по вопросам внеш. политики. Статьи подписывал своей фам. или псевд. «Бобров». В 1936 принял чехосл. подданство. Вторично в КР-ТКП не вступал однако разделял ее программу, за исключением вопроса об опоре на крест-во.

После ликвидации б-ки МИДа ЧСР во время оккупации Чехословакии переведен на работу в Центр. гос. б-ку (Нар. «университетская» б-ка). Союз «Второе поколение» в мае 1939 по требованию нацистов был закрыт. Б. был арестован гестапо 22.6.1941 по подозрению в коммунистич. деятельности. После 3 мес. ареста как белоэмигрант был отпущен с обязанностью регулярно регистрироваться в нем. комендатуре. С 1939 участвовал в борьбе против оккупантов, состоял в подпольной орг-ции быв. чеш. социалистов. Участник Пражского восстания 5–8.5.1945. В мае 1945 Б. – библиотекарь Центр. гос. б-ки ЧСР, работал в Красном Кресте. Задержан в Праге 20.5.1945 сотрудниками Отдела контрразведки «Смерш» 6-й гв. танковой армии. Арестован 4.6.1945, 28.6.1945 доставлен в Москву; находился под следствием в Гл. управлении «Смерш». Содержался в Лефортовской тюрьме. Обвинен по ст. 58-4, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. На суде в Воен. трибунале Моск. ВО 19.11.1945 виновным себя признал частично. Приговорен по ст. 58-4 УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией лично принадлежащего имущества. В ГУЛАГе находился в Мордовии, ст. Сухобезводная, Потьма. Вернулся в Прагу в авг. 1955. Работал переводчиком. Реабилитирован в 1992.

ВЕРЕЩАГИН Иван Павлович (1896, дер. Соколок Лужского у. С.-Петерб. губ., – после 1970-х гг., Чехословакия). Из крестьян. В 1916–17 служил в армии в чине прапорщика. В 1919 подпоручик в армии Н.Н.Юденича. Тяжело ранен на Сев.-Зап. фронте, эвакуирован в Нарву, где ему была ампутирована нога. В 1920–24 жил в Ревеле. В 1924 переехал в Чехословакию, в Прагу, где окончил Высш. пед. ин-т и Ин-т с.-х. кооперации. Чл. «Рус. союза воен. инвалидов» с 1924. В 1926 намеревался вернуться в СССР. В 1928 вступил в «Крестьянскую Россию» – Трудовую крест. партию, чл. бюро праж. группы. С 1930 рук. праж. группы. Соредатор журнала пражской группы «Партийная мысль» в 1930. На 2-м съезде КР-ТКП 2-6 июля 1932 избран чл. Совета партии. Выступал в 1932 с докладами о сов. молодежи в Пшибраме, Братиславе, Ужгороде и Мукачево. С 1933 зам. пред. Совета КР-ТКП. В 1934 выступил против линии С.С. Маслова и вышел из партии.

В 1930–40-х гг. работал в обувном магазине жены бухгалтером. 06.07.1941 участвовал в антикоммунистич. манифестации в Праге. В кон. войны помогал чеш. партизанам.

Арестован в Праге сотрудниками «Смерш». Вывезен в СССР. Воен. трибуналом Моск. ВО осужден 19.11.1945 по ст. 58-4 УК РСФСР к 10 г. ИТЛ. С 1955 отбывал

ссылку в пос. Ново-Маклаково Енисейского р-на Красноярского края. После освобождения из ссылки выехал в Чехословакию к семье.

ВОЛЕНС Нина Васильевна (1893 Санкт-Петербургская губ., г. С.-Петербург – 4 сент. 1937 Волголаг) .

Дочь личного дворянина. С 1911 г. училась Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. Окончила юридический факультет. Оставлена при курсах. Работала секретарем в отделе переписи экономического бюро Земсоюза. С лета до конца 1917 г. – начальник отделения отдела сельской экономики в Министерстве земледелия. В 1918 – в отделе труда областного комиссариата труда. С ноября 1918 гг. – зам заведующего отделом экономики Льноцентра. В 1919–20 гг. служила в Москве во Всероссийском объединении лесных строительных трудовых артелей. В 1920 г. также преподавала на курсах инструкторов лесной кооперации в Ярославле. С 1920–25 г. – в Петрограде начальник отряда Северной научно-промышленной экспедиции (затем – Институт изучения Севера). С октября 1925 – по июль 1928 гг. – ученый специалист по экономике Якутской комиссии АН СССР в Ленинграде.

В 1923 г. во время выезда за границу в Чехословакии встретила с С.С. Масловым. В 1925 г. установила контакт с группой кооператоров Новикова-Короткова в Туле. В июне 1925 года снова выехала за границу. В сентябре 1925 встречалась в Праге с С.С. Масловым. В журнале «Вестник Крестьянской России» (№6-7–1925). Перепечатана в газете «За Свободу» (№294 – 19.11.1925. В 1925–26 В. вела переписку с Заграничным бюро групп «КР» в Праге через чехословацкого посла И.Гирса. В мае 1927 Н.В. Воленс вывезла в Париж и передала в прессу через С.С. Маслову письмо группы русских писателей с обличением большевистской цензуры. под названием «Писатели мира», опубликованное в эмигрантских газетах. С ноября 1927 г. вместе с нелегалом Д.А. Акимовым пыталась создать группу сторонников демократизации в России. 6 июня 1928 г. вместе с Д.А. Акимовым, А.В. Коротковым и З.С. Будницкой провела собрание, на котором обсуждались программные документы I съезда КР-ТКП.

Арестована в Ленинграде 14 июля 1928 г. На допросе заявила: «Полагаю, что существующая власть требует реформ». «Отправлена в Москву в СО ОГПУ. Содержалась во Внутренней тюрьме ОГПУ. 10 апреля 1929 года Коллегия ОГПУ приняла решение по ст. 58-4, 58–10 и 58–11 Воленс Нину Васильевну «заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ сроком на десять лет»¹.

Отбывала срок в Ярославском политизоляторе. Первый год находилась в одиночном заключении. Вывозилась в Москву и содержалась в Бутырской тюрьме с 20 июля по 21 октября 1930 г. По приказу зампреда ОГПУ Мессинга возвращена в Ярославскую тюрьму. Регулярно заявляла протесты. Неоднократно объявляла голодовки. Требовала соблюдения прав заключенных. Была организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох». По мнению сотрудников ОГПУ «занималась контрреволюционной пропагандой». Приговорена 3 сентября тройкой Ярославского УНКВД к расстрелу. Казнена 4 сентября 1937. Реабилитирована 2 декабря 1997 г.

ГОЛЬДШТЕЙН (КРИГ) Александр Алексеевич (5.10. 1894 нем. колония. Ягодная поляна. Саратовской губ. – после 1945). Отец – приказчик. Окончил в 1911 ср. реальн. училище в г.Петровске Саратовской губ. В 1911–1912 раб. в отд. Русско-Азиатского банка в г. Петровск и в 1912–1914 г. в Саратовском отделении Петроградского Международного банка конторщиком-счетоводом.

Лидер «Крестьянской России»
Сергей Семёнович Маслов.
Середина 20-х гг.

С.С. Маслов. Прага, 1921 г.

Жена С.С. Маслова Екатерина Маслова
(Головинская). 1921 г.

С.С. Маслов. 1923 г.
(вид на жительство во Франции)

Участники и гости I Заграничного Съезда «Крестьянской России». Прага, декабрь 1927 г.

С т о я т: А.В. Введенский (Брно), Н.А. Антипов (Прага), Леонтьев (Прага), Б.В.Евланов (Латвия), К.Г.Булгаков (Белград), С.В. Ликандер (не член съезда), Б.В. Седаков (Ужгород), неизвестный, Г.Е. Флорнапский (Прага), неизвестный, Я.Ф. Кастырко (Брно), Д.П. Никитин (не член съезда). С и д я т: Н.В. Быстров (Прага), А.А. Восводин (Прага), Г.И. Царик (Белград), А.А. Рышкин (Прага), В.В. Португалов (Варшава), Н.В. Малолетков (Париж), С.С. Маслов (ЦБ «Крестьянской России»), П.А. Богданов (Эстония, Таллинн), А.Л. Бем (ЦБ), А.А. Аргунов (ЦБ), Ф.И. Колесов (ЦБ, кооптированный член).

Участники и гости II съезда КР-ТКП в Праге 2–6 июля 1932 г.

1 - й ряд снизу: М.В. Личаченко, В.Ф. Бутенко, С.С. Маслов, А.А. Аргунов, А.Л. Бем, Н.А. Антинов.

2 - й ряд: Б.В. Евлапов (Рига), С.И.Трофимов (Рига), Б.В. Седаков (Ужгород), С. Баробин, Е. Стахровский, Л.И. Секавила (Вена), М.Ф. Ковалев, Д.Н. Иванцов, Г.В. Назимов (Эстония), В.Н. Челищев, И.П. Верещагин, М. Чернышевич, А.И. Федоров, К.И. Храевич, Г.П. Грачев (Харбин), В.Е. Татарипов (Берлин).

3 - й ряд: А.Г.Лурьи, Г.И. Царик (Белград), Г.П.Поднебесный (Эстония), Н.М. Яковенко (Белград), В.Н.Михайлов, Е.И.Оссовский.

Варшавская группа партии «Крестьянская Россия» в августе 1929 г.
Сидят, слева направо: А.П.Вельмин, В.В.Португалов, Н.А.Племянников.
Стоят: А.А.Вакар, Г.Г.Соколов, А.В.Игнатьюк.

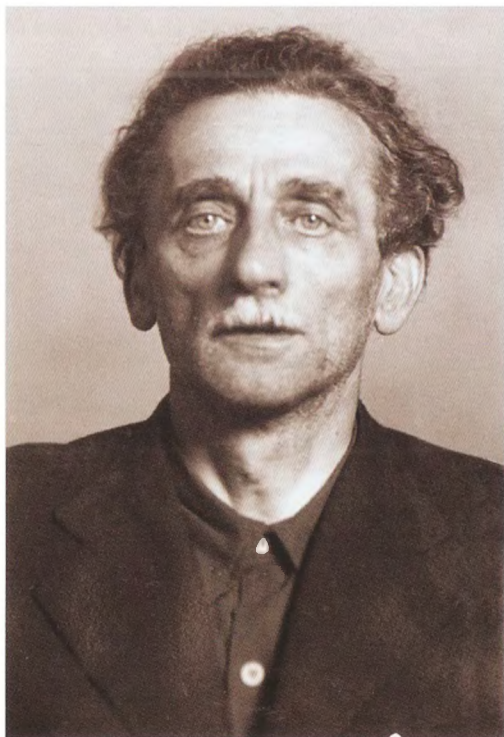

В.В. Бранд

Д.В. Философов

Б.В. Седаков. 1930-е гг.

Б.В. Седаков на Лубянке. 1945 г.

С.С. Маслов с женой Ией Масловой (Андрукевич). Декабрь 1934 г.

С.С. Маслов, Н. Архипов (?), Ия Маслова (Андрукевич),
член ЦИК КР-ТКП о. Всеволод Коломацкий.

С.С. Маслов. Сентябрь 1943 г.

С.С. Маслов с женой и дочерьми Татьяной и Натальей,
член КР-ТКП В.Н. Михайлов с женой и сыном.

Б.А. Евреинов. 1920-е гг.

Б.А. Евреинов. 1933 г.

В.Ф. Бутенко – член ЦИК КР-ТКП.
1930-е гг.

А.П. Вельмин – лидер группы КР-ТКП
в Варшаве. 1930–1931 гг.

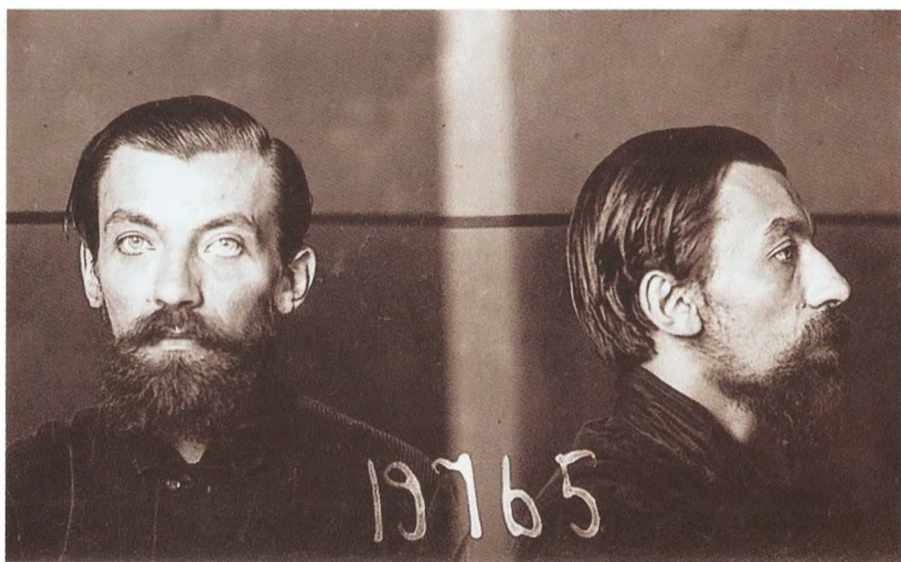
Б.Ф. Соколов – член ЦК КР-ТКП
в 1928–1930 гг.

Е.М. Аганов – лидер группы КР-ТКП
на Дальнем Востоке (Харбин)
в 1935–1939 гг.

А.В. Коротков

Д.А. Акимов. 1928 г.

З.С. Будницкая. 1928 г.

Н.В. Воленс. 1928 г.

А.А. Потехин.

Д.Ф. Потто.

Агент ОГПУ Н.А. Бояров-Мосевич.
1926 г.

Агент РДО Д.К. Капацинский
в 50-е гг.

Н.С. Ирманов во время
1 мировой войны.

Н.С. Ирманов – студент философского
факультета Карлова университета. 1934 г.

Николай Сергеевич Ирманов.
Прага, 1920 г.

Н.С. Ирманов с сыном Вячеславом
перед выездом в СССР 27 марта 1938 г.

Егор (Георгий) Александрович
Малахов. 1930-е гг.

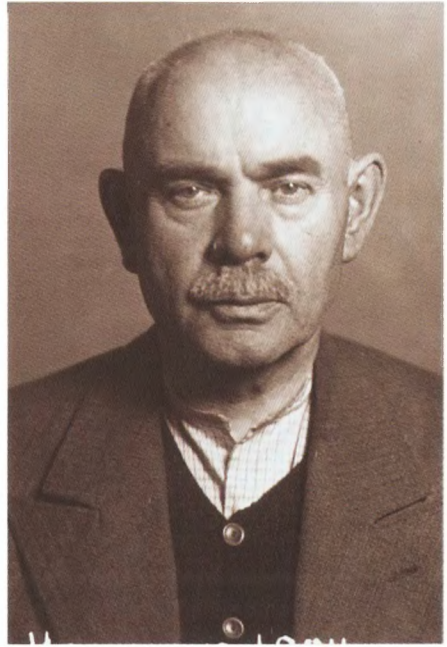
Агент ОГПУ А.Р. Ильин и член КР-
ТКП Г.А. Малахов. Эстония. Печоры.
1930 г.

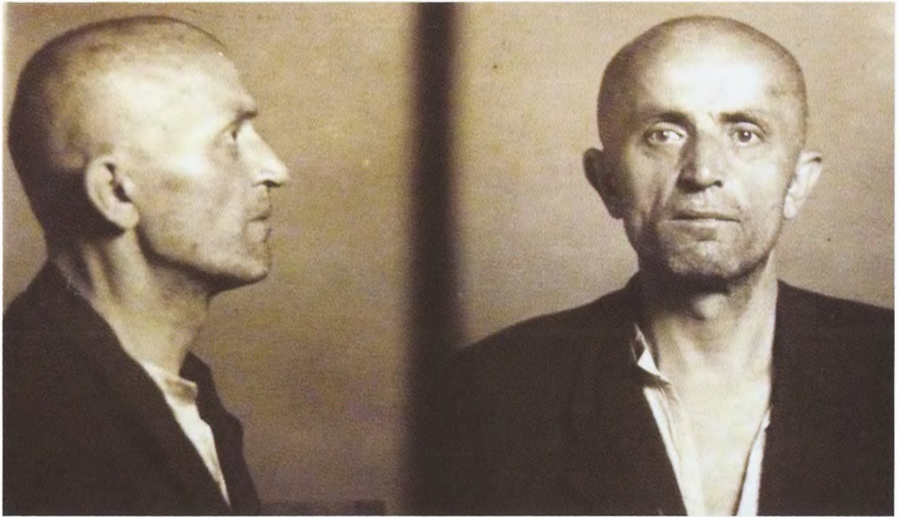
Г.А. Малахов с отцом А.Е.Малаховым и матерью
Е.А. Малаховой и сыном Алешей. Македония, конец 30-х гг.

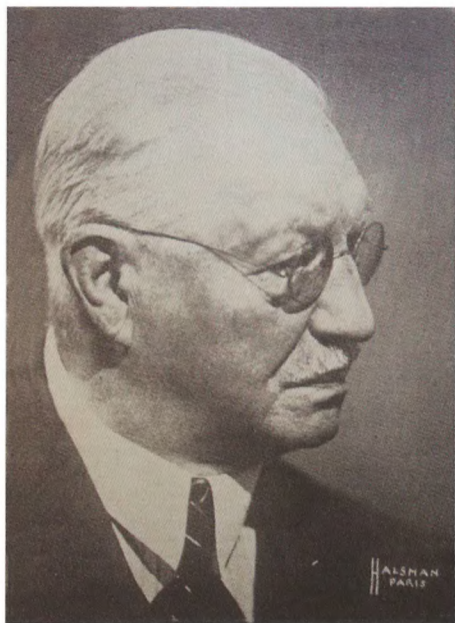
Н.В. Быстров в тюрьме.
1945 г.

А.И. Овсянников на Лубянке.
1945 г.

Петр Носаль. 1945 г.

П.Н. Милуков. Портрет к 80-летию.

С.П. Мельгунов. 1920-е гг.

Е.К. Брешко-Брешковская и А.Ф. Керенский.

Призван в 1914 г. в армию. Служил с янв. 1915 в Зап. бат. Лейб- гвардии Кексгольмского полка в Петрограде. В авг. 1915 г. окончил Первую Петроградскую школу прапорщиков. С 1915 командовал ротой 178 Венденского полка. С февраля 1917 – командир батальона 745 Ново-Александровского полка. На австро-германском фронте до августа 1917. Капитан. Награжден орденами Св. Анны 4 ст. и св. Станислава 3 ст. мечами и бантом. Ранен в голову и дважды контужен.

В окт. – дек. 1917 г. в Златоусте в зап. батальоне. В янв. 1918 бежал в Благовещенск. В февр. участвовал в боях с красными. Участвовал в подпольной офицерской организации. Попал в плен. В марте-апр. 1918 находился в тюрьме. В мае-сентябре 1918 скрывался в тайге в р-не Амгунь – Корби – Николаевск на Амуре. В окт. вернулся в Благовещенск и вступил в Белую армию. В 1919 и до февр. 1920 служил в Благовещенске в 1-м Амурском и в Хабаровске – в 35-м Сибирском стрелковом полку. Командир батальона. В феврале 1920 бежал от красных из Хабаровска через Харбин в Забайкалье. В июне вступил в части в Белой армии. С авг. 1920 – в Приморье в офиц. организации. В 1921–22 служил в войсках Приморского правительства. Командир офиц. роты. В 1922 уч. в наступлении на Хабаровск. Эвак. из Владивостока через Гензан в Китай в нояб. 1922 г. В 1923–25 г. в Харбине на случайных работах. С февраля 1925- по март 1935 работал конторщиком в управлении КВЖД.

Вступил в организацию «Крестьянская Россия» в 1927 г. Полит. деятельностью занимался под псевдонимом Криг. Член Русского общественного комитета в Харбине в 1932 г. В июле 1932 на II съезде КР-ТКП в Праге заочно избран членом ЦК КР-ТКП. Выступал в поддержку областнического движения на Дальнем Востоке. Вышел из партии в ноябре 1934 вместе с Г.Грачевым.

С марта 1935 раб. бухгалтером в Харбинском управлении государственных железных дорог Манчжурии (Мантеу). В 1939 г. окончил курсы при железнодорожном институте Харбина. В 1944 г. повышен в категории. Дальнейшая судьба неизвестна.

ГРАЧЕВ Герасим Павлович (17) 3.1888, дер. Александровка Козловского у. Тамбовской губ. – после 1946, СССР), Крестьянин. Окончил церк.-приходскую школу в 1898. С 1905 работал в орг-ции ПСР г. Козлов, с. Кочетовка и Никольское. В 1906 организатор крест. восстания. Чл. Всерос. Крест. Союза с 1906. Арестован в 1906, осужден осенью 1907 вместе с др. членами орг-ции Тамбовского к-та ПСР. Приговорен к 6 г. каторги. Срок был снижен на 2 г. ввиду несовершеннолетия. Из Тамбовской тюрьмы переведен в Александровский централ, оттуда сослан на поселение в Балаганский у. Иркутской губ.. Затем жил в с. Голуметь Черемховского у. Окончил курсы земской бухгалтерии и хозяйствования в пос. Черемхово. Участвовал в работе орг-ций ПСР в Сибири. В 1912–20 принимал участие в деятельности сел. кооперации Иркутской губ.

В 1917 Крест. съездом избран канд. в члены Учредит. собрания. В 1917–1919 пред. Черемховской уездной земской управы и гласный Иркутского губ. земства. В 1918 арестован, 3 мес. находился в заключении в Иркутской тюрьме. Освобожден белоповстанцами. В 1918 предст. Иркутского губ. земства на Съезде земств и городов Сибири в Томске. Принимал участие в организации Союза Земств и Городов Сибири (Сибземгор). Участвовал в боях против красных в составе Черемховского земского батальона в 1918–19. После бегства из Иркутской губ – чл. управы Никольско-Уссурийского земства, зав. с.-х. отделом. В 1921 избран чл. Приамурского нар. собрания (краевой парламент) от Суйфунского р-на Приморской обл. по списку Демокр. союза. В кон. 1921 чл. През. Нар. собрания; состоял в этой должности до роспуска Нар. собрания 10.6.1922.

В сент. 1922 с отрядом ген. А.Н. Пепеляева и правого с.-р. П.А.Куликовского выехал в Якутию на помощь белоповстанцам. 27.9.1927 прибыл в Аян. Участвовал в походе на Нелькан 1–19.11.1922. В дек. 1922 – в Усть-Миля, затем участвовал во взятии пос. Амга. После отступления в Нелькан был отправлен 20.4.1922 в Охотск. Прибыл на побережье в нач. июня, уже после взятия пос. Охотск красной экспедицией С.С. Востоцова из Владивостока. Скрылся на р. Гунчи у япон. рыбаков. После капитуляции отряда Пепеляева вместе уцелевшими повстанцами уплыл с рыбаками в Японию, в Хакодате. Воспоминания «Якутский поход ген. Пепеляева» – один из немногих источников о Якут. экспедиции, частично использованный в работе И.И. Серебренникова «Великий отход». 15.10.1923 приехал в Манчжурию, в Харбин. Служил на табачной ф-ке, в чайной фирме Гордеева-Гурченко (до 1924), на чайной ф-ке Густова, техником на КВЖД, в 1925–28 заведовал двором на Сунгарийской мельнице. С 1928 торговал бижутерией.

В 1926 присоединился к «Крестьянской России». Создал Дальневост. группу «Крестьянской России» в Харбине. Группа, как сообщал «Информационный бюллетень «КР»» в Праге, рассчитывала на возможность «широко повести работу, ввиду гл. обр. близости рус. границы и наличия прочных связей в Сибири». В 1927 в группе Г. в Харбине состояло 9 чел. Было подписано соглашение с сиб. федералистами-областниками о совм. борьбе с большевиками и принципах устройства России. Осенью 1927 Г. поддержал созыв 1-го съезда Трудовой крест. партии «Крестьянская Россия», предложив свой проект программы. Указывал, что «религия должна занять должное место» в программе: «религия независимая, не та, что была холопом у власти самодержавной, есть и будет сдерживающей силой против разложения челоуеч. нравственности».

Группа Г. издала в 1927 две листовки и наладила связи с подпольными антибольшевиств. орг-циями в Приморье, Приамурье, Вост. Сибири. Одна из них была разоблачена ОГПУ в 1928 в Ольгинском р-не.

В Харбине в 1928–34 Г. состоял на платной должности пред. Дальневост. к-та (ДВК) КР-ТКП., издавал журналы «Крестьянская Россия», «Всходы», затем, до 1934, журнал «Русский пахарь» (печатался в Шанхае). К-т активно работал среди служащих КВЖД, организовывал заброску агентов ДВК на терр. СССР. В 1929, во время кит.-сов. конфликта, был предст. Харбинской инициативной группы по оказанию помощи беженцам Трёхречья и Зап. полосы КВЖД. Существовавшие здесь с 1918 процветавшие деревни беженцев подверглись нападению Кр. Армии. В 1929–31 организовывал сбор средств для пострадавших, и вел кампанию по переселению крестьян-беженцев в США и Канаду. В 1930 Г. организовал встречу на Харбинском вокзале предст. Социнтерна Ж. Вандервельде делегацией крестьян-беженцев из Сов. России. Вандервельде была вручена резолюция с протестом против репрессий в отношении рус. крестьян.

В 1932 дин из инициаторов создания и чл. Врем. к-та Рус. демокр. объединения в Харбине и проводившего Крест.-казачьего объединения. В мае 1932 как пред. ДВК совершил поездку из Харбина в Европу. Чудом спасся при пожаре парохода «Жорж Филиппар» в Красном море. В мае – июне 1932 находился в Париже. Участник 2-го съезда КР-ТКП в Праге 2–6.7.1932. Выступил с приветствием от имени ДВК, сообщил о начале издания в Шанхае еженед. газ. «Голос». Подчеркнул, что партия на Д. Востоке понесла в своей борьбе «жертвы, не оставшиеся неотомщенными». Говорил том, что на терр. СССР в 1931 г. ДВК был проведен «кавалерийский рейд». Подчеркивал, что проводил «линию полного невмешательства в японо-кит. отношения». На съезде избран чл. Совета КР-ТКП. Выступал с публ. докладом о положении рус. эмиграции в

Китае в сент. 1932, Праге и Моравской Острове, 6.10.1932 – в Брно. Опубликовал брошюру «Хозяйственная свобода крестьянина».

Уехал из Праги в сер. окт. 1932, вернулся в Китай в дек. 1932. Уполномоченный президиума рус. демокр. объединения в Харбине по помощи жертвам наводнения. В 1933–34 Г. продолжал практику заброски агентуры в СССР. В конфликте 1933–34 в руководстве КР-ТКП выступал против изменения курса партии, ставки С.С. Маслова на антибольшевиств. переворот с опорой на армию и гор. население. В нач. 1934 от имени ДВК Г. заключил соглашение с сиб. областниками и казачьими группами о совм. действиях, считая, что оккупация части сов. терр. Японией, будет полезна для победы над большевиств. диктатурой. Решением Совета КР-ТКП был исключен из партии. В 1934 выпустил последний, 10-й, номер журнала «Рус. пахарь».

В 1935 отошел от активной политики, занимался земледелием. Жил в концессии Кондо, пос. Кондовка (др. назв. – ст. Яблоня) в Манчжурии. Староста, чл. церк.-приходского совета поселка. В 1937 Г. служил на ст. Яблоня десятником на лесной концессии. С сент. 1938 – в Харбине. В 1939 переехал на ст. Ашихе (Ашехэ). В 30-е гг. находился под наблюдением сов. спецслужб.

В февр. 1939 выступил в Центр. рус. клубе Харбина с докладом «Итоги советского сельского хозяйства к 1939 году и жизнь крестьянина под игом коммунизма». По материалам доклада в мае 1939 в изд-ве Всерос. фашистской партии «Наш путь» (Харбин) вышла кн. Грачева «Советское сельское хозяйство и российский крестьянин». Свои полит. взгляды в кон. 30-х гг. определял так: «Демократ-народник».

К моменту ареста осенью 1945 Г. жил на ст. Ашехэ, работал сторожем на местном сахарном з-де. Формально арест был оформлен 26.9.1946 Отд. контрразведки МГБ Уральского ВО. По решению ОСО МГБ СССР в 1946 заключен в концлагерь на 25 лет. Дальнейшая судьба неизвестна.

ЕВРЕЙНОВ Борис Алексеевич (21.11.1888 с. Боршень Суджанского уезда Курской губ. – 29.10. 1933 Прага)

Родился в старой дворянской семье. Отец Алексей Владимирович – предв. дворянства умер в 1903. Мать – Нина Васильевна Сабашникова. Весной 1907 г. окончил Санкт-Петербургскую 3-ю классическую гимназии. Осенью 1907 поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Участвовал в семинарах: пр.-доц. М.А.Полиевктова проф. Н.В.Ястребова, проф. Э.Д.Гримма и проф. Д.В.Айпалова.

Окончил курс университета весной 1911 г. Поступил в качестве вольноопред. в Лейб-гвардии кирасирский Ея Величества полк. Осенью 1912 г. произведен в прапорщики. Уволен в запас армейской кавалерии. Весной 1913 г. в гос. испытат. комиссии при Санкт-Петербургском университете выдержал гос. экзамен. Получил диплом 1 степени. Предоставил дипл. соч.: «Преобразовательный план М.М. Сперанского 1809 года».

С осени 1913 по 1917 г – мировой судья 4 участка Львовского судебно-мирового округа Курской губ. В 1917 году комиссар Временного правительства в Суджанском уезде. Член Партии народной свободы (кадетов).

В 1918 выехал с семьей в Киев. С июня 1918 до февраля 1919 г. – секретарь ученого комитета при министерстве исповеданий Украины в Киеве. В 1919 г. вступил в Добровольческую Армию. Корнет 17-го гусарского Черниговского полка. Участвовал в боях в Харьковской и Екатеринославской губ. Тяжело ранен при взятии Ростова на Дону 8 февраля 1920 г. Эвакуирован из Новороссийска в Салоники.

Через Югославию переехал в конце 1920 г. в Польшу. С декабря 1920 г. до февраля 1921 г. – нач. канцелярии упр. интернированных русских войск. В 1921 – предс. Культ.-просв. комиссии и управ. делами Русского комитета в Варшаве. В 1922 – управ. делами и член Правления Русского Попечительского комитета в Польше. Член группы ПНС в Польше. Один из создателей объединения «Таверна поэтов» в Варшаве. В 1921–1923 – предст. «Центра Действия» в Польше, орг. доставку в Россию журнала «Новь». В августе 1921 г. нелегально переправил в Польшу жену – Наталью Сергеевну Евреינוву (Жекулину) и троих детей.

С весны 1923 г. – в Праге. По предст. проф. А.А.Кизеветтера зачислен в члены Русской учебной коллегии в Праге по III категории – оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию. Получил стипендию от прав. Чехословакии для подг. к магистерским экзаменам по кафедре русской истории. Член Союза русск. Писателей и журналистов в Чехословакии. Один из основателей в 1925 Русского Исторического общества в Праге. Секретарь РИО.

Летом 1923 г. вступил в переговоры с С.С. Масловым и П.Н. Милюковым о передаче «линии связи» с Россией Респ.-Дем. союзу (РДС). В ноябре 1923 года избран тов. председателя Пражской демократической группы Партии народной свободы. Участник съезда РДС 25–26 декабря 1923 г. в Праге.

В начале 1924 г.в Польше вел переговоры с Польским генштабом о переброске в Советскую Россию литературы РДС. Участвовал в заседаниях бюро Совета РДС в Праге 1925–1928 гг. Участвовал в 1925–1926 г. в создании в Варшаве еженед. «Родное Слово». Один из создателей 5 декабря 1927 конспиративной организации «Опус». Член Руководящего комитета «Опус» в декабре 1927 – июне 1929 гг. Член Респ.-Демокр. Объед. (РДО).

В 1927 выдержал магистерские испытания при Русской Академической группе в Чехословакии. Выступал в 1927 г.с докл. на варшавской конференции историков Восточной Европы и славянского мира. В 1928 – получил звание приват-доцента по кафедре русской истории. Работал в архивах МВД в Праге, в пражском полицейском и пражском городском, кн. Шварценберг в Тржебовии и Чешском Крумлове, в архивах Черниных в Инджиховом Градце. Автор исследований о русско-чешских отношениях в XIX в. С 1929 – член Славянского ин-та в Праге, секр. Русской академической группы в Чехословакии. Ред. сб. к юбилею П.Н. Милюкова (1929). Член Совета и Ученой комиссии Русского заграничного архива. Выступал на V съезде Русских акад. орг. в Софии в 1930 с докладом «Война за освобождение балканских славян (1877-78) и русское об-во». В 1932 основал в Праге Русское Музыкальное об-во. Поэт. Изд. «Книга Стихов». М.1997.

В июне 1929 из-за конфликта П.Н. Милюкова с КР-ТКП вышел из состава «Опус». Пытался в 1929–30 вести самост. работу в СССР от РДО с помощью Н.А. Боярова-Мосевича (агент ОГПУ). До конца 1931 переправлял лит. РДО в СССР. Пытался наладить контакты РДО и Антикоммунистической лиги (Лиги Обера). С 1933 – диктор чехосл. радиовещания на СССР, соредaktor проф. Я.Славика при подготовке русских передач.

Умер 29.10.1933 в Праге в Виноградской больнице от приступа (уремии) острой почечной недостаточности. Похоронен на Ольшанском кладбище. П.Н. Милюков считал: «В Б.А. Евреинове мы потеряли молодую силу, которая обещала, если бы обстоятельства сложились более благоприятно, развернуться в первоклассного исследователя». Сын: Алексей Бор. Евреинов (апрель 1919, Киев –. 2.01.2011, Брюссель): автор мемуаров: «Между двумя эмиграциями». Торонто-СПБ. 2005 г.

ИВАНЦОВ Дмитрий Николаевич (20.05.1886, Москва – 13.12.1973, Нью-Йорк, США). Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та, оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1915 сдал магистерский экзамен и получил должность приват-доцента по кафедре полит. экономии и статистики. С 1916 проф. Харьковского ин-та сел. х-ва и лесоводства. С 1919 проф. Екатеринодарского политехн. ин-та. Эмигрировал в 1920. Проф. Рус. коммерч. ин-та в Белграде. В 1923–30 проф. Рус. ин-та с.-х. кооперации в Праге. С 1924 сотрудничал с Республ.-демокр. союзом и группой, затем – с партией «Крестьянская Россия». С 1929 чл. КР-ТКП. Автор кн. «Что такое советский колхоз» (1931). В 1932 коопт. в состав ЦК КР-ТКП. На 2-м съезде партии избран в состав ЦК. В конфликте с С.С. Масловым поддерживал группу А.А. Аргунова – А.Л. Бема. Вышел из ЦК в 1933, из партии – в марте 1934.

В 1930–42 проф. Рус. свободного ун-та (PCY) в Праге. Руководил с 1938 семинаром «Новое в экономической жизни». Секр. През. Совета преподавателей PCY. В 1942–45 чл. Рус. ученой академии (Wissenschaftliche Russische Akademie) в Праге. Читал лекции: «Хоз. политика герм. национал-социализма», «Осн. вопросы хоз. переустройства России». В 1942 опубликовал работу «Корни рабочего движения» в сер. «Ба-ка Рос. нац. и соц. движения». В 1945 выехал из Праги в Германию. В 1946–47 проф. ун-та UNRRA в Мюнхене. С 1948 – в США. Лектор Фордамского и Колумбийского ун-тов. С 1955 в отставке. Участвовал во вкладке в газ. «Новое рус. слово» «Своими путями» и в сб. «Крестьянская Россия» (Нью-Йорк, 1953). Как бывший член ЦК КР-ТКП вошел в руководство Нью-Йоркской группы КР. Печатался в «Новом журнале». Чл. Русской Академической группы. Автор св. 80 работ в области экономики.

КАЗАКОВ Владимир Васильевич (1900, г. Сердобск Саратовской губ. (ныне Пенз. обл.) – 1.10.1952, Москва), Из семьи рабочего. В 1901 семья К. переехала в Манчжурию. К. участвовал в Гражд. войне на стороне белых, в войсках атамана Г.М. Семёнова. В 1928 вступил в группу КР-ТКП в Харбине. В 1929–30 участвовал в попытках проникнуть в СССР. Побывал в Иркутске; вернулся один: остальные члены группы были арестованы. Главой Дальневост. к-та КР-ТКП в Харбине Г.П. Грачевым заподозрен в работе на ОГПУ. Отстранен от конспиративной работы. В 1932 находился в Москве. В кон. 1932 прибыл в Прагу. По письму Грачева обвинен группой А.Л. Бема и А.А. Аргунова в связях с ОГПУ СССР, дело было передано в парт. суд. По сообщению самого К. – реабилитирован. В конфликте внутри партии занимал сторону С.С. Маслова.

В 1934 вернулся из Европы в Шанхай. В 1934–37 возглавлял одну из групп КР-ТКП в Шанхае (сторонников Маслова). Находился с перепиской с группой КР-ТКП в Харбине (письма хранятся в Госархиве Хабаровского края). Выступал за «третий путь» КР-ТКП – между «пораженчеством» и «оборончеством»: «борьбу с режимом своими силами». Публично обвинен в 1937 в харбинской прессе быв. членами КР-ТКП в сотрудничестве с ОГПУ. Опровергал эти обвинения в открытом письме для газ. «Наш путь» лидеру Рус. фашистской партии К.В. Родзевскому. Информации К. о политической ситуации в Китае передавались в 1935–36 г. В.Ф. Бутенко резиденту английской, румынской и польской военной разведки В.Богомольцу.

В Шанхае в конце 30-х гг. состоял на службе в японской военной миссии. При неизв. обстоятельствах вернулся в СССР. Арестован 5.5.1952 органами МГБ СССР в Читинской обл. «за вражескую работу против Сов. Союза». Осужден ВКВС СССР 4.9.1952 по ст. 58–1«а» и 58-6, ч. 1 УК РСФСР к расстрелу; приговор приведен в исполнение. Захоронен на Донском кладб. в Москве. Реабилитирован Гл. воен. прокуратурой Ген. прокуратуры РФ 7.12.1999.

КАРПИК Григорий Петрович (1898 Витебская губ. – после 1954), чл. «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии. Из семьи арендатора земель. Получил высшее образование. Эмигрант с 1920, чеш. подданства не принимал. В 1932 чл. правления Праж. орг-ции КР-ТКП. Арестован Отд. контрразведки «Смерш» в 1945. Приговорен к 10 г. ИТЛ. В 1954 получил отказ в пересмотре дела. Дальнейшая судьба неизвестна.

КОВАЛЕВ Михаил Федорович, (ст. Нагаевская 1888 – после 1953). Инженер, бизнесмен. В нач. 30-х гг. – представитель французской парфюмерной фирмы «Коти» в Праге. Вступил в Крестьянскую Россию в 1930 г. Сделал крупный денежный взнос. На собр. 8.11.1930 г. поддержал активистский курс ЦК КР-ТКП. 13.02.1930 г. в Праге, 23.04 в Брно и 25.05.1931 в Страхоницах выступал с докладом «Задачи эмиграции»: «Крестьянское движение активизирует город, а потому в это движение надо идти, в нем участвовать, его поддерживать, а не бороться против него. Движение, вызываемое иногда просто отчаянием, может и должно быть переведено на рельсы государственные, и тем самым приобрести национальный пафос. Это дело политической эмиграции».

В Праге 3 и 14.07.1931 обсужд. доклад «Грядущая война и наша тактика в связи с ней», в котором он предложил тактику «вооруженного внутреннего революционного движения», «подразумеваемая под ним поднятие военного и народного восстаний с образованием внутреннего фронта при неприкосновенности внешнего боевого фронта».

Член редколлегии «Вестника Крестьянской России» в 1931–33 гг. Летом 1931 г. участвовал в ревизии и попытке санации издательства газеты «Руль» в Берлине. Избран членом ЦК на II съезде КР-ТКП в июле 1932 г. С апреля 1933 – член Общего Собрания Совета партии. В апреле 1934 вышел из КР-ТКП 1934. В.Ф. Бутенко называл Ковалева «одним из увлечений» С.С. Маслова о котором тот жалел, т.к. он сыграл самую активную роль в расколе партии.

Член Демократического клуба в Праге в 1935–36. 23 ноября 1935 г. выступал с докладом «Эра войн или революций». Отмечал заинтересованность Сталина в том, чтобы мировая война началась без СССР, в расчете на то, что «война без России вызовет европейскую революцию».

С помощью профсоюза русских инженеров и техников в протекторате Чехия и Моравия издал в 1943 г брошюры «Новая аграрная программа» и «К новой аграрной политике». Предлагал исходить из необходимости в первую очередь правильно устроить на земле «сильных, способных, творчески активных в труде», выступал за передачу всей земли без выкупа крестьянам, за неограниченные права частной собственности на землю, отстаивал активное освоение Севера.

Эвакуировался в 1945 в Западную Германию. До начала 50-х гг. в лагерях Ди-Пи в Германии. В 1948 в сборнике «Российский демократ» выступил со статьей «К борьбе за свободу России», где сделал вывод: «Не только национальные интересы России, но и интересы всего мира настоятельно требуют распределения свободно-творческих сил русского народа и скорейшей ликвидации коммунистического режима в России. Только после этого мир сможет вступить в длительную фазу успокоения, хозяйственного подъема и небывалого еще в истории всеобщего расцвета». Принимал участие в деятельности Лиги борьбы за народную свободу.

КОЛОМАЦКИЙ Всеволод Владимирович (в монашестве – Андрей) (8.2.1896, с. Саражинцы Бердичевского у. Киевской губ. – 13.2.1980, Румбурк, Чехословкия), офицер Белой армии, архимандрит, церк. деятель, иконописец. Из бедной, набожной

семьи. Отец – Владимир Севастьянович – псаломщик, мать – Серафима Ивановна, урожд. Богородицкая. Окончил Киево-Подольское духовное уч-ще, затем учился в Киевской духовной семинарии. На последнем курсе семинарии, в авг. 1914, вступил добровольцем в Старую (Чешскую) дружину. Награжден Георгиевской медалью и Георгиевским крестом 3-й и 4-й степ. 1.1.1916 окончил Киевское воен. уч-ще. Летом 1916 подпоручик, ком. команды разведчиков 127-го Путивльского полка. В Добровольч. армии и ВСЮР с 1.1.1918 в 1-м офицерском батальоне; поручик. Участник 1-го («Ледяного») и 2-го Кубанских походов в Офицерском полку. Ранен 4.3.1918 под станицей Кореновской, но остался в строю, 9.3.1918 ранен под Филипповскими хуторами, тяжело ранен 13.10.1918 под Армавиром. В окт. 1918–июле 1919 в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР – нач. команды пеших разведчиков в Марковских частях. С 30.9.1919 штабс-капитан, с 21.10.1920 до эвакуации Крыма – ком. 1-го Марковского полка. На 18.12.1920 числился в составе Марковского полка в Галлиполи. Участвовал в неудачной попытке В.В.Шульгина из Варны (Болгария) 30.08–9.09. 1921 г. на шхуне вывезти из Крыма сына Шульгина и кн.Оболенскую.

В 1921 через Румынию с чеш. военными переехал в Чехословакию. Как стародружинник получил чехосл. гражданство. В 1922–23 учился в воен. уч-ще в г. Кошице. Штабс-капитан Чехосл. армии. Направлен на воен. службу в Подкарпатскую Русь (Закарпатье). В 1923 завершил богословское образование. С 1.1.1924 уволен по собств. желанию с воен. службы. 14.1.1924 епископом Мукачевским Вениамином (Федченко) рукоположен в дьяконы, а 15 янв. – во священники. Служил в Подкарпатской Руси, в р-не Мукачева, с 1926 – в с. Русское. Построил церкви в селах Русское, Ракошино, Черленево, Барбово, Старое Давыдково и Малый Дарбыков. В 1926 возведен в сан протоиерея. Основал Спасо-Преображенский (с. Теребля) и Свято-Успенский (с. Домброки) монастыри. В 1928 – офиц. ред. журнала «Православная Карпатская Русь» (с 1935 – «Православная Русь»). В 1929–31 руководил в Ужгороде стр-вом храма-памятника (по собств. проекту) рус. солдатам, погибшим в 1-ю мировую войну; собор заложен 16.3.1930, освящен в 1932 как храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ужгороде. В 1933 переведен в Моравию, в г. Брно, на должность воен. священнослужителя – в юрисдикции Чеш. правосл. церкви. Построил в 1933–37 6 храмов в Моравии и 3 – в Закарпатье. В 1937–38 построил и расписал храм в г. Оломоуце.

Придерживался антикоммунистич. убеждений. Участвовал в работе «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии с нач. 30-х гг. На Совете партии в 1933 избран чл. ЦИК КР-ТКП (под псевд. «Владимиров»). Служил в помещении КР-ТКП панихиды по жертвам большевист. режима. На следствии Б.В. Седаков сообщал, что «Коломацкий Всеволод Владимирович <...> в 1933 году, находясь в Праге, вступил в члены «Трудовой крестьянской партии» и в этом же году был введен в состав ЦИК'а «ТКП». Однако никакой работы в партии не проводил, в Праге бывал наездами, и за весь период пребывания в партии (с 1933 по 1939 г.г.) всего раза три был на заседаниях ЦИК'а». В 1937–39 – чл. программной комиссии КР-ТКП.

В 1939–40 строил храм св. Вячеслава и Людмилы в Тршебиче. После запрета нацистами Чеш. правосл. церкви 28.9.1942 арестован. Депортирован из Праги на принудит. работы в Бреслау (Вроцлав). Возвращен в Прагу по болезни. Рабочий на сахарной ф-ке. В 1943–45 художник на киност. «Афита». Тайно в 1943–45 проводил на квартирах богослужения. Участник Праж. восстания в мае 1945.

30.11.1945 постригся в Ладомирове в монахи под именем Андрей; игумен. В 1945 упр. делами Чешско-Моравской епархии. В 1946 иерей Успенского храма в Праге на Ольшанском кладб. С 1948 преподаватель и духовный наставник семинарии в Карло-

вых Варах. С 1949 архимандрит. В 1950 преподавал на Правосл. богосл. ф-те в Прешове. В 1947–49 построил храм Св. Духа в Медзидаборцах, в 1950 – собор Александра Невского в Пряшове, неск. церквей в Вост. Словакии. В 1950 принимал участие в акции по ликвидации униатской церкви в Чехословакии. Отстранен от всех должностей в 1951. Переведен в Праж. епархию и назначен настоятелем прихода в Северочешском крае (Судеты), в г. Ческа-Липа, а с 1957 – в г. Румбурк.

В 1958 дал подписку о сотрудничестве с Чехосл. органами госбезопасности (СТВ; но агентурное дело не найдено). В 1973 вместе с группой священников посетил СССР по приглашению РПЦ. По сообщению церк. старосты В. Гавринёва, в 60–70-х гг. критиковал коммунистич. идеологию. Служил в Румбруке. Расписывал иконостасы для храмов Вост. Словакии. Похоронен на румбрукском кладб.

ЛИЧАЧЕНКО Михаил Васильевич. (1896 Полтавская губ. – после 1945). Из крестьян, окончил высшее начальное училище. До Первой мировой войны занимался сельским хозяйством. Окончил Московскую школу прапорщиков. Служил на Кавказском фронте. В 1918–20 гг. – в Добровольческой армии. В эмиграции – в Чехословакии. Окончил сельскохозяйственное училище в г. Олаве. Член КР-ТКП с 1928 г. Организовал Опавскую группу КР-ТКП. Кооптирован в 1930 г. в члены ЦК. Переехал в Прагу. Избран членом ЦК КР-ТКП на II съезде КР-ТКП в 1932 г. С 1933 – член Общего собрания Совета партии. Принял чехословацкое гражданство. Служил в чехословацком министерстве земледелия. Подписал 12 марта 1934 г. вместе с А.А. Аргуновым, А.Л. Бемом, Д.Н.Иванцовым, М.Ф.Ковалевым, В.Н.Челищевым коллективное обращение в защиту Г.П.Грачева и в поддержку соглашения между Дальневосточным Комитетом КР-ТКП этой партии, Крестьянско-Казачьим Объединением и Дальневосточной группой сибиряков-областников: «. Вопреки заявлению Центр. Исп.Комитета, будто это соглашение противоречит «охране государственной целостности и единства России», оно на самом деле преследует борьбу с сибирским сепаратизмом. <...> Дальневосточный комитет партии открыто провозгласил, что «Сибирь была и должна быть в составе России». содержащиеся в постановлении Центр. Исп.комитета призыв к членам Д.Вост. организации вступить в непосредственную связь с Центр.Исп.Ком. является попыткой внести в ряды Д.В.организации, стоящей на одном из самых ответственных участков, разложение, дезорганизацию, разрушить ее единство и, в конечном счете, привести ее к развалу. <...> Наконец, Центр.Исп.Ком. приятием и опубликованием в открытой печати своего постановления нанес удар причинил не только вред Партии, но нанес удар по русскому антибольшевистскому делу.»

Вышел из КР-ТКП в ноябре 1934 г. Участвовал в работе Демократического клуба в 1935–36 г. Служил в различных государственных учреждениях Чехословакии.

ЛУЧАНИНОВ Юрий Львович (1914 или 1915, Петроград – 3.3.1939, Москва) Из дворян. семьи. В 1920 вывезен родителями в Харбин. В 1931 окончил г-зию в Харбине, там же учился в Горном ин-те и год – в Ин-те ориентально-коммерч. Наук. В 1932 арестован в Харбине кит. полицией. С 1933 состоял чл. «Крестьянской России». В 1936 жил в г. Мудадзян, ком. отд-ния полиц. охраны, Нелег. посещал СССР в 1935. Контактывал с япон. разведкой. Своей матери, Л. Лучаниновой, сообщил, что уезжает в Сербию к дяде. 12.7.1936 вместе с Н.Я. Моревым (псевд. – Балод) с оружием нелег. перешел границу СССР, переправив через р. Усури груз парт. лит-ры. Задержан в Хабаровске 14.7.1936. 2.3.1939 приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания. Казнен.

МАЛАХОВ Георгий (Егор) Александрович (2 03 1905 дер. Ушаковская Шенкурского уезда Архангельской губ. – 02. 2005 Канск Красноярского края). Сын кооператора А.Е. Малахова, бежавшего в 1919 из-под ареста ВЧК в Великобританию. Учился в Шенкурском коммерч. училище. В 1919–21 – в Архангельске. После ареста матери в 1920 органами ВЧК жил с тремя братьями и сестрой – в Кеми и Архангельске. За антисоветское выступление на собрании в 1921 осужден на 3 г. концлагеря условно. Зав. библиотекой. В 1921–22 в Москве. Бежал в 1922 через Псков вместе со всей семьей в Эстонию к отцу. Выехал в 1922 Германию, с 1923 – в Чехословакии. Учился в 1923–24 в Русской гимназии в Праге. В 1925 экстерном сдал экзамены за курс обучения в Государственной реальной гимназии в Мукачеве. В 1925–28 учился в Русском ин-те сельскохозяйственной кооперации в Праге. Окончил в 1929. В 1925–28 учился в чешск. Политехн. ин-те на строительном ф-те. Не окончил. Инженер, специалист по сухой перегонке древесины. В 1929–30 работал ночным сторожем и сотрудником в Ин-те изуч. России.

В 1928 вступил в «Крестьянскую Россию». Один из лидеров молодежной организации. В июле-авг. 1930 намечался к переброске в СССР. Возвращен по решению ЦК КР-ТКП в авг. 1930 с сов.-эстонской границы. Женился на художнице М.Р.Шпис – члене берлинской группы КР-ТКП. В 1930–36 работал в Праге таксистом. Возглавлял молодежную группу КР-ТКП в Праге в Страшницах. Проводил на своей квартире собрания молодежи с участием Е.Е. Лазарева, А.Ф. Керенского и др.

В нач. 30-х разработал теорию «трудовизма», ставя во главу угла ее защиту интересов человека труда. Отрицал необходимость развития России по буржуазно-капиталистическому пути. Предлагал «трудовизм» в качестве идеологии левого социалистического крыла в КР-ТКП. В 1935 предложил теорию «конационала» – свободного взаимовыгодного сожительства и сотрудничества наций в будущей федеративной России.

В середине 1936 выехал к отцу и брату Вячеславу в Югославию. Занимался смолокурением в лесах Македонии. Отошел от политической деятельности. В 1941 возглавил кооператив крестьян-смолокуров трех сел Македонского Поречья. Участвовал в партизанском движении в 1944 г. Принял советское гражданство.

С 1945–1948 – председатель лесохимического кооператива «Химдрево». С 1949–51 – зав лесохим. лаб. НИИ Мин-ва лесов Народной Республики Македония в Скопье, 1951–54 зав лаб. Промышленного НИИ в Скопье, 1954–58 – гл. инженер строительства Лесохим. завода в Берово.

В 1958 за связь с друзьями в Болгарии и США выслан из Югославии как «нежелательный иностранец». Выехал в СССР. В адм. порядке отправлен на жительство в Канск Красноярского края. С 1958 зав тех отделом, с 1960 нач. межотраслевой лаб. Канского гидролизного з-да. Отстранен в 1962 от должности в связи с тем, что «идеологическое мировоззрение Малахова не совпадает с идеологией Коммунистической партии». Нач. отдела лаборатории до 1968.

Выступал в поддержку А.И. Солженицына. Находился под надзором КГБ. В 1983 КГБ был конфискован, и в 1987 уничтожен архив, переданный в Шенкурский краеведческий музей. После 1990 публиковался в прессе Красноярского края. Дал интервью Радио Свобода. Автор мемуаров «Записки эмигранта» (полн. текст – в 6-ке «Русское зарубежье»). Умер в феврале 2005 г. Канске.

МАЛОЛЕТЕНКОВ Николай Васильевич (21.4.1874, Москва – 13.4.1953, Гребнобль). Окончил Моск. практич. академию коммерч. наук (Моск. коммерч. уч-ще; 1892), Петровскую с.-х. академию (1905) и Берлинскую высшую с.-х. школу (Высший хоз. ин-т; 1913); канд. коммерции. В 1892–1904 служил в правлении Т-ва хим. з-дов

П.К. Ушкова и К^о в Москве. К.-д., канд. в выборщики от Партии народной свободы в 1-ю Гос. думу. После 1913 работал в кооп. союзах Моск. губ, зав. Кассой мелкого кредита. Служил на Моск. губ. с.-х. станции. Занимался исследоват. работами и практич. деятельностью в области сел. х-ва (финанс.-счетные работы). Гласный Дмитровского гор. собрания и уездного земства. После 1917 чл. Моск. обл. союза кооп. объединений. Гласный Моск. гор. думы.

В 1922 арестован и выслан за границу в составе группы ученых и техн. интеллигенции. До 1927 находился в эмиграции в Германии: работал бухгалтером и зав. торфяным з-дом. Чл. группы «Крестьянская Россия». В 1927 переехал во Францию. Во Франции работал садовником и сторожем.

Дел. 1-го съезда «Крестьянской России» – Трудовой крест. партии в Праге в дек. 1927; председательствовал на заседаниях съезда. Чл. Совета КР-ТКП. Чл. париж. группы КР-ТКП. Отошел от партии после 1932 – в связи с роспуском парижской группы по решению ЦК КР-ТКП в связи с предложением группы II съезду КР-ТКП перейти республиканской платформы на позиции непредрешенчества.

В 1941–44 учился в Свято-Сергиевском правосл. богосл. ин-те в Париже. Диякон (8.8.1943), священник (7.4.1944). Работу для канд. диплома сдал в 1945; канд. богословия. 8.6.1944–31.12.1945 наст. храма Воскресения Христова в г. Гренобль (деп. Изер, Франция) Одноврем. окормлял церк. общину св. Тихона Задонского в м. Рьюперу (Риу-Перу) близ Гренобля. В 1946 – президент Рус. правосл. культурной ассоциации в Гренобле. Участник епархиального съезда Зап.-европ. Экзархата Константинопольского Патриархата осенью 1946 в Париже. С 1.10.1946 – в юрисдикции Моск. Патриархии. 13.7.1947–13.4.1953 – настоятель ц. Всех Святых в Аннеси (деп. Верх.-Савойя) Возведен в сан протоиерея 20.4.1952. Умер в Гренобле.

МАСЛОВ Сергей Семёнович (1.11.1887, г. Нижнедевицкое Воронежской губ. – не ранее 15.5.1945, Чехословакия). Дед – крестьянин, отец – купец, мелкий торговец. В 1901 М. окончил 6-классное Нижнедевицкое гор. уч-ще, в 1907 – Харьковскую сред. агр. школу (уч-ще). В 1906 вступил в ПСР. По окончании уч-ща работал агрономом в Харьковской (1907), Полтавской (1907–08), Орловской (1909) губ., Кубанской обл. (1910), Житомирской губ. (1911). Одноврем. вел парт. работу. Скрылся от ареста. В сент. – дек. 1911 зав. складом сельхозорудий, затем агроном в пос. Миллерово Донецкого окр. Арестован в дек. 1911. В 1912 находился под следствием в Харьковской губ. тюрьме. В янв. 1913 административно выслан на 2 г. за принадлежность к ПСР в г. Пинега Архангельской губ. под гласный надзор полиции. В связи с амнистией в 1913 переехал в Вологду. В мае 1913 – сент. 1915 зав. кооп.-инструкторским отд. Вологодского об-ва сел. х-ва (ВОСХ). Ред. журнала «Северный хозяин».

В сент. 1915–17 учился в Петрогр. психоневрол. ин-те (не окончил). В 1915 участвовал в выпуске народнич. журнала «Нар. мысль». Секр. сельхозотдела в Петрогр. отд-нии к-та о сел. ссудо-сберегат. и пром. т-вах. Участвовал в издании ежегодного календаря «Спутник кооператора». В янв. – апр. 1916 уполномоченный Союза городов по закупке мяса для воен. нужд в Зап. Сибири и на Урале. В апр. – сент. 1916 на прежних должностях в к-те, секр. журнала «Вестник кооперации». В сент. 1916 – февр. 1917 зав. Кооп.-инструкторским отд. во Всерос. т-ве кооп. льноводов в Москве. В 1916 выпустил кн. «Мирской человек: Из жизни современной крестьянской интеллигенции» (М. 1916). 1.2–15.3.1917 жил в Вологде, агроном-кооператор ВОСХ. Вел кампанию по спасению крест. скота от бескормицы в Вологодской губ. В январе воссоздал в Вологде орг-цию ПСР.

После Февр. рев-ции 1917 возглавил Врем. правит. к-т в Вологде. С марта 1917 пред. губернского (в Вологде) и чл. Гл. зем. к-тов. С апр. 1917 – в Петрограде. На совещаниях представителей крест. советов 13–17.4.1917 избран пред. Оргкомитета (оргбюро) по проведению 1-го Всерос. съезда крест. депутатов. Участвовал в издании газ. «Воля народа». 29.5–5.6.1917 совм. с П.А. Сорокиным провел в Вологде губ. крест. съезд. Открывал 1-й Всерос. съезд крест. депутатов, избран тов. (зам.) пред. съезда. Пред. обл. (5 губерний) к-та ПСР. 15.8.1917 выдвинут канд. в Учредит. собрание от Вологодской губ. В 1917 выпустил кн.: «Социализм и крестьянство», «Социалистическая партия: Ее значение и политическая организация крестьянства». Избран в состав Учредит. собрания. Список ПСР получил в Вологодской губ. 600 тыс. голосов (большевики – 120 тыс.). Подписал в дек. 1917 воззвание 109 чл. Учредит. собрания к избирателям с протестом против попыток большевиков помешать его созыву. Чл. воен. отдела К-та защиты Учредит. собрания.

С марта 1918 чл. Союза возрождения России (СВР). Направлен СВР в Вологду для подготовки восстания против большевиков. Написал кн. «Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав» (Ярославль, 1918; в 1918 изъята, выпущена в продажу в 1920). В нач. июля 1918 выехал из Вологды в Архангельск. После антибольшевист. переворота 1.8.1918 вошел во Врем. пр-ва Сев. обл. во главе с Н.В. Чайковским (состоял в нем до 20 сент.): зам пред. – зав воен. отделом, с сент. гражд. губернатор Архангельска. Выехал из Архангельска в Сибирь по поручению главы пр-ва для установления контакта с Уфимской директорией. Прибыл в Омск 18.11.1918, в момент переворота адм. А.В. Колчака; с пр-вом Колчака не сотрудничал. Служил в кооп. союзах Зап. Сибири: в Омской главконторе Всерос. союза потребит. об-в, скрывался от ареста во Владивостоке и Новониколаевске. Написал кн. «Пособие по кооперации» (Омск, 1919). В 1919 уехал в Томск, где проживал по документам Ивана Курдюкова. Переехал в Златоуст, после того как фронт ушел на восток и с приходом красных, летом 1919, выехал в Москву. Арестован по дороге, доставлен в Уфу, затем отправлен в Москву. После переговоров с Лениным и Комиссаром Юстиции Курским освобожден ВЧК под поручительство», в связи с обещанием перейти от полит. к культурной работе.

В 1919–21 служил инструктором-организатором во Всерос. бюро обл. кооп. союзов, зав инструкторским отд. во Всерос. союзе трудовых лесопром. т-в, зав. курсами по лесной кооперации, консультант в кооп. отделе в Комиссариате земледелия, в Москве. Консультант-кооператор в Управлении Сев. ж. д. и во Всерос. агр. центре. Завотделом сов. х-в, приписанных к ж. д. во Всерос. ж.-д. продовольств. центре («Продпуть») при Наркомате путей сообщения. Арестован ВЧК в нояб. 1920, вскоре освобожден. В апр. 1921 МЧК в отношении М. возбудила дело за хранение серебр. монеты.

В 1920 организовал в Москве группу «Крестьянская Россия», ставившую задачу в перспективе создать крест. партию. Полный состав неизвестен.

По поручению группы тайно уехал из Москвы. 18.8.1921. Нелег. перешел сов.-польск. границу. С 15.9.1921 поселился в Варшаве. С 15.10.1921 М. поселился в Праге.

В нояб. 1921 – янв. 1922 в Париже вел переговоры о создании группы и в перспективе – крест. партии с А.Ф. Керенским, Н.В. Чайковским, И.И. Фондаминским, А.В. Авксентьевым. Получил поддержку А.А. Аргунова. Выступил в Париже с серией докладов. Летом 1922 опубл. кн. «Россия после 4-х лет революции». В 1923–24 книга издана на франц., чеш. и англ. языках. В нач. 1922 решением ЦК ПСР исключен из партии.

После возвращения в Прагу, 20.2.1922, был принят през. Чехословакии Т.Г. Масариком. От властей Чехословакии получил финанс. поддержку для издания сб-ков

«Крестьянская Россия». Автор серии статей со был сравнит. анализ агр. реформ, проведенных после 1918 в 13 европ. странах. Осенью 1922 создал группу «Крестьянской России» В 1923–24 М. пытался создать в Праге Ин-т крест. (сел.) культуры. Ин-т сел. культуры в 1924 был трансформирован в отдел сел. х-ва и кооперации Праж. ин-та изучения России, которым заведовал Маслов.

В 1923–24 активно работал по созданию широкой коалиции демокр. антибольше-вист. сил. Участвовал 23–25.12.1923 в Праге в съезде Республ.-демокр. блока, создавшего Республ.-демокр. Союз, в который вошли Республ.-демокр. группа Партии нар. свободы) и «Крест. Россия». В 1924 и 1925 с докладами посетил Королевство сербов, хорватов и словенцев. С 1925 член редколлегии журнала «Вестник «Крестьянской России» (1925–33). В 1925 создал в Варшаве журнал «Родное слово» (1925–26).

В авг. 1927 участвовал в съезде рус. кооп. орг-ций Латвии, где было создано Рус. крест. объединение. В 1928 и 1932 М. приезжал в Ригу и консультировал РКО. В дек. 1927 провел 1-й съезд КР-ТКП, выступил с докладом; избран чл. ЦК и ген. секр. партии.

В дек. 1927–30 работал в Руководящем к-те (Руком) конспиративной внепарт. орг-ции «Опус» по переброске лит-ры и эмиссаров демокр. эмигрантских орг-ций в СССР. Активно выступал против сталинской коллективизации. Выступал с публичными докладами, напр.: «Борьба в России»: Причины, силы и последствия» В дек. 1929 выступил с докладом «На революционной работе в России» (издан в 1930) о подпольной деятельности партии в СССР. В 1930 вел переговоры о сотрудничестве КР-ТКП с рук. РОВС ген. Е.К. Миллером. В 1931–34 работал в аналитич. орг-ции А.И. Гучкова – А.И. Ксюнина, проводившей пропагандистские кампании на Западе против руководства СССР. В 1931 постелил Великобританию. 29.3.1931 от ЦК КР-ТКП вошел в редколлегию газ. «Руль»; В июле 1932 в Праге участвовал во 2-м съезде КР-ТКП, избран чл. ЦК и генсеком партии. Возглавил «Рус. отдел» по связям с подпольем в СССР. В нач. 1933 преобразовал узкопарт. журнал «Вестник «Крестьянской России»» в популярный аналитич. ежемесячник «Знамя России» (1933–39).

В 1933–34 вел борьбу за руководство КР-ТКП. Возглавил в качестве генсека новый пост. орган – ЦИК КР-ТКП. В апреле 1934 вытеснил из партии группу Аргунова – Бема. В 1933 посетил Францию и Великобританию. В Париже в конце 1933 – нач. 34 вновь вел переговоры о сотрудничестве КР-ТКП с главой РОВС ген. Е.К. Миллером.

С 1933 по 1936 г. сотрудничал с чехосл. разведкой – Ген. штаба Мин-ва Нац. обороны». В 1937 М. опубликовал труд по проблемам преобразования сел. х-ва в СССР «Колхозная Россия: История и жизнь колхозов: Природа, эволюция и будущее» (пер. на польск. яз.).

7 марта 1938 был арестован полицией Чехословакии, 8 апр. освобожден. В 1938 г. посетил Латвию, Эстонию и Финляндию. В 1938 опубликовал книгу о премьере Чехословакии М.Годже. В марте 1939 участвовал в последнем заседании ЦИК ТКП. В 1939–41 М. пытался выехать в США. 22.6.1941 арестован гестапо. Выпущен на свободу под гласный надзор полиции в конце 1941. Повторно арестован летом 1944 за помощь сов. военнопленным. Находился в Праге в тюрьме Панкрац. Весной 1945 перевезен в тюрьму гестапо в Малой Цитадели крепости Терезин. Освобожден в мае 1945. Вернулся в Прагу 13.5.1945 тяжело больной тифом. По сообщению дочери, 15.5.1945 арестован органами «Смерш». Сведения о смерти отсутствуют. Вероятной может быть версия о смерти от тифа сразу после ареста. Праж. историк В.А. Гавринев считает, что мог быть похоронен на Ольшанском кладб. в Праге в общем захоронении 1945 для инфекц. больных.

МЕЛЬГУНОВ Сергей Петрович, (25.12.1879, Москва – 26.05.1956, Франция, Шампиньи, близ Парижа) Родился в Москве в старинной дворянской семье. Отец, Пётр Павлович Мельгунов (1847–1894) – профессор МГУ. В 1899 окончил гимназию. Поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1904 г. университет. Преподавал в московских частных гимназиях и входил в Педагогическое общество при Московском университете.

С 1900 по 1916 Мельгунов печатался в газете «Русские ведомости» и др. изданиях. Опубликовал более 250 статей. Автор ряда научных работ по истории Русской церкви («Церковь и государство в России», т. 1–2. М., 1907–1909. и др.),

В 1906 г. член партии кадетов. С 1907 член Народно-социалистической партии. В 1905–1906 участвовал в создании издательств «Народное право» и «Свободная Россия» и Союза свободных книгоиздателей. В 1911 организовал кооперативное издательское товарищество «Задруга». Председатель правления до 1922 г. В 1913–23 редактор-издатель журнала «Голос Минувшего».

В конце июня 1917 г. избран на I съезде Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) в состав ЦК. Товарищ Председателя ЦК ТНСП. Редактор журнал «Народный социалист».

В марте 1917 г. – отв. за обследование и прием архивов Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. Издал в 1918 г. в серии «Материалы по истории общественного и революционного движения в России» в издательстве «Задруга»: сб. док. Московского охранного отделения «Большевики».

Московской обл. орг-цией ТНСП выдвинут кандидатом в члены Учредит. собрания. Активный оппонент большевиков. В янв. 1918 вошёл во Врем. совет Лиги федералистов. Весной член лекторско-ораторской комиссии ТНСП., ред. газ. «Нар. слово» и ж. «Понедельник “Нар. слова”». Один из руководителей Союза Возрождения России (1918), затем – Тактического Центра (1919). Считал, что создание Добровольч. армии приемлемо для демократов.

Был подвергнут 25 обыскам и 5 арестам. Арестован 7.02.1920 по делу «Тактического центра». В августе 1921 приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюрьмы. Освобожден 15.02.1921 под давлением научной общественности. В мае 1922 арестован и приговорен к ссылке в г. Чердынь. В октябре 1922 выслан за границу.

Организовал в Берлине издательство «Ватага». Издавал в 1923–28 совместно с В.А. Мякотинным и Т.А. Полнером историко-литературный журнал «На чужой стороне» (с 1926 – «Голос Минувшего» на чужой стороне). В 1926 переехал в Париж. Здесь выпускаются его сборники «Голос минувшего на чужой стороне» в 1926–28 гг. в издательстве «Н.П. Карбасников».

В эмиграции – член Заграничного комитета Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). Участник Пражского съезда РДС в декабре 1923. Публиковался в журнале «Свободная Россия». Полагал необходимым создание единого антикоммунистического фронта демократической и «непредрешенческой» русской эмиграции.

В 1926–29 гг. – член редколлегии политического еженедельника «Борьба за Россию». Призывал к вооруженной борьбе с большевиками. В 1929–31 гг. – автор журнала. Сотрудничал с генералом А.П. Кутеповым. Отошел от активной политической деятельности в 30-е гг. Занимался куроводством. Автор журнала «Знамя России».

Автор книг: «Красный террор в России» (1923), «Чекистский Олимп» (1931), «На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года» (Париж, 1931

год), «Н.В. Чайковский в годы гражданской войны» (1929), «Гражданская война в описании Миллюкова» (1929), «Трагедия адмирала Колчака» (1930–31), «Золотой немецкий ключ к большевицкой революции» (1940), «Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. (1952), «Мартовские дни 1917 г.» (1961), «Легенда о сепаратном мире», «Воспоминания и дневники» (1964) и др.

Во время Второй мировой войны жил под Парижем, решительно отверг любую форму сотрудничества с Германией. В послевоенные годы выступал против просоветских настроений в эмиграции, утверждал, что «Сталину нельзя верить», «надежда на мирную эволюцию большевистской власти, на мирное сожительство с красным самодержавием утопия». В Париже с 1946 издавал сборники «Свободный голос» (далее под др. назв.: в 1948–57 – ж. «Российский демократ»). В 1950–54 редактор ж. «Возрождение». С 1948 председатель Союза борьбы за свободу России, с 1951 – председатель Координационного центра антибольшевистской борьбы.

МИХАЙЛОВ Вадим Николаевич (1908, Мытищи, Моск. губ. – после 1967, Одесса). Отец – Николай Михайлович Михайлов, чл. правления Центросоюза. В 1922 с разрешения уполномоченного Наркомата по иностр. делам выехал к отцу в Константинополь. В 1923 с отцом и сестрой переехал в Чехословакию. Окончил Моравско-Тржебовскую г-зию (1927) и Пражский политехн. ин-т (1937) по специальности инж.-строитель.

Чл. КР-ТКП с 1928. С 1929 чл. Объединения эмигрантской молодежи Пред. Праж. группы КР-ТКП в 1931. В 1932–33 жил в Париже. Вернулся в 1933 в Чехословакию. Жил в г. Хеб. С мая 1933 чл. Малого Совета КР-ТКП. Чл. презьездовской комиссии КР-ТКП. В 1938 – мае 39 работал в г. Брно в Управлении ж. д., в 1939–41 – на фирме «Аст», с 1941 – инж.-строитель в нем. орг-циях.

Арестован «Смерш» 1.6.1945 в Праге. Воен. трибуналом Моск. ВО осужден 19.11.1945 по ст. 58-4 УК РСФСР к 10 г. ИТЛ. После освобождения из лагеря проживал в ссылке Северо-Енисейске. В 1958 приехал в г. Овидополь Одесской обл. Гл. инженер Овидопольского Межколхозстроя. 28.10.1959 нар. судом Овидопольского р-на с М. досрочно снята судимость. Реабилитирован в 1967 г.

МОРЕВ Николай Яковлевич [1910, с. Налобино (Налобинское) Ишимского у. Тобольской губ. – после 15.6.1939, Москва], полит. деятель. Сын Я.С. Морева. Учился в Благовещенске, получил незаконченное высшее образование. В нач. 1929 бежал из СССР в Китай. В апр. 1929 вступил в КР-ТКП. Жил в Харбине. Возглавлял молодежную группу из 15 чел. Учился на Харбинском юрид. ф-те. Чл. Бюро Дальневост. к-та КР-ТКП. Вплоть до раскола ДВК был доверенным лицом лидера ДВК Г.П. Грачёва. В 1930 предложил журналу «Вольная Сибирь» (Прага) очерк «Из жизни Западно-Сибирского крестьянства при коммунистической диктатуре», описывающий бытовую жизнь Ишимского у. Тобольской губ. в 1918–29. Публиковался в 1932 в журнале «Русский пахарь». После раскола ДВК в 1934 был на стороне С.С. Маслова. Назначен ЦИК КР-ТКП пред. Дальневост. обл. бюро партии (1934–36). В журнале «Знамя России» (1936. № 2) опубликовал ст. «Крестьянское восстание в Зап. Сибири» (с предисл. С.С. Маслова). Организовывал нелег. поездки в СССР. Контактывал с япон. разведкой.

Вместе с Ю.А. Лучаниновым 12.6.1936 переправился через р. Уссури, через границу Китая и СССР, с грузом парт. лит-ры. Предполагал проехать в Москву, а затем в ЦИК ТКП в Прагу. Задержан в Хабаровске 14.7.1936. Приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания 15.6.1939. Дата казни неизвестна.

МОРЕВ Яков Сергеевич [1885, с. Налобино (Налобинское) Ишимского у. Тобольской губ. – 1941, Харбин], крестьянин. Отец Н.Я. Морева. Имел в Налобино образцовое х-во, владел мельницей. Предст. Амер. компании сельхозмашин. Участник Гражд. войны в 1918. В 1919–20 механик в Омске. Участник Зап.-Сиб. восстания в 1921. В 1922–29 жил в Налобине. В 1929 бежал в Китай через Ишим. Объявил, что он «по убеждениям националист-монархист». Чл. КР-ТКП. Жил в Харбине, Байчене, Хайларе, Вейшахэ. Слесарь-механик по двигателям и сельхозмашинам.

НАЗИМОВ Георгий (Юрий) Владимирович (20.6.1896, Псков – 1942?), Из дворян. семьи. После окончания Псковского Сергиевского реального училища, в 1917 учился в Петерб. политехн. ин-те. Затем жил в Пскове. В дек. 1918 – янв. 1919 находился под арестом Псковской губ. ЧК. С лета 1919 поселился в Печорах. С 1920 преподавал естествознание в местной гимназии, давал частные уроки. В 1925 переехал в Прагу для завершения образования. Учился в Рус. ин-те с.-х. кооперации, 6 семестров завершил в 1928. Затем жил то в Праге, то в Печорах. В 1932 защитил диплом. В нач. 30-х занимался на хим.-технологич. отд-нии Пражского политехникума (не закончил).

В 1930 вступил в КР-ТКП, чл. Праж. группы. Секр. 2-го парт. съезда. Писал в «Вестник «Крестьянской России»» и в газ. «Руль». После 1933 отошел от активной парт. работы. С 1932 чл. правления Рус. просвет. об-ва. Служил в Печорском ссудно-сберегат. банке, в торгово-кооп. банке, в кооп. т-ве «Экспортпродукт». С кон. 1939 жил в Таллине. Работал на радио. С янв. 1940 секр. Союза рус. просвет. и благотворит. об-в Эстонии, ред. «Вестника» Союза и журнала «Сел. хозяйство». Арестован НКВД в июле 1940 «за соучастие в антисов. партии «Крестьянская Россия (ТКП)». 11.2.1941 Воен. трибуналом Ленингр. ВО осужден на 10 лет ИТЛ. ВКВС СССР 25.4.1941 оставила приговор в силе. Умер в ГУЛАГе в 1942? г.

НОВИКОВ Константин Андреевич (1889, с. Ильково Мценск. у. Орловск. губ. – после 25.12.1937, Москва). Отец – Андрей Алексеевич Новиков, сын крестьянина Орловск. губ., выпускник Петровск. академии, агроном; мать – Анна Александровна Новикова, урожд. Мотовилова, окончила курсы В.И. Герье, учительница. Детство провел в Орловск. губ. в дер. Озерки и Ильково, затем – в Туле. В 1907 окончил Владимирск. г-зию. В 1907–09 учился на ист.-филол. ф-те Моск. ун-та. С 1908 чл. ПСР. Арестован в 1909, исключен из ун-та; находился в заключении в полтавской тюрьме; в 1909–12 – в ссылке за принадлежность к ПСР в Арханг. губ., на р. Пинега, в дер. Цимола.

С 1912 жил в Москве, в 1913–14 окончил спец. кооп. курсы при Нар. ун-те А.Л. Шанявского В 1914–21 работал в кооперации, в основном в Вологде. В 1917–18 тов. (зам.) пред. Вологод. обл. к-та ПСР (пред. – С.С. Маслов). Затем от парт. работы отошел. Один из инициаторов создания Высшей крест. школы в Вологде. Автор брошюры «Значение истории для кооперативного работника и ее местные источники» (М., 1918). В 1917–18 прочитал ряд лекций по кооперации в ун-те Шанявского. В нояб. 1920 моск. ЧК арестован вместе с С.С. Масловым. Освобожден. Мог участвовать в создании в 1920 группы «Крестьянская Россия». В 1921–25 работал гл. обр. в Туле, в кооперации. Преподавал в Туле в сред. школе рус. историю и лит.-ру. Поддерживал через выезжавшую границу Н.В. Воленс связь с С.С. Масловым и группой «Крестьянская Россия».

В 1925 как быв. с.-р. в адм. порядке выслан в Сред. Азию на 3 г. Ссылку отбывал в Полторацке (с 1927 – Ашхабад), работал в школе; затем – в Самарканде; служащий. В конце июня 1929 переехал в Ташкент как «минусник», лишенный права проживания в центр. населенных пунктах СССР. В 1930 – в Ташкенте; экономист в Боз-Сузап-

ской системе мелиоративной кооперации. Полит. деятельностью не занимался. Считали себя «беспартийным социалистом». Арестован в Ташкенте 6.9.1930 по сфабрикованному ОГПУ делу «Рестарация». Участие в попытке воссоздания ПСР категорически отрицал.

Пост. ОСО при Коллегии ОГПУ от 23.12.1930 заключен «в места лишения свободы подведомственные ОГПУ сроком на три года». Находился в заключении в Челябинском политизоляторе. По отбытии срока решением ОСО при Коллегии ОГПУ от 28.5.1933 выслан «через ППОГПУ на Урал сроком на три года». В 1933 находился в Тюмени, с авг. 1933 – в Ишиме, в кон. 1933–34 – в Чердыни. В 1937 – в Уфе; экономист Горпита. Арестован 8.2.1937. Приговорен 25.12.1937 ВКВС СССР к расстрелу. Посм. реабилитирован решением ВКВС СССР от 25.4.1958.

НОСАЛЬ Пётр Иванович (1892, м. Крупе Холмского у. Люблинской губ.– после 1956). В 1911 окончил Люблинскую г-зию. В 1911–14 учился в Петерб. (Петрогр.) ун-те. В авг. 1914 призван в армию и направлен в Усть-Ижорскую школу прапорщиков, к-рую окончил 1.2.1916. В чине прапорщика воевал на Зап., Юго-Зап. и Рум. фронтах. В июле 1919 – нояб. 1920 служил в чине подпоручика в Белой армии. Воевал на Крымском фронте. В нояб. 1920 эвакуирован с армией в Константинополь. В янв. 1922 переехал в Прагу.

В 1924 окончил Рус. юрид. ф-т в Праге, в 1937 – ф-т страховой математики Праж. политехн. ин-та. В 1924–28 библиотекарь Рус. юрид. ф-та. С 1928 до 1945 служил в страховых кампаниях Праги. С 1930 член. КР-ТКП, чл. ее Совета и правления Праж. группы КР-ТКП в конце 30-х гг.

Задержан 27.5.1945 Отд. контрразведки Наркомата обороны «Смерш» 4-й гв. танковой армии. 1 июня утверждено пост. на арест по обвинению в проведении в эмиграции антисов. деятельности (ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР). 19.11.1945 приговорен Воен. трибуналом Моск. ВО по ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР к 10 г. лишения свободы.

ОССОВСКИЙ Евгений Иванович (13.4.1907, м. Полонное Новоград-Волынского у., Волынской губ. – после 1956, Енисейск). Из семьи железнодорожника. С 1924 жил в Чехословакии. В Праге окончил школу ж.-д. техников, В 1931 вступил в КР-ТКП. В 1933–34 гг. чл. правления Пражской группы. Выполнял функции казначея. Принял в 1937 чехосл. подданство и вышел из КР-ТКП. После 1940 г. отправлен на работу в Германию. К 1945 вернулся в Прагу.

Арестован в ночь с 31.5 на 1.6.1945 органами «Смерш» 1-го Укр. фронта. Осужден ОСО при МВД СССР 22.4.1946 к 8 г. ИТЛ. На июль 1946 находился в Норильлаге МВД СССР, затем в Особлаге-2. Освобожден 1.6.1953 после отбытия срока. Сослан в Енисейск Красноярского края. В 1956 находился в Маклановском доме инвалидов Енисейского р-на Красноярского края. Реабилитирован определением Суд. коллегии по уголовным делам Верх. суда СССР 13.10.1956. Умер в доме инвалидов в Енисейске.

ПОРТУГАЛОВ Виктор Вениаминович. (1873, Самарск. губ. – 16.05.1930, Париж). Участник русского освободительного движения с конца 1890-х гг. Журналист газеты «Самарский вестник». С 1904 – в Петербурге. Член редколлегии «беспартийной» газеты «Товарищ» с 15 марта 1906 по дек. 1907 (янв. 1908). Редактор газеты «Современное слово» (1907–17). С 1906 – народный социалист. Входил в группу «Без заглавия» (вместе с Е. Кусковой и С. Прокоповичем) (1906). Автор работы «Союзы рабочих в России» (М., 1906)». Член редакции кадетской газеты «Речь».

В 1917 – член Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). Член «Союза Возрождения». В 1918–20 сотрудничал в антибольшевистских изданиях в Киеве, Ростове-на-Дону. Эмигрировал с Юга России в Сербию в 1920. С декабря 1920 в Польше, член Комитета «Союза Возрождения» в Варшаве. (1920–21). Член Русского Политического Комитета в Польше (1920–21). С декабря 1920 по ноябрь 1921 – фактический редактор газеты «Свобода» (Варшава). С нояб. 1921 по дек. 1923 – фактический редактор газеты «За Свободу!» (Варшава). В 1924–25 член редакционного комитета газеты «За Свободу!». В 1926 вышел из редакционного комитета «За Свободу». В 1923–29 сотрудничал в газете П.Н. Миллюкова «Последние новости» (Париж).

Член Демократической группы в Варшаве (1925–30). Возглавил в 1925 Варшавскую группу «Крестьянской России». Редактор журнала «Родное слово», издававшегося членами КР-ТКП и РДС в Варшаве в 1926–27 гг. Делегат 1 съезда КР-ТКП в декабре 1927 в Праге. Варшавский корреспондент газеты «Сегодня» (Рига; псевд. В. Волгин); член Объединения Русской Молодежи в Польше.

Вышел из КР-ТКП в конце 1929 из-за несогласия с разрывом партией союза с П.Н. Миллюковым. Переехал в январе 1930 во Францию. Умер в Париже.

Жена: Журавская-Португалова Зинаида Николаевна (1870–1937) – журналист, переводчик, редактор журнала «Солнце России» (1910–16), в 1918 печаталась в киевских газетах, в 1919 в газете «Народ» (Ростов), с 1920 в Сербии, откуда вместе с В.В. Португаловым переселилась в Польшу, с 1930 – в Париже.

СЕДАКОВ Борис Васильевич (1890, дер. Бабаи Харьков. губ. – 1956, Верея Моск. обл., похоронен в Праге). До 1908 жил в семье отца, чл. уездного суда в г. Острожжск Воронежской губ. Окончил Острожжскую г-зию. Поступил в Петерб. политехн. ин-т; не окончив курса, в 1911 перешел на юрид. ф-т Моск. ун-та; по окончании его в 1916 оставлен в ун-те для приготовления к профессорскому званию по кафедре уголовного права; Чл. ПСР в 1917–20. Окт. переворот не принял, примкнул к правым с.-р.

В 1918 выехал в Воронеж, где служил чл. правления Кредитного союза. Чл. Воронежской гор. управы от ПСР. После 1919 служил в кооперации в Ростове, Армавире, Владикавказе. С 1920 – в Грузии. В Тифлисе обсуждал с А.А. Аргуновым необходимость создания крест. партии. В нач. 1921 командирован «Сельскосоюзом» в Константинополь. В окт. 1921 выехал в Чехословакию.

В Чехословакии жил в г. Ужгород, сотр. Рус. нар. банка в Ужгороде. В 1923 вступил в группу «Крестьянская Россия». Дел. Учредит. 1 съезда КР-ТКП в дек. 1927; избран чл. Совета партии. Участвовал во 2 съезде КР-ТКП в 1932 в Праге. Избран членом Совета партии. В 1933 на расшир. Совете КР-ТКП избран зам. пред. ЦИК. Поддерживал линию Маслова. В 1933 переехал в Прагу. Вошел в состав «Русского отдела» при ЦИК КР-ТКП. В 1933–39 ред. ежемес. журнала КР-ТКП «Знамя России». Автор цикла ст. «Лицо эмиграции».

С марта 1939, после оккупации Чехии нацистами, вынужденно прекратил полит. деятельность. Жил на берегу реки, занимался случайными работами – перепиской на машинке, с 1942 давал частные уроки рус. языка. До мая 1945 оставался в Праге, после вступления сов. войск в Прагу пытался скрыться в амер. зоне оккупации. Был выдан сов. госбезопасности. Задержан органами «Смерш» 23.5.1945. 2.6.1945 Отделом контрразведки «Смерш» 6-й гв. танковой армии было вынесено пост. об аресте. Вывезен в Москву в июне 1945. Находился под следствием до начала 1947 в Москве.

Решением ОСО при МГБ СССР от 22.2.1947 за «участие в антисов. террористич. орг-ции и шпионаже» заключен в ИТЛ сроком на 20 лет, считая срок с 23.6.1945.

Часть срока заключения находился в Карлаге. Освобожден в 1955. Ожидал выезда в Чехословакию к семье. Умер в 1956 в г. Верее Московской обл. Урна с прахом захоронена на Ольшанском кладб. – в крипте собора. Реабилитирован в 2001.

СЕМЁНОВ Борис Константинович (12.2.1894, Псков – 26.5.1942, Саратов), Отец – Константин Иванович Семёнов, купец 2-й гильдии, имел мануфактурный магазин в центре Пскова, совладелец торг.-комиссионной конторы, избирался гласным гор. думы. С. окончил Псковское Сергиевское реальное уч-ще в 1912, в мае того же года сдал экзамен по лат. языку при Псковской губ. гимназии. Осенью 1912 зачислен на юрид. ф-т Петерб. ун-та. В дек. 1914 добровольно поступил на воен. службу. После окончания ускоренного курса во Владимирской школе прапорщиков с мая 1915 командовал ротой, 6 авг. раненым попал в плен. После попытки побега заключен в крепость. Вернулся из плена в 1919. Весной 1919 вступил в Сев.-Зап. армию Н.Н. Юденича, участвовал в наступлении на Петроград, при отступлении оказался в Эстонии. С авг. 1919 поселился в Печорах. Работал учителем Лавровской частной г-зии.

В 1924–27 учился на Рус. юрид. ф-те в Праге. Вступил в КР-ТКП, чл. бюро Пражской группы. Чл. праж. лит. объединения «Скит» («Скит поэтов»). Стихи С. печатались в журналах «Годы», «Воля России», «Своими путями», «Современные записки» (1936). В 1926 – чл. редколлегии журнала «Своими путями». В журнале «Вестник «Крестьянской России»» под псевд. Б. Щ, опубликованы очерки С. «Русская деревня в Эстонии» (Печерский край) (1927. № 12) и «Обозерье» [1928. № 1 (13)].

Летом 1927 вернулся в Печоры. В 1928–32 участвовал в попытках переброски агентов КР-ТКП в СССР. С окт. 1927 работал инструктором Союза Рус. просвет. об-ва по внешкольному образованию Печорского края. В 1933 организовал съезд молодежи Печорского края. Один из создателей Союза рус. молодежи в Печорах и лит. кружка при нем. Занимался собиранием и изучением местного рус. фольклора. В сб. «Новь» С. напечатал ст. «Поэтический мир русской деревни», а в «Вестнике Союза РПО»: «Русская народная свадьба», «О народном быте, старине и городищенских бабах». Устраивал фольклорн. представления в Таллине и Тарту весной 1931, в нояб. 1936 и в марте 1939. В 1938 окончил в Таллине курсы Союза Рус. просвет. об-ва по повышению театр. квалификации.

Арестован 21.6.1940, на следующий день после оккупации Красной армией Эстонии. Проходил по делу 5 членов «ТКП». Воен. трибуналом Ленингр. ВО на закрытом заседании приговорен по ст. 58 УК РСФСР к 15 г. ИТЛ с поражением в правах на 3 г. Умер в Саратовской тюрьме. Реабилитирован в апр. 1994.

СОКОЛОВ Борис Фёдорович (30 октября 1893, С.-Петербург? – ноябрь 1979, США, Флорида). Отец – Фёдор Евстафьевич Соколов, предприниматель из крестьян, мать принадлежала к обедневшему дворянскому роду Верховцевых. Член ПСР с 1907. Арестован 31.10.1907 за хранение нелегальной литературы. Освобожден из Дома предварительного заключения 13.04.1908. Окончил петерб. 5-ю классич. г-зию весной 1908.

Окончил Петерб. ун-т. Естественный ф-т. Магистр зоологии. Врач-бактериолог. Работал на Курсах при Биол. лаборатории Лесгафта. Ученый секр. Высш. курсов Лесгафта. Управлял литографической фабрикой отца. Работал в области эксперим. биологии и медицины. Политически примыкал к трудовой фракции Думы и А.Ф. Керенскому. В 1916 – воен. врач-эпидемиолог. Служил в госпитале на Юго-Зап. фронте; капитан.

В 1917 правый с.-р. 25.10.1917 участник обороны Зимнего дворца. С нач. ноября на фронте. Избран чл. Всерос. Учредит. собрания от 13-й армии Юго-Зап. фронта. С

20.11.1917 в Петрограде. Член агит. комиссии фракции ПСР. Пред. воен. комиссии ЦК ПСР. Без успеха пытался убедить большинство ЦК организовать вооруж. поддержку Учредит. собрания. Подготовил манифестацию в защиту Учредит. собрания под прикрытием 3 тыс. вооруж. дружинников и солдат Семёновского полка с пулеметами. 3 янв. было принято пост. ЦК, к-рым «категорически запрещалось вооруж. выступление, как несвоеврем. и ненадежное деяние». Рекомендовалась мирная демонстрация. В результате 5.1.1918 мирная демонстрация в Петрограде была расстреляна Красной гвардией.

В кон. янв. 1918 – на фронте, затем в Киеве. Перешел Вост. фронт, был в Самаре. 8.9.1918 участник Уфимск. гос. совещания членов Учредит. собрания. Затем – в Омске, через Д. Восток выехал в Париж. Там опубликовал кн. «Большевики о большевиках: Советские док-ты и мат-лы» (Париж, 1919). Подписал Манифест членов Союза Возрождения России от 16.05.1919 в поддержку созыва Учредит. собрания, помощи держав Согласия в борьбе с большевизмом, против признания ими диктаторских областных и временных правительств в России, аннулированный 30 окт. 1919 ЦК ПСР.

В конце июля 1919 прибыл на брит. судне в Архангельск как корр. газ. «Daily Dispatch» и «L'Information». Находился на Железнодорожном (Вологодск.) фронте в качестве сотр. Красного Креста. В янв. вернулся в Архангельск. 8.2.1920 входил в последний состав пр-ва Сев. области в качестве мин. нар. просвещения. 19.2.1920 эвакуировался на ледоколе «Минин». 21.2.1920 по приказу ген. Е.К. Миллера высажен на затертый во льдах пароход «Русанов». После ареста большевиками находился в тюрьме в Мурманске, затем в Архангельске (март 1920). 25.3.1920 вывезен в Москву.

В Москве 122 дня находился под арестом в Бутырск. тюрьме. Освобожден по ходатайству «Дома ученых» и Н.А. Морозова. В авг. 1920 жил в Петрограде. В сент. 1920 по поддельным документам выехал в Эстонию. В окт. 1920 прибыл в Лондон. Участник совещания членов Учредит. собрания 8.01.1921 в Париже. Работал в Брюссельском ун-те. Затем – в Праге, сотрудник Карлова ун-та. Опубликовал в Европе книги и брошюры: «На повороте: рассказы и очерки из советской жизни» (Париж 1919, 1923), «Мятеж или искание» (Прага, 1921), «Спасите детей: о детях советской России» (Прага; Берлин, 1921), «Наука в советской России» (Берлин, 1921) «Диктатура над пролетариатом» (Прага, 1921); «Палач» (Брюссель, 1922); «О тех, кто ищет: чешские силуэты» (1926), «Красный лед» (на чеш. яз.). В 1923 в Праге вошел в группу «Крестьянская Россия». Друг чехосл. гос. деятеля Э. Бенеша. Автор кн. «Эдвард Бенеш и пути реалистического демократизма» (Париж, 1926).

В 1926–27 работал в Париже в Ин-те Пастера. Издал в 1927 кн. «Преступление доктора Гарина» (Париж, 1927). На англ. яз. в Нью-Йорке кн. «The crime of Dr. Garine» в 1928 вышла с предисл. Т. Драйзера.

В 1928 ЦК «на год» был кооптирован в ЦК КР-ТКП. Выехал в США в 1928. Работал в Рокфеллеровском ин-те в Нью-Йорке, в ин-те Крокера, в ин-те Sloan Kettering. Д-р философии, д-р медицины. В 1931 ред. журнала «Growth» («Рост»). В 30–40-х гг. служил в Онкологич. лаборатории Колумбийского ун-та, на кафедре патологии Мед. ин-та Вашингтонского ун-та. От полит. деятельности по русским делам в США отошел. Выведен за неактивность из ЦК КР-ТКП в 1930. Из КР-ТКП формально не выходил. После 2-й мировой войны дир. лаборатории онкологич. исследований Южного колледжа во Флориде (The Cancer Research Laboratory at Florida Southern College). Автор вышедших в США и Великобритании более чем 20 кн. в области медицины и психологии, среди которых: «Bio-Dynamics: The Battle for Youth» (Биодинамика. Битва за молодость, 1930; 2007); «The achievement of happiness» (Достижение счастья,

1935); «Napoleon, a doctor's biography» (Наполеон: Биография, написанная врачом, 1937; 1938); «The "mad" philosopher, Auguste Comte» («Сумасшедший» философ Огюст Конт; 1961); «The permissive society» (Общество вседозволенности, 1971; 1972). Автор мемуаров и новелл: «The white nights; pages from a Russian doctor's notebook» (Белые ночи: Страницы из записной книжки русского доктора, 1956; 1986); «Doctor Strand» (Доктор Стрэнд, 1960; 1975); «The chapel of Saint-Christophe» (Часовня святого Христофора, 1962); «Martha» (Марта, 1963); «Beatrice» (Беатрис, 1969); «On the banks of the River Neva» (На берегах реки Невы: Мемуары, 1973 // на рус. яз.). Чл. Королевс. мед. об-ва Великобритании и Нью-Йоркской АН. Публицист. Автор изданий «Lakeland Ledger» в Лейкленд и «Tampa Tribune» в Тампа (Флорида). Был женат на известной писательнице и музыковедке Alice Hunt-Sokoloff (Эллис Хант-Соколофф) (1912–2006).

ТАТАРИНОВ Владимир Евгеньевич (6.04.1892, Ялта – 31.12.1960, Париж). Из дворян Курской губ.; отец – Е.А. Татаринов, гражд. инженер, мать – Мария Ивановна, урожд. Орлова. Окончил Нижегород. реальное уч-ще, Ялтинскую г-зию, в 1916 – естеств. ф-т Харьковский ун-та по спец. «геология». Офицер 3-й и 13-й инж.-строит. дружин на постройке позиций на Зап., Юго-Зап. и Рум. фронтах. После демобилизации возвратился в Харьков, где занялся полит. и журналист. деят-стью. Секр. местного и гор. к-тов Партии нар. свободы (ПНС), чл. этой партии со студенч. лет. Секр. местного отдела Нац. центра. Работал в харьковских изданиях, зав. редакцией газ. «Новая Россия». Корр. Донского телеграфного агентства при штабе ген. В.З. Май-Маевского. Участник Белого движения. После отступления Добровольч. армии перебрался в Крым. Сотрудничал в крымских газетах. С 1919 возглавлял Симферопольск. телеграфный отдел Крымского пресс-бюро; служил в политехн. отделе штаба 1-го корпуса.

В нояб. 1920 эвакуирован с армией в Константинополь. Входил в Константинопольск. группу ПНС. Чл. ревиз. комиссии Всерос. земского союза за границей. В 20-е гг. жил в Берлине. Секр. местных отделов Нац. союза и ПНС, чл. бюро ПСН в 1921. Чл. редакций и сотр. газеты «Руль», входил в лит.-худож. объединение «Веретено». Выступал со статьями о науке в газ. «Последние новости». С 1924 чл. Союза рус. журналистов и литераторов Германии. Член правления Союза рус. журналистов и литераторов по 1928.

С 1925 лидер берлинской группы «Крестьянской России». В 1927 участвовал в 1 съезде КР-ТКП в Праге. В 1931 вошел от КР-ТКП в состав редколлегии газ. «Руль». На 2 съезде КР-ТКП в 1932 избран главой Совета партии. В 1933 выехал в Прагу. Поддержал переход руководства в КР-ТКП к С.С. Маслову.

В ноябре 1933 переселился в Париж; чл. париж. группы КР-ТКП. Сотр. журнала «Иллюстрированная Россия». Науч. обозреватель газ. «Возрождение». Пост. автор ж. «Знамя России» (Прага). Опубликовал здесь свои программные работы, в частности, в сер. 1938 ст. «Два лагеря в эмиграции» [№ 7–8 (107–108). С. 6–8].

С 1934 чл. париж. Пореволюционного клуба, писал для журнала «Утверждения». Чл. париж. Союза рус. писателей и журналистов. Масон с 1924, высокого посвящения (ложе «Великий свет Севера»), входил в Великую ложу Франции, ложи «Аврора» и «Юпитер». В 1938 входил в группу «Лицом к России». С 1939 – чл. редколлегии бюллетеня «Рус. вольный каменщик».

Во время 2-й мировой войны жил в Экс-ан-Провансе, участник движения Сопротивления. Состоял в юж. группе ложи «Сев. Звезда». Входил в состав делегации эмигрантов, нанесшей 12.2.1945 визит сов. послу во Франции А.Е. Богомолу. С 24.3.1945 Ген. секр. Объединения рус. эмиграции для сближения с Сов. Россией. 30.6.1946 по-

лучил сов. паспорт. Чл. Франц. ассоциации науч. писателей. Сотрудничал с 1945 в просов. газ. «Рус. новости». К 1947 отошел от «совпатриотизма», работал в газ. «Рус. мысль», писал для газ. «Новое рус. слово» (Нью-Йорк).

Докладчик в ложах «Астрея» (1946–51) и «Лотос» (50-е гг.) Чл. Совета Объединения рус. лож. В 1953 получил 32-ю степень посвящения. В 1947–48 – Великий канцлер, в 1955–56 – приор Верховного ареопага Ордо аб хао (чл. его до 1958). 10.4.1956 выступил с докладом «Совр. сов. общество и масонство». Похоронен на кладб. Сен-Женевьев-де-Буа. Жена: Раиса Абрамовна Флейшиц (псевд. Раиса Тарп) (7.11.1889, Кременчуг – 22.10.1974, Париж); лит. критик, переводчик. Автор «Знамени России».

ФРИДЬЕВ (Фридиев; Fridieff) Михаил Евгеньевич, (24.09.1895, Рига – 3.11.1974, Париж). До 1917 учился в Петрограде в Политех. ин-те. Приезжал в Полтаву летом 1917. Близок к меньшевикам. В 1918 служил в окр. суде в Полтаве. С 1919 – вольноопределяющийся в Белой Армии. В 1919 воевал на бронепоезде «Князь Пожарский». В эмигр. в Праге. Окончил Рус. юридич. ин-т в Праге. Спец. в области гос. права.

В Париже после 1928. Член Парижской гр. КР-ТКП с 1929. На собрании 6.04.29 выступал против эволюционистских положений доклада секретаря РДО А.К. Палеолога. 15.04.29 в Парижской группе выступал с докладом «О демократии». Активно участвовал в полит. диск. в 1930–31.

23.11.1931 защитил при юридич. ф-те Парижск. ун-та диссертацию на тему: «Происхождение референдума в Конституции 1793 года», представленную на соискание степени доктора. Диссертация удостоена высшего балла и зачислена в число работ, предназначенных для вознаграждения призом. Опубли. отд. книгой на фр. яз. в 1932 в Париже.

Решением ЦК КР-ТКП от 8.06.1932 Парижская группа за попытку сторонников Н.В. Малолетенкова предложить съезду КР-ТКП непредрежденческую платформу, предполагавшую возможность в России и конституционной монархии, была распущена. Вошел октябре 1932 в новый состав гр. КР-ТКП во главе с Н.А. Ворончковым.

Секретарь масонск. ложи «Свободная Россия» (1933). Постоянный автор ж. «Знамя России» в 1936–37. Серия статей о европейских конституциях 30-х гг. (ЗР № 1, 3, 5, 11, 12 – 1936; № 8 – 1937), работы по политологии – «Сущность авторитарных и тоталитарных государств» (ЗР № 5, 1937) и др. Исторические исследования: «Россия и Европа в освещении Герцена» (ЗР № 4, 1937); «Завещание Петра Великого» (ЗР 1937, № 10), «Россия 40-х годов прошлого столетия в представлении ее французских современников» (ЗР № 7–8 (107–108) июль-август 1938). Публиковал исследования в обл. юриспруденции и истории в ведущих франц. науч. журналах: «Revue de droit constitutionnel française et étrange», «Revue de science criminele et de droit penal compare», «La reforme socifale», «Le Monde Slave» и др. в 1930–60 гг. В 1930-50-е гг. автор статей, посвященных обществ. мнению Франции эпохи Реставрации по отношению к России. Член ревизионной комиссии Рус. академической группы (1963).

ЦАРАПКИН Сергей Романович (1892, дер. Плотихино, Перяславск. у. Владимирск. губ. – 15.1.1960, Рязань), ученый-генетик. Окончил г-зию в Сергиевом Посаде. По взглядам был близок к с.-р. Окончил в 1924 физ.-матем. ф-т 1-го МГУ, ученик С.С. Четверикова. Работал в Ин-те экспериментальной биологии под рук. Н.К. Кольцова. В 1926 командирован в Германию, в Ин-т мозга кайзера Вильгельма (Берлин – Бух), где работал до сер. мая 1945. Сotr. отдела генетики, ассистент Н.Т. Тимофеева-Ресовского. В 1930 в Берлине познакомился с С.С. Масловым. Посетил Прагу с докла-

дом для членов ЦК КР-ТКП. В 1930–31 участвовал в работе Берлинск. группы КР-ТКП. Позднее поддерживал контакты с младороссами, евразийцами, правыми с.-р., НТСНП.

В 1937 в продлении командировки консульством СССР было отказано. Вернуться в СССР отказался. С 1937 – без подданства. Получил вид на жительство в Германии. Д-р биологии. С сер. мая 1945 – зав. лабораторией генетики НИИ Генетики и Биохимии (Берлин – Бух). Арестован в Берлине 13.10.1945. Этапирован в Москву 5.2.1946. Проходил по делу вместе с Н.Т. Тимофеевым-Ресовским. 4.7.1946 г. на закрытом заседании ВКВС СССР осужден к лишению свободы в ИТЛ на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

В 1946–47 содержался в Карлаге, лаборант в б.-це. С окт. 1947 – на Урале, в закрытом НИИ 33/6 в Сунгуле («Лаборатория Б»). В 1955 сослан в Кустанай, работал учителем. В 1957 переехал в Рязань, где и умер. Реабилитирован в 1992.

ЦЕРАЗОВ Александр Алексеевич (1894–1967). Жил в Праге. Работал землемером. Чл. Праж. группы КР-ТКП с нач. 1930-х гг., в 30-е гг. чл. ее правления. Арестован 24.5.1945. Осужден на 10 лет ИТЛ. Вернулся в Чехословакию после 1956. Похоронен в крипте правосл. храма на Ольшанском кладб.

ЧЕВДАРЬ (Чевдар) Эраст Константинович (11.11.1888, Аккерман Бессараб. губ. – 1981, Нью-Йорк). Окончил Петерб. ин-т корпуса инженеров путей сообщения им. Александра I. Служил в Белой армии. С 1920 находился в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1923 окончил техн. ф-т Белградск. ун-та. Работал инж.-строителем. В Белграде в сер. 1920-х гг. вступил в группу «Крест. Россия». Чл. Белградск. группы КР-ТКП в 1930-е гг. Работал в Македонии – в кон. 30-х гг. строил казармы. В 1942 вывезен на работы в Германию. В мае 1945 находился в Берлине. Был кратковременно арестован органами «Смерш», отправлен в Энерсвальде, затем после допросов отпущен. Бежал в Ганновер летом 1946. В июле 1948 – сер. 1949. находился в лагере Ди-пи Шлейсхайм (Мюнхен – Фельдмокинг). В 1948–49 написал мемуары о событиях конца войны, к-рые под назв. «Берлин в апреле 1945» опубл. в газ. «Новое рус. слово» (№ 5, 8–12, 15–19, 22–26, 29–31 окт.; 1, 2 нояб. 1974). Выехал в США к 1950. Вступил в группу «Крест. России» в Нью-Йорке, участвовал в ее работе до 1960. Считал себя демократом. Автор ряда лит. работ. Активный участник полит. жизни. Чл. Конгресса рус. американцев (КРА) и Об-ва рус. инженеров (ОРИ).

ЧЕЛИЩЕВ Виктор Николаевич (1870, Боровск Калуж. губ. – 1.5.1952, Сан-Франциско). Выходец из «среднего достатка помещичьей семьи старого дворянского корня». Окончил Калуж. г-зию и юрид. ф-т Моск. ун-та в 1893. Служил по выборам гласным Боровск. уездн. и Калужск. губ. земств, с 1896 – на службе в Моск. суд. палате. В 1898–1916 мировой судья Симоновского участка в Москве. В 1914 чл. Моск. об-ва патроната над несовершеннолетними, непременный чл. отдела гор. и земского самоуправления Моск. отд-ния имп. Рус. техн. об-ва, чл. Совета, затем тов. (зам.) пред. Моск. юрид. об-ва при Моск. ун-те. С 1916 пред. Моск. съезда мировых судей. Гласный Моск. гор. думы (1916–17).

Чл. К-д. партии. В 1917 ст. пред. Моск. суд. палаты. В 1917 пред. правления Всерос. союза юристов, чл. Гл. к-та Всерос. земского союза. Сочлен изд-ва «Задруга». В 1917–18 чл. Совета обществ. деятелей. В февр. – марте 1918 подготовил проект суд. реформы. С мая 1918 чл. Нац. центра в Москве. Послан этой орг-цией на Юг России. Выехал из Москвы осенью 1918, прибыл на Кубань, с окт. 1918 чл. Особого совещания при главно-

команд. ВСЮР ген. А.И. Деникине. Нач. управления юстиции (1918–02.1920), зам. пред. Особого совещания (1919). В 1919 пред. межведомств. комиссии по зем. вопросу, созданной при Управлении земледелия и землеустройства. Предст. Добровольч. армии на Южно-Рус. конференции. В 1920 обер-прокурор 1-го деп-та сената при ген. П.Н. Врангеле.

В нояб. 1920 эмигрировал из России. В 1921–31 жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС; с 1929 Королевство Югославия), в Белграде. В 1924–29 служил в Мин-ве юстиции Королевства СХС, в 1930–31 – в Ген. дирекции гос. ж. д. Член-основатель Союза рус. писателей и журналистов в Королевстве СХС, в 1926–31 тов. пред. этого Союза. В 1926 один из редакторов издания Союза рус. писателей и журналистов в Королевстве СХС. Один из ред. белградской газ. «Россия». Чл. Орг. бюро 1-го конгресса рус. загран. писателей и журналистов (Белград). С 1928 чл. правления Зарубежного союза рус. писателей и журналистов. Пред. правления Нац.-демокр. объединения русских беженцев в Югославии. Масон, чл. ложи «Побратим» в Белграде.

В 1931 переехал в Прагу. Тов. пред. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии. С марта 1932 чл. Совета Рус. заруб. ист. архива. В 1931–34 чл. КР-ТКП. На II съезде КР-ТКП избран членом ЦК и зам. председателя партии. Чл. Общего собрания Совета партии в 1933–34. Опубликовал в 1932 серию фельетонов-диалогов «Беседы о “Крестьянской России”», дающих юрид. проработку программных положений КР-ТКП. Поддерживал идею создания на терр. СССР федеративного гос-ва с сильным местным самоуправлением. Вышел из КР-ТКП в ноябре 1934 в результате конфликта с С.С. Масловым. Поддерживал тесные полит. связи с А.И. Гучковым.

С кон. 1934 жил в Париже. С 1934 чл. Моск. землячества в Париже, с 1938 чл. его к-та. С 1934 чл., в 1935–45 чл. правления Союза рус. суд. деятелей во Франции, выступал с докладами в этой орг-ции. Сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия», газ. «Доброволец». В 1935 выступал с докладами в кружке «К познанию России», чл. Союза рус. дворян. В 1936 читал лекции в Нар. ун-те. В 1937 выступил с чтением своих докладов в Рус. секции университетских женщин. Во время 2-й мировой войны вместе с Оболенским входил в «Клуб стариков». В 1946 переехал в Калифорнию (США) к сыну, жил в Сан-Франциско. Сотрудничал в журнале «Возрождение».

ЮВЕНИЦКИЙ Александр Арсентьевич (1883, Тверь – 1967, Прага). Из семьи переплетчика. Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та и Павловское воен. уч-ще в Петрограде (1917); выпущен с чином прапорщика. В 1917–18 состоял в ПСР. С 1918 жил в г. Мариуполь. В 1920 в составе Белой армии принимал участие в боях против Красной армии в Донбассе и Крыму. В 1920 эвакуирован с армией в Константинополь.

С 1922 в Чехословакии. В 1927 окончил Рус. юрид. ф-т, канд. правоведения. В 1931 вступил в КР-ТКП, входил в ее Праж. группу; в 1934–37 пред. правления Праж. группы. В 30–40-е гг. работал переплетчиком на дому. Чехосл. подданный с 1934 (или с 1935). В 1937 ЦИК КР-ТКП снят с должности рук. группы в Праге. В партии оставался до 1939.

Арестован в Праге 30.5.1945 праж. опергруппой «Смерш» 1-го Укр. фронта. Арест оформлен 11.6.1945. Осужден Воен. трибуналом Моск ВО 19.11.1945 по ст. 58-4 УК РСФСР к 10 г. ИТЛ. После 1956 вернулся в Прагу. Похоронен на рус. участке Ольшанского кладб.

Примечания

Вступление

¹ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 39. Л. 22–36.

² Там же. Л. 27, 38–39.

Предисловие

¹ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст]: в 6 т. / [сост. Н.И. Канищева]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

² Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30 гг. XX в [Текст] / М.Г. Вандалковская. – М.: ЗАО Грин и К., 2009.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. /Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917–1925 гг. [Текст] / [сост. Н.Д. Ерофеев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

⁴ Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы [Текст]. / [сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

⁵ Постников С.П. Русские в Праге. 1918–1928 гг. [Текст] / С.П. Постников. – Прага: Воля России, 1928. С. 198–200.

⁶ Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945 [Текст] / С.П. Постников. – Нью-Йорк: Norman Ross Publishing inc., 1993. С. 9.

⁷ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции [Текст] / Л.К. Шкаренков. – М.: Мысль, 1981. С. 42, 162.

⁸ Андреева Е.Н. Генерал Власов и русское освободительное движение [Текст] / Е.Н. Андреева. – Лондон: Overseas publishers, 1990.

⁹ Дойков Ю. Маслов Сергей Семенович [Текст] / Дойков Ю.В., Телицин В.Л. // Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1. С. 399–400.

¹⁰ Маслов С.С. «Колхозная Россия» [Текст] / С.С. Маслов. – М.: Наука, 2007.

¹¹ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции [Текст] / С.С. Маслов. – Париж: Русская печать, 1922.

¹² Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания [Текст] / Л.Г. Протасов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 340.

¹³ Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биогр. слов.: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010. Т. 3. С. 750.

¹⁴ Федюк В.П. История русской эмиграции 1917 [Текст]: учебн. пособие / В.П. Федюк, А.В. Урядова. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 56.

¹⁵ Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?) [Текст] / сост. М. Бубеникова. – СПб.: Серебряный век, 1999.

¹⁶ Бочаров С.Г., Сурат И.З. Альфред Людвигович Бем [Текст] / С.Г. Бочаров, И.З. Сурат // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. – М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7–35.

¹⁷ Бубеникова М. Бем Альфред Людвигович [Текст] / М. Бубеникова // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т. 1: Писатели Русского зарубежья. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 62–64.

¹⁸ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus [Текст] / М. Бубеникова // Prague Perspectives. The History of East Central Europe and Russia. – Prague: The National Library of the Czech Republic – Slavonic Library, 2004.

¹⁹ Ерофеев Н.Д. Аргунов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия [Текст] / Н.Д. Ерофеев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 45–46.

²⁰ Нечаев В.П. Воеводин Александр Александрович [Текст] / В.П. Нечаев // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т. 1: Писатели Русского зарубежья. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 109–110.

²¹ Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. Кн. 1 [Текст] / Ю.Н. Сухарев. – М.: Российский архив, 2002.

²² Антипов Н.А. Национальный вопрос и Крестьянская Россия // ГАРФ. Ф. 5934. Оп. 1. Д. 5.

²³ Иберл (Шарфова) К. Священник и зодчий отец Коломацкий [Текст] / К. Иберл (Шарфова). – Прага.: Русская традиция, 2006.

²⁴ Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь [Текст] / Е.А. Александров [ред. К.М. Александров, А.В. Терешук]. – Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Россия), 2005.

²⁵ Вацек И. Пражские издательства [Текст] / И. Вацек // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 331.

²⁶ Базанов П.Н. Из истории издательской деятельности политических организаций первой «волны» русской эмиграции [Текст] / П.Н. Базанов // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в области культуры и искусств. Материалы конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2001.

²⁷ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) [Текст] / П.Н. Базанов. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства, 2004. С. 101–106.

²⁸ Базанов П.Н., Кремнев С.С., Кузнецова С.С., Шомракова И.А. Издательства и издательские организации русской эмиграции [Текст] / П.Н. Базанов, С.С. Кремнев С.С. Кузнецова, И.А. Шомракова. – СПб.: Форма Т, 2005. С. 113–116.

²⁹ Окорочов А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. [Текст] / А.В. Окорочов. – М.: Авуар консалтинг, 2003.

³⁰ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции» [Текст] / М.В. Назаров. – М.: Родник, 1994. С. 230.

³¹ Шагин Э.М. Республиканско-демократический лагерь // Э.М. Шагин, С.В. Константинов // Политическая история русской эмиграции. Документы и материалы: учебн. пособие. [под. ред. А.Ф. Киселева]. – М.: ВЛАДОС, 1999. С. 518–524.

³² Политическая история русской эмиграции. Документы и материалы: учебн. пособие. [под. ред. А.Ф. Киселева]. – М.: ВЛАДОС, 1999. С. 545.

³³ Там же. С. 528–536.

³⁴ Там же. С. 554–561.

³⁵ Шагин Э.М. Республиканско-демократический лагерь. С. 524.

³⁶ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь [Текст] / А.И. Серков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 787–788.

³⁷ Гуль Р. Янус России. Т. 2: Россия во Франции [Текст] / Р. Гуль. – М.: «Б.С.Г. пресс», 2001. С. 212, 214.

³⁸ Тикеев М.Д. Эсеровское движение 20–30 гг. XX века. Материалы к лекциям специального курса по истории политических партий России в 20–30 годы XX века [Текст] / М.Д. Тикеев. – Уфа: Гилем, 2008. С. 57–58.

³⁹ Канишева Н.И. Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: история и современность [Текст] / Н.И. Канишева. – М.: Российская поли-

тическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000; Н.И. Канищева. Разработка П.Н. Милоковым тактического курса эмигрантских кадетских групп [Текст] / Н.И. Канищева // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

⁴⁰ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции [Текст] / С.А. Александров. – М.: АИРО-XXI, 1996.

⁴¹ Куренышев А.А. Крестьянские организации Русского зарубежья [Текст] / А.А. Куренышев // Вопр. истории. 2008. № 1. С. 3–22.

⁴² Яковлева Т.А. Пути Возрождения [Текст] / Т.А. Яковлева. – Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1996. С. 28–29.

⁴³ РДО действовало в 1924–1940 гг. в основном во Франции в качестве протопартии республиканцев-эмигрантов – сторонников П.Н. Милокова. Парижская левокадетская группа постепенно растворялась в РДО, опиравшемся на парижский клуб объединения и газету «Последние новости». К концу 30-х гг. РДО окончательно включило в себя республиканско-демократические группы.

⁴⁴ Базанов П.П. Своим путем. «Крестьянская Россия», она же трудовая крестьянская партия [Текст] / П.П. Базанов, М.В. Соколов // Родина. 2008. № 2. С. 74–79.

⁴⁵ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае [Текст] / Ван Чжичен. – М.: Русский путь, 2008. С. 388–389.

⁴⁶ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 годы [Текст] / [Сост. А.И. Байдаков, Н.А. Ермаков, О.И. Нажесткин, В.Б. Барковский]. – М.: Международные отношения, 1996.

⁴⁷ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1960: справочник [Текст] / [Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. Р.Г. Пихоя]. – М.: Изд. Международный фонд «Демократия», 1997. («Россия. XX век. Документы»).

⁴⁸ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. [Текст] / А.Г. Тепляков. – М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. (Серия «АИРО – Монография»).

⁴⁹ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК [Текст] / А.А. Папчинский, М.А. Тумшис. – М.: Современник, 2001.

⁵⁰ Ю.П. Свириденко В.Ф. Ершов В.Ф. Белый террор: Политический экстремизм русской эмиграции [Текст] / Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. – М.: Изд. МГУ сервиса, 2000.

⁵¹ Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции [Текст] / Б.В. Прянишников. – М.: Язуз. ЭКСМО, 2004.

⁵² Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать [Текст] / Л. Флейшман. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁵³ Русская эмиграции в борьбе с большевизмом [Текст] / [сост. С.В. Волков]. – М.: Центр-полиграф, 2005.

⁵⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы: в 4 т. 1918–1939. Т. 1–2 [Текст] / [ред. А. Берелович, В. Данилов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 792–796.

⁵⁶ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 [Текст] / Андреа Грациози [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной; пер. с фр. В.А. Мильчиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

⁵⁷ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня [Текст] / Ш. Фицпатрик [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

⁵⁸ Кондрашин В.В. Голод 1932–33 годов: трагедия российской деревни [Текст] / В.В. Кондрашин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

Глава I
Точка отсчета. Откуда пошли
«крестьянские либералы»?

- ¹ Маслов С.С. У истоков нашей катастрофы // Знамя России. 1936. № 3 (79). С. 3–6.
- ² Маслов С.С. Кому принадлежит будущее? // Знамя России. 1937. № 9 (98). С. 4–6; Он же. Кому принадлежит российское будущее? // Знамя России. 1937. № 11 (100). С. 5–9.
- ³ Партия социалистов-революционеров. 1900–1925 гг.: в 3 т. [Текст] / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996–2000.
- ⁴ Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918. Серия ИНРИ под общей ред. А.И. Солженицына. Т. 5. – Париж: ИМКА-Пресс, 1985.
- ⁵ Янсен М. Суд без суда. 1922 г. Показательный процесс социалистов-революционеров [Текст] / Марк Янсен. – М.: Возвращение, 1993. С. 24.
- ⁶ Партия социалистов-революционеров. Октябрь 1917–1925 гг. [Текст] / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 16.
- ⁷ Там же. С. 367.
- ⁸ Резолюция X Совета ПСР // Революционная Россия. 1921. № 11. С. 3. [Текст] / Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Октябрь 1917–1925 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 773.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 [Текст] / В.Д. Зимина. – М.: РГГУ, 2006. С. 238.
- ¹² Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 5.11.1922 // ГАРФ. Ф. 6092. Оп. 1. Д. 21. Л. 57–58.
- ¹³ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции [Текст] / С.С. Маслов. – Париж: Русская печать, 1922.
- ¹⁴ Сорокин П.А. Социология революции [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2005.
- ¹⁵ Сорокин П.А. Современное состояние России [Текст] / П.А. Сорокин. Прага.: Изд. Владимир А. Виничук, 1923. С. 57–58.
- ¹⁶ Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905–1930 гг.: Мифы и реальность. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004.
- ¹⁷ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики. – М.: Кучково поле, 2006. С. 71 / А.М. Плеханов. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. М.: X-History, 2003.
- ¹⁸ Там в России. Доклад С.С. Маслова [Текст] / «Последние новости». 1 декабря 1921. № 499 С. 2.
- ¹⁹ Соколов М. Создание Республиканско-демократического союза [Текст] / М.В. Соколов // Диаспора. Вып. VI: Новые материалы. – СПб., 2004. С. 174–263.
- ²⁰ Национальный архив Чехии. PMV-AMV-225-1207-6-85.
- ²¹ Письмо С.С. Маслова Симону Осиповичу в Пинск от 27.12.1934 г. Оригинал – в архиве автора.
- ²² Маслов С.С. Мирской человек. Из жизни современной крестьянской интеллигенции [Текст] / С.С. Маслов. – М., 1916.
- ²³ Известия Всероссийского Совета КД. – П., 1917, 9 мая – 6 июня; Быховский Н.Я. Всероссийский Совет КД. 1917. – М., 1929.
- ²⁴ Маслов С.С. Что такое социализм [Текст] / С.С. Маслов. – Пг.: Знамя труда, 1917.
- ²⁵ Маслов С.С. Социализм и Крестьянство [Текст] / С.С. Маслов, Кооперативное т-во. – Пг.: Издательство «Революционная мысль», 1917. С. 3.
- ²⁶ Там же. С. 32.
- ²⁷ Соколов Б. На берегах Невы. Пер. с англ. Джона Галепено. – Бристоль, 1973. [Электронный ресурс] http://book-read.ru/libbook_106179.html

²⁸ Кандидатские списки ПСР на выборах в Учредительное собрание // Партийные известия. 1917. № 4. С. 34. / Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Октябрь 1917–1925 гг. [Текст] / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 245.

²⁹ Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова [Текст] / Т.М. Димони, И.А. Виноградов. – Вологда, 2007. С. 1.

³⁰ Маслов С.С. Трудовые и земельные артели, их значение, история, их организация и устав. – Ярославль, 1918.

³¹ Маслов С.С. Коллективно-земельное движение в современной России [Текст] / Сергей Маслов // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Чайковский Н.В. Об архангельском перевороте [Текст] / Н.В. Чайковский // Последние новости. 1921. 23 сент. (№ 441). С. 2.

³⁵ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917–1925) [Текст] / С.П. Мельгунов. – Париж, 1929.

³⁶ В Демократической группе. Чествование Н.В. Чайковского // «За Свободу!». 4 февраля 1926 г. № 27 (1758) С. 3.

³⁷ Архив автора.

³⁸ Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Дело по обвинению Маслова Сергея Семеновича. Л. 9 [Текст] / Цит. по: Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова. – Вологда, 2007. С. 2.

³⁹ Там же. С. 87–88.

⁴⁰ Там же. С. 88.

⁴¹ Кроль М.А. Страницы моей жизни. – М.: Мосты культуры – Гешарим, 2008. С. 517.

⁴² Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Дело по обвинению Маслова Сергея Семеновича. Л. 5 [Текст] / Цит. по: Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова. – Вологда, 2007. С. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Национальный архив Чехии. Narodni archiv. PMV-AMV-225-1207-6-85.

⁴⁵ Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Дело по обвинению Маслова Сергея Семеновича. Л. 9 [Текст] / Цит. по: Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова. – Вологда, 2007. С. 2.

⁴⁶ Письмо С.С. Маслова Симону Осиповичу в Пинск от 27.12.1934 г. Оригинал – в архиве автора.

⁴⁷ Автобиография С.С. Маслова в документах [Текст] // Маслов С.С. Колхозная Россия. – М.: Наука, 2007. С. 37–38.

⁴⁸ Архив УФСБ РФ по Вологодской области. Дело по обвинению С.С. Маслова, К.А. Новикова, С.Е. Уманской. Л. 72. Дело на Ф.И. Юхнева. Л. 303 // Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова [Текст] / Т.М. Димони, И.А. Виноградов. – Вологда, 2007.

⁴⁹ Национальный архив Чехии. Prapa. Narodni archiv. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV-225-1207-6. Л. 87(96).

⁵⁰ Огановский Николай Петрович (1 ноября 1874, Вильно – 1938, Уфа) – статистик, аграрий «чаяновской школы», член ТНСП, с осени 1917 г. – правый эсер, с начала 20-х годов преподавал в МГУ. В октябре 1922 г. арестован. Коллегия ГПУ постановила выслать Огановского за границу на 3 года, но по ходатайству Наркомзема и 1-го МГУ Огановский был освобожден. Коллегией ОГПУ в 1931 г. приговорен к 5 годам лишения свободы, в 1933 г. на оставшийся срок выслан в Башкирию. В июне 1935 г. освобожден и остался в Уфе. Скончался предположительно в 1938 г.

⁵¹ Центральный Архив ФСБ РФ (далее ЦА ФСБ РФ). Д. Р-48877. Л. 241.

- ⁵² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 94.
- ⁵³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27056. Т. 5. Л. 69–70.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Куренышев А.А. Крестьянские организации Русского зарубежья [Текст] / А.А. Куренышев // Вопр. истории. 2008. № 1. С. 14.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 30. Л. 93.
- ⁵⁷ Columbia university rare books and manuscript library Bakhmeteff archive (далее – BAR). Vasar collection. Box 1.
- ⁵⁸ Галас М.Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова [Текст] / М.Л. Галас. – М.: Аксон, 2007. С. 162–163.
- ⁵⁹ «Крестьянская Россия». Издание Пражской группы и Центрального Бюро загр. групп «Крестьянской России». Февраль 1924 г. Прага // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 184.
- ⁶¹ Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. – М.: Гос. изд., 1920 [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml
- ⁶² Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики [Текст] / А.М. Плеханов. – М.: Кучково поле, 2006. С. 71.
- ⁶³ Там же. С. 71.
- ⁶⁴ Письмо С.С. Маслова Симону Осиповичу в Пинск от 27.12.1934 г. Оригинал – в архиве автора.
- ⁶⁵ Автобиография С.С. Маслова в документах [Текст] // Маслов С.С. Колхозная Россия. – М.: Наука, 2007. С. 38.
- ⁶⁶ Маслов С.С., Морев Н.Я. Из прошлого [Текст] / С.С. Маслов // Знамя России. 1936. № 2(78).
- ⁶⁷ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus [Текст] / М. Бубеникова // Prague Perspectives. The History of East central Europe and Russia. – Prague, 2004. С. 394.
- ⁶⁸ Там же С. 395.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 397.
- ⁷¹ Бем А.Л. Ликвидация прошлого. (Политические партии и группы после падения Крыма) [Текст] / А.Л. Бем. // Свобода. 1922. № 1 (140).
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus. С. 400.
- ⁷⁴ Бем А.Л. Ликвидация прошлого.
- ⁷⁵ Дневник С.С. Маслова 1921–1944 гг. С. 2. / Копия – архив автора. Оригинал – в архиве семьи Масловых-Штайнер. Прага.
- ⁷⁶ Записи 9–12 ноября 1921 г. Там же. С. 17
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 6-а. Л. 55.
- ⁷⁸ Дневник С.С. Маслова. С. 18.
- ⁷⁹ Письмо С.С. Маслова С.П. Постникову от 8.11.1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6065. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2.
- ⁸⁰ Там же. Л. 18–19.
- ⁸¹ Маслов С.С. Социализм и Крестьянство [Текст] / С.С. Маслов – / Кооперативное т-во. Издательство «Революционная мысль». – Пг., 1917. С. 3.
- ⁸² Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века [Текст] / М.: АИРО-XX, 1998. С. 15.
- ⁸³ А.С. Стамболийский (1879–1923) – в 1920–1923 гг. – премьер-министр Болгарии, лидер Болгарского земледельческого союза.
- ⁸⁴ Бунин И. Итоги // Утро. Нью-Йорк, 1922. 6 янв., № 5. / Бунин И. Великий дурман. – М.: Сов. секретно, 1997. С. 113–116.

- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Савич Н.В. После исхода. Парижский дневник 1921–1923 [Текст] / Н.В. Савич. – М.: Русский путь, 2008. С. 186–187. Авторы комментария к книге ошибочно приписывают этот сюжет С.Л. Маслову, в Париж не выезжавшему.
- ⁸⁷ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст] – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 189–190.
- ⁸⁸ Четыре года. Доклад С.С. Маслова [Текст] // Последние новости. 1921. 25 ноября. № 494. С. 2.
- ⁸⁹ Четыре года. На докладе С.С. Маслова [Текст] // Последние новости. 1921. 27 ноября. № 496. С. 2.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там в России. Доклад С.С. Маслова [Текст] // Последние новости. 1921. 1 декабря 1921. № 499. С. 2.
- ⁹³ За четыре года. Очерки Сов. России [Текст] // Последние новости. 1921. 3 декабря. № 501. С. 2–3.
- ⁹⁴ Там же. С. 3.
- ⁹⁵ Там же. 7 декабря. № 504. С. 2.
- ⁹⁶ Там же. 10 декабря. № 507. С. 2.
- ⁹⁷ Там же. 13 декабря. № 509. С. 2.
- ⁹⁸ Там же. 16 декабря. № 512. С. 2.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции [Текст] / С.С. Маслов. – Париж: Русская печать, 1922.
- ¹⁰¹ Анонсировано переиздание в издательстве «Наука».
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 18, 21.
- ¹⁰³ Там же. Л. 22.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 21.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 61.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 80–81.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 211.
- ¹⁰⁹ Дневник С.С. Маслова. С. 19.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же. С. 21.
- ¹¹² Там же. С. 22.
- ¹¹³ Там же. С. 28–29.
- ¹¹⁴ Письмо С.С. Маслова С.П. Постникову от 8 нояб. 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6065. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
- ¹¹⁵ Маслов С.С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. № XI. С. 195–233.
- ¹¹⁶ Там же. С. 232.
- ¹¹⁷ Дневник С.С. Маслова. С. 23.
- ¹¹⁸ Там же. С. 27.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. С. 28–29.
- ¹²¹ Допрос С.С. Маслова в чешской полиции от 7 марта 1938 г. Национальный архив Чехии. Прага. Фонд Президиума МВД. (Narodni archiv. Ministerstvo vnitra 1 – Presidium. PMV-AMV 225-1207-90/99)

- ¹²² Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 211.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 71. Л. 295. / Цит. по: Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. – М., 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 189.
- ¹²⁴ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под общей ред. Л. Белошевской [Текст] / ред. Л. Белошевская. – Прага, 2000. Т. 1. С. 63.
- ¹²⁵ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) [Текст] / П.Н. Базанов. – СПб., 2004. С. 102–103.
- ¹²⁶ Национальный Архив Чешской республики, фонд МВД Список русских, проживающих в Збрашаве в 1922. – Narodni archiv Praha, MV-I, 225-1169-4/1-8.
- ¹²⁷ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus [Текст] / М. Бубеникова // Prague Perspectives. The History of East Central Europe and Russia. – Prague, 2004. С. 401.
- ¹²⁸ «Крестьянская Россия». Издание Пражской группы и Центрального Бюро загр. групп «Крестьянской России». Февраль 1924 г., Прага // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- ¹²⁹ Черновик протокола заседаний I съезда «Крестьянской России». ГАРФ. Ф. Р-9105. Д. 9. Оп. 1. Л. 89–90.
- ¹³⁰ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus [Текст] / М. Бубеникова // Prague Perspectives. The History of East central Europe and Russia. Prague, 2004. С. 406.
- ¹³¹ Соколов Б. Эдвард Бенеш и пути реалистического демократизма [Текст] / Б. Соколов. Изд Я. Поволоцкий. Париж, 1926.
- ¹³² ГАРФ. Ф. Р-7506. Оп. 1. Д. 71. Л. 301. Цит. по: Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 193.
- ¹³³ Сорокин П.А. Современное состояние России [Текст] / П.А. Сорокин. – Прага.: Изд. Владимир А. Виничук, 1923. С. 57–58.
- ¹³⁴ Там же. С. 58.
- ¹³⁵ Там же. С. 56–57.
- ¹³⁶ Письмо М. Слонима Е.А. Ляцкому // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) [Текст]. – Praha, 1998. С. 74.
- ¹³⁷ Письмо А.А. Аргунова С.П. Мельгунову от 7 сентября 1923 г. // Archives division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 54.
- ¹³⁸ Письмо Б.А. Евреинова А.А. Вакару от 5 апреля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 144. С. 73–74.
- ¹³⁹ Письмо А.А. Аргунова Е.Д. Кусковой от 20 апреля 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 22. Л. 40.
- ¹⁴⁰ Письмо С.С. Маслова Е.Д. Кусковой от 12 марта 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 303. Л. 16.
- ¹⁴¹ Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Берлин, 1922. Вып. 1. С. 37–38.
- ¹⁴² Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Прага, 1923. Вып. 2–3. С. 91.
- ¹⁴³ Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Прага, 1924. Вып. 7. С. 3.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁴⁵ Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Прага, 1924. Вып. 8–9. С. 75.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 76–77.
- ¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–3.
- ¹⁴⁸ Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Берлин, 1922. Вып. 1. С. 4.
- ¹⁴⁹ Письмо С.С. Маслова Е.Д. Кусковой от декабря 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 303. Л. 19.
- ¹⁵⁰ Крестьянская Россия: сб. [Текст]. – Прага, 1923. Вып. 2–3. С. 85.
- ¹⁵¹ Антипов Н. О программе «Крестьянской России» // ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

- ¹⁵² ЦА ФСБ РФ, Д. Р-46470. Л. 239.
- ¹⁵³ Там же. Л. 30.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 95.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 14.
- ¹⁵⁶ Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 5 ноября 1922. ГАРФ. Ф. Р-6092. Оп. 1. Д. 21. Л. 58–59.
- ¹⁵⁷ Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение [Текст] / Е. Андреева. – Лондон, 1990: «Overseas publishers». С. 233.
- ¹⁵⁸ «Крестьянская Россия», издание Пражской группы и Центрального Бюро Загр<а-ничных> групп «Крестьянской России», февраль 1924 г. – Прага. С. 6. ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁵⁹ Агентурное сообщение в Иностраннный отдел ГПУ с изложением доклада Б.Г. Валенбургера по истории русской эмиграции в Чехословакии. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 44–56. Цит. по: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды [Текст]. – М.: Триада-Х, 2001. С. 324.
- ¹⁶⁰ Рафальский С.М. Их памяти [Текст] // С.М. Рафальский. – Париж: Альбатрос, 1987. С. 173.
- ¹⁶¹ ЦА ФСБ РФ, Д. Р-46470. Л. 364–365.
- ¹⁶² Там же. Л. 277.
- ¹⁶³ Дневник С.С. Маслова. С. 272–274. / Копия – архив автора. Оригинал – архив семьи Штайнер, Прага. Членом группы в США, видимо, считали уехавшего на рубеже 1924 г. и сразу отошедшего от политики П.А. Сорокина.
- ¹⁶⁴ Збраслав.
- ¹⁶⁵ Агентурное сообщение в Иностраннный отдел ГПУ с изложением доклада Б.Г. Валенбургера... Цит. по: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. С. 327, 335.
- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
- ¹⁶⁷ Письмо С.С. Маслова Е.Д. Кусковой. Б.д. – предп. – 1923 г. // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 303. Л. 23.
- ¹⁶⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-34566. Л. 25.
- ¹⁶⁹ Газ. «Последние новости», 20 августа 1921. «Председатель группы П.Н. Милюков, товарищ председателя М.В. Винавер, секретарь Н.Н. Волков, казначей А.М. Михельсон, члены группы С.И. Басс, А.С. Безчинский, М.В. Брайневич (жил в Лондоне), Е.М. Винавер, П.П. Гронский, Н.П. Демидов, Н.Н. Ефремов, П.Ю. Зубов, А.И. Коновалов, А.В. Косиковская, А.С. Милюкова, Н.П. Могиланский, М.А. Рысс, П.Я. Рысс, А.А. Свечин, В.А. Харламов, И.С. Шнеерсон, А.Е. Эльяшев».
- ¹⁷⁰ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст] / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 189–190.
- ¹⁷¹ Там же. С. 190.
- ¹⁷² Там же. С. 260.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 261.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 307.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 309.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 310.
- ¹⁷⁹ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции [Текст] / Александров С.А. – М.: АИРО, 1996. Приложение. С. 116–121.
- ¹⁸⁰ Три платформы Республиканско-Демократических Объединений (1922–1924) / Политический комментарий П.Н. Милюкова [Текст]. – Париж, 1925. С. 57–63 (приложение).
- ¹⁸¹ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 350–351.

- ¹⁸² Канищева Н.И. Разработка П.Н. Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н. Милюков: историк, политик дипломат [Текст] // Н.И. Канищева. – М., 2000. С. 172– 174.
- ¹⁸³ Пешехонов А.В. Недоумение и сомнение [Текст] // А.В. Пешехонов // Дни. № 36. 10 декабря 1922 г.
- ¹⁸⁴ Маслов С.С. Крестьянская Россия» и А.В. Пешехонов [Текст] / С.С. Маслов // Дни. № 51. 30 декабря 1922 г.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же
- ¹⁸⁷ Партия и класс [Текст] / б.а. // Дни..№ 51. 30 декабря 1922 г.
- ¹⁸⁸ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 16.
- ¹⁸⁹ Там же. Кн. 2. С. 18.
- ¹⁹⁰ Доклад о реорганизации линии связи // ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
- ¹⁹¹ Мельгунов С.П. Наша предшественница [Текст] / С.П. Мельгунов // Борьба за Россию. № 66. 5 февраля 1928. С. 4.
- ¹⁹² Историк Борис Евреинов, служивший в Черниговском гусарском полку Белой армии, был эвакуирован после ранения в Югославию. Затем в начале 20-х гг. проживал в Варшаве, был зятем известной общественной деятельницы А.И. Жекулиной.
- ¹⁹³ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. С. 5.
- ¹⁹⁴ Мельгунов С.П. Наша предшественница. С. 4.
- ¹⁹⁵ Письмо Д.К. Капацкого А.П. Вельмиу от 29 июня 1952 г. // VAR. Vakar collection.
- Вох 2.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ VAR. Vakar collection. Вох 2.
- ¹⁹⁸ Мельгунов С.П. Наша предшественница. С. 5.
- ¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. С. 20.
- ²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. С. 24.
- ²⁰¹ Письмо Б. Евреинова Е. Вагнер от 18 октября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 8.
- Л. 5.
- ²⁰² Письмо Б. Евреинова А.А. Вакару от 5 апреля 1923 г. // ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 144.
- Л. 73–74. Под «друзьями» имелись в виду польские спецслужбы.
- ²⁰³ То есть в России.
- ²⁰⁴ Письмо Б.А. Евреинова А.А. Вакару от 28 апреля 1923 г. // ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 144. Л. 76.
- ²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 144. Л. 87.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 82.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 99.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Письмо Д.К. Капацкого А.П. Вельмину от 29 июня 1952 г. VAR.
- ²¹⁰ Вельмин А.П. Памяти Д.К. Капацкого [Рукопись]. ВАС Velmin coll. Вох 2.
- ²¹¹ Письмо А.П. Вельмина И.С. Микуловскому от 20 июня 1954 г. Копия. ВАС. Velmin coll. Вох Correspondence 1954.
- ²¹² Вельмин А.П. Пояснения к переписке с Д.К. Капацким. ВАС. Velmin coll. Вох Correspondence 1954.
- ²¹³ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Под общей редакцией Л. Беложеской [Текст] / ред. Л. Беложеская. – Прага, 2000. Т. 1. С. 99–100.
- ²¹⁴ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 118.
- ²¹⁵ Там же.

- 216 Там же. С. 126.
 217 Там же. С. 118.
 218 Там же. С. 122
 219 Там же. С. 123.
 220 Там же. С. 124.
 221 Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. С. 106.
 222 Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 140.
 223 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 31 июля 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.
 224 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 20 июля 1923 г. // Там же. Л. 90.
 225 Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 149.
 226 Письмо П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой от 12 февраля 1923 г. Опубл. в: Политическая история русской эмиграции» [Текст]. – М.: ВЛАДОС, 1999. С. 531. ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 107, 122.
 227 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 3 июля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 91.
 228 Из писем П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой. Письмо от 26 сентября 1923 г. Опубликовано в: Политическая история русской эмиграции. – М.: ВЛАДОС, 1999. С. 530. ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 107–122.
 229 VAR, Miliukov collection. Box 1, file Masarik.
 230 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 164.
 231 Там же.
 232 Там же. С. 166.
 233 Газета «Последние новости». № 1099. 22 ноября 1922 г.
 234 Там же.
 235 ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 144. С. 120.
 236 Там же.
 237 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреину от 11 декабря 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Ф. 38. Л. 382.
 238 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 19 ноября 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 82.
 239 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 170–171.
 240 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 19 ноября 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.
 241 Протоколы Заграничных групп... Т. 6 Кн. 2. С. 170.
 242 Там же. С. 193.
 243 Там же.
 244 Из письма А.А. Аргунова С.П. Мельгунову от 6 декабря 1923 г. // Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 54.
 245 Там же.
 246 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 208.
 247 Там же.
 248 Из письма А. Аргунова С. Мельгунову от 16 декабря 1923 г. // Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 54.
 249 Записка отдела внешней информации ИНО ГПУ о Республиканско-демократическом объединении. 1923. // ГАРФ. Ф. Н-6366. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
 250 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
 251 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
 252 Первоначально планировалось название: «Союз республиканско-демократических организаций».

- 253 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
- 254 Там же. Л. 4.
- 255 Там же.
- 256 Там же.
- 257 Там же. Л. 5.
- 258 Там же.
- 259 Там же. Л. 6.
- 260 Там же.
- 261 Там же.
- 262 Там же.
- 263 Там же. Л. 21.
- 264 Там же. Л. 8.
- 265 Там же.
- 266 Там же.
- 267 Там же. Л. 9.
- 268 Там же. Л. 26.
- 269 Там же.
- 270 Там же. Л. 27.
- 271 Там же.
- 272 Там же. Л. 49.
- 273 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 216.
- 274 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.
- 275 Там же. Л. 68.
- 276 Там же.
- 277 Там же.
- 278 Там же.
- 279 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 34–35; 59–61. Изданы, например, брошюры: *Иванович Ст.* Российская коммунистическая партия. – Берлин: Свободная Россия, 1924. – 116 с.; *Загорский С.* Рабочий вопрос в Советской России. Популярная библиотека «Свободная Россия». – Берлин: Свободная Россия, 1925. – 116 с.; *Враги крестьянства.* Популярная библиотека «Свободная Россия». – Прага: Республиканско-демократический союз, 1926. – 61 с.; *Миллюков П.Н.* Национальный вопрос. Происхождение национальности и национальные вопросы в России. – Берлин: Свободная Россия, 1925. – 192 с.; *Загорский С.О.* К социализму или к капитализму? Популярная библиотека «Свободная Россия». – Прага: Республиканско-демократический союз, 1927. – 308 с.
- 280 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 10, 69–70.
- 281 Там же. Л. 10, 77–78.
- 282 Там же. Л. 79.
- 283 Совещание о блоке // Последние новости. 1924. 5 января. № 1135. С. 1.
- 284 Пражское совещание // Последние новости. 1924. 6 января. № 1136. С. 1.
- 285 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 214.
- 286 Русская эмиграция. 1920–1990 [Текст]. – М.: Авуар консалтинг, 2003. С. 88.
- 287 Трудовая народно-социалистическая партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия [Текст] [ред. В.В. Шелохаев, В.П. Булдаков, Н.Д. Ерофеев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 626.
- 288 Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 48.
- 289 Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1924 г.). [Текст] / ред. А.Н. Сахаров. Т. 2. – М., 2001. С. 51.
- 290 Яковлева Т.А. Пути Возрождения [Текст] / Т.А. Яковлева. – Иркутск, 1996. С. 34.

- ²⁹¹ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 9.01.1924. ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
- ²⁹² Там же.
- ²⁹³ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 220.
- ²⁹⁴ Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. С. 490.
- ²⁹⁵ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 29.01.1924 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.
- ²⁹⁶ Из письма А. Аргунова С. Мельгунову от 23.12.1924 // Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 54.
- ²⁹⁷ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 313.
- ²⁹⁸ Письмо П.Н. Милюкова С.П. Мельгунову от 8.05.1924 // Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 55.
- ²⁹⁹ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 260.
- ³⁰⁰ Правильно – Арнольди.
- ³⁰¹ ЦА СВР РФ. Арх. № 37. Т. 1. Л. 146. Цит по: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 5: Раскол: 1924–1925 гг. / Сост.: В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Басик и др. – М.: РГГУ, 2010. С. 217–218.
- ³⁰² ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.
- ³⁰³ Там же. Л. 363.
- ³⁰⁴ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 313.
- ³⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 363–364.
- ³⁰⁶ ЦА СВР РФ. Арх. № 37. Т. 1. Л. 146. Цит по: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 5. С. 218.
- ³⁰⁷ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 313–314.
- ³⁰⁸ Из письма А. Аргунова С. Мельгунову от 15.07.1924 // Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection. Box 54.
- ³⁰⁹ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 342.
- ³¹⁰ Письмо А.А. Аргунова Е.Д. Кусковой от 13.10.1924 // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 22. Л. 36.
- ³¹¹ «Из деятельности Центрального Бюро», «Информационный листок Крестьянской России» № 2. 1924 г. С. 6. Цит. по: ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- ³¹² «Информационный листок КР» № 2. 1924 г. С. 8 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
- ³¹³ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 261.
- ³¹⁴ Письмо С.С. Маслова Е. Д. Кусковой от 24.02.1924 // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 303. Л. 13.
- ³¹⁵ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы [Текст]. – М.: Русский путь, 2006. С. 193.
- ³¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
- ³¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9105, Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- ³¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 246.
- ³¹⁹ Письма из Праги (Доклад С.С. Маслова о поездке на Балканы) // «За Свободу!». 24 сентября 1925. № 246 (1659).
- ³²⁰ «Вестник Крестьянской России». № 10. Март 1927 г. С. 38.
- ³²¹ Письма из Праги // «За Свободу!». № 246 (1650) 24 сентября 1925 г.
- ³²² Информационный листок № 2 «Крестьянской России». Издание Пражской группы и Центрального Бюро загр. групп. Прага июль 1924 г. ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7; Прага. «Славянская библиотека» IY-1048.
- ³²³ Там же.
- ³²⁴ Письмо С.С. Маслова Е.Д. Кусковой от 24 февраля 1924 г. ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 303. Л. 9.

- ³²⁵ Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России. № 1. 1925. Прага. С. 1.
- ³²⁶ Базанов П.Н. Издательства и издательские организации русской эмиграции [Текст] / П.Н. Базанов. – СПб.: «ФормаТ», 2005. С. 113–116.
- ³²⁷ Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России. № 1. 1925. Прага. С. 1.
- ³²⁸ Там же.
- ³²⁹ Там же.
- ³³⁰ Вне рядов демократии // Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России. № 1. 1925. Прага. С. 9–10.
- ³³¹ Там же
- ³³² Воля России. № 10–11, 16–17. 1924.
- ³³³ Вне рядов демократии // Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России. № 1. 1925. Прага. С. 11.
- ³³⁴ Кирилл I // Там же. С. 15.
- ³³⁵ Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 23.12.1924 // ГАРФ. Ф. Р-6092. Оп. 1. Д. 21. Л. 90.
- ³³⁶ Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 5.02.1925 // Там же. Л. 94–95.
- ³³⁷ Студенческие годы. Прага, 1925. № 3 май-июнь. С. 22.
- ³³⁸ Завадский С.В. Жизнь и дело Т.Г. Масарика [Текст] / С.В. Завадский. Прага: Изд. «Крестьянская Россия», 1925.
- ³³⁹ От издателей 5 мая 1925 // Завадский С.В. Жизнь и дело Т.Г. Масарика. С. 3.
- ³⁴⁰ Там же. С. 4.
- ³⁴¹ Там же. С. 3.
- ³⁴² Там же. С. 5.
- ³⁴³ Там же. С. 7–8.
- ³⁴⁴ Россия и эмиграция // «За Свободу!». № 273 (1677). 25 октября 1925 г.
- ³⁴⁵ Республиканско-демократический союз-блок // Вестник Крестьянской России. № 8–9, март 1926 г. С. 170.
- ³⁴⁶ Там же.
- ³⁴⁷ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 410.
- ³⁴⁸ Протокол заседания РДС от 22 октября 1924 г. № 1 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 91.
- ³⁴⁹ Протокол Заседания Пражского отд<ела> РД блока от 27 октября 1925 г. Л. 105.
- ³⁵⁰ Протокол заседания Республиканско-Демократического Союза от 11 дек<абря> 1925 г. № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Л. 110.
- ³⁵¹ Протокол заседания Пражского отдела РДС от 27 сентября 1924 г. // Там же. Л. 128.
- ³⁵² Письмо Пражского отдела РДС П.Н. Милюкову от 30 января 1927 г. // Там же. Д. 15. Л. 142.
- ³⁵³ Протокол заседания местного отд<еления> РДС от 27 янв<аря> 1927 г. // Там же. Л. 137.
- ³⁵⁴ Протокол заседания Пражского отдела Р.Д.С. от 9 марта 1927 г. // Там же. Л. 140.
- ³⁵⁵ Там же.
- ³⁵⁶ Канищева Н.И. Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н. Милюков: историк, политик дипломат [Текст] / Н.И. Канищева. – М., 2000. С. 180.
- ³⁵⁷ Протокол заседания РДС от 11 декабря 1925 г. № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 110.
- ³⁵⁸ Доклад о поездке в Польшу в 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6636. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
- ³⁵⁹ Доклад о реорганизации линии связи // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ Доклад о поездке в Польшу в 1924 г. // ГАРФ. Ф. 6636. Оп. 1. Д. 59. Л. 4.

- ³⁶² Докладные записки Микуловского за 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–11.
- ³⁶³ Протокол заседания ДемБлока от 19-го апр<еля> 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
- ³⁶⁴ Показания Н.В. Быстрова // ЦА ФСБ РФ Д. Р-46470. Л. 267.
- ³⁶⁵ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 6 июня 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 68.
- ³⁶⁶ Записка отдела внешней информации ИНО ГПУ о Республиканско-демократическом объединении. 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
- ³⁶⁷ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 6 июня 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.
- ³⁶⁸ Протокол заседания РДС. от 22 октября 1924 г. № 1 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 90.
- ³⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
- ³⁷⁰ BAR, Velmin coll, box 6, file Kapatsinskii.
- ³⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 83. Л. 1
- ³⁷² А.П. Вельмин. История одной антикоммунистической организации [Текст; рукопись] / Вельмин А.П.: BAR, Velmin coll. Box 6. С. 6. Неопубл.
- ³⁷³ Газета «Robotnik» № 175, 27 июля 1925 г. Дело шпионской организации «За Свободу!». № 168 (1572). 28 июня 1925 г.
- ³⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 83. Л. 5.
- ³⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 111.
- ³⁷⁶ Там же.
- ³⁷⁷ Там же.
- ³⁷⁸ Там же. Л. 112.
- ³⁷⁹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л.7. Л. 43.
- ³⁸⁰ Там же. Л. 43.
- ³⁸¹ Там же. Л. 26.
- ³⁸² Там же.
- ³⁸³ Там же. Л. 43.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 21–22.
- ³⁸⁵ ЦА ФСБ РФ. Р-35062. Т. 2. Л. 372.
- ³⁸⁶ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 34.
- ³⁸⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35062. Л. 372.
- ³⁸⁸ Там же. Л. 69.
- ³⁸⁹ Там же. Л. 380.
- ³⁹⁰ Там же. Л. 397.
- ³⁹¹ Введение [Текст] // Крестьянская Россия: сб. статей. Издание Нью-йоркской группы «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. – Нью-Йорк, 1953. С. 133.
- ³⁹² Протокол заседания № 2 Респ. Дем. Союза от 4 января 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 113.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ Там же.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 115.
- ³⁹⁷ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. С. 334.
- ³⁹⁸ Протокол заседания РДС от 22 апреля 1924 г. № 1 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.
- ³⁹⁹ Протокол заседания РДС от 22 октября 1924 г. № 1 // Там же. Л. 89.
- ⁴⁰⁰ Секретный доклад ОГПУ «Антивоветское движение в деревне». Цит. по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 792.

- 401 Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 27.
 402 Там же. Л. 31.
 403 [Воленс Н.В.]. О современном облике интеллигенции // Вестник Крестьянской Рос-
 сии. № 6–7. Прага, 1925 г.
 404 [Воленс Н.В.]. О современном облике интеллигенции // «За Свободу!». № 294 (1698).
 19 ноября 1925 г.
 405 Там же.
 406 Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 31, 43–44.
 407 Там же. Л. 44.
 408 Там же.
 409 Там же. Л. 28
 410 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34566. Л. 26.
 411 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 169.
 412 Н. Раевский. Дневник пражского студента // ГАРФ. Ф. Р-5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 144.
 413 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 352.
 414 Там же. С. 354.
 415 Там же. С. 353.
 416 Там же. С. 352.
 417 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 29 февраля 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1.
 Д. 8. Л. 74.
 418 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 369.
 419 Там же. С. 369.
 420 Там же. С. 370.
 421 Там же. С. 377.
 422 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34566. Л. 25.
 423 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 396.
 424 Там же. С. 395.
 425 Там же. С. 392.
 426 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 6 июня 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1.
 Д. 8. Л. 33.
 427 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 398.
 428 Там же.
 429 Там же.
 430 Там же. С. 386.
 431 Там же.
 432 Там же. С. 408.
 433 См. раздел «“Крестьянская Россия” в Польше».
 434 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 418.
 435 Акацатов М.Е. (Михаил Антонов). Книга Скорби. Кн. 1 [Текст] / М.Е. Акацатов (Ми-
 хаил Антонов). – Париж, 1925. С. 5.
 436 Там же. С. 268.
 437 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 419.
 438 Там же.
 439 Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье [Текст] / П.Н. Милюков. – Париж: Изд. Рес-
 публиканско-демократическое объединение, 1926. С. 136.
 440 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 8 августа 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1.
 Д. 8. Л. 16–18.
 441 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 1 сентября 1926 г. // Там же. Л. 12
 442 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 420.
 443 Там же. С. 422.

- 444 Там же.
- 445 ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 123.
- 446 Там же. Л. 124.
- 447 Там же. Л. 123–124.
- 448 Там же. Л. 124.
- 449 Там же. Л. 124–125.
- 450 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 422.
- 451 Там же. С. 424.
- 452 Там же. С. 422–425.
- 453 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 26 октября 1926 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
- 454 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 426.
- 455 Там же.
- 456 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 9 апреля 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
- 457 ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 341.
- 458 Бояров – фамилия по матери, ею он пользовался в СССР. Мосевич – фамилия отца, под ней Бояров легализовался в Польше. Во избежание путаницы автор использует двойное написание фамилии.
- 459 ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 345.
- 460 Там же.
- 461 Там же. Л. 344
- 462 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33979. Л. 12–14.
- 463 Николай Мосевич. «Смыкальцы» в натуре [Текст] / Мосевич Н.А. // «За Свободу!».
- № 300 (1704), 26 ноября 1925 г.
- 464 Николай Мосевич. В недрах профсоюзов [Текст] / Мосевич Н.А. // «За Свободу!»
- № 319 (1722), 18 декабря 1925 г.
- 465 Белый офицер. В 1919 г. – сотрудник обслуживавшей штаб ВСЮР А.И. Деникиа шульгинской разведывательной организации «Азбука». Работал затем и на «Центр Действия».
- 466 ЦА ФСБ. Д. Р-33979. Л. 16–18. Орфография и пунктуация в основном сохранены.
- 467 Там же. Л. 19.
- 468 Там же. Л. 43.
- 469 Там же. Л. 33.
- 470 Там же. Л. 16.
- 471 Там же.
- 472 Там же. Л. 28.
- 473 Там же. Л. 45.
- 474 Там же. Л. 46.
- 475 Там же. Л. 14–18.
- 476 Там же.
- 477 Там же. Л. 11–12.
- 478 Там же. Л. 8.
- 479 Вычеркнуто.
- 480 ЦА ФСБ. Д. Р-33979. Л. 50.
- 481 Там же. Л. 13.
- 482 1938 г.
- 483 ЦА ФСБ. Д. Р-33979. Л. 52–53.
- 484 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 53–54.
- 485 Там же. Л. 174
- 486 Там же. Л. 166–167.

- 487 Там же. Л. 57.
488 Там же. Л. 176.
489 Там же. Л. 57–58.
490 Там же. Л. 137–138.
491 Там же. Л. 58.
492 Там же.
493 Там же. Л. 137.
494 Там же. Л. 68–69.
495 Там же. Л. 69–70.
496 Там же. Л. 83.
497 Там же.
498 Там же. Л. 137–138.
499 Там же. Л. 84.
500 Там же. Л. 138–139.
501 Там же. Л. 139–140.
502 Там же. Л. 140–142.
503 РД-группой – оригинал протокола.
504 РДО – машинописная копия протокола.
505 Правильно – Павела.
506 Связи с лимитрофами – машинописная копия протокола допроса.
507 Каменского – машинописный экземпляр протокола.
508 Каменском – машинописный экземпляр протокола.
509 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 147–149.
510 Не то Бранд, не то Здановский – вычеркнуто.
511 Бартошевичем – польский вариант фамилии.
512 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23 418. Л. 149–152.
513 Там же. Л. 149–150.
514 Отсутствует в оригинале протокола допроса. Вписано в машинописную копию.
515 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 104–106.
516 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 152–155.
517 Там же. Л. 104–106.
518 Там же. Л. 152–155.
519 Там же. Л. 155.
520 Там же. Л. 156.
521 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 431.
522 Видимо, сотрудник представительства Чехословакии в СССР.
523 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 156.
524 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 430.
525 Канищева Н.И. Разработка П.Н. Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н. Милюков: историк, политик дипломат [Текст] / Н.И. Канищева.– М., 2000. С. 180–181.
526 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 431.
527 Там же.
528 Вписано в машинописную копию протокола.
529 По всей видимости, Ирманов-Лозинскому не сообщили, что Мосевич работает на ОГПУ. И наоборот, Мосевич не знал, что Ирманов-Лозинский – советский агент.
530 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 156–159.
531 Там же. Л. 221–222.
532 Там же. Л. 217–218.

- ⁵³³ Протокол заседания Пражского РДС от 2 декабря 1927 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 148.
- ⁵³⁴ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 22 апреля 1927 г. // Там же. Д. 8. Л. 8.
- ⁵³⁵ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 12 августа 1927 г. // Там же. Л. 7.
- ⁵³⁶ Обзор печати. Оцеживание комара // «За Свободу!». 25 января 1927. № 15 (2050).
- ⁵³⁷ Милюков в Праге // Там же.
- ⁵³⁸ Письмо С.П. Мельгунова А.Л. Бему от 10 января 1927 г. // Památink narodniho pisemnic-tví. Fond Bem Alfred. Voh 4. Cart. 34/43. S. Melgunov.
- ⁵³⁹ Письмо С.П. Мельгунова А.Л. Бему от 4 апреля 1927 г. // Там же.
- ⁵⁴⁰ Арунов АА. Наш путь // Вестник Крестьянской России. № 10. 1927. С. 5.
- ⁵⁴¹ Там же. С. 7.
- ⁵⁴² Там же. С. 5.
- ⁵⁴³ Там же. С. 2.
- ⁵⁴⁴ Мельгунов С.П. Неосознанная борьба (Несколько слов о «Борьбе за Россию») // «За Свободу!». 10 мая 1927. № 106 (2138).
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 5–6.
- ⁵⁴⁶ Клубок противоречий // Вестник Крестьянской России. № 11. 1927. С. 23.
- ⁵⁴⁷ Там же. С. 23–24.
- ⁵⁴⁸ Там же. С. 24.
- ⁵⁴⁹ Мельгунов С.П. Чего не понимают // «За Свободу!». 18 июня 1927. № 137 (2169).
- ⁵⁵⁰ Польские власти не выдали в 1927 г. П.Н. Милюкову и В.А. Мякотину виз для поездки на конгресс историков в Варшаве. Это вызвало возмущение не только русской, но и части польской прессы.
- ⁵⁵¹ Мельгунов С.П. Чего не понимают // «За Свободу!». 18 июня 1927. № 137 (2169).
- ⁵⁵² Там же.
- ⁵⁵³ Там же.
- ⁵⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵⁵ Там же.
- ⁵⁵⁶ Талин В. Партия Додонов // «Последние новости». № 2283. 1927.
- ⁵⁵⁷ Луганов А. Грех соблазна // «За Свободу!». 1 июля 1927. № 147 (2179).
- ⁵⁵⁸ Мельгунов С.П. Единая Воля // «За Свободу!». 2 июля 1927. № 148 (2180).
- ⁵⁵⁹ Там же.
- ⁵⁶⁰ Там же.
- ⁵⁶¹ Там же.
- ⁵⁶² Письмо С.П. Мельгунова С.С. Маслову от 14 июля 1927 г. копия // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- ⁵⁶³ Письмо С.С. Маслова С.П. Мельгунову от 25 июля 1927 г. Archives Division British Library of Political and Economic Science, Melgunov collection, Voh 51. Конверт «Борьба с большевизмом».
- ⁵⁶⁴ Письмо Н.Н. Богданова А.А. Аргунову 1927 г. // ГАРФ. Р-6075. Оп. 1. Л. 8.
- ⁵⁶⁵ Письмо Н.Н. Богданова А.А. Аргунову от 8 сентября 1927 г. // Там же. Л. 4.
- ⁵⁶⁶ Савицкий И.Н. Специфика Праги как духовного центра эмиграции [Текст] / И.Н. Савицкий // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939 гг.). Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 65.
- ⁵⁶⁷ Там же.
- ⁵⁶⁸ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. 1927 г. № 5. С. 1. Л. 33–35.
- ⁵⁶⁹ Там же. С. 1–3. Л. 33–35.
- ⁵⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 89.
- ⁵⁷¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 31.

- 572 «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета Трудовой Крестьянской партии – «Крестьянская Россия» [Текст] / Прага. 1927 г. № 10. С. 39.
- 573 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 268.
- 574 Письмо А.Л. Бема Г.И. Царику в Белград от 9 февраля 1933 г. // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л.73.
- 575 Там же. Л. 89.
- 576 «Информационный бюллетень Центрального Комитета Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. 1927 г. № 7. С. 1 (44).
- 577 ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.
- 578 Крестьянская Россия. Цели, пути и требования // «Вестник Крестьянской России». Издание Центрального Бюро Заграничных групп Крестьянской России [Текст] / Прага. № 10. март 1927 г. С. 39.
- 579 «Крестьянская Россия». Трудовая Крестьянская партия. Введение. Идеология. Программа. Тактика. Устав [Текст]. – Прага, 1928. С. 41–62.
- 580 Там же.
- 581 Там же. С. 13.
- 582 ГАРФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–5.
- 583 Там же.
- 584 «Крестьянская Россия». Трудовая Крестьянская партия... С. 3–61.
- 585 Там же.
- 586 Секретный доклад ОГПУ «Анτισоветское движение в деревне» [Текст] // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОСС-ПЭН), 2000. Т. 2. С. 794.
- 587 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 269.
- 588 Письмо В.Ф. Бутенко В.Ф. Колесову 2 апреля 1949 г. ВАР, Butenko collection. Вох 1.
- 589 Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях. (сост. Л.В. Губианури).–Киев: Мистецтво, 2006. С. 187.
- 590 «Крестьянская Россия – Трудовая Крестьянская партия. Введение. Идеология. Программа. Тактика» [Текст].– Прага: Изд. «Крестьянская Россия», 1928. С. 58.
- 591 Секретный доклад ОГПУ «Анτισоветское движение в деревне». С. 795.
- 592 «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст].– Прага, 1928. № 4. С. 1.
- 593 РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 31.
- 594 Струве П.Б. Дневник политика. «Младороссы». Социал-легитимисты. «Крестьянская Россия». Национал-республиканцы. «Россия». 1928. № 5 [Текст] / Цит. по: Струве П.Б. Дневник политика.– М.: «Русский путь», 2004. С. 384.
- 595 Там же. С. 385.
- 596 Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 22 января 1928 // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
- 597 Там же.
- 598 ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 370.
- 599 Там же.
- 600 Мельгунов С.П. Объединяться или разъединяться? [Текст] / С.П. Мельгунов // «Борьба за Россию». № 86. 4 июля 1928 г. С. 3.
- 601 Струве. П.Б. Дневник политика. С. 385.
- 602 Письмо Н.Н. Богданова А.А. Аргунову от 8.03.1928 г. // ГАРФ. Д. Р-6075. Оп. 1. Л. 9.
- 603 ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 370.
- 604 Там же.
- 605 Там же.
- 606 Там же.

Примечания

- ⁶⁰⁷ Борьба и «борьба» [Текст] // «Последние новости», 22 июля 1928. С. 1.
- ⁶⁰⁸ Письмо П.Н. Милюкова А.А. Аргунову от 8 сентября 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 1
- ⁶⁰⁹ Там же. Л. 10–11.
- ⁶¹⁰ Секретный доклад ОГПУ «Анτισоветское движение в деревне». С. 792.
- ⁶¹¹ Там же.
- ⁶¹² ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 372.
- ⁶¹³ Там же.
- ⁶¹⁴ Там же.
- ⁶¹⁵ Там же. Л. 371–372.
- ⁶¹⁶ Там же.
- ⁶¹⁷ Там же.
- ⁶¹⁸ Там же.
- ⁶¹⁹ Обращение Фонда свободной печати [Текст] // «Борьба за Россию». Париж. № 117, 16 февраля 1929 г. С. 1.
- ⁶²⁰ От Центр. Ком. Крестьянской России. Призыв к нашему долгу [Текст] // «Вестник Крестьянской России». Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской Партии». Прага: № 1 (13). Июнь 1928. С. 1.
- ⁶²¹ ГАРФ. Ф. Р-6065. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–6.
- ⁶²² А.А. Аргунов – А.Ф. Керенскому. Письмо в газету «Дни» от 6 марта б.д. // ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 2. Д. 158. Л. 1–2.
- ⁶²³ Там же.
- ⁶²⁴ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16 июля 1928 г. // VAR, Butenko collection. Box 1. File «М».
- ⁶²⁵ Крестьянский террор [Текст] // «Последние новости». 14 ноября 1928 г. № 2793. С. 1.
- ⁶²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 150.
- ⁶²⁷ Там же.
- ⁶²⁸ Там же.
- ⁶²⁹ Там же.
- ⁶³⁰ Там же.
- ⁶³¹ Заявление ЦК «Крестьянской России» от 19 ноября 1928 // Там же. Л. 154.
- ⁶³² Там же. Л. 154–156.
- ⁶³³ К сведению членов партии / [Текст] // «Информационный бюллетень Крестьянской России». Декабрь 1928, № 9. С. 1 (78).
- ⁶³⁴ Заявление РДС // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 161.
- ⁶³⁵ VAR, Panina coll. Box 1. File Astrov – Denikin. Letter 15.12.1928.
- ⁶³⁶ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 24 ноября 1928 // VAR, Butenko coll. Box 1.
- ⁶³⁷ Протокол Заседания РДС // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 161.
- ⁶³⁸ Кулишер А. Пробуждение России и эмиграция [Текст] / А. Кулишер // Бюллетень Республиканско-демократического объединения. Париж. Январь 1929 г. С. 8.
- ⁶³⁹ О нашем «направлении» и современных «стойках» // «Вестник Крестьянской России». Прага. № 3 (15). Апрель 1929 г. С. 19.
- ⁶⁴⁰ Там же. С. 20–21.
- ⁶⁴¹ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 446.
- ⁶⁴² ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 90-б. Л. 3–4.
- ⁶⁴³ Письмо В.В. Португалова Б.А. Евреинову от 7 декабря 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 13. Л. 70.
- ⁶⁴⁴ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 44–45.
- ⁶⁴⁵ «Вестник Крестьянской России». Прага. № 3. Апрель 1929 г. С. 19–22.
- ⁶⁴⁶ Там же. С. 19–20.

⁶⁴⁷ Программа, тактика и устав Крестьянского объединения в Париже [Текст]. – Париж, 1929. С. 3.

⁶⁴⁸ Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945 [Текст] / С.П. Постников / USA: Norman Ross Publishing inc. 1993. С. 9.

⁶⁴⁹ Записи бесед автора с членом ТКП-«КР» Г.А. Малаховым. 30.06–1.07.2003, г. Канск.

⁶⁵⁰ Письмо Президиума МВД ЧСР в МИД ЧСР о деятельности объединения (партии) «Крестьянская Россия». 1936, 9 марта, Прага // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) [Текст]. – Прага, 1998. С. 142–143.

⁶⁵¹ Записи бесед автора с членом ТКП – «КР» Г.А. Малаховым. 30.06–1.07.2003, г. Канск.

Глава II

Партия для русского крестьянства

¹ Есть две равноправные версии названия: от лат. *opus* – в переводе – «дело», или же это аббревиатура от названия – «Общество по установлению связей».

² ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

³ Там же.

⁴ «Протокол № 1 Заседания Руководящего комитета «Опус» // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 52. Л.1.

⁴ Письмо Б.А. Евреинова // ГАРФ. Ф. Р-6663. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д.52. Л.5.

⁶ Письмо А.Ф. Керенского Е.Д. Кусковой от 3 июля 1928 // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 214. Л. 31.

⁷ ГАРФ. Ф. Р. 6366. Оп. 1. Д. 58.

⁸ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д.40. Л.43.

⁹ ГАРФ. Ф. Р.6366. Оп. 1. Д. 58. Л. 1-58.

¹⁰ Картинки России // «Последние новости». 21 августа 1927 г. № 2342.

¹¹ Голоса из России. Голос спеца // Там же. 26 августа 1927 г. № 2347.

¹² Голоса из России. Голос бывшего коммуниста // Там же. 29 августа 1927 г. № 2350.

¹³ ЦА ФСБ. Д. Р-14604. Л. 54–55.

¹⁴ Голоса из России. Голос рабочего // «Последние новости». 6 сентября 1927. № 2358.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27138. Л. 75.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27138. Л. 74–77.

¹⁷ Мельгунов С.П. «Непонятное» // «Борьба за Россию» [Текст] / С.П. Мельгунов. – Париж, 1927. № 43.

¹⁸ Глупость или измена? [Текст] // «Возрождение». № 1252. 5 ноября 1928 г.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-14604. Л. 80.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ Там же. Л. 37.

²² Там же. Л. 33.

²³ Бычек Яков Константинович (1895–1970) – журналист, жил в эмиграции и в Париже, секретарь редакции журнала «Борьба за Россию».

²⁴ LSE, Melgunovs collection. Box 63.

²⁵ Письмо В.С. Озерецковского С.П. Мельгунову от 26.05.1928 г. // LSE, Melgunovs collection. Box 63.

²⁶ Вторая фамилия – П. Орлов.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23418. Л. 111.

²⁸ Письмо П. Орлова (Здановского) Б.А. Евреинову от 28 мая 1927 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.

- ²⁹ Выписки из дневника П.С. Мельгуновой. Запись от 4 августа 1927 г. / Машинописн. копия // LSE, Melgunov's collection Box 65, carton OK.
- ³⁰ Рукопись статьи «Загадки в деле ген. Кутепова» // LSE Melgunov's collection Box 63. Опубликовано в сокр. «Русская Мысль», октябрь-ноябрь 1955. № 806, 807, 809–813, 815, 816, 818, 819.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Проездным документом.
- ³⁴ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16 июля 1928 г. // BAR. Butenko collection. Box 1. File «М».
- ³⁵ Письмо А.К. Вышковского от 9 августа 1928 г. // ГАРФ. Д. 6366. Оп. 1. Д. 40. Л. 8–17.
- ³⁶ Там же. Л. 17.
- ³⁷ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 28 ноября 1928 г. // BAR. Butenko papers. Box 1. File «М».
- ³⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 18.
- ³⁹ Там же. Л. 38–39.
- ⁴⁰ Там же. Л. 244.
- ⁴¹ Там же. Л. 270.
- ⁴² Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милюкову от 18 апреля 1929 г. // BAR, Milyukov coll. Box 1. File Evreinov.
- ⁴³ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 10 июня 1929 г. // BAR, Butenko coll. Box 1.
- ⁴⁴ Архив автора.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 8.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 244.
- ⁴⁷ Там же. Л. 270.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34566. Л. 10.
- ⁴⁹ Бывший председатель Национального студенческого объединения в Праге, Б.Н. Неандер в феврале 1927 г. объявил о переходе на сторону советской власти и позже выехал в СССР. Информировал советские органы об эмиграции с 1924 г. Одно время работал секретарем редакции сборников «Крестьянская Россия». См. подробности о предательстве Б. Неандера: «За Свободу!». 10 марта 1927. № 56 (2088).
- ⁵⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-34566. Л. 28.
- ⁵¹ Там же. Л. 30–31.
- ⁵² Там же. Л. 37.
- ⁵³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 26.
- ⁵⁴ Там же. Л. 45.
- ⁵⁵ К писателям мира // «За Свободу!». 13 июля 1927. № 157 (2159).
- ⁵⁶ Маленький вопрос // Там же.
- ⁵⁷ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 26.
- ⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34566. Л. 37.
- ⁵⁹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 31.
- ⁶⁰ Там же. Л. 21.
- ⁶¹ Там же. Л. 28.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ ГАРФ. Ф.Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
- ⁶⁴ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 28.
- ⁶⁵ Там же. Л. 42–43.
- ⁶⁶ Там же. Л. 64.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27056. Т. 7. Л. 80–81.
- ⁷¹ ЦА ФСБ РФ Д. Р-34566. Л. 36.
- ⁷² РГВА Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 13.
- ⁷³ Там же. Л. 9.
- ⁷⁴ Там же. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. Л. 12.
- ⁷⁷ Знаком <> отмечены зашифрованные цифровым кодом части текста писем.
- ⁷⁸ См. стр. 191.
- ⁷⁹ Абзац зачеркнут. Далее за машинописным текстом следует приписка рукой С.С. Маслова.
- ⁸⁰ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 31.
- ⁸¹ Там же. Л. 24.
- ⁸² Там же. Л. 18.
- ⁸³ Там же. Л. 11–12.
- ⁸⁴ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 30.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. Л. 14.
- ⁸⁷ Там же. Л. 20.
- ⁸⁸ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 27.
- ⁸⁹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 85.
- ⁹⁰ ЦА ФСБ РФ Д. Р.-34566. Л. 39.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 27.
- ⁹³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П- 87257. Л. 32.
- ⁹⁴ Там же. Л. 32.
- ⁹⁵ Там же. Л. 33.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. Л. 33–34.
- ⁹⁸ Там же. Л. 34.
- ⁹⁹ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16 июля 1928 г. // VAR, Butenko collection.
- Box 1. File «М».
- ¹⁰⁰ РГВА Ф. 461к. Оп. 1. Д. 219. Л. 22–23.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 17, 31.
- ¹⁰² Там же. Л. 18, 31.
- ¹⁰³ Там же. Л. 16.
- ¹⁰⁴ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 44.
- ¹⁰⁵ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 2.
- ¹⁰⁶ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16 июля 1928 г. // VAR, Butenko collection.
- Box 1. File «М».
- ¹⁰⁷ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257, Л. 16.
- ¹⁰⁸ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 15–16.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 21–22.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 44.
- ¹¹¹ Там же. Л. 53.
- ¹¹² Там же. Л. 54.
- ¹¹³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 141.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 104.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 82.

- ¹¹⁶ Там же. Л. 223, 233.
¹¹⁷ Там же. Л. 56–58.
¹¹⁸ Там же. Л. 65.
¹¹⁹ Там же.
¹²⁰ Там же. Л. 69.
¹²¹ Там же.
¹²² Ошибка. Правильно – XI.
¹²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34566. Л. 63–65.
¹²⁴ Там же. Л. 69.
¹²⁵ Там же. Л. 65.
¹²⁶ Там же. Л. 69.
¹²⁷ Там же.
¹²⁸ Там же. Л. 65.
¹²⁹ Там же. Л. 69.
¹³⁰ Там же. Л. 69 об.
¹³¹ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 13 февраля 1929 // ВАР. Butenko coll. Вох 1.
¹³² «От Центрального Комитета» // Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] // Прага: № 6, Июль 1928 г. С. 1.
¹³³ Организационный доклад за 1928-29 г. от 18 марта 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р- 6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–7.
¹³⁴ Там же. Л. 8.
¹³⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-14604. Л. 11, 13, 23, 24
¹³⁶ Организационный доклад за 1928-29 г. от 18 марта 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
¹³⁷ Там же.
¹³⁸ Там же. Л. 8–11.
¹³⁹ Там же. Л. 11.
¹⁴⁰ Там же. Л. 10.
¹⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–12.
¹⁴² Протоколы заседаний Руккома ОПУС // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
¹⁴³ Там же. Л. 16.
¹⁴⁴ Там же. Л. 18.
¹⁴⁵ Там же.
¹⁴⁶ Письмо Н.С. Озерецковского С.П. Мельгунову от 1 мая 1929 г. // LSE, Melgunov coll. Вох 65.
¹⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162.
¹⁴⁸ Письмо Н.С. Озерецковского С.П. Мельгунову от 14 мая 1929 г. // LSE, Melgunov coll. Вох 65.
¹⁴⁹ Начальник VI отдела РОВС в Чехословакии.
¹⁵⁰ Политической полиции.
¹⁵¹ ЦА ФСБ РФ. Д.23 418 Л.96-97.
¹⁵² Протоколы заседаний Руккома ОПУС // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 22–23.
¹⁵³ Там же. Л. 22–23.
¹⁵⁴ Там же.
¹⁵⁵ Письмо П.Н. Милюкова Б.А. Евреину б.д. даты (август-сентябрь 1928 г.) // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Л. 16.
¹⁵⁶ Протокол заседания РДС 21 ноября 1928 г. // ГАРФ Ф. Р-6075. Оп. 1. Д.15. Л. 158.
¹⁵⁷ Там же.

- ¹⁵⁸ Письмо Г.М. Арнольди Б. Евреину от 24 апреля 1929 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
- ¹⁶⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162.
- ¹⁶¹ Письмо Евреинова Милокову от 27 мая 1929 // VAR, Milyukov coll. Box 1. File Evreinov.
- ¹⁶² Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27 июня 1929 // VAR, Butenko coll. Box 1.
- ¹⁶³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162.
- ¹⁶⁴ Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреину от 10 июня 1930 г. // VAR. Miliukov coll. Box 1.
- ¹⁶⁵ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК [Текст] / А.А. Папчинский, М.А. Тумшис. – М.: Современник, 2001. С. 79–80.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 81.
- ¹⁶⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 185.
- ¹⁶⁸ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27 июня 1929 // VAR, Butenko coll. Box 1.
- ¹⁶⁹ Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милокову от 27 мая 1929 // VAR, Miliukov coll. Box 1. File Evreinov.
- ¹⁷⁰ Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреину от 10 июня 1930 г. // VAR, Miliukov coll. Box 1.
- ¹⁷¹ Заявление Б.А. Евреинова о выходе из состава Руккома от 30 июня 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
- ¹⁷² Там же. Л. 31.
- ¹⁷³ Там же. Л. 29.
- ¹⁷⁴ Письмо Н.С. Озерецковского С.П. Мельгунову от 30 мая 1929 г. // LSE, Melgunov coll. Box 65.
- ¹⁷⁵ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 81. После переправки через Эстонию Ильин возвратился в Прагу в 1930 г., сообщив, что «ячейки действуют, сторонники активны», и был в 1930 г. снова «переброшен обратно в Советский Союз», откуда уже не вернулся, став штатным сотрудником ОГПУ-НКВД.
- ¹⁷⁶ Денежный отчет Н. Борисова от 6 сентября 1929 г. // VAR, Milyukov coll. Box 6.
- ¹⁷⁷ Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы русской трудовой крестьянской партии [Текст] / «Балтийский архив». Т. 3. Таллинн: «Авенариус», 1997. С. 20.
- ¹⁷⁸ Письмо Г.М. Арнольди П.Н.Милокову // VAR, Miliukov coll. Box 6.
- ¹⁷⁹ Письмо Борисова Семенову от 5 сентября 1929 г. // VAR, Miliukov coll. Box 6.
- ¹⁸⁰ VAR, Milyukov coll. Box 1. Files: Evreinov, Arnoldi, Borisov.
- ¹⁸¹ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта [Текст] / Д.И. Мейснер. – М.: Издательство АПН, 1966. С. 141.
- ¹⁸² Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреину от 11 сентября 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 12. Л. 30.
- ¹⁸³ Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милокову от 14 сентября 1929 г. // VAR, Milyukov coll. Box 1. File Evreinov.
- ¹⁸⁴ Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреину от 20 сентября 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.
- ¹⁸⁵ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. С. 141.
- ¹⁸⁶ Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы... С. 20.
- ¹⁸⁷ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. С. 176.
- ¹⁸⁸ Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреину от 20 сентября 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.
- ¹⁸⁹ Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милокову от 18 апреля 1929 г. // VAR, Milyukov coll. Box 1. File Evreinov.
- ¹⁹⁰ Письмо В.С. Озерецковского С.П. Мельгунову б.д. 2 половину 1929 г. // LSE, Melgunovs collection, Box 63.

- ¹⁹¹ ГАРФ. Д. Р-6366. Оп. 1. Д. 66. Оп. 1. Л. 37–79.
- ¹⁹² Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову от 12 октября 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 39. Л. 112–113.
- ¹⁹³ Е. Мосевич выжила и уже после смерти Сталина писала в МВД с Украины, просила разыскать сына в лагерях. Копии ответа в деле не имеется. Гибель сына от матери скрывали.
- ¹⁹⁴ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову от 30 марта 1933 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 39. Л. 142.
- ¹⁹⁵ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 256.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 257.
- ¹⁹⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 37. Л. 328
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 488.
- ¹⁹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33979. Л. 56.
- ²⁰⁰ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 257.
- ²⁰¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-14604. Л. 54.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же. Л. 55.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 55–56.
- ²⁰⁶ ГАРФ. Фонд реабилитационных дел. Д. П.-21249. Т. 2. Л. 48.
- ²⁰⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-33979. Л. 58–59.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 76, 79.
- ²⁰⁹ Справка ЦА ФСБ РФ № 10/А-646 от 18.02.2009. Архив автора.
- ²¹⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-27138. Л. 64–65.
- ²¹¹ Там же. Л. 55–56.
- ²¹² Там же. Л. 77–79.
- ²¹³ Там же. Л. 95.
- ²¹⁴ Панина А. Предисловие [Текст] // Записки Михаила Васильевича Сабашникова / А.Панина. – М.: Изд. им. Сабашникова, 1995. С. 11.
- ²¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27138. Л. 82.
- ²¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-37138. Л. 119.
- ²¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27138. Л. 33–34.
- ²¹⁸ Там же. Л. 44.
- ²¹⁹ Там же. Л. 55.
- ²²⁰ VAR, Velmin coll. Vox 7. Мемуары А.П. Вельмина.
- ²²¹ Косик О.В. «Голос из России»: путь церковного документа в русское зарубежье [Текст] // Вестник ПГСТУ. Сер II. История. История Русской православной церкви. – М., 2007. Вып. 3 (23) С. 72, 81.
- ²²² Бычков С.С. Освобождение от иллюзий [Текст] / С.С. Бычков. – М.: «Тэтис Паблишн», 2010. С. 209.
- ²²³ Переписка А. Вельмина и Б.Евреинова. Письмо от 30 мая 1929 г. // ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 39. Л. 73.
- ²²⁴ Там же. Л. 71.
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. С. 207–208.
- ²²⁷ VAR. Velmin collection. Vox 7.
- ²²⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. [Текст] / Н.П. Анциферов. – М.: Феникс; Культур. инициатива, 1992. С. 193.
- ²²⁹ Архив СБУ. Д. 35994 (арх. № 55435). Т. 15. Л. 8.
- ²³⁰ Там же. Л. 12.

- ²³¹ Там же. Л. 21.
²³² Там же. Л. 8.
²³³ Там же. Т. 16. Л. 98–100.
²³⁴ Х. Советская тюрьма и «политика» // Совр. записки 1929. Кн. 38 (март). С. 449.
²³⁵ Переписка А. Вельмина и Б. Евреинова // ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 39.
²³⁶ Х. Советская тюрьма и «политика» // Совр. записки 1929. Кн. 38. С. 433–452; Х. Советская тюрьма и «политика». (Окончание) // Совр. записки 1929. Кн. 39 (июнь) С. 395–427.
²³⁷ Х. Советская тюрьма и «политика». (Окончание). (Окончание). С. 417.
²³⁸ Там же.
²³⁹ Архив СБУ. Д. 35994 (арх. № 55435). Т. 15. Л. 24.
²⁴⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. С. 504.
²⁴¹ Там же.
²⁴² Воспоминания А.П. Вельмина // VAR. Velmin collection. Вох 7.
²⁴³ Х. Советская тюрьма и «политика». (Окончание). С. 427.
²⁴⁴ Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. С. 208–209.
²⁴⁵ Косткевич Г.А. Обзор главнейших событий церковной жизни за время с 1925 до наших дней. / Публ. О.В. Косик. Вестник ПГСТУ. Сер II. История. История Русской православной церкви [Текст]. – М., 2007. Вып. 3 (23). С. 104–132.
²⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 24, 25.
²⁴⁷ Ответ Православной Русской Церкви на интервью Митр. Сергия [Текст] // «Последние новости». 3 июня 1930 г. № 3359. С. 2.
²⁴⁸ Новые документы о церкви [Текст] // «Последние новости». 3 июня 1930 г. № 3359.
 С. 1.
²⁴⁹ Косик О.В. «Голос из России»... С. 68–96.
²⁵⁰ Письмо П.Н. Милюкова Б.А. Евреину от 2 июля 1931 // ГАРФ. Ф. Р- 6366. Оп 1. Л. 49.
²⁵¹ РГБ. Отдел рукописей. Ф. 836. Е.х. 57. Оп. 1. Л. 395.
²⁵² Там же. Л. 333–334.
²⁵³ Гессен И.В. Годы изгнания [Текст] / И.В. Гессен. – Paris: YMKA-PRESS, 1979. С. 151.
²⁵⁴ Секретный доклад ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» [Текст] // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. – М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 792.
²⁵⁵ Там же. С. 793.
²⁵⁶ Там же.
²⁵⁷ Там же. С. 794.
²⁵⁸ Там же. С. 795.
²⁵⁹ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27 июня 1929 // VAR, Butenko coll. Вох 1.
²⁶⁰ Кудрявцев Василий Михайлович (1885–1948) – журналист, политический деятель, член партии народных социалистов. Из семьи священника. Окончил Московский университет. Заведующий складом издательства «Задруга». Приговорен к высылке из СССР Коллегией ГПУ 26 августа 1922 г. Регент церковного хора в Берлине. Участник организации «Опус». Умер и похоронен в г. Дечин, Чехословакия.
²⁶¹ Письмо В.С. Озерецковского Б.А. Евреину от 9 августа 1928 // ГАРФ. Ф. Р-6663. Оп. 1. Д. 45. Л. 26.
²⁶² Отчет В.М. Кудрявцева от 14 января 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-6110. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
²⁶³ Извлечения из показаний П.А. Богданова 12–31 июля 1940 г. / Публикация проф. С.И. Исакова [Текст] // «Балтийский Архив». Рига, 1999. С. 48–72. Также Письмо С.И. Исакова Г.А. Малахову // Архив автора.
²⁶⁴ Г.А. Малахов (1905–2005), в 1929–1934 – один из руководителей молодежного крыла «Крестынской России» в Праге в 1922–1935 г. Дал интервью автору в 2003 г. (<http://archive.svoboda.org/programs/lived/2004/lived.050604.asp>.)

- ²⁶⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-46470. Л. 270–271.
- ²⁶⁶ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 79–80.
- ²⁶⁷ Там же. С. 80.
- ²⁶⁸ Правильно Ксюнина.
- ²⁶⁹ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 80–81.
- ²⁷⁰ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного [сост. В.Г. Макаров, А.В. Репников, В.Г. Христофоров]. – М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 193.
- ²⁷¹ Письмо А.И. Гучкова А.В. Байкалову от 4 сентября 1933 г. // VAR, Baikalov collection.
- ²⁷² Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 81.
- ²⁷³ Там же.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Там же.
- ²⁷⁶ Там же. С. 82.
- ²⁷⁷ Там же.
- ²⁷⁸ Малахов Георгий. В партийной командировке // Таллинн. № 24. 2001. С. 119.
- ²⁷⁹ Там же. С. 117.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ Там же. С. 126.
- ²⁸² Там же. С. 119.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Там же. С. 120.
- ²⁸⁵ Там же. С. 119–120.
- ²⁸⁶ Там же. С. 121.
- ²⁸⁷ Исаков С.Г. Комментарии к Малахов Георгий. В партийной командировке // Таллинн. № 24. 2001. С. 155. Сведений об аресте Б.К. Семенова эстонскими властями до 1930 г. нам найти не удалось. Из документов Эстонской политической полиции известно, что в июле 1929 г. у него был произведен обыск и найдена эмигрантская литература, предназначенная для нелегальной пересылки в Советскую Россию.
- ²⁸⁸ Малахов Георгий. В партийной командировке. С. 123.
- ²⁸⁹ Исаков С.Г. Комментарии к Малахов Георгий... С. 155.
- ²⁹⁰ Малахов Георгий. В партийной командировке. С. 129–130.
- ²⁹¹ Там же. С. 130–132.
- ²⁹² Там же. С. 137.
- ²⁹³ Там же. С. 141.
- ²⁹⁴ Там же. С. 139.
- ²⁹⁵ Там же. С. 143–144.
- ²⁹⁶ Там же. С. 146.
- ²⁹⁷ Там же. С. 145.
- ²⁹⁸ Там же. С. 146.
- ²⁹⁹ Там же. С. 148–149.
- ³⁰⁰ Там же. С. 149–150.
- ³⁰¹ Там же. С. 150.
- ³⁰² Там же.
- ³⁰³ Архив Псковского областного управления ФСБ РФ. Д. С-7930. Л. 155–156. Цит. по: Исаков С.Г. Комментарии к Малахов Георгий... С. 153.
- ³⁰⁴ Там же. С. 151.
- ³⁰⁵ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 83.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ Там же. С. 88.

- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ VAR. Butenko papers. Box 1. File «М».
- ³¹⁰ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27 июня 1929 г. // VAR. Butenko coll. Box 1. File «М».
- ³¹¹ VAR. Butenko coll. Box 1. File B.
- ³¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-46470. Л. 103.
- ³¹³ Струков Б.Г. Документы спецслужб свидетельствуют. Российская политическая эмиграция в межвоенный период (1920–1930-е гг.) [Текст] // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007.– М.: Кучково поле, 2008. С. 125.
- ³¹⁴ А пришлось в разлуке жить года...: Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами. Материалы к библиографии, 1987–2002 [Текст].– СПб.: Информ.-культ. центр «Рус. эмиграция»; Сударыня, 2003. С. 52.
- ³¹⁵ Струков Б.Г. Документы спецслужб свидетельствуют. Российская политическая эмиграция в межвоенный период. С. 125.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ Там же.
- ³¹⁸ Аргунов А.А. После съезда «Крестьянской России» [Текст] / А.А. Аргунов // «Вестник Крестьянской России». № 1(13), июнь 1928. С. 51.
- ³¹⁹ Бренев Г. Крестьянство и его полит<ические> организации в Финляндии [Текст] / Г.П. Бренев // «Вестник Крестьянской России». 1925. С. 52–55.
- ³²⁰ Письмо Г. Бренева к А.Ф. Керенскому от 2 февраля 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 59. Л. 76.
- ³²¹ Из Финляндии [Текст] // «Информационный бюллетень». Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. № 8 (24). Октябрь 1929 г. С. 8.
- ³²² Письмо Г. Бренева А. Ф. Керенскому от 2.02.1930 // ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 59. Л. 78.
- ³²³ Аргунов А.А. После съезда «Крестьянской России» [Текст] / А.А. Аргунов // «Вестник Крестьянской России» № 1 (13), июнь 1928. С. 54.
- ³²⁴ Маслов С.С. Силы Борьбы [Текст] / С.С. Маслов // «Вестник Крестьянской России» № 2 (14). Декабрь 1928. С. 9–10.
- ³²⁵ Из Москвы // «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. № 7 (23). Сентябрь 1929 г. С. 8.
- ³²⁶ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст].– Прага. № 1. (26) январь 1930 г. С. 2.
- ³²⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 101.
- ³²⁸ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. №1 (26) январь 1930 г. С. 3
- ³²⁹ Там же. № 4 (29) апрель 1930 г. С. 1–2.
- ³³⁰ Там же.
- ³³¹ Михеев В.И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. [Текст] // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007.– М.: Кучково поле, 2008. С. 173.
- ³³² Там же. С. 177.
- ³³³ Там же. С. 181, 186.
- ³³⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-35062. Л. 722.
- ³³⁵ Секретный доклад ОГПУ «Антивоветское движение в деревне» // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 795.
- ³³⁶ Малахов Г.А. В партийной командировке [Текст] // «Таллинн». № 24. 2001. С. 117.

- ³³⁷ Там же. С. 117.
- ³³⁸ Организация восстаний и тактика повстанческих операций // «Партийная мысль». – Прага, 1930. № 1. С. 5–17.
- ³³⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35062. Т. 2. Л. 312.
- ³⁴⁰ Там же. Л. 207–209.
- ³⁴¹ Там же. Л. 209.
- ³⁴² Там же. Л. 211.
- ³⁴³ Там же. Л. 219–220.
- ³⁴⁴ Там же. Л. 221–222.
- ³⁴⁵ Там же. С. 222.
- ³⁴⁶ Там же. Л. 324.
- ³⁴⁷ Там же. Л. 199.
- ³⁴⁸ Там же. Т. 1. Л. 704.
- ³⁴⁹ Там же.
- ³⁵⁰ Там же. Т. 2. Л. 199.
- ³⁵¹ Там же. Т. 1. Л. 754.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же. Л. 370.
- ³⁵⁴ Там же. Т. 2. Л. 225–227.
- ³⁵⁵ Там же. Т. 1. Л. 754.
- ³⁵⁶ Там же. Т. 2. Л. 324.
- ³⁵⁷ Там же. Л. 222.
- ³⁵⁸ Там же. Л. 223.
- ³⁵⁹ Там же. Л. 225.
- ³⁶⁰ Там же. Л. 226–227.
- ³⁶¹ Там же. Т. 1. Л. 370.
- ³⁶² «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. № 5 (30) июль-август 1930 г. С. 4–5.
- ³⁶³ Сергей Романович Царапкин. Ученый-генетик.
- ³⁶⁴ Протокол допроса Царапкина С.Р. от 14 марта 1946 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41361. Т. 1. Л. 128–133 // Рассекреченный Зубр [Текст]. – М.: Academia, 2005. С. 375.
- ³⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.
- ³⁶⁶ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». [Текст] / Прага. № 5 (30) июль-август 1930. С. 2.
- ³⁶⁷ Там же.
- ³⁶⁸ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». [Текст] / Прага. № 2 (27) 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
- ³⁶⁹ Маслов С.С. На революционной работе в России (1.IV.1929 – 1.XI.1929). Публичный доклад. – Белград [Текст] / С.С. Маслов. – Прага: Изд. «Крестьянская Россия». 1930. С. 57.
- ³⁷⁰ То есть из СССР.
- ³⁷¹ Из архива Б.Н. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 1: Письма 1923–1930. Русский революционный архив / Рабочая группа: Н.В. Макаров (рук.), Р.М. Гайнуллина, А.Ч.Ким. А.П. Ненароков. П.Ю. Савельев. Л.Сорока (L. Soroka). – М., 2010. С. 474.
- ³⁷² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27056.
- ³⁷³ Кускова Е.Д. Еще о псевдо-активистах [Текст] / Е.Д. Кускова // «Последние новости». № 3335. 10 мая 1930 г.
- ³⁷⁴ Там же.
- ³⁷⁵ Письмо В. Озерцовского С.П. Мельгунову. б.д. Конец 1929 – нач. 1930 г. // LSE, фонд С.П. Милюкова. Вох 63.

- ³⁷⁶ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага. № 1 (26). Январь 1930 г. С. 3.
- ³⁷⁷ LSE, Melgunovs collection. Box 32, папка «Крестьянская Россия».
- ³⁷⁸ Протокол допроса Царапкина С.Р. от 27 апреля 1946 г. // ЦА ФСБ РФ. Р-1361. Т. 1. Л. 128–133 [Текст] // Рассекреченный Зубр. С. 425.
- ³⁷⁹ Переписка Колесова, Самбунова и Маслова // BAR, Butenko collection. Box 2.
- ³⁸⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / ред. Севастьянов Г.Н., Сахаров А.Н. и др [Текст] / [ред. А.Н. Сахаров]. – М., 2002. Т. 6. С. 500.
- ³⁸¹ Там же. С. 708.
- ³⁸² Новое зверство большевиков // Неделя. Прага. 15 ноября 1929 г. № 40. С. 2–3.
- ³⁸³ Памяти ушедших. Ф.Д. Назаров // Борьба за Россию. № 190–191. 1930.
- ³⁸⁴ Письмо Н.А. Антипова А.Л. Бему от 15.02.1933 // ГАРФ. Ф.Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.
- ³⁸⁵ Письмо В.П. Челищева А.Л. Бему от 29.07.1933 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.
- ³⁸⁶ Письмо И.А. Якушева К.Н. Гулькевичу от 26.05.1930 // ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д.128. Л. 81–82.
- ³⁸⁷ Там же.
- ³⁸⁸ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае [Текст] / Ван Чжичен. – М.: Русский путь, 2008. С. 388–389. / «Шахайская заря», 1929, 1 сент. С. 7. 1930. 5 июля. С. 3.
- ³⁸⁹ Заявление А.А. Аргунова в ЦИК ТКП (1933? г.) // ГАРФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.
- ³⁹⁰ Балакшин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем востоке [Текст] / П.П. Балакшин. – Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Книгоиздательство «Сириус». С. 112.
- ³⁹¹ Письмо А.В. Васильева-Дубовского И.А. Якушеву от 20.06.1931 // ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Л. 162–164.
- ³⁹² ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп.1. Д. 16. Л. 27.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ Там же, Л.15.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 32.
- ³⁹⁷ Там же, Л.33.
- ³⁹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162-а.
- ³⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 38. Л. 82.
- ⁴⁰⁰ Не революция, а переворот // Борьба за Россию. 16 апреля 1927. № 21. С. 3–4.
- ⁴⁰¹ Дух бодр // Борьба за Россию. 28 мая 1927. № 27. С. 3.
- ⁴⁰² О чем мы говорим // Борьба за Россию. 4 февраля 1928. № 63. С. 3.
- ⁴⁰³ Письмо А. Гуртового от 12.07.1928 // LSE. Melgunovs coll. Box 36.
- ⁴⁰⁴ Автор заменил в очерке Н. Цурикова А.Б. на реальную фамилию Потехина.
- ⁴⁰⁵ Цуриков Н. Патриотическая детонация // Возрождение/ № 12, ноябрь–декабрь 1950 г. С. 136.
- ⁴⁰⁶ Потехин А. В тот же день // Борьба за Россию. № 85. 7 июля 1928 г. С. 3.
- ⁴⁰⁷ ЦА ФСБ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 159.
- ⁴⁰⁸ Там же. Л. 95.
- ⁴⁰⁹ Там же. Л. 196.
- ⁴¹⁰ Там же.
- ⁴¹¹ Курьер (А.А. Потехин). Мои впечатления (Из эмиграции в Россию и обратно) // Борьба за Россию. 1931. № 116. С. 9.
- ⁴¹² Там же. 159–160.
- ⁴¹³ Там же.
- ⁴¹⁴ Там же.
- ⁴¹⁵ Там же.

- ⁴¹⁶ Там же. Л. 159–160.
⁴¹⁷ Там же. Л. 2.
⁴¹⁸ База данных «Мемориала»: <http://lists.memo.ru/index13.htm>
⁴¹⁹ ЦА ФСБ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 11–12.
⁴²⁰ Там же. Л. 12.
⁴²¹ Там же. Л. 160.
⁴²² Там же. Л. 96–97.
⁴²³ Там же.
⁴²⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33979. Л. 69.
⁴²⁵ ЦА ФСБ. Д. Н-7833. Л. 160.
⁴²⁶ Там же.
⁴²⁷ Там же. Л. 11–12.
⁴²⁸ Курьер (А.А. Потехин). Мои впечатления. (По разговорам на местах) // Борьба за Россию. Декабрь 1928. № 110. С. 10.
⁴²⁹ Курьер (А.А.Потехин). Мои впечатления (Из эмиграции в Россию и обратно) // Борьба за Россию. 1931. № 116. С. 10.
⁴³⁰ ЦА ФСБ. Д. Н-7833. Л. 11–12.
⁴³¹ Там же. Л. 160.
⁴³² Там же. Л. 98.
⁴³³ Другое написание фамилии – Рингман.
⁴³⁴ LSE. Melgunov coll. Box 59.
⁴³⁵ Супруга сотрудника издательства «Задруга» Сергея Павловича Ордовского. Она и ее муж были освобождены в декабре 1929 г.
⁴³⁶ Из архива Б.Н. Николаевского... С. 354.
⁴³⁷ Письмо Озерецковского от 12 февраля 1928 г. // LSE. Melgunovs coll. Box 59.
⁴³⁸ Письмо М.М. Федорова А.А. Аргунову от 7.04.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.
⁴³⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 161.
⁴⁴⁰ Мельгунов С.П. Иным путем // Борьба за Россию. 12 июля 1929. № 126.
⁴⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 157.
⁴⁴² Там же. Л. 16.
⁴⁴³ LSE. Melgunovs collection. Box 63.
⁴⁴⁴ С.М. (Мельгунов С.П.) // Возрождение. № 12, Ноябрь-декабрь 1950 г. С. 139.
⁴⁴⁵ Там же.
⁴⁴⁶ Там же.
⁴⁴⁷ Письмо В.В. Озерецковского от 25 декабря 1929 г. // LSE. Melgunovs coll. Box 53.
⁴⁴⁸ Мельгунов С.П. Накануне Краха // Борьба за Россию. № 202/203. Декабрь 1930.
⁴⁴⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162-а.
⁴⁵⁰ Цуриков Н. Патриотическая детонация // Возрождение. № 12, Ноябрь-декабрь 1950 г.
С. 139.
⁴⁵¹ Там же.
⁴⁵² Там же. С. 137–138.
⁴⁵³ А.Б. (А.А. Потехин). Евразийцы и Трест // Возрождение. № 30. Ноябрь-декабрь 1953 г.
С. 117.
⁴⁵⁴ Там же. С. 139.
⁴⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 163.
⁴⁵⁶ Там же. Л. 40.
⁴⁵⁷ Мозохин О.В. Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с терроризмом // <http://mozohin.ru/article/a-5.html>; http://www.pseudology.org/Mazoxin/Borba_s_terrorizmom.htm
⁴⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 162а–164.

- 459 Взрывчатка болгарского производства.
460 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 167.
461 Там же. Л. 164–165.
462 ЦА ФСБ РФ. Р-23418. Л. 111–112.
463 Потехин А.А. В борьбе за веру // Борьба за Россию. 1930. № 178–179. С. 2–5.
464 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 165.
465 Там же. Л. 53.
466 РГВА Ф. 453к. Оп. 1. Д. 14. Л. 307.
467 ЦА ФСБ РФ. Р-23418. Л. 93.
468 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 60.
469 Там же. Л. 53.
470 Там же. Л. 61.
471 Там же. Л. 53.
472 Там же. Л. 53–54.
473 Там же.
474 Там же. Л. 66.
475 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–102.
476 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 63–64.
477 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–108.
478 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 65.
479 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–102.
480 Цуриков Н. Патриотическая детонация // Возрождение. № 12, ноябрь–декабрь 1950 г.
С. 139–140.
481 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 166.
482 Там же. Т. 4. Л. 90.
483 Там же. Т. 4. Л. 92.
484 Там же. Т. 2. Л. 166.
485 Там же. Л. 167.
486 Там же. Л. 168–169.
487 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–108.
488 Там же. Л. 138.
489 Мозохин О.В. Из истории борьбы органов ВЧК- ОГПУ с терроризмом.
490 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 170.
491 Цуриков Н. Патриотическая детонация. С. 140.
492 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 171.
493 Там же. Л. 68.
494 Там же. Л. 173–174.
495 Там же. Т. 3. Л. 5.
496 Там же. Т. 2. Л. 69.
497 Там же. Л. 69–70.
498 Там же. Л. 174.
499 Там же.
500 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 143.
501 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 3. Л. 47.
502 Там же. Т. 2. Л. 175.
503 Александр Бондаренко // ...И больше века длится жизнь. «Красная звезда». <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=347658>
504 РГВА Ф. 353 к. Оп. 1. Д. 19. Л. 148.
505 Там же. Л. 149.
506 Там же. Л. 151.

- 507 Там же. Л. 160.
 508 Там же. Л. 155–156.
 509 Там же. Л. 168–171.
 510 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 4. Л. 6–7.
 511 Там же. Т. 2. Л. 15.
 512 Там же. Т. 4. Л. 53–55.
 513 Там же. Т. 3. Л. 8.
 514 Там же. Т. 4. Л. 55.
 515 Там же. Т. 3. Л. 8.
 516 Там же.
 517 Там же. Т. 2. Л. 16.
 518 Там же. Т. 3. Л. 9.
 519 Там же. Т. 2. Л. 90–91.
 520 Там же. Т. 4. Л. 7.
 521 Там же. Т. 2. Л. 15–16.
 522 Там же. Т. 3. Л. 9.
 523 Там же. Л. 55–56.
 524 Там же. Т. 2. Л. 16.
 525 Александр Бондаренко // ...И больше века длится жизнь...
 526 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 48.
 527 ЦА ФСБ РФ. Р-23418. Л. 93–94.
 528 Александр Бондаренко // ...И больше века длится жизнь...
 529 Мозохин О.В. Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с терроризмом.
 530 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 153–154.
 531 Там же. Т. 4. Л. 45–46.
 532 Там же. Т. 3. Л. 200.
 533 Там же. Т. 2. Л. 173.
 534 Там же. Т. 4. Л. 10.
 535 Там же. Л. 92.
 536 Там же. Л. 38.
 537 Там же. Т. 3. Л. 8.
 538 Там же. Т. 4. Л. 10.
 539 Там же.
 540 Там же. Т. 2. Л. 9.
 541 База данных «Мемориала»: <http://lists.memo.ru/index13.htm>
 542 Цуриков Н. Патриотическая детонация. С. 140.
 543 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 2. Л. 9.
 544 Там же. Л. 186.
 545 Там же. Л. 5.
 546 Там же. Т. 1. Л. 4.
 547 Цуриков Н. Патриотическая детонация. С. 140.
 548 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7833. Т. 4. Л. 5.
 549 РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 17. Л. 485–486.
 550 Восточные кресы (kresy Wschodnie) — восточные окраины Польши.
 551 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 12 июня 1929 г. // VAR. Butenko collection.
 Вох 1. File «М».
 552 Вельмин А.П. Мои воспоминания. Ч. 2. Т. 1 // VAR. Velmin collection. Вох 7.
 553 Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии [Текст].—
 М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 6. Кн. 1–2. С. 405.
 554 Вельмин А.П. Мои воспоминания. Ч. 2. Т. 1 // VAR. Velmin collection. Вох 7.

- 555 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 8.11.1925 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 38.
Л. 242.
- 556 РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 217. Л. 27.
- 557 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 8.11.1925. Л. 242.
- 558 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 1–2. С. 398.
- 559 Там же. С. 402–403.
- 560 Там же. С. 402.
- 561 Там же. С. 403.
- 562 Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932). Публикация Д.И. Зубарева [Текст] // Минувшее. Вып. 22.– СПб., 1997. С. 450.
- 563 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 8.11.1925 // ГАРФ. Ф. Р- 6366. Оп. 1. Д. 38.
Л. 242.
- 564 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 23.04.1926 // Там же. Л. 173.
- 565 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 1–2. С. 406.
- 566 Дневник С.С. Маслова. С. 31. Копия – архив автора.
- 567 Там же.
- 568 Там же.
- 569 Там же.
- 570 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову 17.07.1926 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 38. Л. 181.
- 571 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову 26.09.1926 // Там же. Л. 187.
- 572 Протоколы Заграничных групп... Т. 6. Кн. 1–2. С. 418.
- 573 ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 342–343.
- 574 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову 6.11.1926 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 38. Л. 201.
- 575 Дневник С.С. Маслова. С. 32. Копия – архив автора.
- 576 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 8.03.1927 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Д. 38. Оп. 1. Л. 124.
- 577 Дневник С.С. Маслова. С. 31. Копия – архив автора.
- 578 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 23.04.1926 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Д. 38. Оп. 1.
Л. 173.
- 579 ГАРФ. Ф. Р- 6344. Оп. 1. Д. 91. Л. 343–344.
- 580 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 10.06.1928 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Д. 38. Оп. 1.
Л. 95–96.
- 581 ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
- 582 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 12.06.1929 // ВАР. Butenko collection. Box 1.
File «М».
- 583 Письмо А.А. Вакара Б.А. Евреиннову от 24.04.1930 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 38.
Л. 82.
- 584 Письмо А.А. Вельмина Б.А. Евреиннову от 5.05.1929 // Там же. Л. 53.
- 585 Письмо А.А. Вельмина Б.А. Евреиннову от 28.11.1930 // Там же. Д. 9. Л. 93.
- 586 Письмо А.А. Вельмина Б.А. Евреиннову 10.12.1930 // Там же. Л. 96.
- 587 Письмо А.А. Вельмина Б.А. Евреиннову 23.01.1931 // Там же. Л. 100.
- 588 Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага». 1931 г. № 2 (34) февраль–март 1931 г. С. 10–11.
- 589 Там же. С. 10
- 590 Там же. № 3 (35) апрель 1931 г. С. 12.
- 591 Письмо А.А. Вельмина Б.А. Евреиннову от 29.03.1931 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 9.
Л. 104.
- 592 Там же.
- 593 Информационный бюллетень. № 3(35) апрель 1931 г. С. 13.
- 594 Там же. № 5 (37) июнь-июль-август 1931 г. С. 10–11.

- ⁵⁹⁵ Письмо А.А Вельмина Б.А. Евреину от 20.08.1931 // ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 114.
- ⁵⁹⁶ Информационный бюллетень. № 2 (41). С. 5.
- ⁵⁹⁷ Там же. № 4 (43) сентябрь-октябрь 1932 г. С. 10.
- ⁵⁹⁸ Там же. № 7 (39) октябрь 1931 г. С. 6.
- ⁵⁹⁹ Там же. № 2 (41) 1932 г. С. 5.
- ⁶⁰⁰ Там же. № 1 (55) 1935 г. С. 19.
- ⁶⁰¹ Там же. № 1 (55) 1935 г. С. 6.
- ⁶⁰² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 132–133.
- ⁶⁰³ Там же.
- ⁶⁰⁴ Переписка С.С. Маслова с И.А. Масловой (Андрукевич) 1934–1935 гг. Копии из архива семьи. Архив автора.
- ⁶⁰⁵ Информационный бюллетень. № 1 (57) 1937 г. С. 27–28.
- ⁶⁰⁶ Войцеховский С.Л. Эпизоды [Текст] / С.Л. Войцеховский.– Лондон-Канада: Изд. «Заря», 1978. С. 17.
- ⁶⁰⁷ Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 5.11.1922 // ГАРФ. Ф. Р-6092. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–57.
- ⁶⁰⁸ Там же. Л. 57.
- ⁶⁰⁹ Письмо П.А. Богданова В.С. Горну от 22.07.1923 // ГАРФ. Ф. Р-6092. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
- ⁶¹⁰ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике. (1918–1940) / Под ред. проф. С.Г. Исакова [Текст] / Тарту: Крипта, 2000. С. 70–71.
- ⁶¹¹ Извлечения из показаний П.А. Богданова 12–31 июля 1940 г. / Публикация и комментарий С. Исакова [Текст] // Балтийский архив. Т. IV.– Таллинн: Авенариус; Рига: Даугава, 1997. С. 48.
- ⁶¹² Письма П.А. Богданова В.С. Горну от 8.09 и 8.10.1927 // ГАРФ. Ф. Р-6092. Оп. 1. Д. 1. Л. 116, 121.
- ⁶¹³ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике. С. 70–71.
- ⁶¹⁴ Там же. С. 71.
- ⁶¹⁵ Извлечения из показаний П.А. Богданова 12–31 июля 1940 г. С. 48.
- ⁶¹⁶ Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы русской трудовой крестьянской партии [Текст] / Балтийский архив. Т. 3. Таллинн: Авенариус, 1997. С. 15.
- ⁶¹⁷ Там же. С. 20.
- ⁶¹⁸ Там же. С. 15.
- ⁶¹⁹ Малахов Г.А. В партийной командировке [Текст] // Таллинн. 2001. № 24. С. 117.
- ⁶²⁰ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике. С. 76.
- ⁶²¹ Извлечения из показаний П.А. Богданова 12–31 июля 1940 г. С. 46.
- ⁶²² Там же. С. 50.
- ⁶²³ Там же. С. 15.
- ⁶²⁴ Там же. С. 16.
- ⁶²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 37–38.
- ⁶²⁶ Исаков С.Г. Извлечения из показаний П.А. Богданова. 12–31 июля 1940 г. // Балтийский архив. Т. IV. Рига: Даугава, 1999.
- ⁶²⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 233.
- ⁶²⁸ РГВА. Ф. 453 к. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.
- ⁶²⁹ Энгельгардт Б.А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «добровольческой армии». Публикация. В.А. Авдеева [Текст] // Вопр. истории. 2008. № 7. С. 75.
- ⁶³⁰ Борис Евланов и его собственноручные показания / Публикация и комментарий Т. Фейгман [Текст] // Балтийский архив. Т. V. – Рига, 1999. С. 22.
- ⁶³¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 233.

- 632 РГВА Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 192.
- 633 Мемуары Н.А. Антипова. / ГАРФ.Ф. Р-5934. Оп. 1. Л. 38.
- 634 Там же. Л. 39.
- 635 Там же.
- 636 Русский блок // Газ. «Неделя». Прага. 11.10.1929. № 39. С. 3.
- 637 Результаты выборов // Газ. «Неделя». Прага. 1.11.1929. № 42. С. 3.
- 638 Русский блок и Народные демократы // Газ. «Неделя». Прага. 22.11.1929. № 44. С. 1-2.
- 639 Мемуары Н.А. Антипова // ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Л. 39.
- 640 Там же. Л. 40.
- 641 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 12.06.1929 // VAR. Butenko collection. Box 1.
- File «М».
- 642 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27.06.1929 // Ibid.
- 643 Мейснер Д. В Праге. Развал «Крестьянской России» [Текст] // «Последние новости». № 3552, 13.12.1930. С. 2.
- 644 Раскол в «Крестьянской России». Письмо в редакцию от 19 декабря 1930 г. [Текст] // «Последние новости». № 3563, 21.12.1930. С. 2.
- 645 Там же.
- 646 Национальный архив Чехии. Прага. Narodni archive. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-6. Л. 101–103.
- 647 Письмо Н.А. Антипова Ф.И. Колесову от 16.01.1931 // VAR. Butenko coll. Box 2.
- 648 ЦА ФСБ РФ. Д. 46470. Л. 271.
- 649 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16.12.1930 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- File «М».
- 650 РГВА. Ф. 461 к. Оп. 1. Д. 189. Л. 157–158.
- 651 Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта [Текст] / Д.И. Мейснер. – М.: АПН, 1966. С. 187
- 652 Сообщение «Второго поколения» [Текст] / «Вестник Крестьянской России». № 2 (33) Февраль 1932 г. Задняя обложка.
- 653 Никитин Б.П. Ответ Б.П. Никитина Правлению О-ва «Второе поколение» в Праге [Текст] / Д. Никитин. – Прага.: Тип. «Политика», 1932.
- 654 РГВА. Ф. 453 к. Оп. 1. Д. 47. Л. 52, 69, 201.
- 655 Макаров Н.П. Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства [Текст] / Н.П. Макаров // «Крестьянская Россия». Сб. IV. Прага, 1923. С. 24–45; Челинцев А.Н. Опыт построения местной с.х. политики [Текст] / А.Н. Челинцев // «Крестьянская Россия». Сб. VII. Прага, 1924. С. 34–55; Челинцев А.Н. Земельная реформа в Чехословакии [Текст] / А.Н. Челинцев // «Крестьянская Россия». Сб. VIII–IX. Прага, 1924. С. 124–144.
- 656 Письмо Н.Д. Кондратьева Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичу от 21.09.1924 // ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 189. Л. 1–2. / «Русская эмиграция». – М.: ВЛАДОС, 1999. С. 544.
- 657 ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 549. Л. 3–4.
- 658 Там же.
- 659 ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 214.
- 660 Письмо П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой от 25.07.1925 // ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 183. Л. 148.
- 661 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 1. Д. 30. Л. 57.
- 662 Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-87257. Л. 64.
- 663 Там же.
- 664 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27056. Т. 5. Л. 73–74.
- 665 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 1. Д. 30. Л. 24.
- 666 Там же. Л. 34.
- 667 Там же. Л. 8.

- 668 Там же. Л. 8–9.
 669 Там же. Л. 94.
 670 Там же. Л. 37.
 671 Там же. Л. 8.
 672 Там же. Л. 24.
 673 Там же. Л. 25.
 674 Там же. Л. 25.
 675 Там же. Л. 52.
 676 Омелянов А. На очереди // «Руль». 10.04.1931. № 3152. С. 2.
 677 Письмо Осоргину неизвестного москвича, находящегося заграникомандировке // VAR. Miliukov coll. Box 6. Unidentified.
 678 «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных» [Текст]. – М.: Советский писатель, 1998. С. 175–176, 193.
 679 Гессен И.В. Годы изгнания [Текст] / И.В. Гессен. – Paris: YMKA-PRESS, 1979. С. 151.
 680 Там же.
 681 Заявление редакции // «Руль». 1931, 29 марта. С. 1.
 682 Гессен И.В. Годы изгнания. С. 152.
 683 Письмо А.Ф. Изюмова С.П. Мельгунову от 5.09.1931 // ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4.
 Л. 12.
 684 Гессен И.В. Годы изгнания. С. 152.
 685 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 22.
 686 Гессен И.В. Годы изгнания. С. 152.
 687 Заявление редакции [Текст] // «Руль». 29 марта 1931 г. № 3144. С. 1.
 688 Аргунов А.А. Неотложная задача [Текст] / А.А. Аргунов // «Руль». 3.04.1931. № 3148.
 689 Аргунов А.А. От слов – к делу [Текст] / А.А. Аргунов // «Руль». 29.04.1931 г. № 3168.
 690 Гессен И.В. Годы изгнания. С. 153.
 691 «Руль». 29.03.1931 г. № 3144. С. 3.
 692 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 23.
 693 Письмо Н.А. Антипова Ф.И. Колесову от 23.07.1931 // VAR. Butenko coll. Box 1.
 694 Гессен И.В. Годы изгнания. С. 153.
 695 Маслов С.С. Силы борьбы [Текст] / С.С. Маслов // «Вестник Крестьянской России». № 2–3 (10–11) 1931 г. С. 7.
 696 Сталинский Е. Эмиграция и политика // Воля России. – Прага. № V–VI. Май-июнь 1931. С. 474.
 697 Дневник С.С. Маслова. С. 45. Копия – архив автора.
 698 Протокол допроса Царапкина С.Р. от 14 марта 1946 г. // ЦА ФСБ РФ. Р-41361. Т. 1. Л. 128–133 // Рассекреченный Зубр. – М.: Academia, 2005. С. 374.
 699 Там же. С. 374, 377.
 700 Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага». № 5 июль- август 1930 г. С. 6.
 701 Письмо герцогу Сергею Николаевичу Лейхтенбергскому «Тактика работы НСНП». Публикация С. Бабюк. [Электронный ресурс] // <http://www.posev.ru/files/nts-about/ntse7003.htm>.
 702 Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена. Воспоминания председателя НТС 1930–1960. [Текст] / В.М. Байдалаков. – М.: Посев, 2002. С. 11.
 703 Там же. С. 12.
 704 Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» № 2 (52) – 1934 г. С. 5.
 705 Письмо С.С. Маслова Ие Андрукевич от 3.01.1935 // Архив семьи Масловой-Штайнер. Копия – архив автора.

- ⁷⁰⁶ Фрагмент из полицейского сообщения о деятельности НСНП (1937 г.) [Текст] // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике. – Прага: Славянский институт АН ЧР; «Еврославика», 1998. С. 142–143.
- ⁷⁰⁷ Показания Е.К. Миллера // Политическая история русской эмиграции 1920–1940. Документы и материалы [Текст]. – М.: Владос, 1999. С. 51.
- ⁷⁰⁸ Там же.
- ⁷⁰⁹ «Крестьянская Россия» и дело Скоблина // «Знамя России». № 11 (99) – 1937 (ноябрь).
- ⁷¹⁰ Там же.
- ⁷¹¹ Там же
- ⁷¹² Показания Е.К. Миллера. С. 51–52.
- ⁷¹³ VAR. Baikalov coll. Box 6. File Maslov.
- ⁷¹⁴ «Информационный бюллетень» Издание Центрального Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» [Текст] / Прага». № 2 (41) 1932 г. С. 15.
- ⁷¹⁵ Там же. № 4 (43) 1932 г. С. 17.
- ⁷¹⁶ Там же. С. 19.
- ⁷¹⁷ Там же.
- ⁷¹⁸ Основы идеологии «Крестьянской России» // Вестник Крестьянской России. № 9 (40). С. 4.
- ⁷¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.
- ⁷²⁰ Информационный бюллетень ЦК КР-ТКП. № 3 (42) Июнь-август 1932 г. С. 5.
- ⁷²¹ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 82.
- ⁷²² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 221.
- ⁷²³ Там же. Л. 18.
- ⁷²⁴ Там же.
- ⁷²⁵ Там же.
- ⁷²⁶ Там же. Л. 161–162.
- ⁷²⁷ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. С. 83.
- ⁷²⁸ Там же. С. 82.
- ⁷²⁹ ЦА ФСБ РФ. Р-34566. Л. 255.
- ⁷³⁰ Там же. Л. 272.
- ⁷³¹ Там же. Л. 269.
- ⁷³² Там же. Л. 271.
- ⁷³³ Заявление ЦК КР-ТКП от 11 сентября 1932 г. // VAR. Butenko coll. Box 2.
- ⁷³⁴ Письма С.С. Маслова от 15.12.1934 и 28.01.1935 к И.М. Брушвиту // ГАРФ. Ф. 5789. Оп. 1. Д. 35. Л. 3; Письмо С.С. Маслова к жене И.А. Андрукевич от 12.12.1934 (копия – в собрании автора).
- ⁷³⁵ Информационный бюллетень. Издание ЦК КР-ТКП. № 4 (43). 1932. Сентябрь-октябрь.
- ⁷³⁶ Письмо А.Л. Бема В.Е. Татаринovu от 15.07.1933 // ГАРФ. Р- 9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.
- ⁷³⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190 Л. 185–186.
- ⁷³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.
- ⁷³⁹ Протокол заседания бюро пражской группы совместно с членами ревкомиссии от 14 февраля 1933 г. Копия. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 222.
- ⁷⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 225.
- ⁷⁴¹ Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета Трудовой Крестьянской партии «Крестьянская Россия» № 1 (47). Апрель-май 1933 г. С. 1.
- ⁷⁴² «Крестьянская Россия» // «Последние новости». № 4481. 29 июня 1933 г.
- ⁷⁴³ Письмо В.П. Челищева А.Л. Бему от 29.07.1933 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Л. 44.
- ⁷⁴⁴ Письмо Г.П. Грачева // ГАРФ. Ф. 9105. Оп. 1. Л. 27.
- ⁷⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 125, 44.

- ⁷⁴⁶ Письмо Г.П. Грачева // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Л. 27.
- ⁷⁴⁷ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Д. 18524. Л. 25, 29–30.
- ⁷⁴⁸ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3 Д. 18524. Л. 10–15.
- ⁷⁴⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 125.
- ⁷⁵⁰ Справка ЦА ФСБ РФ. 10/Ф-4189 от 19.11.2008 г. Архив автора.
- ⁷⁵¹ Там же.
- ⁷⁵² Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». № 4 (50). Апрель-май 1933. С. 18.
- ⁷⁵³ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.
- ⁷⁵⁴ Информационный бюллетень... № 4 (50). Апрель-май 1933. С. 19.
- ⁷⁵⁵ Письмо А.Л. Бема В.Е. Татаринovu от 15.07.1933 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.
- ⁷⁵⁶ Имеется в виду визит в Европу лидера русских фашистов в США А.А. Вонсяцкого.
- ⁷⁵⁷ Письмо А.Ф. Изюмова С.П. Мельгунову от 26.09.1933 // ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.
- ⁷⁵⁸ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 186.
- ⁷⁵⁹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке [Текст] / Г.В. Мелихов.– М.: Викмо М; Русский путь, 2007. С. 272–273.
- ⁷⁶⁰ Там же.
- ⁷⁶¹ Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». № 2 (52). 1934 г. С. 8–11.
- ⁷⁶² ВАР. Butenko papers. Box 5. File Krest'ianskaia Rossia.
- ⁷⁶³ Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». № 2 (52). 1934 г. С. 1–10.
- ⁷⁶⁴ Там же. С. 9.
- ⁷⁶⁵ Неточно, 1934.
- ⁷⁶⁶ РГВА Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 186.
- ⁷⁶⁷ Смагин А.Я. У входа в «Крестьянскую Россию» [Текст] / А.Я. Смагин // «Русский пахарь». Харбин. № 10. Июнь 1934 г. С. 8.
- ⁷⁶⁸ Волгин Е. На сыпучих песках [Текст] / Волгин Е. // «Русский пахарь». Харбин. № 10. Июнь 1934 г. С. 4, 6.
- ⁷⁶⁹ Там же. С. 5.
- ⁷⁷⁰ Там же.
- ⁷⁷¹ Там же. С. 6.
- ⁷⁷² Смагин А.Я. У входа в «Крестьянскую Россию. С. 8, 7.
- ⁷⁷³ Там же.
- ⁷⁷⁴ Письмо Председателя Совета КР-ТКП В.Е. Татаринова А.Л. Бему от 8.08.1933 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
- ⁷⁷⁵ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 280. Л. 78.
- ⁷⁷⁶ Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии № 1 (55). 1935 г. С. 1.
- ⁷⁷⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 280. Л. 80–81.
- ⁷⁷⁸ Письмо А.А. Аргунова А.И. Гучкову от 6.12.1933 // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.
- ⁷⁷⁹ Письмо В.Н. Челищева М.Ф. Ковалеву // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 87.
- ⁷⁸⁰ День непримиримости на ст. Яблоня // Наш путь. Харбин. 23.12.1936. № 311 (1072).
- ⁷⁸¹ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Документ № 293. Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину об эсерах от 10.02.1938.– М.: Росспэн. С. 487.
- ⁷⁸² Грачев Г.П. Советское сельское хозяйство и российский крестьянин [Текст] / Г.П. Грачев // Наш путь. Харбин, 1939. С. 1.

- ⁷⁸³ Куренышев А.А. Крестьянские организации Русского зарубежья [Текст] / А.А. Куренышев // *Вопр. истории*. 2008. № 1. С. 21.
- ⁷⁸⁴ Малахов Г.А. Записки русского эмигранта. Т. 4 [Текст] / Г.А. Малахов. Неопубликованная рукопись. Машинопись // *Фонд русское зарубежье*.
- ⁷⁸⁵ ГАРФ. Ф. 6344. Оп. 1. Д. 24. Л. 19, 26.
- ⁷⁸⁶ Там же. Л. 32–33.
- ⁷⁸⁷ Там же. Л. 34.
- ⁷⁸⁸ Там же.
- ⁷⁸⁹ Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus [Текст] / М. Бубеникова // *Prague Perspectives. The History of East Central Europe and Russia*. – Prague, 2004. С. 408–409.
- ⁷⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 24. Л. 54.
- ⁷⁹¹ Там же. Л. 19.
- ⁷⁹² Там же.
- ⁷⁹³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-79622. Л. 22.
- ⁷⁹⁴ VAR. Vaikalov coll. Box 6. File Maslov.
- ⁷⁹⁵ Протоколы заседаний Совета КР-ТКП 1932–33 гг. // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.
- ⁷⁹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 96.
- ⁷⁹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 122.
- ⁷⁹⁸ В Совете партии [Текст] // Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». 1934 г. № 2 (52). С. 1–2.
- ⁷⁹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 173.

Глава III Победа вождизма

- ¹ Письмо Н.И. Астрова А.И. Деникину от 4.02.1934 // VAR. Panina coll. Box 1.
- ² Афиша лекции «Ломка и борьба» / Копия. Архив автора.
- ³ В Крестьянской России. Доклад С.С. Маслова [Текст] // «Последние новости». № 4759. 4.04.1934.
- ⁴ Информационный бюллетень Центрального исполнительного комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии» № 1 (55). 1935 г. С. 1.
- ⁵ Там же. С. 2.
- ⁶ Письмо С.С. Маслова Ие Андрукевич от 24.11.1934 // Архив семьи Маслова-Штайнер. Копия – архив автора.
- ⁷ РГВА. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 298. Л. 160–161.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 162.
- ¹¹ Там же. Л. 164–165.
- ¹² Там же. Л. 95.
- ¹³ Орфография и пунктуация исправлены.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 298. Л. 183–184.
- ¹⁵ Там же. Л. 348.
- ¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 122.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 298. Л. 104.
- ¹⁸ Там же. Л. 263–266.
- ¹⁹ Национальный Архив Чешской республики. Фонд полиции / ZUS-AMV – 200-45-5.

- ²⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 122.
- ²¹ VAR. Baikalov collection. Box 6. File Maslov.
- ²² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 39
- ²³ Там же. Л. 117–118.
- ²⁴ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 20. Л. 32.
- ²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Л. 40.
- ²⁷ Письмо С.С. Маслова И.А. Андрукевич. № 22 от 12.12.1934 / Копия. Архив автора.
- ²⁸ Письма С.С. Маслова к И.М. Брушвиту от 15.12.1934 и 28.01.1935 // ГАРФ. Ф. Р-5789.
- Оп. 1. Д. 35. Л. 3, 5.
- ²⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 40–41.
- ³⁰ Там же. Л. 118.
- ³¹ Там же. Л. 19.
- ³² Там же. Л. 42.
- ³³ Там же. Л. 19.
- ³⁴ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 499.
- ³⁵ Там же. Л. 405.
- ³⁶ Там же. Л. 499.
- ³⁷ Там же. Л. 243.
- ³⁸ Соцков Л.Ф. Код операции – «Тарантелла». Из архива Внешней разведки России. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 35–180.
- ³⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 161.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
- ⁴¹ Предложил свои услуги СССР сам только в 1945 г., находясь в Египте.
- ⁴² Соцков Л.Ф. Код операции – «Тарантелла». С. 190–192.
- ⁴³ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 438.
- ⁴⁴ Правильно – Магеровский.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 246.
- ⁴⁶ Там же. Л. 233–234.
- ⁴⁷ Там же. Л. 242.
- ⁴⁸ Согласно книге Соцкова – агент Богомольца и советской разведки. См.: Соцков Л.Ф. Код операции – «Тарантелла». С. 198.
- ⁴⁹ Соцков Л.Ф. Код операции – «Тарантелла». С. 216.
- ⁵⁰ Информационный бюллетень Центрального Исполнительного Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской Партии. Январь-май 1935 г. № 1 (55). С. 3.
- ⁵¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 18524. Л. 10.
- ⁵² Там же. Л. 5.
- ⁵³ Там же. Л. 1–10.
- ⁵⁴ Агапов Е.М. Пути Японии и России // «Знамя России». Прага. № 9. 1935.
- ⁵⁵ Антонов В.С., Карпов В.Н. Расстрелянная разведка [Текст] / В.С. Антонов, В.Н. Карпов. – М.: Международные отношения, 2008. С. 83.
- ⁵⁶ Архив ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 228.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. Л. 245.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 23. Л. 115–116.
- ⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 25.
- ⁶² Там же. Л. 249–250.
- ⁶³ Информационный бюллетень Центрального Исполнительного Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской Партии. 1936. № 1(56). С. 3.

- ⁶⁴ Там же. С. 4–5.
- ⁶⁵ Там же. С. 6.
- ⁶⁶ Там же. С. 7.
- ⁶⁷ Там же. С. 14.
- ⁶⁸ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Под общей редакцией Л. Белошевой [Текст] / Ред. Л. Белошевская. Т. 2. Прага, 2000. С. 377.
- ⁶⁹ В предвидении войны [Текст] // «Партийная мысль». Прага, 1936. № 10–11. С. 8–18.
- ⁷⁰ Там же. С. 18.
- ⁷¹ Там же. С. 20.
- ⁷² В политическом подполье СССР [Текст] // «Знамя России». 1935, № 12; 1936, № 1–3.
- ⁷³ Там же. 1936, № 1. С. 3.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-6344. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40.
- ⁷⁶ Там же. Л. 40.
- ⁷⁷ Гроза Б. Красные стрелы в эмиграцию // Наш путь. Харбин. 23.12.1936. № 340 (1101).
- ⁷⁸ В политическом подполье СССР [Текст] // «Знамя России». 1936. № 4 (89). С. 2.
- ⁷⁹ Там же. С. 1.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке [Текст] / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. С. 41.
- ⁸² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48 877. Л. 196–197.
- ⁸³ Там же. Л. 197–198.
- ⁸⁴ VAR, Baikalov collection. Box 1. File Nikolaevskii.
- ⁸⁵ Прения по докладу С.С. Маслова от 3 апреля на заседании Расширенного ЦИК ТКП-КР [Текст] // «Партийная мысль». 1937, № 12. С. 2–3.
- ⁸⁶ Доклад С.С. Маслова от 8 мая 1937 г. [Текст] // Там же. С. 8.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 190. Л. 185.
- ⁸⁸ Допрос С.С. Маслова в чешской полиции 7 марта 1938 г. // Национальный архив Чехии. Прага. Narodni archiv. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-95/104.
- ⁸⁹ Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. [Текст]. – М.: Индрик, 2007. С. 265.
- ⁹⁰ Информационный бюллетень Центрального Исполнительного Комитета. «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии». Апрель-май 1933. № 1 (47) С. 6.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ О центральном органе печати [Текст] / Информационный бюллетень Центрального Исполнительного Комитета «Крестьянской России – Трудовой Крестьянской партии. Апрель-май 1933. № 1 (47). С. 6–7.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ От редакции [Текст] // «Знамя России». Май 1933 г. № 1 (46). С. 1.
- ⁹⁸ Маслов С. Думы и Зовы [Текст] / С. Маслов // Там же. С. 4.
- ⁹⁹ Членам и сочувствующим партии [Текст] // Там же. Июнь 1933 г. № 2 (47) С. 20.
- ¹⁰⁰ Партийные издания [Текст] // Там же.
- ¹⁰¹ Рекламное объявление [Текст] // Там же. Ноябрь 1933 г. № 7 (52).
- ¹⁰² О центральном органе печати. С. 6–7.
- ¹⁰³ Сотый номер [Текст] // «Знамя России». Декабрь 1933 г. № 2 (100). С. 1.

- ¹⁰⁴ Дело Н.В. Быстрова и др. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 272.
- ¹⁰⁵ «Знамя России». 1933 № 1 (46) май. С. 18–19.
- ¹⁰⁶ Каменьщиков В. «РОНД» [Текст] / В. Каменьщиков // «Знамя России». Декабрь 1933 г. № 2 (100). С. 18.
- ¹⁰⁷ Седаков Б.В. Политика Фердинанда VIII [Текст] / Б.В. Седаков // «Знамя России». № 6 (51). С. 18.
- ¹⁰⁸ Паллизен И.Р. Пореволуционные течения [Текст] / И.Р. Паллизен // «Знамя России». № 3. С. 17.
- ¹⁰⁹ Псевдоним С.С. Маслова. Список псевдонимов авторов «Знамени России» // VAR. Butenco collection. Box. 7.
- ¹¹⁰ Северов Н.И. Политические жоржики [Текст] / Н.И. Северов (псевд. С.С. Маслова) // «Знамя России». 1934, № 7(59). С. 3.
- ¹¹¹ Там же. С. 3–4.
- ¹¹² Седаков Б. Надгробное слово [Текст] / Б. Седаков // «Знамя России». 1934, № 7 (59). С. 18.
- ¹¹³ Маслов С.С. Рождение нового строя [Текст] / С.С. Маслов // «Знамя России». 1935, № 34 (68). С. 4–5.
- ¹¹⁴ Седаков Б. Перед сезоном [Текст] / Б. Седаков // «Знамя России». 1935, № 9 (73). С. 18–19.
- ¹¹⁵ Седаков Б. Лицо эмиграции [Текст] / Б. Седаков // «Знамя России». 1935, № 11 (75) С. 17–18.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Седаков Б. Лицо эмиграции. Евразийцы [Текст] / Б.Седаков // «Знамя России». 1935, № 12 (76). С. 17–19.
- ¹¹⁸ Там же. С. 19.
- ¹¹⁹ Седаков Б. Лицо эмиграции. Младороссы [Текст] / Б. Седаков // «Знамя России». 1936, № 1 (77). С. 16–18.
- ¹²⁰ Там же. С. 17.
- ¹²¹ Там же. С. 18.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Татаринов В.Е. Два лагеря в эмиграции [Текст] / В.Е. Татаринов // «Знамя России». 1938, № 7–8 (107–108). С. 6–8.
- ¹²⁴ Там же. С. 7.
- ¹²⁵ Там же. С. 6–7.
- ¹²⁶ Там же. С. 8.
- ¹²⁷ Там же. С. 7.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же. С. 8.
- ¹³⁰ Татаринов В.Е. «Русские фашисты» и «Знамя России» [Текст] / В.Е. Татаринов // «Знамя России». 1939, № 1–2 (110–111). С. 3–5.
- ¹³¹ Ни фашизм, ни расизм [Текст] // «Знамя России». 1938, № 67–68 (107–108). С. 1.
- ¹³² Там же. С. 1.
- ¹³³ Завадский С.В. Право и правда [Текст] / С.В. Завадский // «Знамя России». 1935, № 11 (75). С. 3–5.
- ¹³⁴ Мельгунов С.П. Российская контрреволюция [Текст] / С.П. Мельгунов // «Знамя России». 1938, № 2–3 (102–103). С. 13.
- ¹³⁵ Федотов Г.П. Русская духовная культура и Революция [Текст] / Г.П. Федотов // «Знамя России». 1935, № 6 (70). С. 6.
- ¹³⁶ Андреев Н.Е. Культура в изгнании [Текст] // «Знамя России». 1938, № 6 (106) С. 12–14.
- ¹³⁷ Там же. С. 12.

- ¹³⁸ Частично опубликована под ред. С.С. Маслова в газете «Руль». 1931 г.
- ¹³⁹ Маслов С.С. Предисловие // Киселев-Громов Н.К. Лагерь смерти в СССР. Великая братская могила коммунистического террора. – Шанхай: Книгоиздательство Н.П. Малиновского, 1936. С. 3.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 1–2.
- ¹⁴¹ Письмо И.И. Солоневича А.И. Гучкову от 18.10.1935 // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 32. Л. 24.
- ¹⁴² Маслов С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов; значение для с-х хозяйства, крестьянства, государства; природа, эволюция и будущее [Текст] / С.С. Маслов. – Прага: Изд. «Крестьянская Россия», 1937.
- ¹⁴³ Маслов С.С. Новая сила в Европе и Милан Годжа [Текст] / С.С. Маслов. – Прага: Изд. «Крестьянская Россия», 1938.
- ¹⁴⁴ Национальный архив Чехии. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-120/131.
- ¹⁴⁵ Допрос С.С. Маслова в чешской полиции 7 марта 1938 г. // Национальный архив Чехии. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-85/94.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 173.
- ¹⁴⁸ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике [Текст] / Ред. Л. Белошевская. – Прага, 2000. С. 499.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 452.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 361.
- ¹⁵¹ Там же. С. 363.
- ¹⁵² Там же. С. 415; Татаринов В. Демократия или идеократия [Текст] / В. Татаринов // «Партийная мысль». 1938, № 13–14. С. 1.
- ¹⁵³ Хроника культурной, научной и общественной жизни... С. 357.
- ¹⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 352, 366, 392, 409.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 386.
- ¹⁵⁶ Там же. С.425.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 430.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 438.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же. С. 445.
- ¹⁶² Там же. С. 447.
- ¹⁶³ Там же. С. 443.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 446.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 448.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 449.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 454.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 440.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 444.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 376.
- ¹⁷¹ Письмо МИД Чехословакии в МВД № 36.005/11–2/38 от 15.03.1938 // Национальный архив Чехии. AMV. 225 – 1169 – 4-7.
- ¹⁷² Sladek Z. Cheske postrede a guska emigrace (1918–1939) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939 гг.) [Текст]. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 44.
- ¹⁷³ Хроника культурной, научной и общественной жизни... С. 469.

- ¹⁷⁴ Маслов С.С. «Крестьянская Россия» перед сталинским судом [Текст] / С.С. Маслов // «Знамя России». 1938, № 2–3. С. 1.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 2
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Спецсообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР И.В. Сталину о С.С. Маслове // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 338. Л. 111. Цит. по: Лубянка.– М.: Материк, 2004. С. 498.
- ¹⁷⁹ Sladek Z. Cheske postrede a ruska emigrace... С. 44.
- ¹⁸⁰ Национальный архив Чехии. Доклад советника МВД ЧР д-ра Новака в Президиум МВД от 8 апреля 1938 г. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. AMV. 225-1169-4-99.
- ¹⁸¹ Допрос С.С. Маслова в чешской полиции 7 марта 1938 г. // Национальный архив Чехии. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-95/104.
- ¹⁸² Хроника культурной, научной и общественной жизни... Т. 2. С. 476.
- ¹⁸³ Там же. С. 485; От редакции [Текст] // «Партийная мысль». 1938, № 15. С. 1.
- ¹⁸⁴ Письмо С.С. Маслова от 28-29 марта 1938 г. / Копия – архив автора.
- ¹⁸⁵ Письмо С.С. Маслова от 22 мая 1938 г. / Копия – архив автора.
- ¹⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41758. Л. 234.
- ¹⁸⁷ Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы русской трудовой крестьянской партии [Текст] // «Балтийский архив». Т. 3. Таллинн: Авенариус, 1997. С. 16.
- ¹⁸⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. 41758. Л. 236.
- ¹⁸⁹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 280. Л. 79–81.
- ¹⁹⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. 41758. Л. 143–144.
- ¹⁹¹ ЦА ФСБ РФ. Д. 48877. Л. 198.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же. Л. 261.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 246–247.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 198.
- ¹⁹⁶ Хроника культурной, научной и общественной жизни... Т. 2. С. 490.
- ¹⁹⁷ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 13.02.1929 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ¹⁹⁸ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 27.06.1929 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ¹⁹⁹ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 2.01.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰⁰ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 8.05.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰¹ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 20.10.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Письмо С.С. Маслов Б.А. Бахметьеву от 21.10.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰⁵ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 16.12.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰⁶ Письмо С.С. Маслов Б.А. Бахметьеву от 12.12.1930 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰⁷ Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 7.03.1931 // BAR. Butenko coll. Box 1.
- ²⁰⁸ Гессен И.В. Годы изгнания [Текст] / И.В. Гессен. Paris: YMKA-PRESS, 1979. С. 152.
- ²⁰⁹ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост. В.Г. Макаров, А.В. Репников, В.Г. Христофоров. – М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 193.
- ²¹⁰ Там же. С. 276.
- ²¹⁰ Письмо А.И. Гучкова А.В. Байкалову от 4.09.1933 // BAR. Baikalov coll.
- ²¹¹ Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 223.
- ²¹¹ Письмо А.И. Гучкова А.В. Байкалову от 4.09.1933 // BAR. Baikalov coll.
- ²¹² Допрос С.С. Маслова в чешской полиции 7 марта 1938 г. // Национальный архив Чехии. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-95/104.
- ²¹³ BAR. Butenko coll. Box 5. File KR.

- 124 Письмо А.И. Ксюнина А.И. Гучкову 29.10.1934 // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 47. Л. 29–30.
- 125 Письмо А.И. Ксюнина А.И. Гучкову 8.11.1934 // Там же. Л. 34.
- 126 Там же.
- 127 Письмо В.Н. Челищева М.Ф. Ковалеву 1.05.1934 // ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 87.
- 128 Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 221.
- 128 Письмо А.И. Гучкова А.В. Байкалову от 4.09.1933 // VAR. Vaikalov coll.
- 129 Письма С.С. Маслова жене из Парижа. 1938 г. / Копия. Архив автора.
- 120 Протокол допроса Царапкина С.Р. от 14 марта 1946 г. // Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского [Текст]. Сост. Я.Г. Рокитянский, В.А. Гончаров, В.В. Нехотин.– М.: Academia, 2003.
- 121 ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 93–95.
- 122 Протокол заседания пражской группы с членами ревизионной комиссии от 14 февраля 1933 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 225.
- 123 Письмо Президиума МВД ЧСР в МИД ЧСР о деятельности объединения (партии) «Крестьянская Россия» от 9 марта 1936 г. // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике // [Текст]. – Прага: Славянский институт АН ЧР; Еврославика, 1998. С. 142–143.
- 124 Там же. С. 142.
- 125 Там же. С. 143.
- 126 Письмо С.С. Маслова жене И. Масловой (Андрукевич) от 22 мая 1935 г. Белград. / Копия – архив автора.
- 127 VAR. Butenko coll. Box 5. File KR.
- 128 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 244.
- 129 Письма С.С. Маслова И.Масловой (Андрукевич) 1938 г. / Копии, архив автора.
- 130 Sladek Z. Cheske postrede a ruska emigrace... С. 26.
- 131 Копия письма к С.С. Маслову из представительства Манчжоу-Го в Берлине 1943 г. Архив автора.
- 132 Южно-Манчжурской железной дороги (ЮМЖД).
- 133 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 542.
- 134 РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 234.
- 135 Симано Сабуро (*Shimano, Saburō*) (1893–1982). В 1911 г. окончил среднюю школу. Учился на языковых курсах во Владивостоке. Далее учился за счет ЮМЖД в России. 1914–1916 гг. – студент Моск. ун-та, с 1916 г. – студент филологического ф-та Петроградского ун-та. С конца 1917 г. – в русском отделе по сбору информации компании по управлению ЮМЖД. В 1922 г. руководитель русской группы при директоре Исследовательского ин-та по изучению экономики Восточной Азии ЮМЖД. Создал Центр по изучению России и СССР при ЮМЖД в Дайрене. Составитель первого японско-русского словаря (1928 г., 1933 – 2-е изд.), С 1930 г. – в Германии и Франции. С 1937 г. – в японском посольстве в Париже. В годы Второй мировой войны работал в Маньчжурии и в Токио. Затем в Токио в ун-те Васеда, в Академии полиции. Собр. работ в 3-х т. (1988–89), книга «Жизнь Советского Союза глазами исследователей ЮМЖД» (1984).
- 136 Допрос С.С. Маслова в чешской полиции 7 марта 1938 г. // Национальный архив Чехии. Прага. Ministerstvo vnitra I – Presidium. PMV-AMV. 225-1207-96/105.
- 137 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 23–24.
- 138 Там же. Л. 23.
- 139 Письма С.С. Маслова и И. Масловой 1936–1938 гг. Копия – архив автора.
- 140 Хроника культурной, научной и общественной жизни... Т. 2. С. 502.
- 141 Вместо предисловия // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. 1 [Текст]. – Нью-Йорк, 1953. С. 140.

- 242 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 172.
- 243 ЦА ФСБ РФ. Д. 48877. Л. 114.
- 244 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 246.
- 245 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 27.
- 246 Письмо М.В. Кобякову от 20.11.1955 // VAR. Butenko papers. Box 5. File «К»
- 247 VAR. Butenko papers. Box 5. File KR.
- 248 Там же.
- 249 Там же.
- 250 Письмо Ф.И. Колесова В.Ф. Бутенко от 4.09.1945 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- 251 Письмо Ф.И. Колесова В.Ф. Бутенко от 4.11.1945 // VAR. Butenko coll. Box 2.
- 252 ЦА ФСБ РФ. Д. Р- 46470. Л. 214–215.
- 253 Там же.
- 254 Там же. Л. 115.
- 255 Письмо М.В. Кобякову от 20.11.1955 // VAR. Butenko papers. Box 5. File «К».
- 256 Вакар Н.П. Дневник // Минувшее: Исторический альманах. Т. 24 / [Текст] / Н.П. Вакар. – СПб.: Athenium; Феникс. С. 562–56; VAR. Vakar coll. Box 2. File Diary. 1938–39.
- 257 Дневник С.П. Мельгунова, 1933, 1939–1944 гг. // Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники [Текст]. – М.: Индрик, 2003. С. 410.
- 258 Там же. С. 428.
- 259 Вместо предисловия // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. 1. [Текст].– Нью-Йорк, 1953. С. 141.
- 260 Письмо В.Ф. Бутенко В.Ф. Колесову 2.04.1949 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- 261 Вместо предисловия // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. 1. [Текст].– Нью-Йорк, 1953. С. 140.
- 262 Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы... С. 18.
- 263 Там же. С. 19.
- 264 Нечаев В.П. Семенов Борис Константинович // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Ред. А.Н. Николоюкина. Т. 1 [Текст] / В.П. Нечаев.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 354.
- 265 Сообщение Г.А. Малахова автору.
- 266 VAR. Butenko coll. Box 5. File Chevdar.
- 267 Письмо М.В. Кобякову от 20.11.1955 // VAR. Butenko papers. Box 5. File «К».
- 268 Вместо предисловия // «Крестьянская Россия». С. 140.
- 269 Булгаков В.Ф. В царстве свастики. По тюрьмам и лагерям. [Электронный ресурс]. В.Ф. Булгаков. Журнал «Москва». 2000, № 5. <http://www.moskvam.ru/2000/05/bulgakov.htm>
- 270 Белошевская Л.Н. Союз русских писателей и журналистов в Праге // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Периодика и литературные центры. Ред. А.Н. Николоюкин [Текст]. Л.Н. Белошевская.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 461.
- 271 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46470. Л. 423.
- 272 Ковалев М.Ф. К новой аграрной политике: опыт построения теории разрешения русского аграрного вопроса [Текст] / М.Ф. Ковалев. Издание профессионального союза русских инженеров и техников в Протекторате Чехия и Моравия.– Прага, 1943.
- 273 Там же. С. 36.
- 274 Копия – архив автора.
- 275 Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта [Текст] / Д.И. Мейснер.– М.: АПН, 1966. С. 259.
- 276 Эмиграция и репатриация в России. Сост. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В. Окоороков А.В. [Текст] / В.А. Ионцев и др.– М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

- 277 VAR. Butenko papers. Box 5. File KR.
 278 концлагере.
 279 VAR. Zenzinov coll. Box 1. File Kuskova E.D.
 280 Вместо предисловия // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. 1. С. 140.
 281 Оригинал письма С.С. Маслова хранится у потомков Маслова в Праге в семье Штайнер.
 282 Arkhiv pamyatniki Terezin. A10163. A 2012007.
 283 Вместо предисловия... С. 141.
 284 VAR. Zenzinov coll. Box 1. File Kuskova E.D.
 285 Бубеникова М. Бем Альфред Людвигович // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Писатели Русского зарубежья / Ред. А.Н. Николюкин [Текст]. М. Бубеникова.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 62. Ссылка на газ. «Новое Русское слово» от 11.09.1955.
 286 ЦА ФСБ. Д. Р-41758. Л. 168.
 287 Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945 [Текст] / С.Г. Пушкарев.– М.: Посев, 1999. С. 108–110.
 288 VAR. Zenzinov coll. Box 1. File Kuskova E.D.
 289 Вместо предисловия... С. 141.
 290 Андреев Н.Е. То, что вспоминается [Текст] / Н.Е. Андреев.– Таллинн: Авенариус, 1996 Т. 2. С. 229–230.
 291 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 269-а.
 292 Справка ЦА ФСБ РФ. Архив автора.
 293 Письмо В.С. Озерецковского С.П. Мельгунову от 29.05.1948 // LSE. Box 63.
 294 Аურიелене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. [Текст] / Е.Е. Аურიелене. Хабаровск: «Частная коллекция», 2008. С. 191.
 295 Хисамудинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. С. 194.
 296 Зайцев К.П. Памяти Николая Петровича Малиновского [Текст] / К.П. Зайцев.– Шанхай, 1948.
 297 VAR. Butenko coll. Box 2.
 298 Вместо предисловия... С. 140–141.
 299 Хисамудинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. С. 24.
 300 Справка ЦА ФСБ РФ от 19.11.2008 г. Архив автора.
 301 Вместо предисловия... С. 141.
 302 Письмо Ф.И. Колесова В.Ф. Бутенко от 11.11.1945 // VAR. Butenko coll. Box 2.
 303 Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь [Текст] / Е.А. Александров [ред. К.М. Александров, А.В. Терещук]. – Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Россия), 2005. С. 262–263.
 304 Письмо С.С. Маслова Ф.И. Колесову от 7.03.1931 // VAR Butenko coll. Box 1.
 305 Письмо Ф.И. Колесова В.Ф. Бутенко от 21.02.1945 // VAR. Butenko coll. Box 1.
 306 VAR. V.M. Zenzinov coll. Box. 37.
 307 Нивьер А. Православные священнослужители, богословы, церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник [Текст] / А. Нивьер.– М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Париж: YMCA-Press, 2007. С. 310.
 308 Ковалев М.Ф. К борьбе за свободу России [Текст] / Ковалев М.Ф. // Русский демократ.– Париж: Les éditions russe «Les Indépendens». № 2. 1948. С. 10–12.
 309 Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 40-х – середина 60-х гг.): Монография [Текст] / А.В. Антошин.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 107.

- ³¹⁰ Вакар. Н.П. Эльяшев [Текст] // «Новое русское слово». 1947, 12 января.
- ³¹¹ Бутенко В.Ф. Крестьянская Россия (К дискуссии о программах) [Текст] / В.Ф. Бутенко // Борьба за Россию. Париж: Les éditions russe «Les Indépendens», 1948. С. 9–14.
- ³¹² VAR. Butenko coll. Box 5. File Chevdar.
- ³¹³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) [Текст] / П.Н. Базанов.– СПб., 2004. С. 285–287, 290.
- ³¹⁴ Письмо В.Ф. Бутенко В.Ф. Колесову 2.04.1949 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³¹⁵ Там же.
- ³¹⁶ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. С. 83, 216.
- ³¹⁷ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 14.01.1951 // VAR. Butenko coll. Box 2.
- ³¹⁸ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 29.01.1951 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ Письмо В.Ф. Бутенко Р.Б. Гулю // VAR. Butenko coll. Box 5. File Gul'
- ³²¹ Нью-Йоркская группа «Крестьянской России» [Текст] // Новое Русское слово. Нью-Йорк, 1951. 6 февраля.
- ³²² Письмо Э.П. Чевдара В.П. Бутенко. 1948 г. // VAR. Butenko coll. Box 5. File Chevdar.
- ³²³ Вместо предисловия... С. 3.
- ³²⁴ Аурилелене Е.Е. Российская диаспора в Китае... С. 186.
- ³²⁵ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 8.06.1951 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³²⁶ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 21.09.1951 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³²⁷ VAR Butenco coll. File Chevdar.
- ³²⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-48877. Л. 37–38.
- ³²⁹ Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны»... С. 121.
- ³³⁰ Там же. С. 4.
- ³³¹ Бутенко В. Проблемы тактики // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. I [Текст] / В.Ф. Бутенко.– Нью-Йорк, 1953. С. 179–180.
- ³³² Там же. С. 180–181.
- ³³³ Там же. С. 186.
- ³³⁴ Там же.
- ³³⁵ Там же. С. 183.
- ³³⁶ Там же.
- ³³⁷ Там же. С. 191.
- ³³⁸ Там же. С. 193.
- ³³⁹ Там же. С. 195.
- ³⁴⁰ Вместо предисловия... С. 4.
- ³⁴¹ Там же. С. 6.
- ³⁴² Радио «Освобождение», будущее Радио Свобода.
- ³⁴³ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 22.03.1953 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³⁴⁴ Письмо В.Ф. Бутенко В.М. Денисову от 23.10.1953 // VAR. Butenko coll. Box 5. File Denisov.
- ³⁴⁵ Вместо предисловия... С. 8.
- ³⁴⁶ Иванцов Д. Укрупнение колхозов // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. I. [Текст] / Д.Н. Иванцов.– Нью-Йорк, 1953. С. 55–56.
- ³⁴⁷ Мордвин С. Крестьянство и его партия // «Крестьянская Россия»: Сб. статей. Т. I [Текст] / Семен Мордвин.– Нью-Йорк, 1953. С. 63–64.
- ³⁴⁸ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 8.06.1951 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³⁴⁹ Письмо В.Ф. Бутенко Ф.И. Колесову от 11.11.1953 // VAR. Butenko coll. Box 1.
- ³⁵⁰ Там же.
- ³⁵¹ Письмо В.Ф. Бутенко А.И. Колесовой от 22.12.1953 // VAR Butenko coll. Box 1.
- ³⁵² Письмо Ф.И. Колесова В.Ф. Бутенко от 17.11.1953 // VAR. Butenko coll. Box 1.

Примечания

³⁵³ BAR. Butenko coll. Box 5. File KR.

³⁵⁴ Копия письма от 12.02.1955 // BAR. Butenko coll. Box 2.

³⁵⁵ Письмо А.П. Вельмину от 14.12.1959 // BAR. Velmin coll. Box 3. File Mikulovsky.

Заключение

¹ Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945 [Текст] / С.П. Постников. – Нью-Йорк: Norman Ross Publishing inc., 1993. С. 9.

² Соколов М.В. Война в эфире. Русская эмиграция в попытках радиовещания на СССР [Текст] / М.В. Соколов // Родина. 2008, № 11. С. 97–102.

³ Щагин Э.М., Константинов С.В. Политическая история русской эмиграции. Документы и материалы. Учебное пособие. Под. Ред. А.Ф. Киселева [Текст] / Э.М. Щагин, С.В. Константинов. Ред. А.Ф. Киселев. – М.: ВЛАДОС, 1999.

⁴ <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2004/lived.050604.asp>

Персоналии

¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82647. Л. 54.

Список источников и литературы

Фонды

Государственный архив Российской Федерации.

Ф. Р-5784. Центр Действия. г. Париж. 1920–1923 г.

Ф. Р-5789. Брушвит Иван Михайлович (1879–1946).

Ф. Р-5790. Иванцов Дмитрий Николаевич (1895–1974).

Ф. Р-5840. Раевский Николай Алексеевич (1894–1988).

Ф. Р-5841. Варшавская Группа Конституционно-Демократической Партии Народной Свободы.

Ф. Р-5856. Милуков Павел Николаевич. Оп. 1, оп. 2.

Ф. Р-5865. Прокопович-Кускова Екатерина Дмитриевна.

Ф. Р-5868. Гучков Александр Иванович (1863–1936).

Ф. Р-5871. Якушев Иван Александрович (1882–1935).

Ф. Р-5878. Редакция газеты «Дни» г. Берлин, Париж (1922–1928).

Ф. Р-5893. Административный центр внепартийного объединения гг. Париж, Прага (1920–1922).

Ф. Р-5934. Антипов Николай Александрович (1889–1946).

Ф. Р-5962. Изюмов Александр Филаретович.

Ф. Р-6065. Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965).

Ф. Р-6075. Аргунов Андрей Александрович (1867–1939).

Ф. Р-6092. Горн Василий Леопольдович (1876–1938).

Ф. Р-6110. Озерецковский Вениамин Сергеевич.

Ф. Р-6340. Воеводин Александр Александрович.

Ф. Р-6344. Харламов Василий Акимович (1875–1957)

Ф. Р-6366. Евреинов Борис Алексеевич (1888–1933).

Ф. Р-9105. Трудовая крестьянская партия – «Крестьянская Россия». г. Прага. (1921–1939).

Ф. Р-7506. Центральный комитет партии народной свободы, г. Париж. (1918–1932).

Российская Государственная библиотека

Отдел рукописей. Ф. 836. А.П. Марков.

Российский государственный архив социально-политической истории.

Ф. 17. Коллекция документов об оппозиции.

Государственный архив Хабаровского края.

Ф. 830. Фонд Бюро по делам русских эмигрантов в Манчжурии (БРЭМ).

Центральный архив ФСБ Российской Федерации.

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Архив Службы безопасности Украины (Киев).

Narodni archiv, Ministerstvo vnitra I – Presidium. = Национальный архив Чехии (Прага).

Фонд Президиума МВД Чехословакии.

Pamatnik narodniho pisemnictvi. Fond Bem Alfred. = Памятник национальной письменности. Литературный архив Чехии. Фонд А.Л. Бем.

Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). Библиотеки Колумбийского университета, Библиотека редких книг и манускриптов, Бахметьевский архив Русской и Восточно-европейской истории и культуры.

N.P. Vakar Collection = Коллекция документов Н.П. Вакара.

P.N. Milyukov Collection = Коллекция документов П.Н. Милюкова.

A.P. Velmin Collection = Коллекция документов А.П. Вельмина.

V.F. Butenko Collection = Коллекция документов В.Ф. Бутенко.

A. V. Baikalov Collection = Коллекция документов А.В. Байкалова.

S. V. Panina Collection = Коллекция документов С.В. Паниной.

V.M. Zenzinov Collection = Коллекция документов В.М. Зензинова.

London School of Economy, Archives Division, British Library of Political and Economic Science, Melgunov Collection = Лондонская школа экономики. Архивный отдел Британской библиотеки политических и экономических наук. Коллекция Мельгунова.

Славянская библиотека (Прага).

Периодические и нерегулярные издания

1) Эмигрантская периодическая печать 1920–1930-х годов:

– газеты: «Возрождение», «Второе поколение», «Голос», «Дни», «За свободу», «Новое Русское Слово», «Новости», «Последние новости», «Руль», «Русский народный голос», «Сегодня»;

– еженедельники: «Борьба за Россию», «Дни», «Родное слово»;

– журналы: «Возрождение», «Воля России», «Годы», «Записки Института изучения России», «Крестьянское слово», «Наше слово», «Новая Россия», «Ночь» (издание Центра действия), «Нужды деревни», «Своими путями», «Современные записки», «Студенческие годы», «Оборона России», «Свободная Россия» (орган РДС), The Slavonic and East European Review (1933).

2) Массовые издания группы и партии «Крестьянская Россия»:

– сб. «Крестьянская Россия» (1922–1924);

– ежемесячные журналы: «Вестник Крестьянской России» (1925–1933), «Знамя России» (1933–1933).

3) Партийные издания для членов КР-ТКП:

– Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии (1925–1931);

– Информационный бюллетень ЦИК «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии (1933–1939);

– журнал «Партийная мысль» (орган пражской группы КР-ТКП; 1930–1937);

– журнал Дальневосточной группы КР-ТКП «Русский пахарь» (1933–1935).

Монографии и статьи

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М.: Русская панорама, 2005.

Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк. – М.: Биб-ка-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2006.

Абызов Ю.И. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 годы: Библиограф. справочник. – Стэнфорд, 1990.

- Акацатов М.Е. (Михаил Антонов). Книга Скорби. Кн. 1. – Париж, 1925.
- Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – СПб. (Россия), 2005.
- Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции. – М.: АИРО-XXI, 1996.
- Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932) // Минувшее. Вып. 22. – СПб., 1997.
- Андреев Н.Е. Культура в изгнании // Знамя России. 1938. № 6.
- Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 1–2. – Таллинн: Авенариус, 1996.
- Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение. – Лондон: Overseas Publishers, 1990.
- Антонов В.С., Карпов В.Н. Расстрелянная разведка. – М.: Международные отношения, 2008.
- Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 40-х – середина 60-х гг.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.
- «А пришлось в разлуке жить года...» Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами (материалы к биобиблиографии, 1987–2002). – СПб.: Сударыня, 2003.
- Аргунов А.А. Азеф в партии с.-р. // На чужой стороне. 1924, № 6, 7.
- Аргунов А.А. Без свободы // На чужой стороне. 1924. № 13.
- Аргунов А.А. Между двумя большевиками. – Париж: «Imprimerie Union», 1919.
- Аргунов А.А. Неотложная задача // Руль. 1931. 3 апреля.
- Аргунов А.А. Омские дни. Прага // Сибирский архив. 1935. № 5.
- Аргунов А.А. От слов – к делу // Руль. 1931. 29 апреля.
- Аргунов А.А. После съезда «Крестьянской России» // Вестник Крестьянской России. 1928. № 1.
- Аргунов А.А. Студенческие годы (к 175-летию Московского университета) // Вольная Сибирь. 1930. № 8.
- Арсеньев А. У излучины Дуная. – М.: Русский путь, 1999.
- Ауриелене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008.
- Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб.: СПбГУКИ, 2004.
- Базанов П.Н. Из истории издательской деятельности политических организаций первой «волны» русской эмиграции // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в области культуры и искусств. Мат-лы конференции. – СПб.: СПбГУКИ, 2001.
- Базанов П.Н. и др. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г. Энциклопедический справочник. – СПб.: Форма Т, 2005.
- Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. – М.: Посев, 2002.
- Балакшин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т. – Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958–1959.
- Белошевская Л.Н. Союз русских писателей и журналистов в Праге // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Бем А.Л. Ликвидация прошлого. (Политические партии и группы после падения Крыма) // За Свободу. 1922. № 1.
- Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1939). – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Борис Евланов и его собственноручные показания // Балтийский архив. Т. V. – Рига: Даугава, 1999.
- Борьба и «борьба» // Последние новости. 1928. 22 июля.

- Бочаров С.Г, Сурат И.З. Альфред Людвигович Бем // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Бренев Г. Крестьянство и его полит. организации в Финляндии // Вестник Крестьянской России. 1925. № 2–3.
- Бубеникова М. Альфред Бем – homo politicus // Prague Perspectives. The History of East Central Europe and Russia. – Prague, 2004.
- Бубеникова М. Бем Альфред Людвигович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т. 1 Писатели Русского зарубежья. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Будницкий О.В. Василий Алексеевич Макалаков // Русские либералы. – СПб.; М.: РОССПЭН, 2001.
- Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметьев – В.А. Маклакову. Переписка 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд: РОССПЭН, 2001.
- Бунин И.А. Итоги // Утро. 1922. 6 января.
- Бутенко В. Проблемы тактики // «Крестьянская Россия». Сб. статей. Т. 1. – Нью-Йорк, 1953.
- Быховский Н.Я. Всероссийский Совет КД. 1917. – М., 1929.
- Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. – М.: «Тэтис Паблишн», 2010.
- Вакар Н.П. Дневник (1938–1940) // Минувшее. 1998. № 24.
- Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции 20–30 гг. XX в. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2009.
- Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. – М.: Русский путь, 2008.
- Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.
- Вацек Й. Пражские издательства // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Вацек Й., Бабка Л. Голоса изгнанников. Периодическая печать эмиграции из советской России (1918–1945). – Прага: Национальная б-ка Чешской республики, 2009.
- Вельмин А.П. История одной антикоммунистической организации. – BAR. Velmin Coll. Vox 6.
- Вельмин А.П. Мои воспоминания. Ч. 2. В Польше. Т. 1. – BAR. Velmin Collection. Vox 7. Вместо предисловия // «Крестьянская Россия». Сб. статей. Т. 1. – Нью-Йорк, 1953.
- Войцеховский С.Л. Эпизоды. – Лондон (Канада): Заря, 1978.
- Воленс Н.В. О современном облике интеллигенции // Вестник Крестьянской России. 1925. № 6–7.
- Волгин Е. На сыпучих песках // Русский пахарь. 1934. № 10.
- Волгогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. – М.: РОССПЭН, 1998.
- В политическом подполье СССР // Знамя России. 1935. № 12; 1936. № 1–4.
- В предвидении войны // Партийная мысль. 1936. № 10–11.
- В Совете партии // Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1934. № 2.
- Галас М.Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова. – М.: Аксон, 2007.
- Гессен И.В. Годы изгнания. – Paris: YMKA-PRESS, 1979.
- Глупость или измена? // Возрождение. 1928. 5 ноября.
- Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1980.
- Голоса из России. Голос бывшего коммуниста // Последние новости. 1927. 29 августа.
- Голоса из России. Голос рабочего // Последние новости. 1927. 6 сентября.
- Голоса из России. Голос спеца // Последние новости. 1927. 26 августа.
- Градов Егор. Дядя. – Прага: Крестьянская Россия, 1932.

- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
- Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова. – Вологда, 2007.
- Дойков Ю. Маслов Сергей Семенович // Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). – Praha, 1998.
- Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939). – Прага: Славянский ин-т АН ЧР, 1999.
- Емельянов Ю.Н. История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М.: Русская панорама, 2008.
- Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и эмиграции. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Ерофеев Н.Д. Аргунов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Завадский С.В. Жизнь и дело Т.Г. Масарика. – Прага: Крестьянская Россия, 1925.
- Завадский С.В. Право и правда // Знамя России. 1935. № 11.
- Зайцев К.П. Памяти Николая Петровича Малиновского. – Шанхай, 1948.
- Записки Михаила Васильевича Сабашникова. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
- За четыре года. Очерки Сов. России // Последние новости. 1921. 3 декабря.
- Заявление редакции // Руль. 1931. 29 марта.
- Зяверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. – М.: Молодая гвардия, 2003.
- Зимица В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920. – М.: РГГУ, 2006.
- Иберл (Шарфова) К. Священник и зодчий отец Коломацкий. – Прага: Русская традиция, 2006.
- Иванцов Д. Укрупнение колхозов // «Крестьянская Россия». Сб. статей. Т. I. – Нью-Йорк, 1953.
- Из архива Б.Н. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 1: Письма 1923–1930. Русский революционный архив./ Рабочая группа: Н.В. Макаров (рук.), Р.М. Гайнуллина, А.Ч.Ким, А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев, Л.Сорока (L. Soroka). – М., 2010.
- Извлечения из показаний П.А. Богданова 12–31 июля 1940 г. // Балтийский архив. Т. IV. – Рига: Даугава, 1999.
- Из Москвы // Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1929. № 7.
- Из Финляндии // Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1929. № 8.
- Ипполитов С.С. Русская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004.
- Исаков С. П.А. Богданов и дело эстонской группы русской трудовой крестьянской партии // Балтийский архив. Т. III. – Таллинн: Авенариус, 1997.
- Исаков С.Г. Извлечения из показаний П.А. Богданова. 12–31 июля 1940 г. // Балтийский архив. Т. IV. – Рига: Даугава, 1999.
- Исаков С.Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. – Тарту: Компу, 1996.
- Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века. – М.: АИРО-XX, 1998.

- Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – М.: Русский путь, 2006.
- Каменщиков В. РОИД // Знамя России. 1933. № 2.
- Канищева Н.И. Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Канищева Н.И. Павел Дмитриевич Долгоруков // Русские либералы. – СПб.–М.: РОССПЭН, 2001.
- Канищева Н.И. Разработка П.Н. Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н. Милоков: историк, политик дипломат. – М., 2000.
- Картинки России // Последние новости. 1927. 21 августа.
- Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950 годы. – М.: Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2008.
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Т. 1. – Paris, 1971.
- Ковалевский П.Е. Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшими данными науки. – Париж: Издание автора, 1949.
- Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Косик В.И. Русская эмиграция в Югославии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – вторая половина XX в. – М.: Индрик. 2009.
- Косик О.В. «Голос из России»: путь церковного документа в русское зарубежье // Вестник ПГСТУ. Сер II. История. История Русской Православной Церкви. – М.: 2007. Вып. 3 (23).
- Косткевич Г.А. Обзор главнейших событий церковной жизни за время с 1925 г. до наших дней // Вестник ПГСТУ. Сер II. История. История Русской Православной Церкви. – М.: 2007. Вып. 3 (23).
- «Крестьянская Россия» // Последние новости. 1933. 29 июня.
- «Крестьянская Россия». Сб. статей. – Нью-Йорк: Издание Нью-йоркской группы «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии, 1953.
- «Крестьянская Россия» – Трудовая Крестьянская партия. Введение. Идеология. Программа. Тактика. Устав. – Прага, 1928.
- Крестьянский террор // Последние новости. 1928. 14 ноября.
- Кроль М.А. Страницы моей жизни. – М.: Мосты культуры – Гешарим, 2008.
- К сведению членов партии // Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1928. № 9.
- Кулишер А. Пробуждение России и эмиграция // Бюллетень Республиканско-Демократического Объединения. – Париж. 1929. Январь.
- Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.). Международная научная конференция. (29 июня – 2 июля 2000 г.). – М.: Русский путь, 2002.
- Культурное наследие российской эмиграции, 1920–1940. – М., 1994.
- Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905–1930 гг.: Мифы и реальность. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Куренышев А.А. Крестьянские организации Русского зарубежья // Вопросы истории. 2008. № 1.
- Куренышев А.А. Крестьянские организации русского зарубежья (1920–1951 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2008.
- Кускова Е.Д. Еще о псевдо-активистах // Последние новости. 1930. 10 мая.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья. В 3 т. – М.: РОССПЭН, 1997–2002.
- Литературное зарубежье России: энциклопедический справочник. – М.: Парад. 2006.
- Лубянка. – М.: Материк, 2004.

- Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960. Справочник. – М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
- Лысенко А. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. – М.: Русская книга, 2000.
- В.Г.Макаров, А.В. Репников, В.Г. Христофоров – сост. Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного. – М.: Книжница; Русский путь, 2010.
- Макаров Н.П. Русская экон. мысль в вопросах сел. хозяйства // Крестьянская Россия. Сб. IV. – Прага, 1923.
- Малахов Г.А. В партийной командировке // Таллинн. 2001. № 24.
- Малахов Г.А. Записки русского эмигранта. Т. 4. – Рукопись: ГИМ. Отдел письменных источников. – Ф. 92.
- Марына В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. – М.: Индрик, 2007.
- Маслов С.С. В Крестьянской России. Доклад // Последние новости. 1934. 4 апреля.
- Маслов С.С. Доклад от 8 мая 1937 г. // Партийная жизнь. 1937. № 12.
- Маслов С.С. Думы и Зовы // Знамя России». 1933. № 1.
- Маслов С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов; значение для с-хозяйства, крестьянства, государства; природа, эволюция и будущее. – Прага: Крестьянская Россия, 1937.
- Маслов С.С. «Крестьянская Россия» перед сталинским судом // Знамя России. 1938. № 2–3.
- Маслов С.С. Мирской человек. Из жизни современной крестьянской интеллигенции. – М., 1916.
- Маслов С.С. На революционной работе в России (I.IV.1929–I.XI.1929). Публичный доклад. Белград. – Прага: Крестьянская Россия, 1930.
- Маслов С.С. Новая сила в Европе и Милан Годжа. – Прага, Крестьянская Россия, 1938.
- Маслов С.С. Рождение нового строя // Знамя России. 1935. № 4.
- Маслов С.С. Россия после четырех лет революции. – Париж: Русская печать, 1922.
- Маслов С.С. Там в России. Доклад // Последние новости. 1921. 1 декабря.
- Маслов С.С. Силы Борьбы // Вестник Крестьянской России. 1928. № 2.
- Маслов С.С. Четыре года. Доклад // Последние новости. 1921 г. 25 ноября.
- Маслов С.С. Что такое социализм. – Пг.: Знамя труда, 1917.
- Массип М. Истина – дочь времени: Александр Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977) // Звезда. 2000. № 10.
- Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. – М.: РОССПЭН, 2007.
- Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М.: РГГУ, 2004.
- Мейснер Д. В Праге. Развал «Крестьянской России» // Последние новости. 1930. 13 декабря.
- Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М.: Изд-во АПН. 1966.
- Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003.
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997.
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. – М.: Викмо М – Русский путь, 2007.
- Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. – М.: Индрик, 2003.
- Мельгунов С.П. Наша предшественница // Борьба за Россию. 1928. 5 февраля.
- Мельгунов С.П. Невозможное // Борьба за Россию. 1927. 17 сентября.
- Мельгунов С.П. Российская контрреволюция // Знамя России. 1938. № 2–3.

- Менгальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. – М.: Кстати, 2001.
- Миллюков П.Н. Эмиграция на перепутье. – Париж: Изд-во «Республиканско-демократическое объединение», 1926.
- Михеев В.И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. – М.: Кучково поле, 2008.
- Мордвин С. Крестьянство и его партия // «Крестьянская Россия». Сб. статей. Т. I. – Нью-Йорк, 1953.
- Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). Этика и тактика противоборства. – М.: РОССПЭН, 2005.
- Мосевич Николай. В недрах профсоюзов // За Свободу. 1925. 18 декабря.
- Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994.
- Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – СПб.: Изд-во «Журнал «Нева», 2003.
- Нечаев В.П. Воеводин Александр Александрович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Нечаев В.П. Семенов Борис Константинович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Нивьер А. Православные священнослужители, богословы, церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007.
- Никитин Д.П. Ответ Д.П. Никитина Правлению О-ва «Второе поколение» в Праге. – Прага: Тип. «Политика», 1932.
- Ни фашизм, ни расизм // Знамя России. 1938. № 7–8.
- Новое зверство большевиков // Неделя. 1929. 15 ноября.
- Новые документы о церкви // Последние новости. 1930. 3 июня.
- Нью-Йоркская группа Крестьянской России // Новое Русское Слово. 1951. 6 февраля.
- Обращение Фонда свободной печати // Борьба за Россию. 1929. 16 февраля.
- Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945). – М.: Рос. ист. военно-полит. б-ка, 2000.
- Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. – М.: Авуар консалтинг, 2003.
- Омельянов А. На очереди // Руль. 1931. 10 апреля.
- О нашем «направлении» и современных «стойках» // Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской Партии. 1929. № 3.
- Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–24 гг. Сост. В.С. Христофоров и В.Г. Макаров. – М.: «Русский путь», 2010.
- Ответ Православной Русской Церкви на интервью Митр. Сергия // Последние новости. 1930. 3 июня.
- От редакции // Знамя России. 1933. № 1.
- От редакции // Партийная мысль. 1938. № 15.
- От Центрального Комитета // Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1928. № 6.
- От Центр. Ком. Крестьянской России. Призыв к нашему долгу // Вестник Крестьянской России. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской Партии. 1928. № 1.
- О центральном органе печати // Информационный бюллетень. Издание Центрального Комитета «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии. 1933. № 1.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. 1917–1933 годы. – М.: Международные отношения, 1996.

- Паллизен И.Р. Пореволюционные течения // Знамя России. 1933. № 3.
- Панина А. Предисловие // Записки Михаила Васильевича Сабашникова. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
- Папчинский А.А., Тумшиш М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М.: Современник, 2001.
- Партийные издания // Знамя России. 1933. № 2.
- Партия социалистов-революционеров. 1900–1925 гг. Т. 1–3. – М.: РОССПЭН, 1996–2000.
- Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М.: РГГУ, 2008.
- Платонов О.А. Россия под властью масонов. – М.: Русский вестник, 2000.
- Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. – М.: Родник, 1996.
- Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. – М.: X-History, 2003.
- Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики. – М.: Кучково поле, 2006.
- Показания Е.К. Миллера // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. – М.: ВЛАДОС, 1999.
- Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее. Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. – М.: Пашков дом, 2002.
- Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. – М.: ВЛАДОС, 1999.
- Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.– М.: ИАИ РГГУ, 1998.
- Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945. – Нью-Йорк: Norman Ross, 1993.
- Постников С.П. Русские в Праге. 1918–1928 гг. – Прага: Воля России, 1928.
- Пражское совещание // Последние новости. 1924. 6 января.
- Прения по докладу С.С. Маслова от 3 апреля на заседании Расширенного ЦИК ТКП-КР // Партийная жизнь. 1937. № 12.
- «Просим освободить из тюремного заключения». Письма в защиту репрессированных. – М.: Советский писатель, 1998.
- Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания. – М.: РОССПЭН, 2008.
- Протасова О.Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. – М.: РОССПЭН, 2004.
- Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 1999.
- Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2004.
- Путеводитель. Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000). – М.: РОССПЭН, 2001.
- Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945. – М.: Посев, 1999.
- Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939 гг. – М.: Прогресс-Академия, 1994.
- Рар Л.А. Оболенский В.А. Ранние годы. Очерк истории Народно-Трудового союза (1924–1948). – М.: Посев, 2003.
- Раскол в «Крестьянской России». Письмо в редакцию от 19 декабря 1930 г. // Последние новости. 1930. 21 декабря.

- Рассекреченный «Зубр». Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского. – М.: Academia, 2003.
- Результаты выборов // Неделя. 1929. 1 ноября.
- Республиканско-демократический союз – блок // Вестник Крестьянской России. 1926. № 8–9.
- Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. – М.: РГГУ, 1994.
- Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. – М.: Русский путь, 2006.
- Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биогр. слов.: в 3 т./ под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
- Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999.
- Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 г. В 4 т. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, Стенфордский ун-т, РОССПЭН, 2003–2006.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды. – М.: Триада-Х, 2001.; Т. 5: Раскол: 1924–1925 г. / Сост.: В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Басик и др. – М.: РГГУ, 2010.
- Русская печать в Эстонии (1918–1940). – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1998.
- Русская эмиграция. 1920–1990. – М.: Авуар консалтинг, 2003.
- Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. – М.: Центрполиграф, 2005.
- Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000.
- Русский Берлин. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Русский Берлин. 1920–1945. Междунар. науч. конф. – М.: Русский путь, 2006.
- Русский Берлин. Das Russische Berlin. 1918–1941. – М.: Гос. ист. музей, 2002.
- Русский блок // Неделя. 1929. 11 октября.
- Русский блок и Народные демократы // Неделя. 1929. 22 ноября.
- Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Русское зарубежье: Хроника научной, культурно и общественной жизни. 1920–1940. Франция. (L'Emigration russe. Chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale. 1920–1940) В 4 т. – Paris: YMCA-Press, 1995–1997.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М.: РОССПЭН, 1997.
- Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). – Тарту: Крипта, 2000.
- Савицкий И. Прага и Зарубежная Россия. – Прага: Русская традиция, 2002.
- Савицкий И.Н. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939 гг.). – Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999.
- Савич Н.В. После исхода. Парижский дневник 1921–1923. – М.: Русский путь, 2008.
- Сборник российских политических программ. – Клайпеда: Посев, 1990.
- Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм русской эмиграции в 1920–1945 гг. – М.: Изд-во МГУ сервиса, 2000.
- Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996). – М.: РОССПЭН, 1999.
- Северов Н.И. Политические жоржики // Знамя России. 1934. № 7.
- Седаков Б.В. Лицо эмиграции // Знамя России. 1935 г. № 11.
- Седаков Б.В. Лицо эмиграции. Евразийцы // Знамя России. 1935. № 12.
- Седаков Б.В. Лицо эмиграции. Младороссы // Знамя России. 1936. № 1.

- Седаков Б.В. Надгробное слово // Знамя России. 1934. № 7.
- Седаков Б.В. Перед сезоном // Знамя России. 1935. № 9.
- Седаков Б.В. Политика Фердинанда VIII // Знамя России. 1934. № 6.
- Серапионова Е.П. Русские в Чехословакии в 1920–30-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности.) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – вторая половина XX в. – М.: Индик. 2009.
- Сергеев В. Крестьянство и Советская Армия // Новое Русское Слово. 1951. 6 мая.
- Серков А.И. История русского масонства: 1845–1945.– СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1997.
- Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999.
- Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2001.
- Симонова Т.М. Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые аспекты проблемы национальной идентичности // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – вторая половина XX в. – М.: Индик, 2009.
- Сладек З., Белошевская Л. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). – Прага: Славянский ин-т АН ЧР и Еурославики, 1998.
- Смагин А.Я. У входа в «Крестьянскую Россию» // Русский пахарь. 1934. № 10.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. – М.: РОССПЭН, 2000–2005.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. – М., 2001.
- Совещание о блоке // Последние новости. 1924. 5 января.
- Сообщение «Второго поколения» // Вестник Крестьянской России. 1932. № 2.
- Сорокин П.А. Современное состояние России. – Прага: Владимир А. Винничук, 1923. Сотый номер // Знамя России. 1933. № 2.
- Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918–1939) // Культурная миссия российского зарубежья. История и современность. – М.: Рос. ин-т культурологи, 1999.
- Старцев В.И. Тайны русских масонов. – СПб.: Д.А.Р.К., 2004.
- Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.
- Струве П.Б. Дневник политика. – М.: Русский путь, 2004.
- Струков Б.Г. Документы спецслужб свидетельствуют. Российская политическая эмиграция в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. – М.: Кучково поле, 2008.
- Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. – СПб.: Коло, 2004.
- Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. Кн. 1. – М.: Российский архив, 2002.
- Татаринов В.Е. Два лагеря в эмиграции // Знамя России. 1938. № 7–8.
- Татаринов В.Е. «Русские фашисты» и «Знамя России» // Знамя России. 1939. № 1–2.
- Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. Международная научная конференция. – М.: Русский путь, 2005.
- Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2008.

Тикеев М.Д. Эсеровское движение 20–30-х годов XX века. Материалы к лекциям специального курса по истории политических партий России в 20–30 годы XX века. – Уфа: Гилем, 2008.

Три платформы Республиканско-Демократических Объединений (1922–1924). Политический комментарий П.Н. Милокова. – Париж, 1925.

Трудовая народно-социалистическая партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1997.

Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2003.

Федотов Г.П. Русская духовная культура и Революция // Знамя России. 1935. № 6.

Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917–1939. – Ярославль: ЯрГУ, 2006.

Фицпатрик Ш. Сталинные крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М.: РОССПЭН, 1999.

Фрагмент из полицейского сообщения о деятельности НСНП (1937 г.) // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике. – Прага: Славянский институт АН ЧР, Еврославика, 1998.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 1–2. – Прага, 2000 г.

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М.: Intrada, 2001.

Чайковский Н.В. Об архангельском перевороте // Последние новости. 1921. 23 сентября.

Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. – М.: Гос. изд., 1920.

Челинцев А.Н. Земельная реформа в Чехословакии // Крестьянская Россия. Сб. VIII–IX. – Прага, 1924.

Челинцев А.Н. Опыт построения местной с.х. политики // Крестьянская Россия. Сб. VII. – Прага, 1924.

Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. Кн. 1: 1934–1937; Кн. 2: 1938–1940. – М.: Гей, 1998.

Членам и сочувствующим партии // Знамя России. 1933. № 2.

Шишкин В.А. Россия в годы «Великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1981.

Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Щагин Э.М. Республиканско-демократический лагерь // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. – М.: ВЛАДОС, 1999.

Щагин Э.М., Константинов С.В. Политическая история русской эмиграции. Документы и материалы. – М.: ВЛАДОС, 1999.

Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?). – СПб.: Серебряный век, 1999.

Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

Энгельгардт Б.А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» // Вопросы истории. 2008. № 7.

Яковлева Т.А. Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милокова и А.Ф. Керенского. – Иркутск: Изд-во Иркутской экон. академии, 1996.

Янсен М. Суд без суда. 1922 г. Показательный процесс социалистов-революционеров. – М.: Возвращение, 1993.

Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941. – Berlin: Akad. Verl., 1999.

Sergius Maslov. Opposition Movements in Russia // The Slavonic and East European Review. Vol. XII. No. 34: London. July 1933.

Sladek Z. Cheske postrede a ruska emigrace (1918–1939) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939 гг.). – Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999.

Zdeněk Sládek, Ljubov Beloševská a kolektiv autoru. Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919–1939). – Praha: Slovanský ústav, AV ČR, 1998.

Х. Советская тюрьма и «политика» // Современные записки 1929. Кн.38 (март). С. 433–452.

Х. Советская тюрьма и «политика». (Окончание) // Современные записки 1929. Кн. 39 (июнь) С. 395–427.

Электронные ресурсы

Булгаков В.Ф. В царстве свастики. По тюрьмам и лагерям // Москва. 2000. № 5. – <http://www.moskvam.ru/2000/05/bulgakov.htm>.

Малахов Г.А. – <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2004/lived.050604.asp>.

Письмо герцогу Сергею Николаевичу Лейхтенбергскому «Тактика работы НСНП». – <http://www.posev.ru/files/nts-about/ne7003.htm>.

Статьи автора в научных изданиях

Базанов П.Н., Соколов М.В. Своим путем. «Крестьянская Россия», она же трудовая крестьянская партия // Родина. 2008. № 2.

Соколов М.В. Из истории республиканско-демократического крыла русской эмиграции // Новая и новейшая история. 2008. № 2.

Соколов М.В. Политическая и издательская деятельность Сергея Маслова в эмиграции в 1921–1924 гг. // Деятели Книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948). Сб. научн. тр. по материалам XV Смирдинских чтений. – СПб.: СПбГУКИ, 2010.

Соколов М.В. П.Н. Милоков в поиске контактов с оппозицией внутри СССР в 20-е гг. По материалам ГАРФ и ЦА ФСБ // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милоков (1859–1943). Материалы Международного научного colloquiuma. Москва. 23–25 сентября 2009 г. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.

Соколов М. Проблемы русской эмиграции 1930-х гг. на страницах журнала «Знамя России» // Периодическая печать российской эмиграции. – М.: ИРИ РАН, 2009.

Базанов П.Н., Соколов М.В. «Крестьянская Россия» – Трудовая крестьянская партия: из истории политического активизма русской эмиграции // Клио. 2009. № 1, 2.

Соколов М. Другая жизнь Бориса Евреинова // Новый журнал. 2008. Кн. 251.

Соколов М. «Крестьянская Россия» в Праге // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. – Прага: RT+RS Servis. 2008.

Список источников и литературы

Соколов М.В. Война в эфире. Русская эмиграция в попытках радиовещания на СССР // Родина. 2008. № 11.

Соколов М. Ян Славик, русская эмиграция и радиовещание из Чехословакии на Советскую Россию // Русское слово. 2008. № 6–7.

Соколов М.В. С.С. Маслов в эмиграции // Маслов С.С. Колхозная Россия. – М.: Наука, 2007.

Соколов М. Создание Республиканско-демократического союза // Диаспора. Вып. VI: Новые материалы. – СПб., 2004.

Sokolov M. Jan Slavik, the Russian Emigration and Broadcasting from Czechoslovakia into the Soviet Union // Prague Perspectives (III). Jan Slavik (1885–1978), a Czech Historian of Revolutions. – Prague. National Library of Czech Republic, Slavonic Library, 2009.

Sokolov Michail. Jan Slavik, ruska emigrace a rozhlasove vysilani z Ceskoslovenska do sovet-skeho Ruska // Zivot plny stretu. Dilo a odkaz historika Jana Slavika (1885–1978). Sest. Lukas Babka a Petr Roubal. Pavel Mervart/Narodni knihovna CR. – Praha. Slovanska knihovna, 2009.

Именной указатель

- Абакумов В.С. 434
Абрамов (резидент ОГПУ) 122
Абрамов В.И. 242
Абрамович 174
Авксентьев Н.Д. 20, 21, 27, 35, 41, 53, 60, 134, 250
Агапов Е.М. (псевдоним Андреев) 356, 372, 373, 388, 392, 414
Агранов 103
Акацатов Михаил Епифанович (Михаил Антонов) 80, 91, 92
Акимов Д.А. 51, 87–89, 133, 136, 167, 168, 170, 172, 173, 176, 182, 184, 186, 188, 189, 190, 191, 239, 242, 257, 331, 345–347, 433, **437–438**
Алданов 42, 62, 312
Александр II 18
Александр Македонский 416
Александр, король Югославии 241, 362, 398
Александров Б.П. 280
Александров Е.А. 11
Александров С.А. 13, 15
Александровский С.С. 390
Алексеев И. 323
Алексей Петрович, царевич 17
Альперин 42, 312
Амброш 120
Андреев Н.Е. 386, 411
Андреева Е.Н. 9, 49, 138
Андрукевич (Маслова) Ия 318, 409, 410
Анна Иоанновна 17
Аноприева Г. 69
Антипов Н.А. 11, 47, 50, 141, 142, 180, 242, 324, 325, 327, 330, 340, 345, 388, 412, **438–439**
Антипов В. 351
Антошин А.В. 422
Анциферов Н.П. 217, 219.
Аракчев А.А. 386
Арапов П. 208
Арбузов Г. 323
Аргунов А.А. 8, 11, 20, 21, 31, 35, 39–43, 44, 45, 49, 50, 53, 58–63, 65–68, 70–72, 75, 78–82, 85, 86, 88, 89–95, 112, 123–124, 125, 126, 130, 132, 135–137, 141–142, 144, 146–149, 154, 175, 198, 237, 242–244, 246, 253, 257, 259–262, 270, 271, 274, 327, 332, 337, 339, 343, 345, 348–350, 353–355, 357, 359, 389, 395, 404, 410, 414, 422, 432, **439–441**
Арнольд 71
Арнольди Г.М. 72, 198, 201, 202
Артузов А.Х. 208
Архипов В. 366–368, 371
Архипов Н.А. 371
Архипов Н.В. 366, 367
Арцыбашев М.П. 128, 131, 309, 310
Астров Н.И. 147, 150, 155, 261, 274, 361
Атилла 416
Аурилене Е.Е. 420
Аустрин Р. 224
Бабинский 214
Базанов П.Н. 11, 13
Байдалаков В.М. 342
Байер 82
Байкалов Анатолий Васильевич 360, 377, 378, **441–442**
Балакшин П.П. 259
Бальмонт Екатерина 117, 121
Бардиж-Оглоблина Валентина 388
Баромык 418
Бартош А. 115, 119, 121, 122, 156, 163
Батурин 387
Бахметьев Б.А. 41, 242, 396, 403, 404
Бегар 101, 102
Безрадецкий С.Е. 293
Беклешов Б. 323
Белозеров 236
Белошевская Любовь 407
Бем А.Л. 10, 11, 31, 34, 43, 44, 47, 58, 63, 65, 78, 93, 106, 124, 136, 141, 242, 308, 336, 337, 339, 345, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 356, 359, 410, 411, **442–444**
Бенеш Э. 43, 57, 79, 94, 153, 197, 200, 400
Берелович А. 14

- Бернацкий 312
 Беседовский Г.З. 229, 275
 Бессонов Н. 390
 Билинский 116, 118
 Бирк Р. 177
 Бобковский Анатолий 320
 Бобовников Н.В. 157, 159, 160, 192, 193, 206–208
 Богданов И.В. 203
 Богданов Н.Н. 72, 78, 82, 93, 123
 Богданов П.А. 21, 22, 48, 49, 76, 86, 136, 137, 141, 166, 176, 202, 229, 230, 231, 233, 235, 237, 238, 261, 311, 318–322, 345, 392, 405, **444**
 Богданова Ида Васильевна (урожд. Ведов) 202
 Богомолец В. 329, 368–371, 401
 Большаев И.И. 269
 Борисов А.М. 117, 118, 119, 121, 261
 Борисов В. 238
 Борисов Н.В. 198, 199, 201–203
 Бочкарев С. 372
 Бояров С.А. 100
 Бояров-Мосевич Н.А. 8, 95–97, 100, 103, 104, 121, 155–157, 159–161, 173, 192–197, 199, 200, 204–208, 210, 212–214, 224, 225, 239, 257, 261, 264, 266, 267, 275, 331, 433
 Брабец А. 366, 399
 Брайкевич М.В. 59, 60, 63
 Брамсон 42
 Бранд В.В. 103, 106, 114, 115, 121, 155, 195, 196, 199, 200, 261, 262, 267, 271, 281, 282, 287, 290–294, 314, 316, 317, 318
 Бредов 105
 Бренев Г.Н. 243, 244, 360
 Бретвиг 335
 Брусилов А.А. 129
 Бруцкус Б.Д. 45, 333
 Брушвит И.М. 148, 274, 367
 Бубеникова М. 11, 359
 Буденный С.М. 263
 Будницкая З.С. 83, 176, 182, 186, 187
 Букишпан 335
 Булак 295
 Булак-Балахович С.Н. 106
 Булгаков В.Ф. 407, 408
 Булгаков М.А. 142
 Бунардт 294
 Бунин И.А. 35, 38
 Бурцев В.Л. 52, 132, 262
 Бутенко В.Ф. 8, 11, 141, 142, 235–237, 242, 262, 311, 321, 329, 330, 345, 346, 348, 349, 352, 366, 371, 373, 375, 387, 389, 392–394, 398–403, 405, 406, 409, 410, 413, 415, 416, 418, 419, 421–427, 435, **444–445**
 Бутенко П.Э. 308, 309
 Бухарин Н.И. 245, 334, 391
 Бухштаб В.М. 371, 381, 389, 390, 392, 402, 404, 412, **445–446**
 Быстров Н.В. (лит. псевд. Н. Бобров) 8, 11, 47, 50, 73, 81, 136, 141, 166, 167, 225, 316, 326–329, 371, 381, 382, 389, 400, 403, 408, 412, **446–447**
 Бычек Я.К. 161–163, 433
 Вакар А.А. 61, 80, 97–100, 121, 155, 195, 196, 199, 229, 235, 261, 262, 271, 308–317
 Вакар Н.П. 30, 55, 56, 58, 217, 224, 415, 420
 Вальна (Малахова) Г.А. 26
 Ван Чжичен 13, 259
 Вандалковская М.Г. 9
 Вандервельде Э. 57
 Варшавский С.В. 13
 Варягин Ю.М. 242
 Василенко Н.П. 56–57
 Васильев В.В. 354
 Васильев С. 366, 368, 370.
 Введенский А.И. 136
 Вдовиченко 418
 Вельмин А.П. 57, 58, 151, 155, 198, 205, 214–216, 218–221, 308–311, 315–317, 420, 426
 Верещагин И.П. 29, 48, 242, 246, 326–328, 345, 354, 360, 412, **447–448**
 Верещак 72
 Виленский С.М. 242
 Винавер 256
 Виноградов Н.И. 291–293, 301
 Вишняк М.В. 60
 Воеводин А.А. 11, 136, 326, 327, 329, 407, 408
 Войков П.Л. 133
 Волгин Егор 355
 Воленс Н.В. 83, 84, 86, 87, 170–176, 180–184, 186–189, 214, 221, 331, 332, 433, **448**
 Волков 101, 102
 Волков Н.К. 60
 Волков С.В. 14

- Волкова Софья 113
 Вонсович И.И. 356
 Вонсяцкий А.А. 382, 383
 Воробьев В.П. 97
 Воронченков В. 388
 Воронченков Н. 420
 Ворошилов К.Е. 193
 Врангель П.Н. 38, 51
 Вышковский А.К. 165, 166, 433
- Гамбург 362
 Ган Р. 356
 Ганно 261, 280, 285, 286, 287, 288, 291, 292
 Гарбуз 296
 Гардер 159, 160
 Гарцман С.И. 102
 Гаршенке Иван 320
 Гейдан 87
 Гейне Ю.Л. 290, 291, 293, 301
 Гейнлен 391
 Гендельман 27
 Георгиевский М.А. 397
 Герцен А.И. 37
 Гессен И.В. 51, 224, 318, 337–340, 397
 Гессен С.И. 385
 Гильдебранд Е.И. 319
 Гирса И. 87
 Гитлер А. 224, 384, 390, 409, 416, 432
 Глебов А. 426
 Годжа Милан 153, 387, 400
 Голанцев А.С. 101, 102
 Головин Н.Н. 266, 268
 Головинская Е. 83, 87
 Гольдштейн (Криг) А.А. 345, **448–449**
 Гольц фон 371
 Горбачев М.С. 430
 Горлов 317
 Горный 318
 Горовой 36
 Горшков И.И. 151
 Горький М. 172
 Гофман Б.Ф. 241
 Гофштгетер А. 207
 Грабец Б.Ф. 114, 115, 165, 315
 Грабец М.Ф. 35, 114, 115, 324
 Градов Егор 373, 386
 Грациози А. 15
 Грачев Г.П. 240, 242, 258, 259, 344, 345, 347,
 350–359, 396, 413, **449–451**
 Григорков 388
- Григоров Н.Г. 366, 367
 Григорьев В.Г. 319, 320
 Грищенко 115, 118
 Гробовый 268
 Громан 276, 333
 Грушецкий Станислав 294
 Гудзь Б.И. 294, 300, 302
 Гукасов П. 268
 Гуль Р.Б. 418, 419, 435
 Гурский 103
 Гуртовой А. 263
 Гурченко А.П. 354
 Гучков А.И. 226, 312, 357, 397, 398
 Гушик В.Е. 321
- д'Альфонсо Никколо 105
 Далин 174
 Дан 318
 Дан Ф.И. 134
 Данилов В.П. 14
 Дан 174
 Дасюкевич Я. 295, 296
 Дебагорий-Мокриевич В.К. 74
 Дедусенко 27
 Демидов И.П. 42, 63, 91, 95
 Деникин А.И. 20, 30, 105, 167, 217, 242, 343,
 368, 409
 Дерibas Т. 187, 224
 Детердинг 114, 124, 281
 Дзевановская Т.И. 309
 Дзевановский Н.В. 309, 316
 Дзержинский Ф.Э. 96, 218
 Дикгоф-Деренталь А.А. 111
 Димиденко 118, 119, 121
 Димони Т. 336
 Диок Барбара (Варвара) Ивановна 115, 156,
 261, 262
 Дмитриев Н.Д. 323
 Дмитриевский С.В. 342
 Днепров 417
 Добряков 72
 Долгоруков Пётр Дмитриевич, кн. 274
 Долгоруков Павел Дмитриевич, кн. 133
 Долинин К. 76
 Домановский-сын 319
 Домбровский А.С. 317
 Дондуков Б.М. 320, 322, 405
 Донченко В.Ф. 242
 Достоевский Ф.М. 401
 Дьяконов 164

- Евдокимов А.А. 29
 Евланов Б.В. 136, 137, 310, 322, 323, 344, 392
 Евлогий, митрополит 415
 Евреинов Б.А. 7, 11, 55–57, 60, 61, 78, 80–82, 85, 91, 93, 112–117, 120, 121, 123, 148, 154–156, 159, 162, 163, 165, 166, 194–196, 198–202, 204, 205, 207, 209, 212–214, 216, 218, 219, 221, 262, 264, 266, 271, 273, 309, 310, 315, 433, **451–453**
 Ежов Н.И. 358
 Екатерина II 17
 Ельцин Б.Н. 430
 Ергоген, архимандрит 214, 216, 220
 Ерофеев Н. 69
 Ершов В.Ф. 14

 Жилинский М. 106, 107
 Жуков Е.А. 136
 Жупахин С.Г. 226
 Журавлев П.М. 200, 225

 Завадский С.В. 77, 274, 322, 386
 Завазал 114
 Завьялов В. 323
 Загорский С. 63
 Зайцев 312
 Западный 118
 Зарембо С.М. 264
 Захарова К.А. (по мужу Трофимова) 205, 206, 267
 Здановский 115, 163
 Зельгейм 335
 Зензинов В.М. 27, 40, 134, 410
 Знаменские 265

 Иберл (Шарфова) Катерина 11
 Иваницкий-Василенко А.А. 251, 252
 Иванов В.Н. 157, 194
 Иванов, вице-консул 406
 Иванович Ст. 60, 63
 Иванцов Д.Н. 11, 242, 322, 330, 344, 345, 354, 355, 358, 389, 406, 418, 419, 426, **453**
 Игнатюк А.В. 309
 Иерофей (Афонин), епископ 220, 221
 Изотов Л.М. 421
 Изюмов А.Ф. 338, 353, 360
 Ильин А.Р. 199, 200, 202, 224–227, 229, 230, 232, 233–238, 239, 257, 261, 320, 346, 433
 Ильичев 369

 Ильяшевич М.С. 328
 Ипатьев 276
 Ирманов (Лозинский) Н.С. 8, 70, 104–108, 110–113, 115–117, 119–123, 162, 163, 173, 196, 197, 207, 212–214, 224, 239, 257, 275, 281, 284, 301, 331, 433
 Ирманов Вячеслав 123
 Ирманова С.Г., урожд. Волкова 118
 Исаков С.Г. 231, 237, 320, 321
 Исиченко П.И. 218

 Каганович Л.М. 280
 Казаков В.В. 350–352, 371, 414, **453**
 Казем-Бек А.Л. 383
 Калинин М.И. 192, 193
 Каминка А.И. 337, 340
 Канищева Н.И. 15, 39, 80
 Канучико Александра Николаевна, урожд. Треск 110
 Капащинский Д.К. 55, 58, 82
 Карл X 127
 Карпик Г.П. **454**
 Карташев А.В. 52, 132, 133, 262
 Карьев М. 388
 Кассиан 417
 Кауфман Е.С. 354
 Каштанов Л.А. 340, 401
 Кельчевский 29
 Керенская О.Л. 320
 Керенский А.Ф. 20, 40–42, 72, 147–149, 155, 229, 243, 244, 251, 274, 312, 331, 333, 335, 380, 431, 435
 Кизеветгер А.А. 45, 331, 337
 Кир 416
 Кирилл Владимирович (вел. кн.) 76
 Кириллов М. 314
 Киров С.М. 280
 Кирьякулов Г. 388, 406
 Киселев 386
 Киселев-Громов Н. 386, 391
 Клементьев 317
 Кленский С.Д. 319–321
 Ковалев М.Ф. 330, 340, 344, 345, 349, 354, 355, 359, 398, 408, 415, **454**
 Коверды Борис 133, 289
 Коверды С.И. 308
 Коган Исаак 100
 Колесов В.Ф. 414
 Колесов Ф.И. 31, 35, 43, 141, 240, 396, 404, 414, 416, 418, 419, 427

- Колобов 331
 Колодыко И.В. 11, 388, 406, 414, 415, 418
 Коломацкий В.В. протоиерей (о. Андрей, архимандрит) 11, 360, 412, **454–456**
 Колосов Е.Е. 251
 Колосов Ф.И. 242
 Колчак А.В. 20, 40
 Комендантов В. 323
 Коменский 114
 Комяков М.В. 406
 Кондратьев Н.Д. 10, 29, 30, 56, 174–176, 188, 238, 248, 250, 255, 256, 258, 276, 330–336
 Кондрашин В.В. 15
 Коновалов А.И. 415
 Константинов С.В. 12
 Копецкий В. 390
 Копылов 268
 Корженков 121
 Корнильев И.К. 323
 Коротков А.В. 84, 85, 87, 176, 182, 186–188
 Короткова З.С. 186, 187
 Коротнев Н.И. 265, 267, 297, 298, 300, 305
 Корхов А.П. 116, 117, 156–159, 194, 208–214, 266
 Косенко Г. 372
 Косик О.В. 221
 Косиор 280
 Косткевич Г.А. 214, 216, 218, 220, 221
 Крамарж К. 324
 Крассовский 118
 Кривцем 118
 Криг А.А. (псевдоним А.А. Гольдштейна) 345
 Критский М.М. 392, 408
 Кряжковский В. 356
 Ксюнин А.И. 123, 136, 338, 226, 371, 397–399
 Кудрявцев В.М. 225, 371
 Куколькин Н. 323
 Куксин Б.П. 101–103
 Кулишер А.М. (Юниус) 150
 Кульжный А.Е. 29
 Куренышев А.А. 13, 15, 29, 358
 Курский 28
 Кускова Е.Д. 12, 45, 52, 53, 59–63, 68, 71, 72, 88, 93, 134, 174, 256, 330, 331, 335, 410
 Кутепов А.П. 14, 51, 111, 165, 238, 268, 279, 280, 433, 434,
 Кутра 387
 Лаго Борис 369
 Лазарев Е.Е. 388
 Лазаревский 171
 Лазаренков А.Н. 242
 Ласло (Лазло) Рудольф 372, 387
 Ландау Г.А. 337
 Лапко 420
 Лаптий Иван Михайлович 420
 Лапшин И.И. 385
 Лауритс 186
 Лебедев Иван Тарасович 319
 Лебедев Федор Тарасович 319
 Левитский 118, 119, 121
 Лейтес 418
 Лейхтенбергский С.В., герцог 342
 Ленин В.И. 19, 20, 23, 28, 390
 Ленская 335
 Леонтьев В. 327
 Лившиц, доктор 177
 Ликандер С. 141, 327
 Лионозов 312
 Липеровский 309
 Липинский 115
 Литошенко 335
 Лифшиц Надежда 87, 184
 Личаченко М.В. 242, 330, 345, 348, 349, 354, 355, **456**
 Ломшаков С.С. 320
 Лопатин 348
 Лорис-Меликов 18
 Луазо 422
 Луганов Андрей 133
 Лупенко 196, 284
 Лурья А.Г. 230, 235, 236, 320, 322, 344, 405
 Лучанинов Ю.Л. 351, 372–374, **456**
 Людовик XIV 416
 Людовик XVIII 127
 Люфт Вольдемар 159, 160, 192, 206
 Люшков Г.С. 238
 Магеровский Л.Ф. 242, 371, 418
 Маевский 294
 Майер 285, 287–289, 293, 294
 Макаров Н.П. 174, 175, 289, 330, 333–335
 Макаров Николай 280
 Макдональд Р. 57
 Макеев 335
 Малахов А.Е. 227
 Малахов Г.А. 7, 13, 153, 225, 227–231, 234–238, 248, 321, 358, 362, 388, 405, 406, 435, 436, **457**

- Малиновский Н.П. 14, 259, 350, 372, 388, 392, 396, 413
- Малолетенков Н.В. 136, 141, 241, 242, 342, 345, 415, **457–458**
- Мао Цзедун 413
- Маргулиес 312
- Марек 115, 122
- Марков 2-й 96, 128, 131
- Марков А.А. 199, 261, 318
- Марков А.П. 11, 123, 149, 223, 268, 343
- Мартов 103, 318
- Масарик Т.Г. 43, 57, 60, 77–79, 94, 400
- Маслов С.С. 7, 10–13, 15, 17, 19–22, 24–29, 30, 31–39, 41–43, 45–50, 52–54, 56–59, 63, 65–68, 70–75, 78, 82, 83, 85–93, 95–97, 103, 112–113, 114, 123, 128, 130, 134–137, 141, 144, 145, 148–150, 153–155, 165, 166, 171, 172, 175, 177–178, 180, 181, 184–186, 189–191, 195, 196, 198–200, 204, 216, 224–229, 234–245, 247, 248, 250, 253–257, 268, 270, 271, 273, 274, 281, 308–313, 315, 316, 318, 320, 321, 323, 326–328, 330–332, 333, 335, 337–346, 348–350, 352–356, 358–364, 366, 367, 371, 374–378, 380–382, 386–392, 395–411, 414–416, 421, 422, 424, 427–429, 432–435, **458–460**
- Маслова (Андрукевич) Ия 318, 409, 410
- Маслова Екатерина 166
- Маслова Т.С. 7, 402, 406, 408, 411
- Масловы-Штайнер 409
- Махин 72
- Махров 409
- Мейснер Д.И. 203, 327, 329, 359–361, 376, 408, 412
- Мелихов Г.В. 354
- Мельгунов С.П. 7–9, 23, 26, 27, 45, 55–57, 59, 61–63, 65–67, 71, 72, 89, 90, 92, 93, 97, 114, 123–135, 144, 146, 149, 155, 159, 161–164, 196, 201, 204, 207, 229, 241, 256, 257, 262–264, 266, 268–276, 290, 298, 299, 386, 392, 404, 405, 412, 415, 418, 426, 432, 435, **461–462**
- Мельгунова П.Е. 163, 299
- Менжинский 304
- Менцель В. 162, 268
- Меньшиков 319
- Меркуловы, братья 259
- Мессинг 188
- Месснер Е.Э. 386
- Мидле 400
- Миклуловский И.С. 57, 418, 419
- Миллер Е.К. 71, 72, 343, 344, 434
- Миллюков П.Н. 7, 9, 12, 13, 21, 24, 38, 42–45, 50–54, 57–63, 65, 66, 68–73, 78–83, 85, 87–95, 97, 113, 114, 117, 119, 120, 123, 124, 126, 128–135, 143–153, 156, 159, 166, 173, 191, 196, 198, 200–205, 207, 218, 221–225, 241, 250, 270, 271, 273–275, 309–313, 315–317, 333, 335–337, 359, 382, 395, 412, 432
- Минин А.Н. 29, 30
- Михайлов В.Н. 402, 404, 406, 412, **462**
- Млынарчик 294
- Мозохин О.В. 280, 291
- Моленго-Столбова Л.И. 269
- Молотов В.М. 224, 280, 303
- Мордовин С. 420, 426
- Морев Н.Я. 32, 351, 356, 372–374, **462**
- Морев Я.С. 356, **463**
- Мороз П. 418
- Мосолов И.И. 264, 265, 267, 269, 270, 299
- Муромский 388
- Муссолини Б. 57, 384, 416
- Мухин 350
- Мягков 106
- Мякотин В.А. 23, 56, 59, 61–65, 67, 68, 72, 124, 130
- Набоков В.Д. 51
- Наживин 318
- Назаров Григорий 351
- Назаров М.В. 12
- Назаров Ф.Д. 258, 272
- Назимов Г.В. 320, 322, 344, 405, **463**
- Наполеон I 127
- Нарита Ю. 408
- Наумов В. 116, 118
- Неандер 168
- Небзжицкий 293, 307
- Недзвеловский 293
- Немирович-Данченко В.И. 147, 274
- Нижеградзе (Мижерадзе) 346, 369
- Никирев М.М. 356
- Никитин Д.Н. 326, 327, 329
- Николаевский Б.И. 255, 270, 378, 417, 418, 435
- Николай I 18
- Николай II 18
- Николай Николаевич (вел. кн.) 76, 241

- Нобель 268
 Новиков К.А. 83–86, 248, **463–464**
 Новиков М.М. 385
 Носаль П.И. 48, 388, 412, **464**
- Оберучев К.Н. 147
 Оболенский 274
 Овсянников А.В. 412
 Овсянников А.И. 389, 411
 Овсянникова Н.А. 8
 Огановский 29
 Одинец М.Д. 57
 Озерецковский В.С. 114, 155, 161, 162, 195, 196, 201, 204, 207, 225, 256, 260, 262, 264, 268, 270, 271, 274, 275, 281, 291, 301, 412
 Огороков А.В. 12
 Окулич Иосиф 388, 413
 Ордынская-Никитина Е.А. 264, 270
 Ордынский С.П. 269
 Орлов Петр 156
 Осокин А.В. 321
 Осоргин М.А. 335, 336
 Оссовский Е.И. **464**
- Павел Антонин 400
 Павель 114
 Павлов П.А. 323
 Павлова Зинаида Павловна 266, 299
 Павловский Николай 109
 Павловский С.Э. 106, 107, 109 110
 Павловский Т.Е. 323
 Павлюковский 318
 Паллизен И.Р. 382
 Папоушек Я.Ф. 114, 200
 Папчинский А.А. 14, 226
 Пасманик Д.С. 92, 133
 Пашкова (Панкова) Елизавета 367
 Пейль В.А. 321
 Пепеляев 259
 Петр I 17, 361
 Петрашкевич Мария 363
 Петров-Скиталец С. 427
 Пешехонов А.В. 23, 53, 54, 62, 78, 174, 175
 Пешехонова 266
 Пешкова Е.П. 256, 270
 Пиленко 123
 Пилиневич В.И. 151
 Пилсудский 285
 Пимкин Михаил Владимирович 319
- Пихно Петр Григорьевич 317
 Платовы 267
 Племянников Николай Александрович 309, 315
 Плеханов А.М. 23, 31
 Плеханов И.А. 248–252
 Поднебесный Георгий Петрович 231–233, 235, 236, 320, 344
 Покровский, историк 273
 Полнер Т.Н. 124, 132, 273
 Попов Александр Николаевич 164, 165
 Попов Анатолий Васильевич, генерал 71, 72, 151
 Португалов В.В. 11, 31, 91, 103, 106, 136, 141, 151, 308, 309, 311, 312, 315, **464–465**
 Постников С.П. 9, 35, 41, 152, 429
 Постникова Е.В. 409–411
 Потехин А.А. 5, 6, 195, 199, 204, 260, 261, 263–285, 287–294, 296–305, 307, 343, 433
 Потехина Е.А. 297, 301
 Потресов А.Н. 59
 Потто Д.Ф. 280, 289, 290, 293, 294, 296–300, 303–307
 Почкунин А. 351
 Пошивалов М. 323
 Прокопович С.Н. 45, 52, 53, 59, 60, 63, 68, 71, 72, 174, 331, 333, 335
 Протасов Л.Г. 10
 Прхала (Lev Prchala) 378, 391
 Прянишников Б.В. 14
 Пуанкаре Р. 57
 Путин В.В. 435
 Путьна 377, 378
- Равич 192
 Радзивиловский 175
 Раевский Н. 88
 Раков 27
 Рафальский С.М. 49
 Риббентроп 224
 Рингман (Ринкман) И.Д. 264–266, 269, 299
 Роговский Е.Ф. 27, 40
 Родзаевский К.В. 351, 356
 Розанов В.Н. 266, 298
 Розенберг В.А. 72
 Розенфельд 161
 Роллан Р. 172
 Романов Михаил 17
 Ростов 118, 120, 121

- Рудин Андрей Карлович 106, 112
 Рудин В.К. 106
 Руднев В.В. 53, 134, 274
 Рыбников А.А. 333, 335
 Рыжкин 136
 Рыков А.И. 116, 117, 245, 334, 336
 Рысс П.Я. 52, 132, 133, 164, 262, 268, 273, 312
 Рышкин А.А. 141
 Рябиков 378
 Рязанцев Н.А. 316
- Сабашников М.В. 116, 117, 121, 156, 209, 212–214
 Савинков Борис Викторович 31, 34, 70, 82, 106, 111, 112, 318, 433
 Савинков Виктор Викторович 112
 Савицкий И.П. 135, 433
 Савицкий Н.А. 385
 Савицкий П.Н. 359, 389, 403, 409, 433
 Савич Н.В. 38
 Садовников И.А. 191
 Садырин П.А. 276, 331, 335, 336
 Саломатов П.Т. 29, 175, 256, 332, 336
 Самбуров Н.Н. 415, 418, 419, 422
 Самойлович 107
 Сафонов 420
 Саханев В.В. 388
 Свириденко Ю.П. 14
 Святозаров А.П. (Пельхау) 382
 Северов Н.И. 382, 394
 Седаков Б.В. 8, 11, 28, 136, 141, 166, 180, 317, 318, 321, 338, 340, 345, 346, 350, 352, 360, 362, 366–369, 374–377, 381–383, 385, 388, 389, 391–394, 399, 401–403, 411, 420–422, **465–466**
 Семенов Б.К. 202, 230–233, 236, 237, 319–322, 345, 367, 392, 393, 405, 422, **466**
 Семенов Б.А. 202, 321
 Сергей митрополит 220, 221
 Сергей Старгородский, митрополит 216
 Сивтонов Владимир Николаевич 269
 Сидорин, генерал 72
 Сили 161
 Симано 401
 Скоблин Н.В. 343
 Скоблин, генерал 399
 Скрипка 387
 Сладек З. 400
 Слиндер майор 373
- Слиозберг 312
 Словатинский А.С. 227
 Слоним 318
 Смагин А. 356
 Смирнов И.П. 56
 Смирнов комиссар 28
 Соколов Б.Ф. 25, 26, 43, 123, 141, 240, 414, **466–468**
 Соколов Г.Г. 309, 316–318, 387
 Соколов М.В. 13
 Солженицын А.И. 406
 Соловский И. 320
 Соловьев П. 323
 Солоневич И.Л. 50, 386, 387
 Сомов 266
 Сорока 207
 Сорочкин П.А. 21–23, 29, 30, 43–45, 49, 50, 56–58
 Сорочкин-Ковалев Ф.Д. 247, 250, 251
 Софронов Степан 413
 Сохацкий-Чешейко Ежи 103
 Соцков Л.Ф. 371
 Спенсер Г. 33
 Сталин И.В. 76, 183, 192–194, 207, 209, 210, 224, 239, 243–246, 255, 256, 280, 303, 304, 307, 335, 336, 358, 361, 375, 386, 390, 391, 409, 426, 431, 432, 434
 Сталинский Е. 76, 341
 Стамболийский 36
 Стенцель 331, 335
 Степанов М.А. 226
 Стоилов И.И. 327, 406, 407, 414
 Столыпин 408
 Стрижев М.М. 362–366
 Струве П.Б. 132, 133, 143–145, 312
 Струков Б.Г. 243, 245
 Стрижбинский 114
 Сулима 309
 Суханов Н.Н. 174, 333
 Сухарев Ю. 11
 Сыпченко А.В. 69
 Сыроежкин Г.С. 102, 111, 118, 121
- Таликовский Р. 156
 Талин В. (Португейс) 133
 Тарнавская Мария 82
 Татары 282, 284–287
 Татаринов В.Е. 11, 12, 270, 311, 329, 337, 342, 345, 348, 356, 358, 382–385, 389, 401, 415, 421, **468–469**

- Теннсон 231, 233
 Теодорович И.А. 336
 Тепляков А.Г. 14
 Терещенко 25, 312
 Терновская Н.П. 188–191
 Тикеев М.Д. 12
 Тимашев Н.С. 45
 Тимофеев 326
 Тимофеев С.Т. 114
 Титов 42, 63
 Титов А.А. 268
 Тихоницкий Е.М. 311, 323
 Толпыго Б.Н. 216–219
 Толпыго Н.А. 217
 Толстой Л.Н. 172
 Томан Ю. 356
 Томшу Тамара 122
 Трепов А.Ф. 73
 Тронов 106
 Трофимов П.М. 279
 Трофимов С.И. 311, 322, 323, 344
 Трофимова Катерина 100
 Троцкий Л.Д. 20, 390
 Туган-Барановский М.И. 175
 Туманов или Тупалов 161
 Тумшис М.А. 14, 226
 Туринцев 106, 112
 Тухачевский М.Н. 28, 378, 389
- Угримов А.И. 56, 331
 Ульманис К. 324
 Урядова А.В. 10
 Ушаков Ф.И. 347
- Федоров А. сотр. ОГПУ 111
 Федоров А.И. 327, 328
 Федоров Б.Ф. 266
 Федоров М.В. 157
 Федоров М.М. 123, 132, 133, 262, 268, 271, 273, 275, 290, 312
 Федоров-Давыдов 101, 102
 Федотов Г.П. 386
 Федюк В.П. 10
 Фельштинский Ю.Г. 19
 Философов Д.В. 106, 111–113, 128, 134, 199, 261, 281, 282, 284, 285, 287–289, 308–310, 317
 Фицпатрик Ш. 15
 Флейшман Б. 14
 Флорианский Г. 327
- Флоринский 136
 Фомин А. 319, 320
 Фомичев Иван Терентьевич 107, 111
 Фомичев (Лидин) М.М. 420
 Фомичева Анфиса Павловна 111, 118
 Фондаминский И.И. 35, 53, 274, 312
 Фосс К.А. 280, 289, 291
 Фридьев М.Е. 12, 381, **469**
- Халуца 378, 391
 Харжевский В.Г. 196, 276, 279–282, 284–293, 301, 303.
 Харламов В.А. 60, 63, 72, 78, 82, 89, 93, 112, 113, 148, 359
 Хитыков А.А. 328, 329
 Ходорович Ян 296
 Хольмсен 110
 Храевич Константин Иерофеевич (Ерофеевич). 11, 242, 345, 349, 358, 381 388, 399, 404
 Христофорович П.П. 101, 102
 Хрушев Н.С. 426, 430
- Царапкин С.Р. 234, 254, 257, 342, 399, **469–470**
 Царик Г.И. 137, 141, 228, 344, 345, 354, 405
 Цедербаум Ф.И. 103
 Церазов А.А. **470**
 Церетели И.Г. 270, 417
 Цуриков Н.А. 263, 268, 277–279, 289, 291, 301, 305–307, 408
 Цурканович И.Ю. 324
- Чайковский Н.В. 20, 26, 27, 42, 55, 62, 63
 Чаплин Н. 26
 Чаянов А.В. 10, 31, 238, 255, 256, 258, 330–335, 336
 Чаянова О.М. 330
 Чебаков С.М. 56, 57
 Чевдарь (Чевдар) Эраст Константинович 406, 418, 419, 422, **470**
 Чекатовский 110
 Челинцев А.А. 174
 Челинцев А.Н. 330
 Челищев В.Н. 242, 330, 345, 350, 353, 354, 357, 398, **470–471**
 Червинский 283
 Чернавин 294, 295
 Чернов В.М. 21, 26, 128, 131, 271, 318

Именной указатель

- Черножитский 387
Черный 295, 296
Чернышев Д. 123
Чернышевич 387
Чехиров В.Г. 289
Чиерны 62
Чириков 274
Чолганский Л.Э. 56
Чудаков П. 327
Чхеидзе Н.К. 389
- Шафран 100
Шварц 114
Шебу Ян 122 , 197
Шевелев Г.В. 116, 117, 194, 209, 212, 214
Шевченко 106
Шевчук Владимир 387
Шелиговский 199
Шешеня 106
Шинкевич Ф.Ф. 261, 262, 267
Шкаренков Л.Г. 9
Шпис М.И. 406
Шпис Марья Романовна 234
Шпиц М.Р. 238
Шполянская Н.Н. 269
Штальберг-Градов 372
Штреземан Г. 57
Штурм 118
Шульгин В.В. 159, 161, 226, 397, 399, 433
- Щагин Э.М. 12, 15
Щепихин 72
Щепкин 266
Щурченев 104
- Эмирский 207
Энгельгардт Б.А. 323, 326
- Ювеницкий А.А. 389, 412, **471**
Югов 174
Юнус А.М. 102
Юренев 261, 274
Юровский Л.Н. 174, 276, 333, 335
Юрьев 274
- Ягода Г.Г. 187, 280
Яковенко Н.М. 344, 387, 405, 406
Яковлев 105, 106
Яковлев Борис 111
Яковлев В. 323
Яковлева Т.А. 13
Якубец 196, 197
Якушев Александр 208
Яндера 378, 391
Яневский Б.В. 269
Янсон А.К. 319, 321
Ярославский Е. 342
Ященко 318
- Hauser Josef 410

Благодарность

Автор благодарит тех, без кого эта книга не могла бы появиться:

мою жену Марину Соколову, моральной поддержкой и своим самоотверженным трудом сделавшую немногим меньше автора для появления этой книги;

мою маму Нину Андреевну Соколову, напоминавшую о моих профессиональных планах;

к счастью, потворствовавшего автору, и к несчастью, безвременно ушедшего от нас моего друга и коллегу по «Радио Свобода» Владимира Бабурина;

первого ректора РГГУ профессора Ю.Н. Афанасьева, профессоров А.Б. Безбородова, В.Д. Зимину, П.Н. Базанова, О.В. Будницкого, доктора филологических наук Е.А. Осминину, доцента Ю.С. Цурганова, сотрудника «Радио Свобода» И.Н. Толстого, — консультировавших автора;

заместителя председателя совета РГНФ, члена-корреспондента РАН Ю.Л. Воротникова;

академика Г.Н. Севастьянова;

сотрудников отдела Русского зарубежья ГАРФ во главе с Л.И. Петрушевой;

сотрудников Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына В.А. Москвина, О.А. Коростелева и М.Ю. Сорокину;

организатора «Нансеновских чтений» М.Н. Толстого;

сотрудников ЦА ФСБ во главе с доктором юридических наук В.С. Христофоровым;

сотрудников Бахметьевского архива (США), архива Лондонской школы экономики, Славянской библиотеки, Национального и Литературного архива в Праге.

Особая благодарность — тем моим друзьям в Чехии, России, США и Великобритании, которые предоставили автору столь нужное разрешение на пользование архивными материалами и документами из архива ФСБ РФ, документами из личных собраний и семейных архивов, помогли с доступом в архивы и переводами.

К сожалению, уже нет с нами Георгия Александровича Малахова и его сестры Гали Александровны Вальна (Малаховой), Татьяны Сергеевны Масловой, Владимира Николаевича Быстрова. Спасибо их родным и близким.

Огромное спасибо за помощь:

доктору психологии Катерине Ирмановой, инженеру Владимиру Седакову, магистру Анастасии Копрживовой, доктору филологии Милуше Бубенниковой, юристу и журналисту Дане Мазаловой, директору Славянской библиотеки в Праге Лукашу Бабке, сотрудникам «Радио Свобода» Ефиму Фиштейну и Татьяне Пржикрыловой, научному редактору Николаю Белову;

моим друзьям — Михаилу и Ирэне Вайнблат, Владимиру Тодресу и Флориане Фоссаго;

и всем, чьи имена я здесь не упомянул, но кто помог состояться занявшему почти 7 лет моей жизни проекту возвращения России небольшого, но важного осколка ее исторической памяти.

Оглавление

Вступление	3
Предисловие	7

Глава I

Точка отсчета. Откуда пошли «крестьянские либералы»? Создание группы «Крестьянская Россия» и ее деятельность в составе Республиканско-демократического союза (1920–1928 гг.)

1.1. Создание группы «Крестьянская Россия». Деятельность лидеров группы С.С. Маслова, А.А. Аргунова и А.Л. Бема. Новый для русской эмиграции социально-либеральный проект (1921–1922 гг.)	17
1.2. Первая коалиция: «крестроссы» + эрдеки. Создание коалиционного Республиканско-демократического союза (1922 – декабрь 1923 г.)	51
1.3. Эволюция или революция? «Крестьянская Россия» в составе РДС (1924–1927 гг.)	70
1.4. Кризис блока. Партия для крестьянства. Создание партии «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия (1927 г.)	135

Глава II

Партия для русского крестьянства. Деятельность КР-ТКП как самостоятельной эмигрантской организации (1928–1934 гг.)

2.1. «Опус» для дела. КР-ТКП и «Организация по установлению связи» (1927–1930 гг.)	154
2.2. Активизм — в защиту русской деревни. КР-ТКП и ее союзники — в борьбе против коллективизации в СССР (1929–1932 г.)	240
2.3. От пропаганды активизма — к активистскому действию. Сторонники журнала «Борьба за Россию» в 1928–1931 гг.	262
2.4. Русские крестьяне в европейских парламентах. Работа организации КР-ТКП в Польше и дочерних крестьянских партий в Латвии, Эстонии и Подкарпатской Руси (1922–1932 гг.)	308
2.5. Первый раскол. КР-ТКП в период коалиции с берлинскими кадетами и группой И.В. Гессена и совместного издания в Берлине газеты «Руль» (1930–1931 гг.)	326
2.6. Миф о «ТКП» и «Крестьянская Россия». Сталинская фабрикация дела «Трудовой крестьянской партии (Н.Д. Кондратьева – А.В. Чаянова) в СССР и эмигрантская КР-ТКП	330

2.7. Зачем КР-ТКП взяла «Руль»? «Крестьянская Россия» в блоке с берлинской группой правых кадетов в 1931 г.	337
2.8. Головокружение от успехов. Второй раскол. II съезд «Крестьянской России» и выход из партии группы А.А. Аргунова и А.Л. Бема (1932–1934 гг.)	344

Глава III

Победа вождизма. КР-ТКП как лидерская организация С.С. Маслова (1934–1953 гг.)

3.1. Партия под «Знаменем России». Политическая и издательская деятельность КР-ТКП в 1933–1937 гг.	361
3.2. Сталин против Маслова. КР-ТКП и Московские процессы (1936–1938 гг.)	387
3.3. Деньги для крестьянской революции. КР-ТКП и ее спонсоры в Европе в 30-е гг.	395
3.4. Гестапо и «Смерш» против «Крестьянской России». Трагедия КР-ТКП: репрессии против членов партии в Чехословакии, Германии и Китае	402
3.5. Недолгое возрождение «Крестьянской России». КР-ТКП в США и советские агенты (1948–1960 гг.)	414
Заключение	429
Персоналии	437
Примечания	472
Список источников и литературы	524
Именной указатель	538
Благодарность	548

Научное издание

Михаил Владимирович Соколов

СОБЛАЗН АКТИВИЗМА

Русская республиканско-демократическая
эмиграция 20–30-х гг. XX века
и ОГПУ СССР

ISBN 978-5-91172-039-1

«Издательский центр «Азбуковник»
119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр. 2

Подписано в печать 06.04.2011 г. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 35,375. Тираж 800 экз.
Заказ № 189.

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Михаил Соколов родился в 1962 г. в Петрозаводске (Карелия). Закончил факультет журналистики МГУ по кафедре истории русской журналистики в 1984 г. Работал в еженедельнике «Собеседник». Сотрудничает с Радио Свобода с 1990 г. Политический обозреватель Радио Свобода. Ответственный редактор специальных программ московского бюро РС. Редактор и ведущий программ «Время политики» и «Продолжительность жизни». Автор работ по истории русской эмиграции XX века.